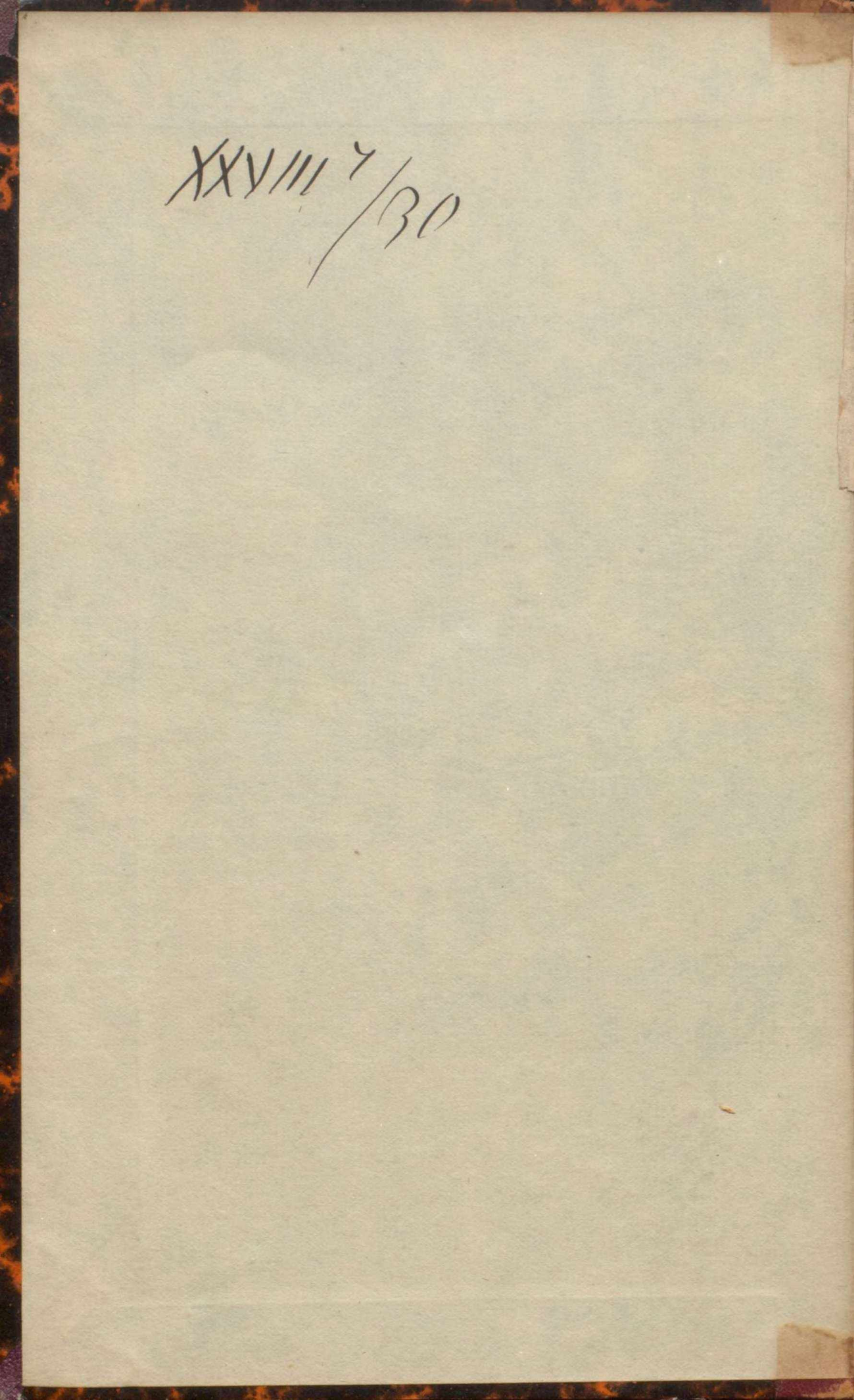

в 942 и ссылки

ИСТОРІЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ

ВЪ

АНГЛІИ.

БОКЛЬ.

ИСТОРІЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ ВЪ АНГЛІИ.

Томъ I.

ПЕРЕВОДЪ

А. Н. Буйницкаго и Ѳ. Н. Ненарокомова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Юлія Андреевича Бокрама,
по Большой Московской, № 4.
1866.

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Обзоръ вспомогательныхъ средствъ для изученія исторіи. Доказательства правильности человѣческихъ дѣйствій. Дѣйствія эти управляются духовными и физическими законами, отчего необходимо изученіе и тѣхъ и другихъ, и не можетъ быть исторіи безъ естественныхъ наукъ.

Изъ всѣхъ главныхъ отраслей человѣческаго знанія наиболѣе было писано по отдѣлу исторіи, которая всегда пользовалась самою большою популярностью. И всѣ повидимому того мнѣнія, что успѣхъ историковъ соотвѣтствовалъ вообще ихъ трудолюбію и что, если много изучали этотъ предметъ, то многое и разгадали въ немъ.

Эта увѣренность въ достоинствѣ исторіи чрезвычайно распространена, что мы видимъ изъ того, какъ много ее читаютъ и какое мѣсто она занимаетъ во всѣхъ системахъ воспитанія. И нельзя не согласиться, что, съ извѣстной точки зрѣнія, такая увѣренность совершенно извинительна; нельзя не согласиться, что собраны такіе матеріалы, которые, разсматриваемые въ совокупности, представляютъ зрѣлище богатое и внушающее уваженіе. Политическія и военныя лѣтописи всѣхъ значительныхъ странъ Европы и бо́льшей части странъ, лежащихъ внѣ Европы, тщательно собраны, слиты въ приличную форму и довольно хорошо изслѣдованы относительно лежащей въ основаніи ихъ достовѣрности. Большое обращено вниманіе на исторію законодательства, а также на исторію религіи; въ то же время употребленъ значительный, хотя меньшій, трудъ на изслѣдованіе успѣховъ науки, лите-

ратуры, изящныхъ искусствъ, полезныхъ изобрѣтеній и, наконецъ, нравовъ и удобствъ жизни народа. Для бо̀льшаго ознакомленія насъ съ прошедшимъ, разсмотрѣны всякаго рода древности: разрыты мѣстности древнихъ горо̀довъ, открыты и разобраны монеты, списаны надписи, возобновлены алфавиты, разгаданы іероглифы и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, возсозданы и возстановлены давно забытые языки. Открыты нѣкоторые изъ законовъ, управляющихъ измѣненіями человѣческой рѣчи, и открытіе это, въ рукахъ филологовъ, послужило къ уясненію самыхъ темныхъ періодовъ раннихъ переселеній народовъ. Политическая экономія, возведенная на степень науки, пролила значительный свѣтъ на причины того неравномѣрнаго распредѣленія богатства, которое служитъ самымъ обильнымъ источникомъ общественнаго неустройства. Статистика такъ тщательно разработана, что мы имѣемъ самыя обширныя свѣденія не только о матеріальныхъ интересахъ людей, но и объ ихъ нравственныхъ особенностяхъ, какъ-то: объ итогѣ различныхъ преступленій, о пропорціи, въ какой они находятся одни къ другимъ, и о вліяніи на нихъ возраста, пола, воспитанія и т. п.

Отъ этого великаго движенія не отстала и физическая географія: записаны климатическія явленія, измѣрены горы, начерчено теченіе рѣкъ, которыя изслѣдованы до истоковъ; всякаго рода естественныя произведенія тщательно изучены и раскрыты ихъ сокровенныя свойства; между тѣмъ, химически разложены всѣ роды пищи, поддерживающей жизнь, сочтены и свѣшены ея составныя части и, во многихъ случаяхъ, приведено въ достаточную извѣстность свойство связи, въ которой они находятся съ человѣческимъ организмомъ. Въ то же время, чтобы ничего не упустить изъ виду, что только можетъ расширить познанія наши во всемъ, касающемся до человѣка, начаты обстоятельныя изысканія и по многимъ другимъ отраслямъ. Такъ, относительно самыхъ образованныхъ народовъ, намъ извѣстны въ настоящее время пропорціи смерт-

ности, браковъ, рожденій, роды занятій, колебанія въ задѣльной платѣ и въ цѣнахъ на необходимыя жизненныя потребности. Эти и подобные имъ факты собраны, приведены въ систему и готовы для употребленія. Такіе выводы, которые составляютъ какъ-бы анатомію народа, замѣчательны по своей крайней точности; къ нимъ же присоединены другіе, менѣе точные, но болѣе обширные. Не только записаны дѣйствія и характеристическія черты великихъ народовъ, но огромное число различныхъ племенъ, во всѣхъ частяхъ извѣстнаго свѣта, посѣщены и описаны путешественниками, такъ что мы можемъ сравнивать состояніе рода человѣческаго на всѣхъ ступеняхъ цивилизаціи и при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Если мы прибавимъ къ этому, что любопытство, возбуждаемое въ насъ нашими собратіями, повидимому ненасытимо, что оно постоянно возрастаетъ, что возрастаютъ также и средства удовлетворенія его и что бо́льшая часть сдѣланныхъ наблюденій еще сохраняются, то всетаки получимъ слабое понятіе о громадной цѣнности той обширной массы фактовъ, которою мы уже обладаемъ и съ помощью которой должно изучать ходъ развитія человѣчества.

Но еслибъ, съ другой стороны, мы стали описывать употребленіе, сдѣланное изъ этихъ матеріаловъ, то намъ пришлось бы изобразить совсѣмъ другую картину. Печальная особенность исторіи человѣка заключается въ томъ, что хотя ея отдѣльныя части разсмотрѣны съ значительнымъ умѣніемъ, но едва-ли кто пытался слить ихъ въ одно цѣлое и привести въ извѣстность существующую между ними связь. Во всѣхъ другихъ великихъ отросляхъ изслѣдованія, необходимость обобщенія допускается всѣми и дѣлаются благородныя усилія возвыситься надъ частными фактами съ цѣлію открыть законы, которыми факты эти управляются. Но историки такъ далеки отъ усвоенія себѣ этого воззрѣнія, что между ними преобладаетъ странное понятіе, будто ихъ дѣло только разсказывать факты, по временамъ оживляя ихъ такими политическими и

нравственными разсужденіями, какія имъ кажутся наиболѣе полезными. По такой теоріи, любому писателю, который, по лѣности мысли или по врожденной неспособности, не въ силахъ совладать съ высшими отраслями знанія, стòитъ только употребить нѣсколько лѣтъ на прочтеніе извѣстнаго числа книгъ, и онъ сдѣлается историкомъ, и онъ въ состояніи будетъ написать исторію великаго народа, и сочиненіе его станетъ авторитетомъ по тому предмету, на изложеніе котораго оно будетъ имѣть притязаніе.

Установленіе такого узкаго мѣрила повело къ послѣдствіямъ весьма вреднымъ для успѣховъ нашего знанія. Благодаря этому обстоятельству, историки, какъ корпорація, никогда не признавали необходимости такого обширнаго предварительнаго изученія, которое давало бы имъ возможность обхватить свой предметъ во всей цѣлости его естественныхъ отношеній. Отсюда странное явленіе, что одинъ историкъ невѣжда въ политической экономіи, другой не имѣетъ понятія о правѣ, третій ничего не знаетъ о дѣлахъ церковныхъ и перемѣнахъ въ убѣжденіяхъ, четвертый пренебрегаетъ философіею статистики, пятый естественными науками, между тѣмъ, какъ эти предметы имѣютъ самую существенную важность въ томъ отношеніи, что они объемлютъ главныя обстоятельства, которыя имѣли вліяніе на нравъ и характеръ человѣчества и въ которыхъ проявляются этотъ нравъ и этотъ характеръ. Эти важные предметы, будучи разработываемы одинъ однимъ, другой другимъ человѣкомъ, скорѣе разъединялись, чѣмъ соединялись; помощь, которую могли бы оказать аналогія и взаимное уясненіе одного предмета другимъ, терялась и не было видно ни малѣйшаго побужденія сосредоточить всѣ эти предметы въ исторіи, которой, собственно говоря, они составляютъ необходимые элементы.

Правда, что съ первой половины XVIII столѣтія появилось нѣсколько великихъ мыслителей, которые оплакивали отсталость исторіи и сдѣлали все, что могли, чтобы пособить

этому злу. Но случаи эти были чрезвычайно рѣдки, такъ рѣдки, что во всей литературѣ Европы найдется не болѣе трехъ или четырехъ истинно оригинальныхъ сочиненій, проявляющихъ систематическое стремленіе къ изученію исторіи человѣка, по тѣмъ изчерпывающимъ методамъ, которые были примѣнены съ такимъ успѣхомъ къ другимъ отраслямъ знанія и которые одни даютъ возможность возвести эмпирическія наблюденія на степень научныхъ истинъ.

Начиная съ XVI столѣтія и особенно въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ, замѣчаемъ мы вообще у историковъ разные признаки болѣе обширнаго взгляда и рѣшимости вводить въ свои сочиненія такіе предметы, которые они прежде исключили бы изъ нихъ. Вслѣдствіе этого, содержаніе ихъ сочиненій стало разнообразнѣе и самое уже собраніе въ нихъ и соотвѣтственное расположеніе параллельныхъ фактовъ наводило иногда на такія обобщенія, какихъ мы не можемъ найти ни малѣйшаго слѣда въ ранней литературѣ Европы. Это былъ большой выигрышъ, въ томъ отношеніи, что историки, освоившись съ болѣе обширною сферою мышленія, стали смѣлѣе предаваться тѣмъ умозрѣніямъ, которыя хотя и употребляются иногда во зло, но составляютъ существенное условіе всякаго истиннаго знанія, ибо безъ нихъ не можетъ быть построена никакая наука.

Но не смотря на то, что стремленія исторической литературы въ настоящее время конечно утѣшительнѣе, чѣмъ были въ какой либо изъ предшествовавшихъ вѣковъ, должно сознаться, что, за весьма немногими исключеніями, это только одни стремленія и что до сихъ поръ едва-ли было что сдѣлано для открытія началъ, управляющихъ характеромъ и судьбою народовъ. То, что было дѣйствительно сдѣлано, я постараюсь оцѣнить въ другой части этого введенія, теперь же достаточно сказать, что, для всѣхъ высшихъ цѣлей человѣческаго мышленія, исторія еще жалко несостоятельна и представляетъ безпорядокъ и неустройство, свойственные пред-

мету, законы котораго неизвѣстны и самое основаніе котораго еще не установлено.

При столь неполномъ знакомствѣ нашемъ съ исторіею, не смотря на такое изобиліе матеріаловъ, слѣдуетъ, кажется, желать, чтобы что нибудь было предпринято въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ предпринималось до сихъ поръ, и чтобы сдѣлано было энергическое усиліе поднять эту великую отрасль изслѣдованія на одинъ уровень съ другими и дать намъ возможность удержать равновѣсіе и гармонію въ нашемъ знаніи. Въ этомъ духѣ и было задумано настоящее сочиненіе. Совершенное выполненіе задуманнаго невозможно, тѣмъ не менѣе я надѣюсь сдѣлать для исторіи человѣка что нибудь равносильное или по крайней мѣрѣ сходное съ тѣмъ, что было сдѣлано другими изслѣдователями для разныхъ отраслей естественныхъ наукъ. Въ природѣ, явленія повидимому самыя неправильныя и случайныя были объяснены и подведены подъ извѣстные неизмѣнные и общіе законы. Это произошло оттого, что люди съ дарованіями и, что̀ важнѣе всего, терпѣливыя и неутомимые мыслители, изучали физическія явленія съ цѣлью открыть въ нихъ правильность; еслибъ было обращено такое же вниманіе и на явленія въ жизни людей, то мы были бы въ полномъ правѣ ожидать подобныхъ результатовъ. Ибо ясно, что тѣ, которые утверждаютъ, будто историческіе факты не способны къ обобщенію, принимаютъ за рѣшенное дѣло то, что составляетъ еще вопросъ. Они дѣлаютъ еще лучше: они утверждаютъ то, что̀ не въ силахъ доказать, и что̀, при настоящемъ состояніи знанія, даже въ высшей степени неправдоподобно. Всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ тѣмъ, что было сдѣлано въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій, долженъ былъ замѣтить, что каждое поколѣніе открывало правильность и возможность предсказаніи какихъ-нибудь событій, почитавшихся въ предшествовавшемъ поколѣніи неправильными и непредвидимыми. И такъ успѣхи цивилизаціи ведутъ явнымъ образомъ къ под-

крѣпленію нашего вѣрованія въ существованіе во всемъ порядка, метода и закона. Изъ этого слѣдуетъ, что если какіе нибудь факты или разряды фактовъ еще не были подведены подъ правило, то мы далеко не можемъ объявлять ихъ неподходящими подъ правило, а должны скорѣе допустить, руководствуясь предшествовавшими опытами, что то, что мы называемъ теперь необъяснимымъ, будетъ, по всей вѣроятности, объяснено со временемъ. Это ожиданіе открыть правильность среди безпорядка до такой степени сродно людямъ ученымъ, что у замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ оно переходитъ въ вѣрованіе, и если мы не встрѣчаемъ того же вообще у историковъ, то должны приписать это частью ихъ меньшему знанію дѣла, сравнительно съ естествоиспытателями, частью же большей сложности общественныхъ явленій, составляющихъ предметъ ихъ изученія.

Обѣ эти причины замедлили зарожденіе науки исторіи. Знаменитѣйшіе историки стоятъ очевидно ниже искуснѣйшихъ естествоиспытателей: никто изъ людей, посвящавшихъ себя исторіи, не можетъ быть сравненъ по уму съ Кеплеромъ, Ньютономъ и др. Между тѣмъ, со стороны большей сложности изучаемыхъ явленій, историкъ-философъ встрѣчаетъ трудности гораздо страшнѣе тѣхъ, съ которыми борется естествоиспытатель, потому что, съ одной стороны, въ его наблюденіяхъ болѣе возможны ошибки, происходящія отъ предубѣжденія и страсти, съ другой же, онъ не располагаетъ великимъ физическимъ пособіемъ опыта, съ помощью котораго мы часто бываемъ въ состояніи упростить самыя запутанныя задачи въ области внѣшняго міра.

По этому, не удивительно, что изученіе явленій въ жизни человѣка находится еще въ младенчествѣ, сравнительно съ успѣхами изученія явленій природы. И въ самомъ дѣлѣ, различіе между успѣхами этихъ двухъ изученій такъ велико, что въ естественныхъ наукахъ правильность явленій и возможность предсказанія ихъ часто признаются несомнѣнными

даже въ случаяхъ, еще не подвергавшихся повѣркѣ, между тѣмъ, какъ въ исторіи подобная правильность не только не признается впередъ доказанною, но положительнымъ образомъ отвергается. Отсюда происходитъ, что всякій, кто желалъ бы поднять исторію на одинъ уровень съ другими отраслями знанія, встрѣчаетъ съ перваго шага препятствіе: ему говорятъ, что въ дѣлахъ человѣческихъ есть нѣчто таинственное, роковое, дѣлающее ихъ непроницаемыми для нашихъ изслѣдованій и навсегда заслоняющее отъ насъ ихъ дальнѣйшій ходъ. На это достаточно было бы отвѣчать, что такое положеніе произвольно, что оно, по самому существу своему, не можетъ быть доказано и что, кромѣ того, ему противорѣчитъ тотъ разительный фактъ, что во всякомъ другомъ изученіи, увеличеніе знанія сопровождается усиленіемъ увѣренности въ однообразіи, съ какимъ, при тѣхъ же условіяхъ, должны слѣдовать одно за другимъ тѣ же явленія. Но лучше будетъ, если мы вникнемъ поглубже въ это затрудненіе и прямо изслѣдуемъ основаніе обыкновенно высказываемаго мнѣнія, будто исторія должна оставаться въ своемъ теперешнемъ эмпирическомъ состояніи и никогда не можетъ быть возведена на степень науки. Мы придемъ такимъ образомъ къ одному важному вопросу, лежащему въ основаніи всего этого дѣла, а именно: управляются ли дѣйствія людей, а слѣдовательно и обществъ, неизмѣнными законами, или же они составляютъ результатъ случая или сверхъестественнаго вмѣшательства? Разборъ этихъ двухъ предположеній поведетъ насъ къ нѣкоторымъ умозрѣніямъ, не лишеннымъ интереса.

Объ этомъ предметѣ есть два ученія, которыя повидимому представляютъ собою различныя ступени цивилизаціи. По первому, каждое событіе составляетъ нѣчто отдѣльное, изолированное и разсматривается какъ результатъ слѣпаго случая. Мнѣніе это, весьма естественное въ совершенно невѣжественномъ народѣ, вскорѣ поколебалось бы съ пріобрѣтеніемъ извѣстной опытности, приводящей къ познанію того однообра-

зія въ послѣдовательности и совпаденіи явленій, которое постоянно представляется въ природѣ. Еслибы, напримѣръ, кочующія племена, необнаруживающія никакихъ признаковъ цивилизаціи, жили исключительно охотою и рыбною ловлею, то они легко могли бы предположить, что появленіе необходимой для нихъ пищи было результатомъ какого нибудь случая, не подлежащаго никакому толкованію. Непостоянство въ снабженіи ею и кажущаяся произвольность появленія ея то въ изобиліи, то въ скудномъ количествѣ, мѣшали бы имъ заподозрѣть въ дѣйствіяхъ природы нѣчто въ родѣ метода; умъ ихъ не могъ бы даже постичь тѣхъ общихъ началъ, которымъ подчиняется порядокъ явленій и познаніе которыхъ даетъ намъ часто возможность предсказать будущій ходъ этихъ явленій. Но когда такія племена переходятъ къ занятію земледѣліемъ, то они впервые начинаютъ употреблять пищу, которой не только появленіе но и самое существованіе составляетъ, повидимому, результатъ ихъ собственной дѣятельности. Они что сѣютъ, то и жнутъ. Снабженіе ихъ необходимыми предметами пищи приходитъ въ болѣе непосредственную зависимость отъ ихъ самихъ и становится болѣе осязательнымъ послѣдствіемъ ихъ собственнаго труда. Они видятъ опредѣлительный планъ и правильное однообразіе послѣдствій изъ того отношенія, въ которомъ находится влагаемое ими въ почву сѣмя къ выростающему изъ него колосу. Они получаютъ теперь возможность смотрѣть на будущее, если еще не съ полною довѣренностью, то всетаки съ бо́льшимъ довѣріемъ, чѣмъ питали къ нему при своихъ прежнихъ, менѣе надежныхъ промыслахъ. Тутъ уже возникаетъ смутное понятіе о постоянствѣ явленій и впервые зарождается въ умѣ слабое представленіе того, что̀ въ позднѣйшее время получаетъ названіе законовъ природы. Съ каждымъ шагомъ на пути развитія, воззрѣніе людей на этотъ предметъ становится яснѣе. Обогащаясь наблюденіями и расширяя сферу своихъ опытовъ, они встрѣчаютъ такое одно-

образіе, какого никогда и не подозрѣвали, и открытіе это ослабляетъ то вѣрованіе въ случай, отъ котораго они первоначально исходили. Еще не много далѣе, и уже проявляется вкусъ къ отвлеченному мышленію; тогда нѣкоторые изъ нихъ обобщаютъ сдѣланныя наблюденія и, презирая устарѣлое мнѣніе большинства, вѣруютъ, что всякое событіе находится въ неизбѣжной связи съ предшествовавшимъ ему, а это послѣднее тоже связано съ какимъ нибудь предыдущимъ фактомъ, и что такимъ образомъ весь міръ составляетъ необходимую цѣпь, въ которой каждый человѣкъ можетъ играть свою роль, не имѣя однако ни малѣйшей возможности впередъ угадать ее.

И такъ, при обыкновенномъ ходѣ развитія общества, усиливающееся пониманіе правильности природы ниспровергаетъ ученіе о случаѣ и замѣняетъ его ученіемъ о необходимой связи. И мнѣ кажется въ высшей степени правдоподобнымъ, что изъ этихъ двухъ ученій, о случаѣ и о необходимой связи, возникли позднѣе соотвѣтствующіе догматы свободы воли и предопредѣленія. Нетрудно также понять, какимъ образомъ должно было произойти это превращеніе въ болѣе развитомъ обществѣ. Въ каждой странѣ, какъ скоро накопленіе богатства достигаетъ въ ней извѣстнаго предѣла, произведеніе труда каждаго человѣка становится болѣе чѣмъ достаточнымъ для содержанія его самого; слѣдовательно, прекращается необходимость въ томъ, чтобы всѣ работали, и образуется отдѣльный классъ, члены котораго проводятъ жизнь большею частью въ преслѣдованіи удовольствій и только весьма не многіе занимаются пріобрѣтеніемъ и распространеніемъ знанія. Въ числѣ этихъ послѣднихъ всегда бываютъ такіе, которые, пренебрегая явленіями внѣшняго міра, обращаютъ все свое вниманіе на изученіе своей внутренней природы, и эти люди, если они одарены большими способностями, дѣлаются основателями новыхъ философій и новыхъ религій, имѣющихъ часто огромное вліяніе на тѣхъ, которые принимаютъ ихъ. Но авторы этихъ теорій бываютъ сами подъ вліяніемъ вѣка, въ

которомъ живутъ. Ни одинъ человѣкъ не можетъ освободиться отъ давленія окружающихъ его мнѣній, и такъ называемая новая философія или новая религія состоитъ обыкновенно не въ созданіи новыхъ идей, а скорѣе въ новомъ направленіи идей, уже обращающихся среди современныхъ мыслителей. Такъ, въ занимающемъ насъ въ настоящее время вопросѣ, ученіе о случаѣ, во внѣшнемъ мірѣ, соотвѣтствуетъ ученію о свободѣ воли, во внутреннемъ; между тѣмъ какъ ученіе о необходимой связи имѣетъ подобную же аналогію съ ученіемъ о предопредѣленіи, съ тою только разницею, что первое развивается метафизикомъ, а второе теологомъ. Въ первомъ случаѣ, метафизикъ, исходя отъ ученія о случаѣ, вноситъ это начало произвола и безотвѣтственности въ изученіе человѣческаго духа, и оно является въ этой новой сферѣ подъ именемъ *свободы воли*,—выраженіе, устраняющее повидимому всѣ затрудненія, потому что совершенная свобода, будучи началомъ всѣхъ дѣйствій, сама ни отъ чего не происходитъ, а составляетъ, подобно случаю, окончательный фактъ, не допускающій никакого дальнѣйшаго толкованія. Во второмъ же случаѣ, теологъ беретъ ученіе о необходимой связи и переливаетъ его въ религіозную форму; а такъ какъ умъ его уже полонъ представленіемъ порядка и однообразія, то онъ естественно приписываетъ эту неуклонную правильность предвидѣнію Всемогущаго Существа; и такимъ образомъ, къ возвышенному понятію о Единомъ Богѣ присоединяется догматъ, что имъ съ самаго начала все рѣшительно предопредѣлено и предначертано.

Эти два противоположныя ученія, о свободѣ воли и о предопредѣленіи, представляютъ, безъ сомнѣнія, удобное и простое разрѣшеніе загодочныхъ сторонъ нашего бытія; будучи довольно удобопонятны, они до такой степени по силамъ среднимъ умственнымъ способностямъ человѣка, что даже въ настоящее время между ними подѣлено огромное большинство людей. Ученія эти не только исказили источники нашего знанія, но и породили религіозныя секты, ко-

торыхъ взаимное ожесточеніе производило разстройство въ обществѣ и очень часто отравляло отношенія семейной жизни. Однако, у передовыхъ европейскихъ мыслителей начинаетъ преобладать мнѣніе, что оба ученія эти ложны, или, по крайней мѣрѣ, что мы не имѣемъ достаточныхъ доказательствъ ихъ истины. А какъ это предметъ большой важности, то прежде, чѣмъ мы пойдемъ далѣе, необходимо разъяснить его на столько, на сколько намъ позволятъ трудности, сопряженныя съ этого рода вопросами.

Какому бы ни подлежало сомнѣнію представленное мною объясненіе происхожденія идеи свободы воли и предопредѣленія, во всякомъ случаѣ не можетъ быть спора на счетъ основанія, на которомъ дѣйствительно опираются въ настоящее время эти идеи. Теорія предопредѣленія основывается на теологической гипотезѣ, а теорія свободы воли—на метафизической. Защитники первой исходятъ отъ предположенія, въ подкрѣпленіе которому, — не говоря уже ничего другаго, — они еще не представили ни одного дѣльнаго довода. Они хотятъ, чтобы мы вѣрили, будто Создатель, котораго благость они между тѣмъ охотно признаютъ, установилъ, не смотря на эту свою благость, произвольное различіе между избраннымъ и неизбраннымъ; что Онъ предъ вѣки обрекъ на погибель милліоны созданій, которыя еще не родились и которыхъ Онъ одинъ можетъ вызвать къ бытію; и что Онъ сдѣлалъ это не въ силу какого-нибудь начала справедливости, а чисто по прихоти деспотизма. Это ученіе обязано своимъ упроченіемъ между протестантами мрачному, но мощному уму Кальвина; въ первоначальной же церкви оно было впервые систематически развито Августиномъ, который повидимому заимствовалъ его отъ Манихеянъ. Во всякомъ случаѣ, ученіе это, оставляя даже въ сторонѣ его несовмѣстимость съ другими понятіями, признаваемыми за основныя, должно быть принимаемо въ научномъ изслѣдованіи за гипотезу, потому что, выходя изъ предѣловъ наше-

го знанія, оно не представляетъ намъ ни малѣйшей возможности убѣдиться, истинно оно или ложно.

Другое ученіе, которое долго было прославляемо подъ именемъ ученія о свободѣ воли, находится въ связи съ Арминіанизмомъ, но въ дѣйствительности опирается на метафизическомъ догматѣ преобладанія надъ всѣмъ въ человѣкѣ самосознанія. Каждый человѣкъ, говорятъ намъ, чувствуетъ и знаетъ, что онъ свободный дѣятель, и никакіе остроумные доводы не могутъ поколебать въ насъ сознанія, что мы обладаемъ свободною волею. И вотъ существованіе этой высшей юрисдикціи, которая должна такимъ образомъ находиться въ противорѣчіи со всѣми обыкновенными методами умозаключенія, заставляетъ сдѣлать два допущенія, изъ коихъ одно, хотя можетъ быть вѣрно, но никогда не было доказано, другое же неоспоримо ложно; а именно: что есть самостоятельная способность, называемая самосознаніемъ, и что внушенія этой способности непогрѣшимы. Но, вопервыхъ, вовсе не доказано, что сознаніе есть способность; нѣкоторые изъ умнѣйшихъ мыслителей были того мнѣнія, что это не болѣе, какъ извѣстное состояніе или условіе ума. Если это такъ, то весь аргументъ рушится до основанія, ибо даже допустивъ, что всѣ способности ума, при полномъ упражненіи ихъ, дѣйствуютъ одинаково исправно, всетаки нельзя ожидать отъ нихъ одинаковой дѣятельности при всякомъ состояніи, въ какомъ можетъ случайно находиться нашъ умъ. Но оставивъ въ сторонѣ это возраженіе, мы можемъ сдѣлать другое, сказавъ, что если самосознаніе и есть способность, то мы имѣемъ свидѣтельство всей исторіи, доказывающее крайнюю погрѣшимость этой способности. Всѣ главнѣйшія ступени, по которымъ проходилъ послѣдовательно родъ человѣческій на пути цивилизаціи, отличались извѣстными особенностями ума или убѣжденіями, оставлявшими свой отпечатокъ на религіи, философіи и нравственности вѣка. Каждое изъ этихъ убѣжденій бывало

для однаго періода предметомъ вѣрованія, для другаго—предметомъ посмѣянія, и каждое изъ нихъ находилось въ свое время въ такой же тѣсной связи съ духомъ людей и составляло въ такой же мѣрѣ часть ихъ самосознанія, какъ и то убѣжденіе, которое мы высказываемъ въ настоящее время о свободѣ воли. Между тѣмъ невозможно, чтобы всѣ эти продукты сознанія были истинны, потому что многіе изъ нихъ противорѣчатъ одинъ другому. И такъ, если только нѣтъ для различныхъ вѣковъ различныхъ мѣрилъ истины, то ясно, что свидѣтельство самосознанія человѣка не есть доказательство справедливости какого нибудь мнѣнія, ибо, въ противномъ случаѣ, два предложенія діаметрально противоположныя могли бы быть одинаково вѣрны. Рядомъ съ этимъ доводомъ можно привести другой, заимствованный изъ обыкновенныхъ случаевъ ежедневной жизни. Не сознаемъ ли мы, напримѣръ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, существованіе, призраковъ и привидѣній; а между тѣмъ не признано ли всѣми, что ни призраки, ни привидѣнія вовсе не существуютъ? Если кто попытается опровергнуть этотъ аргументъ, сказавъ, что такое сознаніе есть кажущееся, а не дѣйствительное, то я спрошу тогда: что̀ же рѣшаетъ, какое сознаніе настоящее, а какое поддѣльное? Если эта хваленая способность обманываетъ насъ въ одномъ, то какое мы имѣемъ ручательство, что она не обманетъ насъ и въ другомъ? Если нѣтъ никакого ручательства, то способность не заслуживаетъ довѣрія. Если же есть ручательство, то, каково̀ бы оно ни было, самое существованіе его уже доказываетъ необходимость такой власти, которой бы подчинялось самосознаніе, и, слѣдовательно, опровергаетъ ученіе о преобладаніи надъ всѣмъ самосознанія, ученіе, на которомъ защитники свободы воли должны строить всю свою теорію. И дѣйствительно, неувѣренность въ существованіи самосознанія, въ видѣ самостоятельной способности, и сознаніе того, въ какой мѣрѣ способность эта,—если она дѣйствительно существуетъ,—противо-

рѣчила своимъ собственнымъ внушеніямъ, вотъ двѣ изъ многихъ причинъ, по которымъ я давно уже пришелъ къ убѣжденію, что метафизика никогда не будетъ возведена на степень науки обыкновеннымъ путемъ наблюденій надъ отдѣльными личностями, но что изученіе ея можетъ идти успѣшно лишь путемъ дедуктивнаго примѣненія законовъ, открываемыхъ историческимъ образомъ, т. е. выводимыхъ изъ наблюденія во всей цѣлости тѣхъ обширныхъ явленій, которыя представляетъ нашимъ взорамъ длинный рядъ дѣлъ человѣческихъ.

Но, къ счастію для предмета нашего сочиненія, тотъ, кто вѣруетъ въ возможность науки исторіи, не обязанъ придерживаться ни ученія о предопредѣленіи, ни ученія о свободѣ воли; единственныя положенія, которыя онъ долженъ, мнѣ кажется, принять въ этой области изысканія, суть слѣдующія: когда мы совершаемъ то или другое дѣйствіе, то совершаемъ его вслѣдствіе какого нибудь побужденія или какихъ нибудь побужденій; эти побужденія проистекаютъ изъ какихъ нибудь предшествовавшихъ причинъ и поэтому, если бы мы знали всѣ предшествовавшія причины и законы ихъ измѣненій, то могли бы съ полною достовѣрностью предсказать всѣ ихъ непосредственныя послѣдствія. Вотъ воззрѣніе, котораго, если я не ошибаюсь, долженъ придерживаться всякій, чей умъ не порабощенъ системою и кто основываетъ свои убѣжденія на доказательствѣ, находящемся на лицо. Если, напримѣръ, мнѣ хорошо знакомъ характеръ какого нибудь лица, то я часто бываю въ состояніи сказать, какъ оно будетъ дѣйствовать въ извѣстныхъ обстоятельствахъ. Если я ошибусь въ подобномъ предсказаніи, то не долженъ приписывать свою ошибку произволу или прихоти свободной воли лица, ни какому нибудь сверхъестественному предопредѣленію,—ибо ни для того, ни для другаго нѣтъ ни малѣйшаго доказательства,—а долженъ удовольствоваться предположеніемъ, что или мнѣ сообщены были невѣрныя свѣденія объ условіяхъ, въ которыхъ нахо-

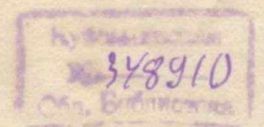
дилось дѣйствующее лицо, или, что я недовольно изучалъ обычныя отправленія его ума. Но еслибъ при способности правильно умозаключать, я имѣлъ полныя свѣденія, какъ о настроеніи лица, такъ и объ обстоятельствахъ, въ которыхъ оно находилось, то я былъ бы въ состояніи предвидѣть рядъ дѣйствій, предпринятыхъ имъ въ силу такихъ обстоятельствъ.

И такъ, отвергая метафизическій догматъ свободы воли и теологическій — предопредѣленія всего случающагося, мы приходимъ къ заключенію, что дѣйствія людей, завися только отъ предшествующихъ причинъ, должны имѣть извѣстный отпечатокъ однообразія, т. е. должны, при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, имѣть совершенно одинаковый исходъ. А какъ всѣ предшествующія причины находятся или внутри духа человѣческаго, или внѣ его, то ясно, что всѣ видоизмѣненія послѣдствій, или, другими словами, всѣ перемѣны, наполняющія исторію, всѣ превратности, постигающія родъ человѣческій—его прогрессъ и его отсталость, его счастье и его бѣдствіе, все должно быть результатомъ двоякаго дѣйствія: дѣйствія внѣшнихъ явленій на духъ человѣка и духа человѣческаго на внѣшнія явленія.

Вотъ единственные матеріалы, изъ которыхъ можетъ быть построена умозрительная исторія. Съ одной стороны, мы имѣемъ человѣческій духъ, который повинуется законамъ своего собственнаго бытія и, будучи поставленъ внѣ вліянія постороннихъ силъ, развивается согласно условіямъ своей организаціи. Съ другой стороны, мы имѣемъ такъ называемую природу, которая тоже повинуется своимъ законамъ, но безпрестанно приходитъ въ столкновеніе съ духомъ людей, возбуждаетъ ихъ страсти, подстрекаетъ ихъ умъ и даетъ такимъ образомъ ихъ дѣйствіямъ то направленіе, котораго они не приняли бы безъ этого посторонняго вмѣшательства. И такъ, мы имѣемъ человѣка, дѣйствующаго на природу, и природу, дѣйствующую на человѣка, а изъ этого взаимнодѣйствія проистекаетъ все, чтò ни случается.

Непосредственная задача наша состоитъ въ изысканіи способа открытія законовъ этихъ двухъ вліяній, и это, какъ мы сейчасъ увидимъ, заставитъ насъ предварительно изслѣдовать, которое изъ вліяній важнѣе, т. е. сильнѣе ли вліяніе физическихъ явленій на мысли и желанія людей, или же вліяніе этихъ послѣднихъ на физическія явленія. Ибо ясно, что болѣе дѣйствительное вліяніе должно быть изслѣдовано первое, а это частью потому, что результаты его сильнѣе выдаются впередъ и, слѣдовательно, удобнѣе наблюдаются, частью же и потому, что если мы сперва обобщимъ законы большей силы, то у насъ останется менѣе необъясненныхъ фактовъ, чѣмъ когда бы мы начали съ обобщенія законовъ меньшей силы. Но прежде, чѣмъ приступить къ этому изслѣдованію, неизлишне будетъ припомнить нѣкоторыя изъ самыхъ разительныхъ доказательствъ правильности, съ которою слѣдуютъ одно за другимъ явленія духовной природы. Это значительно подкрѣпитъ приведенныя выше воззрѣнія и дастъ намъ, въ то же время, возможность видѣть, какого рода средства уже были употреблены въ дѣло для уясненія этого важнаго предмета.

Что полученные до сихъ поръ результаты имѣютъ чрезвычайную цѣнность, это ясно видно не только изъ обширности поверхности, на которой сдѣланы уже обобщенія, но и изъ крайней осмотрительности, съ какою они дѣлались. Ибо, въ то время, какъ большая часть нравственныхъ изслѣдованій находилась въ зависимости отъ какой нибудь теологической или метафизической гипотезы, изслѣдованія, о которыхъ я говорю, являются исключительно индуктивными. Они опираются на почти безчисленномъ количествѣ фактовъ, объемлющихъ многія страны и сведенныхъ въ самую ясную изъ формъ—форму арифметическихъ таблицъ; наконецъ, они были собраны большею частью правительственными лицами, не искавшими въ нихъ поддержки для той или другой теоріи и не имѣвшими интереса искажать истину въ требовавшихся отъ нихъ донесеніяхъ.

Самые обширные выводы, относящіеся до дѣйствій людей, выводы, признаваемые всѣми сторонами за неоспоримые, заимствованы изъ этихъ или подобныхъ имъ источниковъ; они опираются на статистическихъ данныхъ и выражаются языкомъ математическимъ. Всякій, кто только знаетъ, какъ много сдѣлано открытій однимъ этимъ путемъ, долженъ не только признать однообразіе, съ которымъ слѣдуютъ одно за другимъ явленія духовной природы, но и имѣть упованіе, что будутъ сдѣланы еще болѣе важныя открытія, какъ скоро будутъ употреблены въ дѣло тѣ сильныя вспомогательныя средства, которыя представляются въ изобиліи даже при нынѣшнемъ состояніи знанія. Но зачѣмъ заглядывать въ будущія изслѣдованія; въ настоящую минуту насъ занимаютъ только тѣ доказательства существованія однообразія въ дѣлахъ человѣческихъ, которыя впервые представлены были статистиками.

Дѣйствія людей раздѣляются легко и наглядно на два класса: на добродѣтельныя и порочныя; какъ эти классы находятся въ соотношеніи между собою и, взятые вмѣстѣ, составляютъ весь итогъ нашей нравственной дѣятельности, то поэтому все, что увеличиваетъ одинъ классъ, уменьшаетъ, съ относительной точки зрѣнія, другой; такъ если намъ удастся въ какой нибудь періодъ времени замѣтить однообразіе и нѣкоторую послѣдовательность въ проявленіи пороковъ какого нибудь народа, то должна быть соотвѣтствующая правильность и въ проявленіи его добродѣтелей, или, еслибъ мы могли доказать правильность въ проявленіи его добродѣтелей, то естественнымъ образомъ предположили бы такую же правильность и въ проявленіи его пороковъ; ибо эти двѣ категоріи дѣйствій, по условію самаго дѣленія ихъ, служатъ дополненіемъ одна другой; или,—выражая это предложеніе иначе,—ясно, что еслибъ можно было доказать, что дурныя дѣйствія людей видоизмѣняются подъ вліяніемъ перемѣнъ, происходящихъ въ окружающемъ ихъ обществѣ, то мы должны были бы заключить

изъ этого, что и хорошія дѣйствія ихъ, составляющія какъ бы остатокъ за вычетомъ дурныхъ, видоизмѣняются такимъ же образомъ; мы должны были бы придти далѣе къ тому заключенію, что такія измѣненія составляютъ результатъ важныхъ общихъ причинъ, которыя, дѣйствуя на совокупность общества, должны произвести извѣстныя послѣдствія, не взирая на волю отдѣльныхъ людей, составляющихъ общество.

Вотъ какую правильность мы надѣемся найти въ дѣйствіяхъ людей, если только дѣйствія эти зависятъ отъ состоянія общества, среди котораго они совершаются; если же, напротивъ, мы не найдемъ этого рода правильности, то можемъ быть увѣрены, что дѣйствія людей исходятъ отъ какого нибудь произвольнаго, личнаго принципа, свойственнаго каждому человѣку, какъ напр. отъ принципа свободы воли и т. п. По этому, въ высшей степени важно привести въ извѣстность, существуетъ ли или нѣтъ правильность во всей нравственной дѣятельности даннаго общества, и это именно одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ даетъ намъ особенно драгоцѣнные матеріалы статистика.

Какъ главная задача законодательной власти заключается въ огражденіи невиннаго отъ виновнаго, то естественнымъ образомъ европейскія правительства, убѣдившись въ важности статистики, стали тотчасъ же собирать данныя, относящіяся до тѣхъ преступленій, для которыхъ отъ нихъ ожидалось наказаніе. Свѣденія эти все болѣе и болѣе накоплялись, такъ что въ настоящее время они составляютъ сами по себѣ обширную отрасль литературы, содержащую, рядомъ съ необходимыми коментаріями, огромную массу фактовъ, тщательно собранныхъ и приведенныхъ въ такую ясную систему, что изъ нихъ можно болѣе узнать о нравственной природѣ человѣка, чѣмъ изъ всей совокупности опытовъ предшествовавшихъ вѣковъ. Но какъ, въ этомъ введеніи, невозможно представить нѣчто въ родѣ полнаго обзора тѣхъ выводовъ,

которые мы вправѣ сдѣлать при настоящемъ состояніи статистики, то я ограничусь разборомъ двухъ или трехъ важнѣйшихъ изъ нихъ и указаніемъ находящейся между ними связи.

Можно смѣло предположить, что одно изъ самыхъ произвольныхъ и неправильныхъ преступленій есть убійство. Ибо, если мы примемъ въ соображеніе, что этотъ актъ, хотя вообще имъ завершается цѣлая жизнь, проведенная въ порокѣ, бываетъ часто непосредственнымъ результатомъ, повидимому, внезапнаго побужденія; что, когда онъ предумышленъ, то для совершенія его, хотя съ малѣйшимъ разсчетомъ на безнаказанность, необходимо рѣдкое стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ, котораго преступнику часто приходится ожидать; что такимъ образомъ преступникъ долженъ выжидать времени и высматривать удобный случай, отъ него независящій; что когда и придетъ время, ему можетъ недостать духа исполнить задуманное; что вопросъ, совершитъ онъ или нѣтъ преступленіе, можетъ часто зависѣть отъ равновѣсія сталкивающихся побужденій, такихъ, напримѣръ, какъ боязнь закона, страхъ наказаній, которыми угрожаетъ религія, угрызенія собственной совѣсти или опасеніе такихъ угрызеній въ будущемъ, корыстолюбіе, ревность, жажда мщенія, отчаяніе; если мы возьмемъ все это вмѣстѣ, то выходитъ такое сплетеніе причинъ, что мы вправѣ были бы усомниться въ возможности открыть какой либо порядокъ или методъ въ результатѣ такихъ тонкихъ и неуловимыхъ побужденій, какъ тѣ, отъ которыхъ зависитъ совершеніе или предупрежденіе убійства. Но что же, послѣ этого, оказывается на самомъ дѣлѣ? На самомъ дѣлѣ, убійство совершается съ такою же правильностью и находится въ такомъ же постоянномъ отношеніи къ извѣстнымъ обстоятельствамъ, какъ и движеніе морскихъ приливовъ и смѣна временъ года. Г. Кетле, посвятившій всю жизнь свою собиранію и приведенію въ систему статистическихъ свѣдѣній о различныхъ странахъ, представляетъ, какъ результатъ

своихъ трудолюбивыхъ изысканій, слѣдующій выводъ: «во всемъ, относящемся до преступленій, одни и тѣже числа повторяются съ такимъ постоянствомъ, котораго нельзя не замѣтить; то же бываетъ и въ такихъ преступленіяхъ, которыя, казалось бы, вовсе не подлежатъ человѣческому предвидѣнію, въ такихъ, напримѣръ, какъ убійства, совершаемыя послѣ ссоръ, возникающихъ изъ обстоятельствъ, повидимому, случайныхъ. Но мы знаемъ изъ опыта, что не только совершается ежегодно почти то же число убійствъ, но что и самыя орудія, служащія для совершенія ихъ, употребляются въ тѣхъ же пропорціяхъ». Это сказалъ въ 1835 г. безспорно первый статистикъ въ Европѣ, и съ каждымъ послѣдующимъ изысканіемъ, подтверждалась справедливость словъ его. Ибо позднѣйшія изслѣдованія привели въ достовѣрную извѣстность необыкновенный фактъ, что однообразное повтореніе преступленій имѣетъ болѣе ясные признаки и скорѣе можетъ быть предусмотрѣно, чѣмъ дѣйствіе физическихъ законовъ, относящихся до болѣзней и разрушенія нашего тѣла.

Такъ, напримѣръ, число лицъ, обвиненныхъ въ преступленіяхъ во Франціи между 1826 и 1844 годами, по странному совпаденію, равнялось числу смертей въ мужскомъ полѣ, случившихся въ Парижѣ въ теченіе того же періода времени, съ тою только разницею, что колебанія въ итогѣ преступленій были менѣе значительны, чѣмъ колебанія въ смертности; въ то же время замѣчена была подобная же правильность по каждому изъ преступленій, которыя всѣ слѣдовали одному и тому же закону однообразнаго, періодическаго повторенія.

Это, въ самомъ дѣлѣ, покажется страннымъ для тѣхъ, кто полагаетъ, что дѣйствія человѣческія зависятъ болѣе отъ свойствъ каждаго лица, чѣмъ отъ состоянія всего общества. Но есть другое обстоятельство, которое еще поразительнѣе. Въ числѣ гласныхъ, записываемыхъ преступленій, нѣтъ ни одного, которое казалось бы болѣе зависящимъ отъ личности,

какъ самоубійство. Покушенія на убійство и грабежъ могутъ быть и постоянно бываютъ съ успѣхомъ останавливаемы иногда сопротивленіемъ самыхъ лицъ, подвергающихся нападенію, иногда же блюстителями правосудія. Покушеніе же на самоубійство въ гораздо меньшей мѣрѣ подвержено помѣхѣ. Человѣкъ, рѣшившійся убить себя, не встрѣчаетъ въ послѣднюю минуту остановки, подобной борьбѣ противника; а какъ ему легко уберечься отъ вмѣшательства гражданской власти, то дѣйствіе его становится какъ бы изолированнымъ; будучи отрѣзано отъ внѣшнихъ помѣхъ, оно представляется въ большей мѣрѣ, чѣмъ всякій другой проступокъ, результатомъ собственнаго желанія лица. Къ этому мы можемъ также прибавить, что оно непохоже на преступленія вообще и въ томъ еще отношеніи, что рѣдко совершается по внушенію сообщниковъ, такъ что въ этомъ случаѣ люди не вовлекаются въ преступленіе никѣмъ другимъ и потому находятся внѣ вліянія одного обширнаго класса внѣшнихъ побужденій, стѣсняющихъ такъ называемую свободу воли. Поэтому, можетъ весьма естественно показаться несбыточнымъ дѣломъ, чтобы самоубійство было подведено подъ общія правила, или чтобы было открыто что либо въ родѣ правильности въ преступленіи, которое выходитъ до такой степени изъ ряда обыкновенныхъ, которое такъ изолировано, такъ мало подчиняется законодательной власти и такъ мало пресѣкается мѣрами, принимаемыми самою бдительною полиціею. Есть еще одно обстоятельство, мѣшающее намъ вѣрно смотрѣть на самоубійство, а именно то, что и самыя лучшія улики въ этого рода преступленіи всегда бываютъ далеко несовершенны. Напримѣръ, въ случаяхъ утопленія, легко принять умышленное самоубійство за нечаянное, и наоборотъ, нечаянное за умышленное. Слѣдовательно, самоубійство представляется чѣмъ-то не только произвольнымъ и неподлежащимъ контролю, но и весьма темнымъ въ отношеніи доказательства; такъ что по всѣмъ этимъ причи-

намъ, позволительно было бы отчаяться въ возможности подвести его подъ тѣ общія начала, отъ которыхъ оно дѣйствительно происходитъ.

При такихъ особенностяхъ этого страннаго преступленія, конечно весьма удивительный составляетъ фактъ, что всѣ данныя, какія мы имѣемъ о немъ, приводятъ къ одному важному заключенію и не оставляютъ въ насъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что самоубійство есть продуктъ извѣстнаго состоянія всего общества, и что каждый отдѣльный преступникъ только приводитъ въ исполненіе то, чтó составляетъ необходимое послѣдствіе предшествовавшихъ обстоятельствъ. Въ извѣстномъ, данномъ состояніи общества, извѣстное число лицъ должны сами лишить себя жизни. Это общій законъ, частный же вопросъ о томъ, кто именно сдѣлается виновнымъ въ такомъ преступленіи, зависитъ, конечно, отъ частныхъ законовъ, которые однако, въ совокупномъ дѣйствіи своемъ, должны подчиняться главному общественному закону, находясь отъ него въ зависимости. Сила главнаго закона такъ непреодолима, что ни привязанность къ жизни, ни боязнь того свѣта не въ силахъ умѣрить его дѣйствіе. Причины этой замѣчательной правильности я разсмотрю далѣе, существованіе же ея хорошо извѣстно всякому, кто занимается нравственною статистикою. Въ различныхъ странахъ, о которыхъ мы имѣемъ свѣденія, мы находимъ годъ отъ году одну и ту же пропорцію лицъ, добровольно лишающихъ себя жизни; такъ что, за отнесеніемъ нѣкоторыхъ неточностей насчетъ невозможности собрать полныя данныя, оказывается, что мы въ состояніи предсказать,—не выходя изъ предѣловъ самыхъ ничтожныхъ погрѣшностей, — число добровольныхъ смертей для каждаго послѣдовательнаго періода времени, предположивъ, конечно, что общественныя условія не подвергнутся въ это время замѣтному измѣненію. Даже въ Лондонѣ, несмотря на частыя перемѣны, неизбѣжныя въ обширнѣйшей и роскошнѣйшей столицѣ въ мірѣ, мы находимъ въ этомъ

отношеніи такую правильность, которой не могъ бы ожидать и самый ревностный поклонникъ общественныхъ законовъ; ибо политическое возбужденіе, меркантильное возбужденіе, дороговизна пищи, все это причины самоубійства, а между тѣмъ, все это постоянно измѣняется. Тѣмъ не менѣе, въ этой обширной столицѣ, ежегодно около 240 человѣкъ лишаютъ себя жизни, при чемъ годичное число самоубійствъ колеблется, подъ вліяніемъ временныхъ причинъ, между 266 и 213. Въ 1843 году, въ великій годъ кризиса, произведеннаго желѣзными дорогами (railway panic), самоубійствъ въ Лондонѣ было 266; въ 1847 началась нѣкоторая перемѣна къ лучшему, и число это понизилось до 256; въ 1848 ихъ было 247; въ 1849 — 213; а въ 1850—229.

Вотъ нѣкоторыя, и только нѣкоторыя, изъ тѣхъ доказательствъ, которыя мы имѣемъ въ настоящее время, въ пользу правильности, съ какою, при томъ же состояніи общества, необходимо повторяются тѣже преступленія. Чтобы оцѣнить всю силу этихъ доказательствъ, мы должны припомнить, что это не произвольный наборъ частныхъ фактовъ, а общіе выводы изъ всестороннихъ показаній уголовной статистики, которая сложилась изъ нѣсколькихъ милліоновъ наблюденій, дѣланныхъ въ странахъ, стоящихъ на различныхъ степеняхъ цивилизаціи, имѣющихъ различные законы, мнѣнія, нравы и обычаи. Если мы прибавимъ, что эти статистическія свѣденія собраны лицами, спеціально занимавшимися этимъ дѣломъ, лицами, обладавшими всѣми средствами раскрытія истины и не имѣвшими никакого интереса обманывать, то конечно придется допустить, что подчиненіе преступленій неизмѣнной и однообразной системѣ есть фактъ, доказанный яснѣе всякаго другаго факта въ нравственной исторіи человѣка. Мы имѣемъ здѣсь параллельныя цѣпи доказательствъ, составленныя съ необыкновеннымъ тщаніемъ, при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ и направляющіяся

въ одну сторону; всѣ онѣ ведутъ насъ къ тому заключенію, что проступки людей происходятъ не столько отъ пороковъ отдѣльныхъ виновниковъ, сколько отъ состоянія общества, въ которое эти лица бываютъ заброшены. Заключеніе это опирается на многочисленныхъ осязательныхъ доводахъ, понятныхъ для всего свѣта, и поэтому не можетъ быть опровергнуто, ни даже ослаблено ни одною изъ тѣхъ гипотезъ, которыми метафизики и теологи затрудняли до сихъ поръ изученіе прошедшаго.

Тѣмъ изъ читателей, которые знаютъ, какія отступленія отъ законовъ природы постоянно случаются въ мірѣ физическомъ, конечно будетъ неново встрѣтить такія же отступленія и въ мірѣ нравственномъ. Неправильности, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, происходятъ оттого, что второстепенные законы, встрѣчаясь на извѣстныхъ пунктахъ съ главными, измѣняютъ нѣсколько ходъ ихъ нормальнаго дѣйствія. Хорошій примѣръ этого представляетъ механика въ своей прекрасной теоріи, называемой параллелограмомъ силъ, по которой силы относятся однѣ къ другимъ какъ діагонали ихъ параллелограмовъ. Законъ этотъ богатъ послѣдствіями; онъ находится въ связи съ сложеніемъ и разложеніемъ силъ, этими важными вспомогательными средствами въ механикѣ, и никто изъ тѣхъ, кому извѣстны данныя, на которыхъ основанъ этотъ законъ, никогда и не думалъ сомнѣваться въ его справедливости. Но съ той минуты, какъ мы начинаемъ примѣнять его къ практикѣ, мы замѣчаемъ, что дѣйствіе его искажается подъ вліяніемъ другихъ законовъ, напримѣръ законовъ, относящихся до сопротивленія воздуха и различной плотности тѣлъ, зависящей отъ ихъ химическаго состава или, какъ полагаютъ иные, отъ расположенія ихъ атомовъ. Подъ такими искаженіями, чистое, простое дѣйствіе закона исчезаетъ. Но не смотря на частныя неправильности въ проявленіи закона, самый законъ всетаки остается неприкосновеннымъ. Такъ точно и тотъ великій обществен-

ный законъ, что нравственныя дѣйствія людей происходятъ не отъ ихъ воли, а отъ предшествовавшихъ причинъ, подверженъ нарушеніямъ, которыя видоизмѣняютъ его дѣйствіе, но не мѣшаютъ его справедливости.

Этого совершенно достаточно для объясненія тѣхъ незначительныхъ измѣненій, которыя мы находимъ годъ отъ году въ общемъ итогѣ преступленій, случающихся въ одной и той же странѣ. Дѣйствительно, въ виду того факта, что міръ нравственный гораздо изобильнѣе матеріалами, чѣмъ міръ физическій, можно подивиться развѣ только тому, что измѣненія эти не довольно значительны; изъ того же, что они такъ ничтожны, мы можемъ въ нѣкоторой мѣрѣ заключить о чудесной силѣ главныхъ общественныхъ законовъ, которые, несмотря на постоянныя помѣхи въ ихъ дѣйствіи, торжествуютъ повидимому надъ всѣми препятствіями и, при повѣркѣ въ большихъ числахъ, почти не обнаруживаютъ замѣтныхъ уклоненій отъ нормальнаго дѣйствія.

Но не одни только преступленія людей носятъ на себѣ такой отпечатокъ однообразія и послѣдовательности. Даже число ежегодно заключаемыхъ браковъ зависитъ не отъ характера и желанія отдѣльныхъ лицъ, а отъ главныхъ, общихъ фактовъ, на которое лица эти не могутъ имѣть никакого вліянія. Теперь уже извѣстно, что браки имѣютъ постоянное и опредѣленное отношеніе къ цѣнѣ на хлѣбъ; а въ Англіи опытъ цѣлаго столѣтія доказалъ, что браки, вмѣсто того, чтобы находиться въ какой нибудь связи съ личными чувствованіями, зависятъ просто отъ средняго размѣра заработковъ въ массѣ народа; такъ, что это важное общественное и религіозное учрежденіе находится не только въ связи съ цѣнами на хлѣбъ и размѣромъ задѣльной платы, но и въ полной отъ нихъ зависимости. Въ другихъ случаяхъ открыто такое же однообразіе, но остаются неизвѣстны его причины. Какъ замѣчательный примѣръ, приведемъ то обстоятельство, что мы въ настоящее время можемъ доказать, что

даже ошибки памяти носятъ на себѣ этотъ общій отпечатокъ необходимаго и неизмѣннаго порядка. Почтовыя конторы въ Лондонѣ и Парижѣ обнародовали недавно свѣденія о числѣ писемъ, на которыхъ, по забывчивости писавшихъ ихъ, не было выставляемо адресовъ; и свѣденія эти, за отнесеніемъ нѣкоторой разницы на счетъ различія обстоятельствъ, оказываются годъ отъ году какъ бы списанными одни съ другихъ. Годъ отъ году одно и то же число лицъ, пишущихъ письма, забываютъ соблюсти эту простую формальность. Такъ что для каждаго послѣдующаго періода времени мы теперь дѣйствительно можемъ предсказать, какое число лицъ окажутъ недостатокъ памяти въ этомъ ничтожномъ и повидимому нечаянномъ случаѣ.

Для тѣхъ, кто твердо сознаетъ правильность явленій и кто прочно усвоилъ себѣ ту великую истину, что дѣйствія людей, исходя отъ предшествовавшихъ имъ причинъ, въ дѣйствительности никогда не бываютъ непослѣдовательны и что, при всей кажущейся произвольности своей, они составляютъ часть одной обширной системы всеобщаго порядка, которой, при настоящемъ состояніи званія, мы можемъ видѣть одно лишь начертаніе; для тѣхъ, кто понимаетъ эту истину, составляющую какъ ключъ, такъ и основаніе исторіи, приведенные нами выше факты далеко не покажутся странными, а представятся тѣмъ именно, чего можно было ожидать и что давно уже должно было быть извѣстно. И въ самомъ дѣлѣ, въ виду тѣхъ быстрыхъ и положительныхъ успѣховъ, которые начинаетъ дѣлать изысканіе, я почти не сомнѣваюсь, что не пройдетъ столѣтія—и рядъ доказательствъ дополнится и будетъ также трудно найти историка, отрицающаго неуклонную правильность въ мірѣ нравственномъ, какъ теперь трудно найти философа, отвергающаго правильность въ мірѣ матеріальномъ;

Должно замѣтить, что приведенныя выше доказательства подчиненія дѣйствій нашихъ извѣстнымъ законамъ извлечены изъ статистики, этой отрасли знанія, которая, не смотря на

то, что находится еще въ младенчествѣ, уже пролила болѣе свѣта на изученіе человѣческой природы, чѣмъ всѣ науки, взятыя вмѣстѣ. Но хотя статистики первые стали изслѣдовать этотъ важный предметъ по тѣмъ методамъ умозаключенія, которые оказались дѣйствительными въ другихъ изученіяхъ; хотя, прибѣгнувъ къ числамъ, они этимъ самымъ употребили въ дѣло весьма сильное орудіе раскрытія истины, мы не должны однако полагать, на этомъ основаніи, что нѣтъ никакихъ другихъ вспомогательныхъ средствъ для разработки этого же предмета; не должны также думать, что если естествознаніе не было до сихъ поръ примѣнено къ исторіи, то оно и непримѣнимо къ ней. И въ самомъ дѣлѣ, въ виду безпрестанныхъ столкновеній человѣка съ внѣшнимъ міромъ, намъ становится яснымъ, что должна существовать связь между дѣйствіями человѣческими и законами природы, и что если естествознаніе еще не было примѣнено къ исторіи, то это потому, что историки, или не замѣтили этой связи, или замѣтили самую связь, но не имѣли достаточныхъ познаній, чтобы прослѣдить ея дѣйствіе. Отсюда произошло неестественное разъединеніе двухъ главныхъ отраслей изслѣдованія: изученія внутренняго и изученія внѣшняго міра; и хотя въ настоящемъ состояніи европейской литературы замѣтны нѣкоторые несомнѣнные признаки желанія прервать эту искусственную преграду, но всетаки должно сознаться, что до сихъ поръ еще ничего не было сдѣлано для достиженія этой великой цѣли. Моралисты, теологи и метафизики продолжаютъ заниматься своими предметами, не обращая особеннаго вниманія на этотъ, по ихъ мнѣнію, низшій разрядъ ученыхъ занятій; они даже часто нападаютъ на этого рода изслѣдованія, какъ на нѣчто враждебное интересамъ религіи и внушающее намъ слишкомъ большое довѣріе къ человѣческому разуму. Съ другой стороны, естествоиспытатели, сознавая, что они передовая корпорація, естественнымъ образомъ гордятся своими успѣхами и, противополагая свои откры-

тія застою своихъ противниковъ, проникаются презрѣніемъ къ тѣмъ занятіямъ, безплодность которыхъ теперь стала очевидна.

Дѣло историковъ — стать посредниками между этими двумя партіями и примирить ихъ враждебныя домогательства, указать пунктъ, на которомъ ихъ изученія должны соединиться. Установить условія этой коалиціи значитъ заложить основаніе всей исторіи. Какъ исторія занимается дѣйствіями людей, а дѣйствія эти ничто иное, какъ результатъ столкновенія между явленіями внѣшняго и внутренняго міра, то необходимо взвѣсить относительную важность этихъ явленій, узнать до какой степени извѣстны ихъ законы, и удостовѣриться, какими вспомогательными средствами, для будущихъ открытій, обладаютъ два главные класса ученыхъ: изслѣдователи человѣческаго духа и изслѣдователи природы. Обязанность эту я постараюсь исполнить въ слѣдующихъ двухъ главахъ, и если достигну чего нибудь въ родѣ успѣха, то настоящее сочиненіе мое будетъ имѣть по крайней мѣрѣ то достоинство, что послужитъ, хоть сколько нибудь, къ наполненію этого широкаго и грустнаго промежутка, раздѣляющаго, въ ущербъ нашему знанію, такіе предметы, которые имѣютъ тѣсную связь и которые никогда не должны быть разъединяемы.

ГЛАВА II.

Вліяніе физическихъ законовъ на организацію общества и характеръ отдѣльныхъ лицъ.

Если мы станемъ разсматривать, какіе физическіе дѣятели имѣютъ самое могущественное вліяніе на родъ человѣческій, то найдемъ, что ихъ можно подвести подъ четыре главные разряда, а именно: климата, пищи, почвы и общаго вида природы; подъ послѣднимъ я разумѣю тѣ явленія, которыя, хотя и представляются главнѣйшимъ образомъ зрѣнію, но, чрезъ посредство этого и другихъ чувствъ, даютъ направленіе сближенію понятій и тѣмъ порождаютъ въ различныхъ странахъ различный складъ мыслей народа. Къ одному изъ этихъ четырехъ классовъ могутъ быть отнесены всѣ явленія внѣшняго міра, имѣвшія постоянное вліяніе на человѣка. Послѣдній же классъ, или то, что я называю общимъ видомъ природы, дѣйствуетъ, главнѣйшимъ образомъ, возбуждая воображеніе человѣка и внушая ему тѣ безчисленные предразсудки, которые представляютъ значительное препятствіе распространенію знанія. А какъ, въ младенчествѣ народа, власть предразсудковъ бываетъ неограниченна, то оказалось, что различіе видовъ природы породило соотвѣтствующее различіе въ характерѣ народовъ и сообщило ихъ религіи тѣ особенности, которыя, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, невозможно изгладить. Другіе три дѣятеля, а именно: климатъ, пища и почва, не имѣли, сколько намъ извѣстно, такого непосредственнаго вліянія, но отразились самыми важными по-

слѣдствіями въ общей организаціи общества и породили многія изъ тѣхъ важныхъ чертъ различія между народами, которыя часто приписываются коренному различію человѣческихъ породъ. Но такое врожденное различіе породъ совершенная гипотеза, между тѣмъ какъ несходство, происходящее отъ различія климата, пищи и почвы, можетъ быть удовлетворительно объяснено; съ уразумѣніемъ же его, должны разсѣяться всѣ препятствія, затруднявшія до сихъ поръ изученіе исторіи. Поэтому я намѣренъ прежде всего разсмотрѣть законы этихъ трехъ главныхъ дѣятелей, на столько, на сколько они находятся въ связи съ человѣкомъ, въ его общественномъ бытѣ; прослѣдивъ же дѣйствіе этихъ законовъ со всею точностію, какая возможна при настоящемъ состояніи естествознанія, я перейду къ разсмотрѣнію послѣдняго дѣятеля, а именно общаго вида природы, и постараюсь указать на важнѣйшія черты различія между странами, происходящія отъ ихъ несходства въ этомъ отношеніи.

И такъ, начнемъ съ климата, пищи и почвы. Ясно, что эти три силы природы не въ малой мѣрѣ зависятъ одна отъ другой, т. е. существуетъ весьма тѣсная связь между климатомъ страны и произрастающею въ ней пищею; самая же пища зависитъ отъ производящей ее почвы, а также отъ возвышенія и пониженія мѣстности, состоянія отмосферы, однимъ словомъ, отъ всѣхъ тѣхъ условій, совокупности которыхъ обыкновенно придается названіе физической географіи въ ея обширнѣйшемъ смыслѣ.

При существованіи такой тѣсной связи между этими физическими дѣятелями, слѣдуетъ, кажется, разсматривать ихъ не самихъ по себѣ, а скорѣе по результатамъ ихъ совокупнаго дѣйствія. Этимъ путемъ мы вдругъ придемъ къ полному пониманію всего вопроса, избѣгнемъ сбивчивости, могущей произойти отъ искусственнаго раздѣленія явленій, которыя сами по себѣ нераздѣльны, и будемъ въ состояніи яснѣе видѣть, до какой степени простирается замѣчательное вліяніе

силъ природы на судьбу человѣка, на первыхъ ступеняхъ общежитія.

Изъ всѣхъ послѣдствій, происходящихъ для какого нибудь народа отъ климата, пищи и почвы, самое первое и, во многихъ отношеніяхъ, самое важное, есть накопленіе богатства. Хотя успѣхи знанія и ускоряютъ наконецъ возрастаніе богатства, но то достовѣрно, что при самомъ зарожденіи общества, сперва должно накопиться богатсво, а потомъ уже можетъ быть положено начало знанію. До тѣхъ поръ, пока всякій человѣкъ занятъ снискиваніемъ того, что необходимо для существованія, не можетъ быть ни охоты, ни времени заниматься болѣе возвышенными предметами, не можетъ быть создана никакая наука, а возможна только развѣ попытка сберечь трудъ примѣненіемъ къ нему тѣхъ грубыхъ и несовершенныхъ орудій, какія въ состояніи изобрѣсть и самый невѣжественный народъ.

Въ такомъ состояніи общества, первый важный шагъ впередъ составляетъ накопленіе богатства, ибо безъ богатства не можетъ быть досуга, а безъ досуга не можетъ быть знанія. Если то, что потребляетъ народъ, всегда совершенно равняется тому, что онъ имѣетъ, то не будетъ остатка, не будетъ накопляться капиталъ, а слѣдовательно не будетъ средствъ къ существованію для незанятыхъ классовъ. Но когда производство сильнѣе потребленія, то образуется излишекъ, который, по извѣстнымъ законамъ, самъ собою возрастаетъ и наконецъ становится запасомъ, на счетъ котораго, непосредственно или посредственно, содержится всякій, кто не производитъ того богатства, которымъ живетъ. Только съ этого времени и дѣлается возможнымъ существованіе мыслящаго класса, ибо только съ этого времени начинается накопленіе въ запасъ, съ помощью котораго люди могутъ пользоваться тѣмъ, чего не производили и получаютъ такимъ образомъ возможность предаться такимъ занятіямъ, для которыхъ прежде, когда они находились подъ гне-

томъ ежедневныхъ потребностей, у нихъ не доставало бы времени.

И такъ, изъ всѣхъ важныхъ общественныхъ усовершенствованiй самымъ первымъ должно быть накопленiе богатства, ибо безъ него не можетъ быть ни желанiя, ни времени, необходимыхъ для прiобрѣтенiя того знанiя, отъ котораго, какъ я докажу впослѣдствiи, зависятъ успѣхи цивилизацiи. Ясно, что у совершено невѣжественнаго народа скорость производства богатства обусловливается только физическими особенностями мѣстности. Нѣсколько позднѣе, когда уже капитализируется богатство, начинаютъ дѣйствовать и другiя причины, до тѣхъ же поръ прогрессъ можетъ зависѣть только отъ двухъ обстоятельствъ: во первыхъ, отъ энергiи и правильности труда, а во вторыхъ, отъ вознагражденiя за трудъ, получаемаго отъ щедротъ природы. А эти два условiя составляютъ сами результатъ предшествовавшихъ физическихъ влiянiй. Вознагражденiе за трудъ опредѣляется плодородiемъ почвы, самое же плодородiе почвы зависитъ частью отъ примѣси въ ней извѣстныхъ химическихъ составныхъ частей, частью отъ степени орошенiя ея рѣками или другими естественными средствами, частью, наконецъ, отъ теплоты и влажности атмосферы. Съ другой стороны, энергiя и правильность въ самомъ трудѣ совершенно зависятъ отъ влiянiя климата. Влiянiе это проявляется двумя различными путями. Во первыхъ, что̀ составляетъ весьма важное обстоятельство, въ сильные жары люди бываютъ нерасположены и до извѣстной степени неспособны къ тѣмъ дѣятельнымъ занятiямъ, которымъ, въ болѣе умѣренномъ климатѣ, они предавались бы съ охотою. Другое же обстоятельство, менѣе обращавшее на себя вниманiе, но одинаково важное, заключается въ томъ, что климатъ дѣйствуетъ на трудъ не тѣмъ только, что разслабляетъ или укрѣпляетъ трудящагося, но и влiянiемъ своимъ на правильность образа жизни этого послѣдняго. Такъ мы находимъ, что ни одинъ народъ, живущiй на слиш-

комъ большой сѣверной широтѣ, никогда не имѣлъ того постояннаго, неослабнаго трудолюбія, которымъ отличаются жители умѣренныхъ поясовъ. Причина этого становится очевидна, когда мы припомнимъ, что въ болѣе сѣверныхъ странахъ суровость погоды, а въ извѣстныя времена года, и отсутствіе свѣта, дѣлаетъ невозможнымъ для людей продолжать ихъ обычныя занятія внѣ домовъ. Это имѣетъ то послѣдствіе, что рабочіе классы, вынуждаемые, такимъ образомъ, пріостанавливать свои обычныя занятія, дѣлаются склоннѣе къ неправильному образу жизни; цѣпь ихъ дѣятельности какъ бы разрывается и они теряютъ ту скорость, которая неизбѣжно пріобрѣтается продолжительнымъ, непрерывнымъ упражненіемъ. Вотъ почему въ характерѣ такого народа замѣчается болѣе причудливости и своенравія, чѣмъ въ характерѣ народа, которому климатъ дозволяетъ правильное отправленіе обычныхъ занятій. И въ самомъ дѣлѣ, законъ этотъ такъ силенъ, что мы можемъ различать дѣйствіе его, при самыхъ противоположныхъ обстоятельствахъ. Трудно представить себѣ бо̀льшее различіе въ правленіи, законахъ, религіи и обычаяхъ, какъ существующее между Швеціею и Норвегію, съ одной стороны, и Испаніею и Португаліею, съ другой. Между тѣмъ, эти четыре страны имѣютъ одно важное общее свойство. Во всѣхъ ихъ одинаково невозможна непрерывная земледѣльческая дѣятельность. Въ двухъ южныхъ странахъ работы прерываются жаромъ, сухостью погоды и происходящимъ оттого состояніемъ почвы; въ двухъ же сѣверныхъ то же дѣйствіе производитъ суровость зимы и короткость дней. Вотъ почему эти четыре націи, при всемъ несходствѣ ихъ въ другихъ отношеніяхъ, одинаково отличаются слабостью и непостоянствомъ характера, представляя, въ этомъ отношеніи, разительную противоположность съ болѣе постояннымъ и правильнымъ образомъ жизни, преобладающимъ въ странахъ, гдѣ климатъ не такъ часто заставляетъ рабочіе классы прерывать ихъ занятія, и нала-

гаетъ на нихъ въ то же время необходимость болѣе постоянной, неослабной дѣятельности.

Вотъ главныя физическія причины, отъ которыхъ зависитъ производство богатства. Бываютъ безъ сомнѣнія и другія обстоятельства, дѣйствующія съ значительною силою и имѣющія, при болѣе развитомъ состояніи общества, такое же, а иногда и бо̀льшее вліяніе, но это случается уже позднѣе. Разсматривая же исторію богатства на его первыхъ ступеняхъ, мы находимъ совершенную зависимость его отъ почвы и климата; почвою обусловливается вознагражденіе, получаемое за данный итогъ труда, а климатомъ—энергія и постоянство самаго труда. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на прошедшее, чтобы убѣдиться въ огромной важности этихъ двухъ физическихъ условій. Нѣтъ примѣра въ исторіи, чтобы какая нибудь страна цивилизовалась своими собственными средствами, безъ особенно благопріятнаго развитія въ ней одного изъ этихъ условій. Въ Азіи цивилизація всегда ограничивалась тѣмъ обширнымъ пространствомъ, гдѣ плодородная наносная почва обезпечивала человѣку ту степень богатства, безъ которой не можетъ начаться умственное развитіе. Эта большая полоса земли простирается, съ немногими перерывами, отъ восточной части южнаго Китая до западныхъ береговъ Малой Азіи, Финикіи и Палестины. Къ сѣверу отъ этого огромнаго пояса тянется длинный рядъ безплодныхъ пространствъ, на которыхъ постоянно селились дикія, кочующія племена, всегда остававшіяся въ бѣдности, вслѣдствіе безплодія почвы, и невыходившія изъ своего нецивилизованнаго состоянія во все время пребыванія въ этихъ мѣстностяхъ. До какой степени это зависѣло отъ причинъ физическихъ, видно изъ того факта, что тѣ же самыя монгольскія и татарскія орды основывали въ разныя времена, великія монархіи въ Китаѣ, Индіи и Персіи и, во всѣхъ этихъ случаяхъ, достигали цивилизаціи, нисколько не уступавшей цивилизаціи самыхъ цвѣтущихъ изъ древнихъ государствъ. Въ плодородныхъ долинахъ юж-

ной Азіи природа доставляла всѣ матеріалы богатства, и тамъ-то варварскія племена впервые дошли до извѣстной степени образованности, создали національную литературу и установили національный образъ правленія, чего не могли сдѣлать на родинѣ. Точно также Арабы, въ своей странѣ, благодаря сухости ея почвы, всегда оставались грубымъ и необразованнымъ народомъ; въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, невѣжество было плодомъ крайней бѣдности. Но въ VII столѣтіи они завоевали Персію, въ VIII — лучшую часть Испаніи, въ IX — Пунджобъ и наконецъ почти всю Индію. Едва утверждались они въ своихъ новыхъ осѣдлостяхъ, какъ въ характерѣ ихъ видимо происходила большая перемѣна. Они, которые, на своей родинѣ, были чуть-чуть не бродячими дикарями, теперь впервые получали возможность накоплять богатство и потому впервые начали дѣлать нѣкоторые успѣхи въ искусствахъ, свойственныхъ цивилизаціи. Въ Аравіи они были просто племенемъ кочующихъ пастуховъ, въ новыхъ же осѣдлостяхъ своихъ дѣлались основателями могущественныхъ монархій, строили города, поддерживали школы, составляли библіотеки; слѣды ихъ могущества и теперь еще видны въ Кордовѣ, Багдадѣ и Дели. Точно такой же примѣръ представляетъ прилегающая съ сѣвера къ Аравіи и отдѣляемая отъ нея только узкимъ водянымъ пространствомъ Чернаго Моря, огромная песчаная равнина, которая, прикрывая всю Африку на одной широтѣ, простирается къ западу до самыхъ береговъ Атлантическаго Океана. Это громадное пространство есть, также какъ и Аравія, безплодная пустыня, потому и его жители, также какъ и жители Аравіи, не были цивилизованы и не пріобрѣтали познаній, единственно потому, что не накопляли богатства. Но эта обширная пустыня, въ восточной части своей, орошается водами Нила, развитіе котораго составляетъ на пескѣ богатый наносный слой земли,

дающей самое щедрое, можно сказать, изумительное вознагражденіе за трудъ. Вотъ почему въ мѣстности этой скоро накоплялось богатство, за нимъ быстро слѣдовало пріобрѣтеніе знанія и эта узкая полоса земли сдѣлалась средоточіемъ египетской цивилизаціи, цивилизаціи, которая, даже за отнесеніемъ многаго на долю преувеличеній, всетаки представляетъ разительную противоположность съ варварствомъ другихъ народовъ Африки, такъ какъ изъ нихъ ни одинъ не могъ самъ выработать своего развитія или выйти до нѣкоторой степени изъ невѣжества, на которое обрекала его бѣдность природы.

Эти соображенія ясно доказываютъ, что изъ двухъ коренныхъ причинъ цивилизаціи самое большое вліяніе, въ древнемъ мірѣ, имѣло плодородіе почвы. Въ европейской же цивилизаціи наибольшую силу дѣйствія обнаружила другая важная причина, а именно климатъ; и этотъ послѣдній имѣетъ, какъ мы видѣли, вліяніе частью на способность работника къ работѣ, частью же на правильность его образа жизни. Различіе дѣйствія замѣчательно соотвѣтствовало различію причинъ. Хотя всякой цивилизаціи должно предшествовать накопленіе богатства, но дальнѣйшія послѣдствія накопленія не въ малой мѣрѣ зависятъ отъ условій, при которыхъ оно происходило. Въ Азіи и Африкѣ, условіе составляла плодородная почва, дававшая щедрое вознагражденіе за трудъ; въ Европѣ — это былъ климатъ, благопріятствовавшій болѣе успѣшному труду. Въ первомъ случаѣ, результатъ зависитъ отъ отношенія между почвою и ея продуктовъ—другими словами,—отъ простаго дѣйствія одной части внѣшней природы на другую. Въ послѣднемъ же случаѣ, онъ зависитъ отъ отношенія между климатомъ и работникомъ, т. е. отъ дѣйствія внѣшней природы не на самое себя, а на человѣка. Изъ этихъ двухъ родовъ отношеній, первый, какъ менѣе сложный, менѣе подверженъ нарушенію и потому ранѣе возымѣлъ дѣйствіе. Отсюда произошло, что на пути цивилизаціи первые

шаги неоспоримо принадлежатъ самымъ плодороднымъ странамъ Азіи и Африки. Но не смотря на то, что цивилизація этихъ странъ была самою раннею, она далеко не была самою лучшею, ни самою прочною. Въ силу обстоятельствъ, которыя я вскорѣ объясню, единственный вполнѣ дѣятельный прогрессъ зависитъ не отъ благости природы, а отъ энергіи человѣка. Вотъ почему европейская цивилизація, которая, на своихъ первыхъ ступеняхъ, находилась въ зависимости отъ климата, обнаружила способность къ развитію, неслыханную въ цивилизаціяхъ, возникшихъ подъ вліяніемъ почвы. Ибо силы природы, не смотря на ихъ кажущееся величіе, ограниченны и неподвижны; по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ ни малѣйшаго доказательства, чтобы онѣ когда-либо увеличивались или были способны увеличиться. Силы же человѣка, на сколько можно заключить изъ опыта и аналогіи, неограниченны; у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для назначенія даже гадательнаго предѣла, на которомъ умъ человѣческій долженъ былъ бы, по необходимости, остановиться. А какъ такая способность духа увеличивать свои собственныя средства составляетъ особенность, свойственную только человѣку и при томъ отличающую его отъ такъ называемой внѣшней природы, то очевидно, что вліяніе климата, дающаго человѣку богатство, посредствомъ возбужденія его къ труду, болѣе благопріятно для дальнѣйшаго развитія человѣка, чѣмъ вліяніе почвы, которая тоже даетъ ему богатство, но дѣлаетъ это не посредствомъ возбужденія въ немъ энергіи, а въ силу чисто физическаго отношенія между свойствами почвы и количествомъ или качествомъ плода, который она производитъ почти сама собою.

Таково различіе между вліяніемъ климата и вліяніемъ почвы на производство богатства. Но есть еще одинъ предметъ, одинаковой, а можетъ быть и большей важности. По производствѣ богатства, возникаетъ вопросъ о томъ, какъ оно должно быть распредѣлено, т. е. какая часть должна перейти

къ высшимъ, а какая къ низшимъ классамъ. При развитомъ состояніи общества, это зависитъ отъ различныхъ обстоятельствъ, весьма сложныхъ, которыхъ здѣсь нѣтъ необходимости разсматривать. На первыхъ же ступеняхъ общежитія и прежде, чѣмъ начнутся его позднѣйшія утонченныя запутанности, можно, мнѣ кажется, доказать что распредѣленіе богатства, такъ-же, какъ и его производство, подчиняются исключительно физическимъ законамъ, и что притомъ, сила дѣйствія этихъ законовъ такъ велика, что они постоянно удерживали огромное большинство жителей самой лучшей части земнаго шара въ состояніи всегдашней, безвыходной бѣдности. Если можно доказать это, то огромная важность такихъ законовъ очевидна. Какъ богатство есть несомнѣнный источникъ силы, то ясно, что при равенствѣ другихъ условій, изслѣдованіе распредѣленія богатства есть изслѣдованіе распредѣленія силы, а при такомъ значеніи этого изслѣдованія оно должно пролить значительный свѣтъ на происхожденіе тѣхъ общественныхъ и политическихъ неравенствъ, изъ дѣйствія и противодѣйствія которыхъ слагается значительная часть исторіи всякой цивилизованной страны.

Бросивъ общій взглядъ на этотъ предметъ, мы можемъ сказать, что съ того времени, какъ начинается, наконецъ, настоящее производство и накопленіе богатства, это послѣднее распредѣляется между двумя классами,—между трудящимися и нетрудящимися, изъ коихъ послѣдніе, въ совокупности взятые, способнѣе, а первые многочисленнѣе. Запасъ, на счетъ котораго содержатся оба класса, непосредственно производится низшимъ классомъ, физическія силы котораго направляютъ, совокупляютъ и какъ бы сберегаютъ большее умѣнье высшаго класса. Вознагражденіе работниковъ называется—ихъ задѣльною платою, а вознагражденіе предпринимателей—ихъ прибылью. Въ позднѣйшее время возникаетъ классъ, который можно назвать сберегающимъ; это классъ людей, которые, не будучи ни предпринимателями, ни работниками, ссужаютъ

своими сбереженіями предпринимателей и, въ возмездіе за такую ссуду, получаютъ часть вознагражденія, достающагося предпринимающему классу. Въ этомъ случаѣ, члены сберегающаго класса вознаграждаются за воздержаніе отъ растраты своихъ сбереженій, и вознагражденіе это называется процентомъ на ихъ деньги; такимъ образомъ являются три подраздѣленія богатства: процентъ, прибыль и задѣльная плата. Но это уже послѣдующій порядокъ вещей, который можетъ до извѣстной степени имѣть мѣсто только тогда, когда богатство уже значительно накопилось; при томъ же состояніи общества, которое мы теперь разсматриваемъ, едва ли можно допустить самостоятельное существованіе этого третьяго или сберегающаго класса. И такъ, для настоящей цѣли нашей достаточно привести въ извѣстность, какимъ законамъ слѣдуетъ пропорція, въ которой богатство тотчасъ по накопленіи его, распредѣляется между двумя классами, т. е. между работниками и лицами, дающими работу.

Теперь очевидно, что если задѣльная плата есть цѣна, платимая за трудъ, то и размѣръ задѣльной платы долженъ, подобно цѣнѣ на всѣ другія потребности, измѣняться сообразно съ перемѣнами на рынкѣ. Если предложеніе работниковъ превышаетъ требованіе, то задѣльная плата падаетъ; если же требованіе превышаетъ предложеніе, то она возвышается. Поэтому, если предположить, что въ какой нибудь странѣ данный итогъ богатства долженъ быть распредѣленъ между дающими работу и работниками, то всякое увеличеніе числа работниковъ поведетъ къ уменьшенію средняго вознагражденія, могущаго достаться на долю каждаго изъ нихъ. Если мы оставимъ въ сторонѣ тѣ противодѣйствующія причины, которыя препятствуютъ вѣрности всякаго общаго вывода, то окажется, въ заключеніе всего, что вопросъ о задѣльной платѣ сводится къ вопросу о народонаселеніи; ибо, не смотря на то, что общая сумма задѣльной платы, дѣйствительно производимой, зависитъ отъ обширности фонда,

изъ котораго она производится, размѣръ платы получаемой каждымъ человѣкомъ долженъ уменьшаться съ увеличеніемъ числа лицъ, имѣющихъ на нее притязаніе, развѣ что, благодаря какимъ нибудь другимъ обстоятельствамъ, самый фондъ будетъ увеличиваться на столько, чтобы выдерживать и самые большіе спросы.

Знать обстоятельства, наиболѣе благопріятствующія увеличенію того, что можно назвать фондомъ задѣльной платы, есть дѣло большой важности; но не этотъ предметъ занимаетъ насъ непосредственно. Разсматриваемый нами въ настоящую минуту вопросъ относится не до накопленія богатства, а до распредѣленія его; цѣль наша — привести въ извѣстность, какія физическія условія, благопріятствуя быстрому увеличенію народонаселенія, ведутъ къ излишку въ предложеніи на рынкахъ труда и тѣмъ удерживаютъ средній размѣръ задѣльной платы на слишкомъ низкомъ уровнѣ.

Изъ всѣхъ физическихъ дѣятелей, имѣющихъ вліяніе на приращеніе рабочаго населенія самый дѣятельный и самый общій есть пища. Если двѣ страны, равныя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ различаются только въ томъ, что въ одной пища народа дешева и находится въ изобиліи, а въ другой ея немного и она дорога, то народонаселеніе первой должно незибѣжно увеличиваться быстрѣе, чѣмъ народонаселеніе второй. Продолжая наше разсужденіе, мы приходимъ далѣе къ тому выводу, что средній размѣръ задѣльной платы будетъ въ первой ниже, чѣмъ во второй, единственно потому, что въ ней рынокъ труда будетъ болѣе полонъ. Поэтому, изслѣдованіе физическихъ законовъ, отъ которыхъ зависитъ родъ пищи, употребляемой въ различныхъ странахъ, имѣетъ особенную важность для настоящей цѣли нашей и, по счастью, это такого рода изслѣдованіе, въ которомъ, при настоящемъ состояніи химіи и физіологіи, мы можемъ придти къ нѣкоторымъ опредѣлительнымъ, точнымъ выводамъ.

Потребляемая человѣкомъ пища производитъ два, и только два, дѣйствія, необходимыя для его существованія. Во первыхъ, она снабжаетъ его тою животною теплотою, безъ которой остановились бы жизненныя отправленія, а во вторыхъ, восполняетъ постоянно происходящую убыль въ тканяхъ, т. е. въ механизмѣ его тѣла. Для каждой изъ этихъ двухъ цѣлей служитъ особая пища. Температура нашего тѣла поддерживается веществами, которыя не заключаютъ въ себѣ азота и называются безъазотными; безпрестанная же убыль въ нашемъ организмѣ восполняется веществами, извѣстными подъ именемъ азотистыхъ, всегда содержащими азотъ. Въ первомъ случаѣ, углеродъ безъазотной пищи, соединяясь съ принимаемымъ нами кислородомъ, производитъ то внутреннее сгараніе, отъ котораго возобновляется наша животная теплота. Во второмъ же случаѣ, азотная или азотистая пища, будучи вслѣдствіе малаго сродства азота съ кислородомъ, какъ бы предохранена отъ сгаранія, сохраняется и имѣетъ такимъ образомъ возможность выполнять свое назначеніе, т. е. возстановлять ткани и восполнять потери, которымъ постоянно подвергается человѣческій организмъ въ ежедневной жизни.

Вотъ два главные разряда пищи, и если мы изслѣдуемъ законы, которыми опредѣляется ихъ отношеніе къ человѣку, то найдемъ, что въ обоихъ разрядахъ главнѣйшимъ дѣятелемъ является климатъ. Когда люди живутъ въ жаркой странѣ, то ихъ животная теплота поддерживается легче, чѣмъ поддерживалась бы въ холодной странѣ; поэтому, они менѣе требуютъ безъазотной пищи, единственное назначеніе которой — поддерживать до извѣстной степени температуру тѣла. Равнымъ образомъ въ жаркой странѣ, люди менѣе требуютъ азотистой пищи, ибо вообще ихъ тѣло рѣже подвергается напряженіямъ и потому убыль въ немъ тканей происходитъ медленнѣе.

И такъ, жители жаркихъ странъ, въ естественномъ, нормальномъ, состояніи своемъ, потребляютъ менѣе пищи, чѣмъ

жители странъ холодныхъ, а изъ этого неизбѣжно слѣдуетъ что при равенствѣ другихъ условiй, приращенiе народонаселенiя будетъ быстрѣе въ жаркихъ странахъ, чѣмъ въ холодныхъ. Для цѣлей практическихъ совершенно безразлично, отчего происходитъ большая обезпеченность въ снабженiи народа веществомъ, употребляемымъ имъ въ пищу, т. е. отъ большаго ли производства, или же отъ меньшаго потребленiя. Когда люди ѣдятъ менѣе, то результатъ бываетъ рѣшительно тотъ же, какъ если бы у нихъ было больше пищи: въ этомъ случаѣ того же количества хватаетъ на большее время. Вотъ почему въ тепломъ климатѣ народонаселенiе имѣетъ больше данныхъ для быстраго размноженiя, чѣмъ въ холодномъ, гдѣ еслибъ образовался и немепѣе обильный запасъ пищи, то, во всякомъ случаѣ, онъ вскорѣ бы истощился.

Вотъ первая точка зрѣнiя, съ которой законы климата представляются связанными, посредствомъ пищи, съ законами народонаселенiя, а слѣдовательно и съ законами распредѣленiя богатства. Но есть и другая точка зрѣнiя, въ томъ же направленiи мыслей, съ которой также оказывается справедливымъ сдѣланный выше выводъ. А именно, въ холодныхъ странахъ, люди не только должны ѣсть болѣе, чѣмъ въ жаркихъ, но и самая пища ихъ стóитъ дороже, т. е. добыванiе ея требуетъ большей затраты труда. Причины этого я изложу, какъ можно кратче, не выходя за предѣлы тѣхъ подробностей, которыя крайне необходимы для вѣрнаго пониманiя этого занимательнаго предмета.

Пища имѣетъ, какъ мы видѣли, только два назначенiя, а именно: поддерживать теплоту тѣла и пополнять убыль его тканей. Первая изъ этихъ двухъ цѣлей достигается тѣмъ, что кислородъ воздуха, проникая въ наши легкiя и распространяясь по нашему организму, соединяется съ углеродомъ, который мы принимаемъ въ нашей пищѣ. Это соединенiе кислорода съ углеродомъ никогда не можетъ произойти

безъ отдѣленія значительнаго количества теплоты, и этимъ то процессомъ и поддерживается въ человѣческомъ тѣлѣ необходимая для него температура. Въ силу закона, хорошо извѣстнаго химикамъ, углеродъ и кислородъ, какъ и всѣ другіе элементы, соединяются только въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ пропорціяхъ, такъ что, для удержанія здороваго равновѣсія, необходимо, чтобы пища, содержащая углеродъ, видоизмѣнялась сообразно съ количествомъ принимаемаго нами кислорода; въ то же время одинаково необходимо, чтобы мы увеличивали пріемы, какъ углерода, такъ и кислорода, всякій разъ, какъ усилившійся внѣшній холодъ понизитъ температуру нашего тѣла. Теперь очевидно, что въ особенно холодномъ климатѣ, эта необходимость въ пищѣ съ большимъ содержаніемъ углерода представляется съ двухъ различныхъ сторонъ. Во первыхъ, вслѣдствіе большей густоты воздуха, люди вбираютъ въ себя, съ каждымъ дыханіемъ, бóльшій объемъ кислорода, чѣмъ вдыхали бы въ такомъ климатѣ, въ которомъ воздухъ разрѣжается отъ теплоты. Во вторыхъ, холодъ ускоряетъ ихъ дыханіе и, вынуждая ихъ, такимъ образомъ, дышать чаще, чѣмъ дышутъ жители жаркихъ странъ, тоже увеличиваетъ среднее количество вдыхаемаго ими кислорода. По обѣимъ этимъ причинамъ, увеличивается потребленіе кислорода, а слѣдовательно требуется также большее потребленіе углерода, ибо только соединеніемъ этихъ двухъ элементовъ въ извѣстной, опредѣленной пропорціи, поддерживается температура тѣла и равновѣсіе человѣческаго организма.

Исходя отъ этихъ химическихъ и физіологическихъ началъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что чѣмъ холоднѣе страна, въ которой живетъ народъ, тѣмъ больше углерода должна содержать его пища. Этотъ чисто научный выводъ подтвердился и на опытѣ. Жители полярныхъ странъ потребляютъ въ большихъ количествахъ китовый жиръ и китовое сало, между тѣмъ какъ между тропиками отъ по-

добной пищи вскорѣ послѣдовала бы смерть, и потому тамъ обыкновенная пища состоитъ почти исключительно изъ плодовъ, риса и другихъ растительныхъ веществъ. Затѣмъ приведено въ извѣстность, посредствомъ тщательнаго анализа, что въ полярной пищѣ содержится въ излишкѣ углеродъ, а въ тропической кислородъ. Не входя въ подробности, которыя большинству читателей показались бы скучными, можно сказать вообще, что масла содержатъ почти въ шестеро болѣе углерода, чѣмъ плоды, и что въ нихъ очень мало кислорода, между тѣмъ, какъ крахмалъ, самая общая и, въ отношеніи къ питанію, самая важная составная часть въ царствѣ растительномъ, состоитъ почти на половину изъ кислорода.

Связь между этими обстоятельствами и предметомъ, занимающимъ насъ въ настоящую минуту, въ высшей степени любопытна; ибо весьма замѣчательный фактъ—фактъ, на который желательно, чтобы обратили особенное вниманіе—составляетъ то, что въ силу какихъ то общихъ законовъ, намъ неизвѣстныхъ, пища, отличающаяся большимъ содержаніемъ углерода, стоитъ дороже пищи, содержащей его въ сравнительно маломъ количествѣ. Плоды земли, въ которыхъ самымъ дѣятельнымъ началомъ является кислородъ, находятся въ большомъ изобиліи; пріобрѣтеніе ихъ не сопряжено съ опасностью и почти не требуетъ труда. Напротивъ, пища съ большимъ содержаніемъ углерода, которая, въ холодномъ климатѣ, безусловно необходима для поддержанія жизни, не производится такъ легко и не является сама собою. Она не выходитъ, подобно растеніямъ, изъ земли, а составляется изъ жира, сала и масла, получаемыхъ отъ сильныхъ, дикихъ животныхъ. Чтобы добыть ее, человѣкъ долженъ подвергаться большимъ опасностямъ и переносить большіе труды. Тутъ конечно противопоставлены крайніе случаи, но тѣмъ не менѣе очевидно, что чѣмъ болѣе приближается какой нибудь народъ къ той или другой изъ крайностей, тѣмъ болѣе ста-

новится онъ въ зависимость отъ обстоятельствъ, обусловливающихъ эти крайности. И можно очевидно принять за общее правило, что чѣмъ холоднѣе страна, тѣмъ болѣе должна содержать углерода употребляемая въ ней пища, а чѣмъ теплѣе, тѣмъ болѣе кислорода. Въ то же время пища, содержащая углеродъ, извлекаемая главнѣйшимъ образомъ изъ міра животнаго, достается труднѣе, чѣмъ пища, содержащая кислородъ и получаемая изъ міра растительнаго. Вотъ почему у жителей тѣхъ странъ, гдѣ холодный климатъ дѣлаетъ необходимымъ употребленіе пищи съ значительнымъ содержаніемъ углерода, развивался большею частью, даже въ младенчествѣ общества, болѣе смѣлый и предпріимчивый характеръ, чѣмъ у тѣхъ народовъ, обыкновенная пища которыхъ, отличаясь преобладаніемъ кислорода, добывается легко и, можно сказать, достается отъ щедротъ природы, даромъ, безъ всякаго труда. Это коренное различіе имѣетъ и многія другія послѣдствія, которыхъ однако мнѣ здѣсь нѣтъ нужды перечислять, такъ какъ моя настоящая цѣль-только указать, какое вліяніе имѣетъ это различіе пищи на пропорцію, въ которой разпредѣляется богатство между различными классами общества.

Какимъ образомъ дѣйствительно измѣняется эта пропорція, я надѣюсь, достаточно разъяснено предъидущими разсужденіями. Но можетъ быть полезно перечислить факты, на которыхъ основываются эти разсужденія. Это просто слѣдующіе факты: размѣръ задѣльной платы измѣняется съ цифрою народонаселенія, возрастая, когда предложеніе на рынкѣ труда бываетъ ниже спроса, и уменьшаясь, когда оно превышаетъ его. Самая же цифра народонаселенія, не смотря на то, что на нее имѣютъ вліяніе и многія другія обстоятельства, измѣняется, безъ сомнѣнія, сообразно съ состояніемъ запаса пищи,—увеличиваясь, когда онъ обиленъ, и оставаясь безъ измѣненія или уменьшаясь, когда онъ скуденъ. Пища, необходимая для поддержанія жизни находится въ холодныхъ

странахъ въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ въ жаркихъ, а между тѣмъ требуется въ большемъ количествѣ; такъ что, по обѣимъ этимъ причинамъ, тамъ менѣе поощряется приращеніе того населенія, изъ среды котораго наполняется рынокъ труда. Мы можемъ, слѣдовательно, сказать, приводя это заключеніе въ его простѣйшій видъ, что въ жаркихъ странахъ задѣльная плата сильно склонна къ пониженію, а въ холодныхъ—къ повышенію.

Прилагая затѣмъ этотъ великій принципъ къ общему ходу исторіи, мы вездѣ найдемъ доказательства его справедливости. И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни однаго примѣра противнаго. Въ Азіи, въ Африкѣ и въ Америкѣ, всѣ древнія цивилизаціи сосредоточивались въ жаркихъ странахъ, и во всѣхъ этихъ странахъ задѣльная плата была очень низка и по этому рабочіе классы находились въ самомъ угнетенномъ состояніи. Въ Европѣ, впервые возникла цивилизація въ болѣе холодномъ климатѣ; это повело къ увеличенію вознагражденія за трудъ и къ болѣе равномѣрному распредѣленію богатства, чѣмъ было возможно въ странахъ, гдѣ чрезмѣрное изобиліе пищи благопріятствовало увеличенію народонаселенія. Это различіе повело, какъ мы вскорѣ увидимъ, ко многимъ соціальнымъ и политическимъ послѣдствіямъ огромной важности. Но прежде, чѣмъ входить въ разсмотрѣніе этихъ послѣдствій, должно замѣтить, что единственное видимое исключеніе изъ сдѣланнаго нами вывода, служитъ именно самымъ разительнымъ подтвержденіемъ общаго закона. Есть одинъ, и только одинъ, примѣръ значительнаго европейскаго народа, имѣющаго дешевую національную пищу. Едвали нужно говорить, что народъ этотъ Ирландцы. Въ Ирландіи, рабочіе классы, въ продолженіе слишкомъ двухъ вѣковъ, питались, главнѣйшимъ образомъ, картофелемъ, который былъ ввезенъ въ эту страну въ самомъ концѣ XVI или въ началѣ XVII столѣтія; особенность же картофеля составляетъ то, что онъ стоилъ, до появленія послѣдней болѣзни его, а можетъ быть стоитъ и те-

перь, дешевле всякой другой одинаково здоровой пищи. Сравнивая его воспроизводительную способность съ количествомъ содержащихся въ немъ питательныхъ веществъ, мы находимъ, что одинъ акръ средняго качества земли, засѣянный картофелемъ, прокормитъ вдвое большее число людей, чѣмъ такое же пространство, засѣянное пшеницею. Отъ этого въ странѣ, гдѣ люди питаются картофелемъ, народонаселеніе должно, при почти равныхъ другихъ условіяхъ, возрастать вдвое быстрѣе, чѣмъ въ странѣ, гдѣ они питаются пшеницею. Такъ оно вышло и на самомъ дѣлѣ. До самыхъ послѣднихъ годовъ, когда дѣла приняли другой оборотъ, вслѣдствіе эпидеміи и переселеній, народонаселеніе Ирландіи увеличивалось, круглымъ числомъ, ежегодно на три процента, между тѣмъ какъ народонаселеніе Англіи, въ такой же періодъ времени, увеличивалось на полтора процента. Результатомъ этого было совершенно различное распредѣленіе богатства въ этихъ двухъ странахъ. Даже въ Англіи народонаселеніе увеличивается слишкомъ быстро и, вслѣдствіе переполненія рынка труда, рабочіе классы не получаютъ достаточнаго вознагражденія за свой трудъ. Но ихъ положеніе оказывается самымъ блистательнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ должны были довольствоваться, не болѣе какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, рабочіе классы въ Ирландіи. Бѣдствіе, въ которое они были повергнуты, безъ сомнѣнія, всегда усиливалось отъ невѣжества ихъ властей и отъ того постыдно дурнаго управленія, которое составляло, до весьма недавняго времени, одно изъ самыхъ темныхъ пятенъ на славѣ Англіи; самая же дѣйствительная причина заключалась въ томъ, что задѣльная плата ихъ была такъ низка, что они были лишены не только удобствъ, но и обыкновенной пристойности, требуемой цивилизованнымъ образомъ жизни. А это печальное состояніе было естественнымъ послѣдствіемъ той дешевизны и того изобилія пищи, подъ вліяніемъ которыхъ народонаселеніе такъ быстро увеличивалось, что рынокъ труда былъ

постоянно переполненъ. Это доходило до того, что, какъ замѣчаетъ одинъ умный наблюдатель, путешествовавшiй по Ирландiи двадцать лѣтъ тому назадъ, средняя задѣльная плата была въ то время четыре пенса въ день, и даже при такомъ жалкомъ возмездiи не всегда можно было разсчитывать на постоянное занятiе. Таковы были послѣдствiя дешевизны пищи въ странѣ, которая вообще имѣетъ болѣе естественныхъ средствъ, чѣмъ всякая другая страна въ Европѣ. Если же мы изслѣдуемъ въ большемъ размѣрѣ соцiальныя и экономическiя условiя народовъ, то увидимъ, что вездѣ дѣятельно проявляется одно и то же начало. Мы увидимъ, что при равенствѣ другихъ условiй, отъ пищи народа зависитъ его численное приращенiе, а отъ его численнаго приращенiя— размѣръ задѣльной платы. Увидимъ также, что когда задѣльная плата бываетъ постоянно низка и, слѣдовательно, богатство рапредѣляется весьма неравномѣрно, то также неравномѣрно распредѣляется и политическое значенiе и общественное влiянiе; другими словами, окажется, что нормальное среднее отношенiе между высшими и низшими классами, въ основанiи своемъ, зависитъ отъ тѣхъ особенностей природы, дѣйствiе которыхъ я пытался обнаружить. Если мы сообразимъ все это вмѣстѣ, то будемъ, я увѣренъ, въ состоянiи различать съ неслыханною доселѣ ясностью тѣсную связь, существующую между физическимъ и нравственнымъ мiромъ, законы, опредѣляющiе эту связь, и причины, по коорымъ столь многiя древнiя цивилизацiи, достигнувъ извѣстной степени развитiя, затѣмъ падали, не будучи въ силахъ противостоять давленiю природы или совладать съ тѣми внѣшними препятствiями, которыя дѣятельно задерживали ихъ дальнѣйшее развитiе.

Обратимся прежде всего къ Азiи, и мы увидимъ разительный примѣръ того, что можно назвать столкновенiемъ между явленiями внутренняго и внѣшняго мiра. По причинамъ, изложеннымъ выше, азiатская цивилизацiя всегда ограничива-

лась тою богатою полосою, на которой легко пріобрѣталось богатство. Этотъ громадный поясъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя изъ самыхъ плодородныхъ мѣстностей на земномъ шарѣ. Изъ странъ, входящихъ въ составъ его, Индостанъ долѣе всѣхъ другихъ пользовался величайшею цивилизаціею. А какъ при томъ, для составленія мнѣнія объ Индіи, мы имѣемъ болѣе полныя данныя, чѣмъ для заключенія о какой либо другой части Азіи, то я намѣренъ взять ее примѣромъ, для объясненія тѣхъ законовъ, которые хотя составляютъ общіе выводы изъ политической экономіи, химіи и физіологіи, но могутъ быть подвергнуты повѣркѣ въ болѣе обширномъ размѣрѣ, возможной только при помощи исторіи.

Въ Индіи, вслѣдствіе ея жаркаго климата, дѣйствуетъ уже указанный нами выше законъ, въ силу котораго обыкновенно употребляемая пища должна быть скорѣе кислородистаго, чѣмъ углеродистаго свойства; а это, въ силу другаго закона, заставляетъ народъ извлекать обычную пищу не изъ животнаго, а изъ растительнаго царства, въ произведеніяхъ котораго главною составною частью является крахмалъ. Въ то же время, высокая температура, дѣлая людей неспособными къ тяжелой работѣ, порождаетъ необходимость въ такой именно пищѣ, которая бы родилась въ изобиліи и содержала, въ сравнительно маломъ объемѣ, значительное количество питательныхъ веществъ. И такъ, вотъ нѣсколько особенностей, которыя должны оказаться въ обычной пищѣ народовъ Индіи, если только справедливы приведенныя выше воззрѣнія. Все это дѣйствительно оправдывается. Съ самыхъ раннихъ временъ, наиболѣе распространенною пищею въ Индіи былъ рисъ, самое питательное изъ хлѣбныхъ растеній — растеніе, содержащее огромное количество крахмала и вознаграждающее трудъ земледѣльца среднимъ урожаемъ по крайней мѣрѣ въ 60 зеренъ.

И такъ, посредствомъ приложенія къ какой нибудь странѣ нѣсколькихъ физическихъ законовъ, можно узнать впередъ,

какая въ ней должна быть національная пища, и такимъ образомъ угадать длинный рядъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Не менѣе замѣчательно въ этомъ случаѣ то, что, хотя на югѣ полуострова рисъ теперь не въ такомъ употребленіи, какъ былъ прежде, но онъ замѣняется не животною пищею, а другимъ зерномъ, называемыхъ *раджи*. Однако рисъ до такой степени соотвѣтствуетъ приведеннымъ мною выше условіямъ, что онъ всетаки составляетъ наиболѣе употребительную пищу почти во всѣхъ жаркихъ странахъ Азіи, изъ которыхъ, въ различныя времена, онъ былъ перенесенъ и въ другія части свѣта.

Отъ этихъ особенностей климата и пищи произошло въ Индіи то неравномѣрное распредѣленіе богатства, которое всегда должно оказаться въ странахъ, гдѣ рынокъ труда бываетъ постоянно переполненъ. Просматривая самыя раннія изъ сохранившихся свѣденій объ Индіи, — свѣденіямъ этимъ отъ двухъ до трехъ тысячъ лѣтъ, — мы находимъ слѣды порядка вещей, подобнаго существующему въ настоящее время, порядка, который—мы можемъ быть въ томъ увѣрены—всегда существовалъ, съ самаго того времени, какъ началось настоящее накопленіе богатства. Мы находимъ, что высшіе классы непомѣрно богаты, а низшіе жалко бѣдны; находимъ, что тѣ, чьимъ трудомъ производится богатство, получаютъ возможно меньшую долю его, остальная же часть поглощается высшими классами, въ видѣ ренты, или въ видѣ прибыли. А какъ богатство составляетъ, послѣ ума, самый постоянный источникъ силы, то естественнымъ образомъ такое неравномѣрное распредѣленіе богатства сопровождалось столь же неравномѣрнымъ распредѣленіемъ общественнаго и политическаго вліянія. Неудивительно послѣ этого, что въ Индіи, съ самыхъ раннихъ временъ, къ какимъ восходятъ наши свѣденія о ней, огромное большинство народа, угнетенное жесточайшею бѣдностью и перебивающееся, такъ сказать, со дня на день, всегда оставалось въ состоеніи безсмысленнаго униженія,

4*

изнемогая подъ бременемъ безпрерывныхъ несчастій, пресмыкаясь въ гнусной покорности передъ сильнымъ и проявляя способность только къ тому, чтобы или самимъ быть рабами, или служить на войнѣ орудіемъ порабощенія другихъ.

Опредѣлить съ точностью цѣнность средняго размѣра задѣльной платы въ Индіи, за какой нибудь значительный періодъ времени, невозможно; размѣръ этотъ можетъ, конечно, быть выраженъ въ деньгахъ, но цѣнность денегъ, т. е. ихъ мѣновое значеніе, подвержена безчисленнымъ колебаніямъ, происходящимъ отъ измѣненій въ стоимости продуктовъ. Но мы можемъ достигнуть настоящей цѣли нашей съ помощью одного метода изслѣдованія, который приведетъ насъ къ гораздо точнѣйшимъ результатамъ, чѣмъ всякія показанія, опирающіяся единственно на собраніи данныхъ о самой задѣльной платѣ. Методъ этотъ основывается на слѣдующемъ простомъ соображеніи: какъ богатство страны дѣлится только на задѣльную плату, ренту, прибыль и процентъ, и какъ процентъ, въ среднемъ выводѣ, служитъ точною мѣрою прибыли, то изъ этого слѣдуетъ, что если у какого нибудь народа и рента, и процентъ высоки, то задѣльная плата должна быть низка. Поэтому, если мы приведемъ въ извѣстность текущій процентъ на деньги и пропорцію произведеній земли, поглощаемую рентою, то получимъ совершенно вѣрное понятіе о задѣльной платѣ; ибо задѣльная плата есть то, что остается на долю работниковъ, за уплатою ренты, прибыли и процента.

Замѣчательно, что въ Индіи, и процентъ и рента были всегда очень высоки. Въ *Институтахъ Мену*, которые были собраны около 900 года до Р. Х., низшій законный процентъ полагается въ 15%, а высшій въ 60%. И на это не должно смотрѣть, какъ на какой нибудь старый законъ, уже утратившій силу дѣйствія; напротивъ, *Институты Мену* лежатъ и до сихъ поръ въ основаніи индійской юриспруденціи; и мы знаемъ изъ весьма достовѣрнаго источника,

что въ Индiи, въ 1810 г. процентъ на денежныя ссуды колебался между 36% и 60%.

Вотъ, что мы знаемъ объ одномъ изъ элементовъ нашего вычисленiя. О другомъ, а именно о рентѣ, мы имѣемъ не менѣе точныя и достовѣрныя свѣденiя. Въ Англiи и Шотландiи, рента, платимая земледѣльцемъ за пользованiе землею, исчисляется круглымъ числомъ, безъ различiя фермъ, въ четверть валоваго дохода. Во Францiи, средняя пропорцiя доходитъ до одной трети; между тѣмъ въ сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатахъ, какъ всѣмъ извѣстно, плата эта гораздо ниже, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ собственно существуетъ только по имени. Въ Индiи же, законная рента, т. е. низшiй размѣръ ея, признанный правомъ и обычаемъ, — половина сбора; и даже это жестокое положенiе не строго соблюдается, ибо во многихъ случаяхъ взимаются такiя высокiя ренты, что земледѣлецъ, не только не получаетъ половины сбора, но едва имѣетъ сѣмена для слѣдующаго посѣва.

Выводъ изъ этихъ фактовъ очевиденъ. При постоянно высокомъ уровнѣ процента и ренты и при томъ условiи, что процентъ измѣняется сообразно съ размѣромъ прибыли, ясно, что задѣльная плата должна была быть весьма низка; такъ какъ въ Индiи извѣстный итогъ богатства подлежалъ распредѣленiю на ренту, процентъ, прибыль и задѣльную плату, то очевидно, что первыя доли могли увеличиться только на счотъ четвертой, т. е. другими словами, вознагражденiе работниковъ было очень слабо въ сравненiи съ вознагражденiемъ высшихъ классовъ. Хотя этотъ выводъ, какъ самый прямой, не требуетъ подкрѣпленiя извнѣ, не мѣшаетъ однако замѣтить, что въ новѣйшiя времена, которыми ограничиваются наши прямыя свѣденiя объ Индiи, задѣльная плата была тамъ постоянно весьма низка и народъ вынужденъ былъ, какъ и въ настоящее время, работать за такую плату, которая едва покрывала его жизненныя потребности.

Вотъ первое важное послѣдствіе, къ которому привела въ Индіи дешевизна общеупотребительной пищи. Но зло далеко не остановилось на этомъ. Въ Индіи, какъ и во всякой другой странѣ, бѣдность навлекаетъ презрѣніе, а богатство даетъ силу. При равенствѣ другихъ условій, обыкновенно бываетъ такъ, что и цѣлыя корпораціи, и отдѣльныя лица, чѣмъ богаче, тѣмъ болѣе пріобрѣтаютъ вліянія. Поэтому и слѣдовало ожидать, что неравномѣрное распредѣленіе богатства поведетъ къ неравномѣрному распредѣленію силы; а какъ нѣтъ примѣра въ исторіи, чтобы какой нибудь классъ, обладая силою, не злоупотреблялъ ею, то нетрудно понять, почему народъ въ Индіи, осужденный на бѣдность физическими законами климата, впалъ въ униженіе, изъ котораго никогда уже не могъ подняться. Можно привести нѣсколько примѣровъ, скорѣе для объясненія, чѣмъ для доказательства принципа, который, послѣ всѣхъ предшествовавшихъ разсужденій, не можетъ, мнѣ кажется, подлежать никакому сомнѣнію.

Значительной части индійскаго народа присвоено названіе Судрей. О членахъ этой касты встрѣчаются любопытныя мелкія постановленія въ туземныхъ законахъ. Если членъ этого презрѣннаго класса осмѣливался сѣсть на то же мѣсто, которое занимали высшія лица, то онъ подвергался изгнанію изъ отечества или какому нибудь мучительному и позорному наказанію; если онъ непочтительно выражался о нихъ, то ему прижигали ротъ, если же дѣйствительно оскорблялъ ихъ, то разрѣзали языкъ; если онъ причинялъ безпокойство брамину, его казнили смертью; если садился на одинъ коверъ съ браминомъ, то его изувѣчивали на всю жизнь; если, движимый любознательностью, онъ прислушивался къ чтенію священныхъ книгъ, то ему вливали въ уши горячее масло; если же заучивалъ ихъ наизусть, то его убивали; если онъ совершалъ какое нибудь преступленіе, то подвергался за него болѣе строгому наказанію, чѣмъ то, которое назначалось высшимъ лицамъ; если же его

убивали, то отвѣтственность за это была та же, какъ и за убiенiе собаки, кошки или вороны. Если онъ выдавалъ дочь свою замужъ за брамина, то никакое изъ наказанiй, налагаемыхъ на этомъ свѣтѣ, не считалось для него достаточнымъ; поэтому объявлялось, что браминъ долженъ идти въ адъ, за то, что потерпѣлъ оскверненiе отъ женщины, стоящей неизмѣримо ниже его. Даже было опредѣлено, чтобы самое имя работника уже выражало презрѣнiе, такъ чтобы можно было прямо узнать, какое ему свойственно мѣсто. А на случай, еслибъ и этого оказалось недостаточно для поддержанiя общественной подчиненности, изданъ былъ положительный законъ, воспрещавшiй работнику накоплять богатство; въ то же время, другимъ постановленiемъ опредѣлялось, что Судра, даже по полученiи свободы отъ своего хозяина, на самомъ дѣлѣ, продолжаетъ быть рабомъ, «ибо», говоритъ законодатель, «кѣмъ можетъ онъ быть выведенъ изъ состоянiя, которое свойственно его природѣ?»

И подлинно, кто бы могъ вывести его изъ этого состоянiя? Не могу представить себѣ, гдѣ бы могла быть такая сила, которая была бы въ состоянiи совершить столь великое чудо. Въ Индiи, рабство, низкое, вѣчное рабство, было естественнымъ состоянiемъ значительнаго большинства народа; на это состоянiе онъ обреченъ былъ физическими законами, рѣшительно не допускавшими сопротивленiя. И въ самомъ дѣлѣ, сила этихъ законовъ такъ непреодолима, что вездѣ, гдѣ только проявлялось ихъ дѣйствiе, они держали производительные классы въ постоянномъ подчиненiи. Нѣтъ примѣра въ исторiи, чтобы въ какой нибудь тропической странѣ, при значительномъ накопленiи богатства, народъ избѣгнулъ такой судьбы; нѣтъ примѣра, чтобы, вслѣдствiе жаркаго климата, не оказалось избытка пищи, а вслѣдствiе избытка пищи — неравномѣрнаго распредѣленiя, сперва богатства, а за нимъ и политическаго и общественнаго влiянiя. Въ нацiяхъ,

подчиненныхъ этимъ условіямъ, народъ не считался ничѣмъ; онъ не имѣлъ никакого голоса въ государственномъ управленіи, никакого контроля надъ богатствомъ, плодомъ его же трудолюбія. Единственнымъ дѣломъ его было трудиться, единственною обязанностью — повиноваться. Вотъ гдѣ начало того расположенія къ тихой, раболѣпной покорности, которое, какъ мы знаемъ изъ исторіи, было всегда отличительною чертою такихъ народовъ. То несомнѣнный фактъ, что лѣтописи этихъ народовъ не представляютъ намъ ни одного примѣра возстанія противъ правителей, ни одной борьбы сословій, ни одного народнаго возстанія, ни даже значительнаго народнаго заговора. Въ этихъ богатыхъ и плодородныхъ странахъ, много было перемѣнъ, но всѣ онѣ начинались сверху, а не снизу. Демократическаго элемента въ нихъ рѣшительно недоставало. Было множество войнъ царей и войнъ династій, были перевороты въ правительствѣ, перевороты во дворцѣ, перевороты на тронѣ, но ихъ вовсе не было въ народѣ; не было никакого облегченія той тяжкой доли, которую онъ терпѣлъ скорѣе отъ природы, чѣмъ отъ человѣка. Только съ зарожденіемъ цивилизаціи въ Европѣ, возымѣли дѣйствіе другіе законы, а слѣдовательно стали оказываться и другіе результаты. Въ Европѣ былъ сдѣланъ первый шагъ къ уравненію правъ, впервые обнаружилось стремленіе къ ограниченію той несоразмѣрности въ распредѣленіи богатства и вліянія, которая составляла существенно слабую сторону величайшихъ изъ древнихъ государствъ. Естественно, что въ Европѣ возникло и все, что достойно имени цивилизаціи, ибо только тамъ сдѣланы были попытки удержать равновѣсіе ея соотвѣтственныхъ частей. Только тамъ образовалось общество по плану, конечно еще не довольно обширному, но всетаки на столько широкому, чтобы вмѣстить всѣ различные классы, изъ которыхъ оно составляется, и чтобы, давая, такимъ образомъ, просторъ развитію частей, обезпечить прочность и преуспѣяніе цѣлаго.

Какимъ образомъ нѣкоторыя другiя физическiя особенности Европы тоже ускоряли умственное развитiе человѣка, освобождая его отъ предразсудковъ,—будетъ показано въ концѣ настоящей главы. Такъ какъ это должно повести насъ къ разсмотрѣнiю законовъ, о которыхъ я еще до сихъ поръ не упоминалъ, то мнѣ кажется благоразумнымъ окончить сперва наше настоящее изслѣдованiе; поэтому-то я перехожу къ доказательству того, что рядъ разсужденiй которыя я только-что сдѣлалъ по поводу Индiи, примѣняется также къ Египту, Мексикѣ и Перу. Включивъ, такимъ образомъ, въ одинъ обзоръ наиболѣе выдающiяся впередъ цивилизацiи Азiи, Африки и Америки, мы будемъ въ состоянiи видѣть, до какой степени замѣченныя выше начала проявляются въ различныхъ, отдаленныхъ другъ отъ друга странахъ, и соберемъ довольно полные матерiалы для повѣрки справедливости тѣхъ великихъ законовъ, которые, безъ этой предосторожности, могли бы показаться общими выводами изъ скудныхъ и несовершенныхъ данныхъ.

О причинахъ, по которымъ, изъ всѣхъ африканскихъ народовъ, одни Египтяне были цивилизованы, мы уже говорили выше: мы доказали, что это зависѣло отъ тѣхъ физическихъ особенностей, которыя отличали ихъ страну отъ сосѣднихъ съ нею и которыя, облегчая прiобрѣтенiе богатства, не только давали имъ матерiальныя средства, недостижимыя при другихъ условiяхъ, но и обезпечивали ихъ мыслящимъ классамъ досугъ и удобства, необходимые для расширенiя предѣловъ знанiя. Правда, конечно, что не смотря на всѣ эти преимущества, Египтяне не сдѣлали ничего особенно важнаго, но это должно приписать обстоятельствамъ, которыя я объясню послѣ; во всякомъ же случаѣ, должно согласиться, что они стояли несравненно выше всѣхъ другихъ народовъ, населявшихъ Африру.

Какъ цивилизацiя Египта, подобно цивилизацiи Индiи, возникла подъ влiянiемъ почвы, и какъ Египетъ тоже находит-

ся въ жаркомъ климатѣ, то въ обѣихъ этихъ странахъ возымѣли дѣйствіе одни и тѣ же законы, и это привело, естественнымъ образомъ, къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Мы находимъ, что какъ въ той, такъ и въ другой странѣ, общеупотребительная пища дешева и обильна, отчего рынокъ труда переполненъ, богатство и вліяніе распредѣлены весьма неравномѣрно и замѣчаются всѣ неизбѣжныя послѣдствія этой неравномѣрности. Какое вліяніе имѣлъ подобный порядокъ вещей въ Индіи, это я уже пытался объяснить выше. Для изученія прежняго состоянія Египта мы имѣемъ конечно гораздо менѣе матеріаловъ, но имѣемъ ихъ всетаки достаточно, чтобы убѣдиться въ разительномъ сходствѣ этихъ двухъ цивилизацій и въ тождествѣ коренныхъ началъ, управлявшихъ ходомъ ихъ общественнаго и политическаго развитія.

Если мы вникнемъ въ главнѣйшія изъ условій, въ которыхъ стоялъ народъ въ древнемъ Египтѣ, то увидимъ, что они совершенно соотвѣтствовали тому, что замѣчено нами въ Индіи. Начнемъ съ общеупотребительной пищи. Что́ рисъ для самыхъ плодородныхъ странъ Азіи, то финики для Африки. Пальмовое дерево встрѣчается во всѣхъ мѣстностяхъ отъ Тигра до Атлантическаго Океана; оно доставляетъ дневное пропитаніе милліонамъ людей въ Аравіи и почти во всей Африкѣ къ сѣверу отъ экватора. Правда, что во многихъ частяхъ большой африканской пустыни, оно неспособно приносить плодъ, но отъ природы это очень сильное растеніе; оно даетъ такое изобиліе финиковъ, что къ сѣверу отъ Сахары ими питаются не только люди, но и домашнія животныя. Въ Египтѣ же, гдѣ пальма растетъ, говорятъ, дико, финики родятся въ такомъ изобиліи, что не только служатъ главною пищею для народа, но и употребляются, съ самыхъ древнихъ временъ, даже въ кормъ верблюдамъ, единственному подъемному скоту, повсемѣстно распространенному въ этой странѣ.

Изъ этихъ фактовъ ясно, что принимая Египетъ за выс-

шій типъ африканской, а Индію за высшій типъ азіатской цивилизаціи, можно сказать, что для первой финики имѣли то же значеніе, какое имѣлъ для второй рисъ. Еще замѣчательно, что самыя важныя физическія особенности, заключающіяся въ рисѣ, находятся также и въ финикахъ. Что касается ихъ химическаго состава, то дознано, что основное начало питательности въ обоихъ этихъ веществахъ одно и тоже, только крахмалъ индійскаго растенія замѣняется въ египетскомъ сахаромъ. Въ отношеніи къ законамъ климата, сходство ихъ одинаково очевидно; какъ финики, такъ и рисъ принадлежатъ къ растеніямъ жаркихъ странъ и лучше всего растутъ подъ тропиками или по близости отъ нихъ. Въ ихъ размноженіи и въ законахъ ихъ связи съ почвою замѣчается не меньшее сходство, ибо финики, точно такъ же, какъ и рисъ, требуютъ мало ухода и даютъ обильные сборы, занимая между тѣмъ такое малое пространство земли, сравнительно съ количествомъ доставляемой ими пищи, что иногда до 200 пальмовыхъ деревъ помѣщаются на одномъ акрѣ.

Вотъ какое разительное сходство бываетъ, въ различныхъ странахъ, естественнымъ послѣдствіемъ тождества физическихъ условій. Въ Египтѣ, такъ же какъ и въ Индіи, успѣхамъ цивилизаціи предшествовало обладаніе въ высшей степени плодородною почвою. Въ то время, какъ избытокъ плодородія земли ускорялъ производство богатства, изобиліе пищи вліяло на пропорціи, въ которыхъ богатство это распредѣлялось. Самая плодородная часть Египта есть Саидъ; тамъ именно мы и находимъ полнѣйшее проявленіе искусства и знанія, въ великолѣпныхъ остаткахъ Өивъ, Карнака, Луксора, Дендеры и Эдфу. Въ то же время, въ Саидѣ или Өиваидѣ, какъ часто называютъ эту страну, употребляется такая пища, которая размножается еще быстрѣе финиковъ и риса, это именно дурра, разведеніе которой ограничивалось до недавняго времени однимъ Верхнимъ Египтомъ. Она

отличается такою плодовитостью, что награждаетъ часто земледѣльца урожаемъ до 240 зеренъ. Въ прежнее время, дурры не знали въ Нижнемъ Египтѣ, а употребляли въ пищу, въ дополненіе къ финикамъ, нѣчто въ родѣ хлѣба изъ лотоса, который производила сама собою плодородная почва Нила. Это была повидимому очень дешевая и всѣмъ доступная пища; кромѣ ея, было множество другихъ овощей и травъ, которые составляли главную пищу Египтянъ. И въ самомъ дѣлѣ, ихъ было такъ много, что въ эпоху вторженія магометанъ, въ одной Александріи, не менѣе четырехъ тысячъ человѣкъ занимались продажею овощей для народа.

Отъ такого изобилія общеупотребительной пищи произошелъ рядъ послѣдствій, совершенно сходныхъ съ оказавшимися въ Индіи. Въ Африкѣ вообще, увеличеніе народонаселенія, хотя и поощрялось, съ одной стороны, жаркимъ климатомъ, за то, съ другой, встрѣчало преграду въ слабой производительности почвы, а потому замѣченные выше законы возымѣли безусловное дѣйствіе. Въ силу этихъ законовъ, Египтяне не только дешево пріобрѣтали пищу, но и требовали ея сравнительно мало, такъ что двоякимъ путемъ расширялись предѣлы, до которыхъ могла доходить ихъ численность. Въ то же время, низшимъ классамъ въ Египтѣ было тѣмъ легче воспитывать своихъ дѣтей, что высокая температура воздуха сокращала для нихъ еще одинъ значительный расходъ: жаръ былъ такъ великъ, что даже для взрослыхъ одежда требовалась въ маломъ количествѣ и притомъ легкая, дѣти же рабочихъ классовъ ходили совершенно нагія, —въ чемъ представляется разительная противоположность съ болѣе холодными странами, гдѣ даже для сохраненія нормальнаго здоровья, необходима уже одежда болѣе теплая и дорогая. Діодоръ Сицилійскій, путешествовавшій по Египту девятнадцать столѣтій тому назадъ, говоритъ, что воспитаніе ребенка до зрѣлаго возраста стоило не болѣе двадцати драхмъ,

т. е. едва тринадцать шиллинговъ на англійскую монету,— обстоятельство, которому онъ справедливо приписываетъ многолюдность этой страны.

Соединяя сдѣланныя выше замѣчанія въ одно предложеніе, можно сказать, что въ Египтѣ люди размножались быстро, потому что тамъ почва усиливала снабженіе, въ то время какъ климатъ уменьшалъ потребности. Въ результатѣ оказалось, что Египетъ былъ населенъ гораздо гуще, чѣмъ всякая другая страна Африки, а по всей вѣроятности и чѣмъ любая страна древняго міра. Правда, что свѣденія наши объ этомъ предметѣ довольно скудны, но зато они заимствованы изъ несомнѣнно достовѣрныхъ источниковъ. Геродотъ, котораго чѣмъ болѣе понимаютъ, тѣмъ болѣе находятъ точнымъ въ показаніяхъ, утверждаетъ, что въ царствованіе Амазиса тамъ было, какъ говорили, двадцать тысячъ населенныхъ городовъ. Это могло бы, пожалуй, показаться преувеличеніемъ, но весьма замѣчательно то, что Діодоръ Сицилійскій, который путешествовалъ по Египту спустя четыре столѣтія послѣ Геродота, и который, завидуя славѣ своего великаго предшественника, старался подорвать довѣріе къ его показаніямъ, — подтверждаетъ всетаки его свидѣтельство объ этомъ важномъ предметѣ. Онъ не только говоритъ, что Египетъ былъ въ то время такъ же густо населенъ, какъ всякая другая страна, но и прибавляетъ, основываясь на имѣвшихся тогда свѣденіяхъ, что въ прежнее время это была самая населенная страна въ свѣтѣ; въ ней было, говоритъ онъ, слишкомъ 18,000 городовъ.

Вотъ единственные два древніе писателя, которые лично хорошо знали состояніе Египта; показанія ихъ тѣмъ болѣе цѣнны, что они, какъ видно, черпали свои свѣденія изъ различныхъ источниковъ: Геродотъ собиралъ ихъ, главнѣйшимъ образомъ, въ Мемфисѣ, а Діодоръ въ Ѳивахъ. При всемъ разнорѣчіи этихъ двухъ свидѣтельствъ, они оба согласны относительно быстроты, съ которою размножался

народъ, и рабскаго состоянія, въ которое онъ былъ повергнутъ. И подлинно, самый уже видъ этихъ громадныхъ и дорогихъ зданій, устоявшихъ и до сихъ поръ, свидѣльствуетъ о положеніи народа, строившаго ихъ. Чтобы воздвигать сооруженія въ такихъ чудовищныхъ размѣрахъ, и въ то же время такія безполезныя, для этого необходимо, чтобы правители были тираны, а народъ — рабы. Никакое богатство, какъ бы оно ни было велико, никакія затраты, какъ бы онѣ ни были щедры, не могли бы покрыть того расхода, который потребовался бы на эти работы, еслибъ ихъ дѣлали люди свободные, получающіе порядочное, честное вознагражденіе за свой трудъ. Но въ Египтѣ, какъ и въ Индіи, подобныя соображенія не принимались во вниманіе, ибо все было направлено къ тому, чтобы покровительствовать высшимъ сословіямъ общества и угнетать низшія. Между первыми и вторыми была огромная, непроходимая пропасть. Если членъ рабочаго класса перемѣнялъ свои обычныя занятія, или если узнавали, что онъ интересуется политическими вопросами, то его строго наказывали; и ни подъ какимъ условіемъ не дозволялось также владѣть землею земледѣльцу, ремесленнику или вообще кому бы то ни было, кромѣ царя, духовенства и войска. Масса же народа мало была отличаема отъ подъемнаго скота; ее считали неспособною ни къ чему болѣе, кромѣ непрерывной, безвозмездной работы. Если кто изъ простаго народа пренебрегалъ своею работою, то его за то сѣкли; этому же наказанію часто подвергали также домашнюю прислугу и даже женщинъ. Эти и подобныя имъ постановленія были хорошо задуманы; они удивительно согласовались со всею системою общественнаго устройства, которая, будучи основана на деспотизмѣ, могла держаться только жестокостью. Рабочія силы всего народа были въ безусловномъ распоряженіи малой части его,—вотъ что давало возможность воздвигать тѣ обширныя зданія, въ которыхъ опрометчивые наблюдатели

видятъ, съ удивленiемъ, доказательство цивилизацiи но которыя, въ сущности, свидѣтельствуютъ о порядкѣ вещей совершенно противоестественномъ и нездоровомъ, —порядкѣ, при которомъ умѣнiе и искусство обращались во вредъ тѣмъ, кому должны были бы приносить пользу, такъ что тѣ именно средства, которыя доставлялъ самъ народъ, противъ него же и обращались.

Чтобы въ такомъ состоянiи общества слишкомъ много обращали вниманiя на страданiя человѣческiя, —этого нельзя было и ожидать. Но насъ тѣмъ не менѣе поражаетъ безпечная щедрость, съ какою высшiе классы въ Египтѣ расточали трудъ и жизнь народа; въ этомъ отношенiи они, какъ ясно видно изъ сохраняющихся до сихъ поръ памятниковъ, являются единственными въ своемъ родѣ, и не имѣютъ соперниковъ. Мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятiе объ этой почти неимовѣрной расточительности, слыша, что двѣ тысячи человѣкъ употребили три года времени на перевозку одного камня съ Элефантины въ Саидъ, что одинъ каналъ Чермнаго моря стоитъ жизни ста двадцати тысячамъ Египтянъ, и что для постройки одной изъ пирамидъ требовалось, чтобы триста шестьдесятъ тысячъ человѣкъ работали двадцать лѣтъ.

Если отъ исторiи Азiи и Африки, мы перейдемъ къ Новому свѣту, то найдемъ новыя доказательства справедливости сдѣланныхъ нами выше замѣчанiй. Единственныя страны Америки, которыя, до прибытiя европейцевъ, были въ нѣкоторой степени цивилизованы, — это Мексика и Перу; къ нимъ можно еще пожалуй присоединить и ту длинную и узкую полосу земли, которая простирается отъ южной части Мексики до Панамскаго перешейка. Въ этой послѣдней мѣстности, которая извѣстна теперь подъ именемъ центральной Америки, жители, при помощи плодородiя почвы, повидимому выработали себѣ извѣстный итогъ знанiя; ибо сохраняющiяся до сихъ поръ развалины доказываютъ, что они

обладали искусствомъ въ механикѣ и архитектурѣ, слишкомъ высокимъ для совершенно невѣжественнаго народа. Кромѣ этого, мы ничего не знаемъ объ ихъ исторіи; но свѣденія, которыя мы имѣемъ о такихъ зданіяхъ, какъ Copan, Palenque и Uxmal, дѣлаютъ въ высшей степени правдоподобнымъ, что центральная Америка была средоточіемъ цивилизаціи, имѣвшей, во всѣхъ главныхъ чертахъ, сходство съ цивилизаціями Индіи и Египта, т. е. уподоблявшейся имъ неравномѣрностью распредѣленія богатства и вліянія и рабствомъ, въ которомъ оставалась, вслѣдствіе этого, значительная часть народа.

Но хотя данныя, по которымъ мы могли бы судить о прежнемъ состояніи центральной Америки, почти совершенно утрачены, за то намъ болѣе посчастливилось въ исторіи Мексики и Перу. Еще существуетъ значительное количество достовѣрныхъ матеріаловъ, изъ которыхъ мы можемъ составить себѣ понятіе о древнемъ состояніи этихъ двухъ странъ и о характерѣ и степени ихъ цивилизаціи. Прежде, однако, чѣмъ приступить къ этому предмету, кстати будетъ указать на тѣ физическіе законы, которыми опредѣлялись мѣстности для американской цивилизаціи, или, другими словами, разъяснить, почему только въ этихъ двухъ странахъ общество получило систематическое, прочное устройство, между тѣмъ какъ остальная часть Новаго свѣта была населена дикими, невѣжественными варварами. Этого рода изслѣдованіе будетъ въ высшей степени занимательно въ томъ отношеніи, что представитъ новыя доказательства необыкновенной, просто неотразимой силы, съ какою вліяла природа на судьбы человѣка.

Первое, что должно поразить насъ, это то обстоятельство, что въ Америкѣ, такъ же, какъ въ Азіи и Африкѣ, всѣ первоначальныя цивилизаціи сосредоточивались въ жаркихъ странахъ; такъ, все Перу собственно лежитъ внутри южнаго, а вся центральная Америка и Мексика внутри сѣвернаго тропиковъ. Какое имѣлъ вліяніе жаркій климатъ на обществен-

ное и политическое устройство Индіи и Египта,—это я уже пытался разсматривать; при чемъ, я надѣюсь, было доказано, что результатъ этого вліянія выразился въ уменьшеніи нуждъ и потребностей народа и въ происшедшемъ оттого весьма неравномѣрномъ распредѣленіи богатства и вліянія. Но, кромѣ этого, есть еще другой путь, которымъ проявляется вліяніе средней температуры странъ на ихъ цивилизацію, и я отложилъ разборъ этого рода вліянія до настоящей минуты, потому что въ Америкѣ его можно прослѣдить яснѣе, чѣмъ гдѣ либо. И въ самомъ дѣлѣ, въ Новомъ свѣтѣ, дѣйствіе природы проявляется въ гораздо бо̀льшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ старомъ, и силы ея имѣютъ большее преобладаніе; поэтому очевидно, что тамъ вліяніе ея на родъ человѣческій можетъ быть изучаемо съ бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ она слабѣе и гдѣ, слѣдовательно, менѣе замѣтны результаты ея дѣятельности.

Если читатель усвоитъ себѣ то громадное значеніе, которое имѣетъ, какъ было доказано, изобиліе общеупотребительной пищи, то онъ легко пойметъ, какъ, подъ гнетомъ естественныхъ вліяній, цивилизація Америки ограничилась по необходимости тѣми только частями, гдѣ ее застали при открытіи Новаго свѣта. Можно сказать, оставивъ въ сторонѣ химическія и геогностическія различія почвы, что есть двѣ причины, отъ которыхъ зависитъ плодородіе каждой страны, а именно: теплота и влажность. Гдѣ онѣ изобилуютъ, тамъ земля плодородна, гдѣ ихъ недостаетъ—безплодна. Впрочемъ, законъ этотъ, въ примѣненіи своемъ, допускаетъ исключенія, подъ вліяніемъ физическихъ условій, отъ него не зависящихъ; но, при равенствѣ другихъ условій, онъ неизмѣненъ. Значительныя приращенія, сдѣланныя въ нашемъ знаніи географической ботаники, со времени проведенія изотермическихъ линій, даютъ намъ возможность принять это правило за законъ природы, подтверждаемый не только доказательствами, заимствованными изъ физіологіи растеній, но и тщательнымъ

изученіемъ пропорцій, въ которыхъ дѣйствительно распредѣлены растенія по различнымъ странамъ.

Общее обозрѣніе материка Америки раскроетъ намъ связь, существующую между приведеннымъ выше закономъ и предметомъ, занимающимъ насъ въ настоящую минуту. Вопервыхъ, по отношенію къ влажности, мы замѣчаемъ, что всѣ большія рѣки въ Новомъ свѣтѣ находятся на восточномъ берегу, и нѣтъ ни одной на западномъ. Причины этого замѣчательнаго факта неизвѣстны, но то достовѣрно, что ни въ Сѣверной, ни въ Южной Америкѣ, ни одна значительная рѣка не впадаетъ въ Тихій Океанъ, между тѣмъ какъ на противоположной сторонѣ есть множество рѣкъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ огромную величину, а всѣ чрезвычайно важны, какъ то: Негро, Ла Плата, Санъ Франциско, Амазонка, Ориноко, Миссиссипи, Алабама, Святаго Іоанна, Потомакъ, Сускегенна, Делаваръ, Гудсонъ и Святаго Лаврентія. Этою обширною системою постоянно орошается почва на востокѣ; на западѣ же, въ Сѣверной Америкѣ, есть одна только значительная рѣка, это Орегонъ, а въ Южной, отъ Панамскаго перешейка до Магелланова пролива, нѣтъ ни одной большой рѣки.

Что же касается другой главной причины плодородія, то въ этомъ отношеніи мы находимъ въ Сѣверной Америкѣ порядокъ вещей совершенно обратный. Тамъ теплота на западѣ, между тѣмъ какъ орошеніе на востокѣ. Это различіе въ температурѣ двухъ береговъ находится, по всей вѣроятности, въ связи съ какимъ нибудь важнымъ метеорологическимъ закономъ; ибо во всемъ сѣверномъ полушаріи, восточныя части материковъ и острововъ холоднѣе западныхъ. Происходитъ ли это отъ какой нибудь важной общей причины, или же въ каждомъ случаѣ дѣйствуетъ особая причина, этого, при настоящемъ состояніи знанія, рѣшить невозможно; но самый фактъ не подлежитъ сомнѣнію, и вліяніе его на первоначальную исторію Америки чрезвы-

чайно любопытно. Такъ, два главныя условія плодородія никогда не соединялись ни въ одной изъ частей материка, лежащихъ къ сѣверу отъ Мексики. На одной сторонѣ, всѣ мѣстности ощущали недостатокъ въ теплотѣ, на другой—въ орошеніи. Обстоятельство это, замедляя накопленіе богатства, останавливало успѣхи общества, и до тѣхъ поръ, пока, въ XVI столѣтіи, не было перенесено въ Америку европейское знаніе, тамъ не случалось примѣра, чтобы какой нибудь народъ, живущій къ сѣверу отъ параллели 20°, достигъ хоть той несовершенной цивилизаціи, которой легко достигли жители Индіи и Египта. Напротивъ того, къ югу отъ этой параллели, материкъ вдругъ перемѣняетъ свой видъ и, быстро суживаясь, превращается въ небольшую полосу земли, которая простирается до Панамскаго перешейка. Это узкое пространство было средоточіемъ мексиканской цивилизаціи; а почему это такъ было, легко понять, послѣ сдѣланныхъ нами выше замѣчаній. Особаго рода очертаніе материка давало весьма большое протяженіе береговъ и сообщало, такимъ образомъ, южной части Сѣверной Америки характеръ острова. Отсюда явилась въ ней одна изъ особенностей, отличающихъ климатъ острововъ, а именно усиленная влажность, происходящая отъ водяныхъ испареній, отдѣляемыхъ моремъ. Такимъ образомъ, положеніе Мексики поблизости отъ экватора—давало ей теплоту, а очертаніе береговъ—влажность; а какъ, изъ всѣхъ странъ Сѣверной Америки, въ ней одной соединились оба эти условія, то она одна и была сколько нибудь цивилизована. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что еслибъ песчаныя равнины Калифорніи или южной Колумбіи, вмѣсто того, чтобы быть спаленными до безплодія, были орошены рѣками востока, или еслибъ съ рѣками востока соединялась теплота запада, то результатомъ какъ того, такъ и другаго сочетаній, было бы то плодородіе почвы, которое, какъ положительно доказываетъ исторія міра, предшествовало всякой ранней цивилизаціи. Но какъ въ каждой

изъ частей Америки, къ сѣверу отъ параллели 20°, недоставало одного изъ двухъ условій плодородія, то цивилизація никакъ не могла найти въ ней пристанища, покуда не перешла за эту линію. Не найдено и, мы смѣло можемъ сказать, не будетъ найдено ни малѣйшаго слѣда того, чтобы на всемъ этомъ огромномъ материкѣ хоть одинъ древній народъ былъ способенъ сдѣлать большіе успѣхи въ искусствахъ и ремеслахъ, или образовать изъ себя осѣдлое, постоянное общество.

Вотъ какіе физическіе дѣятели имѣли вліяніе на раннія судьбы Сѣверной Америки. Въ Южной Америкѣ, возымѣлъ дѣйствіе рядъ совершенно другихъ обстоятельствъ. Законъ, въ силу котораго восточные берега холоднѣе западныхъ, не только непримѣнимъ къ южному полушарію, но даже замѣняется въ немъ закономъ прямо противоположнымъ. Къ сѣверу отъ экватора, востокъ холоднѣе запада, къ югу же, востокъ теплѣе запада. Теперь, если соединить этотъ фактъ съ тѣмъ, что было замѣчено касательно обширной системы рѣкъ, отличающей востокъ Америки отъ запада, то становится очевиднымъ, что въ южной Америкѣ имѣетъ мѣсто то совокупное дѣйствіе теплоты и влажности, котораго недостаетъ въ сѣверной. Отъ этого, въ восточной части Южной Америки почва замѣчательна своимъ плодородіемъ, не только между тропиками, но и на значительномъ разстояніи внѣ ихъ; такъ, южная часть Бразиліи и даже Урагвай отличаются такимъ плодородіемъ, какого нельзя найти ни въ одной изъ странъ Сѣверной Америки, лежащихъ на соотвѣтствующей широтѣ.

Съ перваго взгляда на замѣченныя нами выше общія свойства, можно было бы подумать, что восточная сторона Южной Америки, будучи такъ щедро одарена природою, должна была сдѣлаться средоточіемъ одной изъ тѣхъ цивилизацій, какія возникали въ другихъ мѣстахъ, подъ вліяніемъ подобныхъ же условій. Но вникнувъ поглубже въ этотъ

предметъ мы найдемъ, что тѣ условія, на которыя мы только что указали, далеко не исчерпываютъ даже физическихъ сторонъ его, и что мы должны принять въ соображеніе существованіе третьяго важнаго дѣятеля, котораго было достаточно, чтобы нейтрализировать естественное дѣйствіе двухъ первыхъ и удержать въ варварскомъ состояніи жителей страны, которая, безъ этого, была бы самою цвѣтущею изъ всѣхъ странъ Новаго свѣта.

Дѣятель, на который я намекаю, есть пассатный вѣтеръ,— поразительное явленіе, имѣвшее, какъ мы увидимъ далѣе, сильное и притомъ вредное вліяніе на всѣ цивилизаціи, предшествовавшія европейскимъ. Вѣтеръ этотъ объемлетъ пространство не менѣе 56° широты: отъ 28° къ сѣверу до 28° къ югу отъ экватора. Въ этой обширной полосѣ, заключающей въ себѣ нѣкоторыя изъ самыхъ плодородныхъ странъ на земномъ шарѣ, пассатный вѣтеръ дуетъ, въ теченіе всего года, съ сѣверовостока или съ юговостока. Причины этой правильности теперь вполнѣ разгаданы, и извѣстно, что она зависитъ частью отъ перемѣщенія воздуха на экваторѣ, частью же отъ движенія земли; ибо холодный воздухъ, постоянно притекая отъ полюсовъ къ экватору, производитъ, такимъ образомъ, въ сѣверномъ полушаріи — сѣверные, а въ южномъ — южные вѣтры. Но вѣтры эти отклоняются отъ ихъ естественнаго направленія движеніемъ земли, такъ какъ она вращается на своей оси отъ запада къ востоку. А какъ вращеніе земли конечно быстрѣе на экваторѣ, чѣмъ въ какомъ либо другомъ мѣстѣ, то оказывается, что по близости отъ эквакора скорость ея движенія такъ велика, что она пересѣкаетъ притоки атмосферы отъ полюсовъ и, давая имъ другое направленіе, производитъ тѣ восточныя теченія, которыя называются пассатными вѣтрами. Но, въ настоящее время, насъ занимаетъ не столько объясненіе пассатныхъ вѣтровъ, сколько указаніе, въ ка-

кого рода связи находится это важное физическое явленіе съ исторіею Южной Америки.

Пассатный вѣтеръ, дующій на восточномъ берегу южной Америки, начинается на востокѣ и пересѣкаетъ Атлантическій Океанъ, вслѣдствіе чего достигаетъ материка пресыщенный водяными парами, которые онъ поглотилъ во время пути. У берега, пары эти, въ періодическіе промежутки времени, сгущаются въ дождь, и какъ дальнѣйшему движенію ихъ на западъ препятствуетъ гигантская цѣпь Андовъ, чрезъ которую они не могутъ перейти, то вся ихъ влага изливается на Бразилію, которая, вслѣдствіе того, бываетъ часто затопляема самыми разрушительныя потоками. Такое изобиліе дождевой воды, въ соединеніи съ обширною системою рѣкъ, составляющею отличительную черту восточной части Южной Америки, и съ теплотою,—возбуждаетъ почву къ такой дѣятельности, которой нѣтъ ничего равнаго ни въ какой другой части свѣта. Бразилія, почти равняющаяся пространствомъ всей Европѣ, покрыта неимовѣрно богатою растительностью. И въ самомъ дѣлѣ, все растетъ въ ней такъ сильно и такъ роскошно, что кажется, будто природа тѣшится своею необузданною силою. Значительная часть этой обширной страны покрыта густыми лѣсами, въ которыхъ благородныя деревья, цвѣтущія въ неподражаемой красѣ, и плѣняющіе взоръ тысячью различныхъ оттѣнковъ, сыплютъ плодами съ безконечною щедростью. Вершины ихъ осыпаны дивно красивыми птицами, гнѣздящимися въ ихъ тѣнистыхъ вѣтвяхъ. Внизу, комли и стволы ихъ окружены кустарникомъ, стелящимися растеніями, безчисленными наразитами — и во всемъ этомъ кипитъ жизнь. Есть тамъ и миріады насѣкомыхъ, есть странныхъ, невѣроятныхъ формъ пресмыкающіяся, змѣи и ящерицы дивной красоты — и все это находитъ средства къ существованію въ этомъ огромномъ хранилищѣ богатствъ природы. А чтобы ни въ чемъ не было недостатка въ этой странѣ

чудесъ, лѣса опоясаны безконечными лугами, которые дымясь отъ влаги и теплоты, доставляютъ пищу безчисленнымъ стадамъ дикаго скота, пасущагося и тучнѣющаго на ихъ травахъ; въ то же время, прилегающiя къ нимъ долины, богатыя другаго рода жизнью, служатъ любимымъ мѣстопребыванiемъ для самыхъ хищныхъ и страшныхъ звѣрей, которые пожираютъ другъ друга, но которыхъ, кажется, никакая человѣческая сила не въ состоянiи истребить.

Вотъ какою полнотою, какимъ избыткомъ жизни отличается Бразилiя передъ всѣми другими странами земнаго шара. Но среди этой пышности, этого блеска природы, не оставлено ни малѣйшаго мѣста для человѣка. Онъ теряетъ всякое значенiе, передъ такимъ величiемъ окружающей его природы. Ему противопоставлены такiя громадныя силы, что онъ никогда не могъ противиться имъ, никогда не могъ выдержать ихъ совокупнаго давленiя. Вся Бразилiя, не смотря на ея громадныя внѣшнiя преимущества, всегда оставалась совершенно нецивилизованною. Жители ея—бродячiе дикари, неспособные преодолѣвать тѣ препятствiя, которыя поставила на ихъ пути самая щедрость природы. Туземцы Бразилiи, какъ и всякiй народъ въ младенческомъ состоянiи, чужды предпрiимчивости; не зная искусствъ, съ помощью которыхъ устраняются физическiя преграды, они никогда и не пытались бороться съ трудностями, останавливавшими ихъ общественное развитiе. Правда, что трудности эти такъ серiозны, что къ преодолѣнiю ихъ тщетно были прилагаемы, въ теченiе слишкомъ трехъ сотъ лѣтъ, всѣ средства европейскаго знанiя. Въ прибрежныя части Бразилiи проникла извѣстная доля цивилизацiи изъ Европы, туземцы же и этого не могли бы достигнуть своими собственными средствами. Но цивилизацiя эта, и сама по себѣ уже весьма несовершенная, никогда притомъ не проникала во внутренность страны; въ ней еще и до сихъ поръ можно найти порядокъ вещей, подобный изъ-давна существовавшему. Народъ, невѣжественный и поэтому грубый, не тер-

пящій никакого стѣсненія, не признающій никакого закона,—все еще живетъ въ прежнемъ, застарѣломъ варварскомъ состояніи. Въ этой странѣ, физическія причины играютъ во всемъ такую дѣятельную роль, имѣютъ такую неслыханную силу, что до сихъ поръ не было возможности избѣгнуть послѣдствій ихъ совокупнаго дѣйствія. Развитіе земледѣлія задерживается непроходимыми лѣсами; жатвы истребляются безчисленными насѣкомыми; горы слишкомъ высоки, чтобы можно было подниматься на нихъ; рѣки слишкомъ широки, чтобы строить на нихъ мосты; все направлено къ тому, чтобы сдерживать человѣческій умъ и подавлять его честолюбивыя стремленія. Такимъ-то образомъ силы природы опутали духъ человѣка. Нигдѣ нѣтъ такой грустной противоположности между величіемъ внѣшняго и ничтожествомъ внутренняго міра. Умъ, запуганный такою неравною борьбою, не только былъ неспособенъ двигаться впередъ, но, безъ посторонней помощи, непремѣнно принялъ бы обратное направленіе. Даже въ настоящее время, при всѣхъ усовершенствованіяхъ, постоянно вводимыхъ европейцами, нѣтъ еще признаковъ дѣйствительнаго прогресса; не смотря на множество колоній, менѣе чѣмъ пятидесятая доля земли обработана. Нравы жителей такъ же грубы, какъ и были всегда; числительность же ихъ представляетъ фактъ вполнѣ замѣчательный: Бразилія, страна располагающая самыми сильными физическими средствами и въ высшей степени изобилующая какъ растеніями, такъ и животными, страна, почва которой орошена самыми величественными рѣками, а берегъ усѣянъ самыми дивными гаванями—эта громадная территорія, превосходящая объемомъ слишкомъ въ двадцать разъ Францію, имѣетъ не болѣе шести милліоновъ жителей.

Соображенія эти достаточно объясняютъ намъ, почему во всей Бразиліи нѣтъ никакихъ памятниковъ, даже самой несовершенной цивилизаціи; нѣтъ никакихъ данныхъ, по которымъ можно было бы предположить, чтобы жители ея сто-

яли когда либо выше того состоянія, въ которомъ застали ихъ европейцы при самомъ открытіи этой страны. Но непосредственно напротивъ Бразиліи лежитъ другая страна, которая хотя и находится на томъ же материкѣ и подъ тою же широтою, но подчинена другимъ физическимъ условіямъ и потому была театромъ другаго рода общественныхъ явленій. Страна эта — знаменитое царство Перу, которое обнимало весь южный тропикъ и по причинамъ изложеннымъ выше, было единственнымъ мѣстомъ въ Южной Америкѣ, въ которомъ возможно было нѣчто похожее на цивилизацію. Въ Бразиліи, съ жаркимъ климатомъ соединялось двойное орошеніе: во-первыхъ, обширною системою рѣкъ, которая составляетъ особенность восточнаго берега, а во-вторыхъ, обильною влагою, наносимою пассатными вѣтрами. Отъ такого сочетанія произошло то ни съ чѣмъ не сравнимое плодородіе, которое, по крайней мѣрѣ по отношенію къ человѣку, не достигало своей цѣли, ибо задерживало его развитіе, между тѣмъ какъ безъ этого избытка, оно помогало бы ему. Мы уже ясно видѣли выше, что когда производительныя силы природы переходятъ за извѣстный предѣлъ, то съ помощью того несовершеннаго знанія, какимъ обладаютъ люди нецивилизованные, бываетъ невозможно совладать съ ними, или обратить ихъ какимъ нибудь образомъ въ свою пользу. Если же эти силы, при всей своей дѣятельности, остаются въ предѣлахъ возможности совладать съ ними, то возникаетъ порядокъ вещей, подобный замѣченному нами въ Азіи и Африкѣ, гдѣ богатство природы не только не останавливало общественнаго развитія, но даже поощряло его, благопріятствуя накопленію того богатства, безъ извѣстной доли котораго невозможенъ прогрессъ.

И такъ, разбирая физическія условія, отъ которыхъ первоначально зависѣла цивилизація, мы должны смотрѣть не на одно только богатство природы, но и на ея, такъ сказать, обуздаемость, т. е. должны одинаково принимать въ со-

ображеніе, какъ количество самыхъ средствъ, такъ и степень легкости употребленія ихъ въ дѣло. Прилагая это начало къ Мексикѣ и Перу, мы находимъ въ этихъ двухъ странахъ Америки самое благопріятное сочетаніе приведенныхъ выше условій. Средства этихъ странъ были далеко не такъ обильны, какъ средства Бразиліи, за то ими гораздо легче было располагать; къ тому же жаркій климатъ давалъ силу дѣйствія и другимъ законамъ, имѣвшимъ, какъ я пытался уже доказать, большое вліяніе на всѣ первоначальныя цивилизаціи.

Весьма замѣчательный фактъ—фактъ, на который я увѣренъ, еще никто не обращалъ вниманія,—составляетъ то, что даже въ отношеніи географической широты, нынѣшняя граница Перу къ югу, соотвѣтствуетъ древней границѣ Мексики къ сѣверу и что по удивительному,—для меня, впрочемъ, совершенно естественному,—совпаденію, ни одна изъ этихъ границъ не переходитъ за тропикъ, такъ какъ предѣлъ Мексики составляетъ 21° сѣверной, а Перу 21½° южной широты.

Вотъ какую удивительную правильность представляетъ взорамъ нашимъ исторія, при многостороннемъ изученіи ея. Если мы сравнимъ Мексику и Перу съ тѣми странами Стараго свѣта, о которыхъ уже было говорено выше, то найдемъ, что въ этихъ двухъ государствахъ, какъ и во всѣхъ цивилизаціяхъ, предшествовавшихъ европейской, общественныя явленія подчинялись физическимъ законамъ. Начиная съ того, что общеупотребительная въ нихъ пища отличалась тѣми именно особенностями, которыя были замѣчены въ пищѣ самыхъ цвѣтущихъ странъ Азіи и Африки. Конечно не многія изъ растеній, употребляемыхъ въ пищу въ Старомъ свѣтѣ, были найдены въ Новомъ, за то въ немъ мѣсто ихъ занимали другія растенія, во всемъ соотвѣтствовавшія рису и финикамъ: они отличались такимъ же изобиліемъ, такъ же легко разводились, давали такіе же богатые сборы и потому имѣ-

ли то же значеніе въ общественныхъ явленіяхъ. Въ Мексикѣ и Перу, однимъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ пищи была всегда кукуруза, которую мы имѣемъ всѣ причины считать растеніемъ исключительно свойственнымъ американскому материку. Подобно рису и финикамъ, она составляетъ по преимуществу произведеніе жаркаго климата и хотя растетъ, какъ говорятъ, на возвышеніи слишкомъ въ 7000 футовъ, но рѣдко встрѣчается по ту сторону параллели 40°. Производительность ея быстро ослабѣваетъ съ пониженіемъ температуры. Такъ, напримѣръ, въ Новой Калифорніи, средній урожай кукурузы — семьдесятъ или восемьдесятъ зеренъ; въ самой же Мексикѣ, то же растеніе даетъ триста, четыреста, а при благопріятныхъ обстоятельствахъ, даже восемьсотъ зеренъ.

Народъ, получавшій средства къ существованію отъ такого необыкновенно плодовитаго растенія, мало нуждался въ упражненіи своихъ рабочихъ силъ, а между тѣмъ имѣлъ полную возможность размножаться,—что повело къ цѣлому ряду политическихъ и соціальныхъ послѣдствій, подобныхъ замѣченнымъ нами въ Индіи и Египтѣ. Рядомъ съ кукурузой, были еще и другіе роды пищи, къ которымъ тоже примѣняются сдѣланныя нами замѣчанія. Картофель, который въ Ирландіи произвелъ такія вредныя послѣдствія, вызвавъ чрезмѣрное увеличеніе народонаселенія, былъ, говорятъ, туземнымъ растеніемъ въ Перу; и хотя противъ этого существуетъ мнѣніе съ весьма сильнымъ авторитетомъ, но во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что картофель находился тамъ въ большомъ изобиліи, когда эта страна была открыта европейцами. Въ Мексикѣ, картофель былъ неизвѣстенъ до прибытія Испанцевъ, но какъ Мексиканцы, такъ и Перуанцы, въ значительной мѣрѣ питались произведеніями банана—растеніемъ, котораго производительныя силы такъ невѣроятно велики, что только имѣющіяся въ виду точныя и неоспоримыя свидѣтельства могутъ заставить насъ вѣрить въ

ихъ дѣйствительность. Въ Америкѣ, это замѣчательное растеніе тѣсно связано съ физическими законами климата, такъ какъ оно составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ для пропитанія человѣка вездѣ, гдѣ температура превышаетъ извѣстный уровень. Объ его питательной силѣ достаточно будетъ намъ сказать, что англійскій акръ, засѣянный бананомъ, можетъ прокормить болѣе пятидесяти человѣкъ, между тѣмъ какъ въ Европѣ, такое же пространство земли, засѣянное пшеницею, прокормитъ только двухъ человѣкъ. Что же касается собственно до растительной силы банана, то вычислено, что при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, урожай банана бываетъ въ сорокъ четыре раза болѣе урожая картофеля и въ сто тридцать разъ болѣе урожая пшеницы.

Теперь легко будетъ понять, почему именно, во всѣхъ важнѣйшихъ отношеніяхъ, цивилизаціи Мексики и Перу были строго аналогичны съ индійскою и египетскою. Въ этихъ четырехъ странахъ, такъ же, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ краяхъ южной Азіи и центральной Америки, существовала сумма знаній, дѣйствительно ничтожная, если мѣрить ее европейскою мѣрою, но весьма значительная въ сравненіи съ грубымъ невѣжествомъ, преобладавшимъ въ то же время у сосѣднихъ народовъ. Но во всѣхъ этихъ странахъ замѣчается та же неспособность къ распространенію даже тѣхъ слабыхъ начатковъ цивилизаціи, которыхъ онѣ дѣйствительно достигали; то же совершенное отсутствіе чего либо похожаго на демократическій духъ; та же деспотическая власть на сторонѣ высшихъ классовъ и то же унизительное раболѣпство со стороны низшихъ. Какъ мы ясно видѣли, всѣ эти цивилизаціи находились подъ вліяніемъ извѣстныхъ физическихъ причинъ, которыя, хотя и были благопріятны накопленію богатства, но не благопріятствовали справедливому распредѣленію его. А какъ знаніе человѣка находилось еще въ состояніи дѣтства, то ему казалось невозможнымъ бороться съ этими физическими вліяніями или воспрепятство-

вать имъ производить на организацію общества то дѣйствіе, которое мы пытались выше изобразить. И въ Мексикѣ, и въ Перу, искусства, и въ особенности тѣ отрасли ихъ, которыя служатъ роскоши достаточныхъ сословій, достигли значительныхъ успѣховъ. Дома лицъ высшихъ классовъ были наполнены украшеніями и утварью превосходной работы; комнаты ихъ были увѣшены великолѣпными тканями; ихъ одежда и носимые ими уборы выказывали почти невѣроятную роскошь; драгоцѣнности самыхъ изящныхъ и разнообразныхъ формъ; богатыя и весьма пышныя платья, вышитыя самыми рѣдкими перьями, собранными изъ отдаленнѣйшихъ частей государства—все это служитъ доказательствомъ огромности состояній и тщеславной расточительности, съ которою эти богатства проживались. Непосредственно за этимъ сословіемъ слѣдовалъ народъ—и можно себѣ представить, въ какомъ онъ былъ положеніи. Въ Перу, всѣ подати лежали на немъ одномъ, такъ какъ лица высшаго класса и жрецы были совершенно изъяты отъ нихъ. А какъ при подобномъ устройствѣ общества, большинству народа невозможно было пріобрѣтать собственность, то онъ обязанъ былъ удовлетворять потребностямъ правительства своимъ личнымъ трудомъ, который находился въ неограниченномъ распоряженіи государственной власти. Въ то же время, правители страны понимали, что съ такою системою управленія, чувство личной независимости совершенно несовмѣстимо; поэтому они и установили законы, которыми свобода дѣйствій контролировалась даже въ самыхъ маловажныхъ вещахъ. Народъ былъ такъ связанъ, что простолюдинъ не могъ перемѣнить ни мѣстопребыванія, ни даже вида своей одежды, безъ разрѣшенія правительства. Законъ предписывалъ каждому, какимъ трудомъ онъ долженъ былъ заниматься, какую одежду носить, на какой женщинѣ жениться и какими развлеченіями пользоваться. У Мексиканцевъ, порядокъ вещей былъ тотъ же самый; тѣ же физическія условія привели ихъ къ тѣмъ же

соціальнымъ результатамъ. Въ главнѣйшемъ отношеніи, т. е. относительно состоянія массы народа, Мексика и Перу совершенно сходны между собою. Было конечно нѣсколько второстепенныхъ чертъ различія, но оба государства были сходны въ томъ, что въ нихъ существовало только два класса людей: высшій—тираны, и низшій—рабы. Таково было состояніе, въ которомъ находилась Мексика, когда она была открыта европейцами, состояніе, къ которому она должна была тяготѣть съ древнѣйшихъ временъ. Оно сдѣлалось наконецъ невыносимо, и намъ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, что вызванное этимъ порядкомъ вещей всеобщее нерасположеніе къ правительству было одною изъ причинъ, облегчившихъ успѣхъ завоевателей, Испанцевъ, и ускорившихъ паденіе Мексиканской Имперіи.

Чѣмъ далѣе мы продолжаемъ наше изслѣдованіе, тѣмъ разительнѣе становится сходство между всѣми цивилизаціями, процвѣтавшими ранѣе того времени, которое можно было бы назвать европейскимъ періодомъ въ исторіи человѣческаго ума. Раздѣленіе націи на касты, которое было бы невозможно въ великихъ государствахъ Европы,—существовало въ глубочайшей древности въ Египтѣ, въ Индіи, и повидимому и въ Персіи. То же самое учрежденіе строго поддерживалось въ Перу, и сообразность его съ тогдашнимъ положеніемъ общества доказывается тѣмъ, что въ Мексикѣ, гдѣ касты не были установлены закономъ, тѣмъ не менѣе было признано обычаемъ, чтобы сынъ наслѣдовалъ родъ занятій отца. Это составляло политическій признакъ того духа неподвижности и консерватизма, который, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, развивался во всѣхъ странахъ, гдѣ высшіе классы исключительно присвоивали себѣ государственную власть. Религіознымъ признакомъ этого самаго духа было то преувеличенное уваженіе къ старинѣ и та ненависть ко всякой перемѣнѣ, которую величайшій изъ всѣхъ писателей, говорившихъ объ Америкѣ, указалъ намъ, какъ аналогію между народностями Мек-

сики и Индостана. Къ этому можно присовокупить, что лица, изучавшія исторію древнихъ Египтянъ, замѣтили и въ этомъ народѣ такое же направленіе. Вилькинсонъ, извѣстный тщательнымъ изученіемъ египетскихъ памятниковъ, говоритъ, что Египтяне болѣе, чѣмъ какой либо другой народъ, были нерасположены къ измѣненію своихъ религіозныхъ обрядовъ; а Геродотъ, путешествовавшій по Египту двѣ тысячи триста лѣтъ тому назадъ, увѣряетъ насъ, что туземцы, храня всѣ старые обычаи, никогда не вводили новыхъ. Сходство между этими двумя отдаленными другъ отъ друга странами не менѣе любопытно и съ другой точки зрѣнія: оно очевидно происходитъ отъ замѣченныхъ уже нами причинъ, общихъ обѣимъ цивилизаціямъ. Въ Мексикѣ и Перу, низшіе классы находились въ полномъ распоряженіи высшихъ,—отчего происходила безполезная трата труда, подобная той, которую мы уже замѣтили въ Египтѣ, и доказательствами которой служатъ остатки храмовъ и дворцовъ, сохраняющіеся еще въ нѣкоторыхъ странахъ Азіи. И Мексиканцы, и Перуанцы воздвигали огромныя зданія, которыя были столь же безполезны, какъ и гигантскія зданія Египта, и сооруженіе которыхъ было возможно лишь въ тѣхъ странахъ, гдѣ трудъ низшихъ классовъ былъ дурно вознагражденъ и дурно направленъ. Стоимость этихъ памятниковъ тщеславія неизвѣстна, но она должна была быть громадна, такъ какъ американцы, не будучи знакомы съ употребленіемъ желѣза, не могли пользоваться тѣмъ средствомъ, съ помощью котораго, при большихъ сооруженіяхъ, значительно сокращается трудъ. Впрочемъ, сохранилось нѣсколько данныхъ, по которымъ можно себѣ составить понятіе объ этомъ предметѣ. Такъ, напримѣръ, возьмемъ дворцы царей: мы знаемъ, что въ Перу надъ возведеніемъ царскаго жилища трудились въ продолженіи 50 лѣтъ 20,000 человѣкъ; надъ мексиканскимъ же дворцомъ работало не менѣе 100,000 человѣкъ,—разительные факты, которые, и въ случаѣ утраты всѣхъ другихъ

свидѣтельствъ, давали бы достаточное понятіе о состояніи тѣхъ государствъ, гдѣ для такихъ ничтожныхъ цѣлей тратились столь громадныя силы.

Приведенныя нами данныя, извлеченныя изъ неоспоримо достовѣрныхъ источниковъ, доказываютъ могущество тѣхъ великихъ физическихъ законовъ, которые, въ самыхъ цвѣтущихъ странахъ внѣ Европы, содѣйствовали накопленію богатства, но препятствовали должному распредѣленію его, и, такимъ образомъ, упрочили за высшими сословіями монополію одного изъ важнѣйшихъ элементовъ общественнаго и политическаго значенія. Результатомъ было то, что во всѣхъ этихъ цивилизаціяхъ, огромное большинство націи вовсе не пользовалось плодами всеобщаго движенія впередъ,—отчего основаніе прогресса было слишкомъ узко и самый прогрессъ оказывался весьма шаткимъ. Такимъ образомъ, когда явились изъ-внѣ неблагопріятныя обстоятельства, то естественно вся система пала. Гражданское общество, заключающее въ себѣ враждебные существованію его элементы, не могло устоять. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти одностороннія и неправильныя цивилизаціи начали приходить въ упадокъ еще задолго до кризисовъ, приведшихъ къ окончательному уничтоженію ихъ, такъ что собственное ослабленіе ихъ содѣйствовало успѣху иноземныхъ завоевателей и сдѣлало неизбѣжнымъ паденіе этихъ древнихъ царствъ, которыя, при болѣе нормальномъ порядкѣ вещей, могли бы быть легко спасены.

Таково было вліяніе, произведенное на великія цивилизаціи, внѣ Европы, особенностями національной пищи, мѣстныхъ климатовъ и почвъ. Теперь остается мнѣ разсмотрѣть вліяніе другихъ физическихъ причинъ, которыя я соединяю подъ общимъ названіемъ вида природы. Дѣйствіе этихъ причинъ, какъ мы скоро увидимъ, наводитъ насъ на весьма обширныя и разностороннія изслѣдованія о вліяніи внѣшняго міра на расположеніе людей къ извѣстному складу мыслей — влія-

ніи, придающемъ особый характеръ религіи, изящнымъ искусствамъ, литературѣ, однимъ словомъ, всѣмъ главнымъ проявленіямъ человѣческаго ума. Приведеніе въ извѣстность того, какимъ образомъ это происходитъ, составляетъ необходимое дополненіе къ оконченнымъ нами выше изслѣдованіямъ. Какъ мы видѣли, что пища, климатъ и почва главнымъ образомъ вліяютъ на накопленіе и распредѣленіе богатства, точно такъ же мы увидимъ, что характеръ природы дѣйствуетъ на накопленіе и распредѣленіе умственнаго капитала. Въ первомъ случаѣ, мы имѣемъ дѣло съ матеріальными интересами человѣка, а во второмъ съ его нравственными интересами. Первую изъ этихъ сторонъ я развилъ, на сколько могъ, а можетъ быть и вообще на столько, сколько позволяетъ настоящее положеніе нашихъ знаній. Но другая сторона — опредѣленіе отношенія, существующаго между характеромъ природы и умомъ человѣка, требуетъ такихъ обширныхъ соображеній и такой массы разнородныхъ матеріаловъ, что я очень боюсь за успѣхъ моихъ стараній; мнѣ нѣтъ, конечно, надобности говорить, что я не имѣю никакихъ притязаній на совершенное изчерпаніе этого предмета—я могу надѣяться только возвести въ общія начала нѣкоторые изъ законовъ того сложнаго, но еще неизслѣдованнаго процесса, посредствомъ котораго внѣшній міръ вліялъ на человѣческій умъ, искажалъ его естественныя движенія и слишкомъ часто останавливалъ его естественное развитіе.

Виды природы, если ихъ разсматривать съ этой точки зрѣнія, могутъ быть раздѣлены на два разряда: къ первому мы относимъ тѣ, которые наиболѣе способны возбудить воображеніе, а ко второму тѣ, которые обращаются къ разсудку, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, то есть возбуждаютъ чисто логическую дѣятельность ума. Хотя справедливо, что въ совершенно развитомъ и благоустроенномъ умѣ, воображеніе и разсудокъ играютъ каждый свою роль и помогаютъ другъ другу, тѣмъ не менѣе справедливо также и то̀, что въ

большинствѣ случаевъ разсудокъ слишкомъ слабъ, чтобы останавливать воображеніе и обуздывать его опасное своеволіе. Развивающаяся цивилизація всегда стремится исправить эту несоразмѣрность и облечь разсудокъ тою властью, которая, въ первобытномъ положеніи общества, исключительно принадлежитъ воображенію. Слѣдуетъ ли бояться того, чтобы реакція не пошла слишкомъ далеко, и чтобы мыслящія способности не стали въ свою очередь злоупотреблять свою власть надъ силами воображенія—вотъ вопросъ въ высшей степени интересный, но, при настоящемъ положеніи дѣла, вѣроятно неразрѣшимый. Во всякомъ случаѣ то достовѣрно, что ничего подобнаго такому состоянію до сихъ поръ еще не осуществлялось, такъ какъ даже и въ настоящее время, когда воображеніе подпало сильнѣйшему чѣмъ когда либо контролю, оно еще имѣетъ несравненно болѣе силы, чѣмъ бы слѣдовало; это легко доказать не только тѣми суевѣріями, которыя еще повсемѣстно преобладаютъ между необразованными людьми, но и тѣмъ поэтическимъ уваженіемъ къ древности, которое, хотя давно начало уменьшаться, но все еще стѣсняетъ независимость, ослѣпляетъ умъ и ограничиваетъ самобытность лицъ, даже принадлежащихъ къ образованному классу.

И такъ, по отношенію къ вліянію естественныхъ явленій, очевидно, что все внушающее намъ чувства ужаса или сильнаго изумленія, все возбуждающее въ умѣ идею о чемъ-то неясно сознаваемомъ и превышающемъ наши силы,—все это имѣетъ особую способность воспламенять воображеніе и подчинять его власти болѣе медленныя и болѣе сознательныя дѣйствія разсудка. Встрѣчаясь съ подобными явленіями, человѣкъ сравниваетъ свои силы съ могуществомъ и величіемъ природы, и приходитъ къ грустному сознанію своего ничтожества. Онъ чувствуетъ себя подчиненнымъ природѣ. Со всѣхъ сторонъ безчисленныя препятствія окружаютъ его и стѣсняютъ его личную волю. Его умъ, ужасаясь того, чего онъ не постигаетъ и не можетъ постичь, едва осмѣливается изучать частности, изъ ко-

торыхъ слагается такое поразительное величіе. Напротивъ того, тамъ, гдѣ явленія природы представляются въ меньшемъ размѣрѣ и съ меньшею силою, человѣкъ пріобрѣтаетъ довѣріе къ самому себѣ. Онъ чувствуетъ болѣе склонности положиться на свои собственныя силы; онъ можетъ, какъ бы вездѣ пройти и проявлять свою власть во всѣхъ направленіяхъ. А какъ, въ этомъ случаѣ, явленія становятся болѣе доступными, то онъ имѣетъ возможность производить надъ ними опыты и наблюдать ихъ во всѣхъ подробностяхъ; въ немъ поощряется духъ любознательности и анализа, и онъ расположенъ возводить явленія природы къ общимъ началамъ и объяснять ихъ законами, которыми они управляются.

Разсматривая, такимъ образомъ, человѣческій умъ подъ вліяніемъ характера природы, мы встрѣчаемъ замѣчательный фактъ—что всѣ великія цивилизаціи древности находились или между тропиками, или непосредственно возлѣ нихъ, т. е. тамъ, гдѣ характеръ природы самый величественный и самый грозный и гдѣ она вообще представляетъ наиболѣе опасностей для человѣка. Дѣйствительно, въ Азіи, въ Африкѣ и въ Америкѣ, внѣшній міръ возбуждаетъ болѣе страха, чѣмъ въ Европѣ. Это относится не только къ постояннымъ и неизмѣннымъ явленіямъ, каковы, напримѣръ, горы и другія великія естественныя преграды, но и къ явленіямъ временнымъ, каковы землетрясенія, бури, ураганы, моровыя язвы — всѣ они въ этихъ странахъ встрѣчаются весьма часто и производятъ ужасныя бѣдствія. Эти постоянныя и весьма серіозныя опасности имѣютъ вліяніе подобное тому, какое производитъ величіе природы,—и то и другое способствуетъ усиленію дѣятельности воображенія. Такъ какъ собственно область воображенія составляетъ все неизвѣстное, то каждое событіе для насъ непонятное служитъ прямымъ возбужденіемъ силамъ нашей фантазіи. Въ тропическихъ странахъ, явленія такого рода встрѣчаются чаще, чѣмъ гдѣ либо, и изъ этого слѣдуетъ, что въ тѣхъ странахъ воображеніе имѣетъ боль-

шую возможность восторжествовать надъ другими силами ума. Нѣсколько примѣровъ дѣйствія этого начала представятъ намъ его въ болѣе ясномъ видѣ и приготовятъ читателя къ основаннымъ на немъ доводамъ.

Изъ всѣхъ тѣхъ физическихъ явленій, которыя увеличиваютъ сумму представляющихся человѣку опасностей, землетрясенія конечно принадлежатъ къ самымъ поразительнымъ, какъ по сопровождающимъ ихъ смертнымъ случаямъ, такъ и по неожиданности ихъ. Есть причины предполагать, что имъ всегда предшествуютъ атмосферическія перемѣны, которыя непосредственно поражаютъ нервную систему и, такимъ образомъ, прямымъ физическимъ путемъ, производятъ поврежденіе умственныхъ силъ. Какъ бы то ни было, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что землетрясенія имѣютъ послѣдствіемъ расположеніе людей къ извѣстнымъ сближеніямъ понятій и образованіе въ нихъ особаго умственнаго склада. Ужасъ, который они внушаютъ, возбуждаетъ воображеніе до болѣзненнаго состоянія и, пересиливая разсудокъ, располагаетъ людей къ суевѣрнымъ мечтаніямъ. Весьма любопытно при этомъ то̀, что повтореніе явленія не только не притупляетъ этихъ чувствъ, но даже усиливаетъ ихъ. Въ Перу, гдѣ землетрясенія повидимому встрѣчаются чаще, чѣмъ гдѣ либо, каждое повтореніе этого явленія увеличиваетъ всеобщій ужасъ, такъ что иногда положеніе становится почти невыносимымъ. Такимъ образомъ, умъ безпрерывно приводится въ состояніе робости и безпокойства, и люди подвергаясь самымъ серіознымъ опасностямъ, которыхъ они не могутъ ни избѣжать, ни понять, проникаются убѣжденіемъ въ своей безпомощности и въ недостаточности своихъ умственныхъ силъ. Въ такой же точно мѣрѣ возбуждается воображеніе и укрѣпляется вѣра въ сверхъестественное вмѣшательство. Человѣческія силы оказываются недостаточными и потому призываются силы, которыя выше человѣческихъ; признается присутствіе существъ таинственныхъ и невидимыхъ и развиваются въ народѣ тѣ

чувства благоговѣнiя передъ высшими силами и сознанiе своего безсилiя, на которыхъ основано всякое суевѣрiе и безъ которыхъ никакое суевѣрiе не можетъ существовать.

Дальнѣйшiе примѣры въ подтвержденiе нашей мысли могутъ быть найдены даже въ Европѣ, гдѣ подобныя явленiя сравнительно весьма рѣдки. Землетрясенiя и изверженiя волкановъ въ Италiи и на Пиренейскомъ полуостровѣ бываютъ чаще и опустошительнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы; и тамъ именно суевѣрiе и достигло наибольшаго развитiя, и суевѣрныя сословiя пользуются наибольшимъ значенiемъ. Въ этихъ именно странахъ духовенство, ранѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ, основало свое господство; здѣсь явились худшiя искаженiя христiанскаго ученiя, и суевѣрiе долѣе и крѣпче всего держалось. Къ этому можно присовокупить еще одно обстоятельство, доказывающее существованiе тѣсной связи между грозными явленiями природы и преобладанiемъ воображенiя. Говоря вообще, изящныя искусства обращаются болѣе къ воображенiю, а наука—къ разуму въ тѣсномъ смыслѣ. При этомъ замѣчательно, что всѣ самые великiе живописцы и почти всѣ великiе ваятели, которые являлись въ Европѣ въ новѣйшее время, были уроженцы италiанскаго и испанскаго полуострововъ. На поприщѣ науки, Италiя безъ сомнѣнiя также произвела нѣсколько замѣчательно даровитыхъ дѣятелей, но число ихъ совершенно ничтожно въ сравненiи съ числомъ ея художниковъ и поэтовъ. Что же касается до Испанiи и Португалiи, то въ литературѣ этихъ двухъ странъ въ высокой степени преобладаетъ поэзiя, и школы ихъ произвели нѣкоторыхъ изъ величайшихъ живописцевъ, какихъ только когда либо видѣлъ мiръ. Съ другой стороны, чисто мыслящiя способности всегда находились тамъ въ пренебреженiи, и весь полуостровъ, съ самыхъ древнихъ и до настоящихъ временъ, не внесъ въ исторiю естественныхъ наукъ ни одного имени, которое бы достигло первостепенной извѣстности, не далъ намъ

ни однаго человѣка, котораго труды составили бы эпоху въ развитіи европейскаго знанія.

Самый процессъ, посредствомъ котораго характеръ природы, когда онъ очень грозенъ, возбуждаетъ воображеніе и, поощряя суевѣріе, препятствуетъ развитію знанія, можетъ быть представленъ еще нагляднѣе, при помощи одного или двухъ примѣровъ. Въ невѣжественномъ народѣ всегда существуетъ побужденіе приписывать всякую серіозную опасность сверхъестественному вмѣшательству; а какъ этимъ возбуждается сильное религіозное чувство, то случается постоянно, что люди не только покоряются этой опасности, но даже дѣлаютъ изъ нея божество. Такъ поступаютъ нѣкоторыя племена Индусовъ въ малабарскихъ лѣсахъ и каждый, кто изучалъ состояніе дикихъ племенъ, укажетъ на множество подобныхъ примѣровъ. Дѣйствительно, это чувство доходитъ до того, что въ нѣкоторыхъ странахъ жители, изъ религіознаго страха, отказываются истреблять дикихъ звѣрей и вредныхъ змѣй, и такимъ образомъ вредъ, приносимый этими животными, составляетъ основаніе ихъ же безопасности.

Такимъ образомъ, древнія цивилизаціи тропическихъ странъ должны были бороться съ безчисленными затрудненіями, несуществующими въ умѣренномъ поясѣ, гдѣ издавна процвѣтаетъ европейская цивилизація. Нападенія враждебныхъ человѣку животныхъ, опустошенія, производимыя ураганами, бурями, землетрясеніями, и другія опасности постоянно тяготѣли надъ этими странами и дѣйствовали на характеръ ихъ народностей. Собственно потеря жизни людей была еще меньшимъ изъ золъ, а главный вредъ состоялъ въ томъ, что въ умѣ человѣческомъ возбуждались сближенія понятій, которыя доставляли воображенію преобладаніе надъ разсудкомъ, внушали народу духъ безсознательнаго благоговѣнія, вмѣсто духа любознательности, и поощряли въ немъ расположеніе пренебрегать изслѣдованіемъ естественныхъ причинъ представляющихся явленій, и приписывать ихъ дѣйствію причинъ сверхъестественныхъ.

Все, что мы знаемъ о тропическихъ странахъ, доказываетъ намъ, какъ сильно должно было быть это направленіе. За весьма немногими исключеніями, здоровье менѣе крѣпко и болѣзни встрѣчаются чаще въ тропическихъ климатахъ, чѣмъ въ умѣренныхъ. Между тѣмъ, часто было замѣчено — и оно весьма понятно — что страхъ смерти дѣлаетъ людей болѣе чѣмъ когда либо расположенными искать сверхъестественной помощи. Такъ велико наше невѣденіе относительно загробной жизни, что неудивительно, если даже самая твердая душа содрогается при внезапномъ приближеніи этой темной, неизвѣстной будущности. Объ этомъ предметѣ разсудокъ не говоритъ намъ ничего, и слѣдовательно воображеніе дѣйствуетъ безъ контроля. Такъ какъ дѣйствіе естественныхъ причинъ прекращается, то предполагается начало дѣйствія причинъ сверхъестественныхъ. Вслѣдствіе того, все, что увеличиваетъ въ извѣстной странѣ сумму опасныхъ болѣзней,—имѣетъ непосредственное вліяніе на усиленіе суевѣрія и расширеніе предѣловъ дѣятельности воображенія, на счетъ разсудка. Это начало до такой степени распространено, что во всѣхъ частяхъ свѣта, необразованная масса людей приписываетъ непосредственному участію божества всѣ болѣзни, которыя являются особенно гибельными, и преимущественно тѣ, которыя отличаются внезапнымъ и таинственнымъ образомъ появленія. Въ Европѣ считали всякую повальную болѣзнь проявленіемъ божескаго гнѣва, и это мнѣніе, хотя оно уже давно начало ослабѣвать, еще далеко не искоренилось, даже въ самыхъ просвѣщенныхъ странахъ. Это суевѣріе конечно всегда бываетъ особенно сильно или тамъ, гдѣ слишкомъ слабы познанія въ медицинѣ, или тамъ, гдѣ всего болѣе встрѣчается болѣзней. Въ странахъ, соединяющихъ оба условія, суевѣріе доходитъ до высшей степени; и даже тамъ, гдѣ осуществляется только одно изъ условій, эта тенденція такъ сильна, что, мнѣ кажется, нѣтъ ни одного не-

образованнаго народа, который бы не приписывалъ своимъ добрымъ или злымъ божествамъ, не только необычайныхъ болѣзней, но даже и многихъ изъ числа тѣхъ, которымъ онъ обыкновенно подвергается.

И такъ, вотъ еще новый примѣръ того вреднаго вліянія, которое имѣли въ древнѣйшихъ цивилизаціяхъ внѣшнія явленія на человѣческій умъ. Тѣ части Азіи, въ которыхъ люди достигли до высшей степени образованности, имѣютъ климатъ гораздо менѣе здоровый, чѣмъ самыя цивилизованныя страны Европы. Одно это обстоятельство уже должно было имѣть значительное вліяніе на національный характеръ жителей, тѣмъ болѣе, что ему помогали и другія условія, на которыя мы уже указали и которыя всѣ вліяли въ томъ же направленіи. Къ этому можно присовокупить, что великія моровыя язвы, которыми была, въ разныя времена, опустошена Европа, большею частью приходили съ Востока, гдѣ ихъ естественная родина и гдѣ онѣ наиболѣе гибельны. Дѣйствительно, изъ тѣхъ ужасныхъ болѣзней, которыя теперь укоренились въ Европѣ, едвали есть хоть одна совершенно туземная; всѣ самыя злѣйшія изъ нихъ были занесены изъ тропическихъ странъ, въ первомъ или вскорѣ послѣ перваго вѣка христіанской эры.

Соединивъ всѣ эти факты, мы можемъ положительно сказать, что во всѣхъ цивилизаціяхъ, существовавшихъ внѣ Европы, всѣ естественныя условія, какъ бы нарочно, содѣйствовали къ тому, чтобы усилить власть воображенія и ослабить значеніе разсудка. При имѣющихся у насъ нынѣ матеріалахъ, можно было бы прослѣдить этотъ обширный законъ до самыхъ отдаленныхъ послѣдствій его, и показать, какимъ образомъ въ Европѣ дѣйствовалъ другой законъ, діаметрально ему противоположный, въ силу котораго въ ней всѣ естественныя явленія были направлены къ тому, чтобы ограничить дѣятельность воображенія, придать смѣлость разсудку, и такимъ образомъ внушить человѣку довѣріе къ его соб-

ственнымъ средствамъ и облегчить расширенiе круга его знанiй, посредствомъ возбужденiя въ немъ того смѣлаго, пытливаго, научнаго духа, который постоянно стремится впередъ и отъ котораго долженъ зависѣть весь грядущiй прогрессъ.

Не должно однако же полагать, чтобы я могъ прослѣдить въ подробности путь, по которому, благодаря этимъ особенностямъ, европейская цивилизацiя отклонилась отъ хода всѣхъ другихъ, ей предшествовавшихъ. Для того чтобы совершить такой трудъ, потребовалась бы такая ученость и такая обширность мысли, на которыя не можетъ имѣть притязанiя ни какое отдѣльное лицо. Совершенно иное дѣло усвоить себѣ какую нибудь обширную, общую истину, и иное прослѣдить эту истину во всѣхъ ея развѣтвленiяхъ и подтвердить ее такими доказательствами, которыя могли бы убѣдить всякаго читателя. Дѣйствительно, тѣ, которые уже прiобрѣли привычку къ такаго рода умствованiямъ и которые способны видѣть въ исторiи человѣчества нѣчто большее, чѣмъ простое сцѣпленiе событий, сразу поймутъ, что въ этихъ сложныхъ предметахъ, чѣмъ обширнѣе общее правило, тѣмъ скорѣе могутъ встрѣтиться кажущiяся исключенiя изъ него, и что, когда извѣстная теорiя обнимаетъ весьма обширное пространство, то можетъ быть безчисленное множество исключенiй, а тѣмъ не менѣе теорiя можетъ оставаться совершенно вѣрною. Два основныя предложенiя были, я надѣюсь, мною доказаны, а именно: 1) что существуютъ нѣкоторыя естественныя явленiя, которыя дѣйствуютъ на человѣческiй умъ тѣмъ, что возбуждаютъ воображенiе; и 2) что такiя явленiя гораздо многочисленнѣе внѣ Европы, чѣмъ въ предѣлахъ ея. Если же допустить оба эти предложенiя, то изъ нихъ неизбѣжно слѣдуетъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ воображенiе подверглось такому возбужденiю, должны были произойти какiя либо особыя послѣдствiя—если только дѣйствiе этого возбужденiя не было нейтрализировано другими причинами. Но встрѣтились или нѣтъ противодѣйствую-

щія причины—это не имѣетъ никакого значенія относительно вѣрности самой теоріи, которая основывается на двухъ высказанныхъ нами предложеніяхъ. И такъ, въ научномъ отношеніи, сдѣланный нами выводъ общаго начала совершенно полонъ, и можетъ быть осторожнѣе было бы съ нашей стороны оставить его въ этомъ видѣ, чѣмъ пытаться подкрѣпить его дальнѣйшими примѣрами, такъ какъ всѣ отдѣльные факты могутъ быть ошибочно изложены и непремѣнно бываютъ оспариваемы тѣми, кому не нравится подкрѣпляемый ими выводъ. Но, чтобы ближе ознакомить читателя съ выведенными мною началами, мнѣ кажется не лишнимъ привести нѣсколько примѣровъ проявленія ихъ на дѣлѣ. Поэтому я вкратцѣ укажу на дѣйствіе, произведенное ими въ трехъ великихъ областяхъ дѣятельности человѣческаго ума: литературѣ, религіи и искусствѣ. Я постараюсь показать, какимъ образомъ, въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ, главныя характеристическія черты подвергались вліянію характера природы; а чтобы упростить это изслѣдованіе, возьму съ каждой стороны два самые яркіе примѣра — сравню проявленія человѣческаго ума въ Греціи, съ проявленіями его въ Индіи, такъ какъ для этихъ двухъ странъ мы имѣемъ самые обширные матеріалы и такъ какъ въ нихъ физическія противоположности наиболѣе разительны.

И такъ, если мы взглянемъ на древнюю литературу Индіи, даже въ лучшіе періоды ея, то найдемъ самые очевидные признаки неограниченнаго преобладанія воображенія. Вопервыхъ, мы видимъ разительный фактъ, что всѣ роды прозаической литературы находились тамъ почти въ совершенномъ пренебреженіи: всѣ лучшіе писатели посвящали свой трудъ поэзіи, какъ отрасли болѣе согласной съ умственнымъ настроеніемъ націи. Индійскія сочиненія по части грамматики, юриспруденціи, исторіи, медицины, математики, географіи и метафизики почти всѣ облечены въ поэтическую форму и на-

писаны по извѣстной системѣ правильнаго стихосложенія. Вотъ почему, при совершенномъ пренебреженіи къ прозѣ, поэзіею занимались такъ усердно, что санскритскій языкъ можетъ похвалиться бо́льшимъ числомъ и бо́льшею сложностью метровъ, чѣмъ любой изъ европейскихъ языковъ какого бы то ни было времени.

Эта особенность въ формѣ индійской литературы сопровождается соотвѣтствующею особенностью въ ея духѣ. Можно сказать безъ преувеличенія, что вся эта литература какъ будто бы направлена къ тому, чтобы вести открытую борьбу съ человѣческимъ разсудкомъ. Во всѣхъ возможныхъ случаяхъ выказывается избытокъ воображенія, доходящій до болѣзненности. Это въ особенности замѣтно въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя наиболѣе національны, каковы Рамаяна, Махабаратъ и вообще всѣ Пураны. Но мы находимъ тѣ же свойства и въ индійскихъ географіи и хронологіи, между тѣмъ какъ эти науки повидимому менѣе всѣхъ другихъ допускаютъ порывы фантазіи. Нѣсколько примѣровъ, извлеченныхъ изъ самыхъ достовѣрныхъ индійскихъ источниковъ, дадутъ намъ возможность сравнить это направленіе съ совершенно противоположнымъ ему направленіемъ европейскаго ума, и дадутъ читателю нѣкоторое понятіе о томъ размѣрѣ, до котораго можетъ дойти легковѣріе, даже въ цивилизованномъ народѣ.

Изъ всѣхъ различныхъ видовъ искаженія истины воображеніемъ, нѣтъ ни одного, который бы сдѣлалъ такъ много вреда, какъ преувеличенное уваженіе къ прошедшимъ временамъ. Это благоговѣніе къ древности противно всякому здравому смыслу; это не болѣе какъ избытокъ поэтическаго влеченія ко всему отдаленному и неизвѣстному. Поэтому понятно, что въ тѣ времена, когда разсудокъ былъ сравнительно въ бездѣйствіи, это влеченіе было гораздо сильнѣе, чѣмъ теперь; и нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно все будетъ ослабѣвать и что въ такой же мѣрѣ будетъ усиливаться стремленіе къ прогрессу; такимъ образомъ, благоговѣніе къ прошед-

шему замѣнится упованіемъ на будущее. Но въ прежнее время, это благоговѣніе рѣшительно преобладало, и безчисленное множество слѣдовъ его встрѣчается въ литературѣ и народныхъ вѣрованіяхъ всѣхъ странъ. Такъ, напримѣръ, это чувство внушило поэтамъ представленіе о золотомъ вѣкѣ, въ продолженіе котораго царствовалъ на землѣ миръ, всѣ вредныя страсти безмолвствовали и преступленія были неизвѣстны. Это же чувство навело на идею о первобытной добродѣтели и простотѣ человѣка и объ его послѣдующемъ паденіи съ этого высокаго уровня. Изъ того же начала развилось убѣжденіе, что въ древнѣйшія времена люди были не только добродѣтельнѣе и счастливѣе, чѣмъ теперь, но даже совершеннѣе въ тѣлесномъ организмѣ, и что вслѣдствіе того они достигали большаго роста и жили долѣе, чѣмъ мы, ихъ слабые переродившіеся потомки.

Такъ какъ подобныя понятія усвоиваются воображеніемъ вопреки убѣжденіямъ разсудка, то сравнительная сила ихъ, въ каждой странѣ, оказывается однимъ изъ тѣхъ мѣрилъ, по которымъ мы можемъ судить о степени преобладанія фантазіи надъ другими способностями. Приложивъ это мѣрило къ литературѣ Индіи, мы найдемъ разительное подтвержденіе уже выведенныхъ нами заключеній. Сверхъестественныя событія древности, изображеніями которыхъ изобилуютъ санскритскія книги, такъ продолжительны и такъ сложны, что слишкомъ много потребовалось бы мѣста даже для слабаго очерка ихъ; но есть одинъ разрядъ этихъ странныхъ вымысловъ, который заслуживаетъ особаго вниманія и можетъ быть очерченъ въ немногихъ словахъ. Я говорю о необыкновенномъ числѣ лѣтъ, до котораго, по мнѣнію Индійцевъ, люди будто бы доживали въ прежнія времена. Вѣрованіе въ долговѣчность человѣческаго рода, въ первобытномъ мірѣ, было естественнымъ послѣдствіемъ мысли о превосходствѣ древнихъ людей передъ позднѣйшими, во всѣхъ отношеніяхъ; и мы находимъ множество примѣровъ этого въ нѣкоторыхъ христіанскихъ и во многихъ еврей-

скихъ книгахъ. Но факты, показанные въ этихъ книгахъ, слабы и ничтожны, если сравнить ихъ съ сказанiями, сохранившимися въ литературѣ индiйской. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, фантазiя Индуса выше всякаго подражанiя. Такъ, среди огромнаго числа другихъ подобныхъ фактовъ, мы читаемъ въ индiйскихъ книгахъ, что въ древности жизнь обыкновенныхъ людей продолжалась 80,000 лѣтъ, а святые люди жили и болѣе 100,000 лѣтъ. Нѣкоторые умирали нѣсколько ранѣе, другiе нѣсколько позже, но въ самыя цвѣтущiя времена древности, если взять всѣ классы людей вмѣстѣ, среднимъ продолженiемъ жизни было 100,000 лѣтъ. Объ одномъ царѣ, по имени Юдиштирѣ, сказано мимоходомъ, что онъ царствовалъ 27,000 лѣтъ, между тѣмъ какъ правленiе другаго, по имени Аларка, продолжалось до 66,000 лѣтъ. Оба эти царя были похищены смертью во цвѣтѣ лѣтъ, такъ какъ есть примѣры, что первые поэты жили до полумилліона лѣтъ. Но самый замѣчательный примѣръ представляетъ одно лицо, игравшее весьма важную роль въ индiйской исторiи; оно было въ то же время царемъ и святымъ. Этотъ знаменитый мужъ жилъ во времена чистоты нравовъ и добродѣтели; и дѣйствительно былъ онъ долголѣтенъ на землѣ; при воцаренiи, ему было два милліона лѣтъ; затѣмъ онъ царствовалъ 6,300,000 лѣтъ, по прошествiи которыхъ отказался отъ престола и прожилъ еще 100,000 лѣтъ.

То же самое безграничное уваженiе къ древности заставляло Индусовъ относить всякое важное событiе къ самымъ отдаленнымъ временамъ; при этомъ у нихъ часто выходитъ такое число лѣтъ, передъ которымъ рѣшительно теряешься. Великое собранiе законовъ ихъ, называемое Институтами Мену, составлено конечно менѣе 3,000 лѣтъ тому назадъ; но индiйскiе хронологи далеко не того мнѣнiя: они приписываютъ своему законодательству такую древность, которую здравому европейскому уму трудно даже себѣ представить. По самымъ

лучшимъ туземнымъ источникамъ, откровеніе людямъ этихъ законовъ послѣдовало около двухъ тысячъ милліоновъ лѣтъ до нашего времени.

Все это составляетъ лишь одно изъ проявленій той любви къ отдаленному, того стремленія къ безконечному и того равнодушія къ настоящему, которыми отличается умъ Индуса, во всѣхъ его проявленіяхъ. Не только въ литературѣ, но и въ религіи и въ искусствѣ, это направленіе преобладаетъ. Подавлять разсудокъ и давать волю воображенію — вотъ общее правило Индусовъ. Въ догматахъ ихъ религіи, въ характерѣ ихъ боговъ и даже въ строеніи храмовъ, мы видѣли, до какой степени величественныя и грозныя зрѣлища внѣшняго міра наполняли умы людей тѣми образами величія и страха, которые они стараются воспроизвести въ видимой формѣ и которымъ они обязаны главными особенностями своего національнаго развитія.

Наше воззрѣніе на процессъ установленія этого вліянія можетъ быть разъяснено сравненіемъ съ противоположнымъ состояніемъ Греціи. Въ Греціи, мы видимъ страну, представляющую самый яркій контрастъ съ Индіей. Проявленія природы, которыя въ Индіи представляются въ ужасающемъ величіи, въ Греціи несравненно менѣе размѣромъ, слабѣе и во всѣхъ отношеніяхъ менѣе грозны для человѣка. Въ великомъ центрѣ азіатской цивилизаціи, энергія человѣческаго рода стѣснена и какъ бы запугана окружающими явленіями. Рядомъ съ опасностями, неразлучными съ тропическимъ климатомъ, тамъ являются тѣ громадныя горы, которыя какъ будто бы касаются небесъ; изъ склоновъ ихъ вытекаютъ могучія рѣки, которыхъ никакое искусство не можетъ отклонить отъ ихъ направленія и чрезъ которыя еще не перекидывался никакой мостъ. Тамъ же находятся непроходимые лѣса, цѣлыя страны, поросшія нескончаемымъ тростникомъ, а за ними безплодныя и безпредѣльныя пустыни — все это внушаетъ человѣ-

ку сознаніе его слабости и неспособности бороться съ силами природы. Земля съ обѣихъ сторонъ омывается огромными морями, гдѣ свирѣпствуютъ бури, несравненно болѣе разрушительныя, чѣмъ въ Европѣ, и отличающіяся такой внезапностью порывовъ, что невозможно уберечься отъ ихъ дѣйствія. Какъ будто все, въ этой странѣ, направлено къ тому, чтобы стѣснять дѣятельность человѣка: береговая линія, отъ устьевъ Ганга до южной оконечности полуострова, не представляетъ ни одной безопасной и помѣстительной гавани, ни одного порта, который могъ бы дать убѣжище судамъ, тогда какъ здѣсь, такія убѣжища можетъ быть болѣе чѣмъ гдѣ-либо необходимы.

Въ Греціи, весь видъ природы до такой степени отличенъ отъ азіатскаго, что самыя условія существованія человѣка измѣняются. Греція, подобно Индіи, составляетъ полуостровъ; но въ то время, какъ въ азіатской странѣ, все величественно и грозно, въ европейской, все мелко и слабо. Вся Греція занимаетъ пространство нѣсколько меньшее, чѣмъ португальское королевство, то есть около сороковой доли того, что теперь называется Индостаномъ. Находясь въ самой доступной части небольшаго моря, Греція могла имѣть легкое сообщеніе къ востоку съ Малою Азіею, къ западу съ Италіею, къ югу съ Египтомъ. Опасности всякаго рода въ ней были гораздо менѣе многочисленны, чѣмъ въ странахъ тропическихъ цивилизацій. Климатъ былъ здоровѣе, землетрясенія были не такъ часты, ураганы менѣе опустошительны; дикіе звѣри и вредныя животныя встрѣчались въ меньшемъ числѣ. И относительно другихъ характеристическихъ чертъ природы сохраняется тотъ же законъ. Величайшія горы въ Греціи составляютъ, по вышинѣ, менѣе одной трети Гималайскаго хребта, такъ что онѣ нигдѣ не достигаютъ до предѣла вѣчнаго снѣга. Что же касается рѣкъ, то не только между ними нѣтъ ничего похожаго на громадныя массы воды, текущія съ азіатскихъ горъ, но и вообще природа Греціи такъ скупа

въ этомъ отношеніи, что ни въ сѣверной, ни въ южной Греціи мы не находимъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ потоковъ, легко переходимыхъ въ бродъ и въ лѣтнее время весьма часто высыхающихъ.

Эти разительныя различія между матеріальными явленіями обѣихъ странъ, произвели соотвѣтственныя различія и въ ассоціаціяхъ идей ихъ жителей. Такъ какъ всѣ идеи должны происходить частью отъ такъ называемой самопроизвольной дѣятельности ума, частью же отъ того, что внушается уму внѣшнимъ міромъ, то такое важное измѣненіе въ одной изъ причинъ естественно должно было произвести измѣненіе и въ послѣдствіяхъ. Въ Индіи, всѣ окружающія человѣка явленія были направлены къ тому, чтобы внушить ему страхъ, а въ Греціи они внушали ему довѣріе. Въ Индіи, человѣкъ былъ запуганъ, въ Греціи—онъ былъ ободряемъ. Въ Индіи, препятствія всякаго рода были такъ многочисленны, такъ страшны и, повидимому, такъ необъяснимы, что представляющіяся въ жизни затрудненія могли быть разрѣшаемы только постояннымъ обращеніемъ къ непосредственному дѣйствію сверхъестественныхъ причинъ, и такъ какъ эти причины выходятъ изъ области разсудка, то всѣ силы воображенія постоянно были заняты изученіемъ ихъ; само воображеніе было чрезмѣрно напряжено, такъ что дѣятельность его стала опасною; она стѣснила дѣятельность разсудка, и общее равновѣсіе умственныхъ силъ было нарушено. Въ Греціи, противоположныя обстоятельства привели къ противоположнымъ результатамъ. Здѣсь природа менѣе страшила человѣка, менѣе вмѣшивалась въ дѣла его и была менѣе таинственна. Поэтому въ Греціи человѣческій умъ былъ менѣе запуганъ и менѣе суевѣренъ; онъ сталъ изучать физическія причины явленій, развитіе естественныхъ наукъ стало возможнымъ, и человѣкъ, доходя постепенно до сознанія своей силы, приступилъ къ изслѣдованію всего, что онъ видѣлъ, съ такою смѣлостью, которой нельзя было бы и ожидать въ тѣхъ странахъ, гдѣ да-

вленіе природы лишало его независимости и внушало ему идеи, съ которыми дѣйствительное знаніе несовмѣстимо.

Вліяніе этихъ двухъ различныхъ умственныхъ складовъ на религію народа должно быть очевидно для всякаго, кто только сравнивалъ религію индійскую съ греческою. Миѳологія Индіи, какъ и всякой другой тропической страны, основана на ужасѣ, и притомъ самаго фантастическаго свойства. Доказательства преобладанія этого чувства изобилуютъ въ священныхъ книгахъ Индусовъ, въ ихъ преданіяхъ и даже въ самомъ наружномъ видѣ и аттрибутахъ ихъ боговъ. И такъ глубоко это чувство напечатлѣлось въ умѣ всего народа, что самыми уважаемыми божествами непремѣнно являются тѣ, съ которыми картины ужаса наиболѣе тѣсно связаны. Такъ напримѣръ, поклоненіе Сивѣ распространено болѣе всѣхъ другихъ ученій; что же касается древности его, то есть причины полагать, что оно заимствовано браминами у первобытныхъ Индійцевъ. Во всякомъ случаѣ оно весьма древне и весьма популярно. Сива, вмѣстѣ съ Брамой и Вишну, составляютъ извѣстную индійскую троицу. Слѣдовательно, намъ нечего удивляться тому, что съ этимъ божествомъ связаны такія картины ужаса, какія могла создать только тропическая фантазія. Сива представляется уму Индійца въ видѣ страшнаго существа, опоясаннаго змѣями, съ человѣческимъ черепомъ въ рукѣ и ожерельемъ изъ человѣческихъ костей. У него три глаза; свирѣпость его права обозначается тѣмъ, что онъ одѣтъ тигровой кожей. Его представляютъ блуждающимъ, какъ безумный, съ страшною змѣею кобра-ди-капелла на лѣвомъ плечѣ. У этого чудовищнаго созданія пораженной ужасомъ фантазіи, есть жена — Дурга, иногда называемая Кали, иногда же и другими именами. Все тѣло ея темно-синее, а ладони рукъ красныя, что означаетъ постоянную жажду крови. У нея четыре руки и въ одной изъ нихъ она носитъ черепъ исполина; языкъ виситъ изо рта, къ поясу прикрѣплены руки ея жертвъ, а шея укра-

шена человѣческими головами, которыя нанизаны въ видѣ страшной цѣпи.

Если мы затѣмъ обратимся къ Греціи, то даже въ періодѣ дѣтства ея религіи, не найдемъ ни малѣйшаго слѣда чего либо подобнаго. Такъ какъ въ Греціи было менѣе причинъ для страха, то и выраженіе его не такъ часто встрѣчалось, и потому Греки вовсе не были расположены вносить въ свою религію тѣ чувства ужаса, которыя были такъ естественны въ Индусахъ. Азіатская цивилизація имѣла постоянное стремленіе къ тому, чтобы увеличивать разстояніе, отдѣляющее человѣка отъ боговъ; стремленіе же греческой цивилизаціи заключалось въ томъ, чтобы уменьшать это разстояніе. Оттого-то въ Индостанѣ каждый изъ боговъ отличался чѣмъ нибудь чудовищнымъ; у Вишну было четыре руки, у Брамы пять головъ и т. д. Напротивъ, греческіе боги всегда изображались въ совершенно человѣческой формѣ. Въ Греціи никакой художникъ не могъ бы обратить на себя всеобщаго вниманія, еслибы онъ вздумалъ изображать боговъ въ какомъ нибудь другомъ видѣ. Онъ могъ представлять ихъ могущественнѣе и прекраснѣе людей, но всетаки они должны были быть людьми. Аналогія между божествомъ и человѣкомъ, которая возбуждала религіозныя чувства Грековъ, совершенно убила бы эти чувства у Индусовъ.

Это различіе между художественными проявленіями обѣихъ религій сопровождалось совершенно подобнымъ же различіемъ между ихъ теологическими преданіями. Въ индійскихъ книгахъ, всѣ силы воображенія истощаются на разсказы о дѣйствіяхъ боговъ; чѣмъ очевиднѣе была невозможность какого нибудь подвига, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ его приписывали богамъ. Греческіе же боги имѣли не только человѣческую форму, но и аттрибуты, занятія и вкусы людей. Азіатцы, для которыхъ всякое вліяніе природы было предметомъ благоговѣнія, привыкали къ этому чувству такъ сильно, что никогда не осмѣливались уподоблять свои дѣйствія

дѣйствіямъ своихъ боговъ. Напротивъ, европейцы, ободряемые безопасностью и спокойствіемъ въ матеріальномъ мірѣ, не боялись проводить ту параллель, которая ужаснула бы ихъ, еслибы они жили среди опасностей тропическаго края. Потому-то греческія божества до такой степени отличны отъ индійскихъ, что сравнивая тѣ и другія, мы какъ будто бы переходимъ въ другой міръ. Греки возводили свои наблюденія надъ человѣкомъ въ общія начала и, въ такомъ видѣ, прилагали ихъ къ богамъ. Холодность женщинъ олицетворялась въ Діанѣ, красота и чувственность — въ Венерѣ, гордость—въ Юнонѣ, умственное развитіе—въ Минервѣ. То же начало прилагалось и къ обыкновеннымъ занятіямъ боговъ. Нептунъ былъ мореходецъ, Вулканъ—кузнецъ, Аполлонъ иногда являлся музыкантомъ, иногда поэтомъ, иногда пастухомъ. Что касается до Купидона, то это былъ рѣзвый мальчикъ, играющій своимъ лукомъ и стрѣлами; Юпитеръ былъ влюбчивый и добродушный царь; Меркурія же представляли безразлично, или надежнымъ посломъ, или простымъ, общеизвѣстнымъ воромъ.

Точно то же стремленіе къ сближенію человѣческихъ силъ съ силами, стоящими выше человѣчества, проявляется и въ другой особенности греческой религіи. Я хочу сказать, что въ Греціи мы въ первый разъ встрѣчаемъ поклоненіе героямъ, то есть возвышеніе смертныхъ на степень божества. По тѣмъ началамъ, которыя мы уже изложили, этого явленія никакъ нельзя было бы ожидать въ тропической странѣ, гдѣ видъ всей окружающей природы долженъ былъ постоянно напоминать человѣку о его безсиліи. Поэтому естественно, что боготвореніе человѣка не встрѣчается въ древней индійской религіи; равнымъ образомъ было оно неизвѣстно Египтянамъ Персамъ и, на сколько мы можемъ судить, и Арабамъ. Но въ Греціи человѣкъ, будучи менѣе униженъ, менѣе, такъ сказать, отброшенъ въ тѣнь внѣшнимъ міромъ, былъ болѣе высокаго мнѣнія о своей силѣ, и человѣ-

ческая природа не стояла такъ низко, какъ въ другихъ странахъ. Послѣдствіемъ этого было то, что почитаніе людей являлось однимъ изъ признанныхъ элементовъ народной религіи Грековъ, въ самый раннiй періодъ греческой исторіи, и вообще оно повидимому было такъ сродно европейцамъ, что повторилось и въ другихъ частяхъ Европы. Другія обстоятельства, имѣющія совершенно отличный характеръ, постепенно искореняютъ этотъ видъ идолопоклонства; но существованіе его особенно достойно вниманія, какъ одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ уклоненія европейской цивилизаціи отъ всѣхъ ей предшествовавшихъ.

Такимъ образомъ, въ Греціи, все было направлено къ возвышенію достоинства человѣка, между тѣмъ какъ въ Индіи все стремилось къ униженію его. Чтобы выразить въ короткихъ словахъ все предшествовавшее, можно сказать, что Греки имѣли большое уваженіе къ человѣческимъ силамъ, а Индусы къ силамъ высшихъ существъ. Первые обращали больше вниманія на извѣстное и полезное, а вторые на неизвѣстное и таинственное. По этому самому, воображеніе, которое Индусы, подавляемые величіемъ и могуществомъ природы, никогда не старались обуздывать, теряло свое преобладаніе на маленькомъ полуостровѣ древней Греціи. Здѣсь, въ первый разъ во всей исторіи міра, воображеніе было въ нѣкоторой степени ограничено разсудкомъ. Не то, чтобы оно ослабѣло или истощились его жизненныя силы, но оно было обуздано, укрощено, его порывы умѣрены, его безумства наказаны. Но что его энергія сохранилась, этому мы имѣемъ полное доказательство въ тѣхъ произведеніяхъ греческаго ума, которыя дошли до нашихъ временъ. И такъ, былъ полный выигрышъ: способность ума все изслѣдовать и во всемъ сомнѣваться развилась, а между тѣмъ не уничтожались и благоговѣйные, поэтическіе инстинкты воображенія. Было ли или нѣтъ сохранено равновѣсіе — это составляетъ совершенно другой вопросъ, но то достовѣрно, что грече-

ская цивилизація приблизилась къ нему болѣе, чѣмъ какая либо изъ предшествовавшихъ ей. Но при всемъ, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи, не можетъ, мнѣ кажется, быть сомнѣнія, что за воображеніемъ всетаки оставалось слишкомъ много власти, а на чисто мыслящую способность никогда не было обращено должнаго вниманія. Впрочемъ, отъ этого не измѣняется тотъ фактъ, что греческая литература была первая, въ которой этотъ недостатокъ, хотя отчасти, исправленъ и въ которой сдѣлана рѣшительная и систематическая попытка оцѣнивать каждое мнѣніе по согласію его съ человѣческимъ разсудкомъ и, такимъ образомъ, обезпечить человѣку право самому судить о предметахъ высшей, неисчислимой важности.

Я избралъ Индію и Грецію, какъ типы для предыдущаго сравненія, потому что свѣденія, которыя мы имѣемъ объ этихъ странахъ, особенно обширны и особенно тщательно разработаны. Но и то, что мы знаемъ о прочихъ цивилизаціяхъ тропическихъ странъ, подтверждаетъ справедливость высказанныхъ мною взглядовъ на дѣйствіе, производимое явленіями природы. Въ центральной Америкѣ выкопано было изъ земли много предметовъ древности, и все, что было открыто, доказываетъ, что и тамъ, какъ въ Индіи, народная религія представляла собою систему полнаго и ничѣмъ не смягченнаго ужаса. Ни тамъ, ни въ Мексикѣ, ни въ Перу, ни въ Египтѣ, народъ не желалъ представлять свои божества въ человѣческомъ образѣ, ни приписывать имъ человѣческіе аттрибуты. Даже храмы ихъ суть громадныя зданія, возведенныя нерѣдко съ большимъ искусствомъ, но проявляющія очевидное намѣреніе поразить умъ страхомъ, и составляющія разительный контрастъ съ легкими, небольшими постройками, которыя Греки употребляли для религіозныхъ назначеній. Такимъ образомъ, даже въ стилѣ архитектуры мы видимъ дѣйствіе того же начала. Опасности, окружавшія цивилизацію тропическихъ странъ, наводили ее болѣе на идеи безконеч-

наго, между тѣмъ какъ безопасность, въ которой развивалась цивилизація европейская, вела ее къ конечному. Чтобы исчерпать всѣ послѣдствія этого великаго контраста, нужно было бы показать, какъ связаны между собою идеи безконечнаго, фантастическаго, и методы синтеза и вывода, и какъ имъ, съ другой стороны, противополагаются идея конечнаго, скептицизмъ и методы анализа и наведенія. Полное развитіе всѣхъ этихъ сближеній и противоположеній вывело бы меня далеко за предѣлы плана настоящаго введенія и можетъ быть превысило бы средства, представляемыя моими познаніями. И такъ, я долженъ отдать на безпристрастный судъ читателя то, что составляетъ, я самъ сознаю это, лишь слабый очеркъ; но очеркъ этотъ можетъ быть доставитъ матеріалы для дальнѣйшаго размышленія и даже, если надежда меня не ослѣпляетъ, можетъ открыть историкамъ новое поприще изысканій, напомнивъ имъ, что вездѣ на насъ лежитъ рука природы и что исторія ума человѣческаго только тогда можетъ сдѣлаться понятною, когда мы свяжемъ ее съ исторіею и явленіями матеріальнаго міра.

ГЛАВА III.

Разборъ метода, употребляемаго метафизиками, для открытія законовъ ума.

Изъ всѣхъ изложенныхъ нами доказательствъ, повидимому выводятся два главные факта, которые, если только они не будутъ опровергнуты, должны быть принимаемы за существенное основаніе всемірной исторіи. Первый изъ этихъ фактофъ состоитъ въ томъ, что во всѣхъ не европейскихъ цивилизаціяхъ, силы природы имѣли несравненно большее вліяніе, чѣмъ въ европейскихъ. Второй фактъ заключается въ томъ, что эти силы панесли огромный вредъ и что, въ то время какъ одинъ разрядъ ихъ произвелъ неравное распредѣленіе богатства, другой разрядъ произвелъ неравное распредѣленіе умственной дѣятельности, сосредоточивъ все вниманіе людей на предметахъ, воспламеняющихъ воображеніе. На сколько мы можемъ судить по опыту прошедшихъ временъ, можно сказать, что во всѣхъ не европейскихъ цивилизаціяхъ, эти препятствія къ развитію оказалисъ непреодолимыми, и что дѣйствительно ни одинъ народъ еще не преодолѣлъ ихъ. Но такъ какъ Европа устроена какъ бы въ меньшемъ размѣрѣ противъ другихъ частей свѣта, находится въ болѣе умѣренномъ поясѣ и представляетъ менѣе богатую почву, менѣе величественныя зрѣлища природы,

и всѣ физическія явленія въ ней существуютъ въ несравненно слабѣйшемъ видѣ, — то здѣсь было гораздо легче человѣку сбросить суевѣрія, навязываемыя природою его воображенію, и гораздо легче достигнуть, если не дѣйствительно справедливаго распредѣленія богатства, то по крайней мѣрѣ чего либо болѣе близкаго къ этому, чѣмъ то, что мы находимъ въ странахъ древнѣйшихъ цивилизацій.

Вотъ почему, принимая всемірную исторію за одно цѣлое, мы находимъ, что въ Европѣ преобладающимъ направленіемъ было подчиненіе природы человѣку, а внѣ Европы — подчиненіе человѣка природѣ. Встрѣчается нѣсколько исключеній изъ этого положенія, въ странахъ, населенныхъ дикими, но для цивилизованныхъ странъ правило оказывается всеобщимъ. На этомъ великомъ различіи между европейскою и не европейскою цивилизаціями основана вся философія исторіи; изъ него вытекаетъ, между прочимъ, то важное соображеніе, что если мы желаемъ, напримѣръ, понять исторію Индіи, то мы должны сперва изучить матеріальную природу ея, такъ какъ природа имѣла на человѣка больше вліянія, чѣмъ человѣкъ на природу. Если же, съ другой стороны, мы желаемъ понять исторію такой страны, какъ Франція или Англія, то мы должны преимущественно изучать человѣка, такъ какъ, при относительномъ безсиліи природы, каждый шагъ на пути прогресса увеличивалъ власть человѣческаго ума надъ силами внѣшняго міра. Впрочемъ, даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ могущество человѣка достигло высшей степени, давленіе, производимое на него природою, все еще чрезвычайно сильно; но оно уменьшается съ каждымъ поколѣніемъ, потому что увеличеніе суммы нашихъ познаній даетъ намъ возможность не столько обуздывать природу, сколько предвидѣть всѣ явленія ея и, такимъ образомъ, устранять многія изъ золъ, которыя она могла бы намъ причинить. Успѣхъ, достигнутый нашими усиліями, виденъ уже изъ того, что средняя продолжительность жизни становится больше и больше, и число

неизбѣжныхъ опасностей постоянно уменьшается, а это тѣмъ болѣе замѣчательно, что любопытство человѣка усиливается и прикосновенія между людьми стали чаще, чѣмъ были въ какое либо предшествующее время; такимъ образомъ, мы видимъ по опыту, что хотя видимыя причины опасностей умножились, но дѣйствительныя опасности вообще уменьшились.

Слѣдовательно, если бросить самый широкій по возможности взглядъ на исторію Европы и ограничиться опредѣленіемъ главной причины превосходства ея надъ другими частями свѣта, то должно признать эту причину въ побѣдѣ, одержанной человѣческимъ умомъ надъ органическими и неорганическими силами природы. Всѣ другія причины зависятъ отъ этой. Мы видѣли, что вездѣ, гдѣ силы природы достигали извѣстной степени могущества, цивилизація народа развивалась неправильно и прогрессъ ея останавливался. Первымъ существеннымъ условіемъ успѣха было ограничить вмѣшательство физическихъ явленій; а это всего удобнѣе могло исполниться тамъ, гдѣ самыя явленія встрѣчались въ слабѣйшемъ и наименѣе поразительномъ видѣ. Такъ было въ Европѣ, и потому только въ этой части свѣта дѣйствительно удалось покорить человѣку силы природы, заставить ихъ склониться передъ волею его, отвратить ихъ отъ обычнаго направленія и вынудить содѣйствовать его благополучію и служить общимъ цѣлямъ человѣческой жизни.

Вездѣ вокругъ насъ мы видимъ слѣды этой славной и успѣшной борьбы. Дѣйствительно, кажется, будто въ Европѣ не осталось ничего такого, что бы человѣкъ побоялся предпринять. Нашествія моря отражены и цѣлыя области, какъ напримѣръ въ Голландіи, вырваны изъ его объятій; горы прорѣзаны и обращены въ ровную дорогу; самыя упорныя въ безплодіи своемъ почвы, вслѣдствіе успѣховъ химіи, становятся плодородными; въ то же время мы видимъ въ электричествѣ самую неуловимую, самую быструю и самую таинственную изъ силъ природы, обращенную въ средство для

передачи человѣческой мысли и повинующуюся самымъ прихотливымъ требованіямъ нашего ума.

Въ другихъ случаяхъ, тамъ, гдѣ явленія внѣшняго міра оказывались непокорными, человѣку удалось совершенно уничтожить, устранить то, что онъ не надѣялся подчинить своей волѣ. Самыя страшныя болѣзни, напримѣръ собственно такъ называемая чума и средневѣковая проказа, совершенно исчезли во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ Европы, и едва ли возможно, чтобы онѣ когда нибудь опять появились. Дикіе звѣри и хищныя птицы истреблены и не могутъ болѣе тревожить своими нападеніями жилища цивилизованныхъ людей. Эти ужасные голода, которыми по нѣскольку разъ въ теченіе каждаго вѣка опустошалась Европа, прекратились, и такъ успѣшна была наша борьба съ ними, что нѣтъ ни малѣйшей причины бояться, чтобы они когда нибудь возвратились съ жестокостью, сколько нибудь напоминающею прежнія времена. Дѣйствительно, средства, которыми мы теперь располагаемъ, такъ велики, что самое худшее, что мы можемъ испытать, это легкій, временный недостатокъ въ продовольствіи, такъ какъ, при настоящемъ состояніи наукъ, зло это было бы при самомъ началѣ отвращено средствами, которыя намъ весьма легко доставила бы химія.

Едвали намъ нужно говорить о томъ, какъ, во множествѣ другихъ случаевъ, прогрессъ европейской цивилизаціи былъ тоже ознаменованъ уменьшеніемъ вліянія внѣшняго міра—мы конечно разумѣемъ тѣ особенности внѣшняго міра, которыя существуютъ независимо отъ воли человѣка и не его волею вызваны. Самыя образованныя нація, въ настоящемъ положеніи своемъ, сравнительно весьма немногимъ обязаны тѣмъ первобытнымъ характеристическимъ чертамъ природы, которыя, во всякой цивилизаціи внѣ Европы, проявляли неограниченную власть. Такимъ образомъ въ Азіи и другихъ частяхъ свѣта, ходъ торговли, направленія, въ которыхъ она распространялась, и многія другія подобныя явленія опре-

дѣлялись существованіемъ рѣкъ, удобствомъ ихъ для судоходства, числомъ и качествами близлежащихъ гаваней; въ Европѣ же, преобладающими причинами были не столько эти физическія особенности, сколько искусство и энергія человѣка. Первоначально, богатѣйшими странами были тѣ, гдѣ природа давала наиболѣе произведеній, а теперь— тѣ, гдѣ человѣкъ наиболѣе дѣятеленъ. Въ настоящее время, если гдѣ природа сама по себѣ скупа, мы умѣемъ восполнять ея недостатки. Если рѣка неудобна для судоходства или цѣлый край неудобенъ для проѣзда, то наши инженеры умѣютъ исправить этотъ недостатокъ и устранить зло. Тамъ, гдѣ нѣтъ рѣкъ, мы проводимъ каналы, гдѣ нѣтъ естественныхъ гаваней, мы строимъ искусственныя. И это стремленіе устранять вліяніе естественныхъ явленій такъ укоренилось, что оно замѣтно даже въ распредѣленіи жителей; такъ, въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ Европы, городское населеніе вездѣ превышаетъ сельское, а очевидно, что чѣмъ болѣе люди будутъ стекаться въ большихъ городахъ, тѣмъ болѣе они будутъ привыкать брать матеріалы для умственной работы изъ дѣлъ человѣческой жизни, и тѣмъ менѣе они будутъ обращать вниманія на тѣ особенности природы, которыя служатъ обильнымъ источникомъ суевѣрій и которыми, во всѣхъ не европейскихъ цивилизаціяхъ, остановленъ былъ прогрессъ человѣка.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ очевидно слѣдуетъ, что прогрессъ европейской цивилизаціи характеризуется уменьшеніемъ вліянія физическихъ законовъ и усиленіемъ вліянія законовъ умственныхъ. Полное доказательство этого вывода можетъ быть извлечено только изъ исторіи, и потому мы должны оставить значительную часть тѣхъ данныхъ, на которыхъ мы его основываемъ, до дальнѣйшихъ томовъ нашего труда. Но что положеніе въ самомъ основаніи своемъ справедливо—это должно быть допущено всякимъ, кто, кромѣ приведенныхъ уже нами доказательствъ, приметъ двѣ посыл-

ки, не подлежащія, по нашему мнѣнію, никакому спору. Первая посылка заключается въ томъ, что мы до сихъ поръ не видали примѣра, чтобы силы природы въ чемъ бы то ни было когда либо увеличивались, и не имѣемъ никакой причины предполагать, чтобы такое усиленіе могло когда либо произойти. Другая посылка—что мы имѣемъ обильныя доказательства того, что средства, которыми располагаетъ умъ человѣческій, стали сильнѣе, многочисленнѣе и сдѣлались болѣе способны бороться со всѣми препятствіями внѣшняго міра, такъ какъ всякое прибавленіе къ нашимъ познаніямъ даетъ намъ новыя средства, съ помощью которыхъ мы можемъ или управлять явленіями природы, или, если это невозможно, то по крайней мѣрѣ предвидѣть ихъ послѣдствія и, такимъ образомъ, избѣгать того, чего мы не можемъ предотвратить; но въ обоихъ случаяхъ одинаково уменьшается давленіе, производимое на насъ дѣйствіями внѣшняго міра.

Если принять обѣ эти посылки, то онѣ приводятъ насъ къ заключенію весьма важному для цѣли настоящаго введенія; ибо, если мѣрою цивилизаціи служитъ торжество ума надъ внѣшними, матеріальными дѣятелями, то становится очевиднымъ, что изъ двухъ разрядовъ законовъ, управляющихъ прогрессомъ человѣчества, умственный разрядъ гораздо важнѣе физическаго. Это положеніе дѣйствительно и принято цѣлою школою мыслителей за очевидную истину, хотя впрочемъ намъ неизвѣстно, чтобы кто нибудь до сихъ поръ попытался доказать это анализомъ, сколько нибудь исчерпывающимъ содержаніе предмета. Впрочемъ, вопросъ о томъ, въ какой именно мѣрѣ наши доказательства могутъ считаться оригинальными, имѣетъ весьма мало важности; нужно только замѣтить, что въ настоящій моментъ нашего изслѣдованія, проблема, съ которой мы начали, уже упростилась, и отысканіе законовъ европейской исторіи разрѣшилось, на первый случай, въ отысканіи законовъ человѣческаго ума. Эти законы, когда мы отдѣлимъ ихъ, и будутъ существеннымъ

базисомъ исторіи Европы; физическіе же законы будутъ приняты нами за второстепенную пружину, производящую иногда разстройства, которыя, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, стали замѣтно слабѣе и рѣже.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу объ открытіи законовъ человѣческаго ума, мы находимъ у метафизиковъ готовый отвѣтъ. Они указываютъ намъ на свои труды, представляющіе будто-бы удовлетворительное разрѣшеніе задачи. По этому становится необходимымъ привести въ извѣстность дѣйствительное значеніе ихъ изысканій, опредѣлить, какими они обладали средствами, и — что важнѣе всего — испытать дѣйствительность того метода, которому они всегда слѣдуютъ и который, по утвержденію ихъ, составляетъ единственный путь къ открытію важныхъ истинъ.

Метафизическій методъ, хотя онъ необходимо раздѣляется на двѣ отрасли, въ существѣ своемъ всегда одинъ и тотъ же: онъ заключается въ томъ, что каждый наблюдатель изучаетъ процессъ дѣятельности своего собственнаго ума. Это составляетъ прямую противоположность съ историческимъ методомъ, такъ какъ метафизикъ изучаетъ одинъ умъ, а историкъ множество умовъ. Сдѣлавши такое опредѣленіе, мы должны прежде всего замѣтить, что по метафизическому методу, никогда не было сдѣлано никакого открытія ни въ какой отрасли наукъ. Все, что мы въ настоящее время знаемъ, приведено въ извѣстность посредствомъ изученія явленій, отъ которыхъ стоитъ только откинуть случайныя помѣхи и въ остаткѣ очевидно получится законъ. Конечно, этотъ результатъ можетъ быть достигнутъ только или посредствомъ наблюденій, довольно многочисленныхъ, чтобы устранить всѣ случайности, или посредствомъ опытовъ, довольно утонченныхъ, чтобы совершенно уединить явленія. Одно изъ этихъ условій всегда необходимо для всѣхъ индуктивныхъ наукъ; между тѣмъ метафизикъ не подчиняется ни тому, ни другому. Уединить явленіе для него невозмож-

но, такъ какъ никто, какъ бы глубоко онъ ни погрузился въ размышленіе, не можетъ совершенно устранить отъ себя вліяніе внѣшнихъ явленій, которыя должны производить извѣстное дѣйствіе на его умъ, даже и тогда, когда онъ не сознаетъ ихъ присутствія; что же касается до другаго условія, то оно явно нарушается метафизикомъ, такъ какъ вся его система основана на томъ предположеніи, что онъ можетъ, изучивъ одинъ индивидуальный умъ, открыть законы дѣйствія всѣхъ умовъ; такимъ образомъ, съ одной стороны, онъ не имѣетъ возможности оградить свои наблюденія отъ разныхъ помѣхъ, съ другой, отказывается принять единственную предосторожность, т. е. расширить кругъ своихъ наблюденій такъ, чтобы нейтрализировать дѣйствіе случайностей, мѣшающихъ его наблюденіямъ.

Вотъ первое, самое основное возраженіе, встрѣчаемое метафизиками на самомъ порогѣ ихъ науки. Но вникнувъ нѣсколько глубже, мы находимъ другой недостатокъ, хотя менѣе очевидный, но столь же рѣшительный. Послѣ того, какъ метафизикъ принялъ за данное, что, изучая одинъ умъ, онъ можетъ открыть законы всѣхъ умовъ, стоитъ только, чтобы онъ началъ примѣнять къ дѣлу этотъ весьма несовершенный методъ, и онъ увидитъ себя запутаннымъ въ одно весьма странное затрудненіе. Затрудненіе, о которомъ мы говоримъ, не встрѣчается ни въ какой другой наукѣ и потому вѣроятно совсѣмъ не обращало на себя вниманіе лицъ, незнакомыхъ съ метафизическими преніями. Чтобы разъяснить сущность дѣла, необходимо сдѣлать краткій очеркъ двухъ главныхъ метафизическихъ школъ, такъ какъ каждый метафизикъ долженъ непремѣнно принадлежать къ которой нибудь изъ нихъ.

Для изслѣдованія свойствъ человѣческаго ума по метафизической системѣ, существуетъ два метода, которые оба одинаково понятны, но оба ведутъ къ совершенно различнымъ результатамъ. По первому методу, изслѣдователь на-

чинаетъ съ разсмотрѣнія своихъ ощущеній. По второму, онъ начинаетъ съ разсмотрѣнія своихъ идей. Эти два метода всегда вели и всегда должны вести къ діаметрально-противоположнымъ между собою выводамъ, и не трудно понять причины этого разногласія. Въ метафизикѣ, умъ составляетъ и орудіе изслѣдованія и матеріалъ, надъ которымъ употребляется орудіе. Но оттого, что орудіе, съ помощью котораго вырабатывается наука, въ существѣ, одно и тоже съ предметомъ, надъ которымъ оно работаетъ, рождается затрудненіе совершенно особаго рода. Это затрудненіе состоитъ въ невозможности обнять однимъ взглядомъ всю совокупность умственныхъ явленій, потому что отъ этого взгляда, какъ бы онъ обширенъ ни былъ, по необходимости ускользаетъ то состояніе ума, вслѣдствіе котораго, или при которомъ, взглядъ бросается. Изъ этого мы можемъ видѣть, что́ составляетъ, по моему мнѣнію, существенное различіе между физическимъ и метафизическимъ изслѣдованіемъ. Въ физикѣ бываетъ нѣсколько способовъ дѣйствія, которые всѣ неизмѣнно ведутъ къ одному и тому же результату. Напротивъ того, въ метафизикѣ, если два человѣка, съ одинаковыми способностями и одинаковою добросовѣстностью, будутъ употреблять различные методы въ изученіи ума, то неизбѣжно окажется, что они придутъ къ различнымъ выводамъ. Для лицъ, незнакомыхъ съ этимъ предметомъ, нѣсколько примѣровъ могутъ разъяснить все дѣло. Метафизики, начинающіе съ изученія идей, усматриваютъ, напримѣръ, въ своемъ умѣ идею пространства: откуда, спрашиваютъ они, явилась эта идея? Она не можетъ, говорятъ они, происходить отъ внѣшнихъ чувствъ, потому что чувства сообщаютъ намъ только понятія ограниченныя и относительно-случайныя, между тѣмъ, какъ идея пространства безпредѣльна и абсолютно-необходима. Она безпредѣльна, ибо мы не можемъ представить себѣ, чтобы пространство имѣло предѣлъ, а необходима, потому что мы не можетъ представить себѣ возможность его несуществованія.

Такъ разсуждаетъ идеалистъ. Но неидеалистъ — какъ называютъ того, который начинаетъ не съ идей, а съ ощущеній — приходитъ къ совсѣмъ другому заключенію. Онъ говоритъ, что мы не можемъ составить себѣ никакого понятія о пространствѣ, пока не составимъ себѣ понятія о предметахъ, а понятіе о предметахъ можетъ быть только результатомъ ощущеній, производимыхъ этими предметами. Что же касается до необходимости идеи пространства, то она происходитъ, по его словамъ, только оттого, что никакой предметъ не предствляется намъ безъ того, чтобы не занимать извѣстнаго положенія относительно другаго предмета. Вслѣдствіе этого образуется неразрывная связь между понятіемъ объ извѣстномъ положеніи и понятіемъ о предметѣ, и такъ какъ мы безпрерывно встрѣчаемъ эту связь, то мы наконецъ становимся неспособны представить себѣ предметъ безъ какого либо положенія или, другими словами, внѣ пространства. Что же касается до понятія о безпредѣльности пространства, то это, по словамъ сенсаціоналистовъ, есть понятіе, которое мы получаемъ, усматривая безпрерывныя приращенія къ линіямъ, плоскостямъ и объемамъ, т. е. къ тремъ видоизмѣненіямъ пространства. То же разногласіе между обѣими школами находимъ мы и по безчисленному множеству другихъ положеній. Такъ, напримѣръ, идеалистъ утверждаетъ, что наши понятія о причинѣ, о времени, о личности и о матеріи — всеобщи и необходимы; что это понятія простыя и что они не допускаютъ анализа и потому должны быть относимы къ первобытному строенію человѣческаго ума. Съ другой стороны, сенсаціоналисты не только не признаютъ эти идеи за простыя, но даже считаютъ ихъ весьма сложными и смотрятъ на всеобщность и необходимость ихъ, какъ на простой результатъ частаго и тѣснаго общенія съ ними.

Таково первое важное разногласіе, неизбѣжно проистекающее отъ принятія двухъ различныхъ методовъ. Идеалистъ

долженъ утверждать, что необходимыя и случайныя истины имѣютъ различное происхожденіе, а сенсаціоналистъ обязанъ думать, что онѣ всѣ имѣютъ одно общее происхожденіе. Чѣмъ далѣе идутъ эти двѣ великія школы, тѣмъ болѣе обозначается ихъ разногласіе. Онѣ въ открытой войнѣ по всякому отдѣлу нравственности, философіи и искусства. Идеалисты говорятъ, что всѣ люди имѣютъ, въ сущности, одно и то же понятіе о благѣ, объ истинѣ и о красотѣ. Сенсаціоналисты утверждаютъ, что вовсе не существуетъ такой нормы, потому что понятія зависятъ отъ ощущеній, а ощущенія людей зависятъ отъ разныхъ перемѣнъ въ ихъ организмѣ и отъ внѣшнихъ явленій, дѣйствующихъ на этотъ организмъ.

Вотъ краткій примѣръ тѣхъ противоположныхъ заключеній, къ которымъ должны были придти лучшіе метафизики, вслѣдствіе того простаго обстоятельства, что они избрали противоположные способы изслѣдованія. Это замѣчаніе особенно важно потому, что за примѣненіемъ обоихъ этихъ методовъ, всѣ средства метафизики очевидно исчерпаны. Обѣ партіи соглашаются съ тѣмъ, что законы ума могутъ быть открыты только посредствомъ изученія индивидуальныхъ умовъ и что въ умѣ нѣтъ ничего такого, что бы не происходило или отъ мышленія, или отъ ощущенія. Слѣдовательно имъ остается только выбрать одно изъ двухъ: или подчинить результаты ощущеній законамъ мышленія, или, наоборотъ, подчинить результаты мышленія законамъ ощущенія. Всѣ метафизическія системы строились по той или другой изъ этихъ двухъ схемъ и точно то же будетъ и впредь, потому что эти двѣ схемы, будучи сложены вмѣстѣ, заключаютъ въ себѣ всю совокупность метафизическихъ явленій. Оба процесса одинаково благовидны; приверженцы ихъ одинаково убѣждены въ своей непогрѣшимости; а между тѣмъ, по самому свойству спора, невозможно между ними никакое соглашеніе, да и посредника быть не можетъ, потому что никто не можетъ взяться за разрѣшеніе метафизи-

ческаго спора, не будучи метафизикомъ, а невозможно быть метафизикомъ, не будучи или сенсаціоналистомъ, или идеалистомъ,—другими словами, не принадлежа къ одной изъ тѣхъ партій, которыхъ споръ долженъ быть разрѣшенъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, мы должны, мнѣ кажется, придти къ тому заключенію, что всѣ метафизики, по самому свойству своихъ изысканій, неизбѣжно раздѣляются на двѣ совершенно враждебныя одна другой школы, относительную правоту которыхъ нѣтъ никакой возможности опредѣлить; такъ какъ онѣ притомъ весьма бѣдны средствами, и употребляютъ эти средства по такому методу, по которому не развивалась никогда никакая другая наука, то въ виду всего этого, мы не можемъ ожидать, чтобы они снабдили насъ достаточными данными для разрѣшенія тѣхъ важныхъ задачъ, которыя представляетъ намъ исторія ума человѣческаго. Всякій, кто приметъ на себя трудъ безпристрастно обсудить настоящее положеніе умственной философіи, долженъ будетъ сознаться, что не смотря на вліяніе, которое она всегда имѣла на нѣкоторые изъ самыхъ сильныхъ умовъ, а посредствомъ ихъ и на все общество, нѣтъ ни одной отрасли знанія, надъ которою бы люди такъ усердно и такъ долго трудились, и которая бы при всемъ этомъ оказалась такъ бѣдна результатами. Ни въ какой другой наукѣ не было такъ много движенія и такъ мало успѣха. Люди съ величайшими способностями и съ честнѣйшими намѣреніями, во всѣхъ образованныхъ странахъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, занимались метафизическими изслѣдованіями; между тѣмъ, до настоящаго времени, системы ихъ, вмѣсто того, чтобы приближаться къ истинѣ, расходятся болѣе и болѣе, и притомъ съ такою быстротою, которая повидимому возрастаетъ съ успѣхами знанія. Безпрерывное соперничество враждебныхъ между собою школъ, чрезмѣрный жаръ, съ которымъ ихъ отстаивали, и исключительная, но философская самоувѣренность, съ которою каждая защищала свой методъ,—

все это повергло изученіе ума человѣческаго въ такое разстройство, которое можетъ быть сравнено лишь съ разстройствомъ, произведеннымъ въ изученіи религіи преніями богослововъ. Послѣдствіемъ этого было то, что за исключеніемъ весьма немногихъ изъ законовъ ассоціаціи идей и, быть можетъ, еще новѣйшихъ теорій зрѣнія и осязанія, невозможно найти во всей области метафизики ни одного сколько нибудь важнаго начала, которое было бы притомъ и неоспоримою истиною. При этихъ обстоятельствахъ, нельзя не имѣть подозрѣнія въ томъ, что есть какая нибудь ошибка въ самомъ основаніи способа производства этихъ изслѣдованій. Я, съ своей стороны, полагаю, что посредствомъ простаго наблюденія нашего собственнаго ума и даже посредствомъ тѣхъ несовершенныхъ опытовъ, которые мы можемъ производить надъ нимъ, невозможно возвысить психологію на степень науки; и я почти не сомнѣваюсь въ томъ, что метафизика можетъ сдѣлать успѣхи только посредствомъ изслѣдованія исторіи, довольно глубокаго для того, чтобы дать намъ понятіе объ условіяхъ, управляющихъ умственнымъ движеніемъ рода человѣческаго.

ГЛАВА IV.

Законы духа человѣческаго раздѣляются на нравственные и умственные. Сравненіе законовъ нравственныхъ съ умственными и изслѣдованіе дѣйствія, производимаго тѣми и другими на развитіе общества.

Изъ предыдущей главы, я надѣюсь, ясно видно, что при настоящемъ состояніи нашего знанія, мы должны признать метафизическій методъ несостоятельнымъ передъ возлагаемою на него задачею—открыть законы, управляющіе движеніями человѣческаго ума. Это вынуждаетъ насъ прибѣгнуть къ тому единственному методу, по которому явленія даховнаго міра должны быть изучаемы въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются не въ умѣ отдѣльнаго наблюдателя, а въ дѣйствіяхъ всего рода человѣческаго. Существенная противоположность между этими двумя системами очевидна; но можетъ быть полезно представить примѣръ тѣхъ средствъ, которыми каждая изъ нихъ пользуется для изслѣдованія истины. Для этой цѣли я избираю предметъ, хотя еще не совершенно извѣстный, но составляющій прекрасный примѣръ той правильности, съ которою великіе законы природы, даже при самыхъ противоположныхъ обстоятельствахъ, продолжаютъ свое дѣйствіе.

Примѣръ, на который я намекаю, заключается въ отношеніи, сохраняющемся между рожденіями обоихъ половъ, отношеніи, которое, еслибы оно значительно нарушилось въ какой нибудь странѣ, хоть на одно поколѣніе, повергло бы общество въ самое серьезное растройство и неизбѣжно произвело бы большое усиленіе порочности въ народѣ. Вообще подозрѣвали, что среднимъ числомъ мужескія и женскія рожденія почти равны, но, до самаго послѣдняго времени, никто не могъ сказать, совершенно ли они равны и, если неравны, то на которой сторонѣ преимущество. Такъ какъ рожденіе составляетъ физическій результатъ данныхъ также физическихъ, то было ясно, что законъ рожденій долженъ заключаться въ этихъ данныхъ, то есть, что причины численнаго отношенія между полами должны заключаться въ самихъ родителяхъ. При этихъ обстоятельствахъ возбужденъ былъ вопросъ: нельзя ли разъяснить это темное дѣло съ помощью нашего знанія физіологіи царства животныхъ. Говорили — и это казалось весьма вѣроятнымъ, — что какъ физіологія есть наука о законахъ тѣла, и какъ всякое рожденіе составляетъ произведеніе тѣла, то если мы узнаемъ законы тѣла вообще, то узнаемъ и законъ рожденія. Таковъ былъ взглядъ физіологовъ на рожденіе дѣтей и точно таковъ же взглядъ метафизиковъ на исторію. И тѣ и другіе считали возможнымъ сразу возвыситься до причины явленія и, изучивъ его законы, предсказывать самое явленіе. Физіологи говорили: изучивъ отдѣльные организмы и такимъ образомъ приведя въ извѣстность тѣ законы, по которымъ совершается совокупленіе родителей, мы откроемъ численное отношеніе половъ, потому что это отношеніе есть ничто иное, какъ прямой результатъ совокупленія. Точно такимъ же образомъ, метафизикъ говоритъ: изучивъ отдѣльные умы, мы откроемъ законы, которыми опредѣляется ихъ дѣятельность, и такимъ образомъ будемъ въ состояніи опредѣлять впередъ

и дѣятельность человѣчества, которая очевидно слагается изъ дѣятельностей отдѣльныхъ лицъ. Таковы ожиданія, которыя были весьма самоувѣренно высказываемы физіологами, относительно закона половъ, а метафизиками - относительно законовъ исторіи. Но къ исполненію этихъ обѣщаній метафизики вовсе ничего не сдѣлали; не болѣе успѣха имѣли и физіологи, не смотря на то, что они могли въ изслѣдованіяхъ своихъ пользоваться содѣйствіемъ анатоміи, въ которой возможенъ прямой опытъ—средство не существующее для метафизиковъ. Но при разрѣшеніи настоящей задачи, и это средство не послужило ни къ чему, и физіологи до сихъ поръ не открыли ни одного факта, сколько нибудь разъясняющаго вопросъ: равно ли число мужескихъ рожденій числу женскихъ, или же оно больше или меньше.

На эти вопросы, никакія средства, употребленныя физіологами со времени Аристотеля и до нашего времени, не даютъ намъ возможности отвѣчать. Между тѣмъ, въ настоящее время, посредствомъ способа, нынѣ кажущагося совершенно естественнымъ, дошли до такой истины, какую совокупныя силы цѣлаго ряда замѣчательныхъ людей не могли открыть. Простымъ способомъ записыванія числа рожденій по поламъ и распространеніемъ этого способа на многіе года и разныя страны, намъ удалось отдѣлить отъ этаго явленія всѣ случайныя неправильности и привести въ извѣстность существованіе закона, который выражается, въ круглыхъ числахъ, слѣдующимъ образомъ: на каждыя двадцать дѣвочекъ родится двадцать одинъ мальчикъ. Мы можемъ смѣло сказать, что хотя дѣйствіе этого закона подвержено частымъ неправильностямъ, но самый законъ такъ силенъ, что мы не знаемъ ни одной страны, въ которой бы, хоть за одинъ годъ, число мужескихъ рожденій оказалось меньше числа женскихъ.

Важность и удивительная вѣрность этого закона заставляютъ насъ сожалѣть о томъ, что онъ до сихъ поръ остается эмпирическою истиною, что еще не удалось связать его съ

тѣми физическими явленіями, отъ которыхъ онъ заимствуетъ свою силу дѣйствія. Впрочемъ обстоятельство это не имѣетъ особенной важности для настоящей цѣли нашей — указать на методъ, посредствомъ котораго сдѣлано открытіе самаго закона. Означенный методъ имѣетъ явную аналогію съ тѣмъ, который мы предлагаемъ для изслѣдованія дѣйствій человѣческаго ума, между тѣмъ какъ старый, безуспѣшно употребленный методъ, соотвѣтствуетъ методу метафитиковъ. До тѣхъ поръ, пока физіологи пытались привести въ извѣстность законъ численнаго отношенія половъ, посредствомъ индивидуальныхъ опытовъ, они вовсе ничего не сдѣлали для той цѣли, которой надѣялись достигнуть. Но когда люди перестали довольствоваться этими индивидуальными опытами и, вмѣсто ихъ, стали собирать наблюденія, менѣе подробныя, но болѣе обширныя, тогда только великій законъ природы, котораго они въ продолженіе многихъ столѣтій напрасно искали, впервые открылся передъ ихъ глазами. Точно такимъ же образомъ, пока умъ человѣческій изучается только по узкому и тѣсному методу метафизиковъ, мы имѣемъ всѣ причины полагать, что законы, управляющіе его движеніями, останутся неизвѣстны. Слѣдовательно, если мы желаемъ достигнуть какого нибудь дѣйствительно важнаго результата, то становится необходимымъ отвергнуть эти старыя системы, недостаточность которыхъ доказывается какъ опытомъ, такъ и здравымъ смысломъ, и замѣнить ихъ обзоромъ фактовъ, достаточно обширнымъ, чтобы дать намъ возможность отдѣлить отъ наблюдаемыхъ явленій тѣ случайныя неправильности, которыя, безъ этого средства, мы никогда не будемъ въ состояніи исключить изъ выводовъ, не подлежащихъ повѣркѣ опытомъ

Одно желаніе сдѣлать совершенно ясными предварительные взгляды, изложенные въ этомъ введеніи, можетъ служить оправданіемъ сдѣланному мною отступленію, которое хотя ничего не прибавляетъ къ силѣ моихъ доводовъ, но можетъ

быть полезно, какъ пояснительный примѣръ, и, во всякомъ случаѣ, даетъ возможность большинству читателей оцѣнить достоинство предлагаемаго нами метода. Теперь намъ остается привести въ извѣстность, какъ слѣдуетъ примѣнять этотъ методъ, чтобы легче всего открыть законы духовнаго прогресса.

Если мы начнемъ съ того, что спросимъ, что такое духовный прогрессъ, то отвѣтъ будетъ повидимому очень простой, а именно: что это двоякій прогрессъ — правственный и умственный; первый имѣетъ ближайшее отношеніе къ нашимъ обязанностямъ, второй—къ нашему знанію. Вотъ классификація, которая была часто употребляема въ дѣло и съ которою знакомо большинство людей; и не можетъ быть сомнѣнія, что въ томъ смыслѣ, въ какомъ исторія есть повѣствованіе о результатахъ, дѣленіе это совершенно вѣрно. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что народъ не подвигается дѣйствительно впередъ, если, съ одной стороны, увеличеніе его умственныхъ силъ сопровождается усиленіемъ пороковъ, или если, съ другой стороны, становясь добродѣтельнѣе, онъ также становится болѣе невѣжественнымъ. Это двойное движеніе, нравственное и умственное, составляетъ существо самой идеи цивилизаціи и заключаетъ въ себѣ всю теорію духовнаго прогресса. Расположеніе къ исполненію нашихъ обязанностей составляетъ въ немъ нравственную, а умѣніе исполнять ихъ—умственную оторону; чѣмъ тѣснѣе связаны между собою эти двѣ стороны, тѣмъ съ большею гармоніею онѣ дѣйствуютъ; а чѣмъ ближе средства приспособлены къ цѣли, тѣмъ совершеннѣе выполнится назначеніе нашей жизни и тѣмъ вѣрнѣе положится основаніе дальнѣйшему преуспѣянію рода человѣческаго.

За симъ возбуждается весьма важный вопросъ, а именно: который изъ этихъ двухъ элементовъ въ прогрессѣ нешего

духа важнѣе. Такъ какъ самый прогрессъ составляетъ результатъ соединеннаго дѣйствія ихъ обоихъ, то необходимо привести въ извѣстность, который изъ нихъ дѣйствуетъ сильнѣе, съ тѣмъ чтобы подчинить низшій элементъ законамъ высшаго. Если успѣхи цивилизаціи и всеобщее благоденствіе человѣчества зависятъ болѣе отъ его нравственныхъ чувствъ, чѣмъ отъ его умственныхъ познаній, то мы конечно должны измѣрять прогрессъ общества этими чувствами; если же, напротивъ, все это зависитъ болѣе отъ познаній, то мы должны принять за мѣрило прогресса объемъ и успѣхи умственной дѣятельности общества. Коль скоро намъ будетъ извѣстна относительная энергія этихъ двухъ составляющихъ силъ, намъ останется только поступить съ ними по общепринятому плану въ изслѣдованіи истины, т. е. принять, что произведеніе ихъ совокупнаго дѣйствія подчиняется законамъ большей силы, дѣятельность которой встрѣчаетъ однако, по временамъ, помѣху во второстепенныхъ законахъ меньшей силы.

Приступая къ этому изслѣдованію, мы встрѣчаемъ прежде всего затрудненіе, происходящее отъ несвойственнаго, небрежнаго употребленія обыкновенныхъ выраженій, когда рѣчь идетъ о предметахъ, требующихъ величайшей отчетливости и точности опредѣленій. Такъ, самое выраженіе «нравственный и умственный прогрессъ» можетъ подать поводъ къ весьма серіозному недоразумѣнію. Въ томъ видѣ, въ какомъ обыкновенно употребляется это выраженіе, оно какъ бы даетъ намъ понять, что нравственныя и умственныя способности людей, съ успѣхами цивилизаціи, изощряются и становятся надежнѣе, чѣмъ были прежде. Но эта мысль—хоть можетъ быть и справедливая — никогда не была доказана; легко можетъ оказаться изъ наблюденій за продолжительные періоды времени, что по какимъ нибудь физическимъ причинамъ, намъ еще не извѣстнымъ, средній объемъ мозга, постепенно увеличивается и что слѣдовательно умъ, дѣйствующій чрезъ по-

средство мозга, пріобрѣтаетъ, даже независимо отъ воспитанія, бо̀льшую способность и бо̀льшую вѣрность взгляда. Впрочемъ, таково до сихъ поръ наше незнаніе физическихъ законовъ, и до такой степени находимся мы въ неизвѣстности относительно обстоятельствъ, опредѣляющихъ наслѣдственную передачу характера, темперамента и другихъ личныхъ особенностей, что мы должны считать этотъ предполагаемый прогрессъ дѣломъ весьма сомнительнымъ. При настоящемъ положеніи нашихъ знаній, мы не можемъ съ достовѣрностью сказать, чтобы происходило какое нибудь постоянное улучшеніе въ нравственныхъ или умственныхъ способностяхъ человѣка; не имѣемъ также и положительнаго основанія сказать, чтобы у ребенка, родившагося въ самой цивилизованной части Европы, эти способности должны были быть больше, чѣмъ у такого, который родился въ самомъ дикомъ углу какой нибудь варварской страны.

И такъ, каковъ бы ни былъ нравственный и умственный прогрессъ человѣчества, онъ состоитъ не въ улучшеніи природныхъ способностей, а въ улучшеніи, если можно такъ выразиться, возможности къ развитію, то есть въ улучшеніи той обстановки, при которой, послѣ рожденія, эти способности начинаютъ дѣйствовать. Въ этомъ и заключается все существо дѣла. Прогрессъ относится не къ внутренней силѣ, а къ внѣшнимъ преимуществамъ. Дитя, родившееся въ цивилизованной странѣ, не становится, по этому самому, выше рожденнаго между варварами, и различіе, которое окажется между дѣйствіями обоихъ дѣтей, будетъ вызвано, на сколько мы можемъ судить, однимъ только давленіемъ внѣшней обстановки, подъ которою я разумѣю окружающія ребенка мнѣнія, знанія, ассоціаціи идей, однимъ словомъ, всю духовную атмосферу, среди которой воспитывается каждое дитя.

Въ этомъ отношеніи очевидно, что если мы взглянемъ на

весь родъ человѣческій въ совокупности, то увидимъ, что его нравственный и умственный образъ дѣйствій опредѣляется нравственными и умственными понятіями, преобладающими въ данное время. Есть конечно много людей, которые станутъ выше этихъ понятій, и много другихъ, которые опустятся ниже ихъ; но такіе случаи составляютъ исключеніе и число такихъ людей составляетъ самый ничтожный процентъ въ общемъ количествѣ тѣхъ, которые ничѣмъ не отличаются—ни добромъ, ни зломъ. Огромное большинство людей всегда остается въ среднемъ состояніи: они не слишкомъ тупы и не слишкомъ даровиты, не слишкомъ добродѣтельны и не слишкомъ порочны; засыпая въ своей мирной и приличной посредственности, они принимаютъ безъ большаго затрудненія общепринятыя мнѣнія своего времени, не поднимаютъ вопросовъ, не производятъ скандала, не возбуждаютъ удивленія, а только держатся наравнѣ съ своимъ поколѣніемъ и безпрекословно подчиняются общему уровню нравственности и занятій своего вѣка и той страны, гдѣ живутъ.

Достаточно самаго поверхностнаго знанія исторіи, чтобы убѣдиться, что этотъ уровень безпрестанно перемѣняется и никогда не бываетъ совершенно одинаковъ, даже въ самыхъ сходныхъ между собою странахъ или въ двухъ преемственныхъ поколѣніяхъ одной и той же страны. Мнѣнія, преобладающія въ какомъ нибудь народѣ, во многихъ отношеніяхъ, мѣняются съ года на годъ, и то̀, что въ какое нибудь время преслѣдовалось какъ парадоксъ или ересь, впослѣдствіи принимается какъ общеизвѣстная истина, и въ свою очередь, тоже смѣняется чѣмъ нибудь еще болѣе новымъ. Эта крайняя измѣнчивость въ обыкновенной нормѣ человѣческихъ дѣяній, доказываетъ, что условія, отъ которыхъ норма эта зависитъ, должны быть сами чрезвычайно измѣнчивы, а между тѣмъ эти условія, каковы бы они ни были, очевидно служатъ источникомъ нравственнаго и умственнаго образа дѣйствій огромнаго большинства людей.

И такъ, мы имѣемъ теперь основаніе, на которое можемъ безопасно опираться въ дальнѣйшихъ выводахъ нашихъ. Мы знаемъ, что главный источникъ человѣческихъ дѣяній весьма измѣнчивъ, слѣдовательно, намъ остается только прилагать этотъ признакъ ко всякаго рода обстоятельствамъ, которыя представляются причинами, и если мы найдемъ, что эти обстоятельства не очень измѣнчивы, то слѣдуетъ заключить, что не они составляютъ тотъ источникъ, который мы стараемся открыть.

Приложивъ извѣстный намъ признакъ къ нравственнымъ побужденіямъ или указаніямъ такъ называемаго нравственнаго инстинкта, мы сейчасъ увидимъ, до какой степени слабо вліяніе, оказанное этими побужденіями на успѣхи цивилизаціи. Неоспоримо, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего такого, что бы измѣнилось такъ мало, какъ тѣ великіе догматы, изъ которыхъ слагаются нравственныя системы. Дѣлать добро другимъ, жертвовать для пользы ихъ своими собственными желаніями, любить ближняго, какъ самого себя, прощать врагамъ, обуздывать свои страсти, чтить родителей, уважать тѣхъ, которые поставлены надъ нами — въ этихъ правилахъ и въ нѣсколькихъ другихъ заключается вся сущность нравственности, и къ нимъ не прибавили ни одной іоты всѣ проповѣди, всѣ наставленія и собранія текстовъ, составленные моралистами и богословами.

Но если мы сравнимъ это неподвижное состояніе нравственныхъ истинъ съ быстрымъ движеніемъ впередъ истинъ умственныхъ, то найдемъ самую разительную противоположность. Всѣ великія нравственныя системы, имѣвшія большое вліяніе на человѣчество, представляли въ сущности одно и то же. Въ ряду правилъ, опредѣляющихъ нашъ нравственный образъ дѣйствій, самые просвѣщенные европейцы не знаютъ ни одного такого, которое бы не было также

извѣстно древнимъ. Что же касается до дѣятельности нашего ума, то люди позднѣйшихъ временъ, не только сдѣлали значительныя пріобрѣтенія по всѣмъ отраслямъ знанія, какія пытались изучать въ древности, но и совершили рѣшительный переворотъ въ старыхъ методахъ изслѣдованія: они соединили въ одну обширную систему всѣ тѣ средства наведенія, о которыхъ только смутно помышлялъ Аристотель, и создали такія науки, о которыхъ самый смѣлый мыслитель древности не имѣлъ ни малѣйшаго понятія.

Все это, для каждаго образованнаго человѣка, несомнѣнные, общеизвѣстные факты, и выводъ, непосредственно вытекающій изъ нихъ, очевиденъ. Если цивилизація есть произведеніе нравственныхъ и умственныхъ факторовъ, и если это произведеніе подвержено безпрерывнымъ измѣненіямъ, то ясно, что характеръ его опредѣляется не неизмѣннымъ факторомъ; потому что, въ неизмѣняющейся обстановкѣ, неизмѣнный факторъ можетъ производить только неизмѣнное дѣйствіе. Измѣняется же одинъ умственный факторъ, и что онъ въ этомъ случаѣ истинный двигатель, это можетъ быть доказано двумя различными путями: во первыхъ тѣмъ, что если не нравственное начало движетъ цивилизаціею, то остается приписать это дѣйствіе одному умственному; а во вторыхъ тѣмъ, что умственное начало проявляетъ такую дѣятельность и такую способность все обхватывать, которая совершенно достаточно объясняетъ необыкновенные успѣхи, сдѣланные Европою въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій.

Вотъ главныя доказательства, которыми подкрѣпляется мое воззрѣніе; но рядомъ съ ними есть и разныя другія соображенія, которыя также заслуживаютъ вниманія. Первое изъ нихъ заключается въ томъ, что умственное начало не только гораздо прогрессивнѣе нравственнаго, но и даетъ болѣе прочные результаты. Во всякой цивилизованной странѣ, пріобрѣ-

тенія, сдѣланныя умомъ, тщательно сохраняются, выраженныя въ извѣстныхъ, общепонятныхъ формулахъ и огражденныя употребленіемъ техническаго, научнаго языка. Они удобно передаются отъ одного поколѣнія къ другому и принимаютъ такую доступную, такъ сказать, осязательную форму, что часто имѣютъ вліяніе на самое отдаленное потомство. Они становятся наслѣдственнымъ богатствомъ человѣчества, какъ безсмертное завѣщаніе тѣхъ великихъ умовъ, которымъ они обязаны своимъ бытіемъ. Добрыя же дѣла, совершаемыя подъ вліяніемъ нашихъ нравственныхъ побужденій, несравненно менѣе подлежатъ такой передачѣ; они имѣютъ болѣе частный, скрытый характеръ. Такъ какъ побужденія, изъ которыхъ они вытекаютъ составляютъ обыкновенно результатъ самоотверженія и самообладанія, то каждый долженъ самъ совершать ихъ, каждый начинаетъ эти дѣла съ начала, и потому они весьма мало выигрываютъ отъ предшествовавшаго опыта, и не легко могутъ быть сохраняемы для руководства будущихъ моралистовъ. Вслѣдствіе этого, хотя нравственное превосходство болѣе заслуживаетъ сочувствія и, для большей части людей, привлекательнѣе, чѣмъ умственное, тѣмъ не менѣе должно сознаться, что въ дальнѣйшемъ дѣйствіи своемъ, оно гораздо слабѣе, менѣе постоянно и, какъ я сейчасъ покажу, менѣе дѣлаетъ добра.

Дѣйствительно, если мы разсмотримъ результаты, достигнутые самымъ дѣятельнымъ человѣколюбіемъ, самымъ широкимъ и безкорыстнымъ желаніемъ добра, то увидимъ, что эти результаты сравнительно весьма кратковременны, что они касаются весьма небольшаго числа людей и не многимъ приносятъ пользу, что они рѣдко переживаютъ то поколѣніе, которое было свидѣтелемъ ихъ начала, и что даже, когда дѣйствіе филантропіи является въ самой прочной формѣ—общественныхъ благотворительныхъ учрежденій, то подобныя учрежденія неизбѣжно подвергаются сперва зло-

употребленіямъ, потомъ постепенному упадку, а чрезъ нѣсколько времени, или совершенно разрушаются, или отклоняются отъ своей первоначальной цѣли, какъ бы въ насмѣшку надъ усиліями, тщетно предпринимаемыми для увѣковѣченія памяти о самомъ чистомъ и рѣшительномъ человѣколюбіи.

Эти выводы, безъ всякаго сомнѣнія, весьма не утѣшительны, и тѣмъ болѣе непріятны, что ихъ невозможно опровергнуть. Чѣмъ глубже будемъ мы вникать въ этотъ вопросъ, тѣмъ явственнѣе представится намъ преимущество умственнаго развитія передъ нравственными чувствами. Нельзя привести ни одного примѣра, чтобы неразвитый человѣкъ, имѣя добрыя намѣренія и неограниченную власть, для приведенія ихъ въ дѣйствіе, не сдѣлалъ гораздо болѣе зла, чѣмъ добра. И каждый разъ, когда намѣренія такого человѣка бывали особенно искренни и власть особенно обширна, происходило громадное зло. Но если бы ослабить его добрую волю, если бы исказить его побужденія нечистою примѣсью, то уменьшилось бы и дѣлаемое имъ зло. Если такой человѣкъ столько же эгоистъ, сколько и невѣжда, то часто бываетъ возможно поставить его порокъ въ противодѣйствіе его невѣжеству и ограничить производимое имъ зло, возбудивъ въ немъ страхъ. Если же онъ безстрашенъ и совершенно чуждъ эгоизма, если единственная цѣль его есть благо ближнихъ, если онъ преслѣдуетъ эту цѣль съ увлеченіемъ, съ обширными планами и съ совершенно безкорыстнымъ усердіемъ, тогда уже нѣтъ никакой возможности обуздать его и предупредить тѣ бѣдствія, которыя долженъ неизбѣжно причинить невѣжда, въ вѣкъ невѣжества. До какой степени такая мысль подтверждается опытомъ, это мы можемъ всего лучше видѣть въ исторіи гоненій за религію. Наказать даже одного человѣка за его религіозныя убѣжденія есть конечно одно изъ самыхъ страшныхъ злодѣяній въ мірѣ; но наказывать огромное количество людей, преслѣдовать цѣлую секту, пытаться иско-

ренить мнѣнія, которыя, проистекая изъ самаго состоянія общества, служатъ лишь проявленіемъ дивной и роскошной производительности человѣческаго ума — все это составляетъ не только одно изъ самыхъ вредныхъ, но и одно изъ самыхъ безразсудныхъ дѣлъ, какія только мы можемъ себѣ представить. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнный фактъ, что огромное большинство лицъ, воздвигавшихъ гоненія за религію, были люди съ самыми чистыми намѣреніями, съ самою высокою и безукоризненною нравственностью. Невозможно даже, чтобы это было иначе. Нельзя считать неблагонамѣренными людей, старающихся навязать кому нибудь убѣжденія, которыя они считаютъ хорошими. Тѣмъ менѣе можно назвать дурными людей, которые, безъ всякаго земнаго разсчета, употребляютъ всѣ средства своей власти не для своей пользы, но для распространенія религіи, которую считаютъ необходимою для будущаго благоденствія человѣчества. Такихъ людей не должно считать дурными, а только невѣжественными, незнающимини свойствъ истины, ни послѣдствій своихъ поступковъ. Но съ нравственной точки зрѣнія, побужденія, которымъ они слѣдуютъ, безукоризненны. Дѣйствительно, ихъ возбуждаетъ къ преслѣдованію самая искренность ихъ убѣжденія. Именно святое усердіе, одушевляющее ихъ, возбуждаетъ ихъ фанатизмъ къ небесной дѣятельности. Если вы внушите какому нибудь человѣку глубочайшее убѣжденіе въ великомъ значеніи какого нибудь нравственнаго или религіознаго ученія, если вы увѣрите его, что всѣ, отвергающее это ученіе, осуждены на вѣчную гибель, если вы затѣмъ облечете этого человѣка властью и, пользуясь его невѣденіемъ, ослѣпите его относительно дальнѣйшихъ послѣдствій его дѣйствій,—онъ непремѣнно будетъ преслѣдовать всѣхъ, отрицающихъ его ученіе, и энергія, которую онъ проявитъ въ этомъ преслѣдованіи, будетъ соразмѣрна искренности его убѣжденія. Убавьте искренности — и ослабится преслѣдованіе; другими словами, ослабивши добродѣтель, вы можете уменьшить зло. Это

истина, на которую исторія представляетъ такое безчисленное множество примѣровъ, что отрицать ее значило бы не только отвергать самыя ясныя и убѣдительныя доказательства, но и презирать единогласное свидѣтельство всѣхъ вѣковъ. Я ограничусь выборомъ двухъ явленій, которыя, по совершенно различной обстановкѣ ихъ, могутъ служить весьма хорошими примѣрами: одно изъ нихъ относится къ исторіи язычества, а другое къ исторіи христіанства, и оба доказываютъ неспособность нравственнаго чувства удержать человѣка отъ преслѣдованій за религію.

I. Римскіе императоры, какъ мы достовѣрно знаемъ, подвергали первыхъ христіанъ преслѣдованіямъ, которыя конечно отчасти преувеличены въ разсказахъ, но всетаки были весьма часты и тяжки. Но что̀ многимъ должно казаться весьма страннымъ—между ревностными дѣятелями этихъ жестокостей, мы находимъ имена лучшихъ людей, какіе когда либо сидѣли на престолѣ, между тѣмъ какъ худшіе и самые нечестивые изъ государей отличались именно тѣмъ, что щадили христіанъ и не обращали вниманія на ихъ размноженіе. Двое самыхъ нравственно-испорченныхъ людей, между всѣми императорами, были конечно Коммодъ и Геліогабалъ, и ни тотъ, ни другой не преслѣдовалъ новой религіи и не принималъ противъ нея никакихъ мѣръ. Они слишкомъ мало думали о будущемъ и были слишкомъ эгоистичны, слишкомъ погружены въ свои постыдныя удовольствія, чтобы полагать какую либо важность въ томъ, восторжествуетъ ли истина, или заблужденіе. Они не заботились о благоденствіи своихъ подданныхъ и потому были равнодушны къ успѣхамъ религіи, на которую, въ качествѣ языческихъ государей, они должны были смотрѣть, какъ на гибельное, безбожное заблужденіе. Поэтому они предоставляли христіанству полную свободу и не останавливали его развитія карательными постановленіями, которыя непремѣнно издали бы, на ихъ мѣстѣ, болѣе

добросовѣстные, но и болѣе заблуждающіеся государи. Такъ мы видимъ, что злѣйшимъ врагомъ христіанства былъ Маркъ Аврелій, человѣкъ кроткаго права, неустрашимой, непоколебимой честности; онъ ознаменовалъ свое царствованіе такими гоненіями, на которыя онъ никакъ не рѣшился бы, еслибы не былъ такъ искренно преданъ религіи своихъ предковъ. Для довершенія доказательства, можно прибавить, что послѣднимъ и однимъ изъ сильнѣйшихъ противниковъ христіанства, на престолѣ кесарей, былъ государь замѣчательный по своей честности, Юліанъ, мнѣнія котораго были многими опровергаемы, нравственность же не была затронута даже и клеветою.

II. Второй примѣръ представляетъ намъ исторія Испаніи — страны, которой должно отдать справедливость въ томъ, что въ ней, болѣе чѣмъ гдѣ либо, религіозныя чувства имѣли рѣшительное вліяніе на дѣла людей. Никакая другая европейская нація не произвела столько пламенныхъ и безкорыстныхъ проповѣдниковъ, столько ревностныхъ и самоотверженныхъ мучениковъ—людей, съ радостью жертвовавшихъ жизнью для распространенія истинъ, которыя они считали необходимыми. Нигдѣ духовное сословіе не пользовалось такимъ долгимъ преобладаніемъ; нигдѣ нѣтъ такой набожности въ народѣ, такого стеченія народа въ церквахъ, такого многочисленнаго духовенства. Тѣмъ не менѣе, искренность и чистота намѣреній, которыми всегда отличается испанскій народъ, взятый въ совокупности, не только не устранили возможности религіозныхъ гоненій, но даже оказались причинами, способствующими имъ. Если бы нація эта была менѣе ревностна къ вѣрѣ, то она была бы болѣе расположена къ вѣротерпимости. Для нея, охраненіе вѣры было первымъ изъ всѣхъ соображеній; все на свѣтѣ приносилось въ жертву этой одной цѣли. Но излишняя ревность породила, естественнымъ образомъ, жестокость, и тѣмъ приготовила почву, на которой

могла пустить корни и процвѣтать инквизиція. Двигатели этого варварскаго учрежденія были не лицемѣры, а энтузіасты. Лицемѣры, большею частью, слишкомъ гибки для того, чтобы быть жестокими. Жестокость—суровая и непреклонная страсть, тогда какъ лицемѣріе — ползучая, гибкая способность принаравливаться къ человѣческимъ чувствамъ и поблажать слабостямъ людей, для достиженія своей цѣли. Въ Испаніи, народъ устремилъ все свое рвеніе на одинъ предметъ—и одно взяло верхъ надъ всѣмъ: ненависть къ ереси перешла въ обычай, а преслѣдованіе — въ обязанность. Добросовѣстность и энергія, съ которыми исполнялась эта обязанность, видны въ исторіи испанской церкви. Дѣйствительно, различными путями и по различнымъ, другъ отъ друга независимымъ, источникамъ, можно доказать, что инквизиція отличалась непреклонною, неподкупною справедливостью. Я возвращусь къ этому вопросу нѣсколько позже, но есть два свидѣтельства, о которыхъ я не могу не упомянуть немедленно, такъ какъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, они особенно заслуживаютъ довѣрія. Llorente, великій историкъ инквизиціи, злѣйшій врагъ ея, имѣлъ доступъ къ ея тайному архиву и слѣдовательно самую полную возможность узнать истину; а между тѣмъ и онъ нигдѣ не нападаетъ на нравственную сторону инквизиціи; напротивъ того, негодуя на жестокость ея дѣйствій, онъ не можетъ не признать чистоту ея намѣреній. За тридцать лѣтъ до него, Townsend, священникъ англиканской церкви, издалъ замѣчательное сочиненіе объ Испаніи, и не смотря на то, что какъ протестантъ и Англичанинъ, имѣлъ всевозможныя причины быть предубѣжденнымъ противъ гнуснаго порядка вещей, который онъ описывалъ, —тоже не могъ сдѣлать никакого упрека лицамъ, поддерживавшимъ этотъ порядокъ; будучи принужденъ упомянуть объ инквизиціонномъ судѣ въ Барцелонѣ, одной изъ важнѣйшихъ отраслей этого учрежденія, онъ допускаетъ—признаніе весьма замѣчательное—что всѣ члены суда были

люди достойные, а большая часть изъ нихъ—даже замѣчательно человѣколюбивые.

Эти факты, какъ бы разительны они ни были, составляютъ еще весьма небольшую часть огромнаго количества данныхъ, заключающихся въ исторіи и рѣшительно доказывающихъ неспособность нравственнаго чувства уменьшить религіозныя гоненія. Какимъ именно образомъ дѣйствительно произошло это уменьшеніе, съ успѣхами умственнаго развитія—это будетъ показано въ другой части этого тома, гдѣ мы ясно увидимъ, что главное противоядіе нетерпимости заключается не въ человѣколюбіи, а въ просвѣщеніи. Распространенію просвѣщенія, и именно ему одному, мы обязаны постояннымъ уменьшеніемъ того, что̀ было неоспоримо величайшимъ зломъ, какое когда либо причиняли люди себѣ подобнымъ. Что гоненіе за вѣру есть большее зло, чѣмъ всякое другое, это уже доказывается огромнымъ, почти невѣроятнымъ числомъ извѣстныхъ жертвъ его; но къ этому должно прибавить, что неизвѣстныя жертвы вѣроятно еще многочисленнѣе, и что исторія не сообщаетъ намъ никакихъ свѣденій о тѣхъ, которые были пощажены тѣлесно съ тѣмъ, чтобы подвергнуться истязанію душевному. Мы много слышимъ о мученикахъ и исповѣдникахъ — о тѣхъ, которые были умерщвлены мечемъ или сожжены на огнѣ, но почти ничего не знаемъ о гораздо большемъ числѣ тѣхъ, которые одною угрозою гоненія были доведены до наружнаго отреченія отъ своихъ убѣжденій и, принужденные, такимъ образомъ, къ отступничеству, котораго ужасалась ихъ душа, провели остальную жизнь свою въ постоянномъ, унизительномъ лицемѣріи. Въ этомъ именно заключается настоящее зло религіозныхъ гоненій. Когда, такимъ образомъ, люди бываютъ вынуждены маскировать свои мнѣнія, то въ нихъ образуется привычка обезопашивать себя посредствомъ обмана и покупать безнаказанность цѣною лжи; для нихъ ложь становится одною

изъ ежедневныхъ потребностей, а лицемѣріе — однимъ изъ обычаевъ; общій духъ и образъ мыслей націи подвергается порчѣ и сумма существующихъ въ ней пороковъ и заблужденій страшно увеличивается. Слѣдовательно мы имѣемъ полное право сказать, что, въ сравненіи съ этимъ злодѣяніемъ, всѣ другія являются маловажными, и мы должны быть глубоко благодарны успѣхамъ умственнаго развитія, прекратившимъ это зло, которое однако многіе желали бы возобновить.

Начало, которое я отстаиваю, имѣетъ такое огромное значеніе, какъ на практикѣ, такъ и въ теоріи, что я намѣренъ привести еще одинъ примѣръ, показывающій, съ какою силою оно дѣйствуетъ. Величайшее изъ золъ, извѣстныхъ человѣчеству, зло, которое, послѣ религіозныхъ гоненій, причинило самую большую сумму страданій — есть неоспоримо веденіе войнъ. Что этотъ варварскій образъ дѣйствія, по мѣрѣ совершающагося въ обществѣ прогресса, постепенно выходитъ изъ употребленія, это становится очевидно и при самомъ поверхностномъ чтеніи исторіи Европы. Если мы сравнимъ, въ этомъ отношеніи, послѣдовательныя столѣтія, то найдемъ, что съ весьма давняго времени, войны становились все рѣже и рѣже и перемѣна эта наконецъ такъ ясно обозначилась, что до послѣдней (восточной) войны, мы почти сорокъ лѣтъ наслаждались миромъ — явленіе безпримѣрное въ лѣтописяхъ не только Англіи, но и всякой другой страны, имѣвшей довольно значенія, чтобы играть одну изъ главныхъ ролей въ міровыхъ событіяхъ. При этомъ возбуждается вопросъ: на сколько именно участвовали наши нравственныя чувства въ осуществленіи этой благодѣтельной перемѣны. Если отвѣчать на этотъ вопросъ, не стѣсняясь предразсудками, а единственно на основаніи положительныхъ данныхъ, то приходится сказать, что нравственныя чувства вовсе не участвовали въ этомъ дѣлѣ. Никто конечно не будетъ утверждать,

что люди новѣйшихъ временъ сдѣлали какія нибудь новыя открытія относительно нравственныхъ золъ, сопряженныхъ съ войною. Въ этомъ отношеніи, мы теперь не знаемъ ничего такого, что бы не было извѣстно уже въ теченіе многихъ столѣтій. Единственныя два сужденія объ этомъ предметѣ моралистовъ заключаются въ томъ, что войны оборонительныя справедливы, а наступательныя несправедливы. Эти два начала были такъ же ясно излагаемы, такъ же хорошо поняты и такъ же приняты всѣми, въ средніе вѣка, когда не проходила ни одна недѣля безъ войны, какъ и теперь, когда война считается рѣдкою и исключительною случайностью. И такъ, отношеніе людей къ войнѣ постепенно измѣнялось, между тѣмъ какъ нравственный взглядъ ихъ на этотъ предметъ остался тотъ же — ясно, что измѣняющееся дѣйствіе не можетъ происходить отъ неизмѣнной причины. Невозможно представить себѣ болѣе рѣшительнаго доказательства. Если кто нибудь можетъ доказать, что въ теченіе послѣдней тысячи лѣтъ, моралисты или богословы указали хотя на одно происходящее отъ войны зло, существованіе котораго было бы неизвѣстно предшественникамъ ихъ, то я готовъ отказаться отъ защищаемаго мною воззрѣнія. Но если, въ чемъ я твердо убѣжденъ, никто не докажетъ этого, то всѣ должны согласиться со мною, что, безъ приращенія къ суммѣ нравственныхъ истинъ, не могло увеличиться и вліяніе нравственности.

Такимъ образомъ, вопросъ объ участіи нравственныхъ чувствъ въ усиленіи всеобщей нелюбви къ войнѣ уже рѣшенъ. Съ другой стороны, обратившись къ человѣческому уму, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, мы найдемъ, что каждое значительное усиленіе его дѣятельности было тяжкимъ ударомъ для духа воинственности. Полное доказательство этой мысли я впослѣдствіи разовью довольно пространно, а въ этомъ введеніи я могу только указать на нѣкоторыя изъ очевиднѣй-

шихъ соображенiй, которыя встрѣчаясь, такъ сказать, на самой поверхности исторiи, могутъ быть поняты съ разу.

Одно изъ самыхъ ясныхъ между этими соображенiями заключается въ томъ, что каждое важное прiобрѣтенiе въ области знанiя усиливаетъ авторитетъ умственно-трудящихся классовъ, увеличивая запасъ средствъ, которыми они могутъ располагать. Но между этими классами и военнымъ сословiемъ существуетъ явный антагонизмъ; это антагонизмъ между мыслiю и дѣломъ, между внутреннимъ и внѣшнимъ, между доказательствомъ и насилiемъ, между силою убѣжденiя и физическою силою, короче сказать, между людьми, живущими мирнымъ промысломъ, и людьми, живущими войною. Слѣдовательно, все, что благопрiятно одному изъ этихъ классовъ, очевидно неблагопрiятно другому. Предполагая, что всѣ другiя обстоятельства остаются въ одномъ и томъ же положенiи, можно смѣло сказать, что по мѣрѣ того, какъ умственныя прiобрѣтенiя извѣстнаго народа увеличиваются, его расположенiе къ войнѣ уменьшается, и на оборотъ — если умственныя силы весьма ограниченны, то расположенiе къ войнѣ весьма сильно. У совершенно дикихъ народовъ, чисто умственныхъ прiобрѣтенiй вовсе не бываетъ; для нихъ, духъ представляетъ сухую, безплодную пустыню, и потому возможна только внѣшняя дѣятельность; у нихъ единственное достоинство—личная храбрость. Человѣкъ не имѣетъ никакого значенiя, пока не убьетъ хотя одного непрiятеля, и чѣмъ больше онъ убилъ себѣ подобныхъ, тѣмъ большимъ онъ пользуется вѣсомъ. Вотъ совершенно дикое состоянiе, вотъ та степень человѣческаго развитiя, на которой болѣе всего цѣнится воинская отвага и болѣе всего уважаются воины. Отъ этого ужасно низкаго состоянiя до высоты цивилизацiи ведетъ длинный рядъ ступеней; на каждой изъ ступеней, физическая сила теряетъ часть своего владычества и нѣсколько усиливается владычество мысли. Медленно, одинъ

за другимъ, возникаютъ мыслящіе, мирные классы; сперва воины глубоко презираютъ ихъ, но мало по малу, они ободряются, возрастаютъ числомъ и крѣпнутъ силою и, съ каждымъ шагомъ впередъ, ослабляютъ старый воинственный духъ, которымъ прежде поглощались всѣ другія стремленія. Торговля, мануфактуры, законы, дипломація, литература, науки, философія — все это было прежде неизвѣстно, теперь же каждый изъ этихъ предметовъ становится спеціальностью особаго класса людей. Каждый классъ отстаиваетъ важность своихъ занятій. Изъ этихъ классовъ, нѣкоторые конечно менѣе миролюбивы, чѣмъ другіе, но даже и тѣ, которые наименѣе отличаются этимъ качествомъ, всетаки болѣе расположены къ миру, чѣмъ люди, у которыхъ всѣ мысли направлены къ войнѣ и которые видятъ во всякой новой распрѣ возможность отличиться, вовсе не существующую для нихъ въ мирное время.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того какъ цивилизація подвигается впередъ, устанавливается равновѣсіе; воинственные порывы нейтрализируются такими побужденіями, которыя свойственны только образованному народу. Но въ народѣ, чуждомъ умственнаго развитія, такого равновѣсія существовать не можетъ. На это мы находимъ прекрасный примѣръ въ исторіи настоящей войны. Особенность великой борьбы, въ которую мы вступили, заключается въ томъ, что она вызвана не столкновеніемъ интересовъ цивилизованныхъ странъ, но столкновеніемъ между двумя наименѣе образованными государствами въ Европѣ. Это фактъ весьма замѣчательный. Настоящее состояніе общества превосходно характеризуется тѣмъ, что безпримѣрно продолжительный миръ нарушенъ не такъ, какъ нарушался миръ въ прежнее время, т. е. не распрей между двумя цивилизованными народами, а взаимными притязаніями двухъ наименѣе цивилизованныхъ націй. Въ прежнее время, вліяніе привычки къ умственнымъ и, слѣдо-

вательно, мирнымъ занятіямъ, хотя увеличивалось мало по малу, но все еще было слишкомъ слабо, даже въ самыхъ передовыхъ націяхъ, чтобы взять верхъ надъ прежними воинственными привычками; отъ этого происходило стремленіе къ завоеваніямъ, которое часто перевѣшивало всѣ другія чувства и побуждало великія націи — такія какъ французская и англійская—нападать другъ на друга, подъ самыми ничтожными предлогами, и пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, для удовлетворенія мстительной ненависти, съ которою каждая изъ нихъ смотрѣла на благосостояніе своей сосѣдки. Между тѣмъ, въ настоящее время, ходъ дѣлъ таковъ, что обѣ эти націи, отложивъ злобную и раздражительную зависть, которую онѣ нѣкогда питали другъ къ другу, соединились въ общемъ дѣлѣ и обнажили мечъ, не для своекорыстныхъ цѣлей, а для защиты образованнаго міра отъ нападеній невѣжественныхъ враговъ.

Такова главная черта, отличающая эту войну отъ всѣхъ предшествовавшихъ. Что миръ продолжался въ теченіе почти сорока лѣтъ и наконецъ нарушенъ не столкновеніями между образованными націями, какъ это бывало прежде, а властолюбіемъ единственнаго могущественнаго и въ то же время мало образованнаго государства, — это составляетъ одно изъ многихъ доказательствъ того, что отвращеніе къ войнѣ есть признакъ утонченности, свойственной только умственно-развитому народу. Конечно никто не станетъ утверждать, что воинственное развитіе Россіи происходитъ отъ низкаго уровня нравственности или отъ пренебреженія къ религіознымъ обязанностямъ; напротивъ того, всѣ свѣденія, какія мы имѣемъ, доказываютъ, что порочный образъ жизни въ Россіи встрѣчается не чаще, чѣмъ во Франціи и въ Англіи, и то достовѣрно, что Русскіе слѣдуютъ наставленіямъ церкви съ большею покорностью, чѣмъ ихъ образованные противники. Ясно, стало быть, что Россія страна воинственная не потому,

чтобы жители ея были безнравственны, но потому, что они мало развиты. Недостатокъ заключается не въ сердцѣ, а въ головѣ. Такъ какъ умственныя способности русскаго народа мало развиты, то на него мало имѣютъ вліянія люди, занимающіеся умственнымъ трудомъ, и потому въ немъ безусловно преобладаетъ классъ военный. Въ такой ранній періодъ развитія общества, еще нѣтъ средняго класса и слѣдовательно нѣтъ и того мирнаго, осмысленнаго склада жизни, который вырабатывается въ среднихъ классахъ. Умы людей, лишенныхъ умственной дѣятельности, естественно обращаются къ военному поприщу, какъ единственному для нихъ исходу. Вотъ почему въ Россіи всякія способности оцѣниваются по примѣненію ихъ къ военному дѣлу. Войска считаются главнымъ источникомъ славы націи; выиграть сраженіе, обмануть хитростью непріятеля—считается однимъ изъ величайшихъ подвиговъ человѣческой жизни, и всѣ лица не военныя, каковы бы ни были ихъ достоинства, не уважаются въ этомъ народѣ, какъ люди, несравненно низшаго свойства.

Въ Англіи, съ другой стороны, противоположныя причины произвели противоположныя послѣдствія. У насъ, умственный прогрессъ такъ быстръ, и авторитетъ средняго класса такъ великъ, что не только военные люди не имѣютъ никакого вліянія на управленіе государствомъ, но даже, одно время, повидимому предстояла опасность, чтобы мы не довели этого чувства до крайности и, вслѣдствіе нашего нерасположенія къ войнѣ, не пренебрегли тѣми предосторожностями обороны, которыя враждебность другихъ націй дѣлаетъ необходимыми. Но мы можемъ по крайней мѣрѣ смѣло сказать, что любовь къ войнѣ, какъ національная склонность, въ нашемъ отечествѣ совершенно исчезла. И этотъ важный результатъ достигнутъ не нравственными поученіями и не требованіями нравственнаго инстинкта, а тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что съ развитіемъ цивилизаціи, образовались въ обществѣ из-

вѣстныя сословія, которыя имѣютъ интересъ въ сохраненіи мира, и которыхъ совокупное значеніе достаточно сильно для того, чтобы взять верхъ надъ вліяніемъ другихъ сословій, имѣющихъ интересъ въ веденіи войны.

Легко было бы провести это доказательство дальше и показать, какимъ образомъ, при усиливающейся любви къ умственному труду, военная служба теряетъ не только въ значеніи, но и въ даровитости своихъ представителей. При неразвитомъ состояніи общества, люди съ замѣчательными способностями толпами устремляются въ военную службу и гордятся тѣмъ, что стоятъ въ рядахъ войска. Но по мѣрѣ того, какъ общество подвигается впередъ, открываются новые источники дѣятельности и являются новыя профессіи, которыя, будучи исключительно посвящены умственному труду, представляютъ даровитымъ людямъ случаи къ такому быстрому успѣху, какой не былъ возможенъ въ прежнихъ занятіяхъ. Вслѣдствіе того въ Англіи, гдѣ такіе случаи многочисленнѣе чѣмъ гдѣ либо, почти всегда бываетъ такъ, что если у какого нибудь отца есть сынъ, отличающійся замѣчательными способностями, то онъ приготовляетъ его для одной изъ гражданскихъ профессій, въ которыхъ способности, соединенныя съ дѣятельностью, непремѣнно вознаграждаются. Если же, напротивъ того, мальчикъ явно неспособенъ, то подъ рукою существуетъ приличное средство: изъ него дѣлаютъ военнаго или духовнаго, отправляютъ его въ армію или прячутъ въ духовенство. И это, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, есть одна изъ причинъ, почему, по мѣрѣ развитія общества, вліяніе военнаго и духовнаго сословій неизбѣжно уменьшается. Какъ только даровитые люди теряютъ расположеніе вступать въ какую нибудь профессію, блескъ, окружающій ее, помрачается; сперва уменьшается уваженіе къ ней, а за тѣмъ ограничивается ея общественное значеніе. Таковъ процессъ, совершающійся въ настоящее время въ Европѣ, относительно духовенства и воен-

наго сословія. Подтвержденіе того, что сказано нами на счетъ духовнаго сословія, мы найдемъ въ другой части этого сочиненія. Не менѣе рѣшительными данными подтверждается и замѣчаніе наше о военномъ сословіи. Конечно, профессія эта, въ новѣйшей Европѣ, произвела нѣсколько человѣкъ, несомнѣнно геніальныхъ, но число ихъ до такой степени мало, что мы невольно удивляемся тому, какъ рѣдко въ ней встрѣчаетса природное дарованіе. Еще яснѣе увидимъ мы, что военный классъ, взятый въ совокупности, приходитъ въ упадокъ, если сравнимъ между собою отдаленные періоды времени. Въ древнемъ мірѣ, наиболѣе замѣчательные воины не только отличались большимъ образованіемъ, но были и глубокими мыслителями, какъ по военному дѣлу, такъ и въ политикѣ, и во всѣхъ отношеніяхъ являлись передовыми личностями своего времени. Возьмемъ только нѣсколько примѣровъ изъ жизни одного народа: мы видимъ, что трое самыхъ мудрыхъ государственныхъ людей, какихъ только произвела Греція, были Солонъ, Ѳемистоклъ и Эпаминондъ—и всѣ они были также и замѣчательными полководцами. Сократъ, котораго многіе считаютъ мудрѣйшимъ изъ древнихъ, былъ воинъ, такъ же какъ и Платонъ и Антисѳенъ, знаменитый основатель школы циниковъ. Архитъ, который далъ новое направленіе пиѳагорейской школѣ философіи, и Мелиссъ, развившій ученіе элеотической школы -- оба были извѣстными полководцами, одинаково знаменитыми въ литературѣ и въ военномъ дѣлѣ. Изъ числа знаменитѣйшихъ ораторовъ, Периклъ, Алкивіадъ, Андокидъ, Демосѳенъ и Эсхинъ — всѣ принадлежали къ военному сословію, такъ же какъ и два величайшихъ трагическихъ поэта Эсхилъ и Софоклъ. Архилохъ, которому приписываютъ изобрѣтеніе ямбическаго стиха, и котораго Горацій принялъ за образецъ, — былъ воиномъ. То же сословіе могло похвалиться Тиртеемъ, однимъ изъ основателей элегической поэзіи, и Алкеемъ, однимъ изъ лучшихъ лириковъ Самый глубокій мыслитель, между греческими историками, былъ конечно Ѳу-

кидидъ, но и онъ такъ же, какъ и Ксенофонтъ и Полибій, занималъ высокія военныя должности и не разъ имѣлъ вліяніе на судьбу войны. Среди суеты и шума лагерной жизни, эти великіе люди развили свой умъ до самаго высшаго совершенства, какое возможно было при тогдашнемъ состояніи знанія, и кругъ обнятыхъ ими соображеній такъ обширенъ, такъ высоко достоинство ихъ слога, что творенія ихъ читаются тысячами людей, которымъ нѣтъ никакого дѣла до осадъ и сраженій.

Такіе люди были украшеніемъ военной профессіи въ древнемъ мірѣ; всѣ они писали на одномъ и томъ же языкѣ и читались однимъ и тѣмъ же народомъ. Но въ новѣйшемъ мірѣ, тотъ же самый классъ, заключающій въ себѣ нѣсколько милліоновъ людей и распространенный по всей Европѣ, не могъ произвести, съ шестнадцатаго столѣтія, и десяти такихъ писателей, которые могли бы стать наравнѣ съ древними, какъ литераторы или какъ мыслители. Декартъ представляетъ собою примѣръ европейскаго воина, соединяющаго въ себѣ оба качества: онъ одинаково замѣчателенъ, какъ превосходнымъ достоинствомъ своего слога, такъ и глубиною и оригинальностью своихъ изслѣдованій. Но это единственный случай, и я полагаю, что не было другаго примѣра, чтобы писатель-воинъ новѣйшаго времени достигъ такого превосходства, какъ по формѣ, такъ и по содержанію своихъ сочиненій. Англійское войско, въ продолженіе послѣднихъ двухсотъ-пятидесяти лѣтъ, конечно не представляетъ ни одного подобнаго примѣра; и дѣйствительно въ немъ всего только и было два писателя, Raleigh и Napier, сочиненія которыхъ признаны образцовыми и изучаются единственно ради ихъ внутренняго достоинства; хотя и это можно сказать о нихъ только относительно слога. Оба эти историка, не смотря на то, что превосходно владѣли перомъ, никогда не считались глубокими мыслителями въ разрѣшеніи трудныхъ вопросовъ и не прибавили ничего существен-

наго къ суммѣ нашихъ знаній. Точно также, между древними, самые даровитые воины были и самыми даровитыми политиками — лучшіе предводители войскъ оказывались вообще и лучшими правителями государства. Но и въ этомъ, развитіе общества произвело такую перемѣну, что въ теченіе весьма долгаго времени, подобные примѣры были весьма рѣдки. Даже Густавъ Адольфъ и Фридрихъ Великій дѣлали грубыя ошибки въ своей внутренней политикѣ и оказались столь же близорукими въ дѣлѣ мирнаго управленія, сколько были дальновидны въ дѣлѣ военномъ. Кромвелль, Вашингтонъ и Наполеонъ, можетъ быть, единственные между первоклассными воинами новѣйшаго времени, о которыхъ можно сказать справедливо, что они были одинаково способны управлять государствомъ и командовать арміею. Если мы обратимся къ Англіи, какъ представляющей намъ самые знакомые примѣры, то найдемъ подтвержденіе нашего замѣчанія въ двухъ нашихъ величайшихъ полководцахъ—Мальборо и Веллингтонѣ. Мальборо былъ человѣкъ не только самый праздный и пустой по образу жизни, но и до такой степени невѣжественный, что недостатокъ образованія дѣлалъ его посмѣшищемъ для всѣхъ его современниковъ; понятіе же его о политикѣ выразилось только въ томъ, что онъ пріобрѣлъ расположеніе государя, льстя его любовницѣ, измѣнилъ брату этого государя въ ту минуту, когда тотъ наиболѣе нуждался въ немъ, а потомъ сдѣлался вторично измѣнникомъ, обратясь противъ своего новаго благодѣтеля и войдя въ сношенія, столь же преступныя, какъ и неразумныя, съ тѣмъ самымъ человѣкомъ, котораго онъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, постыднымъ образомъ покинулъ. Таковы были характеристическія черты величайшаго полководца своего времени, героя ста сраженій, побѣдителя Бленгеймскаго и Рамилійскаго. Что касается до другаго нашего великаго воина, то конечно справедливо, что имя Веллингтона не должно быть никогда произносимо Англичаниномъ иначе,

какъ съ благодарностью и почтеніемъ; но чувства эти возбуждаются единственно его огромными военными заслугами, важность которыхъ намъ было бы стыдно забыть. Всякому, кто только изучалъ исторію гражданской жизни Англіи въ нынѣшнемъ вѣкѣ, хорошо извѣстно, что этотъ полководецъ, не знавшій соперниковъ въ бою и отличавшійся— что составляетъ для него еще большую славу—чистотою намѣреній, непоколебимою честностью и самымъ высокимъ нравственнымъ чувствомъ, оказался однако же совершенно несостоятельнымъ передъ сложными требованіями политической дѣятельности. Всѣмъ извѣстно, что въ своихъ возрѣніяхъ на самыя важныя законодательныя мѣры, онъ всегда заблуждался. Извѣстно также изъ журналовъ нашихъ парламентскихъ преній, что всякая великая мѣра, всякое важное улучшеніе, всякій рѣшительный шагъ къ реформѣ, всякая уступка желаніямъ народа—встрѣчали сильное сопротивленіе со стороны герцога Веллингтона и получали силу закона, не смотря на его оппозицію, и послѣ того, какъ онъ съ сокрушеніемъ объявлялъ, что подобныя мѣры ставятъ Англію въ серіозную опасность. Между тѣмъ, теперь нѣтъ школьника, который бы не зналъ, что этимъ именно мѣрамъ наше отечество обязано настоящею прочностью своего правительства. Опытъ, этотъ вѣрнѣйшій пробный камень мудрости, вполнѣ доказалъ, что тѣ великіе планы преобразованій, въ сопротивленіи которымъ герцогъ Веллингтонъ провелъ всю свою политическую жизнь, были, — не скажемъ уже полезны или благоразумны—но совершенно необходимы. Та самая политика, которую онъ постоянно отстаивалъ и которая состояла въ сопротивленіи желаніямъ народа, была принята со времени Вѣнскаго Конгресса, во всѣхъ монархіяхъ, кромѣ Англіи. Результаты этой политики уже выразились вполнѣ для нашего назиданія: они выразились въ томъ великомъ взрывѣ народныхъ страстей, который въ ярости своей низвергнулъ столько горделивыхъ престоловъ, по-

губилъ столько царственныхъ родовъ, раззорилъ столько знатныхъ фамилій и опустошилъ столько великолѣпныхъ городовъ. А если бы совѣты нашего великаго полководца были приняты, если бы справедливыя требованія нашего народа были отвергнуты, —то этотъ самый урокъ былъ бы написанъ и въ лѣтописяхъ нашего отечества; и намъ бы конечно не удалось избѣгнуть послѣдствій той страшной катастрофы, въ которую, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, была вовлечена, невѣжествомъ и эгоизмомъ своихъ правителей, значительная часть образованнаго міра.

Такова разительная противоположность между военнымъ геніемъ древнихъ временъ и военнымъ геніемъ новѣйшей Европы. Причины этого упадка очевидно должны быть отнесены къ тому обстоятельству, что въ настоящее время, благодаря чрезвычайному размноженію отраслей умственнаго труда, не многіе способные люди поступаютъ въ военную службу; между тѣмъ какъ въ древности, способные люди толпами устремлялись на это поприще, такъ какъ оно доставляло тогда самыя лучшія средства употребить въ дѣло тѣ способности, которыя теперь, въ цивилизованныхъ странахъ, находятъ болѣе полезное примѣненіе. Это составляетъ дѣйствительно важную перемѣну; такое привлеченіе самыхъ сильныхъ умовъ отъ военныхъ занятій къ занятіямъ мирнымъ было дѣломъ медленной работы многихъ вѣковъ, дѣломъ постепенныхъ, но прочныхъ завладѣній распространяющагося знанія. Написать исторію этихъ завладѣній значило бы написать исторію человѣческаго ума — трудъ, удовлетворительное исполненіе котораго, для одного человѣка, невозможно. Но предметъ этотъ такъ полонъ интереса и былъ такъ мало изучаемъ, что не смотря на то, что я продолжилъ уже настоящій анализъ далѣе, чѣмъ намѣревался, я не могу не остановиться нѣсколько на трехъ, по мнѣнію моему, главныхъ процессахъ, посредствомъ которыхъ совершалось осла-

бленіе воинственнаго духа древности, по мѣрѣ успѣховъ европейскаго знанія.

Первый изъ этихъ процессовъ начался изобрѣтеніемъ пороха, которое, хотя и было усовершенствованіемъ военнаго дѣла, но въ результатѣ своемъ оказало большія услуги интересамъ мира. Это важное изобрѣтеніе сдѣлано, какъ утверждаютъ, въ тринадцатомъ вѣкѣ, но вошло въ общее употребленіе не ранѣе четырнадцатаго или даже начала пятнадцатаго. Какъ только оно было примѣнено къ дѣлу, произошла великая перемѣна во всей системѣ и во всѣхъ пріемахъ веденія войны. До этого времени, считалось обязанностью почти всякаго гражданина быть приготовленнымъ къ поступленію въ военную службу, для защиты своего отечества или нападенія на другія страны. Постоянныя арміи были совсѣмъ неизвѣстны; вмѣсто ихъ существовала нестройная, варварская милиція, всегда готовая къ войнѣ и всегда нерасположенная предаваться мирнымъ занятіямъ, которыя тогда были во всеобщемъ презрѣніи. Такъ какъ почти всякій гражданинъ былъ воиномъ, то военное званіе, какъ профессія, не имѣло отдѣльнаго существованія, или, лучше сказать, вся Европа составляла одну огромную армію, въ которой сливались всѣ профессіи. Единственное исключеніе составляло духовенство; но и это сословіе находилось подъ вліяніемъ всеобщаго направленія, такъ что было вовсе не рѣдкостью видѣть большіе отряды войскъ, идущіе въ бой подъ предводительствомъ епископовъ или аббатовъ, большой части которыхъ военное дѣло было весьма знакомо. Какъ бы то ни было, всѣ люди были раздѣлены между этими двумя профессіями: единственными занятіями были война и богословіе, и всякій кто не желалъ быть служителемъ церкви, долженъ былъ служить въ войскахъ. Единственнымъ послѣдствіемъ этого было совершенное пренебреженіе ко всему дѣйствительно важному. Было дѣйствительно много священниковъ и много

воиновъ, много проповѣдей и много сраженій, но съ другой стороны, не было ни ремеслъ, ни торговли, ни мануфактуръ; не было ни науки, ни литературы: всѣ полезныя искусства были неизвѣстны, и даже самые высшіе классы общества были незнакомы не только самыми обыкновенными удобствами, но и съ простѣйшими приличіями цивилизованной жизни.

Но какъ только порохъ вошелъ въ употребленіе, тотчасъ положено было основаніе великой перемѣнѣ. По прежней системѣ, человѣку нужно было только имѣть—чтò онъ обыкновенно наслѣдовалъ отъ своего отца — мечъ или лукъ, и онъ уже былъ совсѣмъ вооруженъ для боя. По новому порядку вещей, потребовались новыя средства, и экипировка воина стала дороже и затруднительнѣе. Вопервыхъ, потребовалось снабженіе воиновъ порохомъ; вовторыхъ, имъ нужно было имѣть мушкеты, которые стоили дорого и съ которыми обращаться считалось весьма труднымъ. Наконецъ потребовались другіе снаряды, естественно явившіеся вслѣдствіе изобрѣтенія пороха, какъ-то: пистолеты, бомбы, мортиры, гранаты, мины и т. п. Всѣ эти нововведенія, увеличивъ сложность военнаго дѣла, увеличили вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость въ дисциплинѣ и въ практическомъ обученіи войскъ; между тѣмъ, какъ перемѣна, происшедшая въ обыкновенно употребляемомъ оружіи, поставила большинство людей въ невозможность пріобрѣтать его. Для примѣненія къ этимъ новымъ обстоятельствамъ, придумана была новая система — приготовлять извѣстное число людей единственно для войны и отдалять ихъ какъ можно болѣе отъ всѣхъ другихъ занятій, которымъ прежде по временамъ предавались всѣ воины. Такимъ образомъ явились постоянныя войска, изъ которыхъ первыя были образованы въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія, почти тотчасъ послѣ того, какъ порохъ сдѣлался предметомъ общеизвѣстнымъ. Вошло также

въ обыкновенiе употреблять наемныя войска. Мы находимъ впрочемъ нѣсколько примѣровъ этого гораздо ранѣе, но это обыкновенiе установилось вполнѣ не ранѣе второй половины четырнадцатаго вѣка.

Важность этого движенiя весьма скоро выразилась въ той перемѣнѣ, которую оно произвело въ классификацiи европейскаго общества. Такъ какъ регулярныя войска, по дисциплинѣ своей, были пригоднѣе для боя и болѣе непосредственно подчинялись контролю правительства, то по мѣрѣ того, какъ преимущества ихъ становились болѣе извѣстными, прежнее ополченiе сперва потеряло значенiе въ общемъ мнѣнiи, потомъ впало въ пренебреженiе и наконецъ значительно уменьшилось въ числѣ. Въ то же время, такое уменьшенiе въ числѣ недисциплинированныхъ воиновъ лишило каждую страну нѣкоторой части ея военныхъ средствъ и вынудило правительства обратить больше вниманiя на дисциплинированное войско, и болѣе исключительно ограничить занятiя воиновъ исполненiемъ военныхъ обязанностей. И вотъ, въ первый разъ установилось рѣзкое различiе между воиномъ и лицомъ гражданскаго званiя, и образовалась особая военная профессiя, которая, занимая сравнительно небольшую часть изъ всего количества гражданъ, дала возможность остальнымъ избрать какое нибудь другое занятiе. Такимъ образомъ, огромныя массы людей были постепенно отучены отъ своихъ прежнихъ воинственныхъ привычекъ; онѣ были какъ будто бы насильственно обращены въ гражданскiй бытъ, и умственныя силы ихъ были направлены къ достиженiю общихъ цѣлей общества и къ занятiю тѣми мирными дѣлами, которыя прежде были въ пренебреженiи. Вслѣдствiе этого, умъ европейцевъ, вмѣсто того, чтобы исключительно заниматься войною или богословiемъ, теперь нашелъ себѣ третiй, среднiй, путь и создалъ тѣ великiя отрасли знанiя, которымъ современная цивилизацiя обязана сво-

имъ происхожденіемъ. Въ каждомъ изъ послѣдовательныхъ поколѣній, это стремленіе къ отдѣльной организаціи профессій стало болѣе и болѣе обозначаться; польза отъ раздѣленія труда болѣе и болѣе сознавалась, и въ то время, какъ знаніе подвигалось впередъ, значеніе этого средняго или умственно-трудящагося класса соотвѣтственно увеличивалось. Каждое приращеніе къ его силѣ уменьшало вѣсъ двухъ другихъ классовъ и обуздывало тѣ суевѣрныя чувства и ту воинственность, на которыхъ, въ первобытномъ состояніи общества, сосредоточивается весь его энтузіазмъ. Возрастаніе и распространеніе этого начала умственной силы доказывается такими полными и опредѣлительными свидѣтельствами очевидцевъ, что можно было бы, совокупивъ всѣ отрасли знанія, прослѣдить почти всѣ его послѣдовательные шаги. Въ настоящее время, достаточно будетъ сказать, что вообще этотъ третій или умственно-трудящійся классъ впервые обнаружилъ независимую дѣятельность, хотя безъ опредѣленнаго направленія, въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ вѣкахъ; что въ шестнадцатомъ вѣкѣ эта дѣятельность, принявъ опредѣлительную форму, проявилась въ религіозныхъ движеніяхъ; что въ семнадцатомъ столѣтіи его энергія, получивъ болѣе практическое направленіе, обратилась противъ злоупотребленій правительствъ и произвела рядъ возстаній, которыхъ едвали избѣжала какая нибудь часть Европы; наконецъ, что въ восемнадцатомъ и девятнадцатомъ вѣкахъ она простерла свое вліяніе на всѣ виды общественной и частной жизни, распространяя воспитаніе, научая законодателей, контролируя монарховъ и — что важнѣе всего — устанавливая на прочномъ основаніи то преобладаніе общественнаго мнѣнія, которому нынѣ не только конституціонные государи, но даже самые деспотическіе властители строго подчиняются.

Все это дѣйствительно составляетъ предметъ весьма обширныхъ вопросовъ; не изучивши ихъ, нѣтъ возможности ни по-

нять современное положеніе европейскаго общества, ни составить себѣ какую нибуть идею о предстоящей ему будущности. Впрочемъ, здѣсь достаточно будетъ, если читатель только пойметъ, какимъ образомъ такое неважное открытіе, какъ изобрѣтеніе пороха могло ослабить существующій во всей Европѣ воинственный духъ, уменьшивъ число лицъ, имѣющихъ обычнымъ занятіемъ войну. Были безъ сомнѣнія и другія, побочныя, обстоятельства, которыя дѣйствовали въ томъ же направленіи, но употребленіе пороха было самымъ дѣйствительнымъ между ними, потому что, увеличивъ затрудненія и издержки, сопряженныя съ войною, оно сдѣлало необходимымъ существованіе особой военной профессіи, и, такимъ образомъ, ограничило кругъ дѣйствія воинственнаго духа; это дало возможность образоваться излишку энергіи, который скоро нашелъ себѣ исходъ въ мирныхъ занятіяхъ, оживилъ ихъ новою жизнью и началъ обуздывать страсть къ завоеваніямъ, страсть конечно естественную въ необразованномъ народѣ, но составляющую великое препятствіе просвѣщенію и самое гибельное изъ тѣхъ болѣзненныхъ побужденій, отъ которыхъ страдаютъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто и цивилизованныя страны.

Другое умственное движеніе, послужившее къ уменьшенію воинственности, началось гораздо позже и не произвело еще всѣхъ своихъ естественныхъ послѣдствій. Я говорю объ открытіяхъ, сдѣланныхъ Политическою Экономіею — отраслью знанія, совершенно незнакомою даже мудрѣйшимъ изъ древнихъ, но имѣющею такую важность, для которой трудно найти слишкомъ преувеличенное выраженіе; она замѣчательна еще и тѣмъ, что, до сихъ поръ, это единственный изъ предметовъ, тѣсно связанныхъ съ теоріею государственнаго управленія, возведенный на степень науки. Практическое значеніе этой благородной науки, которая вполнѣ извѣстна, быть можетъ, только самымъ передовымъ мыслителямъ, начинаютъ мало по

малу признавать и люди, получившіе обыкновенное образованіе; но даже и тѣ, которые вполнѣ понимаютъ эту науку, повидимому мало обращали вниманія на то, что вліяніемъ своимъ она прямо поддерживала интересы мира, а слѣдовательно и цивилизиціи. Я теперь постараюсь объяснить, какимъ именно путемъ она достигла этой цѣли, такъ какъ это объясненіе будетъ новымъ доказательствомъ въ пользу того великаго начала, которое я желаю установить.

Всякому извѣстно, что между разными другими причинами войнъ, коммерческое соперничество было въ прежнее время одною изъ самыхъ обыкновенныхъ: существуетъ множество примѣровъ распрей, вызванныхъ установленіемъ какого либо особаго тарифа или желаніемъ покровительствовать какому нибудь любимому производству. Распри этого рода были основаны на весьма невѣжественномъ, но весьма естественномъ понятіи, что выгоды коммерціи зависятъ отъ торговаго баланса и что вся прибыль, получаемая одною стороною, должна быть убыткомъ для другой. Всѣ полагали, что богатство состоитъ единственно въ деньгахъ и что, слѣдовательно, интересъ каждой націи заключается въ томъ, чтобы ввозить меньше товаровъ, а больше золота. Какъ только условіе осуществлялось, то говорили, что торговля въ хорошемъ, здоровомъ состояніи; если же этого не было, то говорили, что наши средства истощаются и что какая нибудь другая страна раззоряетъ насъ и обогащается на нашъ счетъ. Единственнымъ средствомъ противъ этого зла было заключить торговый трактатъ, который бы вынудилъ вредящую намъ націю брать больше нашихъ товаровъ и давать намъ болѣе своего золота; если же та отказывалась подписать трактатъ, то становилось необходимымъ вынудить ее къ тому силою — и вотъ снаряжались флотъ и войско для нападенія на страну, которая уменьшивъ наше богатство, лишила насъ денегъ, единственнаго средства къ распространенію нашей торговли на иностранные рынки.

Такое непониманіе истинныхъ свойствъ торговаго обмѣна было въ прежнее время всеобщимъ; въ заблужденіе это впадали и самые даровитые политики, такъ что оно не только бывало одною изъ непосредственныхъ причинъ войны, но и поддерживало тѣ чувства національной вражды, которыя располагаютъ народъ къ войнѣ; каждая нація полагала, что она имѣетъ прямой интересъ въ уменьшеніи богатства своихъ сосѣдей

Въ семнадцатомъ столѣтіи, или даже въ концѣ шестнадцатаго, были дѣйствительно одинъ или два замѣчательныхъ мыслителя, обличавшіе нѣкоторыя изъ заблужденій, на которыхъ это мнѣніе было основано. Но доводы ихъ не были приняты тѣми политическими дѣятелями, которые тогда управляли дѣлами Европы. Быть тожетъ никто не зналъ этихъ доводовъ, а если ихъ и знали, то государственные люди и законодатели конечно не обращали на нихъ вниманія: отъ такихъ лицъ, при ихъ постоянныхъ практическихъ занятіяхъ, нельзя и ожидать, чтобы они успѣвали усвоить себѣ каждое новое открытіе — они, по этому самому, вообще отстаютъ отъ умственнаго движенія своего времени. И такъ правители государствъ продолжали дѣлать ошибки за ошибками, въ томъ убѣжденіи, что торговля не можетъ процвѣтать безъ ихъ вмѣшательства; они постоянно тревожили ее измѣнчивою и стѣснительною регламентаціею, принимая за рѣшенное дѣло, что всякое правительство обязано благодѣтельствовать торговлѣ своего народа, вредя торговлѣ другихъ.

Но въ восемнадцатомъ столѣтіи, цѣлый длинный рядъ событій, которыя я впослѣдствіи разсмотрю, проложилъ путь такому духу прогресса и такому стремленію къ реформамъ, которому до тѣхъ поръ не было примѣра во всемірной исторіи. Это великое движеніе проявило свою силу въ каждой

изъ отраслей знанія; въ это же время была сдѣлана удачная попытка возвести политическую экономію на степень науки, открытіемъ тѣхъ законовъ, которыми управляется производство и распредѣленіе богатства. Въ 1776 г. Адамъ Смитъ издалъ свое «Богатство Народовъ» — книгу, которая по вліянію своему на общество, едва ли не важнѣйшая изъ всѣхъ когда либо появлявшихся, и составляетъ конечно самый цѣнный изъ вкладовъ, какіе дѣлали когда либо отдѣльныя лица въ общее дѣло установленія началъ, на которыхъ должно быть устроено правительство. Въ этомъ великомъ сочиненіи, старая теорія покровительства торговлѣ разрушена почти во всѣхъ отрясляхъ ея; ученіе о торговомъ балансѣ не только подвергнуто сомнѣнію, но и доказана его ложность; и безчисленное множество нелѣпостей, которыя накоплялись вѣками, внезапно уничтожены.

Еслибы «Богатсво Народовъ» явилось въ одномъ изъ предшествовавшихъ вѣковъ, оно бы подверглось участи великихъ твореній Стаффорда и Серры; начала, которыя въ немъ проводятся, конечно возбудили бы вниманіе отвлеченныхъ мыслителей, но вѣроятно не произвели бы никакого дѣйствія на практическихъ политиковъ и, во всякомъ случаѣ, имѣли бы только косвенное и то весьма ничтожное вліяніе. Но распространеніе познаній теперь сдѣлалось столь всеобщимъ, что даже наши обычные законодатели были въ нѣкоторой степени подготовлены къ принятію этихъ великихъ истинъ, которыми, въ прежнее время, они пренебрегали бы какъ пустыми выдумками. Результатомъ этого было то, что ученіе Адама Смита скоро проникло въ Палату Общинъ и, будучи принято нѣкоторыми изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ ея, было выслушано съ изумленіемъ этимъ великимъ собраніемъ, мнѣнія котораго, главнымъ образомъ, опредѣлялись мудростью предковъ и которое было весьма нерасположено повѣрить тому, чтобы въ новѣйшія времена могло быть открыто что нибудь неиз-

вѣстное древнимъ. Но тщетно люди такого рода силятся всякій разъ противодѣйствовать давленію успѣховъ знанія. Никакая великая истина, однажды открытая, не была потеряна; и не было никогда сдѣлано ни одного важнаго открытія, которое бы не разрушало всѣхъ противополагаемыхъ ему преградъ. Такимъ образомъ, противъ началъ свободной торговли, доказанныхъ Адамомъ Смитомъ, тщетно боролись самыя грозныя большинства въ обѣихъ палатахъ парламента. Съ каждымъ годомъ, великая истина все далѣе и далѣе пролагала себѣ путь, постоянно подвигаясь впередъ и никогда не отступая. Сперва отъ большинства отдѣлилось нѣсколько даровитыхъ людей, потомъ за ними послѣдовали обыкновенные люди, потомъ оно сдѣлалось меньшинствомъ, наконецъ и меньшинство начало убавляться, а въ настоящее время, восемдесятъ лѣтъ спустя послѣ изданія «Богатства Народовъ», нельзя найти ни одного сколько нибудь развитаго человѣка, который бы не постыдился слѣдовать мнѣніямъ, преобладавшимъ до Адама Смита.

Такимъ-то образомъ, великіе мыслители управляютъ дѣлами человѣчества и, своими открытіями, опредѣляютъ ходъ развитія народовъ. Исторія одной этой побѣды уже должна была бы умѣрить притязанія государственныхъ людей и законодателей, которые такъ преувеличиваютъ значеніе своей дѣятельности, что приписывали важные результаты своимъ мѣрамъ, вызваннымъ временною необходимостью и годнымъ только на время. Но откуда взяли они то знаніе, которое они всегда готовы обратить себѣ въ заслугу? Какъ пришли они къ своимъ убѣжденіямъ, къ своимъ принципамъ? Убѣжденія и принципы эти, составляющіе необходимые элементы ихъ успѣха, они могли заимствовать только отъ своихъ учителей, отъ тѣхъ великихъ мыслителей, которые, подъ вдохновеніемъ своего генія, оплодотворяютъ міръ своими открытіями. Объ Адамѣ Смитѣ можно сказать, не боясь опроверженія, что этотъ оди-

нокій Шотландецъ, изданіемъ одного сочиненія больше сдѣлалъ для благоденствія человѣчества, чѣмъ было когда либо сдѣлано совокупно взятыми способностями всѣхъ государственныхъ людей и законодателей, о которыхъ сохранились достовѣрныя извѣстія въ исторіи.

Послѣдствія этихъ великихъ открытій мнѣ здѣсь умѣстно изслѣдовать лишь на столько, на сколько они содѣйствовали къ ослабленію духа воинственности, а это послѣднее вліяніе прослѣдить не трудно. До тѣхъ поръ, пока вообще считали, что богатство каждой страны заключается только въ ея золотѣ, естественнымъ образомъ, полагали также, что единственная цѣль торговли—увеличеніе прилива драгоцѣнныхъ металловъ; поэтому казалось совершенно разумнымъ, чтобы правительство принимало мѣры къ обезпеченію такого прилива. Но это могло быть сдѣлано только посредствомъ извлеченія золота изъ другихъ странъ, — чему эти послѣднія, по тѣмъ же самымъ причинамъ разумѣется, всѣми силами противились. Такимъ образомъ, нельзя было и думать о дѣйствительной взаимности услугъ: каждый коммерческій трактатъ являлся попыткою одной націи перехитрить другую; каждый новый тарифъ былъ объявленіемъ войны, и занятіе, которое должно было бы быть самымъ мирнымъ изъ всѣхъ, становилось одною изъ причинъ національнаго соперничества и національной вражды, которыя чаще всего приводятъ къ войнѣ. Но коль скоро разъ было ясно сознано, что золото и серебро не составляютъ сами по себѣ богатства, а служатъ только представителями его; коль скоро люди стали понимать, что богатство состоитъ только въ той цѣнности, которую искусство и трудъ могутъ придать сырому матеріалу, и что деньги не могутъ служить націи ни къ чему другому, какъ къ измѣренію и къ обращенію ея богатства; коль скоро были признаны эти великія истины, — всѣ старыя понятія о торговомъ балансѣ и объ исключительномъ значеніи благо-

родныхъ металловъ разомъ рушились. Когда эти грубыя заблужденія были разсѣяны, то весьма легко выработалась истинная теорія обмѣна. Замѣчено было, что если не стѣснять свободу торговли, то выгоды ея раздѣлятся между всѣми участвующими въ ней странами; что при отсутствіи монополіи, выгоды торговли необходимо бываютъ взаимными; что онѣ зависятъ далеко не отъ количества получаемаго золота, а просто отъ легкости, съ какою нація сбываетъ тѣ товары, которые она можетъ самымъ дешевымъ образомъ производить, и получаетъ въ обмѣнъ тѣ предметы, которые она могла бы производить только съ весьма большими расходами, между тѣмъ какъ другая нація, по искусству своихъ рабочихъ, или по щедрости природы, можетъ доставлять ихъ по дешевѣйшей цѣнѣ. Изъ этаго слѣдовало, что съ коммерческой точки зрѣнія, такъ же нелѣпо стараться раззорить націю, съ которою мы торгуемъ, какъ было бы нелѣпо для отдѣльнаго торговца— желать несостоятельности богатаго и много забирающаго покупателя. Послѣдствіемъ этихъ понятій было то, что духъ коммерціи, который прежде нерѣдко бывалъ расположенъ къ войнѣ, теперь неизмѣнно стремится къ миру. И хотя совершенно справедливо, что изъ ста купцовъ едвали хоть одинъ знакомъ съ доводами, на которыхъ основываются новыя экономическія открытія, это однако нисколько не препятствуетъ тому дѣйствію, которое производятъ самыя открытія на его образъ мыслей. Коммерческій классъ, подобно всѣмъ другимъ, подвергается дѣйствію такихъ причинъ, которыя лишь немногіе изъ членовъ этого класса способны понимать. Такимъ образомъ, напримѣръ, между безчисленными противниками системы покровительства, весьма не много такихъ, которые могли бы привести достаточныя причины для оправданія своей оппозиціи. Но это нисколько не мѣшаетъ самой оппозиціи проявляться, такъ какъ огромное большинство людей всегда съ безсознательною покорностью слѣдуетъ духу своего времени; духъ же какого либо времени слагается единственно

изъ его знаній и направленія, принимаемаго этими знаніями. Какъ, въ ежедневной жизни, люди бываютъ обязаны увеличеніемъ удобствъ и общей безопасности успѣхамъ разныхъ наукъ и искусствъ, которыхъ они часто не знаютъ даже имени, такъ точно торговый классъ пользуется тѣми великими экономическими открытіями, которыя, въ продолженіе двухъ поколѣній, успѣли произвести радикальную перемѣну въ коммерческомъ законодательствѣ нашего отечества, и которыя теперь дѣйствуютъ медленно, но постоянно, на другія европейскія государства, гдѣ при менѣе сильномъ общественномъ мнѣніи, труднѣе прививаются великія истины и искореняются старыя злоупотребленія. Такимъ образомъ, при всемъ томъ, что изъ торговцевъ сравнительно весьма не многіе знакомы съ политическою экономіею, классъ этотъ обязанъ значительною долею своего богатства нашимъ экономистамъ, которые, устранивъ препятствія стѣснявшія, вслѣдствіе невѣжества прежнихъ правительствъ, успѣхи торговли, утвердили нынѣ на прочномъ основаніи то процвѣтаніе коммерціи, которое составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ нашей національной славы. Несомнѣнно также, что это же самое умственное движеніе уменьшило возможность войнъ, приведя въ извѣстность тѣ начала, которыми должны опредѣляться наши коммерческія отношенія къ другимъ странамъ, и доказавъ не только безполезность но и положительную зловредность всякаго насильственнаго вмѣшательства въ эти отношенія, и наконецъ истребивъ тѣ давнишнія заблужденія, которыя, заставляя людей думать, что всѣ націи одна другой естестественные враги, развивали въ нихъ враждебныя чувства и поддерживали національныя соперничества, доставлявшія духу воинственности не малую долю его прежняго вліянія.

Третья великая причина, послужившая къ ослабленію воинственности, заключается въ облегченіи сношеній между различными странами, вслѣдствіе открытій, примѣнившихъ силу пара къ передвиженію людей. Облегченіе сношеній, естественнымъ

образомъ, содѣйствовало къ уничтоженію того невѣжественнаго презрѣнія, которое каждая нація слишкомъ склонна чувствовать къ другимъ. Такъ, напримѣръ, жалкія, безстыдныя клеветы, котрыя множество англійскихъ писателей высказывали относительно нравственности и частнаго характера Французовъ и—къ стыду ихъ будь сказано—даже относительно цѣломудрія французскихъ женщинъ, не мало содѣйствовали къ усиленію чувства озлобленія, существовавшаго между двумя первыми націями въ Европѣ, раздражая Англичанъ противъ французскихъ пороковъ, а Французовъ противъ англійскихъ клеветъ. Точно также было время, когда каждый честный Англичанинъ былъ твердо убѣжденъ, что онъ могъ бы сладить съ десятью Французами, и питалъ ко всей націи ихъ глубочайшее презрѣніе, какъ къ тощему и тщедушному племени, пьющему слабое вино, вмѣсто водки, и питающемуся исключительно лягушками; какъ къ жалкимъ невѣрнымъ, слушающимъ каждое воскресенье мессу, покланяющимся идоламъ и даже боготворящимъ папу. Съ другой стороны, Французовъ учили презирать насъ, какъ грубыхъ и необразованныхъ варваровъ, чуждыхъ изящнаго вкуса и гуманности, какъ суровыхъ, дурно-организованныхъ людей, живущихъ въ дурномъ климатѣ, гдѣ вѣчный туманъ, перемежающійся только дождемъ, никогда не позволяетъ показаться солнцу, какъ людей, страждущихъ такою глубоко-вкоренившеюся мелахоліею, которой врачи даже дали особое названіе—англійскаго сплина, и подъ вліяніемъ этой страшной болѣзни безпрестанно совершающихъ самоубійства, въ особенности въ ноябрѣ,—мѣсяцъ въ которомъ, какъ было будто бы положительно извѣстно, мы ежегодно вѣшались и застрѣливались цѣлыми тысячами.

Всякому, кто хорошо знаетъ старую литературу Франціи и Англіи, извѣстно, что таковы были мнѣнія, которыя составили себѣ другъ о другѣ двѣ первыя націи въ Европѣ, по невѣденію и сердечной простотѣ. Но благодаря разнымъ

открытіямъ, обѣ страны пришли въ болѣе близкое прикосновеніе, разсѣялись ихъ глупыя предубѣжденія и онѣ научились удивляться одна другой и — что еще важнѣе — уважать одна другую. И чѣмъ чаще были ихъ сношенія, тѣмъ болѣе увеличивалось взаимное уваженіе. Что бы ни говорили богословы, но достовѣрно, что во всемъ человѣчествѣ вообще гораздо болѣе хорошаго, чѣмъ дурнаго, и что въ каждой странѣ добрыя дѣла чаще встрѣчаются, чѣмъ злыя. Дѣйствительно, если бы это было иначе, то преобладаніе зла давно бы ужъ истребило весь родъ человѣческій, и некому даже было бы оплакивать его. Другое доказательство этому мы находимъ въ томъ фактѣ, что чѣмъ болѣе націи сближаются между собою, чѣмъ болѣе онѣ узнаютъ другъ друга, тѣмъ быстрѣе исчезаютъ старинныя вражды; потому именно, что по мѣрѣ опыта, мы узнаемъ, что человѣчество далеко не такъ радикально дурно, какъ насъ съ дѣтства заставляютъ думать о немъ. Если бы порокъ дѣйствительно преобладалъ надъ добродѣтелью, то съ увеличеніемъ сношеній между людьми, усиливалось бы ихъ дурное мнѣніе другъ о другѣ, такъ какъ мы вообще, хотя и любимъ наши собственные пороки, но не любимъ пороковъ нашихъ ближнихъ. Но на самомъ дѣлѣ, не только не оказывается такого послѣдствія, но даже бываетъ такъ, что именно тѣ люди, которые, по обширности своихъ знаній, болѣе другихъ освоились съ общимъ ходомъ дѣлъ человѣческихъ, высказываютъ о нихъ самыя благопріятныя сужденія. Самый проницательный наблюдатель и самый глубокій мыслитель всегда бываетъ и самымъ снисходительнымъ судьею. Только мизантропъ, у котораго постоянно на умѣ какія-то воображаемыя обиды, преимущественно бываетъ расположенъ низко цѣнить хорошія свойства нашей природы и преувеличивать дурныя;—или же принимаетъ на себя эту роль какой нибудь глупый и невѣжественный монахъ, который, проводя весь свой вѣкъ въ мечтахъ и праздномъ одиночествѣ, льститъ своему собственному тщеславію, обличая

пороки другихъ; ратуя такимъ образомъ противъ наслажденій жизни, онъ думаетъ отмстить этимъ обществу, изъ котораго его исключаетъ его же собственное суевѣріе. Вотъ какіе люди болѣе всѣхъ настаиваютъ на испорченности нашей природы и на упадкѣ, до котораго дошло будтобы человѣчество. Громадное зло, произведенное подобными мнѣніями, понятно всякому, изучавшему исторію тѣхъ странъ, гдѣ они преобладали прежде и преобладаютъ и до сихъ поръ. Понятно послѣ этого, что между безчисленными благами, происшедшими отъ успѣховъ знанія, весьма немногія могутъ быть поставлены выше усовершенствованія способовъ сообщенія. Умноженіе случаевъ соприкосновеній между націями и отдѣльными лицами, въ невѣроятной степени содѣйствовало къ излеченію ихъ отъ предразсудковъ, къ возвышенію мнѣній, составляемыхъ ими другъ о другѣ, къ уменьшенію ихъ взаимной враждебности, къ распространенію болѣе благопріятнаго взгляда на общую природу нашу, и этимъ самымъ подвинуло насъ къ развитію тѣхъ безпредѣльныхъ силъ человѣческаго ума, о самомъ существованіи которыхъ когда-то нельзя было говорить, не прослывъ почти за еретика.

Вотъ какія явленія совершались въ новѣйшія времена въ Европѣ. Націи французская и англійская, единственно вслѣдствіе умноженія сношеній, научились благопріятнѣе думать одна о другой и отвергли то безсмысленное презрѣніе другъ къ другу, которому нѣкогда онѣ обѣ давали волю. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, оказалось, что чѣмъ болѣе одна цивилизованная страна знакомится съ другою, тѣмъ болѣе онѣ открываютъ другъ въ другѣ сторонъ, достойныхъ уваженія и подражанія. Изъ всѣхъ причинъ, производящихъ національную ненависть, невѣденіе есть самая сильная. Съ умноженіемъ случаевъ соприкосновенія, невѣденіе исчезаетъ и вслѣдствіе того ослабѣваетъ ненависть. Этимъ-то путемъ и образуется истинный союзъ братства между народами, и онъ одинъ оказывается дѣйствительнѣе всѣхъ наставленій, чита-

емыхъ моралистами и богословами. И тѣ, и другіе дѣлали свое дѣло въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, не достигнувъ ни какого успѣха въ ограниченіи частаго возникновенія войнъ; тогда какъ можно сказать, безъ малѣйшаго преувеличенія, что каждая вновь проводимая желѣзная дорога, каждый новый пароходъ, переплывающій Па-де-Кале, даетъ новыя ручательства за сохраненіе того долгаго и непрерывнаго мира, который въ продолженіе сорока лѣтъ связывалъ воедино судьбу и интересы двухъ наиболѣе цивилизованныхъ націй въ мірѣ.

Такимъ образомъ, на сколько мнѣ дозволили мои познанія, я старался указать на причины, послужившія къ уменьшенію религіозныхъ преслѣдованій и войнъ—двухъ величайшихъ золъ, которымъ люди когда либо подвергали своихъ ближнихъ. Вопроса объ уменьшеніи религіозныхъ преслѣдованій я только слегка коснулся, такъ какъ онъ будетъ подробно разсмотрѣнъ въ одной изъ послѣдующихъ частей этого тома. Но и сказаннаго мною достаточно, чтобы убѣдиться, что уменьшеніе это—результатъ чисто умственнаго процесса, и чтобы видѣть, какъ мало можетъ сдѣлать пользы, въ этомъ отношеніи, дѣйствіе нравственнаго чувства. Причины упадка духа воинственности я разсмотрѣлъ съ нѣкоторою, для иныхъ читателей можетъ быть докучливою, подробностью, и пришелъ къ тому выводу, что упадокъ этотъ произошелъ отъ усиленія умственно-трудящихся классовъ, которые естественно находятся въ антагонизмѣ съ военнымъ сословіемъ. Углубившись еще болѣе въ это изслѣдованіе, мы открыли существованіе трехъ другихъ причинъ, дѣйствовавшихъ за-одно съ главною въ ускореніи всеобщаго движенія впередъ. Эти причины были — изобрѣтеніе огнестрѣльнаго пороха, открытія, сдѣланныя въ политической экономіи, и введеніе улучшенныхъ средствъ сообщенія. Вотъ три главнѣйшіе пути, по которымъ успѣхи знанія направились къ ослабленію стараго воинственнаго духа; а какимъ образомъ это совершилось, я

надѣюсь довольно ясно показалъ. Факты и доводы, которые я привелъ, подвергнуты мною, могу сказать по совѣсти, самой тщательной, неоднократной повѣркѣ, такъ что я рѣшительно не могу себѣ представить, на какомъ разумномъ основаніи могла бы быть опровергнута ихъ достовѣрность. Что они будутъ непріятны нѣкоторымъ сословіямъ, въ этомъ я совершенно убѣжденъ; но непріятное свойство довода едвали даетъ право считать его несправедливымъ. Источники, изъ которыхъ я почерпнулъ факты, указаны мною вполнѣ, и доводы, надѣюсь, изложены безпристрастно, а изъ нихъ вытекаетъ слѣдующее въ высшей степени важное заключеніе: что два самыя древнія, самыя большія, самыя глубоко-укоренившіяся и обширнó-распространенныя бѣдствія, какія когда либо были извѣстны людямъ,—постоянно, хотя вообще довольно медленно, уменьшаются, и что уменьшеніе это достигнуто конечно не нравственными чувствами, не нравственными поученіями, а единственно дѣятельностью человѣческаго ума и вліяніемъ изобрѣтеній и открытій, которыя, въ теченіе долгаго ряда послѣдовательныхъ вѣковъ, удалось сдѣлать человѣку.

И такъ, если въ отношеніи къ двумъ важнѣйшимъ явленіямъ, которыя представляются намъ въ развитіи общества, нравственные законы были постоянно и неизмѣнно подчинены умственнымъ, то становится весьма вѣроятнымъ предположеніе, что и въ отношеніи къ менѣе важнымъ предметамъ процессъ совершался такимъ же образомъ. Доказать это вполнѣ и возвести предположеніе въ совершенную достовѣрность, значило бы написать не введеніе въ исторію, а самую исторію. Поэтому читатель долженъ въ настоящее время удовольствоваться тѣмъ, чтó, какъ я самъ сознаюсь, составляетъ лишь приблизительное доказательство; полное же доказательство необходимо должно быть отложено до дальнѣйшихъ томовъ этого сочиненія, въ которыхъ я берусь показать, что Европа, переходомъ своимъ отъ варварства къ

цивилизаціи обязана исключительно своей умственной дѣятельности; что передовыя націи ея, вотъ уже нѣсколько вѣковъ, достаточно подвинулись впередъ, чтобы свергнуть съ себя тѣ физическія вліянія, которыя могли, первое время, затруднять ихъ развитіе, и что нравственныя вліянія, хотя еще и сильны и по временамъ причиняютъ разстройства, но это не болѣе какъ такія уклоненія отъ общаго хода дѣлъ, которыя, съ теченіемъ долгаго времени, взаимно уравновѣшиваются, такъ что въ общемъ итогѣ не оставляютъ ни малѣйшаго слѣда. И такъ, при болѣе обширномъ взглядѣ на перемѣны въ жизни цивилизованнаго народа, оказывается, что, въ сложности, онѣ зависятъ единственно отъ трехъ вещей: во первыхъ, отъ суммы знаній, пріобрѣтенныхъ самыми развитыми людьми; во вторыхъ, отъ направленія, которое приняли эти знанія, то есть отъ того разряда предметовъ, къ которому они относятся; наконецъ въ третьихъ, и болѣе всего, отъ той пропорціи, въ которой знанія эти распространены и отъ большей или меньшей свободы, съ которою они проникаютъ во всѣ классы общества.

Таковы три главные двигателя образованности въ каждой цивилизованной странѣ, и хотя дѣятельность ихъ часто встрѣчаетъ помѣхи въ добродѣтеляхъ и порокахъ могущественныхъ личностей, но эти нравственныя свойства взаимно нейтрализируются и потому вліяніе ихъ, въ среднемъ выводѣ, за долгіе періоды времени, незамѣтно. Вслѣдствіе причинъ, которыя намъ неизвѣстны, сочетанія нравственныхъ качествъ бываютъ весьма разнообразны, такъ что въ одномъ человѣкѣ, или даже можетъ быть въ одномъ поколѣніи, проявляется избытокъ добрыхъ намѣреній, въ другомъ—избытокъ злыхъ. Но мы не имѣемъ никакой причины полагать, чтобы могла произойти разъ на всегда перемѣна въ численномъ отношеніи между лицами, имѣющими по природѣ добрыя намѣренія, и такими, которымъ повидимому привиты намѣренія злыя. Въ томъ, что мы могли бы назвать врожденною, пер-

вобытною нравственностью рода человѣческаго, сколько мы знаемъ, прогресса не бываетъ. Изъ врожденныхъ намъ различныхъ страстей, однѣ преобладаютъ въ одно время, другія въ другое; но опытъ научаетъ насъ, что страсти эти находятся постоянно въ борьбѣ между собою и потому удерживаются въ равновѣсіи силою взаимнаго противодѣйствія. Дѣйствіе одного побужденія умѣряется дѣйствіемъ другаго: каждому пороку соотвѣтствуетъ какая нибудь добродѣтель. Жестокости противодѣйствуетъ доброта, страданіе возбуждаетъ состраданіе, несправедливость одного вызываетъ благотворительность другаго; для новаго бѣдствія находится и новое средство избавленія отъ него; и даже громаднѣйшія преступленія, какія когда либо совершались, не оставляли неизгладимаго слѣда. Потери, причиняемыя опустошеніемъ земель и истребленіемъ ихъ жителей, неизбѣжно восполняются; проходитъ нѣсколько столѣтій — и слѣдъ ихъ исчезаетъ. Колосальныя злодѣянія Александра или Наполеона, по прошествіи нѣкотораго времени, уже менѣе ощутительны, и дѣла міра возвращаются къ своему прежнему уровню. Таковы приливъ и отливъ исторіи, постоянныя теченія, которымъ мы подвергаемся, по законамъ природы.

Надъ всѣмъ этимъ движется міръ несравненно высшій, и въ то время, какъ совершается его поступательное движеніе, при безпрерывныхъ колебаніяхъ то взадъ, то впередъ, одно, и тол ко одно, никогда не погибаетъ. Дѣйствія дурныхъ людей производятъ зло только временное, дѣйствія хорошихъ — добро только временное; и зло, и добро уходятъ въ бездну, всплываютъ потомъ, при послѣдующихъ поколѣніяхъ, и наконецъ совсѣмъ исчезаютъ въ безпрерывномъ движеніи дальнѣйшихъ вѣковъ. Но открытія великихъ людей никогда не покидаютъ насъ — они безсмертны: они заключаютъ въ себѣ тѣ вѣчныя истины, которыя переживаютъ паденія царствъ, переживаютъ борьбы враждующихъ религіозныхъ партій и остаются непоколебимы, между тѣмъ какъ прихо-

дятъ одна за другой въ упадокъ и самыя рилигія. Каждая религія измѣряется своею мѣрою, подчиняется своимъ правиламъ; для одного вѣка годятся одни убѣжденія, для другаго— другія. Они исчезаютъ какъ сонъ; это созданія фантазіи, отъ которыхъ не остается и слабаго очертанія. Только открытія геніевъ сохраняются; имъ однимъ обязаны мы всѣмъ, что имѣемъ; они для всѣхъ вѣковъ—имъ нѣтъ конца; нося въ себѣ зародыши своей жизни, они не бываютъ ни молоды ни стары; они текутъ вѣчнымъ неизсякаемымъ потокомъ; они, по существу своему, чрезвычайно плодовиты; давая сами изъ себя отростки для тѣхъ приращеній, которыя дѣлаются со временемъ, они вліяютъ такимъ образомъ на самое отдаленное потомство и, по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ, проявляютъ еще большую силу, чѣмъ въ самый моментъ возникновенія.

ГЛАВА V

О влiянiи религiи, литературы и правительства.

Прилагая къ исторiи человѣка тѣ методы изслѣдованiя, которые оказались успѣшными въ другихъ отросляхъ знанiя, и отвергая всѣ a priori составленныя мнѣнiя, не выдерживающiя поверки по этимъ методамъ, — мы пришли къ извѣстымъ результамъ, изъ которыхъ главнѣйшiе не безполезно здѣсь перечислить. Мы видѣли, что дѣйствiя наши, представляя не болѣе какъ результатъ внутреннихъ и внѣшнихъ влiянiй, могутъ быть объяснены только законами этихъ влiянiй, т. е. духовными и физическими законами. Мы видѣли также, что въ Европѣ духовные законы сильнѣе физическихъ и что съ успѣхами цивилизацiи, перевѣсъ этотъ постоянно увеличивается, потому что возрастающее знанiе увеличиваетъ силы духа, между тѣмъ какъ силы природы остаются неизмѣнными. Поэтому мы признавали духовные законы главными двигателями прогресса, а на физическiе смотрѣли какъ

на законы второстепенные, дѣйствіе которыхъ проявляется только въ случайныхъ уклоненіяхъ отъ правильности движенія, и уже издавна становилось слабѣе и рѣже, а въ настоящее время, въ большей части случаевъ, не имѣетъ никакого значенія. Приведя, такимъ образомъ, изученіе того, что можно было бы назвать динамикою общества, къ изученію законовъ духа, мы затѣмъ подвергли эти послѣдніе подобному же анализу и нашли, что они состоятъ изъ двухъ разрядовъ, а именно: изъ нравственныхъ и изъ умственныхъ законовъ. Сравнивая эти оба разряда, мы ясно убѣдились въ огромномъ преимуществѣ законовъ умственныхъ и видѣли, что подобно тому, какъ успѣхи цивилизаціи обозначаются перевѣсомъ духовныхъ законовъ надъ физическими, они обозначаются также и перевѣсомъ умственныхъ законовъ надъ нравственными. Этотъ важный выводъ опирается на двухъ различныхъ аргументахъ. Во первыхъ, на томъ, что при неподвижности нравственныхъ истинъ и при постоянномъ движеніи впередъ истинъ умственныхъ, въ высшей степени невѣроятно, чтобы прогрессъ общества зависѣлъ скорѣе отъ нравственныхъ знаній, сумма которыхъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій оставалась неизмѣнною, чѣмъ отъ знаній умственныхъ, пріобрѣтеніе которыхъ въ теченіе многихъ столѣтій постоянно подвигается впередъ. Другой же аргументъ заключается въ томъ фактѣ, что два величайшія зла, какія когда либо зналъ родъ человѣческій, не уменьшились вслѣдствіе его нравственнаго усовершенствованія, а уступили и до сихъ поръ уступаютъ только вліянію умственныхъ открытій. Изъ всего этого очевидно слѣдуетъ, что если мы хотимъ привести въ извѣстность условія, отъ которыхъ зависятъ успѣхи новѣйшей цивилизаціи, то должны искать ихъ въ исторіи накопленія и распространенія умственнаго знанія. Физическія явленія и нравственныя начала производятъ конечно, по временамъ, значительное разстройство въ общемъ ходѣ дѣлъ, но съ теченіемъ времени, они приходятъ въ по-

рядокъ и равновѣсiе, и оставляютъ, такимъ образомъ, умственнымъ законамъ свободу дѣйствовать независимо отъ этихъ низшихъ, второстепенныхъ дѣятелей.

Вотъ заключенiе, къ которому мы пришли путемъ послѣдовательныхъ анализовъ — на немъ мы и остановимся. Дѣйствiя отдѣльныхъ лицъ подчиняются, въ значительной мѣрѣ, влiянiю ихъ нравственныхъ чувствъ и ихъ страстей; но чувства и страсти эти, приходя въ столкновенiе съ чувствами и страстями другихъ лицъ, уравновѣшиваются этими послѣдними такъ, что въ общемъ ходѣ человѣческихъ дѣйствiй, влiянiя ихъ вовсе не видно; и совокупность дѣйствiй рода человѣческаго, разсматриваемыхъ какъ одно цѣлое, зависитъ единственно отъ суммы знанiй, которою люди обладаютъ. А какимъ именно образомъ поглощаются и нейтрализируются личное чувство и личная прихоть, этому мы находимъ полное объясненiе въ приведенныхъ выше фактахъ изъ исторiи преступленiй. Факты эти рѣшительно доказываютъ, что въ итогѣ преступленiй совершаемыхъ въ той или другой странѣ, годъ за годомъ, повторяется одна и та же цифра съ самымъ изумительнымъ однообразiемъ, нисколько притомъ не подчиняясь влiянiю прихоти и личныхъ чувствъ, которыми слишкомъ часто хотятъ объяснить человѣческiя дѣйствiя. Но если бы мы, вмѣсто того, чтобы разсматривать исторiю преступленiй по годамъ, раздѣлили ее по мѣсяцамъ, то нашли бы гораздо меньше правильности; если бы наконецъ разсмотрѣли эту исторiю по часамъ, то правильность совсѣмъ бы исчезла; точно также ея не было бы видно и въ томъ случаѣ, если бы, вмѣсто уголовной лѣтописи цѣлой страны, мы знали только лѣтопись одной улицы или одного семейства. Это происходитъ оттого, что великiе общественные законы, которыми управляется преступленiе, могутъ быть замѣчены лишь при наблюденiи надъ большимъ числомъ людей или долгимъ перiодомъ времени, но въ меньшемъ числѣ лицъ и въ ко-

роткое время, индивидуальное нравственное начало беретъ верхъ и нарушаетъ порядокъ дѣйствія общаго умственнаго закона. Слѣдовательно, нравственныя чувства, побуждающія человѣка совершить преступленіе или воздержаться отъ него, имѣютъ огромное вліяніе на итогъ личныхъ преступленій этого человѣка, но не имѣютъ никакого значенія относительно общаго итога преступленій, совершаемыхъ въ томъ обществѣ, въ которомъ онъ живетъ, такъ какъ они, съ теченіемъ времени, непремѣнно нейтрализируются противуположными имъ нравственными чувствами, вызывающими въ другихъ людяхъ противоположный образъ дѣйствія, Точно также всѣмъ извѣстно, что почти всѣ наши дѣйствія находятся подъ вліяніемъ нравственныхъ началъ, а между тѣмъ мы можемъ найти неоспоримыя доказательства, что начала эти не производятъ ни малѣйшаго дѣйствія на человѣчество, взятое въ совокупности, ни даже вообще на значительныя массы людей; для этого намъ стоитъ только изучать общественныя явленія за такіе продолжительные періоды времени и въ такихъ большихъ размѣрахъ, въ которыхъ можно было бы различать чистое дѣйствіе главныхъ законовъ.

И такъ, если вся совокупность человѣческихъ дѣлъ, разсматриваемая съ высшей точки зрѣнія, управляется всею суммою человѣческихъ знаній, то казалось бы весьма простымъ дѣломъ собирать свѣденія объ этихъ знаніяхъ и, постепенно обобщая ихъ, установить такимъ образомъ всю систему законовъ, управляющихъ успѣхами цивилизаціи, — и я ни мало не сомнѣваюсь, что когда нибудь это и будетъ сдѣлано. Но къ несчастію, до сихъ поръ исторію писали люди до такой степени мало способные къ великому труду, который они предпринимали, что ими собрана весьма небольшая часть необходимыхъ матеріаловъ. Вмѣсто того, чтобы сообщить намъ тѣ свѣденія, которыя единственно имѣютъ цѣну — свѣденія объ успѣхахъ знанія и о

томъ, какимъ образомъ распространенiе этого знанiя подѣйствовало на человѣчество — огромное большинство историковъ наполняютъ свои сочиненiя самыми пустыми и ничтожными подробностями: анекдотами, касающимися лично до разныхъ королей и царедворцевъ, безконечными разсказами о томъ, что сказалъ такой-то министръ и что подумалъ другой, и — что хуже всего — длинными разсказами о кампанiяхъ, сраженiяхъ и осадахъ,—весьма интересными для тѣхъ, которые въ нихъ участвовали, но совершенно безполезными для насъ, такъ какъ они не сообщаютъ намъ ни новыхъ истинъ, ни средствъ къ открытiю ихъ. Въ этомъ-то и заключается собственно препятствiе, останавливающее наше движенiе впередъ. Это-то отсутствiе правильнаго взгляда на вещи, это незнанiе того, на что болѣе всего слѣдовало бы обратить вниманiе, и лишаетъ насъ матерiаловъ, которые должны были бы уже довно быть собраны, приведены въ порядокъ и сохранены для будущаго употребленiя. Въ другихъ великихъ отрасляхъ знанiя, наблюденiя предшествовали открытiямъ; сперва были записаны факты, а потомъ открыты законы ихъ. При изученiи же исторiи человѣчества, важнѣйшiе факты были оставлены безъ вниманiя, а ничтожные сохранены. Поэтому, каждый кто въ настоящее время покушается возводить историческiя явленiя къ общимъ началамъ, долженъ и собирать факты, и дѣлать выводы. Онъ не находитъ подъ рукой ничего готоваго. Онъ долженъ быть не только архитекторомъ, но и каменьщикомъ, долженъ не только проектировать зданiе, но и таскать камни изъ каменоломни. Необходимость совершенiя этого двойнаго труда налагаетъ на философа такую громадную работу, что для выполненiя ея мало всей жизни; поэтому исторiя, вмѣсто того, чтобы быть, какъ должно, зрѣлою и готовою для полныхъ, исчерпывающихъ каждый вопросъ, обобщенiй, находится до сихъ поръ въ такомъ грубомъ и необработанномъ видѣ,

что и при самомъ упорномъ и самомъ продолжительномъ трудѣ, никто изъ насъ не въ состояніи уразумѣть вполнѣ всѣхъ дѣйствительно важныхъ дѣяній человѣчества, даже за такой краткій періодъ, какъ напримѣръ два послѣдовательныя столѣтія.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я давно уже отказался отъ моего первоначальнаго плана и, хотя съ крайнимъ сожалѣніемъ, рѣшился писать исторію не всей цивилизаціи вообще, а цивилизаціи одного только народа. Но урѣзывая такимъ образомъ область изслѣдованія, мы къ несчастію уменьшаемъ и средства, могущія служить для этого изслѣдованія. Хотя совершенно справдливо, что совокупность человѣческихъ дѣйствій, взятыхъ за долгіе періоды времени, зависитъ отъ суммы человѣческихъ знаній, тѣмъ не менѣе должно согласиться, что этотъ великій принципъ, будучи приложенъ къ одной только странѣ, теряетъ нѣкоторую долю своей первоначальной силы. Чѣмъ болѣе мы стѣсняемъ пространство нашихъ наблюденій, тѣмъ менѣе вѣрнымъ становится средній выводъ изъ нихъ—другими словами—тѣмъ возможнѣе нарушеніе правильности дѣйствія высшихъ законовъ дѣйствіемъ низшихъ. Вмѣшательство иноземныхъ правительствъ, вліяніе понятій, литературы и обычаевъ иноземнаго народа, дѣлаемыя имъ нашествія или даже завоеванія, насильственное введеніе, при подобныхъ случахъ, новыхъ религій, новыхъ законовъ и новыхъ нравовъ — все это помѣхи, которыя, при общемъ разборѣ исторіи всего міра, оказываются уравновѣшивающими одна другую, въ каждой же отдѣльной странѣ способны нарушить естественный ходъ цивилизаціи, вслѣдствіе чего бываетъ гораздо труднѣе опредѣлить движеніе ея. Вслѣдъ за симъ я объясню, какимъ путемъ я пытался избѣгнуть этого затрудненія, но сперва я намѣренъ показать, какія именно причины побудили меня признать исторію Англіи болѣе важною, чѣмъ всѣ другія, и слѣдовательно наиболѣе

достойною сдѣлаться предметомъ полнаго философскаго изслѣдованiя.

Такъ какъ величайшая польза, могущая произойти отъ изученiя прошедшихъ событiй, заключается въ возможности привести въ извѣстность законы, которыми они управлялись, то очевидно исторiя каждаго народа становится для насъ тѣмъ болѣе цѣнною, чѣмъ менѣе былъ нарушаемъ естественный ходъ его развитiя, влiянiями внѣшними. Всякое иностранное или внѣшнее влiянiе, дѣйствующее на какой нибудь народъ, вводитъ чуждые элементы въ естественное развитiе его и потому усложняетъ обстоятельства, которыя мы стараемся изслѣдовать. Между тѣмъ упрощенiе всякихъ сложныхъ явленiй составляетъ во всѣхъ отрасляхъ знанiя существенное условiе успѣха. Эта истина весьма знакома лицамъ, изучающимъ естественныя науки; имъ нерѣдко удается, посредствомъ одного опыта, открыть то, чего прежде тщетно добивались путемъ безчисленныхъ наблюденiй; дѣло въ томъ, что производя опыты надъ явленiями, мы можемъ отдѣлить отъ нихъ все, что ихъ усложняетъ, и такимъ образомъ поставить ихъ внѣ влiянiя неизвѣстныхъ дѣятелей, дать имъ возможность идти, такъ сказать, своимъ собственнымъ ходомъ и раскрыть намъ дѣйствiе ихъ собственнаго закона.

И такъ, вотъ истинное мѣрило, по которому мы должны опредѣлять значенiе исторiи каждаго народа. Важность исторiи какой либо страны зависитъ не отъ блистательности встрѣчающихся въ ней подвиговъ, но отъ того, въ какой степени дѣйствiя народа проистекали изъ заключающихся въ немъ самомъ причинъ. Если бы, слѣдовательно, мы могли найти какую нибудь цивилизованную нацiю, которая бы выработала свою цивилизацiю сама собою, совершенно избѣгнувъ всякаго иноземнаго влiянiя, и не была бы ни под-

винута впередъ, ни задержана на пути развитія личными качествами своихъ правителей, — то исторія этой націи была бы важнѣе всякой другой; потому что она представляла бы условія совершенно нормальнаго и самобытнаго развитія и показала бы намъ, какъ дѣйствуютъ законы прогресса, въ состояніи уединенія; она была бы какъ бы готовымъ для насъ опытомъ и имѣла бы ту же цѣну, какъ тѣ искусственныя сочетанія обстоятельствъ, которымъ естественныя науки обязаны столь многими открытіями.

Найти такой народъ очевидно невозможно, тѣмъ не менѣе историкъ–философъ обязанъ избрать для спеціальнаго изученія такую страну, которая возможно болѣе удовлетворяетъ этимъ условіямъ. Но конечно каждый изъ насъ, а также и каждый образованный иностранецъ согласится съ тѣмъ, что Англія, по крайней мѣрѣ въ продолженіе трехъ послѣднихъ вѣковъ, удовлетворяла означеннымъ условіямъ постояннѣе и успѣшнѣе, чѣмъ какая либо другая страна. Я уже не говорю о многочисленности нашихъ открытій, о блескѣ нашей литературы и объ успѣхахъ нашего оружія. Все это предметы, возбуждающіе народную зависть, и другіе народы можетъ быть откажутъ намъ въ признаніи этихъ преимуществъ, которыя мы легко можемъ преувеличивать. Но я ограничиваюсь единственно тѣмъ положеніемъ, что въ Англіи долѣе, чѣмъ въ какомъ либо изъ европейскихъ государствъ, правительство оставалось совершенно спокойнымъ, между тѣмъ какъ народъ былъ въ высшей степени дѣятеленъ; въ Англіи, свобода націи установилась на самомъ широкомъ основаніи: тамъ каждый человѣкъ имѣетъ полную возможность говорить, что думаетъ, и дѣлать, что хочетъ, всякій слѣдуетъ своему образу мыслей и открыто распространяетъ свои мнѣнія; такъ какъ въ Англіи почти не знаютъ преслѣдованій за религію, то въ этой странѣ можно ясно видѣть развитіе человѣческаго ума, не стѣсненное тѣми преградами, ко-

торыя ограничиваютъ его въ другихъ странахъ. Въ этой странѣ, открытое исповѣданіе ереси наименѣе опасно, и отступленіе отъ господствующей церкви наиболѣе обыкновенно; убѣжденія, враждебныя одно другому, процвѣтаютъ рядомъ, и возникаютъ и падаютъ безпрепятственно, согласно съ потребностями народа, не подчиняясь желаніямъ церкви и не подвергаясь контролю государственной власти; всѣ интересы и всѣ классы, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, тамъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, предоставлены самимъ себѣ; тамъ впервые подверглось нападеніямъ ученіе о вмѣшательствѣ, называемомъ покровительственною системою; тамъ только и была уничтожена эта система,— однимъ словомъ, въ одной Англіи умѣли избѣгнуть тѣхъ опасныхъ крайностей, до которыхъ доводитъ вмѣшательство, вслѣдствіе чего и деспотизмъ и возстанія тамъ одинаково рѣдки; а какъ притомъ признана основаніемъ политики система уступокъ, то ходъ народнаго прогресса въ Англіи наименѣе былъ нарушаемъ могуществомъ привилегированныхъ сословій, вліяніемъ особыхъ сектъ или насильственными дѣйствіями самовластныхъ правителей.

Что таковы храктеристрическія черты исторіи Англіи — это не подлежитъ сомнѣнію; для нѣкоторыхъ это составляетъ источникъ похвальбы, а для другихъ—сожалѣнія. Если же къ этимъ обстоятельствамъ присовокупить то, что Англія, по своему положенію отдѣльному отъ материка, до половины прошлаго вѣка, была рѣдко посѣщаема иностранцами, то становится очевиднымъ, что мы, въ ходѣ нашего народнаго прогресса, менѣе всѣхъ другихъ націй подвергались дѣйствію двухъ главныхъ элементовъ посторонняго вмѣшательства, именно: власти правительства и вліянія чужестранцевъ. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, вошло въ моду, между англійскою аристократіею, путешествовать въ чужихъ краяхъ, но у аристократовъ другихъ странъ вовсе не было обыкновенія посѣщать Англію. Въ семнадцатомъ столѣтіи, обычай путешествовать для удо-

вольствія, такъ распространился въ Англіи, что между людьми достаточными и праздными было весьма мало такихъ, которые бы хотя разъ въ своей жизни не переплыли каналъ; между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ, лица того же класса, частью потому, что они были не такъ богаты, частью по укоренившемуся нерасположенію къ морскимъ путешествіямъ, никогда почти не заглядывали на нашъ островъ, если только не были принуждаемы къ тому какимъ нибудь особеннымъ дѣломъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ другихъ странахъ, въ особенности во Франціи и въ Италіи, жители большихъ городовъ по немногу привыкли къ иностранцамъ и, какъ всѣ люди, незамѣтно подчинились вліянію того, что они видѣли. Напротивъ, между нашими городами было много такихъ, гдѣ никогда не бывала нога иностранца; даже жители столицы могли дожить до старости, не видавши никогда ни одного иностранца, за исключеніемъ развѣ какого нибудь скучнаго и чопорнаго посланника, совершающаго прогулку по берегамъ Темзы. Хотя очень часто говорятъ, что послѣ реставраціи Карла II, нашъ національный характеръ подвергся сильному вліянію французскихъ нравовъ, но это, какъ я могу вполнѣ доказать, ограничилось тою мелочисленною и ничтожною частью общества, которая прилѣплялась ко двору, и не имѣло никакого замѣтнаго вліянія на два важнѣйшіе класса: умственно-трудящійся и промышленный. Это вліяніе можетъ быть замѣчено только въ самыхъ ничтожныхъ явленіяхъ нашей литературы—въ безстыдныхъ произведеніяхъ такихъ авторовъ, какъ Buckingham, Dorset, Etherege Kiligrew, Mulgrave Rochester и Sedley. Но ни тогда, ни въ позднѣйшее время, никто изъ нашихъ великихъ мыслителей не подчинился вліянію французскаго духа; напротивъ того, мы находимъ въ ихъ идеяхъ и даже въ ихъ слогѣ, какую-то грубую самородную силу, которая, хотя и кажется оскорбительною нашимъ болѣе утонченнымъ сосѣдямъ, но имѣетъ по крайней мѣрѣ то преимущество, что составляетъ есте-

ственное произведеніе нашего отечества. Какъ родилась и какъ далеко простиралась образовавшаяся впослѣдствіи связь между англійскимъ и французскимъ умами, это составляетъ вопросъ огромной важности, который однако, подобно большинству другихъ дѣйствительно важныхъ предметовъ, оставленъ безъ вниманія историками. Въ настоящемъ сочиненіи, я постараюсь восполнить этотъ недостатокъ, а между тѣмъ не могу не замѣтить, что хотя мы и прежде были, и до сихъ поръ много обязаны Французамъ за сдѣланные нами успѣхи относительно утонченности вкуса, манеръ и вообще всѣхъ пріятныхъ сторонъ жизни, но не заимствовали отъ нихъ ничего истинно важнаго, ничего такого, что навсегда измѣняетъ судьбы націй. Съ другой стороны, Французы, кромѣ того что заимствовали отъ насъ нѣкоторыя весьма важныя государственныя учрежденія, обязаны также не въ малой мѣрѣ нашему вліянію самымъ важнымъ событіемъ своей исторіи. Всѣмъ извѣстно, что революція 1789 года произведена, или лучше сказать, главнѣйшимъ образомъ вызвана нѣсколькими великими людьми, которыхъ сочиненія, а потомъ и рѣчи возбудили народъ къ сопротивленію; нѣсколько менѣе извѣстно, но во всякомъ случаѣ справедливо, что эти великіе вожди народа научились въ Англіи той философіи и тѣмъ началамъ, которыя будучи перенесены въ ихъ отечесво, произвели такія страшныя, но тѣмъ не менѣе благодѣтельныя послѣдствія.

Никто, надѣюсь, не подумаетъ, чтобы я намѣренъ былъ бросить какую нибудь тѣнь на Французовъ—народъ великій и достойный удивленія, народъ во многихъ отношеніяхъ стоящій выше насъ, народъ, отъ котораго мы еще многому должны поучиться и недостатки котораго, каковы бы они ни были, происходятъ отъ постояннаго вмѣшательства въ его развитіе длиннаго ряда самовластныхъ правителей. Но, смотря на это дѣло исторически, нельзя не признать несомнѣнною

истиною, что мы выработали нашу цивилизацію съ весьма малою помощью отъ нихъ, тогда какъ они выработали свою съ весьма значительнымъ съ нашей стороны содѣйствіемъ. Въ то же время должно согласиться и съ тѣмъ, что наше правительство гораздо меньше вмѣшивалось въ наше развитіе, чѣмъ правительство Франціи въ развитіе французскаго народа. И такъ, нисколько не предрѣшая вопроса о томъ, которое изъ двухъ государствъ значительнѣе, а руководствуясь только приведенными выше соображеніями, я считаю нашу исторію важнѣе ихъ исторіи, и избираю, для спеціальнаго изученія, успѣхи англійской цивилизаціи, единственно потому, что она менѣе подвергалась дѣйствію вліяній, не изъ нея самой происходившихъ, и слѣдовательно въ ней можно яснѣе разсмотрѣть естественный ходъ развитія общества и ничѣмъ не нарушаемое дѣйствіе тѣхъ великихъ законовъ, которыми окончательно опредѣляются судьбы человѣчества.

Послѣ этого сравненія англійской исторіи съ французскою, едвали нужно разсматривать тѣ соображенія, которыя могутъ быть высказаны въ пользу исторіи другихъ странъ. Дѣйствительно, существуютъ только двѣ страны, въ пользу которыхъ можно было бы что нибудь сказать — я разумѣю Германію, принимаемую за одно цѣлое, и Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Что касается до Германіи, то несомнѣнно справедливо, что съ половины восемнадцатаго вѣка она произвела больше глубокихъ мыслителей, чѣмъ какая либо другая страна, даже можно было бы сказать, чѣмъ всѣ другія страны, взятыя вмѣстѣ. Но возраженія, примѣняющіяся къ французской націи, еще съ большею справедливостью примѣняются къ нѣмцамъ, потому что принципъ покровительства и прежде имѣлъ, и до сихъ поръ имѣетъ въ Германіи еще бо́льшую силу, чѣмъ во Франціи. Даже лучшія изъ германскихъ правительствъ постоянно держатъ народъ въ опекѣ, никогда не предоставляя его самому себѣ, слѣдя постоянно за

его интересами и вмѣшиваясь въ самыя обыкновенныя дѣла его ежедневной жизни. Сверхъ того, нѣмецкая литература, хотя она въ настоящее время и первая въ Европѣ, одолжена своимъ происхожденiемъ тому великому скептическому движенiю, которое предшествовало революцiи во Францiи. До половины восемнадцатаго вѣка, не смотря на нѣсколько знаменитыхъ именъ, каковы имена Кеплера и Лейбница, у нѣмцевъ не было литературы, имѣющей дѣйствительную цѣнность; первый толчекъ, который они получили, произошелъ отъ ихъ встрѣчи съ французскимъ умомъ и отъ влiянiя тѣхъ знаменитыхъ Французовъ, которые, въ царствованiе Фридриха Великаго, стеклись въ Берлинѣ — городѣ, бывшемъ съ тѣхъ поръ постоянно главною квартирою философiи и науки. Отъ этого произошло нѣсколько весьма важныхъ обстоятельствъ, которыхъ я здѣсь могу только вкратцѣ коснуться. Германскiй умъ, внезапно возбужденный къ жизни умомъ французскимъ, развился весьма неправильно и проявилъ бо́льшую дѣятельность, чѣмъ того требовала общая цивилизацiя страны. Вотъ почему во всей Европѣ нѣтъ ни одной нацiи, въ которой бы существовало такое огромное разстоянiе между умами высшаго и низшаго развитiя. Нѣмецкiе философы обладаютъ такою суммою знанiя и такою широтою мысли, которыя ставятъ ихъ во главѣ всего цивилизованнаго мiра. Напротивъ того, нѣмецкiй народъ болѣе суевѣренъ, болѣе подчиненъ предразсудкамъ и, не смотря на заботу правительствъ о воспитанiи его, болѣе невѣжественъ и менѣе способенъ къ самоуправленiю, чѣмъ населенiе Францiи и Англiи. Это разграниченiе и даже разъединенiе двухъ классовъ составляетъ естественное послѣдствiе того искусственнаго возбужденiя, которое, сто лѣтъ тому назадъ, было произведено въ одномъ изъ нихъ и которое, такимъ образомъ, нарушило нормальныя отношенiя общества. Вслѣдствiе этого явленiя, высшiе умы въ Германiи на столько опередили общее движенiе нацiи, что между двумя частями ея нѣтъ никакого сочувствiя, и въ на-

стоящее время нѣтъ никакихъ средствъ, которыя бы могли привести ихъ въ прикосновеніе. Великіе писатели Германіи обращаются не ко всей странѣ, но другъ къ другу. Они увѣрены въ томъ, что будутъ имѣть избранную, ученую аудиторію, и потому употребляютъ языкъ, который по справедливости можно назвать ученымъ: они обращаютъ свой природный языкъ въ особый діалектъ, дѣйствительно краснорѣчивый и сильный, но такой трудный, такой гибкій и до такой степени наполненный сложными инверсіями, что низшимъ классамъ ихъ же націи онъ совершенно непонятенъ.

Отъ этого произошли нѣкоторыя изъ самыхъ замѣчательныхъ особенностей нѣмецкой литературы. Не имѣя обыкновенныхъ читателей, она ограждена отъ вліянія обыкновенныхъ предразсудковъ, вотъ почему она обнаружила смѣлость въ изысканіяхъ, неустрашимость въ преслѣдованіи истины и пренебреженіи къ мнѣніямъ старины, — качества, дающія ей права на величайшую похвалу. Но съ другой стороны, отъ этого же обстоятельства произошло то отсутствіе практическаго знанія и то равнодушіе къ матеріальнымъ, житейскимъ интересамъ, за которыя справедливо порицаютъ нѣмецкую литературу. Это, естественнымъ образомъ, еще болѣе расширило первоначальный разрывъ и увеличило разстояніе, отдѣляющее великихъ германскихъ мыслителей отъ того тупаго, погруженнаго въ матеріальные разсчеты класса, который, хотя и стоитъ непосредственно подъ мыслителями, но не подвергается вліянію ихъ знаній и не согрѣвается пламенемъ ихъ генія.

Съ другой стороны, въ Америкѣ, мы видимъ цивилизацію, представляющую прямо-противоположныя явленія. Мы видимъ тамъ страну, о которой справедливо было сказано, что въ ней менѣе, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, и людей очень ученыхъ и людей очень невѣжественныхъ. Въ Германіи,

сословіе мыслящее и сословіе практически дѣйствующее совершенно разъединены—въ Америкѣ они совершенно слиты воедино. Въ Германіи, почти всякій годъ приводитъ за собою новыя открытія, новыя системы философіи, новыя средства къ расширенію предѣловъ человѣческаго знанія; въ Америкѣ, подобныя изысканія находятся почти въ совершенномъ пренебреженіи: со временъ Іонаѳана Эдвардса, не явилось ни одного великаго метафизика; на естественныя науки также обращено весьма мало вниманія, и за исключеніемъ одной только юриспруденціи, едвали что нибудь было сдѣлано по всѣмъ тѣмъ обширнымъ отраслямъ наукъ, для которыхъ нѣмцы безпрерывно работаютъ. Вся сумма знаній въ Америкѣ не велика, но она распредѣлена между всѣми классами общества; сумма германскаго знанія огромна, но распредѣленіе ея ограничивается однимъ сословіемъ. Какая изъ двухъ формъ цивилизаціи должна имѣть преимущество — это вопросъ, который намъ здѣсь не мѣсто разрѣшать. Для настоящей цѣли нашей достаточно будетъ сказать, что въ Германіи чувствуется серіозный недостатокъ въ распространеніи, а въ Америкѣ не менѣе серіозный недостатокъ въ накопленіи знанія. А такъ какъ ходъ цивилизаціи опредѣляется накопленіемъ и распространеніемъ знанія, то очевидно, что никакая страна не можетъ даже приблизительно считаться совершеннымъ образцомъ въ этомъ отношеніи, если, удовлетворяя одному изъ указанныхъ условій до избытка, она другому не удовлетворяетъ вовсе. Дѣйствительно, вслѣдствіе этого недостатка равновѣсія между двумя элементами цивилизаціи, Германія и Америка страдаютъ отъ двухъ одинаково важныхъ, но противоположныхъ болѣзней, и можно опасаться, что не легко излечатся отъ нихъ, а между тѣмъ, до совершеннаго отстраненія этихъ золъ, прогрессъ обѣихъ странъ непремѣнно будетъ замедляться, не смотря на временныя преимущества, достигаемыя, на первое время, такою одностороннею энергіею.

Я здѣсь весьма коротко, но надѣюсь, довольно справедливо и уже конечно безъ всякаго сознательнаго съ моей стороны пристрастія, старался опредѣлить относительное значеніе исторіи четырехъ передовыхъ націй міра. Что же касается до дѣйствительнаго величія каждой изъ нихъ, то я не высказываю ни какого мнѣнія, потому что каждая считаетъ себя первою. Но изъ всего изложеннаго (доколѣ кто нибудь не опровергнетъ приведенныхъ мною фактовъ) неоспоримо слѣдуетъ, что исторія Англіи имѣетъ для философа большее значеніе, чѣмъ всякая другая потому, что онъ можетъ въ ней, яснѣе чѣмъ гдѣ либо, видѣть накопленіе и распространеніе знанія идущими рука объ руку, видѣть, что знаніе это менѣе подвергалось вліянію иноземныхъ и внѣшнихъ дѣятелей, и что въ него менѣе вмѣшивались, къ пользѣ или ко вреду, тѣ могущественные, но часто несвѣдущіе люди, которымъ ввѣряется управленіе общественными дѣлами.

Именно на основаніи этихъ соображеній, а вовсе не по тѣмъ побужденіямъ, которыя обыкновенно величаютъ именемъ патріотическихъ, — я рѣшился писать исторію моего отечества, предпочтительно передъ всякою другою страною, и писать ее съ такою полнотою, съ такою всесторонностью, какая только возможна при нынѣ имѣющихся матеріалахъ. Но какъ вслѣдствіе указанныхъ мною обстоятельствъ, невозможно открыть законы общества, изучая исторію одной только націи, то я набросалъ это введеніе съ цѣлію устранить нѣкоторыя изъ трудностей, сопровождающихъ изученіе этого важнаго предмета. Въ первыхъ главахъ, я пытался съ точностію обозначить предѣлы изучаемаго мною предмета, принимая его за одно цѣлое, и установить для него возможно широкое основаніе. Въ этихъ видахъ, разсматривая цивилизацію, я дѣлилъ ее на двѣ главныхъ части: европейскую, въ которой человѣкъ оказывается сильнѣе, чѣмъ природа, и неевропейскую, въ которой природа сильнѣе человѣка.

Это привело насъ къ тому выводу, что нацiональный прогрессъ, соединенный съ свободою народа, не могъ явиться ни въ какой части свѣта, кромѣ Европы, гдѣ слѣдовательно и должно изучать развитiе истинной цивилизацiи и исторiю побѣдъ, одержанныхъ умомъ человѣческимъ надъ силами природы. Затѣмъ, признавъ за основанiе европейской исторiи перевѣсъ законовъ духа надъ законами физическаго мiра, мы раздѣлили законы духа на умственные и нравственные и доказали, что первые имѣли преимущественное влiянiе на ускоренiе развитiя человѣка. Эти обобщенiя мнѣ кажутся существенно необходимымъ вступленiемъ въ исторiю, какъ науку, а для того, чтобы связать ихъ съ спецiальною исторiею Англiи, намъ остается теперь только привести въ извѣстность основное условiе умственнаго развитiя, ибо безъ этого, лѣтописи каждаго народа могутъ представлять для насъ только эмпирическую послѣдовательность событiй, соединенныхъ слабыми, случайными связями, какiя придумывали для нихъ разные писатели, каждый по своимъ убѣжденiямъ. Поэтому остальная часть нашего введенiя будетъ главнымъ образомъ посвящена дополненiю начертаннаго мною плана изслѣдованiемъ исторiи разныхъ странъ, относительно тѣхъ умственныхъ особенностей, которыя не достаточно высказываются въ исторiи нашего отечества. Такъ напримѣръ, въ Германiи, накопленiе знанiй происходило быстрѣе, чѣмъ въ Англiи; на этомъ основанiи, законы накопленiя знанiй могутъ быть всего удобнѣе изучены въ исторiи Германiи и затѣмъ дедуктивно приложены къ исторiи Англiи. Точно также, зная, что Американцы распространили свое знанiе гораздо болѣе, чѣмъ мы, я намѣренъ объяснить нѣкоторыя изъ явленiй англiйской цивилизацiи тѣми законами распространенiя знанiй, дѣйствiе которыхъ яснѣе видно въ американской цивилизацiи и которые слѣдовательно могутъ быть въ ней легче открыты. Далѣе, такъ какъ самая цивилизованная изъ всѣхъ странъ, въ которыхъ имѣетъ особенную силу духъ покровительства, есть Францiя, то

для раскрытія тайныхъ стремленій этого духа въ нашемъ отечествѣ, намъ стоитъ только изучить явныя стремленія его у нашихъ сосѣдей. Въ этихъ видахъ, я сдѣлаю очеркъ исторіи Франціи, въ которомъ постараюсь выяснить самый принципъ покровительства, показавъ вредъ, причиненный имъ весьма даровитому и просвѣщенному народу. Анализируя же французскую революцію, я покажу, что это великое событіе было ничто иное, какъ реакція противъ духа покровительства; а такъ какъ матеріалы для реакціи были заимствованы изъ Англіи, то мы также увидимъ въ этомъ явленіи, какимъ образомъ умъ одной страны дѣйствуетъ на умъ другой, и дойдемъ до нѣкоторыхъ выводовъ относительно того обмѣна идей, который легко можетъ сдѣлаться самымъ главнымъ двигателемъ во всѣхъ дѣлахъ Европы. Это прольетъ значительный свѣтъ на законы между-народнаго мышленія. Въ связи съ этимъ изслѣдованіемъ, двѣ особыя главы будутъ посвящены исторіи духа покровительства и разсмотрѣнію относительной силы его во Франціи и въ Англіи. Но Французы, какъ нація, были съ начала или съ половины семнадцатаго вѣка, замѣчательно свободны отъ суевѣрія, и, не взирая на усилія ихъ правительства, весьма нерасположены къ власти духовенства, такъ что въ ихъ исторіи, покровительственное начало высказывающееся ясно въ его политической формѣ, представляетъ весьма мало проявленій въ формѣ религіозной. Эта послѣдняя форма его также мало замѣтна и въ нашей исторіи. Вслѣдствіе того я намѣренъ обозрѣть также исторію Испаніи, въ которой мы можемъ вполнѣ прослѣдить результаты того покровительства противъ заблужденій, которое духовное сословіе всегда готово оказать націи. Въ Испаніи, церковь съ весьма давняго времени пользовалась большимъ авторитетомъ, и духовенство имѣло болѣе вліянія на народъ, и на правительство, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, по этому намъ будетъ весьма удобно изучать въ Испаніи развитіе могущества духовенства и его вліяніе на ин-

тересы нацiи. Другое обстоятельство, имѣющее влiянiе на умственный прогрессъ каждой нацiи, заключается въ томъ, какому методу слѣдуютъ обыкновенно, въ своихъ ученыхъ изысканiяхъ, самые способные люди изъ среды ея. Такихъ методовъ можетъ быть только два: индуктивный, либо дедуктивный. Каждый изъ нихъ составляетъ принадлежность особой цивилизацiи и всегда сопровождается особымъ складомъ мыслей, преимущественно въ предметахъ религiи и науки. Эти различiя имѣютъ такую огромную важность, что пока ихъ законы не приведены въ извѣстность, нельзя сказать, что мы дѣйствительно понимаемъ исторiю прошедшихъ событiй. Двѣ крайности этого различiя, безъ сомнѣнiя, представляютъ Германiя и Соединенные Штаты, такъ какъ нѣмцы преимущественно склонны къ дедукцiи, а американцы къ индукцiи. Но Германiя и Америка уже въ столькихъ другихъ отношенiяхъ дiаметрально противоположны другъ другу, что я счелъ удобнѣйшимъ изучать дѣйствiе дедуктивнаго духа и духа индуктивнаго въ странахъ, между которыми существуетъ болѣе аналогiи; такъ какъ, чѣмъ болѣе сходства между двумя нацiями, тѣмъ легче можемъ мы открыть послѣдствiя каждаго отдѣльнаго уклоненiя отъ сходства и тѣмъ виднѣе становятся законы этого уклоненiя. Такой случай представляетъ намъ исторiя Шотландiи, сравниваемая съ исторiею Англiи. Мы видимъ, въ этомъ случаѣ, два сосѣднiе народа, которые говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, пользуются одною и тою же литераторой и связаны одними и тѣми же интересами. Тѣмъ не менѣе справедливо—на это по видимому никто не обращалъ вниманiя, но я докажу это во всей подробности—что до послѣднихъ тридцати или сорока лѣтъ, шотландскiй умъ, въ противоположность англiйскому, былъ дедуктивенъ и даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ этотъ послѣднiй былъ индуктивенъ. Склонность англiйскаго ума къ индукцiи, и почти суевѣрное благоговѣнiе, съ которымъ мы хранимъ это свойство, были съ сожалѣнiемъ замѣчены немногими, и даже весь-

ма немногими, изъ нашихъ способнѣйшихъ людей. Съ другой стороны, въ Шотландіи, особенно въ теченіе XVIII столѣтія, великіе мыслители, почти безъ исключенія, употребляли методъ дедуктивный. Главное же свойство дедукціи, въ примѣненіи къ отраслямъ знанія, еще не довольно созрѣвшимъ для нея, состоитъ въ томъ, что она увеличиваетъ число гипотезъ, отъ которыхъ мы ведемъ рядъ умозаключеній къ низу, и подрываетъ довѣріе къ медленному и терпѣливому восхожденію, какое свойственно индуктивному методу. Это стремленіе уловить истину посредствомъ умозрительныхъ и какъ бы впередъ сдѣланныхъ заключеній, часто открывало путь къ великимъ изобрѣтеніямъ; и ни одинъ свѣдущій человѣкъ не станетъ отрицать огромной важности подобнаго рода стремленія. Но когда это направленіе дѣлается всеобщимъ, тогда угрожаетъ опасность, чтобы не пренебрегли наблюденіемъ чисто эмпирическихъ однообразій и чтобы мыслящіе люди не получили отвращенія къ тѣмъ мелкимъ и ближайшимъ обобщеніямъ, которыя по требованіямъ индуктивнаго метода, непремѣнно должны предшествовать обобщеніямъ болѣе обширнымъ и возвышеннымъ. Какъ только является подобное отвращеніе, то происходитъ серіозное зло. Эти низшія обобщенія составляютъ нейтральную почву, общее владѣніе умовъ созерцательныхъ и умовъ практическихъ,—пространство, на которомъ они встрѣчаются. Когда нѣтъ такого пространства, то и встрѣча невозможна. Въ такомъ случаѣ, въ ученыхъ классахъ замѣчается неосновательное презрѣніе къ выводамъ, сдѣланнымъ простымъ народомъ изъ опыта, выводамъ, законы которыхъ кажутся необъяснимыми; между тѣмъ какъ съ другой стороны, въ практическихъ классахъ, является пренебреженіе къ обширнымъ и блестящимъ умозрѣніямъ, которыхъ промежуточныя, предварительныя ступени для нихъ невидимы. Послѣдствія такого порядка вещей, въ Шотландіи, въ высокой степени любопытны и во многихъ отношеніяхъ сходны съ явленіями, которыя мы усматриваемъ въ Гер-

маніи, такъ какъ въ обѣихъ этихъ странахъ образованные классы съ давняго времени отличались смѣлостью воззрѣній и свободой отъ предразсудковъ, а масса народа въ такой же степени отличалась множествомъ суевѣрій и силою предразсудковъ. Въ Шотландіи это еще поразительнѣе, чѣмъ въ Германіи; потому что Шотландцы, благодаря причинамъ, которыя мало были изучаемы, бываютъ, въ практическихъ вопросахъ, не только трудолюбивы и предусмотрительны, но даже необыкновенно смѣтливы. Но въ высшихъ сферахъ жизни, это качество не послужило имъ ни къ чему; конечно нѣтъ страны, которая бы обладала болѣе оригинальной, пытливой и прогрессивной литературой, чѣмъ Шотландія, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ страны, равно образованной, гдѣ бы сохранялся до такой степени духъ среднихъ вѣковъ, гдѣ бы до сихъ поръ вѣрили столькимъ нелѣпостямъ, и гдѣ бы такъ легко можно было возбудить къ дѣятельности старыя чувства религіозной нетерпимости.

Разобщеніе и даже вражда, установившаяся, такимъ образомъ, между практическими классами и классами, преданными умственнымъ занятіямъ, есть самый важный фактъ въ исторіи Шотландіи, и составляетъ отчасти причину, отчасти послѣдствіе преобладанія дедуктивнаго метода. Нисходящая схема, въ противоположность схемѣ восходящей или индуктивной, пренебрегаетъ низшими обобщеніями, единственными, которыя понятны обоимъ классамъ и возбуждаютъ ихъ взаимное сочувствіе. Индуктивный методъ, которому Бэконъ доставилъ популярность, выдвинулъ на видное мѣсто эти низшія или ближайшія истины; и хотя вслѣдствіе того мыслящіе классы Англіи принимали часто направленіе уже слишкомъ утилитарное, но это по крайней мѣрѣ, спасало ихъ отъ состоянія отчужденности, въ которомъ, безъ этого, они непремѣнно бы остались. Но въ Шотландіи, отчужденность была почти совершенная, потому что дедуктивный методъ

былъ почти всеобщій. Полныя доказательства вышеозначеннаго будутъ собраны въ слѣдующемъ томѣ; но не желая оставить этотъ предметъ вовсе безъ поясненія примѣромъ, я разберу вкратцѣ, за время трехъ послѣднихъ поколѣній, тѣ явленія, въ которыхъ шотландская литература достигла высшаго своего совершенства.

Въ теченіе этого періода, обнимающаго почти столѣтіе, сказанное направленіе обозначилось такъ рѣзко, что оно составляетъ поразительное явленіе въ исторіи человѣческаго ума. Первымъ важнымъ признакомъ его явилось движеніе, которое было начато Симсономъ, профессоромъ университета въ Глесго, и продолжаемо Стюартомъ, профессоромъ эдинбургскаго университета. Эти даровитые люди всячески старались воскресить чистую греческую геометрію и унизить значеніе алгебраическаго или символическаго анализа. Отсюда родились у нихъ самихъ и ихъ учениковъ особенная любовь къ самымъ утонченнымъ способамъ разрѣшенія задачъ и презрѣніе къ способамъ болѣе легкимъ, но менѣе изящнымъ, которыми мы обязаны алгебрѣ. Здѣсь мы ясно усматриваемъ обособляющій, таинственный характеръ системы, которая, презирая все то, что легко могутъ усвоить себѣ и самые обыкновенные умы, предпочитаетъ восхожденію отъ осязательнаго къ идеальному, переходъ отъ идеальнаго къ осязательному. Въ ту же самую эпоху, точно то же направленіе выражено было, въ другой отрасли изслѣдованія, Гётчисономъ, который, хотя Ирландецъ по происхожденію, но былъ воспитанъ въ университетѣ въ Глесго, гдѣ былъ и профессоромъ. Въ своихъ знаменитыхъ нравственныхъ и эстетическихъ изслѣдованіяхъ, онъ замѣнилъ индуктивное умозаключеніе отъ осязательныхъ фактовъ, умозаключеніемъ дедуктивнымъ отъ неосязательныхъ принциповъ; при этомъ онъ оставлялъ безъ вниманія непосредственныя, практическія показанія чувствъ, въ полной увѣренности, что, по-

средствомъ отвлеченнаго построенія вѣрныхъ законовъ, можно низойти до фактовъ, и что нѣтъ надобности восходить отъ фактовъ, для узнанія законовъ. Его философія имѣла огромное вліяніе на метафизиковъ, и его методъ мышленія по нисходящей цѣпи отъ абстрактнаго къ конктретному, былъ усвоенъ еще болѣе великимъ Шотландцемъ, знаменитымъ Адамомъ Смитомъ. До какой степени Смитъ былъ пристрастенъ къ дедуктивному образу изслѣдованія, видно изъ его теоріи нравственныхъ чувствованій (Theory of Maral Sentiments), а равно и изъ его трактата о рѣчи (Essay on Language) и даже изъ его отрывка объ исторіи астрономіи, въ которомъ онъ, основываясь на общихъ соображеніяхъ, предпринялъ доказать, какой долженъ былъ быть ходъ астромическихъ открытій, вмѣсто того, чтобы предварительно узнать какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Затѣмъ его «Богатство Народовъ» есть также сочиненіе совершенно дедуктивное, такъ какъ въ немъ Смитъ выводитъ общіе законы богатстства не изъ явленій богатства, не изъ статистическихъ данныхъ, а изъ явленій эгоизма — дѣлая такимъ образомъ дедуктивное примѣненіе одной категоріи умственныхъ принциповъ къ цѣлой области экономическихъ фактовъ. Пояснительные примѣры, которыми изобилуетъ его большое сочиненіе, не составляютъ части самой его аргументаціи — они только слѣдуютъ за идеей; и если бы всѣ они были выпущены, то сочиненіе, потерявъ, можетъ быть, извѣстную долю занимательности и силы, осталось бы, въ научномъ отношеніи, одинаково цѣннымъ. Ддругой примѣръ представляютъ сочиненія Юма, которыя всѣ, за исключеніемъ его метафизическихъ опытовъ, дедуктивны; его глубокомысленныя экономическія излѣдованія оказываются въ сущности изслѣдованіями a priori; ихъ можно было бы написать безъ всякаго знакомства съ тѣми подробностями дѣла торговаго и финансоваго, изъ которыхъ они должны были бы, по требованію индуктивнаго метода, составлять общіе выводы. Также

и въ своей «Естественной Исторіи Религіи» онъ старался, посредствомъ простаго размышленія, независимо отъ фактовъ, построить чисто умозрительное изслѣдованіе о происхожденіи религіозныхъ убѣжденій. Точно такимъ же образомъ, въ «Исторіи Англіи», вмѣсто того, чтобы сначала собрать факты, а потомъ дѣлать изъ нихъ выводы, онъ прежде всего принялъ за данное, что отношенія между народомъ и правительствомъ должны были слѣдовать такому то порядку, и затѣмъ факты, противорѣчившіе его предположенію, либо оставилъ въ сторонѣ, либо исказилъ. Эти различные писатели, не смотря на несходство ихъ убѣжденій и предметовъ изученія, всѣ между собою согласны относительно метода, то есть всѣ одинаково предпочитали, въ дѣлѣ изслѣдованія истины, нисхожденіе восхожденію. Огромное общественное значеніе этой особенности я разсмотрю въ слѣдующемъ томѣ, гдѣ постараюсь привести въ извѣстность, какимъ образомъ она вліяла на шотландскую цивилизацію и какъ произвела нѣкоторыя любопытныя явленія, прямо противоположныя болѣе эмпирическому характеру англійской литературы. Къ этому, въ видѣ простаго заявленія такого факта, который будетъ доказанъ впослѣдствіи, я могу присовокупить, что дедуктивный методъ, который употребляли поименованные мною знаменитые Шотландцы, былъ также внесенъ въ умозрительную «Исторію Гражданскаго Общества» Фергюсономъ, въ изученіе законодательства — Миллемъ, въ изученіе юриспруденціи — Макинтошемъ, въ геологію — Гёттономъ, въ термотику — Блекомъ и Лесли, въ физіологію—Гёнтеромъ, Александромъ, Уокеромъ и Карломъ Бэлль, въ патологію — Кёлленомъ, въ терапію—Броуномъ и Кёрри.

Вотъ очеркъ плана, которому я намѣренъ слѣдовать въ настоящемъ введеніи, надѣясь этимъ путемъ дойти до нѣкоторыхъ результатовъ неизмѣнно цѣнныхъ; потому

что, при изученіи различныхъ началъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ они были наиболѣе развиты, законы этихъ началъ могутъ быть раскрыты гораздо успѣшнѣе, чѣмъ при изслѣдованіи тѣхъ же началъ въ такихъ странахъ, гдѣ они проявлялись довольно смутно. А какъ въ Англіи цивилизація шла путемъ болѣе правильнымъ и была съ него сбиваема менѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ, то тѣмъ болѣе настоитъ необходимость, сочиняя исторію этой страны, прибѣгать къ вспомогательнымъ средствамъ въ родѣ нѣкоторыхъ пріемовъ, указанныхъ мною выше. Особенную цѣнность придаетъ исторіи Англіи то обстоятельство, что ни въ какой другой странѣ національный прогрессъ не подвергался такъ мало постороннему вмѣшательству, въ дурную либо въ хорошую сторону. Но самый тотъ фактъ, что наша цивилизація была, такимъ образомъ, сохранена въ болѣе естественномъ и здоровомъ состояніи, возлагаетъ на насъ обязанность изучать болѣзни, которымъ подвержена цивилизація, посредствомъ наблюденія надъ тѣми странами, гдѣ чаще всего встрѣчаются общественные недуги. Безопасность и прочность цивилизаціи должны зависѣть отъ правильности въ сочетаніи ея элементовъ и отъ гармоніи въ ихъ дѣйствіи. Ежели одинъ какой нибудь элементъ дѣйствуетъ слишкомъ сильно, то весь составъ подвергается опасности. Вотъ почему законы соединенія элементовъ лучше всего могутъ быть изучены тамъ, гдѣ соединеніе встрѣчается въ самомъ полномъ составѣ; законовъ же каждаго отдѣльнаго элемента мы должны искать тамъ, гдѣ изучаемый элементъ наиболѣе сильно дѣйствуетъ. Избравъ исторію Англіи, вслѣдствіе того, что въ ней долѣе чѣмъ гдѣ либо сохранялась гармонія различныхъ началъ, я счелъ, по той же самой причинѣ, полезнымъ изучать каждое начало отдѣльно въ той странѣ, гдѣ оно было наиболѣе сильно и гдѣ вслѣдствіе необычайнаго развитія его, равновѣсіе всего зданія было нарушено.

Принявъ эти предосторожности, мы будемъ въ состояніи

устранить многія изъ затрудненій, сопряженныхъ понынѣ съ изученіемъ исторіи. Но прежде чѣмъ вступить на обширное поприще, открывающееся предъ нами, слѣдуетъ разъяснить нѣкоторые предварительные пункты; я до сихъ поръ еще ихъ не касался, а между тѣмъ разъясненіе это можетъ предупредить извѣстнаго рода возраженія, которыя, безъ этого, легко могутъ быть сдѣланы. Я разумѣю подъ этими пунктами: Религію, Литературу и Правительство — три предмета огромной важности, а по мнѣнію весьма многихъ лицъ, три главные двигателя въ человѣческихъ дѣлахъ. Совершенная ошибочность этого послѣдняго взгляда будетъ вполнѣ доказана въ настоящемъ сочиненіи, но, такъ какъ мнѣніе это чрезвычайно распространено и весьма благовидно, то намъ необходимо разъ на всегда согласиться въ сужденіи о немъ и изучить истинное свойство того вліянія на ходъ цивилизаціи, которое дѣйствительно имѣютъ сказанныя три великія силы.

И вотъ, прежде всего очевидно, что если бы какой нибудь народъ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ, то его религія, литератра и правительство были бы послѣдствіемъ, а не причиной его цивилизаціи. Извѣстное состояніе общества естественно производитъ извѣстные результаты. Эти результаты конечно могутъ быть искажены вмѣшательствомъ какихъ нибудь постороннихъ дѣятелей, но, безъ такого вмѣшательства, невозможно, чтобы высоко образованный народъ, привыкшій разсуждать и сомнѣваться, когда либо принялъ религію, исполненную яркихъ нелѣпостей, обнаруживающихъ совершенное пренебреженіе къ разуму и сомнѣнію. Есть много примѣровъ, что націи переменяли религію, но нѣтъ ни одного мримѣра, чтобы прогрессивная страна добровольно приняла ретроградную религію; никогда даже не случалось, чтобы нація, клонящаяся къ паденію, улучшила свою религію. Хорошая религія благопріятствуетъ цивили-

зацiи, а дурная вредитъ — это конечно справедливо; но ни одинъ народъ, безъ посторонняго вмѣшательства, не сумѣетъ открыть, что его религiя дурна, пока ему этого не скажетъ его собственный разумъ; но если разумъ его находится въ бездѣйствiи, а знанiе въ застоѣ, то подобнаго открытiя никогда не произойдетъ. Страна, пребывающая въ старомъ невѣжествѣ, всегда будетъ оставаться при своей старой религiи. Конечно ничто не можетъ быть проще этого. Очень невѣжественный народъ будетъ, въ силу своего невѣжества, склоненъ къ религiи, исполненной чудесъ, величающейся несмѣтнымъ числомъ боговъ и приписывающей непосредственному ихъ влiянiю все, что ни случается. Съ другой стороны, народъ, который по своимъ позванiямъ, можетъ быть лучшимъ судьей въ дѣлѣ вѣроятiя, народъ привыкшiй къ самой трудной изъ работъ — къ дѣлу сомнѣнiя, будетъ чувствовать потребность въ религiи менѣе чудесной, менѣе навязчивой, въ религiи, не налагающей слишкомъ большой дани на его легковѣрiе. Но скажете ли вы, основываясь на предыдущемъ, что въ первомъ случаѣ недостатки религiи производятъ невѣжество, а во второмъ — достоинства ея производятъ знанiе? Скажете ли вы о двухъ послѣдовательныхъ явленiяхъ, что первое изъ нихъ есть дѣйствiе, а послѣднее — причина? Не такъ разсуждаютъ люди въ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ, и трудно понять, почему бы имъ слѣдовало разсуждать такимъ образомъ, когда дѣло идетъ объ исторiи прошлыхъ событiй.

Дѣло въ томъ, что религiозныя убѣжденiя, преобладающiя въ какой либо перiодъ времени, принадлежатъ къ числу симптомовъ, которыми этотъ перiодъ обозначается. Когда религiозныя убѣжденiя глубоко укоренены, то они безъ сомнѣнiя, имѣютъ влiянiе на образъ дѣйствiя людей; но для того, чтобы убѣжденiя могли глубоко укорениться, необходимо должна предварительно произойти какая нибудь перемѣна въ умахъ

людей. Разсчитывать на усвоеніе кроткой и философской религіи невѣжественными и кровожадными дикарями, все равно, что ожидать урожая отъ сѣмени, брошеннаго на голую скалу. Въ этомъ родѣ много было попытокъ, и всѣ онѣ привели къ одному результату. Люди съ самыми лучшими намѣреніями, самымъ пылкимъ, хотя ложно понятымъ, рвеніемъ пытались и теперь еще пытаются распространить свою религію между жителями варварскихъ странъ. Вслѣдствіе напряженной и неослабной дѣятельности, часто при помощи обѣщаній и даже дѣйствительныхъ даровъ, они во многихъ случаяхъ успѣвали убѣдить дикія общины открыто признать истины христіанской религіи. Но ежели кто сравнитъ торжественныя повѣствованія миссіонеровъ съ длиннымъ рядомъ данныхъ, доставленныхъ слѣдующими путешественниками, то скоро увидитъ, что подобное признаніе существуетъ только на словахъ, въ дѣйствительности же, эти невѣжественныя племена приняли обряды новой религіи, но вовсе не самую религію. Они принимаютъ внѣшность и на этомъ останавливаются. Они могутъ крестить своихъ дѣтей, принимать причастіе, толпами ходить въ церковь—все это они могутъ дѣлать и, не смотря на то, оставаться столь же далекими отъ духа христіанства, какъ и были въ то время, когда преклоняли колѣна передъ своими прежними идолами. Обряды и формы всякой религіи находятся на поверхности: ихъ сразу видятъ, скоро заучиваютъ и легко перенимаютъ люди неспособные проникнуть въ самую глубину. Только болѣе глубокая внутренняя перемѣна въ человѣкѣ можетъ быть прочна—а такой перемѣны никогда не произойдетъ въ человѣкѣ дикомъ, пока онъ погруженъ въ невѣжество, ставящее его въ уровень съ окружающими его животными. Устраните невѣжество, тогда будетъ мѣсто для религіи. Только этимъ способомъ можно окончательно принести пользу. Послѣ тщательнаго изученія исторіи и нынѣшняго состоянія варварскихъ странъ, я съ полною увѣренностью утверждаю, что нѣтъ ни одного хорошо доказан-

наго случая прочнаго обращенiя въ христiанство какого нибудь варварскаго народа, за исключенiемъ развѣ тѣхъ весьма немногихъ примѣровъ, гдѣ миссiонеры, будучи столько же людьми знанiя, сколько и людьми благочестiя, прiучали дикаря къ прiемамъ мышленiя и, возбудивъ въ немъ, такимъ образомъ, умственную дѣятельность, приготовили его къ воспрiятiю религiозныхъ началъ, которыхъ онъ, безъ такого возбужденiя, никогда не могъ бы понять.

Такимъ образомъ, если смотрѣть на вещи съ высшей точки зрѣнiя, оказывается, что религiя человѣчества есть послѣдствiе, а не причина его прогресса. При болѣе же мелкомъ воззрѣнiи, или при такъ называемомъ практическомъ взглядѣ на какой нибудь краткiй, спецiальный перiодъ, могутъ по временамъ встрѣтиться такiя обстоятельства, которыя нарушаютъ этотъ общiй порядокъ и повидимому извращаютъ естественный ходъ событiй. И это, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, можетъ происходить только отъ особенностей, свойственныхъ отдѣльнымъ личностямъ, которыя, повинуясь низшимъ законамъ, управляющимъ дѣйствiями каждаго отдѣльнаго человѣка, могутъ, при помощи генiя и энергiи, помѣшать отправленiямъ высшихъ законовъ, управляющихъ цѣлыми обществами. По обстоятельствамъ, до сихъ поръ еще неизвѣстнымъ, отъ времени до времени появляются великiе мыслители, которые посвятивъ всю жизнь стремленiю къ одной цѣли, способны опередить человѣчество на пути развитiя и создать религiю или философiю, имѣющую иногда весьма важныя послѣдствiя. Но вглядываясь въ исторiю, мы ясно увидимъ, что дѣйствiе, производимое новымъ мнѣнiемъ, будетъ всегда зависѣтъ отъ состоянiя народа, въ которомъ мнѣнiе это распространяется, хотя бы оно и было обязано происхожденiемъ своимъ одному лицу. Если религiя, или философiя, слишкомъ опередила нацiю, то она не можетъ принесть пользы въ настоящемъ, а должна выждать, пока лю-

ди будутъ достаточно зрѣлы для воспріятія ея. Этому большая часть читателей встрѣтитъ множество примѣровъ. Каждая наука и каждое вѣрованіе имѣли своихъ мучениковъ, людей, подвергавшихся злословію и даже смерти, за то, что они знали больше, чѣмъ ихъ современники и потому, что общество было не довольно развито для принятія истинъ, которыя эти люди распространяли. По обыкновенному порядку вещей, проходятъ нѣсколько поколѣній, прежде чѣмъ наступитъ періодъ, когда на эти самыя истины смотрятъ какъ на обыденные факты, а еще немого позже настаетъ и такое время, когда ихъ признаютъ необходимыми и когда самые тупые умы удивляются, какъ могли такія истины когда либо быть отрицаемы. Таковъ бываетъ ходъ дѣлъ, когда человѣческому уму дается просторъ и предоставляется хотя сносная свобода въ накопленіи и распространеніи знанія. Но ежели тому же самому обществу, мѣрами насильственными и слѣдовательно искусственными, поставлены преграды къ умственному развитію, то въ немъ истины не могутъ быть приняты, какъ бы ни было важно ихъ значеніе. Иначе, почему бы извѣстныя истины были отвергаемы въ одномъ вѣкѣ и признаваемы въ другомъ? Истины остаются неизмѣненными—значитъ окончательное ихъ признаніе должно зависѣть отъ перемѣны въ самомъ обществѣ, которое теперь принимаетъ то, что прежде презирало. И въ самомъ дѣлѣ, исторія наполнена доказательствами совершенной недѣйствительности самыхъ благородныхъ началъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они проповѣдываются въ очень невѣжественной странѣ. Такъ ученіе о Единомъ Богѣ, преподанное древнимъ Евреямъ, оставалось въ теченіе многихъ столѣтій, вовсе безъ дѣйствія. Народъ, которому ученіе это было сообщено, въ то время еще не освободился отъ варварства, и потому умъ его не могъ постигнуть такой высокой идеи. Подобно всѣмъ другимъ варварамъ, Евреи жаждали религіи, которая бы питала ихъ легковѣріе безпрестанными чудесами, которая, вмѣсто отвлеченнаго возведенія Божества къ одной

сущности, умножала бы ихъ боговъ до того, чтобы ими были покрыты всѣ поля и переполнены лѣса. Это и есть идолопоклонство, естественный плодъ невѣжества; вотъ къ чему Евреи безпрестанно возвращались. Не смотря на самыя строгiя и безпощадныя наказанiя, они, при всякомъ удобномъ случаѣ, оставляли чистый теизмъ, для воспрiятiя котораго умы ихъ были слишкомъ незрѣлы, и впадали въ суевѣрiе, болѣе доступное ихъ пониманiю—поклонялись золотому тельцу и обожали мѣднаго змiя. Теперь, въ настоящемъ вѣкѣ, они давно ужъ перестали все это дѣлать. А почему? Не потому, чтобы легче возбуждалось въ нихъ религiозное чувство, или чаще дѣйствовалъ на нихъ религiозный страхъ. Далеко отъ этого: они отторгнуты отъ прежней обстановки; они навсегда потеряли изъ виду тѣ сцены, которыя легко могли потрясать умы людей. Не существуютъ уже для нихъ причины, возбуждавшiя въ сердцахъ — однѣ ужасъ, другiя благодарность. Не является имъ болѣе облако днемъ и огненный столбъ ночью; не видятъ они болѣе, какъ дается завѣтъ съ высоты Синая и не слышатъ раскатовъ грома, раздающихся съ Хорева. Въ виду этихъ великихъ явленiй, они оставались идолопоклонниками въ душѣ, и при всякой возможности, становились идолопоклонниками на дѣлѣ; и поступали они такъ, потому что находились въ состоянiи варварства, котораго естественный продуктъ — идолопоклонство. Какому же другому обстоятельству можно приписать ихъ дальнѣйшую перемѣну, какъ не тому простому факту, чте Евреи, подобно всѣмъ другимъ народамъ, по мѣрѣ своихъ успѣховъ въ цивилизацiи, стали вырабатывать для себя болѣе идеальную, утонченную религiю, и презрѣвъ прежнее многобожiе, медленно и постепенно возвысились умомъ до твердаго пониманiя Одной Великой Причины, пониманiя, которое напрасно старались имъ привить въ болѣе раннее время.

Вотъ какая тѣсная связь существуетъ между убѣжденiями

какого нибудь народа и его познаніями, и до какой степени необходимо, когда дѣло идетъ о цѣлыхъ націяхъ, чтобы умственная дѣятельность предшествовала улучшенію религіи. Ежели намъ нужны дальнѣйшіе примѣры, поясняющіе эту важную истину, то мы найдемъ ихъ въ событіяхъ, совершившихся въ Европѣ вскорѣ послѣ распространенія христіанскаго ученія. Римляне были, за рѣдкими исключеніями, народъ невѣжественный и варварскій, племя кровожадное, развратное и жестокое. Для такого народа, политеизмъ былъ самымъ естественнымъ вѣрованіемъ; и дѣйствительно мы читаемъ, что Римляне предавались идолопоклонству, которое немногіе великіе мыслители, и только немногіе отваживались презирать. Христіанская религія, заброшенная среди такихъ людей, застала ихъ неспособными оцѣнить ея высокое, дивное ученіе. Нѣсколько времени спустя, Европа была наводнена наплывами свѣжаго народонаселенія, и завладѣвшіе ею народы, еще болѣе дикіе, чѣмъ Римляне, принесли съ собою суевѣрія, сообразныя съ ихъ тогдашнимъ умственнымъ состояніемъ. И вотъ надъ матеріалами, происшедшими изъ этихъ двухъ источниковъ, христіанство призвано было трудиться. Результатъ этого чрезвычайно замѣчателенъ. Послѣ того, какъ новая религія, казалось, побѣдила всѣ препятствія, и уже была принята въ лучшей части Европы, вскорѣ обнаружилось, что она не возымѣла никакого положительнаго дѣйствія. Оказалось, что общество находилось еще въ томъ раннемъ періодѣ развитія, когда суевѣріе неизбѣжно и когда люди, не имѣя его въ одной формѣ, должны имѣть въ другой. Напрасно христіанство преподовало простое ученіе и предписывало простое богослуженіе. Умы были слишкомъ незрѣлы, чтобы совершить такой великій шагъ: имъ нужны были болѣе сложныя формы и болѣе сложное вѣрованіе. Что затѣмъ произошло—хорошо извѣстно всѣмъ, изучающимъ исторію церкви. Суевѣріе Европы, вмѣсто того чтобы уменьшиться, получило только другое направленіе. Новая религія была искажена старыми заблужденіями. Покло-

ненiе идоламъ приняло только другiя формы; такъ обожанiе Цибелы замѣнено было другимъ подобнымъ же обожанiемъ; идолопоклонническiе обряды примѣшались къ христiанскимъ; вскорѣ внесено было въ новую религiю, кромѣ наружныхъ обрядовъ язычества, и самое его ученiе; духъ язычества былъ смѣшанъ и слитъ воедино съ духомъ новой религiи. Вслѣдствiе всего этого, спустя нѣсколько поколѣнiй, христiантство явилось въ такой смѣшанной, отвратительной формѣ, что лучшiя его черты были потеряны и признаки первоначальной его прелести совершенно уничтожены.

Прошло нѣсколько вѣковъ и христiанство стало понемногу освобождаться отъ этихъ искаженiй; однако многихъ изъ нихъ даже самыя образованныя страны до сихъ поръ еще не могли отбросить. Дѣйствительно, даже начать какую либо реформу оказывалось невозможнымъ, до тѣхъ поръ, пока европейскiй умъ не былъ, въ нѣкоторой степени, пробужденъ отъ сковывавшей его летаргiи. Постепенно двигаясь впередъ на пути знанiя, люди стали смотрѣть съ негодованiемъ на тѣ суевѣрныя понятiя, предъ которыми прежде благоговѣли. Изслѣдованiе о томъ, какимъ образомъ это негодованiе возрастало и наконецъ, въ шестнадцатомъ вѣкѣ, разразилось великимъ событiемъ, справедливо называемымъ «Реформацiею»—составляетъ одинъ изъ занимательнѣйшихъ предметовъ новѣйшей исторiи. Но, для настоящей цѣли нашей, достаточно имѣть въ виду достопамятный и важный фактъ, что въ теченiе нѣсколькихъ столѣтiй, послѣ повсемѣстнаго водворенiя въ Европѣ христiанской религiи, она не могла приносить свойственныхъ ей плодовъ, по той причинѣ, что ей пришлось дѣйствовать посреди невѣжественныхъ и потому суевѣрныхъ людей, которые, въ силу своего суевѣрiя, всячески искажали ученiе, недоступное ихъ пониманiю въ его первоначальной чистотѣ. И точно, на каждой страницѣ исторiи, встрѣчаемъ мы новыя доказатетельства того, какъ мало могутъ дѣйствовать

на людей религіозныя ученія, ежели только имъ не предшествуетъ умственное развитіе. Интересный примѣръ этого представляетъ вліяніе протестантизма, въ сравненіи съ католицизмомъ. Католическая вѣра относится къ протестантской такъ же, какъ темныя вѣка относятся къ шестнадцатому столѣтію. Въ темные вѣка, люди были легковѣрны и невѣжественны и потому произвели религію, требовавшую много вѣры и мало знанія. Въ шестнадцатомъ столѣтіи, легковѣріе и невѣжество, довольно еще значительныя, стали быстро уменьшаться и потому оказалась необходимость устроить религію на основаніяхъ, соотвѣтственныхъ измѣнившимся обстоятельствамъ— религію болѣе благопріятную для духа пытливости, менѣе обремененную чудесами, легендами и идолами, религію, въ которой церемоніи были бы не такъ часты и не такъ тягостны, которая, наконецъ, не поощряла бы безчисленнаго множества разныхъ умерщвленій плоти, бывшихъ такъ долго въ повсемѣстномъ употребленіи. Все это было совершено чрезъ водвореніе протестантизма, такого образа богопочитанія, который, соотвѣтствуя вполнѣ потребностямъ своего вѣка, имѣлъ, какъ извѣстно, большой и скорый успѣхъ. Еслибъ этому великому движенію позволено былы совершаться безъ перерывовъ, то оно, въ теченіе немногихъ поколѣній, опрокинувъ старое суевѣріе, водворило бы на его мѣстѣ болѣе простое и менѣе безпокойное вѣрованіе; при этомъ, разумѣется, быстрота переворота была бы пропорціональна умственной дѣятельности различныхъ странъ. Но, къ несчастію, европейскія правительства, всегда вмѣшивавшіяся въ дѣла, которыя вовсе до нихъ не касаются, считали своей обязанностію покровительствовать религіознымъ интересамъ народа и, дѣйствуя заодно съ католическимъ духовенствомъ, во многихъ случаяхъ, насильственно останавливали ересь, сдерживая, такимъ образомъ, естестевенное развитіе вѣка. Это вмѣшательство было почти во всѣхъ случаяхъ благонамѣренное; его должно приписывать единственно невѣденію правителей относительно надле-

жащихъ предѣловъ ихъ круга дѣятельности; но бѣдствія, причиненныя этого рода невѣденiемъ, трудно было бы преувеличить. Въ продолженiе почти ста-пятидесяти лѣтъ, Европу терзали религiозныя войны, религiозныя избiенiя, религiозныя преслѣдованiя—чего бы конечно вовсе не произошло, еслибы повсемѣстно признана была та великая истина, что государству нѣтъ дѣла до убѣжденiй гражданъ, и что оно не имѣетъ никакого права вмѣшиваться, даже въ самой ничтожной мѣрѣ, въ то, какую форму богослуженiя они пожелаютъ принять. Однако это правило, въ прежнее время, было неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, достовѣрно, что на него не обращали вниманiя; и не ранѣе какъ въ половинѣ семнадцатаго столѣтiя окончательно порѣшены были религiозныя распри и различныя нацiи укрѣпились въ своихъ господствующихъ вѣрахъ, которыя, съ тѣхъ поръ, въ сущности не подвергались измѣненiямъ. Дѣйствительно, въ теченiе уже болѣе двухсотъ лѣтъ, ни одна нацiя не воевала съ другой, по поводу религiи, и въ продолженiе этого перiода, всѣ великiя католическiя страны оставались католическими, а всѣ протестантскiя—протестантскими.

Вслѣдствiе всего замѣченнаго нами выше, во многихъ Европейскихъ странахъ, религiозное развитiе, вмѣсто того, чтобы совершаться естественнымъ порядкомъ, подчинено было насильно, посредствомъ искусственныхъ мѣръ, порядку противоестественному. Сообразно съ естественнымъ порядкомъ, самыя образованныя страны были бы протестантскими, а самыя необразованныя—католическими. Въ среднемъ выводѣ изъ всѣхъ случаевъ, оно дѣйствительно такъ и есть; этимъ многiе лица были даже введены въ странное заблужденiе: они стали приписывать все новѣйшее просвѣщенiе влiянiю протестантизма, упуская изъ виду тотъ важный фактъ, что протестантизмъ не понадобился до тѣхъ поръ, пока не началось просвѣщенiе. При обыкновенномъ ходѣ событiй, успѣхи ре-

формации конечно были бы мѣриломъ и признакомъ предшествовавшихъ ей успѣховъ просвѣщенія; но во многихъ случаяхъ, власть правительства и вліяніе церкви явились противодѣйствующими причинами, которыя и парализировали естественное развитіе религіозныхъ улучшеній. Послѣ Вестфальскаго мира, опредѣлившаго политическія отношенія Европейскихъ государствъ, любовь къ богословскимъ распрямъ до такой степени ослабѣла, что люди не признавали болѣе за нужное хлопотать о религіозныхъ переворотахъ и рисковать жизнію въ какой нибудь попыткѣ на ниспроверженіи религіи, господствующей въ государствѣ. Въ то же время правительства, не имѣя сами особеннаго пристрастія къ переворотамъ, поощряли состояніе застоя; при этомъ—что весьма естественно, и какъ мнѣ кажется, весьма благоразумно — не дѣлали большихъ измѣненій и оставляли церковныя учрежденія въ своихъ государствахъ такими, какими ихъ застали, т. е. протестантскія—протестантскими, а католическія—католическими. Отсюда произошло то обстоятельство, что въ настоящее время господствующая вѣра какой бы то ни было страны не можетъ служить пробнымъ камнемъ настоящаго состоянія цивилизаціи въ этой странѣ, такъ какъ обстоятельства, установившія ея религію, уже давно не существуютъ, а религія остается при тѣхъ же правахъ и при томъ же устройствѣ, единственно потому, что нѣкогда двинувшая ее сила, по закону инерціи, еще продолжаетъ дѣйствовать.

Все предыдущее относится только къ началу церковныхъ учрежденій въ Европѣ. Въ практическихъ же своихъ послѣдствіяхъ, учрежденія эти представляютъ явленія въ высшей степени поучительныя. Такъ, многія страны обязаны господствующею въ нихъ религіею не своему прошедшему, а вліянію отдѣльныхъ могущественныхъ личностей; вслѣдствіе чего, мы постоянно видимъ, что въ этихъ странахъ религія не произ-

водитъ тѣхъ послѣдствій, которыхъ отъ нея можно было бы ожидать и которыя, она, сообразно своимъ собственнымъ требованіямъ, должна была бы произвести. Напримѣръ, католическая религія отличается большимъ суевѣріемъ и большею нетерпимостію, нежели протестантская; но изъ этого ни мало не слѣдуетъ, чтобы націи, исповѣдующія первую, должны были быть суевѣрнѣе и отличаться большею нетерпимостію, чѣмъ націи, исповѣдующія послѣднюю. Далело нѣтъ; Французы не только такъ же свободны отъ этихъ ненавистныхъ качествъ, какъ и самые цивилизованные протестанты, но даже стоятъ, въ этомъ отношеніи, выше нѣкоторыхъ протестантскихъ народовъ, каковы, напримѣръ, Шотландцы и Шведы. О высоко образованномъ классѣ я не говорю; но говоря о духовенствѣ и о народѣ вообще, должно сознаться, что въ Шотландіи больше суевѣрія, ханжества и совершеннаго презрѣнія къ чужой религіи, нежели во Франціи. А въ Швеціи, одной изъ древнѣйшихъ протестантскихъ странъ Европы, проявляется не случайно, а постоянно, такая нетерпимость и такой духъ преслѣдованія, которыя не дѣлали бы чести и католической націи, со стороны же народа, утверждающаго, что его религія основана на началѣ свободы убѣжденій—вдвойнѣ предосудительны. Изъ всего замѣченнаго нами видно — и это легко можетъ быть доказано путемъ болѣе обширной индукціи—что когда какой нибудь народъ, вслѣдствіе спеціальныхъ или, какъ обыкновенно говорятъ, случайныхъ причинъ, исповѣдуетъ религію, которая болѣе ушла впередъ, чѣмъ онъ самъ, то религія эта не производитъ своего законнаго дѣйствія. Преимущество протестантизма передъ католицизмомъ заключается въ уменьшеніи суевѣрія и нетерпимости и въ ограниченіи власти церкви. Но опытъ Европы показываетъ намъ, что когда передовая религія введена среди отсталаго народа, то преимущества ея дѣлаются незамѣтны. Шотландцы и Шведы — къ нимъ можно присоединить и нѣкоторые швейцарскіе кантоны—менѣе образованы и потому болѣе суевѣрны, чѣмъ

Французы. Какая, послѣ этого, польза въ томъ, что они имѣютъ лучшую религію нежели Французы, что благодаря давно прошедшимъ обстоятельствамъ, они, три вѣка тому назадъ, приняли вѣру, къ которой ихъ теперь привязываетъ сила привычки и преданія. Всякій, кто путешествуя по Шотландіи, съ достаточнымъ вниманіемъ наблюдалъ понятія и убѣжденія народа, и кто заглянетъ въ шотландское богословіе, кто станетъ читать исторію шотландской церкви (kirk) и акты шотландскихъ Собраній и консисторій—увидитъ, какъ мало пользы страна эта извлекла изъ своей религіи, и какая широкая пропасть между духомъ нетерпимости, преобладающимъ въ Шотландіи, и естественными стремленіями Протестантской Реформаціи. Съ другой стороны, всякій, кто станетъ изучать Францію въ томъ же отношеніи, увидитъ рядомъ съ антилиберальною религіею, либеральныя понятія, увидитъ также, что религія, исполненная суевѣрія, исповѣдуется народомъ, въ которомъ суевѣріе—явленіе сравнительно рѣдкое.

Дѣло просто въ томъ, что Французы лучше своей религіи, а Шотландцы хуже своей. Либеральность Франціи также мало соотвѣтствуетъ католицизму, какъ ханжество Шотландіи—протестантизму, Въ этихъ, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, отличительныя черты вѣроисповѣданія пересилены отличительными чертами народнаго характера, и религія народа, въ самыхъ важныхъ отношеніяхъ, остается вовсе безъ дѣйствія, по той простой причинѣ, что она не соотвѣтствуетъ цивилизаціи страны, въ которой введена. Какъ неосновательно, послѣ этого, приписывать успѣхи цивилизаціи вліянію той или другой религіи, и какъ безразсудны, хуже чѣмъ безразсудны, старанія правительства охранять религію, которая въ томъ случаѣ, когда она соотвѣтствуетъ народному характеру, въ покровительствѣ не нуждается, въ противномъ же случаѣ—не можетъ принести никакой пользы.

Ежели читатель вникнулъ въ духъ предыдущихъ разсужденiй, то онъ едва ли потребуетъ отъ меня такого же подробнаго анализа другой изъ причинъ, нарушающихъ дѣйствiе законовъ прогресса, а именно анализа литературы. Очевидно, что все сказанное уже о религiи народовъ можетъ быть, въ значительной мѣрѣ, примѣнено и къ ихъ литературѣ. Литература, въ состоянiи здоровомъ и свободномъ отъ насилiя, есть просто рамка, въ которую вставляется знанiе, прiобрѣтенное извѣстнымъ народомъ,—форма, въ которую отливается это знанiе. Въ этомъ отношенiи, какъ и въ другихъ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ, отдѣльныя лица могутъ, конечно, идти большими шагами впередъ, могутъ подниматься на значительную высоту надъ уровнемъ своего вѣка, но когда они подымаются выше извѣстной точки, то для нихъ начинаетъ уменьшаться возможность приносить пользу своему времени, а еще выше—эта возможность вовсе уничтожается. Когда промежутокъ между мыслящими и практическими классами будетъ слишкомъ великъ, то первые не будутъ имѣть влiянiя, а вторые ничѣмъ отъ нихъ не воспользуются. Это именно и произошло въ древнемъ мiрѣ, когда разстоянiе между невѣжественнымъ идолопоклонствомъ народа и утонченными системами философовъ было рѣшительно непроходимо; и вотъ главная причина, почему Греки и Римляне не могли сохранить цивилизацiи, которою обладали въ теченiе короткаго перiода времени. Точно тотъ же процессъ совершается въ настоящее время въ Германiи, гдѣ самая цѣнная часть литературы составляетъ таинственную систему, которая, не имѣя ничего общаго съ самой нацiей, вовсе не дѣйствуетъ на ея цивилизацiю. Дѣло въ томъ, что если Европа и извлекла большую пользу изъ своей литературы, то она обязана этимъ не тому, что произвела литература, а тому, что она сохранила. Знанiе должно быть прежде прiобрѣтено, а потомъ можетъ быть записано, и книги полезны единственно какъ складочное мѣсто, гдѣ сокровища ума

хорошо сберегаются и удобно могутъ быть найдены. Литература, сама по себѣ, предметъ не важный и имѣетъ значеніе только какъ арсеналъ, въ которомъ сложено оружіе человѣческаго ума и изъ котораго оружіе это можетъ быть, въ случаѣ надобности, скоро добыто. Но жалкимъ мыслителемъ оказался бы тотъ, кто основываясь на этомъ, предложилъ бы пожертвовать цѣлію для сохраненія средствъ, кто надѣялся бы отстоять арсеналъ, сдавъ оружіе, и кто уничтожилъ бы сокровища, въ видахъ улучшенія кладовой, предназначенной для ихъ храненія.

Однако на это многіе способны. Отъ литераторовъ, въ особенности, слышимъ мы слишкомъ много рѣчей о необходимости, для литературы, покровительства и наградъ, и слишкомъ мало — о необходимости той свободы, той смѣлости мысли, безъ которыхъ самая блестящая литература ровно ничего не стоитъ. Въ самомъ дѣлѣ, существуетъ вообще наклонность, не преувеличивать пользу знанія, потому что это и невозможно, но полагать знаніе не въ томъ, въ чемъ оно дѣйствительно состоитъ. Настоящее знаніе, то знаніе, на которомъ зиждется вся цивилизація, состоитъ въ знакомствѣ съ отношеніями вещей и идей другъ къ другу и самихъ къ себѣ; другими словами — въ знакомствѣ съ физическими и умственными законами. Ежели когда либо придетъ время, что всѣ эти законы будутъ извѣстны, то кругъ человѣческихъ познаній будетъ довершенъ; а до тѣхъ поръ, достоинство литературы будетъ зависѣть отъ количества сообщаемыхъ ею свѣдѣній о законахъ уже извѣстныхъ, или матеріаловъ для дальнѣйшихъ открытій. Дѣло воспитанія — ускорять это великое движеніе и увеличивать умѣнье и способность человѣка, увеличивая сумму средствъ, которыми онъ обладаетъ. Въ этомъ отношеніи литература, какъ вспомогательное средство, чрезвычайно полезна. Но считать познаніе литературы однимъ

изъ главныхъ предметовъ воспитанія — значитъ извращать порядокъ явленій и подчинять цѣль средствамъ. Такой взглядъ дѣйствительно существуетъ, потому-то мы часто встрѣчаемъ такъ называемыхъ высокообразованныхъ людей, которые были положительнымъ образомъ останавливаемы на пути пріобрѣтенія знанія, самою дѣятельностью ихъ воспитанія. Мы часто видимъ, что такіе люди полны предразсудковъ, и что чтеніе, вмѣсто того, чтобы разсѣять эти предразсудки, еще болѣе укореняло ихъ. Литература, будучи складочнымъ мѣстомъ мыслей всего человѣчества, наполнена не одною мудростью, но также и нелѣпостями. Стало быть, польза, извлекаемая изъ литературы, будетъ зависѣть не столько отъ самой литературы, сколько отъ умѣнья, съ которымъ она будетъ изучаема, и отъ разсудительности въ выборѣ. Вотъ предварительныя условія успѣха; и ежели они не соблюдаются, то число и достоинство книгъ, имѣющихся въ той или другой странѣ, рѣшительно ничего не составляютъ. Даже на высокой степени цивилизаціи, всегда существуетъ стремленіе предпочитать тѣ отдѣлы литературы, которые потворствуютъ старымъ предразсудкамъ скорѣе, чѣмъ тѣ, которые возстаютъ противъ нихъ; когда стремленіе это очень сильно, то единственнымъ результатомъ большой учености будетъ накопленіе матеріаловъ для поддержанія старыхъ заблужденій и усиленія старыхъ предразсудковъ. Въ наше время, подобные примѣры не рѣдки; мы часто встрѣчаемъ людей, которыхъ ученость служитъ орудіемъ ихъ невѣжества, людей которые, чѣмъ больше читаютъ, тѣмъ меньше знаютъ. Бывали такія состоянія общества, въ которыхъ подобное стремленіе оказывалось до того всеобщимъ, что литература приносила больше вреда, чѣмъ пользы. Такъ напримѣръ, во весь періодъ времени съ шестаго по десятый вѣкъ, въ цѣлой Европѣ, было не болѣе трехъ или четырехъ человѣкъ, которые смѣли думать сами за себя — да и тѣ принуждены были скрывать свою мысль подъ темнымъ и мистическимъ

слогомъ. Остальная часть общества была, въ теченіе этихъ четырехъ вѣковъ, погружена въ самое унизительное невѣжество. Въ тѣ времена, люди, которые способны были читать — а такихъ было немного — ограничивались изученіемъ сочиненій, поощрявшихъ и усиливавшихъ суевѣріе, каковы разныя легенды и гомиліи. Изъ этихъ источниковъ почерпали они тѣ наглыя выдумки, изъ которыхъ преимущественно слагалось богословіе того времени. Эти жалкія повѣсти были чрезвычайно распространены и цѣнились, какъ непреложныя, важныя истины. Чѣмъ больше изучали литературу, тѣмъ больше вѣрили такимъ повѣстямъ; другими словами: чѣмъ больше было учености, тѣмъ больше и невѣжества. И я ни мало не сомнѣваюсь, что если бы въ седьмомъ и восьмомъ вѣкахъ, составляющихъ худшую часть этого періода, знаніе алфавита было на время потеряно, и люди не могли бы наслаждаться чтеніемъ любимыхъ своихъ книгъ, то послѣдующій прогрессъ Европы могъ бы быть гораздо быстрѣе, чѣмъ онъ былъ дѣйствительно; потому что, когда началось движеніе, главнымъ врагомъ его явилось легковѣріе, вскормленное литературой. Недостатка въ лучшихъ книгахъ не было, но любовь къ нимъ пропала. Была литература Греціи и Рима, сохраненная монахами, изъ которыхъ иные повременамъ въ нее заглядывали, а иные даже переписывали ея произведенія. Но къ чему могло послужить подобное чтеніе такимъ читателямъ? Они не только не способны были понять достоинство древнихъ писателей, но даже не могли чувствовать красоты ихъ слога, и пугались смѣлости ихъ изслѣдованій. При первомъ лучѣ свѣта, глаза этихъ читателей были поражены слѣпотою. Они никогда не перелистывали языческаго автора, безъ того, чтобы не придти въ ужасъ отъ опасности, которой они подвергались; ихъ постоянно преслѣдовалъ страхъ, что вотъ они заразятся языческими понятіями и вовлекутъ душу свою въ смертный грѣхъ. Вслѣдствіе такого настроенія,

они нарочно оставляли въ сторонѣ великiя образцовыя произведенiя древности и замѣняли ихъ жалкими компиляцiями, которыя портили вкусъ читателей, увеличивали ихъ легковѣрiе, усиливали ихъ заблужденiя и послужили къ продленiю невѣжества Европы; каждый отдѣльный видъ суевѣрiя облекался въ письменную, всѣмъ доступную, форму и тѣмъ упрочивалось его влiянiе и онъ получалъ возможность ослаблять разсудокъ даже въ самомъ отдаленномъ потомствѣ.

Вотъ почему свойства литературы какого нибудь народа имѣютъ гораздо меньшее значенiе, чѣмъ умственное состоянiе тѣхъ, кому приходится читать ея произведенiя. Въ вѣка, справедливо называемые темными, существовала литература, въ которой можно было найти драгоцѣнные матерiалы; но не было никого, кто бы сумѣлъ ими воспользоваться. Въ продолженiе значительнаго перiода, латинскiй языкъ былъ живымъ нарѣчiемъ и люди того времени могли бы, еслибъ хотѣли, изучать великихъ латинскихъ писателей. Но любовь къ подобнаго рода занятiямъ возможна только при состоянiи общества совершенно отличномъ отъ тогдашняго. Люди того времени, подобно людямъ всѣхъ вообще временъ, измѣряли достоинства мѣриломъ общепринятымъ въ ихъ вѣкѣ; по тогдашнимъ понятiямъ, мишура цѣнилась дороже золота; вотъ почему тогдашнiе люди бросали золото, а копили мишуру. Что происходило тогда, то происходитъ, въ меньшемъ размѣрѣ, и теперь. Всякая литература содержитъ въ себѣ кое-что истинное и много ложнаго, и дѣйствiе ея будетъ зависѣть отъ искусства, съ которымъ истина будетъ отдѣлена отъ лжи. Новыя идеи и новыя открытiя имѣютъ для будущаго такую важность, которую трудно было бы преувеличить; но до тѣхъ поръ, пока истины не сознаны и открытiя не приняты, они не имѣютъ никакого влiянiя и слѣдовательно не приносятъ никакой пользы. Никакая литература не сдѣлаетъ добра народу, не подготовленному къ воспрiятiю ея. Въ этомъ отношенiи,

оказывается полная аналогія между литературою и религіею. Ежели религія и литература какой либо страны не соотвѣтствуютъ ея потребностямъ, то обѣ окажутся безполезными, потому что литература будетъ въ пренебреженіи, а предписаніямъ религіи не станутъ повиноваться. Въ подобныхъ случаяхъ, самыя дѣльныя книги не находятъ читателей и самое чистое ученіе подвергается презрѣнію. Сочиненія предаются забвенію, вѣра искажается ересью.

Есть еще одно мнѣніе, о которомъ я упоминалъ, это именно мнѣніе, будто бы Европа главнымъ образомъ обязана своей цивилизаціей умѣнью, обнаруженному различными правительствами, и той смѣлости, съ какою болѣзни общества были облегчаемы посредствомъ законодательныхъ лекарствъ. Всякому, кто изучалъ исторію по оригинальнымъ источникамъ, мысль эта должна казаться до такой степени дикою, что весьма трудно опровергать ее съ приличною серіозностію. Дѣйствительно, изъ всѣхъ общественныхъ теорій, когда либо появлявшихся на свѣтъ, нѣтъ ни одной, которая была бы до такой степени шатка и гнила во всѣхъ своихъ частяхъ. Намъ сразу бросается въ глаза весьма простое соображеніе, что при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, правителями какой бы то ни было страны бывали жители той же страны, вскормленные ея литературой, взрощенные въ ея преданіяхъ и пропитанные ея предразсудками. Такіе люди, суть во всякомъ случаѣ, только творенія своего вѣка, но никакъ не творцы его. Принимаемыя ими мѣры суть результаты, а не причины общественнаго прогресса. Это можетъ быть подтверждено не только умозрительными доводами, но также и посредствомъ практическаго соображенія, которое всякій читающій исторію можетъ провѣрить самъ для себя. Никакое политическое улучшеніе, никакая реформа, въ сферѣ законодательной или исполнительной, ни въ одной странѣ, не были обязаны своимъ началомъ правителямъ этой страны. Первыя предложенія подобныхъ мѣръ постоянно происходили со сто-

роны смѣлыхъ и даровитыхъ мыслителей, которые замѣчаютъ злоупотребленiе, изобличаютъ его и указываютъ средство къ его устраненiю. Но еще долго послѣ этого, даже самое просвѣщенное правительство продолжаетъ поддерживать злоупобленiе, отвергая цѣлебное средство. Съ теченiемъ времени, при благопрiятныхъ обстоятельствахъ, давленiе внѣшней необходимости становится до того сильнымъ, что правительство принуждено бываетъ уступить ему; а когда реформа уже совершилась, то ожидаютъ, со стороны народа, преклоненiя передъ мудростью правителей, которые все это сдѣлали. Что политическiй прогрессъ совершается именно такимъ порядкомъ, это должно быть хорошо извѣстно каждому, кто изучалъ кодексы различныхъ странъ, въ связи съ изученiемъ успѣховъ ихъ знанiя, предшествовавшихъ измѣненiямъ въ законодательствѣ. Полныя и рѣшительныя доказательства этому будутъ представлены въ настоящемъ сочиненiи, но, въ видѣ поясненiя, я здѣсь могу указать на отмѣну законовъ о зерновомъ хлѣбѣ [a] — безъ сомнѣнiя одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ въ исторiи Англiи девятнадцатаго вѣка. Что отмѣнить законы о зерновомъ хлѣбѣ было полезно и даже необходимо — это теперь признаетъ каждый сколько нибудь свѣдущiй человѣкъ; но насъ занимаетъ только вопросъ о томъ, какимъ образомъ эта отмѣна совершилась. Тѣ изъ Англичанъ, которые мало знаютъ исторiю своей страны, скажутъ, что настоящая причина все-

---

(a) Подъ названiемъ corn-laws извѣстны въ Англiи постановленiя, ограничивавшiя, посредствомъ пошлинъ, ввозъ и вывозъ зерна и другихъ матерiаловъ, изъ которыхъ приготовляется хлѣбъ. Эти законы издаваемы были въ различныя времена, въ видахъ поощренiя англiйскаго земледѣлiя, и стѣсняли ввозъ зерноваго хлѣба; наконецъ общественное мнѣнiе до того сильно возстало противъ такого стѣсненiя, что въ 1845 — 1846 годахъ, Сэръ Робертъ Пиль внесъ въ парламентъ билли, сначала объ ограниченiи, а потомъ объ окончательной отмѣнѣ corn-laws, которые и были отмѣнены 1 февраля 1849 года.

Прим. Переводч.

му дѣлу — мудрость парламента; другіе же, пытаясь вникнуть въ дѣло нѣсколько глубже, припишутъ все дѣятельности особой лиги противъ законовъ о зерновомъ хлѣбѣ (Anti-Corn-Law-League) и произведенному ею давленію на правительство. Но тотъ, кто прослѣдитъ въ подробности постепенный ходъ этого великаго вопроса, найдетъ, что правительство, законодательство и лига были безсознательно орудіями той власти, которая сильнѣе всѣхъ другихъ властей соединенныхъ вмѣстѣ. Они были только органами, посредствомъ которыхъ выражалось развитіе общественнаго мнѣнія по этому предмету, начавшееся почти столѣтіемъ раньше. Весь ходъ этого обширнаго движенія я еще буду имѣть случай разсмотрѣть; теперь же достаточно сказать, что вскорѣ послѣ половины восемнадцатаго вѣка, нелѣпость покровительственныхъ стѣсненій въ отношеніи торговли была вполнѣ доказана политико-экономистами, такъ что въ ней долженъ былъ убѣдиться каждый, кто понялъ ихъ доводы и вникнулъ въ смыслъ фактовъ, находящихся съ ними въ связи. Съ этого времени, отмѣна законовъ о зерновомъ хлѣбѣ стала не дѣломъ партіи или цѣлесообразности, а просто дѣломъ знанія. Люди, знавшіе факты, были противъ законовъ, а не знавшіе стояли за нихъ. Очевидно было, что при распространеніи знанія до извѣстнаго предѣла, законы не могли устоять. Лига содѣйствовала этому распространенію, парламентъ уступилъ ему— вотъ въ чемъ заключалась ихъ заслуга. Но то достовѣрно, что и члены лиги, и члены законодательныхъ палатъ могли не болѣе какъ только ускорить слегка событіе, которое успѣхи знанія дѣлали неизбѣжнымъ. Еслибъ эти люди жили столѣтіемъ раньше, то они не имѣли бы ни малѣйшаго успѣха, потому что вѣкъ былъ бы не довольно зрѣлъ для ихъ дѣятельности. Они были созданіями того движенія, которое началось задолго до ихъ рожденія; и все, что они могли сдѣлать, это привести въ дѣйствіе то, чему учили другіе, и повторить болѣе громкимъ голосомъ уроки, слышанные ими отъ

своихъ учителей. Потому что ни другіе, ни даже они сами не считали чѣмъ нибудь новымъ тѣ истины, которыя они проповѣдывали съ трибуны и распространяли во всѣхъ частяхъ королевства. Ученіе это создано было гораздо ранѣе, и постепенно дѣлало свое дѣло, отнимая почву у старыхъ заблужденій и пріобрѣтая себѣ единомышленниковъ во всѣхъ направленіяхъ. Преобразователи нашего времени плыли по теченію; они содѣйствовали тому, чему невозможно было бы долго сопротивляться. И это нельзя считать слишкомъ малой или скупой похвалою услугамъ, несомнѣнно оказаннымъ этими людьми. Оппозиція, съ которой имъ пришлось бороться, всетаки была чрезвычайно сильна; то упорное сопротивленіе, которое встрѣчали, до послѣдней минуты, начала свободной торговли, опиравшіяся въ теченіе почти ста лѣтъ на доводы столь же твердые, какъ доказательства, лежащія въ основаніи математическихъ истинъ,—должно надолго остаться въ памяти людей, какъ убѣдительный примѣръ отсталости, свойственной политическому знанію, и неспособности политическихъ законодателей быть судьями въ подобныхъ вопросахъ; огромнаго стоило труда склонить парламентъ къ дарованію того, что народъ рѣшился непремѣнно получить—къ принятію мѣры, необходимость которой доказывали самые способные люди, въ теченіе трехъ послѣдовательныхъ поколѣній.

Я выбралъ этотъ случай, какъ пояснительный примѣръ, потому что относащіеся до него факты не подлежатъ спору и конечно свѣжи въ памяти каждаго изъ насъ. Дѣйствительно, не было тайной въ то время, и не должно быть тайной для потомства, то обстоятельство, что эта великая мѣра, которая, за исключеніемъ Билля о Реформѣ (Reform Bill), несравненно важнѣе всѣхъ законодательныхъ актовъ, когда либо изданныхъ британскимъ парламентомъ, — была, подобно Биллю о Реформѣ, исторгнута у законодательной власти силою давленія извнѣ; что уступка эта сдѣлана не охотно, а съ опасеніемъ, и что билль объ отмѣнѣ Corn Laws проведенъ былъ тѣ-

ми государственными людьми, которые, посвятивъ всю свою жизнь борьбѣ противъ его началъ, внезапно сдѣлались ихъ защитниками. Такова исторія этихъ событій; такова, тоже, исторія всѣхъ улучшеній, которыя, по важности своей, должны считаться эпохами въ исторіи новѣйшаго законодательства.

Кромѣ того, есть еще одно обстоятельство, достойное вниманія писателей, которые приписываютъ значительную долю европейской цивилизаціи вліянію мѣръ, принятыхъ европейскими правительствами, именно то обстоятельство, что каждая великая реформа, которая была совершена, состояла не въ созданіи чего либо новаго, а въ отмѣнѣ чего нибудь стараго. Самыми цѣнными пріобрѣтеніями законодательства были мѣры, уничтожавшія какіе нибудь прежніе законы; а въ числѣ законовъ, которые были вновь издаваемы, наилучшими всегда оказывались законы объ отмѣнѣ прежде изданныхъ постановленій. Въ случаѣ, только что нами приведенномъ, относительно законовъ о зерновомъ хлѣбѣ, все дѣло состояло въ отмѣнѣ старыхъ законовъ и въ предоставленіи торговлѣ ея естественной свободы. Когда великая реформа эта совершилась, то единственнымъ результатомъ ея было водвореніе того же порядка вещей, который имѣлъ бы мѣсто, еслибъ вовсе не было вмѣшательства со стороны правительства. Точно то же замѣчаніе можетъ быть примѣнено къ другому важному улучшенію въ новѣйшемъ законодательствѣ—именно къ уменьшенію религіозныхъ преслѣдованій. Уменьшеніе это составляетъ, безспорно, огромное благо—хотя къ несчастію, въ этомъ отношеніи, даже самыя цивилизованныя страны еще далеки отъ совершенства. Но тутъ очевидно вся уступка заключается только въ томъ, что законодатели воротились на пройденный ими путь и раздѣлали то, что сами же сдѣлали. Разсматривая образъ дѣйствія самыхъ человѣчныхъ и просвѣщенныхъ правительствъ, мы увидимъ, что они шли именно этимъ путемъ. Стремленія новѣйшаго законодательства ограничиваются тѣмъ, что

возвращаютъ дѣла въ ту колею, изъ которой ихъ вытѣснило предшествовавшее законодательство. Вотъ одна изъ великихъ задачъ настоящаго вѣка, и ежели законодатели хорошо выполнятъ ее, то заслужатъ благодарность человѣчества. Но законодатели, какъ цѣлый классъ, не имѣютъ никакихъ правъ на благодарность, хотя мы и можемъ быть благодарны отдѣльнымъ законодателямъ. Ежели самыя важныя улучшенiя законодательства состоятъ въ отмѣнѣ прежнихъ законовъ, то ясно, что перевѣсъ добра не можетъ быть на сторонѣ законодателей. Очевидно, нельзя приписывать успѣхи цивилизацiи тѣмъ людямъ, которые, въ самыхъ важныхъ вопросахъ, надѣлали столько зла, что законодатели слѣдующихъ поколѣнiй считаются благодѣтелями человѣчества, ежели только разрушаютъ дѣло предшественниковъ и снова приводятъ вещи въ то положенiе, въ которомъ бы онѣ оставались, когда бы политическiе дѣятели не мѣшали теченiю дѣлъ, соотвѣтствующему потребностямъ общества.

Дѣйствительно, вмѣшательство правительствующихъ классовъ было такъ велико, и бѣдствiя, причиненныя этимъ вмѣшательствомъ, такъ значительны, что здравомыслящiе люди удивляются, какъ могла цивилизацiя подвигаться впередъ, при такомъ постоянномъ умноженiи препятствiй. Въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ, препятствiя оказались, въ самомъ дѣлѣ, непреодолимыми и положительно остановили нацiональный прогрессъ. Даже въ Англiи, гдѣ, по причинамъ, которыя будутъ мною вскорѣ изложены, высшiе классы были въ теченiе нѣсколькихъ вѣковъ, менѣе могущественны, чѣмъ гдѣ либо,—даже въ Англiи сумма зла, причиненнаго ими, хотя и меньшая чѣмъ въ другихъ странахъ, была всетаки довольно значительна, чтобы составить предметъ грустной главы въ исторiи человѣчества. Перечесть всѣ бѣдствiя Англiи — значило бы написать исторiю англiйскаго законодательства; вообще можно

доказать, что, за исключеніемъ извѣстныхъ необходимыхъ законовъ, относительно охраненія порядка и наказанія за преступленія, почти все, что было сдѣлано, представляетъ собою рядъ промаховъ. Такъ, ежели взять для примѣра, только самые очевидные факты, не подлежащіе спору, то положительнымъ образомъ оказывается, что всѣ самые важные интересы человѣчества жестоко пострадали отъ попытокъ законодателей оказать имъ пособіе. Между принадлежностями новѣйшей цивилизаціи, нѣтъ предмета важнѣе торговли: ея развитіе способствовало къ увеличенію благосостоянія и счастія человѣка конечно въ большей мѣрѣ, чѣмъ всякій другой отдѣльный дѣятель. Между тѣмъ, каждое европейское правительство, издававшее много законовъ относительно торговли, дѣйствовало совершенно такъ, какъ будто бы имѣло прямой цѣлью подавить торговлю и раззорить торговцевъ. Вмѣсто того, чтобы предоставить національную промышленность естественному ея развитію, ее тревожили безконечнымъ рядомъ постановленій; всѣ эти постановленія имѣли въ виду пользу промышленности и всѣ жестоко ей вредили. Этотъ образъ дѣйствія привелъ къ тому, что всѣ коммерческія преобразованія, которыми Англія отличалась въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, состояли единственно въ отмѣнѣ актовъ этого зловреднаго, навязчиваго законодательства. Изданные въ прежнее время законы по предмету торговли, изъ которыхъ еще слишкомъ многіе остаются въ своей силѣ, представляютъ собою зрѣлище достойное удивленія. Можно безъ преувеличенія сказать, что исторія торговаго законодательства Европы содержитъ въ себѣ всевозможныя ухищренія къ подавленію торговли. И дѣйствительно, писатель съ большимъ авторитетомъ недавно объявилъ, что еслибъ не контрабанда, то торговля не могла бы существовать и неминуемо должна была бы погибнуть вслѣдствіе этого безпрестаннаго вмѣшательства. Какъ бы ни могло казаться парадоксальнымъ подобное мнѣніе, его не станетъ оспаривать никто изъ тѣхъ, кому извѣстно, до какой степени тор-

говля была нѣкогда слаба и какъ сильны были препятствія, которыя стояли на пути ея. Во всѣхъ отрасляхъ ея и во всякое время чувствовалась рука правительства. Пошлины на ввозъ и пошлины на вывозъ; привилегіи, чтобы поднять убыточную торговлю, и налоги, чтобы подавить прибыльную; запрещеніе одной отрасли промышленности, и поощреніе другой; такой-то предметъ торговли не должно было производить въ метрополіи, потому что производили колоніи — другой можно было производить и покупать, но не перепродавать, между тѣмъ какъ третій можно было продавать и покупать, но не отпускать за границу. Далѣе, опять, мы находимъ законы, опредѣляющіе задѣльную плату, законы опрдѣляющіе цѣны, законы опрдѣляющіе барыши, законы опредѣляющіе проценты на деньги; таможенные порядки самаго стѣснительнаго свойства, съ присоединеніемъ еще той запутанной системы, которая мѣтко названа скользкой лѣстницей (sliding-scale) (а),—система эта до того коварно и хитро придумана, что пошлины на одинъ и тотъ же предметъ постоянно мѣнялись и никто на свѣтѣ не могъ разсчитать впередъ, сколько ему придется заплатить. Къ этой неопредѣленности, которая сама по себѣ уже смертельный ядъ для торговли, присоединялась тягость пошлинъ, отзывавшаяся на всѣхъ классахъ производителей и потребителей. Пошлины были до того велики, что удваивали, а часто и учетверяли стоимость произведеній. Была организована и строго поддерживаема цѣлая система вмѣшательства въ дѣла рынковъ, мануфактуръ, заводовъ и даже лавокъ. Акцизные стражи стерегли города, гавани покрыты были роемъ таможенныхъ чиновниковъ — един-

---

(а) Такъ называемая въ Англіи таблица, служившая къ вычисленію пошлины на всѣ предметы, пропорціонально повышенію или пониженію цѣнъ на зерновой хлѣбъ.

Примѣч. Переводч.

ственное занятіе тѣхъ и другихъ состояло въ надзорѣ почти за всѣми отправленіями домашней промышленности, въ заглядываніи во всѣ тюки и во взиманіи пошлинъ со всевозможныхъ товаровъ; а въ довершеніе нелѣпости, большая часть всего этого творилась въ видахъ покровительства, т. е. при этомъ давали разумѣть, что деньги взыскиваются и народъ подвергается стѣсненію не ради нуждъ правительства, а ради пользы подданныхъ; другими словами, грабили промышленниковъ для поощренія промышленности.

Таковы нѣкоторыя изъ благодѣяній, оказанныхъ европейской торговлѣ отеческою заботливостью европейскихъ законодателей. Но это еще далеко не весь вредъ. Какъ ни велико экономическое зло, порожденное этой системой, зло нравственное было еще больше. Первымъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ея было происхожденіе многочисленныхъ и сильныхъ шаекъ вооруженныхъ контрабандистовъ, которые жили нарушеніемъ законовъ, предписанныхъ невѣжественными правителями ихъ отечества. Контрабандисты, люди отчаянные вслѣдствіе постояннаго страха наказанія, и привычные къ совершенію всякаго рода преступленій, заразили пограничное народонаселеніе, внесли въ мирныя села пороки, дотолѣ неизвѣстные, причиняли раззореніе цѣлыхъ семействъ, распространяли вездѣ, гдѣ появлялись, пьянство, воровство и развратъ и прививали всѣмъ, съ кѣмъ сближались, тѣ грубыя и грязныя привычки, которыя естественно рождаются среди бродяжнической и беззаконной жизни. Происшедшія оттого безчисленныя преступленія должны прямо пасть на отвѣтственность европейскихъ правительствъ, которыя ихъ вызывали. Причина преступленій заключалась въ законахъ; и теперь, когда эти законы отмѣнены, преступленія исчезли. Но едва ли кто станетъ утверждать, что интересы цивилизаціи подвинулись впередъ вслѣдствіе подобной политики. Едва ли кто станетъ утвер-

ждать, что мы многимъ обязаны этой системѣ, которая, породивъ новый классъ преступниковъ, наконецъ возвращается къ старымъ порядкамъ и этимъ конечно пресѣкаетъ пре-преступленія, но въ сущности не болѣе какъ уничтожаетъ то зло, которое сама же сдѣлала.

Нѣтъ надобности говорить, что эти замѣчанія нисколько не касаются тѣхъ дѣйствительныхъ услугъ, которыя всякое сносно-организованное правительство оказывало обществу. Въ каждой странѣ долженъ кто нибудь имѣть власть карать преступленія и постановлять законы — иначе нація будетъ въ состояніи анархіи. Но обвиненіе, которое историкъ не можетъ не предъявить противъ каждаго изъ существовавшихъ до сихъ поръ правительствъ, состоитъ въ томъ, что каждое изъ нихъ переходило за предѣлы свойственныхъ ему отправленій и этимъ, на всякомъ шагу, причиняло неизмѣримое зло. Любовь къ отправленію власти оказалась до того всеобщею, что никто изъ людей, какого бы то ни было класса, имѣя въ рукахъ своихъ власть, не воздерживался отъ употребленія ея во зло. Поддерживать порядокъ, предохранить слабаго отъ притѣсненій со стороны сильнаго и принять извѣстныя мѣры предосторожности относительно общественнаго здоровья— вотъ единственныя услуги, которыя можетъ оказать какое бы то ни было правительство интересамъ цивилизаціи. Что эти услуги имѣютъ огромное значеніе—никто не станетъ отрицать; но нельзя сказать, что ими двигается впередъ цивилизація или ускоряется прогрессъ человѣчества. Услуги эти приготовляютъ почву для прогресса, но не болѣе; самый же прогрессъ долженъ зависѣть отъ другихъ условій. Основательность такого именно взгляда на законодательство очевидно доказывается еще и тѣмъ фактомъ, что по мѣрѣ распространенія знанія и по мѣрѣ того, какъ съ пріобрѣтеніемъ опытности, каждое послѣдующее поколѣніе становится способнѣе понимать сложныя отношенія жизни, — люди болѣе и болѣе настойчиво требу-

ютъ отмѣны тѣхъ покровительственныхъ законовъ, которыхъ изданіе политическіе дѣятели считали величайшимъ торжествомъ политическаго предвидѣнія.

И такъ, ежели заботы правительства о пользахъ цивилизаціи, при полномъ успѣхѣ—имѣютъ характеръ чисто отрицательный, переходя же въ направленіе положительное, становятся вредными, то ясно, что всѣ сужденія, приписывающія прогрессъ Европы мудрости ея правителей, должны быть ошибочны. Это заключеніе опирается не только на приведенныхъ уже нами доводахъ, но и на множествѣ фактовъ, которые могутъ быть указаны на каждой страницѣ исторіи. Такъ какъ ни одно правительство не признавало надлежащихъ предѣловъ своей власти, то въ результатѣ оказывается, что каждое правительство причинило своимъ подданнымъ много вреда, при чемъ почти всегда руководствовалось самыми лучшими намѣреніями. Послѣдствія покровительственной политики, выразившіяся въ стѣсненіи торговли и, что гораздо хуже, въ размноженіи преступленій, только что были нами очерчены; а къ этимъ примѣрамъ можно прибавить безчисленное множество другихъ. Такъ, въ теченіе многихъ столѣтій, каждое правительство считало своей непремѣнной обязанностью покровительствовать религіозной истинѣ и преслѣдовать религіозное заблужденіе. Это причинило бездну зла. Оставляя въ сторонѣ всѣ другія соображенія, достаточно будетъ упомянуть два главныя послѣдствія такого взгляда — именно развитіе лицемѣрія и клятвопреступленій. Тамъ, гдѣ исповѣданіе особыхъ убѣжденій сопряжено съ опасностью какого бы то ни было наказанія, — непремѣнно происходитъ увеличеніе лицемѣрія. Какіе бы ни представлялись примѣры отдѣльныхъ лицъ, но то достовѣрно, что для большинства людей чрезвычайно трудно долго противостоять постояннымъ искушеніямъ. А когда искушеніе представляется людямъ въ видѣ почести или денежнаго вознагражденія, то они слиш-

шкомъ часто бываютъ готовы исповѣдывать господствующія убѣжденія и отказываться, конечно не отъ своего вѣрованія, но отъ наружныхъ признаковъ, посредствомъ которыхъ вѣрованіе это публично высказывается. Каждый человѣкъ, дѣлающій такой шагъ — лицемѣръ, и каждое правительство, поощряющее подобные поступки — потворствуетъ лицемѣрію и создаетъ лицемѣровъ. И такъ можно смѣло сказать, что когда какое либо правительство объявляетъ, въ видѣ приманки, что лица, исповѣдующія извѣстныя вѣрованія, будутъ пользоваться извѣстными преимуществами, то оно поступаетъ, какъ поступилъ нѣкогда искуситель и, подобно злому духу, гнуснымъ образомъ, предлагаетъ блага міра сего тому, кто захочетъ перемѣнить свое поклоненіе и отрѣчься отъ своей вѣры. Въ то же время, какъ необходимая принадлежность той же системы, увеличеніе клятвопреступленія шло рядомъ съ увеличеніемъ лицемѣрія. Законодатели, ясно видя, что невозможно положиться на такихъ новообращенныхъ, придумали для предупрежденія опасности, необыкновенныя мѣры предосторожности; они заставляли людей подтверждать свою вѣру многократными клятвами и тѣмъ думали защитить старую вѣру противъ новообращенныхъ. И вотъ это недовѣріе къ побужденіямъ ближняго породило клятвы всевозможныхъ видовъ и направленій. Въ Англіи, даже мальчика въ школѣ заставляютъ присягать въ такихъ предметахъ, которыхъ онъ не въ состояніи понимать, предметахъ, съ которыми не могутъ совладать и болѣе зрѣлые умы. Если этотъ мальчикъ впослѣдствіи вступаетъ въ Парламентъ, то онъ опять долженъ клясться въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ и почти на каждой ступени политической жизни долженъ принимать новую присягу; такъ, нерѣдко, торжественность присяги представляетъ страшный контрастъ съ пошлыми обязанностями, къ которымъ она служитъ вступленіемъ. Вслѣдствіе торжественнаго призыванія Божества въ свидѣтели на каждомъ шагу, произошло то, чего и должно

было ожидать: присяги, предписываемыя по заведенному порядку, превратились наконецъ въ простую формальность. Что легко принимается, то легко и нарушается. Лучшіе наблюдатели англійскаго общества — а въ числѣ ихъ были люди разныхъ характеровъ и нерѣдко противоположныхъ убѣжденій — всѣ единогласно свидѣтельствуютъ, что въ Англіи клятвопреступленіе, котораго непосредственный виновникъ само правительство, есть зло до такой степени общее, что оно сдѣлалось источникомъ національной испорченности, уменьшило цѣнность человѣческаго свидѣтельства и поколебало свойственное человѣку довѣріе къ слову ближняго.

Открытые пороки и, что еще опаснѣе, тайная порча, порожденные, такимъ образомъ, въ обществѣ, невѣжественнымъ вмѣшательствомъ христіанскихъ правителей, — конечно грустныя явленія, но я не могу умолчать о нихъ, разбирая причины цивилизаціи. Легко было бы зайти далѣе въ этомъ изслѣдованіи и показать, какимъ образомъ законодатели, во всѣхъ своихъ попыткахъ оказать покровительство какимъ нибудь особеннымъ интересамъ и поддержать какіе либо особенныя начала, не только не имѣли успѣха, но даже приходили къ результатамъ прямо противоположнымъ ихъ цѣлямъ. Мы видѣли, что ихъ законы, направленные въ пользу промышленности, послужили ей во вредъ; что ихъ законы въ пользу религіи увеличили лицемѣріе, и наконецъ законы, изданные ими ради огражденія истины, поощрили клятвопреступленіе. Точно такимъ же порядкомъ, почти въ каждой странѣ, были принимаемы мѣры къ предупрежденію лихвы и пониженію процентовъ на деньги, и вездѣ оказывался одинъ и тотъ же результатъ, — увеличеніе лихвы и возвышеніе процентовъ на деньги. Никакое запрещеніе, при всевозможной строгости, не въ силахъ уничтожить естественное отношеніе между спросомъ и предложеніемъ, и вслѣдствіе этого, когда однимъ нужно занять, другимъ от-

дать деньги въ долгъ, то обѣ стороны непремѣнно находятъ средства избѣгнуть закона, который мѣшаетъ имъ пользоваться каждому своимъ правомъ. Еслибъ обѣимъ сторонамъ предоставлено было на свободѣ рѣшить условiя ихъ сдѣлки, то количество процентовъ зависѣло бы отъ обстоятельствъ займа, каковы: степень обезпеченности и вѣроятiе уплаты. Но правительственное вмѣшательство усложнило этотъ естественный процессъ. Такъ какъ ослушники закона вседа подвергаются извѣстному риску, то ростовщикъ, весьма основательно, не даетъ денегъ въ долгъ, пока не выговоритъ себѣ вознагражденiя за страхъ грозящаго ему наказанiя. Это вознагражденiе можетъ дать только заемщикъ; такимъ образомъ, на дѣлѣ оказывается, что заемщикъ принужденъ платить собственно двойные проценты: одни за рискъ, естественно сопряженный для заимодавца съ каждой отдачей денегъ въ долгъ, а другiе за добавочный рискъ, зависящiй отъ закона. И вотъ въ какое положенiе поставило себя каждое европейское законодательство. Своими мѣрами противъ лихвы оно увеличило зло, которое имѣло въ виду уничтожить; оно постановило законы, къ нарушенiю которыхъ принуждаютъ людей самыя настоятельныя человѣческiя потребности; и при этомъ въ окончательномъ выводѣ оказывается, что наказанiе за подобное нарушенiе падаетъ на тотъ самый классъ, ради пользы котораго произошло вмѣшательство законодателей.

Въ этомъ же духѣ вмѣшательства, и подъ влiянiемъ тѣхъ же ложныхъ понятiй о покровительствѣ, великiя христiанскiя правительства принимали и другiя, еще болѣе вредныя, мѣры; они съ напряженною дѣятельностiю, постоянно возобновляли попытки къ уничтоженiю свободы печати и отнятiю у людей всякой возможности выражать свои мысли о самыхъ важныхъ политическихъ и религiозныхъ вопросахъ. Почти во всѣхъ странахъ, правительства, съ помощiю церкви, учреждали обширную литературную полицiю, которой единственное назначенiе—

уничтожать несомнѣнное право каждаго гражданина излагать свои убѣжденія передъ согражданами. Въ весьма немногихъ странахъ, гдѣ правительства остановились передъ этими крайностями, они не преминули обратиться къ другимъ средствамъ, менѣе насильственнымъ, но столь же предосудительнымъ. Тамъ, гдѣ не было прямо запрещено свободное распространеніе знаній, приняты были всевозможныя мѣры къ его замедленію. На всѣ учебныя пособія, на всѣ орудія распространенія знанія, какъ то: бумагу, книги, политическіе журналы и т. п. правительства налагали до того тягостную пошлину, что, еслибъ они были даже присяжными защитниками народнаго невѣжества, то и тогда едва ли придумали бы что нибудь хуже. Въ самомъ дѣлѣ, смотря на такія распоряженія правительствъ можно истинно сказать, что они обложили данью человѣческій умъ — самую мысль заставили платить пошлину. Всякій, кто пожелаетъ сообщить свои мысли другимъ, съ цѣлію по возможности увеличить запасъ человѣческихъ познаній, долженъ предварительно выплатить извѣстную дань государственному казначейству. Это штрафъ за то, что человѣкъ учитъ своихъ ближнихъ. Это выкупъ, который правительство насильно беретъ съ литературы, послѣ чего оно уже съ нею примиряется и воздерживается отъ дальнѣйшихъ требованій. Но что всего невыносимѣе, это употребленіе, на которое идутъ эти и другіе, подобные имъ поборы, выжимаемые изъ всякой отрасли труда, какъ матеріальнаго такъ и умственнаго. Дѣйствительно, есть отъ чего придти въ ужасъ, когда сообразишь, ради чего происходитъ и стѣсненіе знанія, и уменьшеніе прибыли, получаемой отъ честнаго труда, терпѣливаго мышленія и нерѣдко глубокаго генія; страшно подумать, что большая часть ихъ скудной жатвы идетъ на увеличеніе роскоши празднаго и невѣжественнаго слоя общества, на удовлетвореніе прихоти немногихъ могущественныхъ личностей, которыя слишкомъ часто имѣютъ возможность обращать противъ народа средства, добытыя его же трудомъ.

Какъ эти, такъ и предыдущiя замѣчанiя, относительно дѣйствiя, произведеннаго политическимъ законодательствомъ на европейское общество, далеко не сомнительные выводы, основанные на предположенiяхъ, а такiя истины, которыя каждый, кто читаетъ исторiю, можетъ самъ провѣрить. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ мною законодательныхъ мѣръ еще и теперь имѣютъ силу въ Англiи; и всѣ онѣ могутъ быть наблюдаемы, въ полномъ ихъ дѣйствiи, не въ той, такъ въ другой странѣ. Совокупность этихъ мѣръ представляетъ собою явленiе до-того грозное, что мы, по справедливости можемъ удивляться, какъ, въ виду всего этого, цивилизацiя могла двигаться впередъ. Что она, при такихъ обстоятельствахъ, дѣйствительно подвигалась, это доказываетъ энергiю человѣка и оправдываетъ существованiе твердой вѣры въ то, что по мѣрѣ уменьшенiя давленiя законодательства и освобожденiя человѣческаго ума отъ законодательныхъ оковъ, прогрессъ будетъ совершаться съ увеличивающеюся скоростью. Но приписывать законодательству какую бы то ни было долю прогресса—нелѣпость, насмѣшка надъ здравымъ смысломъ; неразумно также ожидать отъ будущихъ законодателей другихъ благодѣянiй, кромѣ того, которое будетъ состоять въ уничтоженiи работы ихъ предшественниковъ. Вотъ чего проситъ у законодателей настоящее поколѣнiе; а чего одно поколѣнiе проситъ, какъ дара, того другое требуетъ какъ права—это слѣдуетъ помнить. Когда же въ правѣ упрямо отказывали, то въ такомъ случаѣ происходило всегда одно изъ двухъ: или нацiя шла назадъ, или же возставала. Вотъ дилемма въ которую упрямое правительство ставитъ подданныхъ. Если они покорятся, то повредятъ своему отечеству, если возстанутъ — могутъ повредитъ ему еще болѣе. Въ древнихъ монархiяхъ востока, народъ обыкновенно выбиралъ систему покорности; въ монархiяхъ европейскихъ—систему сопротивленiя. Отсюда рядъ возстанiй и возмущенiй, занимающiй такое обширное мѣсто въ новѣйшей исторiи, и представляющiй собою повторенiе все той же повѣсти о вѣч-

ной борьбѣ между притѣснителями и притѣсненными. Однако, несправедливо было бы отрицать, что въ одной странѣ, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, успѣшно предотвращали роковой кризисъ. Въ одной европейской странѣ, и только въ одной, народъ былъ такъ силенъ, а правительство было такъ слабо, что исторія ея законодательства, въ сложности, представляетъ собою, не смотря на нѣкоторыя уклоненія, исторію медленно, но постоянно совершавшихся уступокъ; реформы, въ которыхъ бы отказали логическимъ доводамъ, даны были по страху; и въ тоже время, вслѣдствіе постояннаго усиленія демократическихъ идей, покровительственныя мѣры и привилегіи, были одна за другой (нѣкоторыя на нашей памяти), совершенно искоренены; дошло наконецъ до того, что старыя постановленія, сохраняя прежнее свое имя, потеряли свою прежнюю силу; и нѣтъ болѣе сомнѣнія на счетъ ихъ будущей окончательной судьбы. Едва ли нужно присовокуплять, что въ этой самой націи, гдѣ болѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ Европы, законодатели являются представителями и послушниками народной воли, прогрессъ, по этому самому, совершался съ большею чѣмъ гдѣ либо правильностію; не было ни анархіи ни революціи; и свѣтъ имѣлъ случай коротко ознакомиться съ великой истиной, что главное условіе благосостоянія народа заключается просто въ слѣдующемъ: чтобы правители страны пользовались своею властію весьма бережливо и ни въ какомъ случаѣ не имѣли бы притязанія на степень верховныхъ судей въ итересахъ народа, а также не считали бы себя въ правѣ идти наперекоръ желаніямъ тѣхъ, ради блага которыхъ они занимаютъ ввѣренное имъ мѣсто.

ГЛАВА VI.

Начало исторіи и состояніе исторической литературы въ средніе вѣка.

И такъ, я представилъ читателямъ разборъ тѣхъ, наболѣе замѣтныхъ, обстоятельствъ, которымъ обыкновенно приписываютъ успѣхи цивилизаціи, и доказалъ, что обстоятельства эти далеко не составляютъ причины цивилизаціи, а могутъ быть признаны развѣ только ея послѣдствіями; доказалъ, что хотя религія, литература и законодательство и имѣютъ, безъ сомнѣнія, вліяніе на состояніе человѣчества, но сами еще болѣе подчиняются вліянію этого послѣдняго. И въ самомъ дѣлѣ, какъ мы ясно видѣли, религія, литература и законодательство, даже при самомъ благопріятномъ положеніи ихъ, могутъ быть только второстепенными дѣятелями; какъ бы ни было благодѣтельно ихъ кажущееся вліяніе, они сами все-таки составляютъ продуктъ предшествовавшихъ перемѣнъ, и тѣ результаты, къ которымъ они приводятъ, бываютъ различны, смотря по обществу, на которое они дѣйствуютъ.

Такимъ образомъ, съ каждымъ послѣдовательнымъ анализомъ, кругъ настоящаго изслѣдованія нашего все становился тѣснѣе, пока намъ не представился наконецъ основательный поводъ заключить, что европейская цивилизація обязана сво-

имъ развитіемъ однимъ успѣхамъ знанія, и что успѣхи знанія зависятъ отъ числа истинъ, открываемыхъ человѣческимъ умомъ и отъ степени распространенія этихъ истинъ. Въ подкрѣпленіе этому предложенію, я до сихъ поръ представлялъ только такіе общіе доводы, которые дѣлаютъ его въ сильнѣйшей степени правдоподобнымъ; но, для возведенія этого правдоподобія въ полную достовѣрность, необходимо будетъ прибѣгнуть къ исторіи, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Подкрѣпить умозрительные выводы полнымъ перечисленіемъ самыхъ важныхъ частныхъ фактовъ — вотъ задача, которую я намѣренъ выполнить, на сколько позволятъ мои силы. Въ предыдущей главѣ, я вкратцѣ изложилъ методъ, котораго я буду придерживаться въ моихъ изслѣдованіяхъ. Кромѣ того, мнѣ показалось, что выведенныя мною начала можно провѣрить еще однимъ способомъ, о которомъ я до сихъ поръ не упоминалъ, но который имѣетъ тѣсную связь съ занимающимъ насъ предметомъ, а именно: соединить съ изслѣдованіемъ успѣховъ исторіи человѣка такое же изслѣдованіе самой науки исторіи. Это прольетъ свѣтъ на движеніе общества, такъ какъ всегда должна быть связь между образомъ воззрѣнія людей на прошедшее и образомъ воззрѣнія ихъ на настоящее—оба воззрѣнія, на дѣлѣ, оказываются не болѣе какъ различными формами одного и того же склада мыслей и потому, въ каждомъ вѣкѣ, между ними бываетъ замѣтно нѣкоторое сочувствіе, нѣкоторое согласіе. Подобнаго рода изслѣдованіе того, что̀ я называю исторіею исторіи, приведетъ также въ достовѣрную извѣстность два крупные факта, имѣющіе большую важность. Первый фактъ — что въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій, историки вообще обнаруживали все большее и большее уваженіе къ человѣческому уму и отвращеніе къ тѣмъ безчисленнымъ ухищреніямъ, которыя прежде совершенно оковывали его. Второй фактъ — что въ теченіе того же періода времени, тѣ же историки проявляли все бо̀льшую и бо̀льшую склонность пренебрегать предметами,

нѣкогда почитавшимися за особенно важные, и охотнѣе обращали вниманіе на предметы, имѣющіе связь съ состояніемъ народа и съ распространеніемъ знанія. Оба эти факта будутъ положительнымъ образомъ доказаны въ настоящемъ введеніи; и нельзя не согласиться, что существованіе ихъ служитъ подтвержденіемъ выведенныхъ мною началъ. Если можно доказать, что съ усовершенствованіемъ общества, историческая литература постоянно направлялась въ одну опредѣленную сторону, то это весьма сильно говоритъ въ пользу вѣрности тѣхъ воззрѣній, къ которымъ она явно приближается. Именно этого рода вѣроятность и дѣлаетъ особенно важнымъ, для изучающаго какую нибудь отдѣльную науку, знакомство съ ея исторіею; ибо всегда можно смѣло предположить, что когда знаніе вообще подвигается впередъ, то и каждая отрасль его, если только ей посвятили себя люди способные, тоже подвигается впередъ, хотя бы даже результаты были такъ малы, что казались бы не заслуживающими вниманія. Вотъ почему особенно полезно слѣдить за тѣмъ, какъ, съ теченіемъ времени, измѣнялась точка зрѣнія историковъ. Мы найдемъ, что измѣненія эти всегда, наконецъ, оказывались клонящимися въ одну сторону; что они составляютъ въ сущности только часть того великаго движенія, посредствомъ котораго человѣческій умъ, преодолѣвая безконечныя трудности, возстановлялъ свои права, и мало по малу освобождался отъ застарѣлыхъ предразсудковъ, долгое время останавливавшихъ его дѣятельность.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, мнѣ кажется полезнымъ, разсматривая различныя цивилизаціи, между которыми подѣлены главнѣйшія страны Европы, показывать также, какимъ образомъ писалась вообще исторія въ каждой изъ этихъ странъ. При исполненіи этого, я буду, главнѣйшимъ образомъ, руководствоваться желаніемъ сдѣлать очевиднымъ существованіе тѣсной связи между настоящимъ состояніемъ народа и его сужденіями о прошедшемъ; а чтобы имѣть по-

стоянно передъ глазами эту связь, я буду разсматривать состояніе исторической литературы, не какъ отдѣльный предметъ, а какъ часть исторіи умственнаго развитія каждаго народа. Настоящій томъ будетъ содержать въ себѣ обзоръ главнѣйшихъ характеристическихъ чертъ французской цивилизаціи, до революціи; тутъ же будетъ включенъ разборъ французскихъ историковъ и сдѣланныхъ ими замѣчательныхъ улучшеній въ ихъ отрасли знанія. Отношеніе между этими улучшеніями и тѣмъ состояніемъ общества, изъ котораго они проистекли—поразительно, и потому оно будетъ разобрано съ нѣкоторою подробностью; въ слѣдующемъ же томѣ, будутъ разсмотрѣны, такимъ же порядкомъ, цивилизація и историческая литература другихъ замѣчательныхъ странъ. Прежде, однако, чѣмъ приступить къ этимъ предметамъ, мнѣ пришла мысль, что предварительное изслѣдованіе происхожденія европейской исторіи не лишено было бы интереса въ томъ отношеніи, что ознакомило бы читателей съ вещами, вообще мало извѣстными, и дало бы имъ возможность понять, съ какимъ трудомъ исторія достигла своего теперешняго, сравнительно лучшаго, но все еще весьма несовершеннаго состоянія. Матеріалы для изученія самаго ранняго состоянія Европы уже давно утрачены; но обширныя свѣденія, которыя мы теперь имѣемъ о варварскихъ народахъ, послужатъ намъ большою помощью, потому что всѣ такіе народы имѣютъ между собою много общаго; дѣйствительно, мнѣнія крайне невѣжественныхъ людей вездѣ одни и тѣ же, исключая только тѣхъ случаевъ, въ которыхъ мнѣнія эти зависятъ отъ различій, представляемыхъ самою природою разныхъ странъ. Поэтому я, не колеблясь, воспользуюсь данными, собранными свѣдущими путешественниками, и сдѣлаю по нимъ заключеніе о томъ періодѣ исторіи европейскаго ума, о которомъ мы не имѣемъ прямыхъ свѣденій. Конечно это будутъ выводы умозрительные; впрочемъ, за послѣдніе тысячу лѣтъ, намъ вовсе не придется прибѣгать къ нимъ, такъ какъ всѣ главнѣйшія страны имѣли своихъ лѣтопис-

цевъ, начиная съ IX столѣтія, а Франція имѣла ихъ цѣлый рядъ, даже начиная съ VI столѣтія. Въ настоящей главѣ, я намѣренъ показать образчики того, какъ писали обыкновенно исторію, до XVI столѣтія, люди пользовавшіеся самымъ большимъ авторитетомъ въ Европѣ. Объ улучшеніяхъ, послѣдовавшихъ въ этой отрасли знанія, въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, будетъ упомянуто особо, въ исторіи каждой изъ странъ, въ которыхъ сдѣланы были эти успѣхи; а какъ, до этихъ улучшеній, исторія была не болѣе, какъ сплетеніемъ грубѣйшихъ ошибокъ, то я прежде всего разсмотрю главнѣйшія причины такого повсемѣстнаго искаженія ея, и покажу, какъ дошла она до такого безобразія, что въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, въ Европѣ не было ни одного человѣка, который критически изучилъ бы прошедшее, или который могъ бы хотя со сносною вѣрностью записать событія его собственнаго времени.

Въ весьма ранній періодъ развитія народа, и задолго до того, какъ онъ ознакомится съ употребленіемъ буквъ, онъ чувствуетъ потребность въ чемъ нибудь такомъ, что бы могло услаждать его досугъ, въ мирное время, и возбуждать его храбрость, на войнѣ. Потребности этой удовлетворяетъ изобрѣтеніе балладъ. Онѣ составляютъ основаніе всякаго историческаго знанія, и встрѣчаются, въ томъ или другомъ видѣ, даже у нѣкоторыхъ изъ самыхъ грубыхъ племенъ на земномъ шарѣ. Онѣ по большей части поются особаго класса людьми, которыхъ единственное занятіе — хранить, такимъ образомъ, запасъ преданій. И дѣйствительно, такъ естественно любопытство, возбуждаемое въ людяхъ прошедшими событіями, что весьма немного такихъ народовъ, которые не знали бы подобныхъ бардовъ или менестреловъ. Такъ, можно сказать—ограничиваясь лишь нѣсколькими примѣрами—что именно этого рода пѣвцы сохранили народныя преданія не только Европы, но и Китая, Тибета, Татаріи, а также Индіи, Сцинда, Белуджистана, Западной Азіи, острововъ Чернаго Моря, Египта, Западной Африки,

Сѣверной Америки, Южной Америки и острововъ Тихаго Океана.

Во всѣхъ этихъ странахъ, долго не знали буквъ; а какъ, въ такомъ состояніи общества, народъ не имѣетъ другихъ средствъ увѣковѣчить свою исторію, какъ изустныя преданія, то онъ и выбираетъ для нихъ форму, наиболѣе приспособленную къ легчайшему удержанію ихъ въ памяти. Поэтому, я полагаю, первые зачатки знанія всегда должны были состоять въ поэзіи и часто въ риѳмахъ. Все, что звенитъ, пріятно для слуха варвара—въ этомъ и заключается ручательство, что онъ передастъ разсказъ своимъ дѣтямъ въ томъ же неиспорченномъ видѣ, въ какомъ онъ достался ему самому. Такое огражденіе отъ ошибокъ придаетъ еще бо̀льшую цѣнность балладамъ, которыя, вмѣсто того чтобы считаться просто предметомъ забавы, возвышаются иногда до значенія авторитетовъ при разрѣшеніи нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ. Намека, заключающагося въ балладѣ, бываетъ иногда достаточно, для рѣшенія спора о заслугахъ соперничающихъ родовъ, или даже для опредѣленія границъ тѣхъ грубыхъ видовъ поземельной собственности, какіе возможны въ такомъ состояніи общества. Такъ, мы находимъ, что извѣстные декламаторы и сочинители этого рода пѣсень бываютъ въ то же время и признанными судьями во всѣхъ спорныхъ вопросахъ; а какъ они часто принадлежатъ къ духовенству и предполагаются вдохновленными свыше, то это вѣроятно и послужило первымъ основаніемъ мнѣнію о божественномъ происхожденіи поэзіи. Баллады бываютъ, конечно, различны, смотря по обычаямъ и характеру каждаго народа и смотря по климату, въ которомъ онъ живетъ. На югѣ, онѣ принимаютъ страстную форму, на сѣверѣ же отличаются скорѣе героическимъ, воинственнымъ характеромъ. Несмотря однако на такія различія, всѣ этого рода произведенія имѣютъ одну общую черту: не только въ основаніи ихъ лежитъ истина, но и сами они, за исключеніемъ поэтическихъ украшеній,

строго вѣрны истинѣ. Людей, которые безпрестанно повторяютъ постоянно слышимыя ими пѣсни и которые обращаются къ признаннымъ пѣвцамъ этихъ пѣсень за окончательнымъ разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ,—не легко ввести въ заблужденіе на счетъ тѣхъ предметовъ, въ достовѣрности которыхъ для нихъ заключается такой живой интересъ.

Вотъ самая ранняя и самая простая изъ ступеней, по которымъ должна необходимо пройти исторія. Но, съ теченіемъ времени—если только не случается неблагопріятныхъ обстоятельствъ—общество подвигается впередъ, и въ числѣ другихъ перемѣнъ, бываетъ одна, имѣющая особенную важность—я разумѣю введеніе письма, которое, прежде чѣмъ пройдетъ нѣсколько поколѣній, должно произвести совершенную перемѣну въ характерѣ народныхъ преданій. Какимъ именно образомъ совершается такая перемѣна, этого, сколько мнѣ извѣстно, еще никто не объяснилъ, и потому интересно будетъ попробовать прослѣдить нѣкоторыя подробности этого процесса.

Первое и, можетъ быть, самое очевидное соображеніе заключается въ томъ, что введеніе письма даетъ прочность народному знанію и, слѣдовательно, уменьшаетъ пользу той устной передачи свѣдѣній, которою должны ограничиваться всѣ средства наученія неграмотнаго народа. Вотъ почему, по мѣрѣ прогресса націи, значеніе преданій уменьшается, и самыя преданія становятся менѣе достовѣрны. Притомъ, въ такомъ состояніи общества, хранители этихъ преданій теряютъ значительную долю своей прежней извѣстности. У совершенно неграмотнаго народа, пѣвцы балладъ оказываются, какъ мы уже видѣли, единственными хранителями тѣхъ историческихъ фактовъ, отъ которыхъ зависитъ, главнѣйшимъ образомъ, слава и часто даже собственность ихъ правителей. Но тотъ же самый народъ, знакомясь съ употребленіемъ письма, уже не желаетъ болѣе ввѣрять этого рода предметы памяти какого нибудь странствующаго пѣвца, а пользуется своимъ новымъ искусствомъ, чтобы сохранить ихъ въ неиз-

мѣнной, осязательной формѣ. Какъ скоро совершается подобная перемѣна, значеніе лицъ, повторяющихъ народныя преданія, видимо уменьшается. Классъ этотъ постепенно мельчаетъ; съ утратою его прежней извѣстности, въ немъ перестаютъ появляться тѣ замѣчательныя личности, которымъ онъ былъ обязанъ своею древнею славою. И такъ, мы видимъ, что хотя, безъ письма, и не можетъ быть особенно важнаго знанія, по тѣмъ не менѣе справедливо, что введеніе письма вредно для историческихъ преданій, въ двухъ различныхъ отношеніяхъ: вопервыхъ, оно ослабляетъ силу самыхъ преданій, а вовторыхъ, ведетъ къ упадку классъ людей, занимающійся храненіемъ ихъ.

Но это еще не все. Употребленіе письма не только уменьшаетъ число преемственныхъ истинъ, но и прямо потворствуетъ распространенію всего ложнаго. Это происходитъ въ силу, такъ сказать, принципа накопленія, которому всѣ системы вѣрованій въ значительной мѣрѣ были обязаны своимъ успѣхомъ. Такъ, напримѣръ, въ древности, давалось имя Геркулесъ многимъ изъ тѣхъ великихъ публичныхъ грабителей, которые были бичами человѣчества, и которые, если ихъ злодѣянія оказывались столь же удачны, какъ и громадны, могли навѣрно разсчитывать, что, послѣ смерти, имъ будутъ поклоняться, какъ героямъ. Какъ произошло это названіе, съ достовѣрностью не извѣстно; но, по всей вѣроятности, оно было сперва дано одному человѣку, а потомъ перешло и на тѣхъ, которые уподоблялись ему свойствомъ своихъ подвиговъ. Такого рода повтореніе одного имени весьма обыкновенное дѣло у варварскаго народа, и оно не подавало повода ни къ какимъ недоразумѣніямъ до тѣхъ поръ, пока преданія ограничивались извѣстною мѣстностью и оставались разрозненными. Но лишь только они облеклись въ постоянную письменную форму, люди собиравшіе ихъ, обманутые сходствомъ именъ, соединяли въ одно цѣлое разбросанные факты, и приписывая одному человѣку все это скопленіе по-

двиговъ, низводили такимъ образомъ исторію до значенія миѳологіи, исполненной чудесъ.

Такимъ точно образомъ, вскорѣ послѣ того, какъ употребленіе буквъ сдѣлалось извѣстно на сѣверѣ Европы, Саксонъ Грамматикъ начерталъ жизнеописаніе знаменитаго Рагнара Лодброка. Случайно ли, или съ намѣреніемъ, этому великому скандинавскому воину, заставлявшему дрожать Англію, дано было одинаковое имя съ другимъ Рагнаромъ, причемъ ютландскимъ, который жилъ цѣлымъ столѣтіемъ ранѣе. Это совпаденіе именъ не произвело бы никакого недоразумѣнія, еслибъ каждая изъ странъ сохраняла особое, самостоятельное сказаніе о своемъ Рагнарѣ. Но съ помощью письма, люди получили возможность соединять въ одно цѣлое два различные хода событій, и какъ-бы сливать двѣ истины въ одну ложь. Такъ именно было и въ разсказываемомъ нами случаѣ. Легковѣрный Саксонъ соединилъ различные подвиги обоихъ Рагнаровъ и, приписавъ эти подвиги, во всей цѣлости, своему любимому герою, покрылъ мракомъ одну изъ занимательнѣйшихъ частей исторіи Европы.

Лѣтописи сѣвера представляютъ намъ еще одинъ любопытный примѣръ такого источника заблужденія. Значительную часть восточнаго берега Ботническаго Залива занимало финское племя Квеновъ (Quæns). Мѣстность эта была извѣстна подъ именемъ Квенландіи (Quænland), и это имя подало поводъ къ повѣрью, будто на сѣверѣ Балтійскаго Моря существуетъ нація Амазонокъ. Предположеніе это не трудно было провѣрить знакомствомъ съ самою мѣстностью, но употребленіе письма съ разу упрочило эту пустую молву, и нѣкоторые изъ древнѣйшихъ европейскихъ историковъ положительно утверждаютъ, что такой народъ дѣйствительно существуетъ. Такъ точно, Або, древняя столица Финляндіи, называется Турку (Turku), что̀ по шведски значитъ рыночное мѣсто; Адамъ Бременскій, въ своемъ изысканіи о странахъ, прилегающихъ къ Балтійскому Морю, былъ введенъ

въ такое заблужденіе словомъ Turku, что сталъ увѣрять своихъ читателей, будто въ Финляндіи были Турки.

Къ этимъ примѣрамъ можно было бы прибавить и много другихъ, показывающихъ, до какой степени одни имена вводили въ заблужденіе прежнихъ историковъ и подавали поводъ къ совершенно ложнымъ свидѣтельствамъ. Подобныя показанія легко провѣрить на мѣстѣ, но съ помощью письма они заносились въ отдаленныя страны и чрезъ это становились внѣ всякаго противорѣчія. Приведу еще одинъ изъ такихъ случаевъ, касающійся собственно исторіи Англіи. Ричардъ I, самый варварскій изъ всѣхъ нашихъ государей, былъ извѣстенъ современникамъ подъ именемъ Льва—названіе, которое было ему дано вслѣдствіе его неустрашимости и дикости нрава. По этому самому, говорили, что у него львиное сердце и титулъ Cœur de Lion не только сталъ нераздѣленъ съ его именемъ, но и подалъ поводъ къ разсказу, повторенному безчисленнымъ множествомъ писателей, о томъ, будто бы онъ убилъ льва въ единоборствѣ. Имя подало поводъ къ разсказу, а разсказъ подтвердилъ имя, и такимъ образомъ, прибавилась новая выдумка къ длинному ряду ложныхъ слуховъ, изъ которыхъ слагалась главнѣйшимъ образомъ исторія, въ средніе вѣка.

Искаженію исторіи, происшедшему, естественнымъ образомъ, отъ самаго уже введенія письма, способствовало, въ Европѣ, еще одно обстоятельство. Вмѣстѣ съ письмомъ, пріобрѣтались, въ большей части случаевъ, и кое-какія познанія о христіанствѣ, и новая религія не только уничтожала нѣкоторыя изъ языческихъ преданій, но и искажала остальныя примѣсью монашескихъ легендъ. Изслѣдованіе о томъ, до какихъ размѣровъ доходили подобныя искаженія, не лишено было бы интереса, но для большинства читателей, можетъ быть, достаточно будетъ одного или двухъ примѣровъ.

Мы мало имѣемъ положительныхъ данныхъ о самомъ раннемъ состояніи великихъ сѣверныхъ народовъ, но еще со-

хранятся нѣкоторыя изъ пѣсень, въ которыхъ скандинавскіе поэты разсказывали дѣянія своихъ предковъ или своихъ современниковъ; и не смотря на искаженія, сдѣланныя впослѣдствіи въ этихъ пѣсняхъ, люди, на судъ которыхъ можно положиться, допускаютъ, что въ нихъ содержатся истинныя историческія событія. Въ девятомъ же и десятомъ столѣтіяхъ, христіанскіе миссіонеры проникли за Балтійское море и распространили свѣденія о своей религіи между жителями сѣверной Европы. Лишь только это случилось,—историческіе источники стали отравляться. Въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія, Saemund Sigfussen, христіанскій священникъ, собралъ незаписанныя еще народныя сказанія сѣвера въ такъ называемую Elder Edda и удовольствовался тѣмъ, что только прибавилъ къ нимъ, въ видѣ улучшенія, христіанскій гимнъ. Спустя сто лѣтъ, сдѣлано было другое собраніе туземныхъ сказаній, но тутъ, упомянутое мною начало, имѣвшее уже больше времени для своего дѣйствія, выразилось еще яснѣе. Въ этомъ второмъ собраніи, извѣстномъ подъ именемъ Younger Edda, находится пріятное смѣшеніе греческихъ, еврейскихъ и христіанскихъ басень; и тутъ въ первый разъ встрѣчаемъ мы въ скандинавскихъ лѣтописяхъ значительно распространенную басню о чемъ-то въ родѣ троянской высадки.

Если, продолжая приводить примѣры, мы обратимся затѣмъ къ другимъ частямъ свѣта, то найдемъ цѣлый рядъ фактовъ, подкрѣпляющихъ наше воззрѣніе. Мы найдемъ, что въ странахъ, гдѣ не было никакой перемѣны религіи, исторія отличается бо̀льшею достовѣрностью и связностью, чѣмъ въ странахъ, гдѣ такія перемѣны происходили. Въ Индіи, браманизмъ, преобладающій и до сихъ поръ, утвердился съ такого давняго времени, что начало его теряется въ отдаленнѣйшей древности. По этому, туземныя лѣтописи никогда не были искажаемы примѣсью новаго суевѣрія, и Индусы обладаютъ болѣе древними историческими преданіями, чѣмъ

какой либо другой азіатскій народъ. Точно также, Китайцы сохраняли слишкомъ 2000 лѣтъ религію Фо, одинъ изъ видовъ буддизма. Вслѣдствіе этого Китай, не смотря на то, что цивилизація его никогда не могла сравниться съ индійскою, имѣетъ свою исторію, конечно не такую древнюю, какою намъ выставляютъ ее туземцы, но всетаки восходящую за нѣсколько столѣтій до христіанской эры, съ которой она доведена непрерывною цѣпью до нашего времени. Съ другой стороны, Персы, которые конечно превосходили Китайцевъ умственнымъ развитіемъ, всетаки не имѣютъ достовѣрныхъ свѣденій о первыхъ событіяхъ своей древней монархіи. Я не думаю, чтобы этому могла быть какая нибудь другая причина, кромѣ того факта, что Персія, вскорѣ по обнародованіи Корана, была завоевана магометанами, которые совершенно измѣнили религію Персовъ и тѣмъ прервали цѣпь народныхъ преданій. Вотъ почему, за исключеніемъ миѳовъ Зендавесты, мы не имѣемъ никакихъ сколько нибудь цѣнныхъ туземныхъ авторитетовъ для персидской исторіи, до самаго появленія, въ XI столѣтіи, Шаха Намеха;—но и тутъ Фердуси смѣшалъ чудесныя сказанія двухъ религій, которыя были введены, одна за другою, въ его отечествѣ. Въ результатѣ оказывается, что еслибъ не были открыты памятники, надписи и монеты, то мы должны были бы положиться на скудныя и неточныя подробности, сообщаемыя греческими писателями, и на нихъ основать все наше знаніе исторіи одной изъ важнѣйшихъ монархій Азіи.

Даже у болѣе варварскихъ народовъ, мы видимъ дѣйствіе того же самаго начала. Малайо-Полинезская раса занимаетъ, какъ извѣстно всѣмъ этнологамъ, длинный рядъ острововъ, простирающійся отъ Мадагаскара до разстоянія въ 2000 миль отъ западнаго берега Америки. Первоначальною религіею этого широко раскинутаго племени былъ политеизмъ, чистѣйшіе виды котораго долго сохранялись на Филиппин-

скихъ островахъ. Но въ XV столѣтіи, многія изъ полинезскихъ племенъ были обращены въ магометанство, и вслѣдъ за тѣмъ сталъ совершаться рѣшительно тотъ же процессъ, на который я указалъ въ другихъ странахъ. Новая религія, измѣнивъ направленіе мыслей народа, повредила чистотѣ народной исторіи. Изъ всѣхъ острововъ индійскаго архипелага, самой высшей цивилизаціи достигла Ява. Теперь же, не только утрачены историческія преданія Яванцевъ, но даже въ сохранившіеся списки ихъ царей вставлены имена магометанскихъ святыхъ. Съ другой стороны, мы находимъ, что на близлежащемъ островѣ Бали, гдѣ до сихъ поръ сохраняется древняя религія, народъ еще помнитъ и любитъ легенды Явы.

Безполезно было бы приводить дальнѣйшія доказательства того, что у невполнѣ цивилизованнаго народа, введеніе новой религіи всегда имѣетъ вліяніе на чистоту первыхъ историческихъ источниковъ. Достаточно только замѣтить, что такимъ образомъ, христіанскіе священники запутали лѣтописи всѣхъ обращенныхъ ими европейскихъ народовъ и уничтожили или исказили преданія Галловъ, Валисцевъ, Ирландцевъ, Англо-Саксовъ, Славянъ, Финновъ и даже Исландцевъ.

Ко всему этому присоединились еще другія обстоятельства, дѣйствовавшія въ томъ же направленіи. Благодаря событіямъ, которыя я разсмотрю впослѣдствіи, литература Европы, незадолго до окончательнаго распаденія Римской Имперіи, попала совершенно въ руки духовныхъ лицъ, которыя долго пользовались всеобщимъ уваженіемъ, какъ единственные наставники человѣчества. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, чрезвычайно было рѣдко встрѣтить свѣтскаго человѣка, который умѣлъ бы читать или писать, а еще рѣже такого, который могъ бы сочинить книгу. Литература, доставшись, такимъ образомъ, въ монополію одному классу людей, приняла и особенности, свойственныя ея новымъ двигателямъ. А какъ духовные вообще считали своею обязанностью скорѣе

укрѣплять вѣру, чѣмъ поощрять пытливость, то не удивительно, что они проявили и въ своихъ сочиненіяхъ духъ, свойственный обычнымъ отправленіямъ ихъ профессіи. Вотъ почему, какъ я уже замѣтилъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, литература, вмѣсто того, чтобы приносить пользу обществу, только вредила ему, увеличивая легковѣріе и тѣмъ задерживая успѣхи знанія. И въ самомъ дѣлѣ, привычка ко лжи сдѣлалась такъ сильна, что не существовало такой вещи, которой люди не были бы готовы повѣрить. Ничто не оскорбляло ихъ жаднаго, легковѣрнаго слуха. Разсказы о предвѣщаніяхъ, чудесахъ, видѣніяхъ, странныхъ предзнаменованіяхъ, чудовищныхъ явленіяхъ на небѣ, самыя дикія и ни съ чѣмъ не сообразныя нелѣпости, передавались изъ устъ въ уста и списывались изъ книги въ книгу, съ такимъ тщаніемъ, какъ будто бы это были лучшія сокровища человѣческой мудрости. Что Европа могла когда либо выйти изъ такого состоянія, это служитъ самымъ разительнымъ доказательствомъ необыкновенной энергіи человѣка, ибо мы даже не можемъ представить себѣ состояніе общества, болѣе неблагопріятное для его прогресса. Но ясно, что пока совершилось это освобожденіе, всеобщее легковѣріе и легкомысліе сдѣлали людей неспособными къ изслѣдованіямъ, такъ что для нихъ стало невозможнымъ предаваться съ успѣхомъ изученію прошедшаго, ни даже вѣрно отмѣчать, что̀ происходило вокругъ нихъ.

И такъ, возвращаясь къ только что приведеннымъ нами фактамъ, мы можемъ сказать, оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя обстоятельства совершенно второстепенныя, что были три главныя причины искаженія исторіи Европы въ средніе вѣка. Первою причиною было внезапное введеніе въ употребленіе письма, и происшедшее отъ того смѣшеніе различныхъ мѣстныхъ преданій, которыя, порознь взятыя, были вѣрны, соединенныя же въ одно цѣлое, составляли ложь. Второю причиною была перемѣна религіи, которая дѣйство-

вала двоякимъ путемъ: она не только прерывала древнія преданія, но и искажала ихъ прибавленіями. Третья же причина, вѣроятно самая могущественная, заключалась въ томъ, что исторія составляла монополію класса людей, которые, по самому положенію своему, должны были легко всему вѣрить, и кромѣ того, имѣли прямой интересъ въ поддержаніи всеобщаго легковѣрія, такъ какъ на немъ основывалось ихъ собственное значеніе.

Дѣйствіемъ этихъ причинъ, исторія Европы, въ средніе вѣка, доведена была до такого искаженія, которому мы не можемъ найти ничего подобнаго ни въ какомъ другомъ періодѣ. Что не было, собственно говоря, исторіи, это еще составляло самое малое неудобство, но бѣда въ томъ, что недовольные отсутствіемъ истины, люди замѣняли ее сочиненіемъ лжи. Въ ряду безчисленныхъ примѣровъ подобныхъ выдумокъ, одинъ видъ ихъ особенно достоенъ вниманія, въ томъ отношеніи, что въ немъ проявляется та любовь къ древности, которая составляетъ отличительную черту класса людей, писавшихъ въ то время исторію. Я говорю о выдумкахъ, касающихся происхожденія различныхъ народовъ; — во всѣхъ ихъ можно ясно различать духъ среднихъ вѣковъ. Въ продолженіе многихъ столѣтій, каждый народъ былъ убѣжденъ, что онъ происходитъ въ прямой линіи отъ предковъ, участвовавшихъ въ осадѣ Трои. Это было такого рода предложеніе, которое никто и не думалъ подвергать сомнѣнію. Весь вопросъ былъ только въ подробностяхъ этой славной генеалогіи. Впрочемъ, по этому предмету, мнѣнія были до извѣстной степени согласны; не говоря уже о второстепенныхъ народахъ, всѣми было признано, что Французы потомки Франка, о которомъ всѣ знали, что онъ былъ сынъ Гектора; извѣстно было также, что Бриты происходятъ отъ Брута, который былъ не болѣе, ни менѣе, какъ сынъ самого Энея.

Касаясь происхожденія извѣстныхъ городовъ, великіе историки среднихъ вѣковъ бываютъ также сообщительны.

Въ сказаніяхъ о такихъ городахъ, какъ и въ жизнеописаніяхъ замѣчательныхъ людей, у нихъ исторія обыкновенно начинается съ самыхъ отдаленныхъ временъ; событія, связанныя съ ихъ предметомъ, часто ведутся непрерывною цѣпью съ самаго того момента, когда Ной вышелъ изъ ковчега, или даже когда Адамъ переступилъ за врата рая. Въ иныхъ случаяхъ, они не находятъ такой глубокой древности, но свѣденія ихъ всетаки восходятъ чрезвычайно далеко. Такъ они говорятъ, что столица Франціи названа по имени Париса, сына Пріямова, который будто бы бѣжалъ туда, послѣ паденія Трои. Утверждаютъ также, будто городъ Tours обязанъ своимъ именемъ тому обстоятельству, что въ немъ похороненъ Turonus, одинъ изъ Троянцевъ; а что городъ Troyes былъ дѣйствительно построенъ Троянцами, какъ ясно будто бы доказываетъ этимологія его имени. Считалось совершенно достовѣрнымъ, что Нюренбергъ названъ по имени императора Нерона, а Іерусалимъ — по имени царя Іебуса (Jebus); послѣднее имя пользовалось большою извѣстностью въ средніе вѣка, но въ дѣйствительности существованія такого лица историки не могли удостовѣриться. Рѣка Гумберъ получила будто бы свое названіе отъ того, что въ ней, въ древности, утонулъ одинъ царь Гунновъ. Галлы происходили, по мнѣнію однихъ, отъ Галатіи (Galathia), женскаго потомка Ноя, по мнѣнію же другихъ,—отъ Гомера (Gomer), сына Іафетова. Пруссія была названа по имени Прусса, брата Августова. Это еще было замѣчательно не древнее происхожденіе. Силезія, напротивъ, получила свое имя отъ Елисея Пророка, отъ котораго будтобы Силезцы дѣйствительно происходили; касательно же города Цюриха, существовалъ споръ только на счетъ года и числа основанія его, но считалось несомнѣннымъ, что онъ былъ построенъ во время Авраама. Отъ Авраама и Сары происходили непосредственно цыгане. Сарацыны, тѣ были менѣе чистой крови, потому что происходили отъ одной Сары, а какимъ именно путемъ—не ска-

зано; они вѣроятно родились отъ другаго брака, или, можетъ быть, были плодомъ какой нибудь египетской связи. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что Шотландцы пришли изъ Египта, ибо они первоначально произошли отъ Скоты, дочери Фараона, которая и завѣщала имъ свое имя.

О многихъ подобныхъ же вещахъ средніе вѣка имѣли такія же драгоцѣнныя свѣденія. Всѣмъ было извѣстно, что городъ Неаполь построенъ на яйцахъ; было также извѣстно, что орденъ св. Михаила учрежденъ лично самимъ Архангеломъ, который былъ первымъ рыцаремъ и которому рыцарство обязано своимъ происхожденіемъ. О Татарахъ знали, что они произошли отъ Тартара, который, по словамъ однихъ теологовъ, былъ низшею степенью ада, а по словамъ другихъ — настоящимъ адомъ. Какъ бы то ни было, но фактъ происхожденія Татаръ отъ преисподней не подлежалъ никакому сомнѣнію и подтверждался многими обстоятельствами, показывавшими, какое роковое, таинственное вліяніе могъ имѣть этотъ народъ. Турки были тоже, что̀ и Татары; и всѣмъ было извѣстно, что съ тѣхъ поръ какъ крестъ попалъ въ руки Турокъ, у всѣхъ христіанскихъ дтей стало десятью зубами менѣе, чѣмъ бывало прежде,— общее бѣдствіе, которому повидимому не было никакихъ средствъ пособить.

Другіе вопросы, относившіеся до прошедшихъ событій, разрѣшались съ такою же легкостью. Въ Европѣ, въ продолженіе многихъ столѣтій, единственною общеупотребительною животною пищею была свинина; говядина же, телятина и баранина были сравнительно мало извѣстны; потому съ немалымъ удивленіемъ разсказывали крестоносцы, по возвращеніи съ востока, что они были у такого народа, который, подобно Евреямъ, считаетъ свинину нечистымъ мясомъ и не соглашается ѣсть ее. Но живѣйшее удивленіе, возбужденное такимъ извѣстіемъ, разсѣялось, лишь только объяснена была причина этого факта. Объясненіе это предпри-

пялъ Матвѣй Парисъ, замѣчательнѣйшій историкъ, въ XIII столѣтіи, и одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ писателей, въ средніе вѣка. Этотъ знаменитый писатель сообщаетъ намъ, что магометане не хотятъ ѣсть свинину, вслѣдствіе одного особеннаго обстоятельства, случившагося съ ихъ пророкомъ. Оказывается, что Магометъ, наѣвшись и напившись, однажды, до безчувственности, заснулъ на кучѣ навоза и въ этомъ постыдномъ положеніи найденъ былъ стадомъ свиней, которыя напали на лежащаго пророка и задушили его до смерти; что по этой причинѣ, послѣдователи его и питаютъ отвращеніе къ свиньямъ и не соглашаются ѣсть ихъ мясо. Этимъ рѣзкимъ фактомъ объясняется одна изъ главныхъ особенностей магометанъ; другимъ же фактомъ, не менѣе рѣзкимъ, объясняется самое происхожденіе ихъ секты. Всѣмъ было извѣстно, что Магометъ былъ сперва кардиналомъ, еретикомъ же сдѣлался только потому, что ему не удалось быть избраннымъ въ папы.

Во всемъ, что касалось ранней исторіи христіанства, великіе писатели среднихъ вѣковъ были особенно любознательны; они сохранили память о такихъ событіяхъ, о которыхъ, безъ нихъ, мы вовсе ничего не знали бы. Послѣ Фруассара, знаменитѣйшимъ историкомъ XIV столѣтія былъ конечно Матвѣй Вестминстерскій, имя котораго, по крайней мѣрѣ, хорошо знакомо большей части читателей. Этотъ замѣчательный человѣкъ устремилъ свое вниманіе, между прочимъ, на исторію Іуды, съ цѣлію раскрыть обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ развивался характеръ этого архиотступника. Изысканія его были, повидимому, весьма обширны; но главнымъ ихъ результатомъ было то открытіе, что Іуда, еще ребенкомъ, былъ оставленъ родителями, которые высадили его на островъ Скаріотъ, отчего онъ и получилъ имя Искаріота. Къ этому историкъ прибавляетъ, что достигнувъ зрѣлаго возраста, Іуда, между прочимъ, убилъ своего отца и затѣмъ женился на своей матери. Этотъ

же писатель, въ другой части своей исторіи, упоминаетъ объ одномъ фактѣ, весьма любопытномъ для тѣхъ, кто изучаетъ древности папскаго престола. Возникъ вопросъ о томъ, прилично ли цѣловать папу въ ногу, при чемъ даже теологи выразили нѣкоторое сомнѣніе на счетъ этой странной церемоніи. Но и это затрудненіе было разрѣшено Матвѣемъ Вестминстерскимъ, который объясняетъ намъ настоящее происхожденіе этого обычая. Онъ говоритъ, что сперва было обыкновеніе цѣловать его святѣйшество въ руку, но что въ концѣ VIII вѣка, одна распутная женщина, подойдя подъ благословеніе папы, не только поцѣловала ему руку, но и пожала ее. Папа—его звали Львомъ,—видя опасность, отрѣзалъ себѣ руку и такимъ образомъ освободился отъ оскверненія, которому подвергался. Съ того времени, принята была предосторожность цѣловать у папы, вмѣсто руки, ногу. Чтобы никто не могъ усомниться въ справедливости такого разсказа, историкъ увѣряетъ насъ, что рука, которая была отрѣзана пятьсотъ или шестьсотъ лѣтъ тому назадъ, еще существуетъ въ Римѣ и составляетъ вѣчное чудо, такъ какъ она сохранилась въ Латеранѣ въ своемъ первоначальномъ видѣ, безъ всякой порчи. А какъ нѣкоторые читатели могли бы пожелать узнать что нибудь и о самомъ Латеранѣ, гдѣ хранилась рука, то историкъ подумалъ и объ этомъ въ другой части своего обширнаго сочиненія, въ которой онъ возвращается по этому поводу къ императору Нерону. Онъ разсказываетъ, что этотъ гнусный гонитель вѣры извергъ однажды изъ себя лягушку, покрытую кровью, и думая, что это его дитя, приказалъ запереть ее подъ сводомъ, гдѣ она и оставалась скрытою нѣкоторое время. А какъ въ латинскомъ языкѣ latere значитъ быть скрытымъ, а rana значитъ лягушка, то отъ соединенія этихъ двухъ словъ и получилось названіе Латерана, который и былъ дѣйствительно построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ найдена была лягушка.

Не трудно наполнить цѣлые томы подобными свѣдѣніями,

которымъ всегда свято вѣрили въ тѣ времена тьмы, или—какъ ихъ справедливо назвали—времена вѣры. Это были истинно золотые дни для духовнаго сословія: легковѣріе людей доходило до такой степени, что, казалось, обезпечивало духовенству долгое и повсемѣстное преобладаніе. О томъ, какимъ образомъ омрачились впослѣдствіи надежды духовенства, и какъ разумъ человѣческій началъ возмущаться, будетъ разсказано въ другой части этого введенія, гдѣ я постараюсь прослѣдить развитіе того свѣтскаго, скептическаго духа, которому обязана своимъ происхожденіемъ европейская цивилизація. Но прежде чѣмъ заключить настоящую главу, не мѣшаетъ привести еще нѣсколько примѣровъ мнѣній, существовавшихъ въ средніе вѣка. Я выбираю для этого два историческихъ сказанія, которыя пользовались самою большою популярностью, которыя имѣли наибольшее вліяніе и которымъ болѣе всего вѣрили.

Это именно разсказы объ Артурѣ и Карлѣ Великомъ. На обоихъ сочиненіяхъ красуются имена сановниковъ церкви, и оба они были приняты съ почтеніемъ, какое подобаетъ ихъ знатнымъ авторамъ. Разсказъ о Карлѣ Великомъ названъ лѣтописью Турпина (Turpin) и, какъ полагали, написанъ Турпиномъ Архіепископомъ Реймсскимъ, другомъ императора и его спутникомъ въ битвахъ. Нѣкоторыя мѣста этого разсказа даютъ право думать, что онъ собственно написанъ въ началѣ XII столѣтія; но въ средніе вѣка, люди не были такъ смѣтливы въ этого рода вещахъ, и потому нельзя было и ожидать, чтобы кто либо сталъ оспаривать подлинность этого сочиненія. И въ самомъ дѣлѣ, имя Архіепископа Реймсскаго служило достаточнымъ ручательствомъ, поэтому-то мы находимъ, что въ 1122 году, книга эта была формально одобрена папою, а Викентій де Бовэ (Vincent de Beauvais), одинъ изъ знаменитѣйшихъ писателей XIII столѣтія, воспитатель сыновей Людовика IX, упоминаетъ о ней,

какъ о драгоцѣнномъ сочиненіи, какъ о главномъ авторитетѣ въ исторіи царствованія Карла Великаго.

Книга, которую такъ много читали и которая удостоилась одобренія такихъ свѣдущихъ судій, можетъ служить довольно хорошею вывѣскою знанія и идей того времени. Поэтому, краткій взглядъ на нее можетъ быть полезенъ для настоящей цѣли нашей, въ томъ отношеніи, что дастъ намъ понять, съ какою крайнею медленностью усовершенствовалась исторія и какими почти незамѣтными шагами она подвигалась впередъ, пока наконецъ вдохнули въ нее новую жизнь великіе мыслители XVIII столѣтія.

Изъ лѣтописи Турпина узнаемъ мы, что вторженіе Карла Великаго въ Испанію было послѣдствіемъ непосредственнаго внушенія Св. Іакова, брата Св. Іоанна. Апостолъ, будучи самъ причиною нападенія, принялъ мѣры и къ обезпеченію его успѣха. Когда Карлъ Великій осаждалъ Пампелуну и городъ оказывалъ упорное сопротивленіе, осаждающіе вознесли мольбы къ небу—и стѣны внезапно упали до основанія. Послѣ этого, Императоръ быстро завоевалъ всю страну, почти совсѣмъ уничтожилъ магометанъ и построилъ безчисленное множество церквей. Но средства діавола неистощимы. На сторонѣ непріятеля является великанъ, по имени Ферракутъ, потомокъ древняго Голіаѳа. Этотъ Ферракутъ былъ страшнѣе всѣхъ противниковъ, какихъ встрѣчали до тѣхъ поръ христіане. Силою онъ равнялся сорока человѣкамъ; лицо его имѣло локоть длины; руки и ноги его были по четыре локтя; весь ростъ его былъ двадцать локтей. Противъ него Карлъ Великій посылалъ самыхъ лучшихъ воиновъ, но ихъ всѣхъ легко одолѣвалъ этотъ великанъ, о силѣ котораго можно составить нѣкоторое понятіе изъ того уже факта, что даже пальцы его имѣли по три ладони длины. Христіанами овладѣлъ ужасъ. Тщетно выходили на великана слишкомъ двадцать отборныхъ людей—ни одинъ не воротился изъ боя; Ферракутъ взялъ всѣхъ ихъ

подъ мышку и унесъ въ плѣнъ. Наконецъ выступилъ знаменитый Роландъ и вызвалъ его на смертный бой. Завязалась упорная борьба, и христіанинъ, не видя того успѣха, котораго ожидалъ, вовлекъ противника въ теологическое преніе. Тутъ язычникъ былъ легко побѣжденъ; Роландъ же, разгоряченный споромъ, сталъ сильнѣе напирать на непріятеля, ударилъ его мечомъ и нанесъ смертельную рану. Съ этимъ погибла послѣдняя надежда магометанъ; христіанское оружіе окончательно восторжествовало и Карлъ Великій раздѣлилъ Испанію между тѣми храбрыми спутниками своими, которые помогли ему завоевать эту страну.

Объ исторіи Артура средніе вѣка имѣли свѣденія столь же достовѣрныя. Разные ходили разсказы объ этомъ славномъ государѣ, но ихъ относительное достоинство не было опредѣлено до самаго начала XII столѣтія, когда предметъ этотъ привлекъ вниманіе Джоффрея, извѣстнаго Архидіакона Монмутскаго. Этотъ замѣчательный человѣкъ, въ 1147 году по Р. X., издалъ результаты своихъ изслѣдованій, въ сочиненіи, которое назвалъ *Исторіею Бриттовъ*. Въ сочиненіи этомъ, онъ бросаетъ обширный взглядъ на весь вопросъ и не только разсказываетъ жизнь Артура, но и перебираетъ обстоятельства, приготовившія появленія этого великаго завоевателя. Въ томъ, что касается дѣйствій Артура, историку особенно посчастливилось, потому что матеріалы, необходимые для этой части его труда, были собраны Вальтеромъ Архидіакономъ Оксфордскимъ, который былъ другомъ Джоффрея, и, подобно ему, съ любовью занимался исторіею. И такъ, книга Джоффрея оказывается произведеніемъ совокупныхъ трудовъ двухъ архидіаконовъ и имѣетъ право на уваженіе не только поэтому, но и потому, что она была однимъ изъ самыхъ популярныхъ произведеній среднихъ вѣковъ.

Первую часть этой обширной исторіи занимаютъ результаты изысканій Архидіакона Монмутскаго о состояніи Британіи до восшествія на престолъ Артура. Эта часть не имѣ-

етъ для насъ особенной важности. Можно впрочемъ замѣтить, что архидіаконъ привелъ въ извѣстность, что, по взятіи Трои, Асканій бѣжалъ изъ этого города и у него родился сынъ, который и былъ отцомъ Брута. Въ тѣ дни, Англія была заселена великанами; но всѣ они были убиты Брутомъ, который, по истребленіи этой породы, построилъ Лондонъ, привелъ въ порядокъ дѣла страны, и назвалъ ее, по своему имени, Британіею. Далѣе, архидіаконъ разсказываетъ дѣйствія длиннаго ряда королей, слѣдовавшихъ за Брутомъ, большая часть которыхъ были замѣчательны по своему уму, нѣкоторые же извѣстны тѣмъ, что при нихъ совершились большія чудеса. Такъ въ царствованіе Ривалло (Rivallo), три дня сряду шелъ кровавый дождь, а при Морвидѣ (Morvidus), берега страны были опустошены ужаснымъ морскимъ чудовищемъ, которое, растерзавъ безчисленное множество людей, поглотило наконецъ и самого короля.

Эти и подобныя имъ свѣденія Архидіаконъ Монмутскій передаетъ, какъ результаты своихъ собственныхъ изысканій; въ слѣдующей же за ними исторіи Артура, онъ пользовался помощью своего друга Архидіакона Оксфордскаго. Оба архидіакона сообщаютъ своимъ читателямъ, что король Артуръ былъ обязанъ своимъ существованіемъ волшебному дѣйствію Мерлина, знаменитаго чародѣя. Обстоятельства этого дѣла разсказаны у нихъ съ такою мелочною подробностью, которая, со стороны историковъ, облеченныхъ въ священный санъ, представляетъ истинно замѣчательное явленіе. Дѣйствія Артура соотвѣтствовали его сверхъестественному происхожденію. Ничто не могло устоять противъ его могущества. Онъ истребилъ огромное число Саксовъ, завоевалъ Норвегію, вторгнулся въ Галлію, гдѣ основалъ свой дворъ въ Парижѣ, и дѣлалъ приготовленія къ покоренію всей Европы. Онъ вступилъ въ единоборство съ двумя великанами и обоихъ убилъ. Одинъ изъ этихъ великановъ, жившій на горѣ Св. Михаила, былъ грозой всей страны; онъ уби-

валъ всѣхъ воиновъ, которыхъ посылали на него, исключая только тѣхъ, кого онъ бралъ въ плѣнъ съ намѣреніемъ съѣсть ихъ живыми. Однако и онъ палъ жертвою храбрости Артура, такъ же, какъ и другой великанъ, по имени Рито. Послѣдній былъ еще страшнѣе: ему мало было воевать съ людьми обыкновенными—онъ одѣвался въ шубы, сдѣланныя изъ бородъ убитыхъ имъ королей.

Вотъ что, въ XII вѣкѣ, разсказывали всему свѣту, подъ именемъ исторіи, и разсказывали не темные писатели, а высшіе сановники церкви. И не было недостатка ни въ чемъ, что только могло доставить успѣхъ этому сочиненію Въ пользу его говорили имена Архидіаконовъ Монмутскаго и Оксфордскаго; оно было посвящено Графу Роберту Глостерскому, сыну Генриха I, и считалось такимъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для англійской литературы, что главный авторъ его былъ даже возведенъ въ санъ Епископа Асафскаго,—повышеніе, которымъ онъ былъ, говорятъ, обязанъ своимъ успѣхамъ въ изслѣдованіяхъ по части англійской исторіи. Книга, отмѣченная до такой степени всевозможными знаками одобренія, можетъ конечно служить недурною вывѣскою того вѣка, который восхищался ею. И въ самомъ дѣлѣ, восхищеніе это было такъ всеобще, что въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, нашлось не болѣе двухъ или трехъ критиковъ, которые сомнѣвались въ достовѣрности этой исторіи. Краткое извлеченіе изъ нея, на латинскомъ языкѣ, было издано извѣстнымъ историкомъ Альфредомъ Беверлеемъ, а для большаго ознакомленія всѣхъ съ этою книгою, она была переведена на англійскій языкъ Лэйамономъ (Layamon), а на англо-норманскій, сперва Гемаромъ, а потомъ Уэсомъ—усердными людьми, которые озабочивались, чтобы важныя истины, содержащіяся въ ней, были какъ можно болѣе распространены.

Едвали нужно приводить еще какіе нибудь примѣры, для объясненія, какимъ образомъ писалась исторія въ средніе

вѣка; представленныя выше образчики взяты не на выдержку, а извлечены изъ умнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ писателей и потому лучше всего выражаютъ собою знаніе и воззрѣнія тогдашней Европы. Въ XIV и XV столѣтіяхъ, впервые обнаружились слабые признаки приближающейся перемѣны, но это улучшеніе обозначилось нѣсколько явственнѣе не ранѣе конца XVI или даже начала XVII столѣтія. Главные моменты этого важнаго движенія будутъ очерчены въ другой части нашего введенія, гдѣ я покажу, что хотя исторія и подвинулась несомнѣнно впередъ въ XVII столѣтіи, но почти до половины XVIII столѣтія, не было ни одной попытки окинуть этотъ предметъ болѣе обширнымъ взглядомъ; первые сдѣлали этотъ важный шагъ великіе мыслители Франціи, за ними слѣдовали два или три Шотландца, а черезъ нѣсколько лѣтъ къ нимъ присоединились и Нѣмцы. Реформа въ исторіи была, какъ мы увидимъ, въ связи съ соотвѣтствовавшими перемѣнами въ умственномъ направленіи, имѣвшими вліяніе на соціальныя условія всѣхъ главнѣйшихъ странъ Европы. Но, не заглядывая впередъ въ другую часть этого тома, достаточно сказать, что не только не было писано исторіи ранѣе конца XVI столѣтія, но и самое состояніе общества было таково́, что одинъ человѣкъ и не могъ написать ее. Знаніе, въ Европѣ, еще не имѣло достаточной зрѣлости, чтобы можно было съ успѣхомъ примѣнять его къ изученію прошедшихъ событій. Мы не можемъ предположить, чтобы слабыя стороны первыхъ историковъ происходили отъ недостатка въ нихъ природныхъ дарованій. Среднія умственныя способности людей бываютъ, по всей вѣроятности, всегда однѣ и тѣ же, давленіе же, производимое на нихъ обществомъ постоянно измѣняется. Такъ, въ прежнее время, извѣстное состояніе всего общества было именно причиною того, что даже умнѣйшіе люди вѣрили самымъ ребяческимъ выдумкамъ. До тѣхъ поръ, пока состояніе это не измѣнилось, существованіе исторіи было невоз-

можно, потому что невозможно было найти человѣка, который зналъ бы, что̀ болѣе всего стоило разсказывать, что̀ слѣдовало отбросить, а чему вѣрить.

Отъ этого происходило, что даже когда люди съ такими замѣчательными способностями, какъ Маккіавелли и Боденъ изучали исторію, то они не находили для нея лучшаго назначенія, какъ служить орудіемъ политическихъ разсчетовъ; ни въ одномъ изъ ихъ сочиненій мы не видимъ ни малѣйшей попытки возвыситься до такихъ обширныхъ обобщеній, которыя обнимали бы собою всѣ соціальныя явленія. То же замѣчаніе примѣняется и къ Комину (Comines), который, хотя и стоитъ ниже Маккіавелли и Бодена, но принадлежитъ всетаки къ числу необыкновенно тонкихъ наблюдателей и отличается рѣдкою проницательностью въ опредѣленіи отдѣльныхъ характеровъ. Но этимъ онъ былъ обязанъ своему собственному уму, между тѣмъ какъ вліяніе вѣка, въ которомъ онъ жилъ, дѣлало его суевѣрнымъ и жалко близорукимъ по отношенію къ высшимъ цѣлямъ исторіи. Его близорукость проявляется самымъ разительнымъ образомъ въ совершенномъ невѣденіи о томъ великомъ умственномъ движеніи, которое, въ самое его время, быстро ниспровергало феодальныя учрежденія среднихъ вѣковъ. Онъ ни разу не упоминаетъ объ этомъ движеніи, а устремляетъ все свое вниманіе на пошлыя политическія интриги, въ описаніи которыхъ и полагаетъ всю сущность исторіи. Что же касается до его суевѣрія, то на это не стоитъ приводить много примѣровъ, такъ какъ не существовало человѣка, въ XV столѣтіи, котораго умъ не былъ бы ослабленъ всеобщимъ легковѣріемъ. Можно однако замѣтить, что не смотря на личное знакомство съ государственными людьми и дипломатами, дававшее ему полную возможность видѣть, ка̀къ предпріятія, начатыя при самыхъ лучшихъ предзнаменованіяхъ, разстроивались единственно отъ неспособности лицъ, двигавшихъ ими,—онъ всетаки, во всѣхъ важныхъ случаяхъ, при-

писываетъ подобныя неудачи, не настоящимъ причинамъ ихъ, а непосредственному вмѣшательству Божества. Такъ рѣшительно, такъ непреодолимо было это стремленіе пятнадцатаго столѣтія, что и замѣчательный политикъ, человѣкъ свѣтскій и притомъ человѣкъ вполнѣ знакомый съ жизнью, сознательно утверждаетъ, будто сраженія проигрываются не потому, что армія бываетъ дурно снабжена, или кампанія дурно задумана, или генералъ неспособенъ, а потому, что народъ или его повелитель оказываются нечестивыми и Провидѣніе хочетъ наказать ихъ. Война, говоритъ Коминъ, есть великое таинство; Богъ употребляетъ ее, какъ орудіе выполненія Своей воли и потому даруетъ побѣду одинъ разъ—одной, другой разъ—другой сторонѣ. Поэтому, тоже, и внутреннія безпокойства въ государствахъ происходятъ не иначе какъ въ силу Божескаго предопредѣленія; они никогда не случались бы, еслибъ цари или царства, достигнувъ благоденствія, не забывали о томъ, изъ какого источника излились на нихъ всѣ блага.

Такія попытки сдѣлать изъ политики не болѣе какъ отрасль теологіи, характеризуютъ то время; и онѣ тѣмъ болѣе любопытны, что ихъ дѣлаетъ человѣкъ весьма даровитый и притомъ состарѣвшійся въ опытахъ общественной жизни. Если такого рода воззрѣнія развивалъ не какой-нибудь монахъ въ своемъ монастырѣ, а замѣчательный государственный человѣкъ, хорошо знакомый съ дѣлами общественными, то легко можно представить себѣ, каково было среднее умственное состояніе тѣхъ, которые были во всѣхъ отношеніяхъ ниже его. Болѣе чѣмъ очевидно, что отъ нихъ ничего нельзя было ожидать и что много еще оставалось сдѣлать шаговъ, прежде чѣмъ Европа могла бы освободиться отъ того суевѣрія, въ которое она была погружена, и прервать тѣ страшныя преграды, которыя задерживали ея дальнѣйшее движеніе.

Но при всемъ томъ, что многое еще оставалось сдѣлать, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что движеніе впе-

редъ не прерывалось и что даже въ то время, когда писалъ Коминъ, обнаруживались уже несомнѣнные признаки великой и рѣшительной перемѣны. Но это были только намеки на то, что̀ приближалось. Прошло около ста лѣтъ со смерти этого писателя, прежде чѣмъ обнаружился прогрессъ со всѣми его послѣдствіями; ибо хотя Протестантская Реформація и была слѣдствіемъ прогресса, она имѣла нѣкоторое время неблагопріятное для него дѣйствіе, въ томъ отношеніи, что поощряла самыхъ даровитыхъ людей къ изслѣдованію вопросовъ, недоступныхъ для человѣческаго разума, и тѣмъ отвлекала ихъ отъ такихъ предметовъ, въ которыхъ усилія ихъ были бы полезны для общихъ цѣлей цивилизаціи. Вотъ почему мы находимъ, что немногое, собственно, было сдѣлано, до конца XVI столѣтія, съ котораго, какъ мы увидимъ въ слѣдующихъ двухъ главахъ, теологическое рвеніе начало спадать въ Англіи и Франціи и подготовлялся путь для той чисто свѣтской философіи, которой Бэконъ и Декартъ были представителями, но ни въ какомъ случаѣ не творцами. Эта эпоха принадлежитъ къ XVII столѣтію, которое мы и можемъ считать временемъ умственнаго перерожденія Европы, точно такъ же, какъ XVIII столѣтіе—временемъ соціальнаго перерожденія. Въ теченіе большей части XVI столѣтія, легковѣріе оставалось еще преобладающимъ свойствомъ; имъ отличались не только низшіе и самые невѣжественные классы, но и люди, получившіе самое лучшее воспитаніе. На это можно найти безчисленное множество примѣровъ, но для краткости, я ограничусь только двумя, особенно поразительными, какъ по сопровождавшимъ ихъ обстоятельствамъ, такъ и по вліянію ихъ на людей, о которыхъ можно было предположить, что они мало способны къ подобнымъ самообольщеніямъ.

Въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія, Стёффлеръ (Stœffler), знаменитый астрономъ, былъ профессоромъ математики въ Тюбингенѣ. Этотъ замѣчательный человѣкъ оказалъ большія

услуги астрономіи и одинъ изъ первыхъ нашелъ средства исправить ошибки Юліанскаго календаря, по которому исчислялось тогда время. Но ни его способности, ни его познанія не могли оградить его отъ дѣйствія духа того времени. Въ 1524 году, онъ обнародовалъ результаты какихъ-то темныхъ вычисленій, которыми онъ долго занимался, и путемъ которыхъ онъ привелъ будто бы въ достовѣрную извѣстность замѣчательный фактъ, что въ тотъ именно годъ міръ снова долженъ быть опустошенъ потопомъ. Подобное извѣстіе, сообщенное человѣкомъ, пользовавшимся большимъ значеніемъ, и сообщенное, притомъ, тономъ совершеннаго убѣжденія, возбудило во всѣхъ живѣйшее безпокойство. Вѣсть о приближавшемся событіи быстро разнеслась по Европѣ и наполнила ее ужасомъ. Чтобы избѣгнуть перваго напора воды, люди, имѣвшіе дома около морей и рѣкъ, покидали ихъ; другіе, считая подобныя мѣры не болѣе какъ временными, принимали иныя, болѣе дѣйствительныя. Выражали желаніе, чтобы на первый случай, Императоръ Карлъ V назначилъ инспекторовъ, для осмотра страны и для обозначенія мѣстъ, которыя, будучи наименѣе подвержены дѣйствію прилива, могли бы скорѣе всего служить убѣжищемъ. Это было желаніе императорскаго генерала, стоявшаго въ то время во Флоренціи; по его внушенію, написана была книга, въ которой излагался этотъ совѣтъ. Но умы людей были слишкомъ взволнованы, чтобы усвоить себѣ такой обдуманный планъ; кромѣ того не знали съ достовѣрностью высоты прилива и потому не могли рѣшить, можетъ ли онъ достигнуть вершинъ самыхъ высокихъ горъ. Среди этихъ и подобныхъ имъ соображеній, наступилъ роковой день, а между тѣмъ не было придумано ничего особенно важнаго для предотвращенія бѣдствія. Если бы мы стали перечислять все, что было предлагаемо и отвергаемо, то это наполнило бы цѣлую главу. Одно, впрочемъ, предложеніе, вполнѣ достойно вниманія, потому что оно было приведено въ исполненіе съ

большимъ усердіемъ, и притомъ оно прекрасно характеризуетъ тотъ вѣкъ. Одинъ священникъ, по имени Ауріоль, бывшій въ то время профессоромъ каноническаго права въ тулузскомъ университетѣ, соображая въ умѣ своемъ различныя мѣры для отвращенія всеобщаго бѣдствія, остановился наконецъ на той мысли, что полезно было бы обратиться къ тому образу дѣйствія, который съ такимъ полнымъ успѣхомъ былъ принятъ, въ подобномъ же случаѣ, Ноемъ. Едва родилась эта мысль, какъ ее привели уже въ исполненіе. Жители Тулузы оказали ему свою помощь, и построенъ былъ ковчегъ, въ той надеждѣ, что хоть какая нибудь часть человѣчества спасется въ немъ и станетъ продолжать свой родъ и снова заселитъ землю, послѣ того какъ спадетъ вода и земля опять осушится.

Около семидесяти лѣтъ спустя послѣ описанной нами тревоги, случилось еще одно обстоятельство, которое въ теченіе нѣкотораго времени служило предметомъ занятія для самыхъ знаменитыхъ людей въ одной изъ главнѣйшихъ странъ Европы. Въ концѣ XVI столѣтія, произведено было страшное волненіе извѣстіемъ, что у одного ребенка, родившагося въ Силезіи, оказался въ челюсти золотой зубъ. По произведенному изслѣдованію, молва оказалась совершенно справедливою. Невозможно было скрыть это отъ публики; чудо вскорѣ стало извѣстно по всей Германіи, гдѣ на него смотрѣли какъ на таинственное предзнаменованіе и потому всѣхъ страшно озабочивала мысль, что̀ бы это могло значить. Настоящее значеніе этого факта первый раскрылъ Докторъ Горстъ. Въ 1595 году, этотъ замѣчательный врачъ обнародовалъ результаты своихъ изысканій, изъ которыхъ оказывалось, что при рожденіи означеннаго ребенка, солнце, въ соединеніи съ Сатурномъ, находилось въ знакѣ Овна. Слѣдовательно событіе, хотя и было сверхъестественно, но не представляло, ни въ какомъ случаѣ, ничего страшнаго. Золотой зубъ былъ предвѣстникомъ золотаго вѣка, въ которомъ императоръ долженъ

былъ изгнать турокъ изъ христіанской земли и положить основаніе тысячелѣтнему царству. И на это, говоритъ Горстъ, находится ясный намекъ у Даніила, въ его извѣстной второй главѣ, гдѣ пророкъ говоритъ о статуѣ съ золотою головой.

ГЛАВА VII.

Очеркъ исторіи умственнаго движенія въ Англіи съ половины XVI до конца XVIII столѣтія.

Обыкновенный читатель, живущій среди XIX столѣтія, съ трудомъ можетъ представить себѣ, что не болѣе какъ за триста лѣтъ до его рожденія, общество находилось, въ умственномъ отношеніи, въ томъ состояніи глубокаго мрака, которое изображено нами въ предыдущей главѣ. Еще труднѣе ему понять, что мракъ этотъ распространялся не только на людей средняго образованія, но и на людей съ замѣчательнымъ дарованіемъ, людей, стоявшихъ, во всѣхъ отношеніяхъ, впереди своего вѣка. Такой читатель убѣдится, положимъ, въ безспорности самыхъ фактовъ, провѣритъ мои показанія и признаетъ ихъ неподлежащими ни малѣйшему сомнѣнію,— но всетаки ему будетъ трудно понять, какъ могло общество когда нибудь находиться въ такомъ состояніи, что люди охотно принимали жалкія бредни за самыя важныя и здравыя истины и считали ихъ существенною частью общаго запаса европейскаго знанія.

Но болѣе тщательное изученіе послужитъ, въ значительной мѣрѣ, къ разсѣянію этого естественнаго удивленія. По самой сущности дѣла, не только не удивительно, что вѣрили

такимъ вещамъ, но напротивъ, было бы удивительно, еслибы ихъ отвергали. Въ тѣ времена, какъ и во всѣ другія, все было цѣльно. Не только въ исторической литературѣ, но и во всѣхъ родахъ литературы, по всѣмъ ея предметамъ—въ наукѣ, въ религіи, въ законодательствѣ,—руководящимъ началомъ того времени было слѣпое легковѣріе чуждое всякаго сомнѣнія. Чѣмъ болѣе изучаютъ исторію Европы, предшествовавшую семнадцатому вѣку, тѣмъ полнѣе доказывается этотъ фактъ. Отъ времени до времени, появлялся великій человѣкъ, который не совсѣмъ раздѣлялъ всеобщія вѣрованія, который шопотомъ выражалъ сомнѣніе на счетъ существованія великановъ въ тридцать футовъ ростомъ, крылатыхъ драконовъ и армій, летающихъ по воздуху; который думалъ, что астрологія, можетъ быть, обманъ, а некромантія—надувательство; и даже доходилъ до того, что возбуждалъ вопросъ: дѣйствительно ли слѣдуетъ топить каждую колдунью и сжигать каждаго еретика. Такіе люди, изрѣдка, дѣйствительно появлялись, но ихъ презирали, какъ чистыхъ теоретиковъ, пустыхъ мечтателей, которые, не зная практической стороны жизни, осмѣливаются дерзко противопоставлять собственный свой разумъ мудрости своихъ предковъ. Въ томъ состояніи общества, въ которомъ люди эти родились, они не могли имѣть прочнаго вліянія. Въ самомъ дѣлѣ, не довольно ли имъ было заботы о себѣ самихъ, о своей личной безопасности; ибо, до самыхъ послѣднихъ годовъ шестнадцатаго столѣтія, не было страны, гдѣ не подвергалась бы большой опасности личность человѣка, выражавшаго явное сомнѣніе на счетъ вѣрованій своихъ современниковъ.

Но пока не возникало сомнѣніе, прогрессъ очевидно былъ невозможенъ. Потому что, какъ мы ясно видѣли, успѣхи цивилизаціи зависятъ единственно отъ пріобрѣтеній, дѣлаемыхъ человѣческимъ умомъ и отъ степени распространенія этихъ пріобрѣтеній. Но люди, вполнѣ довольные своимъ знаніемъ, никогда не попытаются увеличить его. Люди, совер—

шенно увѣренные въ непогрѣшимости своихъ убѣжденій, никогда не дадутъ себѣ труда подвергнуть изслѣдованію основаніе, на которомъ убѣжденія эти построены. Они всегда смотрятъ съ удивленіемъ, и часто съ ужасомъ, на взгляды, противорѣчащіе понятіямъ, наслѣдованнымъ отъ предковъ; а пока люди находятся въ такомъ умственномъ состояніи, до тѣхъ доръ невозможно, чтобы они приняли какую либо новую истину, смущающую прежпія ихъ воззрѣнія.

И такъ, пріобрѣтеніе новыхъ познаній должно необходимо предшествовать каждому шагу, который дѣлаетъ общество па пути прогресса; но въ то же время, самому пріобрѣтенію этому должна предшествовать любовь къ изслѣдованію, а слѣдовательно и духъ сомнѣнія, ибо безъ сомнѣнія не можетъ быть изслѣдованія, а безъ изслѣдованія не можетъ быть знанія. Знаніе не есть неподвижное, страдательное начало, которое приходило бы къ намъ безъ нашей воли; чтобы пріобрѣсти знаніе, нужно сперва поискать его. Это результатъ большихъ трудовъ и слѣдовательно большихъ пожертвованій. Но нелѣпо было бы предположить, что люди обрекутъ себя на трудъ и рѣшатся на жертвы ради изученія такихъ предметовъ, въ которыхъ они считаютъ себя достаточно свѣдущими. Кто не сознаетъ темноты, тотъ не станетъ искать свѣта. Въ чемъ мы разъ удостовѣрились, того не подвергаемъ дальнѣйшему изслѣдованію, потому что дальнѣйшее изслѣдованіе было бы безполезно и, пожалуй, опасно. Пока не родилось сомнѣніе, до тѣхъ поръ не начинается и изученіе. И такъ, въ актѣ сомнѣнія зарождается прогрессъ, или, по крайней мѣрѣ, онъ служитъ необходимымъ переходомъ ко всякому прогрессу. Вотъ онъ тотъ скептицизмъ, одно имя котораго приводитъ въ священный ужасъ невѣждъ, потому что онъ затрогиваетъ милое имъ суевѣріе; потому что онъ налагаетъ на нихъ безпокойную обязанность изслѣдованія, потому, наконецъ, что онъ заставляетъ даже самые лѣнивые умы задать себѣ вопросъ, дѣйствительно ли все такъ

есть, какъ обыкновенно полагаютъ, и все ли то въ самомъ дѣлѣ справедливо, чему съ самаго дѣтства ихъ учили вѣрить.

Чѣмъ больше мы будемъ изучать великое начало скептицизма, тѣмъ яснѣе представится намъ, какую громадную роль оно играло въ успѣхахъ европейской цивилизацiи. Мы можемъ сказать—изображая въ общихъ чертахъ то, что будетъ подробно и вполнѣ доказано въ настоящемъ введенiи—что скептицизму обязаны мы тѣмъ духомъ пытливости, который въ теченiе двухъ послѣднихъ вѣковъ, постепенно завладѣвая всѣмъ, преобразовалъ всѣ отрасли опытнаго и умозрительнаго знанiя, ослабилъ значенiе привилегированныхъ классовъ и слѣдовательно утвердилъ свободу на болѣе прочномъ основанiи, наказалъ деспотизмъ, смирилъ дерзость вельможъ, и даже уменьшилъ предразсудки духовенства. Однимъ словомъ, этотъ именно духъ исправилъ три грубыя ошибки прежняго времени, ошибки, заключавшiяся въ томъ, что люди были слишкомъ довѣрчивы въ политикѣ, слишкомъ легковѣрны въ наукѣ, и слишкомъ чужды терпимости въ религiи.

Этотъ бѣглый обзоръ всего, что было дѣйствительно сдѣлано, пожалуй, можетъ поразить тѣхъ читателей, которые не свыклись съ такими обширными изслѣдованiями. Но принципъ, о которомъ идетъ рѣчь, такъ важенъ, что я намѣренъ провѣрить его, въ настоящемъ введенiи, изслѣдованiемъ всѣхъ главнѣйшихъ формъ цивилизацiи. Подобнаго рода изслѣдованiе приведетъ насъ къ тому замѣчательному заключенiю, что ни одинъ отдѣльный фактъ не имѣетъ, для различныхъ странъ, такого обширнаго значенiя, какое имѣютъ продолжительность дѣйствiя въ нихъ начала скептицизма, степень его развитiя, и въ особенности степень его распространенiя. Въ Испанiи, церковь, при помощи Инквизицiи, всегда имѣла достаточно силы, чтобы наказывать скептическихъ писателей и тѣмъ предотвращать, конечно не существованiе, а проповѣдыванiе

скептическихъ воззрѣній. Такимъ образомъ, духъ сомнѣнія былъ постоянно подавляемъ, вслѣдствіе чего знаніе оставалось въ состояніи почти совершеннаго застоя;—въ такомъ же застоѣ находилась и цивилизація, которая есть плодъ знанія. Но въ Англіи и Франціи, странахъ, гдѣ, какъ мы скоро увидимъ, скептицизмъ открыто явился на свѣтъ и гдѣ онъ былъ наиболѣе распространенъ, оказались совершенно иные результаты. Поощряемая любовь къ изслѣдованію положила основаніе тому постоянно возрастающему знанію которому эти двѣ великія націи обязаны своимъ благосостояніемъ. Въ остальной части этого тома, я прослѣжу исторію скептицизма во Франціи и Англіи и разсмотрю различныя формы, въ которыхъ онъ проявлялся въ этихъ странахъ, а также отношеніе этихъ формъ къ національнымъ интересамъ. Въ порядкѣ изслѣдованія, я предоставляю первое мѣсто Англіи, такъ какъ ея цивилизація, по причинамъ уже изложеннымъ мною, должна считаться болѣе нормальною, чѣмъ цивилизація Франціи, вслѣдствіе чего, Англія, не смотря на всѣ свои недостатки, приближается болѣе къ естественному типу, чѣмъ могла приблизиться ея великая сосѣдка. Но какъ самыя полныя подробности, касательно англійской цивилизаціи, читатель найдетъ въ главной части этого сочиненія, то, въ настоящемъ введеніи, я намѣренъ посвятить ей не болѣе одной главы, въ которой разсмотрю нашу отечественную исторію только по отношенію къ непосредственнымъ послѣдствіямъ скептическаго движенія; другія же вспомогательныя явленія, имѣвшія конечно менѣе обширное значеніе, но всетаки довольно важныя, я отложу до будущаго случая. Самымъ важнымъ послѣдствіемъ скептицизма было, безъ сомнѣнія, развитіе духа религіозной терпимости; поэтому я прежде всего изложу обстоятельства, при которыхъ онъ впервые проявился въ Англіи въ XVI столѣтіи, а за тѣмъ покажу, въ какой мѣрѣ другія событія, непосредственно слѣдовавшія за этимъ явленіемъ, составляли часть того же прогресса и ока-

зывались не болѣе какъ проявленіемъ тѣхъ же самыхъ началъ, только въ различныхъ направленіяхъ.

Тщательное изученіе исторіи религіозной терпимости покажетъ намъ, что во всѣхъ христіанскихъ странахъ, гдѣ привилось это начало, оно было насильно навязано духовенству вліяніемъ свѣтскихъ сословій. И до сихъ поръ, не знаютъ религіозной терпимости въ тѣхъ странахъ, гдѣ духовная власть сильнѣе свѣтской; а какъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, всѣ страны находились въ такомъ положеніи, то не удивительно, что въ ранней исторіи Европы мы почти не находимъ ни малѣйшаго слѣда этого мудраго и благодѣтельнаго начала.

Въ то время, когда на престолъ англійскій вступила Елизавета, Англія была почти поровну подѣлена между двумя враждебными вѣроисповѣданіями; но королева, въ теченіе нѣкотораго времени, такъ ловко умѣла уравновѣшивать силы обѣихъ сторонъ, что ни одна изъ нихъ не имѣла рѣшительнаго перевѣса. Это былъ первый примѣръ, въ Европѣ, успѣшнаго управленія государствомъ, безъ дѣятельнаго участія духовной власти; въ результатѣ оказалось, что начало терпимости, хотя еще далеко несовершенно понимаемое, дошло, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, до такого развитія, которое просто изумительно въ такой варварскій вѣкъ. Къ несчастью, по прошествіи нѣкотораго времени, различныя обстоятельства, которыя будутъ изложены мною въ своемъ мѣстѣ, заставили Елизавету измѣнить свою политику,—можетъ быть, при всей своей мудрости, она считала свой образъ дѣйствія опаснымъ опытомъ, для котораго Англія еще едва ли обладала довольно зрѣлымъ знаніемъ. Но хотя она и дозволила теперь протестантамъ удовлетворять своей ненависти къ католикамъ, однако среди послѣдовавшихъ за этимъ кровавыхъ сценъ, было одно обстоятельство, особенно достойное вниманія: многія лица были казнены единственно за свою религію—въ томъ не было никакого сомнѣнія, но никто не смѣлъ сказать, что

причиною ихъ казни была религія. Ихъ подвергали самымъ варварскимъ наказаніямъ, но имъ говорили при этомъ, что они могли избавиться отъ казни, отказавшись отъ нѣкоторыхъ убѣжденій, которыя были будто бы вредны для безопасности государства. Правда, что многія изъ этихъ убѣжденій были такого рода, что ни одинъ католикъ не могъ отказаться отъ нихъ, не отказываясь въ то же время и отъ своей религіи, которой они составляли существенную принадлежность. Но самый тотъ фактъ, что духъ преслѣдованія долженъ былъ прибѣгать къ такого рода уловкамъ, доказывалъ уже значительный прогрессъ того вѣка. Уже то составляло весьма важное пріобрѣтеніе, что ханжа сдѣлался лицемѣромъ, и что духовенство при всей своей готовности жечь людей для блага ихъ душъ, вынуждено было оправдывать свою жестокость соображеніями болѣе свѣтскаго и, какъ имъ казалось, менѣе важнаго свойства.

Замѣчательное доказательство происходившей въ то время перемѣны видимъ мы въ двухъ важнѣйшихъ теологическихъ сочиненіяхъ, вышедшихъ въ Англіи въ царствованіе Елизаветы. Гукерово «*Церковное Устройство*» (Ecclesiastical Polity), изданное въ концѣ XVI столѣтія, еще и досихъ поръ считается однимъ изъ главнѣйшихъ оплотовъ нашей отечественной церкви. Если мы сравнимъ это сочиненіе съ сочиненіемъ Джювеля (Jewel) «*Защита Англійской Церкви*», которое было написано тридцатью годами ранѣе, то насъ тотчасъ же поразитъ различіе методовъ, употребляемыхъ этими замѣчательными писателями. И Гукеръ, и Джювель были оба люди ученые и геніальные; оба были коротко знакомы съ библіею, отцами церкви и постановленіями соборовъ; оба писали съ сознательною цѣлью защитить англійскую церковь, и обоимъ были хорошо извѣстны обыкновенные пріемы теологическихъ преній; но на этомъ и останавливается ихъ сходство: сами люди были очень похожи другъ на друга, сочиненія же ихъ совершенно различны. Въ

тридцатилѣтній промежутокъ времени, раздѣляющій этихъ писателей, англійскій умъ сдѣлалъ огромные успѣхи; тѣхъ аргументовъ, которые въ Джювелево время считались совершенно удовлетворительными, никто не сталъ бы и слушать въ эпоху, когда писалъ Гукеръ. Сочиненіе Джювеля наполнено текстами изъ отцовъ церкви и постановленій соборовъ, голословныя утвержденія которыхъ, когда они не противорѣчили священному писанію, онъ повидимому считалъ уже положительными доказательствами. Гукеръ, напротивъ, хотя и оказываетъ большое уваженіе соборамъ, но мало опирается на отцовъ церкви; онъ очевидно руководствовался соображеніемъ, что читатели не обратятъ слишкомъ большаго вниманія на бездоказательныя мнѣнія. Джювель внушаетъ необходимость вѣры, а Гукеръ настаиваетъ на упражненіи разума. Первый употребляетъ весь свой талантъ на то, чтобы собрать рѣшенія древности и рѣшить, какой въ нихъ можетъ быть предположенъ смыслъ. Второй приводитъ слова древнихъ не столько изъ уваженія къ ихъ авторитету, сколько съ цѣлію уяснить ими свои собственные аргументы. Такъ, напримѣръ, оба, и Гукеръ и Джювель, утверждаютъ, что монархъ имѣетъ несомнѣнное право вмѣшиваться въ дѣла церкви; но Джювель воображалъ себѣ, что онъ доказалъ это право, напомнивъ, что имъ пользовались Моисей, Іисусъ Навинъ, Давидъ и Саломонъ; Гукеръ, напротивъ, доказываетъ, что право это существуетъ не въ силу древности своей, а потому что оно разумно, потому что неосновательно было бы предположить, что люди не духовнаго званія станутъ подчиняться законамъ, которые изданы однимъ духовенствомъ. Въ такомъ же противоположномъ духѣ, эти два великіе писателя ведутъ и свою защиту англійской церкви. Джювель, подобно всѣмъ писателямъ его времени, упражнялъ болѣе свою память, чѣмъ свой умъ; онъ думаетъ, что рѣшилъ весь споръ тѣмъ, что набралъ множество текстовъ изъ библіи и мнѣній различныхъ комментаторовъ. Гукеръ, напротивъ, живя во

времена Шекспира и Бэкона, вынужденъ былъ придерживаться болѣе глубокихъ взглядовъ. Его защита не основывается ни на преданіяхъ, ни на комментаторахъ, ни даже на откровеніяхъ; онъ довольствуется тѣмъ, что обусловливаетъ справедливость притязаній двухъ враждующихъ сторонъ соотвѣтственностью ихъ главнымъ требованіямъ общества и удобопримѣнимостью къ общимъ цѣлямъ ежедневной жизни.

Не нужно много проницательности, чтобы понять огромную важность той перемѣны, которой представителями служатъ эти два обширныя сочиненія. До тѣхъ поръ, пока мнѣнія въ теологіи защищались по старому догматическому методу, ихъ нельзя было оспаривать безъ того, чтобы не подвергнуться обвиненію въ ереси. Когда же ихъ стали защищать, главнѣйшимъ образомъ, общечеловѣческими разсужденіями, то опора ихъ значительно ослабѣла; въ нихъ вошелъ элементъ недостовѣрности. Теперь можно было допустить, что аргументы одной секты такъ же хороши, какъ и аргументы другой, и что мы не можемъ быть увѣрены въ справедливости нашихъ убѣжденій, пока не услышимъ, что̀ скажетъ противная сторона. По старой теологической теоріи, легко было оправдать самыя варварскія преслѣдованія. Если человѣкъ зналъ, что единственная истинная религія есть та, которую онъ исповѣдуетъ, если онъ зналъ также, что умирающіе въ другой вѣрѣ обречены на вѣчную гибель, если онъ зналъ, что во всемъ этомъ не допускается ни малѣйшаго сомнѣнія,—то онъ смѣло могъ сдѣлать такой выводъ, что наказывать тѣло, для спасенія души, и обезпечивать безсмертнымъ существамъ будущее спасеніе, даже при помощи такихъ жестокихъ средствъ, какъ петля или колъ,—есть дѣло благое. Но если того же самаго человѣка научили думать, что религіозные вопросы должны быть разрѣшаемы, какъ съ помощью разума, такъ и съ помощью вѣры, то едвали онъ избѣгнетъ того разсужденія, что разумъ, даже въ самыхъ умныхъ головахъ, не непогрѣшимъ, потому что онъ часто

приводилъ самыхъ способныхъ людей къ самымъ противоположнымъ заключеніямъ. Когда такое понятіе распространено въ какомъ нибудь народѣ, то оно не можетъ не имѣть вліянія на его поступки. Ни одинъ человѣкъ сколько нибудь здравомыслящій и честный не рѣшится подвергнуть другаго, за его религію, всей строгости законовъ, если онъ знаетъ, что его собственныя убѣжденія легко могутъ оказаться ложными, а убѣжденія наказаннаго имъ человѣка—справедливыми. Съ той минуты, какъ религіозные вопросы освобождаются отъ юрисдикціи вѣры и подвергаются суду разума, преслѣдованіе за вѣру является самымъ грустнымъ видомъ преступленія. Такъ было въ XVII столѣтіи, когда теологія, сдѣлавшись разумнѣе, стала менѣе самонадѣянна и потому болѣе человѣчна. Черезъ семнадцать лѣтъ послѣ изданія великаго сочиненія Гукера, два человѣка были публично сожжены англійскими епископами за еретическія убѣжденія. Но это былъ послѣдній вздохъ умирающаго ханжества; съ этого памятнаго дня, почва Англіи уже ни разу не была запятнана кровью страдальца за религіозныя убѣжденія.

И такъ, мы видѣли зарожденіе того скептицизма, съ котораго, въ естественныхъ наукахъ, должно всегда начинаться знаніе, а въ религіи—терпимость. Конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ обоихъ случаяхъ, отдѣльные мыслители могутъ, съ помощью большихъ усилій врожденнаго генія, освободиться отъ дѣйствія этого закона, но въ прогрессѣ цѣлой націи, такого уклоненія быть не можетъ. Пока люди приписываютъ движеніе кометъ непосредственному дѣйствію перста Божьяго и пока они вѣруютъ, что солнечное затмѣніе есть одно изъ выраженій Божьяго гнѣва, до тѣхъ поръ они не могутъ сдѣлаться виновны въ богопротивномъ притязаніи предсказывать такія сверхъестественныя явленія. Прежде чѣмъ они осмѣлятся изслѣдовать причины этихъ таинственныхъ явленій, необходимо, чтобы они увѣровали, или по крайней мѣрѣ заподозрѣли, что подобныя явленія могутъ быть объя-

сены человѣческимъ умомъ. Точно также, пока люди не рѣшатся представить, нѣкоторымъ образомъ, свою религію на судъ своего разума, до тѣхъ поръ они не будутъ въ состояніи понять, какъ могутъ быть различныя вѣрованія, или какъ можетъ кто нибудь расходиться съ ними въ убѣжденіяхъ, не дѣлаясь чрезъ это виновнымъ въ самомъ тяжкомъ и непростительномъ преступленіи.

Если мы прослѣдимъ далѣе развитіе идей въ Англіи, то увидимъ всю справедливость сдѣланныхъ нами выше замѣчаній. Всеобщій духъ пытливости, сомнѣнія и даже сопротивленія сталъ овладѣвать умами людей. Въ естественныхъ наукахъ, это дало имъ возможность однимъ разомъ сбросить старинныя оковы и создать науки, основанныя не на преданіяхъ старины, а на личныхъ наблюденіяхъ и опытахъ. Въ политикѣ, плодомъ такого возбужденія было возстаніе противъ правительства, окончившееся смертью короля на эшафотѣ. Въ религіи, духъ этотъ породилъ тысячи сектъ, изъ которыхъ каждая провозглашала и часто преувеличивала важность свободы совѣсти. Подробности этого великаго движенія составляютъ одну изъ самыхъ занимательныхъ частей исторіи Англіи. Но, не распространяясь о томъ, что будетъ разсказано далѣе, я приведу въ настоящее время только одинъ примѣръ, который, по сопровождавшимъ его обстоятельствамъ, особенно хорошо характеризуетъ тогдашнее время. Знаменитое сочиненіе Чиллингворта (Chillingworth) о протестантской религіи считается вообще лучшею защитою реформаторовъ противъ римской церкви. Оно было издано въ 1637 году, и, судя по положенію автора, мы могли бы ожидать, что найдемъ въ немъ полнѣйшее проявленіе ханжества, соотвѣтствовавшаго духу того времени. Чиллингвортъ только что оставилъ ту религію, на которую теперь сталъ нападать; поэтому можно было бы предположить въ немъ естественную склонность къ догматизированію, которою всегда отличаются вѣроотступники. Кромѣ того, онъ былъ

крестникомъ и лучшимъ другомъ Лода, о которомъ и до сихъ поръ вспоминаютъ съ ненавистью, какъ о самомъ гнусномъ, самомъ жестокомъ и самомъ ограниченномъ человѣкѣ, какой когда либо занималъ епископскую каѳедру. Въ довершеніе всего, онъ былъ питомецъ Оксфорда, и постоянно жилъ въ этомъ древнемъ университетѣ, который всегда считался убѣжищемъ суевѣрія и до сихъ поръ сохранилъ эту незавидную славу. Обращаясь затѣмъ къ сочиненію, которое было писано при такихъ обстоятельствахъ, мы съ трудомъ можемъ повѣрить, что оно появилось въ томъ же самомъ поколѣніи и въ той же самой странѣ, въ которыхъ, только двадцатью семью годами ранѣе, два человѣка были публично сожжены за то, что отстаивали убѣжденія, несогласныя съ убѣжденіями господствующей церкви. Конечно, не можетъ быть лучшаго доказательства необыкновенной энергіи происходившаго въ то время движенія, какъ то, что давленіе его чувствовалось и при самыхъ враждебныхъ обстоятельствахъ, какія только можно представить себѣ; что другъ Лода и притомъ питомецъ Оксфорда, въ серіозномъ теологическомъ изслѣдованіи, проводилъ начала совершенно разрушительныя для того теологическаго духа, который въ теченіи многихъ вѣковъ держалъ въ рабствѣ всю Европу.

Въ этомъ великомъ сочиненіи говорится прямо противъ всякаго авторитета въ дѣлѣ религіи. Гукеръ, тотъ, хотя и аппеллировалъ на юрисдикцію отцовъ церкви къ юрисдикціи разума, однако позаботился прибавить, что разумъ отдѣльныхъ личностей долженъ склоняться предъ разумомъ церкви, выражающимся въ постановленіяхъ соборовъ и въ общемъ голосѣ церковныхъ преданій. Чиллингвортъ же не хотѣлъ и слышать ни о чемъ подобномъ. Онъ не допускалъ ни какихъ ограниченій, направленныхъ къ стѣсненію священнаго права свободы совѣсти. Онъ не только зашелъ далѣе Гукера въ пренебреженіи къ отцамъ церкви, но даже осмѣлился не уважать соборовъ. Хотя единственною цѣлью

его сочиненія было разобрать враждебныя притязанія двухъ главнѣйшихъ сектъ, на которыя распалась христіанская церковь, тѣмъ не менѣе онъ никогда не ссылается на авторитетъ соборовъ той самой церкви, о которой шелъ споръ. Его мощный и въ то же время тонкій умъ, проникающій въ самую глубину предмета, пренебрегалъ тѣмъ споромъ, который долго занималъ умы людей. Разбирая пункты, на которыхъ католики и протестанты расходились, онъ полагаетъ вопросъ не въ томъ, согласны ли содержащіяся въ нихъ ученія со взглядами первоначальной церкви, а въ томъ, согласны ли они съ человѣческимъ разумомъ; и онъ, не колеблясь, высказываетъ такую мысль, что какъ бы ни были справедливы эти ученія, ни одинъ человѣкъ не обязанъ имъ вѣрить, если только онъ находитъ, что они противны внушеніямъ его собственнаго разума. Онъ не согласенъ также и съ тѣмъ, чтобы вѣра восполняла недостатокъ авторитета. Даже этотъ любимый принципъ теологовъ, у Чиллингворта, уступаетъ мѣсто преобладанію человѣческаго разума. Разумъ, говоритъ онъ, даетъ намъ знаніе, вѣра же даетъ только убѣжденіе, которое есть часть знанія, и потому стоитъ ниже его. Разумъ, а не вѣра, долженъ рѣшать нашъ выборъ въ предметахъ религіи, и однимъ только разумомъ можемъ мы различать истину отъ лжи. Наконецъ, онъ торжественно напоминаетъ своимъ читателямъ, что въ предметахъ религіи, не слѣдуетъ ожидать, чтобы кто либо могъ дѣлать твердые выводы изъ несовершенныхъ посылокъ, или вѣрить неправдоподобнымъ показаніямъ на основаніи скудныхъ доводовъ; еще менѣе, говоритъ онъ, имѣлось когда либо въ виду, что люди до такой степени извратятъ свой разумъ, чтобы проникнуться непогрѣшимой вѣрою въ то̀, чего они не въ состояніи доказать непогрѣшимыми аргументами. Ни одинъ человѣкъ, имѣющій сколько нибудь соображенія, не можетъ ошибиться на счетъ очевиднаго направленія этихъ взглядовъ. Но что особенно важно замѣтить, это тотъ про-

цессъ, чрезъ который долженъ былъ пройти умъ человѣческій, на пути цивилизаціи, прежде чѣмъ могъ возвыситься до такихъ взглядовъ. Реформація, разрушивъ догматъ непогрѣшимости церкви, ослабила конечно то уваженіе, которое питали къ ея древности. Но такова была сила старинныхъ ассоціацій идей, что наши соотечественники еще долго сохраняли уваженіе къ тому, предъ чѣмъ уже перестали благоговѣть. Такъ Джювель, хотя и признавалъ за высшій авторитетъ Библію, но въ тѣхъ случаяхъ, когда она молчала, или выражалась двусмысленно, онъ обращался къ первоначальной церкви, рѣшенія которой могли, по мнѣнію его, устранить всѣ трудности. Поэтому онъ употреблялъ свой разумъ только на приведеніе въ извѣстность противорѣчій между св. писаніемъ и преданіями; но когда они не были согласны, то оказывалъ, по нынѣшнимъ понятіямъ, суевѣрное уваженіе древности. Тридцать лѣтъ спустя послѣ него, явился Гукеръ, который сдѣлалъ шагъ впередъ, и проповѣдуя начала, отъ которыхъ Джювель отшатнулся бы съ ужасомъ, въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ къ ослабленію того, что суждено было окончательно уничтожить Чиллингворту. Такъ, эти три великіе мужа являются представителями трехъ различныхъ эпохъ и трехъ послѣдовательныхъ поколѣній, къ которымъ они принадлежали. У Джювеля разумъ есть, такъ сказать, верхняя постройка системы, а авторитетъ есть основаніе, на которомъ возведена эта постройка. У Гукера, авторитетъ служитъ верхнею постройкою, а разумъ основаніемъ. У Чиллингворта же, сочиненія котораго были предвѣстниками приближавшейся бури, авторитетъ совершенно исчезаетъ и все зданіе религіи опирается на томъ толкованіи, какое даетъ ни чѣмъ не руководимый разумъ человѣка опредѣленіямъ Всемогущаго Бога.

Громадный успѣхъ великаго сочиненія Чиллингворта долженъ былъ способствовать тому движенію, котораго самое это сочиненіе является однимъ изъ доказательствъ. Оно

служило полнымъ оправданіемъ религіозному расколу, а слѣдовательно и распаденію англиканской церкви, до котораго суждено было дожить тому же самому поколѣнію. Основное начало этого сочиненія было принято самыми вліятельными писателями XVII столѣтія—каковы Гэльсъ (Hales) Оуэнъ, Тэйлоръ, Бёрнетъ, Тиллотсонъ, Локкъ и даже осторожный и ко всему приноравливающійся Тэмпль,—которые всѣ настаивали на томъ, что авторитетъ свободы совѣсти составляетъ трибуналъ, на который нѣтъ аппелляціи. Выводъ изъ этого, кажется, очевиденъ. Если послѣднее слово истины заключается въ сужденіи каждаго человѣка, и если никто не въ правѣ утверждать, что сужденія людей, часто противорѣчащія другъ другу, могутъ когда либо быть безошибочны, то изъ этого необходимо слѣдуетъ, что нѣтъ опредѣлительнаго критеріума для религіозной истины. Вотъ грустное и, я твердо убѣжденъ, въ высшей степени невѣрное заключеніе; но каждая нація необходимо руководствуется имъ до тѣхъ поръ, пока не довершитъ великаго дѣла терпимости, которое, даже въ нашей странѣ и въ наше время, еще не совсѣмъ окончено. Необходимо, чтобы люди научились сомнѣваться, прежде чѣмъ начнутъ обнаруживать терпимость, и чтобы они признали погрѣшимость своихъ собственныхъ мнѣній, прежде чѣмъ станутъ уважать мнѣнія своихъ противниковъ. Этотъ великій процессъ еще далеко ни кончился ни въ одной изъ странъ; и европейскій умъ, едва освободившійся отъ своего первоначальнаго легковѣрія и отъ слишкомъ большаго довѣрія къ своимъ собственнымъ убѣжденіямъ, находится еще на средней, такъ сказать, пробной ступени. Когда онъ перейдетъ черезъ эту ступень, когда мы научимся судить о людяхъ только по ихъ характеру и ихъ дѣйствіямъ, а вовсе не по ихъ теологическимъ догматамъ, тогда мы будемъ въ состояніи вырабатывать свои религіозныя убѣжденія посредствомъ того чисто трансцендентальнаго процесса, проблески котораго проявлялись въ каждомъ вѣкѣ у немногихъ даро-

витыхъ людей. Что теперь все быстро клонится въ эту именно сторону, это ясно для всякаго, кто изучалъ развитіе новѣйшей цивилизаціи. Въ короткій промежутокъ трехъ столѣтій, древній теологическій духъ долженъ былъ нетолько низойти съ той степени преобладанія, на которой онъ такъ долго держался, но и покинуть тѣ укрѣпленныя мѣста, гдѣ онъ тщетно пытался укрыться въ виду распространявшагося знанія. Онъ долженъ былъ мало по малу отказаться отъ всѣхъ своихъ любимѣйшихъ притязаній. Хотя недавно, въ Англіи, и устремлено было, мгновенно, вниманіе на нѣкоторые религіозные споры, но сопровождавшія ихъ обстоятельства показываютъ, что духъ времени измѣнился. На тѣ споры, которые, сто лѣтъ тому назадъ, воспламенили бы все государство, теперь, огромное большинство образованныхъ людей смотритъ съ совершеннымъ равнодушіемъ. Разныя запутанности новѣйшаго общества и огромное разнообразіе интересовъ, между которыми оно подѣлено, въ значительной мѣрѣ развлекали умы и не давали имъ останавливаться на предметахъ, которые люди, мало занятые, считали бы особенно важными. Кромѣ того, пріобрѣтенія науки теперь далеко превосходятъ пріобрѣтенія, сдѣланныя въ какой либо изъ прежнихъ вѣковъ: они наводятъ на такія интересныя предположенія, что почти всѣ великіе мыслители посвящаютъ имъ все свое время и не хотятъ болѣе заниматься предметами чисто умозрительной вѣры. Такимъ образомъ, то̀, что обыкновенно считалось важнѣйшимъ изъ вопросовъ, теперь предоставлено людямъ низшаго разряда, людямъ, подражающимъ только рвенію, но не достигающимъ вліянія тѣхъ истинно великихъ теологовъ, которыхъ сочиненія принадлежатъ къ числу лучшихъ украшеній нашей ранней литературы. Правда, что эти бурливые полемики, своими криками, способствовали къ разъединенію церкви, но они не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія на большинство англійскихъ умовъ, такъ, что численный перевѣсъ находится на

сторонѣ людей, открыто возстающихъ противъ той монашеской, аскетической религіи, которую теперь тщетно пытаются возстановить. Дѣло въ томъ, что время для этого рода вещей уже прошло. Теологическіе интересы уже давно перестали быть преобладающими, и дѣла націй не сообразаются болѣе съ видами церкви. Въ Англіи, гдѣ движеніе впередъ было быстрѣе, чѣмъ гдѣ либо, перемѣна эта чрезвычайно замѣтна. По всѣмъ другимъ отраслямъ наукъ, имѣли мы цѣлый рядъ великихъ и сильныхъ мыслителей, которые дѣлали честь своей странѣ и справедливо возбуждали удивленіе всего человѣчества; но вотъ уже слишкомъ сто лѣтъ, какъ мы не производили ни одного оригинальнаго сочиненія во всей области теологическихъ преній. Уже слишкомъ сто лѣтъ, какъ апатія къ этого рода предметамъ стала такъ замѣтна, что не было сдѣлано ни одного цѣннаго прибавленія къ той огромной массѣ теологіи, которая, для людей мыслящихъ, съ каждымъ послѣдовательнымъ поколѣніемъ, все болѣе и болѣе теряетъ прежній интересъ.

Вотъ только немногіе изъ тѣхъ признаковъ, которые должны быть очевидны для всякаго, кто не ослѣпленъ предубѣжденіями, свойственными несовершенному воспитанію. Огромное большинство духовныхъ лицъ,—нѣкоторыя по честолюбивымъ побужденіямъ, но большая часть, я увѣренъ, по внушеніямъ совѣсти, — спятся остановить успѣхи того скептицизма, который охватываетъ насъ со всѣхъ сторонъ. Пора этимъ благонамѣреннымъ, конечно, но заблуждающимся людямъ замѣтить самообольщеніе, подъ вліяніемъ котораго они находятся. Тò, что такъ сильно тревожитъ ихъ, есть не болѣе какъ переходная ступень отъ суевѣрія къ терпимости. Умы высшаго разряда перешли чрезъ эту ступень и приближаются уже къ тому, что, по всей вѣроятности, составляетъ послѣднее выраженіе религіознаго развитія человѣчества. Но масса народа и даже нѣкоторые изъ тѣхъ, кого обыкновенно называютъ людьми образованными, только

теперь вступаютъ въ ту раннюю эпоху, въ которой скептицизмъ составляетъ отличительную черту ума. И такъ, быстрое развитіе этого духа далеко не должно возбуждать въ насъ опасенія, а намъ скорѣе слѣдуетъ всѣми силами стараться поощрять то̀, что хотя и больно для нѣкоторыхъ, но спасительно для всѣхъ: это единственное вѣрное средство уничтожить ханжество. Насъ не должно также удивлять, что прежде чѣмъ достигается эта цѣль, необходимо претерпѣвается извѣстная доля страданія. Если одинъ вѣкъ вѣруетъ слишкомъ много, то весьма естественную составляетъ реакцію, когда другой вѣруетъ слишкомъ мало. Таковы несовершенства нашей природы, что мы должны, въ силу самыхъ законовъ ея усовершенствованія, пройти чрезъ тѣ кризисы скептицизма и нравственной болѣзни, въ которыхъ обыкновенный взглядъ видитъ состояніе упадка націи и ея безчестіе, между тѣмъ какъ, въ сущности, они представляютъ собою только тотъ огонь, которымъ должно быть очищено золото, прежде чѣмъ оно оставитъ свой шлакъ въ тиглѣ плавильщика. Скажемъ — употребляя сравненіе, сдѣланное великимъ аллегористомъ — необходимо, чтобы бѣдный пилигримъ, нагруженный тяжестью цѣлой кучи суевѣрій, пробирался по *топи отчаянія* и по *долинѣ смерти,* прежде чѣмъ достигнетъ *града славы,* блистающаго золотомъ и драгоцѣнными каменьями, на который ему стоитъ только взглянуть—и онъ уже вполнѣ вознагражденъ за всѣ труды и опасности.

Въ теченіе всего XVII столѣтія, продолжалось это двойное движеніе—скептицизма и терпимости, не смотря на препятствія, которыя оно постоянно встрѣчало въ дѣйствіяхъ двухъ преемниковъ Елизаветы, поступавшихъ во всемъ противно просвѣщенной политикѣ великой королевы. Эти государи истощали всю свою энергію на борьбу противъ стремленій вѣка, котораго они не въ состояніи были понять; но по счастью, духъ, который они хотѣли подавить, стоялъ уже на такой высокой степени развитія, что ихъ вмѣша-

тельство было только смѣшно. Въ то же время, успѣхамъ англійскаго ума еще болѣе способствовали самые споры, разъединявшіе Англію въ теченіе полувѣка. Въ царствованіе Елизаветы, былъ великій споръ между церковью и ея противниками—между правовѣрными и еретиками. Въ царствованія же Іакова и Карла, теологія впервые переродилась въ политику. Борьба происходила уже не между различными вѣрованіями и догматами, а между людьми приверженными къ королю и людьми поддерживавшими парламентъ. Умы людей, устремившись, такимъ образомъ, на предметы дѣйствительной важности, пренебрегали тѣми второстепенными цѣлями, которыми было поглощено все вниманіе ихъ отцовъ. Когда наконецъ въ дѣлахъ государства наступилъ кризисъ, жестокая участь короля, случайно подвинувшая интересы престола, имѣла въ высшей степени вредное дѣйствіе для интересовъ церкви. Не можетъ быть конечно ни какого сомнѣнія, что обстоятельства, сопровождавшія казнь Карла, нанесли авторитету церкви такой ударъ, отъ котораго, въ Англіи, она уже никогда не могла оправиться. Насильственная смерть короля возбудила сочувствіе народа и тѣмъ подкрѣпивъ роялистовъ, ускорила возстановленіе монархіи. Даже самое имя той великой партіи, которая достигла власти, уже намекало на перемѣну, въ религіозномъ отношеніи, происходившую въ умахъ народа. И дѣйствительно, не маловажнымъ дѣломъ было уже и то, что Англія управлялась людьми, которые называли себя индепендентами и, прикрываясь этимъ именемъ, не только отвергали всякія притязанія духовенства, но и явно выражали полное презрѣніе къ тѣмъ обрядамъ и догматамъ, которые духовенство, въ теченіе многихъ столѣтій, не переставало накоплять. Правда, что индепенденты не всегда доводили до крайнихъ послѣдствій свои ученія, но и то уже было весьма важно, что ученія эти пользовались признаніемъ со стороны законныхъ властей въ государствѣ. Кромѣ того, должно еще замѣтить, что

пуритане имѣли болѣе фанатизма, чѣмъ суевѣрія. Они были такъ мало знакомы съ настоящими основаніями государственнаго управленія, что издавали карательные законы противъ частныхъ пороковъ и полагали, что нравственностью можно управлять посредствомъ законодательныхъ мѣръ. Но не смотря на это серіозное заблужденіе, они были всегда противъ всякихъ притязаній даже со стороны ихъ собственнаго духовенства, и уничтоженіе древней епископской іерархіи, хотя быть можетъ слишкомъ поспѣшное, должно было произвести много благодѣтельныхъ послѣдствій. Когда великая партія, совершившая все это, была наконецъ низвергнута, дѣла всетаки продолжали идти по тому же направленію. Послѣ реставраціи, церковь хотя и была возстановлена въ своемъ прежнемъ блескѣ, но видимо утратила свое прежнее могущество. Къ тому же новый король, по легкомыслію скорѣе, чѣмъ по какому либо разумному побужденію, презиралъ споры теологовъ и смотрѣлъ на религіозные вопросы, какъ ему казалось, съ философскимъ равнодушіемъ. Придворные слѣдовали его примѣру и думали, что они не могутъ впасть въ заблужденіе, подражая тому, кого они считали помазанникомъ Божіимъ. Послѣдствія этого хорошо извѣстны даже тѣмъ, которые самымъ поверхностнымъ образомъ изучали англійскую литературу. Тотъ серіозный, умѣренный скептицизмъ, который составлялъ отличительную черту индепендентовъ, утратилъ всю свою прелесть, перенесенный въ несвойственную ему атмосферу двора. Людямъ окружающимъ короля были не по силамъ всѣ трудности, сопряженныя съ скептицизмомъ, и они старались подкрѣплять свои сомнѣнія богохульнымъ выраженіемъ дикаго, отчаяннаго невѣрія. Почти всѣ, безъ исключенія, писатели, которымъ наиболѣе покровительствовалъ Карлъ, истощали всю изобрѣтательность своего развращеннаго ума въ насмѣшкахъ надъ религіею, о сущности которой они не имѣли ни малѣйшаго понятія. Эти нечестивыя шутовскія выходки, сами по

себѣ, не оставили бы ни какого прочнаго впечатлѣнія на характерѣ того времени, но онѣ заслуживаютъ вниманія потому, что въ нихъ выражалось, хотя въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ, болѣе общее направленіе. Это были нездоровые отпрыски того духа невѣрія и того дерзкаго сопротивленія всякому авторитету, которые составляли отличительную черту замѣчательнѣйшихъ изъ Англичанъ XVII столѣтія. Это самое заставило Локка быть нововводителемъ въ философіи и унитаріемъ въ религіи. Это самое сдѣлало Ньютона социніаниномъ; это самое заставило Мильтона быть злѣйшимъ врагомъ церкви и не только сдѣлало изъ поэта—возмутителя, но и сообщило отпечатокъ аріанизма «Потерянному Раю». Однимъ словомъ, это самое пренебреженіе къ преданію и эта самая рѣшимость сбросить съ себя ярмо, внесенныя сперва въ философію Бэкономъ, а потомъ въ политику Кромвеллемъ, были, при томъ же поколѣніи, перенесены въ теологію Чиллингвортомъ, Оуэномъ и Гэльсомъ, въ метафизику—Гоббсомъ и Гланвиллемъ, и въ теорію государственнаго управленія—Гаррингтономъ, Сиднеемъ и Локкомъ.

Успѣхамъ англійскаго ума, въ этомъ стремленіи стряхнуть съ себя старое суевѣріе, еще болѣе способствовало необыкновенное рвеніе, приложенное къ разработкѣ естественныхъ наукъ. Это, какъ и всѣ другія великія движенія общества, можетъ быть легко объяснено предшествовавшими событіями. Оно было отчасти причиною, а отчасти послѣдствіемъ возраставшаго невѣрія того вѣка. Скептицизмъ образованныхъ классовъ, вслѣдствіе котораго ихъ не удовлетворяли давно установившіяся мнѣнія, основанныя на однихъ ничѣмъ не подпертыхъ авторитетахъ, родилъ желаніе удостовѣриться, въ какой мѣрѣ подобныя понятія оправдываются, либо опровергаются, самою сущностью дѣла. Любопытный примѣръ быстраго развитія этого духа можно найти въ сочиненіи одного автора, который, въ чисто литературномъ отношеніи, былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей своего времени.

Когда междоусобная война была еще едва рѣшена, и за три года до казни короля, сэръ Томасъ Броунъ издалъ свое знаменитое сочиненіе, подъ заглавіемъ: *изслѣдованія о простонародныхъ и общераспространенныхъ заблужденіяхъ*. Это талантливое и ученое произведеніе имѣетъ то достоинство, что въ немъ предугаданы нѣкоторые изъ результатовъ, достигнутыхъ новѣйшими изслѣдователями; но главнѣйшимъ образомъ оно замѣчательно, какъ самое первое систематически обдуманное нападеніе, въ Англіи, на преобладавшія въ то время суевѣрныя фантазіи на счетъ явленій внѣшняго міра. Еще интереснѣе то, что изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ появленіе этой книги, можно совершенно ясно видѣть, что замѣчаемые въ ней познанія и геній принадлежатъ самому автору ея, скептицизмъ же, относительно народныхъ вѣрованій, навязанъ ему изъ–внѣ, силою самаго времени.

Въ 1633 году, или около этого года, когда на престолѣ еще сидѣлъ суевѣрный государь, когда англійская церковь, казалось, находилась на самой высотѣ своего могущества, и когда люди были безпрестанно преслѣдуемы за свои религіозныя убѣжденія, — этотъ самый сэръ Томасъ Броунъ написалъ свою «Религію Врача», въ которой мы находимъ всѣ свойства его позднѣйшаго сочиненія, за исключеніемъ скептицизма. Дѣйствительно, въ «Религіи Врача» проявляется такое легковѣріе, которое должно было обезпечить этой книгѣ сочувствіе преобладавшихъ въ то время классовъ. Изъ всѣхъ предразсудковъ, которые считались тогда существенною принадлежностью народнаго вѣрованія, не было ни одного, противъ котораго Броунъ осмѣлился бы возстать. Онъ объявляетъ, что вѣритъ въ философскій камень, въ духовъ и ангеловъ хранителей и въ хиромантію. Онъ не только утверждаетъ рѣшительнымъ образомъ, что дѣйствительно существуютъ колдуньи, но даже говоритъ, что тѣ, которые отрицаютъ ихъ существованіе, не просто еретики, а даже

атеисты. Онъ усердно доказываетъ намъ, что считаетъ себя существующимъ не со дня рожденія, но со дня крещенія, потому что, до крещенія, нельзя было сказать о немъ, что онъ существуетъ. Къ этимъ проблескамъ мудрости онъ прибавляетъ еще, что чѣмъ неправдоподобнѣе какое нибудь предложеніе, тѣмъ болѣе онъ расположенъ согласиться съ нимъ; когда же вещь дѣйствительно невозможна, то онъ, уже по этому одному, готовъ вѣрить въ нее.

Таковы были мнѣнія, выраженныя сэромъ Томасомъ Броуномъ въ первомъ изъ двухъ сочиненій, которыя онъ издалъ въ свѣтъ. Въ изслѣдованіяхъ же о простонародныхъ заблужденіяхъ, проявляется духъ до такой степени противоположный, что еслибъ не было самыхъ положительныхъ доказательствъ, то мы едва ли повѣрили бы, что книга эта написана тѣмъ же человѣкомъ. Дѣло въ томъ, что въ промежутокъ двѣнадцати лѣтъ, раздѣлявшихъ эти два сочиненія, былъ довершенъ тотъ обширный соціальный и умственный переворотъ, въ которомъ ниспроверженіе церкви и казнь короля были еще не изъ самыхъ важныхъ событій. Мы знаемъ изъ литературы, изъ частной переписки и изъ государственныхъ актовъ того времени, до какой степени было невозможно, даже самымъ мощнымъ умамъ, избѣгнуть вліянія всеобщаго опьяненія. Не удивительно послѣ этого, что Броунъ, стоявшій конечно ниже многихъ изъ своихъ современниковъ, послѣдовалъ тому движенію, противъ котораго и они не могли устоять. Странно, въ самомъ дѣлѣ, было бы, еслибъ онъ одинъ остался свободенъ отъ вліянія того скептическаго духа, который, по тому самому, что его слишкомъ деспотически подавляли, теперь разорвалъ всѣ оковы и, въ этой реакціи, вскорѣ разрушилъ тѣ учрежденія, которыми тщетно старались сдерживать его.

Съ этой именно точки зрѣнія, въ высшей степени интересно и даже чрезвычайно важно сравнить оба сочиненія Броуна. Въ одномъ, позднѣйшемъ, нѣтъ уже и помину о вѣрѣ, осно-

ванной на самой невозможности той или другой вещи, но намъ говорятъ о «двухъ великихъ столбахъ истины—опытѣ и здравомъ смыслѣ». Намъ напоминаютъ также, что одна изъ главныхъ причинъ заблужденія есть «подчиненіе авторитету» другая—«пренебреженіе къ изслѣдованію», а третья—довольно странно сказать—«легковѣріе». Все это не особенно согласовалось съ старымъ теологическимъ духомъ, и потому мы не должны удивляться, что Броунъ, не только опровергаетъ нѣкоторыя изъ заблужденій отцовъ церкви, но сказавъ о заблужденіяхъ вообще, коротко прибавляетъ: есть еще и многія другія, о которыхъ мы предоставляемъ судить теологамъ и которыя, быть можетъ, не заслуживаютъ даже возраженій.

Различіе, существующее между этими двумя сочиненіями, можетъ служить недурнымъ мѣриломъ быстроты того великаго движенія, которое, въ половинѣ XVII вѣка, было замѣтно во всѣхъ отрасляхъ, какъ практической, такъ и чисто умственной жизни. Послѣ смерти Бэкона, однимъ изъ самыхъ даровитыхъ людей между Англичанами былъ конечно Бойль, котораго, по сравненію съ его современниками, можно считать стоящимъ непосредственно послѣ Ньютона, хотя, безъ сомнѣнія, какъ оригинальный мыслитель, онъ стоитъ гораздо ниже послѣдняго. О прибавленіяхъ, сдѣланныхъ имъ къ суммѣ нашихъ знаній—намъ здѣсь говорить не мѣсто; но мы можемъ сказать, что онъ первый производилъ точные опыты для опредѣленія отношенія между цвѣтомъ и теплотой, и, такимъ образомъ, не только привелъ въ извѣстность нѣкоторые весьма важные факты, но и положилъ основаніе соединенію оптики съ термотикою (ученіемъ о теплородѣ). Соединеніе это конечно еще не вполнѣ осуществилось, но для осуществленія его недостаетъ только того, чтобы какой нибудь великій ученый напалъ на такое обширное обобщеніе, которое, обнявъ обѣ науки, слило бы ихъ въ одинъ предметъ изученія. Бойлю, также, болѣе чѣмъ кому либо другому изъ Англичанъ, мы обязаны тѣми поз-

наніями въ гидростатикѣ, какія мы имѣемъ теперь. Онъ первый открылъ тотъ прекрасный и богатый драгоцѣнными результатами законъ, по которому, упругость воздуха измѣняется соотвѣтственно густотѣ его. По мнѣнію одного изъ самыхъ замѣчательныхъ натуралистовъ послѣдняго времени, Бойль первый проложилъ путь къ тѣмъ химическимъ изслѣдованіямъ, которыя затѣмъ продолжали накопляться и, по прошествіи столѣтія, доставивъ Лавуазье и современникамъ его средства опредѣлить истинныя основанія химіи, дали возможность этой наукѣ занять принадлежащее ей мѣсто между науками, разсматривающими внѣшній міръ.

Примѣненіе этихъ открытій къ благосостоянію человѣка и въ особенности къ тому, что мы могли бы назвать матеріальными интересами цивилизаціи, будутъ прослѣжено въ другомъ мѣстѣ нашего труда, въ настоящее же время я только хочу указать на гармонію, существующую между подобными изслѣдованіями и тѣмъ движеніемъ, которое я стараюсь очертить. Во всѣхъ своихъ физическихъ изслѣдованіяхъ, Бойль постоянно напираетъ на два основныхъ начала, а именно: на важность лично произведенныхъ опытовъ и на сравнительную ничтожность тѣхъ свѣденій о предметахъ міра физическаго, которыя къ намъ перешли отъ древнихъ. Таковы два великіе ключа къ его методу, таковы воззрѣнія, наслѣдованныя имъ отъ Бэкона—и этихъ же воззрѣній держались всѣ люди, сдѣлавшіе въ продолженіе двухъ послѣднихъ вѣковъ какое либо значительное приращеніе къ суммѣ человѣческихъ знаній Сперва сомнѣніе, потомъ изслѣдованіе, и наконецъ открытіе — вотъ какимъ путемъ слѣдовали всѣ безъ исключенія великіе учители наши. Такъ сильно сознавалъ Бойль необходимость слѣдовать этому пути, что будучи самъ весьма религіознымъ человѣкомъ, далъ самому популярному изъ своихъ ученыхъ сочиненій заглавіе The Sceptical Chemist (Скептикъ въ Химіи)—желая этимъ выразить, что пока люди не стали сомнѣваться въ истинѣ химическихъ теорій

своего времени, имъ было невозможно значительно подвигаться впередъ, на лежавшемъ передъ ними пути. При томъ нельзя не сказать, что это замѣчательное сочиненіе, ниспровергшее такъ много старыхъ мнѣній, было издано въ 1661 году, на другой годъ послѣ вступленія на престолъ Карла II, въ царствованіе котораго, распространеніе невѣрія было дѣйствительно весьма быстро; оно видно было не только въ умственно-трудящихся сословіяхъ, но даже между аристократами и приближенными короля. Правда, что въ этомъ классѣ общества, невѣріе приняло возмутительную и извращенную форму. Но не малую силу должно было имѣть то движеніе, которое, въ такой ранній періодъ, могло такимъ образомъ проникнуть даже въ сокровенныя палаты дворца и подѣйствовать на умы царедворцевъ — лѣниваго и слабодушнаго племени, по своему обычному легкомыслію, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, всегда расположеннаго къ суевѣрію и готоваго вѣрить всему, что завѣщано ему мудростью предковъ.

Это направленіе теперь высказывалось во всемъ. Вездѣ была видна возрастающая рѣшимость подчинить старинныя понятія новымъ изслѣдованіямъ. Въ то самое время, когда Бойль предавался своимъ трудамъ, Карлъ II учредилъ Королевское Общество, которое было образовано съ признанною цѣлью расширять предѣлы знанія непосредственными опытами. При этомъ весьма достойно замѣчанія, что по грамотѣ, впервые дарованной этому знаменитому учрежденію, цѣлью его полагалось расширеніе знаній въ предметахъ естественныхъ, въ противоположность предметамъ сверхъестественнымъ.

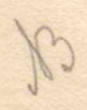
Легко себѣ представить, съ какимъ ужасомъ и отвращеніемъ смотрѣли на все это люди, чрезмѣрно поклоняющіеся древности—тѣ люди, которые, предаваясь исключительно благоговѣнію къ прошедшему, не способны ни достойно цѣнить настоящее, ни надѣяться на будущее. Эти страшные противники прогресса, въ семнадцатомъ вѣкѣ, играли ту же роль, какую

они играютъ и въ настоящее время, отвергая всякую новизну и слѣдовательно останавливая всякое улучшеніе. Ожесточенная распря, происшедшая между обѣими партіями, и вражда, направленная противъ Королевскаго Общества, какъ перваго учрежденія, въ которомъ ясно олицетворилась идея прогресса, принадлежатъ къ самымъ поучительнымъ явленіямъ нашей исторіи, и, въ другомъ мѣстѣ этого сочиненія, мнѣ придется довольно много говорить о нихъ. Но теперь достаточно будетъ сказать, что реакціонная партія, хотя во главѣ ея стояло огромное большинство духовенства, была совершенно разбита, какъ дѣйствительно и должно было ожидать, потому что противники ея имѣли на своей сторонѣ почти всѣ умственныя силы страны, а сверхъ того были подкрѣплены тѣмъ содѣйствіемъ, которое могъ имъ оказать дворъ. Прогрессъ былъ дѣйствительно такъ быстръ, что онъ увлекъ за собою даже нѣкоторыхъ изъ самыхъ даровитыхъ людей духовнаго сословія; любовь къ знанію дѣйствовала на нихъ сильнѣе, чѣмъ старыя преданія, въ которыхъ они были воспитаны. Но это были исключительные случаи, и вообще говоря, нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ царствованіе Карла II, между естественными науками и теологическимъ духомъ существовалъ антагонизмъ, который побудилъ почти все духовенство къ дружному возстанію противъ науки и стремленію унизить ее въ общественномъ мнѣніи. И нечего удивляться тому, что духовенство приняло такой образъ дѣйствія. Тотъ духъ изслѣдованія и опыта, который оно старалось обуздать, не только оскорблялъ предразсудки его, но и вредилъ его могуществу. Вопервыхъ, уже самая привычка заниматься естественными науками научала людей требовать такой строгости въ доказательствахъ, которой, какъ весьма скоро обнаружилось, духовенство, въ присвоенной ему области, не въ состояніи было удовлетворить. Вовторыхъ, приращенія, сдѣланныя къ суммѣ физическихъ знаній, открывали людямъ новыя поприща для умствованія, и тѣмъ еще болѣе содѣйствовали къ отвле-

ченiю вниманiя отъ предметовъ религiозныхъ. Конечно, и то и другое послѣдствiя современнаго движенiя могли простираться лишь на сравнительно небольшое число лицъ, интересующихся научными изысканiями; но должно замѣтить, что окончательный результатъ подобныхъ изслѣдованiй долженъ былъ проявиться въ несравненно обширнѣйшей сферѣ. Это можно назвать вторымъ моментомъ влiянiя научныхъ изслѣдованiй; и изученiе того, какимъ образомъ оно проявилось, весьма достойно нашего вниманiя, потому что ознакомленiе наше съ этимъ процессомъ много поможетъ намъ въ объясненiи причины того рѣзкаго противодѣйствiя, которое всегда существовало между суевѣрiемъ и наукою.

Очевидно, что нацiя, совсѣмъ не знающая законовъ природы, будетъ относить къ сверхъестественнымъ причинамъ всѣ явленiя, которыми она окружена. Но какъ только естественныя науки начинаютъ дѣлать свое дѣло, тотчасъ являются элементы великаго переворота Каждое изъ послѣдующихъ открытiй, приводя въ извѣстность законъ, управляющiй нѣкоторыми явленiями, лишаетъ эти явленiя той видимой таинственности, которая ихъ до тѣхъ поръ окружала. Любовь къ чудесному въ соразмѣрности уменьшается: каждый разъ, когда какая нибудь наука сдѣлаетъ достаточные успѣхи для того, чтобы дозволить людямъ, знакомымъ съ нею, предсказывать входящiя въ область ея явленiя, очевидно, что всѣ эти явленiя сразу исключаются изъ круга дѣйствiя сверхъестественныхъ силъ и относятся къ дѣйствiямъ силъ естественныхъ. Назначенiе естествознанiя заключается въ томъ, чтобъ объяснять внѣшнiя явленiя, въ видахъ предсказыванiя ихъ на будущее время; и всякое удачное предсказанiе, признанное всенародно, разрываетъ одно изъ звѣнъ цѣпи, связывающей, такъ сказать, воображенiе наше съ таинственнымъ, невидимымъ мiромъ. По этому, предполагая всѣ прочiя данныя одинаковыми, суевѣрiе каждой нацiи должно быть всегда строго пропорцiонально раз-

мѣру ея познаній въ естественныхъ наукахъ. Это положеніе можетъ быть въ нѣкоторой степени повѣрено и обыкновеннымъ человѣческимъ опытомъ. Если мы сравнимъ между собою различные классы общества, то найдемъ, что въ нихъ суевѣріе проявляется въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, смотря по тому, были или не были объяснены естественными законами тѣ явленія, съ которыми люди этихъ классовъ поставлены въ соприкосновеніе. Всѣмъ извѣстно легковѣріе моряковъ — въ каждой литературѣ есть доказательства многочисленности суевѣрій ихъ, и упорства, съ которымъ они за нихъ держатся. Это превосходно объясняется изложеннымъ мною началомъ. Метеорологія до сихъ поръ еще не возвышена на степень науки, и какъ по этому законы, управляющіе вѣтрами и бурями, еще не извѣстны, то естественнымъ образомъ слѣдуетъ, что именно классъ людей, наиболѣе подвергающійся опасности отъ этихъ явленій, вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе суевѣренъ. Съ другой стороны, воины обитаютъ на стихіи, гораздо болѣе послушной человѣку; они менѣе, чѣмъ мореходцы, подвержены тѣмъ опасностямъ, которыя не могутъ быть предусмотрѣны наукою, слѣдовательно менѣе имѣютъ побужденій взывать къ сверхъестественному вмѣшательству, — и вообще замѣчено, что, въ массѣ, воины менѣе суевѣрны, чѣмъ моряки. Опять, если мы сравнимъ земледѣльцевъ съ людьми, живущими мануфактурною промышленностью то мы увидимъ проявленіе того же самаго начала. Для земледѣльцевъ одно изъ важнѣйшихъ обстоятельствъ составляетъ погода, которая, принявъ неблагопріятный оборотъ, можетъ съ разу уничтожить всѣ ихъ разсчеты. Но какъ наука до сихъ поръ не умѣла открыть законы дождя, то люди въ настоящее время не могутъ предсказывать его за долго впередъ, а это заставляетъ вѣрить, что дождь происходитъ отъ дѣйствія сверхъестественныхъ силъ, и мы до сихъ поръ видимъ примѣры молитвъ, приносимыхъ въ нашихъ церквахъ о низ-

посланiи дождей, или прекращенiи ихъ. Такое воззрѣнiе можетъ со временемъ измѣниться подобно тому, какъ исчезаетъ чувство благочестиваго ужаса, съ которымъ наши предки смотрѣли на появленiе кометы, или на приближенiе солнечнаго затмѣнiя. Мы теперь ознакомились съ законами, опредѣляющими движенiе кометъ и солнечныя затмѣнiя, и имѣя возможность предсказывать эти явленiя, перестали молиться о сохраненiи насъ отъ нихъ. Но какъ наши изслѣдованiя относительно явленiй дождя случайно оказались менѣе удачными, то мы обратились къ болѣе легкому средству—призывая помощь Божества для возмѣщенiя недостатковъ знанiя, происходящихъ можетъ быть отъ нашей умственной лѣни, употребляемъ обряды религiи, какъ средство для прикрытiя невѣжества, въ которомъ намъ бы слѣдовало откровенно сознаться. Такимъ образомъ земледѣлецъ научается приписывать дѣятельности сверхъестественныхъ причинъ важнѣйшiя изъ касающихся до него явленiй; и нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что это составляетъ одну изъ причинъ сохраненiя тѣхъ суевѣрныхъ понятiй, которыми сельскiе обыватели, такъ невыгодно для нихъ, отличаются отъ городскихъ. Мануфактурный промышленникъ. и вообще всякiй занимающiйся какимъ-либо городскимъ промысломъ, имѣетъ занятiя, успѣхъ которыхъ, завися отъ его собственныхъ способностей, не имѣетъ ни какой связи съ необъясненными явленiями, смущающими воображенiе земледѣльца. Тотъ, который посредствомъ своего искусства, обработываетъ уже доставленный ему другими сырой матерiалъ, очевидно менѣе подверженъ всякимъ ни отъ кого не зависящимъ случайностямъ, чѣмъ тотъ, который первоначально производитъ этотъ сырой матерiалъ. Ясная ли стоитъ погода или дождливая, онъ продолжаетъ свой трудъ съ тѣмъ же успѣхомъ, и научается надѣяться только на свою энергiю и на искусство своихъ рукъ. Какъ мореходецъ естественно болѣе суевѣренъ, чѣмъ сухопутный воинъ, потому, что имѣетъ дѣло

съ болѣе непостоянною стихіею, точно такимъ же образомъ земледѣлецъ суевѣрнѣе, чѣмъ ремесленникъ потому, что на него чаще и серіознѣе дѣйствуютъ явленія, которыя иные люди, по невѣжеству своему, называютъ прихотливыми, а другіе, по той же причинѣ — сверхъестественными.

Весьма легко было бы, посредствомъ развитія этихъ замѣчаній, показать, какъ успѣхи мануфактурной промышленности, кромѣ увеличенія національныхъ богатствъ, оказали огромную услугу цивилизаціи, внушивъ человѣку довѣріе къ его собственнымъ средствамъ, и какимъ образомъ тѣ же успѣхи, вызвавъ установленіе новаго рода занятій, если можемъ такъ выразиться, измѣнили ту обстановку, при которой всего удобнѣе было существовать суевѣрію. Но прослѣдить въ подробности этотъ процессъ значило бы далеко выйти изъ предѣловъ настоящаго обзора; притомъ уже приведенныхъ мною примѣровъ достаточно для объясненія того, какъ теологическій духъ долженъ былъ ослабѣть при томъ развитіи любви къ опытнымъ наукамъ, которая составляетъ одну изъ главнѣйшихъ чертъ царствованія Карла II.

Итакъ я разъяснилъ читателямъ точку зрѣнія, съ какой по моему мнѣнію должно смотрѣть на этотъ періодъ, истинный характеръ котораго, какъ мнѣ кажется, вообще былъ весьма ложно понятъ. Тѣ политическіе писатели, которые судятъ о событіяхъ безъ должнаго вниманія къ тому умственному движенію, котораго они составляютъ лишь часть, найдутъ въ царствованіи Карла II весьма много сторонъ, заслуживающихъ порицанія, и едва ли замѣтятъ что нибудь достойное одобренія. Такіе писатели осудятъ меня за то, что я сошелъ съ того узкаго пути, въ предѣлахъ котораго слишкомъ часто стѣсняема была исторія. Между тѣмъ я не могу себѣ представить какимъ образомъ можно было бы, не слѣдуя этому методу, понять характеръ времени, представляющаго на первый взглядъ такое множество самыхъ рѣзко непослѣдовательныхъ явленій. Затрудненіе, о которомъ я говорю, со-

вершенно разъяснится, если мы хоть на минуту сопоставимъ свойства правительства Карла II съ тѣми великими дѣлами, которыя при этомъ правительствѣ совершились мирнымъ путемъ. Никогда до того времени не встрѣчалось намъ въ исторіи такого недостатка видимой связи между средствами и цѣлью. Если мы взглянемъ только на характеръ лицъ, управлявшихъ государствомъ и на внѣшнюю политику ихъ, то мы должны заключить, что царствованіе Карла II было самымъ худшимъ, какое когда либо видѣла Англія. Если же, съ другой стороны, мы ограничимъ наши замѣчанія тѣми законами, которые были утверждены, и тѣми началами которыя были установлены, мы вынуждены будемъ согласиться, что это же самое царствованіе составляетъ одну изъ самыхъ блестящихъ эпохъ въ нашихъ народныхъ лѣтописяхъ. И съ политической и съ нравственной точки зрѣнія, можно было найти въ этомъ правительствѣ всѣ элементы безпорядка, слабости и преступленія. Самъ король былъ низкій и бездушный сластолюбецъ, чуждый какъ христіанской нравственности, такъ и почти всякаго человѣческаго чувства. Его министры, за исключеніемъ Кларендона, котораго онъ ненавидѣлъ за его добродѣтели, не имѣли ни одного изъ качествъ, необходимыхъ для государственныхъ людей и почти всѣ были на жалованьи у Французскаго правительства, Тягость податей была увеличена, между тѣмъ какъ безопасность королевства уменьшилась. Вслѣдствіе насильственнаго отобранія хартій отъ городовъ, наши муниципальныя права были поставлены въ опасность. Закрытіемъ государственнаго казначейства нашъ національный кредитъ былъ уничтоженъ. Хотя огромныя суммы тратились на содержаніе нашихъ морскихъ и военныхъ силъ, мы оставались до такой степени беззащитными, что когда открылась война, которая передъ тѣмъ долго приготовлялась, могло показаться, что мы захвачены въ расплохъ. Такова была жалкая неспособность правительства, что голландскіе флоты

имѣли возможность не только съ торжествомъ обходить наши берега, но даже подниматься вверхъ по Темзѣ, атаковать наши арсеналы, жечь наши корабли и наругаться надъ столицею Англіи. Но не смотря на все это, остается несомнѣннымъ фактомъ, что въ царствованіе того же Карла II сдѣлано болѣе шаговъ въ направленіи къ истинному прогрессу, чѣмъ въ какой либо другой періодъ такого же объема, изъ всего двѣнадцативѣковаго обладанія нашего землями Великобританіи. Однако только силою того умственнаго движенія, которое безсознательно поддерживалось правительствомъ, совершены были въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ такія реформы, которыя совершенно измѣнили положеніе общества. Два великихъ бремени, которыми нація уже давно тяготилась, были: тиранія духовная и тиранія поземельная—деспотизмъ духовенства и дворянства. Въ это время сдѣлана была попытка устранить и то и другое зло, но не палліативными средствами, а нанесеніемъ рѣшительныхъ ударовъ могуществу тѣхъ сословій, которыя были виновниками зла. Въ это время внесенъ былъ въ книгу статутовъ (Statute Book) законъ, отмѣняющій тотъ знаменитый декретъ, по которому епископы и делегаты ихъ имѣли право казнить сожженіемъ людей, расходившихся съ ними въ религіозныхъ мнѣніяхъ. Теперь духовенство лишено было права само себя облагать податями и должно было подчиниться раскладкѣ, составляемой обыкновеннымъ законодательнымъ порядкомъ. Теперь также постановленъ былъ законъ, запрещающій всякому епископу и всякому духовному судилищу требовать присяги ex-officio, посредствомъ которой церковь до сихъ поръ имѣла возможность вынуждать подозрѣваемыхъ ею лицъ къ обвиненію самихъ себя. Что касается до аристократіи, то въ царствованіе того же Карла II, палата лордовъ, послѣ сильной борьбы, вынуждена была оставить свои притязанія на право суда въ первой инстанціи по гражданскимъ дѣламъ и такимъ образомъ лишилась навсегда

весьма важнаго средства для расширенія своего вліянія. Въ это самое царствованіе, было упрочено за народомъ право платить подати не иначе, какъ по опредѣленію своихъ представителей, такъ какъ палата общинъ съ тѣхъ поръ навсегда сохранила исключительную власть предлагать финансовые билли и опредѣлять размѣръ налоговъ, предоставляя перамъ только формальность изъявленія согласія на то, что уже было рѣшено. Таковы были попытки, сдѣланныя для обуздапія духовенства и аристократіи; но кромѣ того, совершены и другія дѣла такой же важности. Отмѣною скандалезныхъ прерогативъ «Purveyance» и «Pre-emption» (a) былъ положенъ предѣлъ возможности для государя притѣснять своихъ непокорныхъ подданныхъ. Посредствомъ акта Habeas Corpus, свобода каждаго Англичанина была на столько обезпечена, на сколько это можетъ быть сдѣлано закономъ — ему гарантировано, что въ случаѣ обвиненія его въ преступленіи, вмѣсто того, чтобы томиться въ тюрьмѣ, какъ нерѣдко случалось прежде, онъ будетъ подвергнутъ справедливому и безотложному суду. Узаконеніемъ объ обманахъ и ложныхъ присягахъ, доставлена частной собственности небывалая до тѣхъ поръ безопасность. Съ отмѣною общихъ обвиненій (general impeachments) (b) было уничтожено могущественное орудіе тираніи, посредствомъ котораго сильные и безнравственные люди нерѣдко губили своихъ политическихъ противниковъ. Уничтоженіе законовъ, стѣснявшихъ свободу книгопечатанія, положило основаніе той великой публичной прессѣ, которая,

---

(a) Эти прерогативы заключались въ правѣ брать необходимые для королевскаго двора предметы, какъ-то съѣстные припасы, экипажи, лошадей и, т. д. или даромъ, или за пониженную плату и притомъ преимущественно предъ всѣми другими покупателями. *(Прим. перев.*

(b) Это были обвиненія въ общихъ выраженіяхъ, къ которымъ парламентъ прибѣгалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда не имѣлось въ виду такихъ дѣйствій обвиняемаго, которыя прямо признавались бы закономъ за государственную измѣну. *(Прим. перев.)*

болѣе чѣмъ какая либо другая причина, распространила въ народѣ сознаніе его силы и такимъ образомъ, почти въ невѣроятной степени, содѣйствовала успѣхамъ англійской цивилизаціи. Въ довершеніе же этой великолѣпной картины, окончательно уничтожены тѣ принадлежности феодализма, которыя внесены въ нашъ бытъ завоевателями Норманнами—военные лены, королевская опека надъ малолѣтними наслѣдниками ленныхъ имѣній, взысканія при отчужденіи леновъ, право конфискаціи имѣній за вступленіе въ бракъ, несогласное съ ленными условіями, такъ называемые aids, homages, escuages и primer seisins (c)—и всѣ эти вредныя хитросплетенія, самыя имена которыхъ, для современнаго слуха, звучатъ какъ слова дикаго и варварскаго нарѣчія, но которыя предковъ нашихъ давили, какъ дѣйствительное, серіозное зло.

Вотъ, что было сдѣлано въ царствованіе Карла II; и если принять въ соображеніе жалкую неспособность этого короля, праздное распутство его двора, безстыдную продажность его министровъ, постоянные заговоры внутри государства и неслыханныя оскорбленія изъ-внѣ; если принять, кромѣ того, въ соображеніе, что ко всему этому присоединились еще два естественныя бѣдствія самаго грустнаго свойства—великая зараза, опустошавшая всѣ классы общества и распространявшая смятеніе по государству, и великій пожаръ, усилившій смертельное дѣйствіе заразы и мгновенно истребившій всѣ запасы, накопленныя промышленностью и дающіе пищу самой промышленности,—если взять все это вмѣстѣ, то какъ примирить противорѣчія, повидимому столь рѣзкія? Какъ

(c) Aids были единовременныя денежныя пособія, которыя, по особымъ назначеніямъ, собирались съ вассаловъ короны въ пользу сюзерена-короля; homages—условія ленной зависимости ихъ отъ короны; escuages—постоянные денежные взносы, въ замѣнъ личной военной службы; primer seisins — право короля пользоваться, въ теченіи перваго года, доходами съ леннаго имѣнія, переходящаго по наслѣдству въ другія руки. (*Прим. пер.*)

могъ совершиться такой удивительный прогрессъ въ виду такихъ безпримѣрныхъ бѣдствій? Какъ могли такіе люди и при такихъ обстоятельствахъ, сдѣлать такія улучшенія? Все это вопросы, на которые наши политическіе компиляторы не въ состояніи отвѣтить, потому что они обращаютъ слишкомъ много вниманія на особенныя свойства отдѣльныхъ личностей и слишкомъ мало на характеръ того времени, въ которое живутъ эти личности. Подобные писатели не понимаютъ, что исторія каждой цивилизованной страны есть исторія ея умственнаго развитія, которое короли, государственные люди и законодатели скорѣе могутъ замедлить, чѣмъ ускорить: какъ бы ни было велико ихъ могущество, они являются не болѣе какъ случайными несовершенными представителями духа своего времени. Они не только не руководятъ движеніями духа націи, но даже сами принимаютъ въ нихъ самое слабое участіе; такъ что при общемъ обзорѣ прогресса человѣчества, на нихъ должно смотрѣть только какъ на людей, большею частію хлопочущихъ на маленькой сценѣ, между тѣмъ какъ поодаль отъ нихъ, со всѣхъ сторонъ, составляются мнѣнія и убѣжденія, которыя они съ трудомъ могутъ понять, и которыя однако одни даютъ окончательное направленіе всѣмъ дѣламъ человѣческимъ.

Дѣло въ томъ, что обширныя законодательныя реформы, которыми такъ замѣчательно царствованіе Карла II, составляютъ не болѣе какъ часть того движенія, начало котораго можно конечно прослѣдить гораздо ранѣе, но которое имѣло несомнѣнное дѣйствіе только въ теченіе трехъ поколѣній. Важныя улучшенія эти были результатомъ того смѣлаго, скептическаго, пытливаго и преобразовательнаго духа, который овладѣлъ тогда теологіею, наукою и политикою. Старыя начала— преданія авторитета и догмата, мало по малу теряли свою силу, и конечно въ такой же пропорціи уменьшалось и вліяніе тѣхъ классовъ, которые главнѣйшимъ образомъ поддерживали эти

начала. По мѣрѣ того, какъ ослабѣвала власть отдѣльныхъ частей общества, власть цѣлаго народа возрастала. Истинные интересы націи стали явственнѣе обозначаться, лишь только было разсѣяно суевѣріе, которое долго затмѣвало ихъ. Въ этомъ, я полагаю, заключается настоящее объясненіе того, что̀ съ перваго взгляда, кажется такою странною загадкою, а именно: какимъ образомъ такія обширныя реформы могли быть совершены въ такое плохое и, во многихъ отношеніяхъ, такое безславное царствованіе. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что въ сущности, реформы эти были послѣдствіемъ умственнаго движенія того времени; но совершились онѣ далеко не на перекоръ порокамъ государя, а собственно даже съ помощью ихъ. За исключеніемъ нищихъ развратниковъ, толпившихся при дво̀рѣ, всѣ классы общества вскорѣ научились презирать короля, который былъ пьяница, распутникъ и гипокритъ, который не имѣлъ ни стыда, ни жалости, и который, въ отношеніи чести, не достоенъ былъ стать на ряду даже съ самымъ ничтожнымъ изъ своихъ подданныхъ. Видѣть, въ теченіе четверти столѣтія, на престолѣ такого человѣка, какъ этотъ, есть вѣрнѣйшее средство потерять ту слѣпую, безпрекословную преданность, которой народы часто приносили въ жертву свои самыя дорогія права. Такъ, характеръ короля, разсматриваемый съ этой одной точки зрѣнія, уже былъ въ высшей степени благопріятенъ развитію свободы націи. Но это еще не все. Беззаботное распутство Карла заставляло его питать отвращеніе ко всему, что сколько нибудь отзывалось стѣсненіемъ; а это внушало ему ненависть къ тому классу, въ жизни котораго, по крайнѣ мѣрѣ по его профессіи, предполагалось соблюденіе болѣе чѣмъ обыкновенной чистоты нравовъ. По этому-то, не изъ видовъ просвѣщенной политики, а чисто изъ любви къ порочной свободѣ дѣйствій, онъ всегда питалъ нерасположеніе къ духовенству и не только не поддерживалъ власти этого сословія, но даже часто выражалъ явное къ нему презрѣніе. Самые лучшіе

друзья короля направляли противъ духовенства тѣ грубыя, безстыдныя шутки, которыя сохранились въ литературѣ того времени, и которыя, по мнѣнiю придворныхъ, должны были стоять въ ряду лучшихъ образчиковъ человѣческаго остроумiя. Этого рода людей, церкви конечно нечего было бояться, но ихъ рѣчи и та благосклонность, съ какою ихъ принимали, принадлежатъ къ числу признаковъ, по которымъ мы можемъ изучать направленiе того вѣка. Большинство читателей могутъ найти много другихъ примѣровъ; я же, съ своей стороны, приведу только одинъ, который интересенъ въ томъ отношенiи, что дѣло идетъ о замѣчательномъ философѣ. Самымъ опаснымъ противникомъ духовенства, въ XVII вѣкѣ, былъ конечно Гоббсъ, тончайшiй дiалектикъ своего времени, притомъ писатель, отличавшiйся особенною ясностью и уступавшiй, между англiйскими метафизиками, одному только Берклею. Этотъ глубокiй мыслитель издалъ нѣсколько разсужденiй весьма неблагопрiятныхъ для церкви и прямо противоположныхъ тѣмъ началамъ, которыя составляютъ существенное условiе авторитета церкви. Духовенство конечно ненавидѣло его; ученiе его было объявлено въ высшей степени зловреднымъ, и его обвиняли въ желанiи уронить религiю народа и испортить его нравственность. Это доходило до того, что при его жизни и въ теченiе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ его смерти, всякаго человѣка, который осмѣливался думать по своему, ругали Гоббистомъ, или какъ иногда называли, Гоббiаниномъ. Такой явной вражды съ стороны духовенства было уже достаточно, чтобы обратить на Гоббса благосклонное вниманiе Карла. Король, еще до восшествiя своего на престолъ, уже проникнулся нѣкоторыми изъ идей Гоббса, а послѣ реставрацiи, онъ оказывалъ этому писателю такое уваженiе, которое находили даже возмутительнымъ. Онъ защищалъ его отъ враговъ, вывѣсилъ, не безъ нѣкотораго чванства, его портретъ въ своей комнатѣ въ Вайтголлѣ, и даже назначилъ пенсiю этому страш-

нѣйшему изъ противниковъ, какихъ встрѣчала до тѣхъ поръ духовная іерархія.

Если мы взглянемъ на сдѣланныя Карломъ назначенія въ духовныя званія, то найдемъ новое доказательство того же направленія. Въ его царствованіе, высшія должности, въ церкви, постоянно ввѣрялись людямъ или неспособнымъ, или не совсѣмъ добросовѣстнымъ. Можетъ быть, было бы уже слишкомъ много приписывать королю обдуманный планъ уронить значеніе епископской скамьи, но то достовѣрно, что если онъ имѣлъ такой планъ, то избралъ для осуществленія его самый лучшій образъ дѣйствія. Можно сказать, безъ преувеличенія, что при его жизни, главные англійскіе прелаты были всѣ, безъ исключенія, люди либо неспособные, либо недобросовѣстные; они или не въ силахъ были защитить то, въ чемъ дѣйствительно были убѣждены, или же не имѣли тѣхъ убѣжденій, которыя открыто высказывали. Никогда еще интересы англиканской церкви не были такъ слабо охраняемы. Первымъ Архіепископомъ Кентербёрійскимъ, по назначенію Карла, былъ Juxon, человѣкъ извѣстный своею бездарностью, о которомъ даже друзья могли сказать только одно, что недостатокъ дарованій вознаграждался въ немъ добрыми намѣреніями. Когда онъ умеръ, то на мѣсто его король назначилъ Шельдона, котораго онъ сдѣлалъ передъ тѣмъ Епископомъ Лондонскимъ. Шельдонъ не только навлекалъ безчестіе на все свое сословіе дѣйствіями, отзывавшимися грубою нетерпимостью, но даже такъ мало обращалъ вниманія на самыя обыкновенныя, въ его званіи, приличія, что часто у себя въ домѣ допускалъ, для увеселенія общества, представленія, заключавшіяся въ передразниваніи пресвитеріанскихъ проповѣдниковъ. Послѣ смерти Шельдона, Карлъ назначилъ Архіепископомъ Санкрофта, который своимъ причудливымъ суевѣріемъ заслужилъ презрѣніе даже людей одного съ нимъ сословія, и котораго вообще столько же презирали, сколько Шельдона ненавидѣли. И въ

назначеніяхъ на должность непосредственно низшую мы замѣчаемъ дѣйствіе того же самаго начала. Архіепископами Іоркскими при Карлѣ II были: Frewen, Stearn и Dolben, люди до такой степени бездарные, что не смотря на свое высокое положеніе, они совершенно забыты: изъ тысячи читателей, едвали кто слыхалъ когда либо ихъ имена.

Подобныя назначенія просто поразительны; и они становятся еще поразительнѣе въ виду того обстоятельства, что въ нихъ не было ни какой надобности, что король не былъ стѣсняемъ въ своемъ выборѣ ни какими нибудь придворными интригами, ни недостаткомъ въ людяхъ болѣе способныхъ. Дѣло было въ томъ, что Карлъ не хотѣлъ назначать въ высшія духовныя должности такихъ людей, которые сумѣли бы усилить авторитетъ церкви и возстановить ея прежнее преобладаніе. При его восшествіи на престолъ, двумя самыми способными людьми изъ всего духовенства были безъ сомнѣнія Jeremy Taylor и Isaac Barrow; оба они были извѣстны своею преданностью престолу, оба были люди безупречной честности, и оба оставили по себѣ такую славу, которая не можетъ погибнуть до тѣхъ поръ, пока будетъ сохраняться память объ англійскомъ языкѣ. Но Тэйлоръ, не смотря на то, что былъ женатъ на сестрѣ короля, находился въ явномъ пренебреженіи; удаленный на епископство въ Ирландію, онъ долженъ былъ провести остатокъ дней своихъ въ этой странѣ, справедливо называвшейся тогда варварскою. Барровъ же, стоявшій по уму конечно выше Тэйлора, долженъ былъ съ грустью смотрѣть, какъ самые неспособные люди достигали высшихъ должностей въ церкви, между тѣмъ какъ онъ оставался незамѣченнымъ; при всемъ томъ, что семейство его значительно пострадало за дѣло королевское, онъ не получалъ ни какого повышенія, и только за пять лѣтъ до смерти, былъ назначенъ начальникомъ Коллегіи Св. Троицы въ Кембриджѣ.

Едвали нужно объяснять, до какой степени все это должно

было способствовать къ ослабленію церкви и къ ускоренію того великаго движенія, которымъ замѣчательно царствованіе Карла II Въ то же время были и многія другія обстоятельства, которыя, въ этомъ предварителномъ очеркѣ, разсматривать нѣтъ возможности, но на которыхъ тоже лежала печать всеобщаго возстанія противъ старыхъ авторитетовъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ, это будетъ представлено въ болѣе ясномъ свѣтѣ; тамъ я буду имѣть возможность привести такое доказательство, которое, по множеству входящихъ въ него подробностей, было бы неумѣстно въ настоящемъ введеніи. Однако и то, что уже было сказано, достаточно опредѣляетъ общій ходъ умственнаго движенія въ Англіи и можетъ служить читателю ключомъ къ пониманію тѣхъ еще болѣе запутанныхъ событій, которыя нагрянули на насъ въ теченіе XVII столѣтія.

За нѣсколько лѣтъ до смерти Карла II, духовенство сдѣлало рѣшительную попытку воротить свое прежнее вліяніе, пустивъ снова въ ходъ ученія о необходимости слѣпаго повиновенія и о божественномъ правѣ королей. Но такъ какъ англійскій умъ уже достаточно ушелъ впередъ, чтобы отвергнуть подобное мнѣніе, то тщетная попытка эта только повела къ еще большему разъединенію интересовъ народа, вообще и интересовъ духовенства, какъ отдѣльнаго сословія. Едва только рушился этотъ планъ, какъ смерть Карла возвела на престолъ государя, искреннѣйшимъ желаніемъ котораго было возстановить католическую церковь и снова ввести у насъ ту злостную систему, которая открыто похваляется порабощеніемъ человѣческаго разума. Эта перемѣна, если судить о ней по ея окончательнымъ результатамъ, была самымъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, какое могло случиться для нашей страны. Не смотря на то, что Іаковъ принадлежалъ къ другой религіи, англійское духовенство всегда обнаруживало къ нему привязанность, высоко цѣня его уваженіе къ духовному сословію; но оно конечно хотѣло, чтобы теплота чувствъ его

изливалась на англійскую церковь, а не на римскую. Оно знало, какія выгоды пріобрѣло бы духовное сословіе, если бы набожности короля можно было дать другое направленіе. Оно видѣло, что въ интересахъ короля было отказаться отъ своей религіи, и думало, что для такого жестокаго и порочнаго человѣка, собственный интересъ будетъ единственнымъ соображеніемъ. Вотъ почему, въ одинъ изъ самыхъ критическихъ моментовъ его жизни, духовенство энергически и съ успѣхомъ дѣйствовало въ его пользу; оно не только приложило все свое стараніе къ тому, чтобы не прошелъ билль объ устраненіи его отъ престолонаслѣдія, но даже, когда билль этотъ былъ отвергнутъ, представило особый адресъ Карлу, поздравляя его съ этимъ результатомъ. Когда Іаковъ дѣйствительно вступилъ на престолъ, духовенство продолжало поступать въ томъ же духѣ. Надѣялось ли оно всетаки на его обращеніе, или же, въ своемъ рвеніи къ преслѣдованію диссентеровъ, оно не замѣчало опасности, угрожавшей собственной церкви—неизвѣстно; но то составляетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и несомнѣнныхъ фактовъ въ нашей исторіи, что существовала одно время тѣсная связь между протестантскою іерархіею и королемъ папистомъ. Ужасныя преступленія, вытекавшія изъ этого добраго согласія, слишкомъ хорошо извѣстны всякому. Но что еще болѣе достойно вниманія, это то обстоятельство, которое послужило поводомъ къ разрыву союза между короною и церковью. Первою причиною ссоры была попытка короля ввести, въ нѣкоторой степени, религіозную терпимость. Знаменитыми актами Test and Corporation повелѣвалось: всѣхъ лицъ, служащихъ правительству, заставлять, подъ страхомъ тяжкой отвѣтственности, принимать причастіе по обрядамъ англійской церкви. И вотъ проступокъ Іакова заключался въ томъ, что онъ издалъ такъ называемую Declaration of Indulgence, въ которой объявлялъ о своемъ намѣреніи пріостановить дѣйствіе этихъ законовъ. Съ этой минуты, положеніе двухъ главныхъ партій совершенно измѣнилось. Епископы

ясно видѣли, что тѣ законы, которые теперь старались отмѣнить, въ высшей степени благопріятствовали развитію ихъ власти, и потому они считали ихъ существенною принадлежностью конституціи христіанскаго государства. Они охотно дѣйствовали за одно съ Іаковомъ, пока онъ помогалъ имъ преслѣдовать людей, поклонявшихся Богу не такъ, какъ они поклонялись. Пока поддерживалось это доброе согласіе, они оставались равнодушны къ вещамъ, которыя, по ихъ мнѣнію, имѣли меньшую важность. Они молча смотрѣли, какъ король накоплялъ матеріалы, съ помощью которыхъ надѣялся обратить существовавшее правленіе въ неограниченную монархію. Они видѣли, какъ Джеффрейсъ и Керкъ истязали своихъ соотечественниковъ—видѣли, какъ тюрьмы переполнялись арестантами, и какъ обливались кровью эшафоты. Имъ очень нравилось, что нѣкоторые изъ лучшихъ и способнѣйшихъ людей въ государствѣ были варварски преслѣдуемы; что Бакстеръ (Baxter) попалъ въ заключеніе, а Говъ (Howe) былъ вынужденъ оставить отечество. Они смотрѣли съ спокойнымъ духомъ на самыя возмутительныя жестокости, потому что жертвами этихъ жестокостей были противники англійской церкви. Не смотря на то, что умы людей были исполнены ужаса и отвращенія, епископы не жаловались ни на что. Они оставались неизмѣнными въ своей вѣрноподданнической преданности и настаивали на необходимости смиреннаго подчиненія помазаннику Божію. Но съ той минуты, какъ Іаковъ вздумалъ защищать отъ преслѣдованія тѣхъ, которые были враждебны церкви, съ той минуты, какъ онъ объявилъ о своемъ намѣреніи уничтожить монополію должностей и почестей, которую епископы долго доставляли своей партіи, съ той минуты, какъ все это случилось,—іерархія стала живо чувствовать опасность, которою угрожали странѣ насильственныя дѣйствія такого самовластнаго государя. Король наложилъ руку на ковчегъ — и хранители храма побѣжали къ оружію. Могли ли они терпѣть государя, который не давалъ имъ пре-

слѣдовать враговъ, государя который старался покровительствовать людямъ, расходившимся въ убѣжденіяхъ съ господствовавшею церковью. Духовенство тотчасъ же рѣшило, какой ему слѣдуетъ принять образъ дѣйствія. Почти все оно, въ одинъ голосъ, отказалось повиноваться повелѣнію, которымъ король предписывалъ прочесть по церквямъ этиктъ о вѣротерпимости. Но на этомъ оно еще не остановилось. Такъ велика была его вражда къ тому, кого оно недавно еще любило, что оно даже обратилось за помощью къ тѣмъ самымъ диссентерамъ, которыхъ, только за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, такъ горячо преслѣдовало, и старалось щедрыми обѣщаніями, склонить на свою сторону людей, которыхъ прежде гнало до истребленія. Замѣчательнѣйшіе изъ нонконформистовъ далеко не были обмануты этою неожиданною привязанностью. Но ихъ ненависть къ папизму и опасеніе дальнѣйшихъ замысловъ короля взяли верхъ надъ всѣми другими соображеніями; и такимъ образомъ произошло то странное соглашеніе между послѣдователями господствующей церкви и диссентерами, которое съ тѣхъ поръ не повторялось. Эта коалиція, поддерживаемая общимъ голосомъ народа, вскорѣ низвергла престолъ и произвела то, что справедливо считается однимъ изъ самыхъ важныхъ событій въ исторіи Англіи.

И такъ, ближайшею причиною той великой революціи, которая стоила Іакову короны, было изданіе королемъ эдикта о вѣротерпимости и негодованіе духовенства, при видѣ такого дерзкаго поступка со стороны христіанскаго государя. Правда, что одно это обстоятельство, безъ помощи другихъ, не могло бы никогда произвести такой большой перемѣны; но оно было непосредственною причиною ея; оно было причиною разрыва между церковью и трономъ и союза между церковью и диссентерами. Это фактъ, котораго никогда не слѣдуетъ забывать. Мы никогда не должны забывать, что первый и единственный случай, въ которомъ англійская церковь пошла войною противъ короны, былъ тотъ, когда корона выразила намѣ-

реніе оказывать терпимость и, въ нѣкоторой степени, покровительство соперничающимъ исповѣданіямъ въ государствѣ. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что изданная въ то время декларація была противозаконна и что она была задумана съ коварною цѣлью. Но столь же незаконныя, столь же коварныя и гораздо болѣе притѣснительныя деклараціи были дѣлаемы королемъ, въ другихъ случаяхъ — и это не возбуждало негодованія духовенства. Всѣ эти обстоятельства намъ не мѣшаетъ взвѣсить. Все это драгоцѣнные уроки для тѣхъ, кому суждено, если не давать направленіе общественному мнѣнію, то по крайней мѣрѣ имѣть на него нѣкоторое вліяніе. Что же касается до народа вообще, то не можетъ быть выраженія слишкомъ преувеличеннаго для обозначенія того, чѣмъ онъ обязанъ революціи 1688 года. Но ему слѣдуетъ остерегаться, чтобы къ благодарности его не примѣшалось суевѣріе. Онъ можетъ восхищаться величественнымъ зданіемъ національной свободы, которое стоитъ одно во всей Европѣ, какъ маякъ посреди морей, но онъ не долженъ думать, что онъ чѣмъ нибудь обязанъ тѣмъ людямъ, которые, способствуя возведенію этого зданія, имѣли въ виду удовлетвореніе своего эгоизма и упроченіе того нравственнаго вліянія, которое они надѣялись пріобрѣсти этимъ путемъ.

Трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ, какой сильный толчокъ сообщило англійской цивилизаціи изгнаніе дома Стюартовъ. Къ самымъ непосредственнымъ послѣдствіямъ этого событія можно отнести: ограниченія, сдѣланныя въ королевской прерогативѣ, значительное развитіе вѣротерпимости, важныя и прочныя улучшенія въ отправленіи правосудія, окончательное уничтоженіе цензуры надъ печатью, и наконецъ — на что не довольно было обращено вниманія — быстрое усиленіе тѣхъ важныхъ денежныхъ интересовъ, которые, какъ мы потомъ увидимъ, не въ малой мѣрѣ пересиливали предразсудки суевѣрныхъ классовъ. Вотъ главныя отличительныя черты царствованія

Вильгельма III, царствованія, часто порицаемаго, но мало понятаго, о которомъ однако можно, по справедливости, сказать, что если принять въ соображеніе всю трудность представлявшихся ему задачъ, то оно оказывается самымъ счастливымъ и блестящимъ царствованіемъ во всей исторіи нашего отечества. Но это относится гораздо болѣе къ слѣдующимъ томамъ нашего сочиненія, теперь же мы должны только показать послѣдствія революціи для самой той духовной власти, которою революція эта была непосредственно произведена.

Едва лишь успѣло духовенство изгнать Іакова, какъ большая часть этого сословія стала раскаиваться въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Дѣйствительно, еще прежде чѣмъ онъ былъ изгнанъ изъ государства, было нѣсколько случаевъ, которые могли заставить духовныхъ усомниться въ выгодности того пути, которому они послѣдовали. Въ послѣднія нѣсколько недѣль своего царствованія, онъ оказалъ нѣкоторые признаки возрастающаго уваженія къ англійской іерархіи. Архіепископство Іоркское такъ долго было вакантнымъ, что это заставляло думать, не намѣрено ли правительство назначить на него католика, или захватить его доходы. Но Іаковъ, къ величайшему удовольствію духовенства, теперь замѣстилъ эту важную должность, назначивъ на нее Ламило (Lamplugh), который былъ всѣмъ извѣстенъ какъ надежный приверженецъ церкви и усердный защитникъ епископскихъ привилегій. Не задолго передъ этимъ, король также отмѣнилъ повелѣніе, которымъ Епископъ Лондонскій былъ на время удаленъ отъ исполненія своей должности. Всѣмъ епископамъ вообще онъ обѣщалъ въ будущемъ много милостей; нѣкоторые изъ нихъ, какъ было сказано, должны были вступить въ его тайный совѣтъ; въ то же самое время онъ уничтожилъ духовную коммисію, которая, ограничивая ихъ власть, возбуждала въ нихъ неудовольствіе. Сверхъ того, явилось нѣсколько другихъ обстоятельствъ, о которыхъ духовенству теперь предстояло поду-

мать. Носился слухъ — и вообще всѣ вѣрили ему — что Вильгельмъ не большой приверженецъ церковныхъ установленій, и что, при расположеніи его къ вѣротерпимости, отъ него скорѣе можно ожидать уменьшенія, чѣмъ увеличенія привилегій англиканской іерархіи. Было также извѣстно, что онъ благосклонно смотритъ на пресвитеріанъ, которыхъ церковь не безъ основанія считала злѣйшими врагами своими. Когда же, въ довершеніе всего этого, Вильгельмъ, по чисто практическимъ соображеніямъ, уничтожилъ епископство въ Шотландіи, то стало очевиднымъ, что, отвергнувъ ученіе о божественномъ правѣ, онъ нанесъ сильный ударъ тѣмъ убѣжденіямъ, на которыхъ былъ основанъ въ Англіи авторитетъ духовенства.

Среди волненія умовъ, произведеннаго всѣми этими обстоятельствами, взоры націи естественно обращались къ епископамъ, которые хотя и потеряли значительную долю прежняго своего могущества, но пользовались еще уваженіемъ огромнаго большинства народа, какъ хранители національной религіи. Но въ эту критическую минуту, они были такъ ослѣплены или честолюбіемъ, или предрасудками, что приняли такой образъ дѣйствія, который былъ вреднѣе всѣхъ другихъ для значенія ихъ въ общественномъ мнѣніи. Они сдѣлали внезапную попытку обратить вспять то политическое движеніе, котораго они же сами были главными зачинщиками Дѣйствія ихъ, въ этомъ случаѣ, вполнѣ подтверждаютъ высказанный мною взглядъ на руководившія ими побужденія. Если бы, содѣйствуя тѣмъ первоначальнымъ мѣрамъ, посредствомъ которыхъ была подготовлена революція, они руководствовались желаніемъ освободить націю отъ деспотизма, то они должны были бы съ восторгомъ привѣтствовать того великаго человѣка, который однимъ приближеніемъ своимъ обратилъ деспота въ бѣгство. Такъ поступили бы духовные, если бы они любили свое отечество болѣе, чѣмъ свое сословіе; но они поступили совершенно противоположнымъ образомъ, потому что они

предпочитали мелкiе интересы своего класса благосостоянiю всей массы народа, и потому что они скорѣе хотѣли видѣть всю страну угнетенною, чѣмъ церковь униженною. Почти всѣ епископы и все духовенство, за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, смѣло рѣшились подвергнуться гнѣву своего государя, чтобы только не прочесть въ своихъ церквяхъ эдикта о вѣротерпимости; семеро же самыхъ влiятельныхъ людей, между епископами, даже добровольно шли на опасность подвергнуться публичному суду передъ общими судилищами страны. Этотъ смѣлый образъ дѣйствiя они избрали, какъ сами сознавались, не потому, чтобы они не желали вѣротерпимости, а потому, что ненавидѣли деспотизмъ. Между тѣмъ, когда Вильгельмъ прибылъ въ Англiю, а Iаковъ бѣжалъ изъ королевства, среди ночи,—это же духовное сословiе выступило впередъ, чтобы оттолкнуть того великаго человѣка, который, не нанеся ни одного удара, однимъ своимъ присутствiемъ, спасъ страну отъ угрожавшаго ей рабства. Не легко найти, въ исторiи новѣйшихъ временъ, другой примѣръ такой грубой непослѣдовательности, или, лучше сказать, такого эгоистическаго и безсовѣстнаго честолюбiя. Эта перемѣна направленiя не только не была скрываема, но даже такъ открыто высказалась, и причины ея были такъ очевидны, что этимъ явно оскорблено было нравственное чувство цѣлой нацiи. Въ теченiе нѣсколькихъ недѣль, отступничество проявилось вполнѣ. Первый началъ Архiепископъ Кентербёрiйскiй, который, заботясь о сохраненiи своего мѣста, обѣщалъ явиться для привѣтствованiя Вильгельма. Но когда онъ увидѣлъ, какое направленiе должны были принять дѣла, онъ взялъ назадъ свое обѣщанiе и не хотѣлъ признать государя, показывавшаго такое равнодушiе къ священному сану. Дѣйствительно, такъ силенъ былъ его гнѣвъ, что онъ сдѣлалъ рѣзкiй выговоръ своему капеллану, осмѣлившемуся молиться за Вильгельма и Марiю, тогда какъ они были провозглашены съ полнаго согласiя нацiи и

корона была вручена имъ торжественнымъ и положительнымъ рѣшеніемъ общаго собранія всѣхъ сословій королевства. Такимъ образомъ дѣйствовалъ самъ примасъ Англіи, а его собратія, въ эту критическую для ихъ общей судьбы минуту, не отставали отъ него. Отъ клятвы на подданство отказались, вслѣдъ за Архіепископомъ Кентербёрійскимъ, епископы Батскій и Уэлльскій, Честерскій, Чичестерскій, Элійскій, Глостерскій, Норуичскій, Питербороссскій и Уорстерскій. Что же касается до низшаго духовенства, то наши свѣденія о немъ менѣе точны; утверждаютъ однако, что около шести сотъ человѣкъ, изъ членовъ его, послѣдовали примѣру своихъ властей, отказавшись признать своимъ королемъ того, котораго избрало все государство. Прочіе члены этой безпокойной партіи были нерасположены навлечь на себя, такимъ смѣлымъ поступкомъ, лишеніе мѣстъ и доходовъ, которому по всей вѣроятности подвергнулъ бы ихъ Вильгельмъ. По этому, они предпочли болѣе безопасную и менѣе славную оппозицію, посредствомъ которой они могли тревожить правительство, не вредя самимъ себѣ, и пріобрѣсти славу ревнителей православія, не подвергаясь бѣдствіямъ мученичества.

Легко себѣ представить дѣйствіе, произведенное всѣми этими событіями на образъ мыслей націи. Вопросъ теперь до такой степени упростился, что всякій могъ сразу разрѣшить его. На одной сторонѣ было значительное большинство духовенства, на другой сторонѣ были всѣ умственныя силы Англіи и всѣ самые дорогіе интересы ея. Самый тотъ фактъ, что подобная оппозиція могла существовать, не возбуждая междоусобной войны, доказываетъ, до какой степени, усилившееся умственное развитіе народа ослабило авторитетъ духовнаго сословія. Кромѣ того, оппозиція была не только безполезна, но и вредна для проявлявшаго ее класса. Теперь стало ясно, что духовенство думало о народѣ только до тѣхъ поръ, пока народъ думалъ о немъ. Ярость, съ какою эти

раздраженные люди пошли противъ интересовъ націи, очевидно доказала эгоистичность того противодѣйствія Іакову, которымъ они прежде такъ сильно хвалились. Они продолжали надѣяться на возвращеніе его, интриговать въ его пользу, а иные даже и переписываться съ нимъ, хотя хорошо знали, что его появленіе произведетъ междоусобную войну и что ненависть къ нему была такъ распространена, что онъ не посмѣлъ бы показаться въ Англіи иначе, какъ подъ покровительствомъ войскъ иностранной и враждебной ей державы.

Но этимъ еще не исчерпывается все зло, сдѣланное духовенствомъ самому себѣ, въ эти трудныя времена. Когда епископы отказались присягнуть новому правительству, то были приняты мѣры къ удаленію ихъ изъ епархій. Вильгельмъ не затруднился смѣнить, законнымъ путемъ, Архіепископа Кентербёрійскаго и пятерыхъ изъ его собратій. Прелаты, глубоко чувствуя это оскорбленіе, въ ярости своей, прибѣгли къ необычайно дѣятельнымъ мѣрамъ. Они гласно объявили, что силы церкви, уже давно ослабѣвавшія, теперь совершенно упали. Они отрицали право законодательной власти постановить противъ нихъ законъ, и равнымъ образомъ, право государя привести такой законъ въ дѣйствіе. Они не только продолжали титуловаться епископами, но даже приняли мѣры къ тому, чтобы продлить существованіе раскола, вызваннаго ихъ собственною дерзостью. Архіепископъ Кентербёрійскій — какъ онъ требовалъ, чтобы его называли — формально передалъ свои воображаемыя права въ руки Ллойда, который все-таки считалъ себя Епископомъ Норуичскимъ, не смотря на то, что Вильгельмъ недавно изгналъ его изъ этой епархіи. Планъ этихъ безпокойныхъ прелатовъ былъ сообщенъ Іакову, который охотно согласился оказать имъ помощь въ ихъ намѣреніи водворить постоянную распрю въ англійской церкви. Результатомъ этого договора крамольныхъ прелатовъ съ королемъ-претендентомъ было назначеніе цѣлаго

ряда людей, которые выдавали себя за истинныхъ епископовъ и пользовались уваженіемъ всѣхъ лицъ, ставившихъ притязанія церкви выше власти государственной. Это смѣшное преемство мнимыхъ епископовъ продолжалось болѣе ста лѣтъ и, заставляя приверженцевъ церкви признавать главами ея разныхъ лицъ, ослабило самое значеніе ея. Въ нѣсколькихъ случаяхъ, представлялось неприличное зрѣлище — два епископа на одной и той же епархіи; одинъ бывалъ назначенъ духовною властью, а другой свѣтскою. Тѣ, которые ставили церковь выше государства, конечно группировались около мнимыхъ епископовъ, между тѣмъ какъ Вильгельмовы назначенія признаваемы были тою быстро возраставшею партіею, которая предпочитала мірскія выгоды духовнымъ теоріямъ.

Таковы были нѣкоторыя изъ явленій, увеличившихъ, въ концѣ семнадцатаго вѣка, разрывъ, давно уже существовавшій между интересами націи и интересами духовенства. Было еще одно обстоятельство, которое значительно усилило это отчужденіе. Многіе изъ англійскаго духовенства, хотя и сохраняли свое расположеніе къ Іакову, но не желали навлечь на себя гнѣвъ правительства или рисковать своими доходами. Чтобы избѣжать этого и примирить свою совѣсть съ своими интересами, они придумали различіе короля по праву отъ короля по дѣйствительному владѣнію. Вслѣдствіе того, произнося устами присягу на подданство Вильгельму, въ душѣ своей, они признавали себя подданными Іакова, и молясь въ своихъ церквяхъ за одного короля, считали себя обязанными на-единѣ молиться за другого. Посредствомъ этого жалкаго ухищренія, значительная часть англійскихъ духовныхъ сразу обратилась въ тайныхъ крамольниковъ, и мы знаемъ, по свидѣтельству одного современнаго епископа, что явная недобросовѣстность этихъ людей еще болѣе содѣйствовала развитію того скептицизма, на успѣхи котораго онъ съ горечью жалуется. По

мѣрѣ того, какъ подвигался впередъ восемнадцатый вѣкъ, быстро совершалось великое дѣло освобожденія. Въ прежнее время, однимъ изъ самыхъ важныхъ средствъ, въ рукахъ духовенства, была Конвокація: духовенство, собираясь цѣлою корпораціею, имѣло возможность, грознымъ видомъ могущества своего, обезоружить всякаго, кто могъ быть враждебенъ церкви, и сверхъ того имѣло случай, которымъ оно тщательно пользовалось, составлять выгодные для своихъ интересовъ планы. Но съ теченіемъ времени, оно лишилось и этого оружія. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ революціи, Конвокація стала предметомъ всеобщаго презрѣнія; а въ 1717 г. это знаменитое собраніе было окончательно распущено актомъ королевской власти, такъ какъ весьма справедливо было найдено, что Англія не имѣетъ въ немъ болѣе никакой нужды. Съ этого времени, великому собору англиканской церкви никогда больше не позволяли собираться для совѣщанія о собственныхъ дѣлахъ духовенства, до самыхъ послѣднихъ годовъ, когда, при потворствѣ слабаго правительства, собраніе духовныхъ снова было допущено. Впрочемъ, въ духѣ націи произошла такая рѣшительная перемѣна, что эта, нѣкогда грозная, корпорація не сохранила даже и призрака своего стариннаго вліянія; рѣшеній ея уже не боятся, и за преніями ея не слѣдятъ, а дѣла страны ведутся совершенно независимо отъ тѣхъ интересовъ, которые, еще за нѣсколько поколѣній, каждый государственный человѣкъ признавалъ предметомъ первостепенной важности.

Дѣйствительно, тотчасъ послѣ революціи, направленіе дѣлъ стало слишкомъ очевидно, чтобы можно было въ немъ ошибиться даже самому поверхностному наблюдателю. Самые даровитые люди страны уже не стекались болѣе въ духовное сословіе, а предпочитали тѣ свѣтскія профессіи, въ которыхъ имъ представлялось болѣе случаевъ найти вознагражденіе своимъ способностямъ. Въ то же время — и это было естественною принадлежностью великаго движенія—духовенство

увидѣло, что всѣ мѣста, которыя давали вліяніе и большія выгоды и которыя оно привыкло занимать своими людьми, постепенно ускользаютъ изъ его рукъ. Не только въ темные вѣка, но даже до пятнадцатаго столѣтія, оно было еще довольно сильно, чтобы монополизировать самыя почетныя и прибыльныя должности въ государствѣ. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, дѣла стали принимать направленіе неблагопріятное для духовныхъ, и это продолжалось такъ неуклонно, что съ семнадцатаго вѣка, не было ни одного примѣра, чтобы духовное лицо было назначено въ должность лорда канцлера, а начиная съ восемнадцатаго столѣтія, никто изъ духовныхъ не получалъ дипломатическаго назначенія и не занималъ никакой важной должности въ государствѣ. И это возрастающее преобладаніе міряпъ не ограничилось мѣстами, зависящими отъ исполнительной власти. Напротивъ, мы видимъ дѣйствіе того же начала и въ обѣихъ палатахъ парламента. Въ самыхъ раннихъ и варварскихъ періодахъ нашей исторіи, половина палаты лордовъ состояла изъ свѣтскихъ перовъ, а другая половина — изъ духовныхъ. Къ началу восемнадцатаго вѣка, духовные перы, вмѣсто половины верхней палаты, составляли уже только одну осьмую часть ея, а въ половинѣ девятнадцатаго вѣка, число ихъ еще болѣе уменьшилось — до одной четырнадцатой — представляя, такимъ образомъ, разительное численное выраженіе того ослабленія духовной власти, которое составляетъ существенную принадлежность новѣйшей цивилизаціи. Точно также, уже болѣе пятидесяти лѣтъ, какъ никто изъ духовенства не можетъ занять мѣста въ парламентѣ въ качествѣ представителя народа, такъ какъ палата общинъ въ 1801 г. формально закрыла входъ свой для этой профессіи, члены которой, въ старые годы, съ радостью были бы приняты даже самымъ гордымъ и исключительнымъ собраніемъ. Въ палатѣ лордовъ, епископы еще сохраняютъ свои мѣста; но сомнительность положенія ихъ замѣтна во всемъ, и направленіе общественнаго мнѣнія

постоянно указываетъ намъ на близость того времени, когда перы послѣдуютъ примѣру общинъ и, законодательнымъ порядкомъ, достигнутъ освобожденія верхней палаты отъ духовныхъ членовъ ея, такъ какъ эти члены, по своимъ привычкамъ, склонностямъ и преданіямъ, очевидно не удовлетворяютъ мірскимъ требованіямъ политической дѣятельности.

Между тѣмъ какъ все зданіе, воздвигнутое суевѣріемъ, колебалось, такимъ образомъ, отъ внутренней гнилости подпоръ своихъ, и какъ духовная власть, игравшая прежде такую важную роль, постепенно ослабѣвала по мѣрѣ успѣховъ знанія,— внезапно совершилось событіе, которое хотя и могло, естественнымъ образомъ, быть ожидаемо, однако же явно захватило въ расплохъ даже тѣхъ, до кого оно наиболѣе касалось. Я говорю конечно о той великой религіозной революціи, которая была разумнымъ дополненіемъ къ предшествовавшей политической революціи. Диссентеры, усиленные изгнаніемъ Іакова, не забыли тѣхъ жестокихъ наказаній, которыми преслѣдовала ихъ англиканская церковь, въ дни своего могущества, и они чувствовали, что пришла минута, когда они могутъ принять противъ нея болѣе смѣлый образъ дѣйствія. Сверхъ того, въ это время были поданы имъ новые поводы къ враждѣ. Послѣ смерти великаго короля нашего Вильгельма III, престолъ былъ занятъ глупою и невѣжественною женщиною, любовь которой къ духовенству, въ болѣе суевѣрномъ вѣкѣ, привела бы къ опаснымъ послѣдствіямъ. Впрочемъ, и при тогдашнихъ обстоятельсвахъ, произошла временная реакція, и въ теченіе этого царствованія, духовенство пользовалось такимъ уваженіемъ, какого не удостоивалъ его Вильгельмъ. Естественныя послѣдствія этого немедленно оказались. Были придуманы новыя средства преслѣдованія за религію и постановлены новые законы противъ тѣхъ протестантовъ, которые не подчинялись ученію и властямъ англиканской церкви. Но послѣ смерти Анны, диссентеры скоро ободрились; надежды ихъ вос-

кресли, число ихъ продолжало увеличиваться, и не смотря на оппозицію духовенства, законы, постановленные противъ нихъ, были отмѣнены. Какъ положеніе диссентеровъ чрезъ это болѣе прежняго сравнялось съ положеніемъ ихъ противниковъ, и какъ недавно перенесенныя обиды настроили ихъ къ враждѣ, то было ясно, что между обѣими партіями неизбѣжно предстоитъ великая борьба. Къ тому же времени, столь долго державшаяся тираннія англиканскаго духовенства совершенно уничтожила то чувство уваженія, которое, и посреди враждебныхъ дѣйствій, нерѣдко сохраняется въ душахъ противниковъ, и которое, еслибы оно еще существовало, могло бы, можетъ быть, своимъ вліяніемъ отвратить столкновеніе. Но теперь, всѣ подобныя причины къ воздержанію отъ борьбы были отвергнуты, и диссентеры, раздраженные постоянными преслѣдованіями, рѣшились воспользоваться ослабленіемъ могущества церкви. Они боролись съ нею, когда она была сильна, и потому можно ли было ожидать, что они пощадятъ ее ослабѣвшую. Подъ руководствомъ двухъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей восемнадцатаго вѣка — Вайтфильда, перваго изъ богослововъ-ораторовъ, и Веслея, перваго изъ богослововъ-политиковъ, была организована великая религіозная система, которая стала въ такія же отношенія къ англиканской церкви, въ какихъ последняя находилась къ римско-католической. Такъ, послѣ промежутка въ двѣсти лѣтъ, совершилась въ нашей странѣ вторая Реформація. Въ XVIII столѣтіи, весленцы были тѣмъ же для епископовъ, чѣмъ были, въ XVI столѣтіи, реформаторы для папъ. Правда, что диссентеры англійской церкви не были похожи на диссентеровъ римской, въ томъ отношеніи, что они вскорѣ утратили ту умственную силу, которою отличались первое время. Со смерти ихъ великихъ вождей, между ними не появлялось ни одного человѣка съ самобытнымъ геніемъ; а со смерти Адама Клерка, у нихъ не было даже ни одного ученаго, который пользовался бы

европейскою извѣстностью. Эта умственная бѣдность происходила, можетъ быть, не отъ какой нибудь особенности, свойственной ихъ только сектѣ, а просто отъ того всеобщаго упадка теологическаго духа, который одинаково ослаблялъ, какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ противниковъ. Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ достовѣрно, что вредъ, принесенный англійской церкви диссентерами, былъ гораздо значительнѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, и я, съ своей стороны, склоненъ думать, что вредъ этотъ едвали уступалъ тому, который причиненъ былъ, въ XVI столѣтіи, протестантизмомъ—папству. Оставляя въ сторонѣ убыль въ числѣ членовъ англійской церкви, происшедшую вслѣдствіе этой диссенціи, несомнѣнно еще и то, что самое образованіе протестантской секты, безъ противодѣйствія со стороны правительства, было уже опаснымъ примѣромъ на будущее время; и мы знаемъ изъ современной исторіи, что такъ именно смотрѣли на это дѣло люди наиболѣе заинтересованные его исходомъ. Кромѣ того, веслеянцы обнаруживали въ своей организаціи такое превосходство передъ своими предшественниками, пуританами, что вскорѣ сдѣлались центромъ, вокругъ котораго удобно могли собираться враги господствующей церкви. А что̀, можетъ быть, еще важнѣе—порядокъ, правильность и гласность, составлявшіе обыкновенную характеристику ихъ дѣйствій, отличали ихъ секту отъ другихъ сектъ и, возвышая ее до значенія какъ бы соперницы господствующей церкви, способствовали къ ослабленію того исключительнаго, суевѣрнаго уваженія, которымъ пользовалась нѣкогда англиканская іерархія.

Но какъ бы ни были интересны всѣ эти обстоятельства, они составляли только одну изъ частей того обширнаго процесса, посредствомъ котораго была ослаблена власть церкви и соотечественники наши получили возможность достигнуть религіозной свободы, конечно не полной, но во всякомъ случаѣ гораздо большей, чѣмъ та, которою наслаж-

даются другіе народы. Между безчисленными признаками этого великаго движенія, было два особенно важныхъ, а именно: отдѣленіе теологіи, сперва отъ нравственности, а потомъ и отъ политики. Отдѣленіе ея отъ нравственности совершилось въ самомъ концѣ XVII столѣтія, отдѣленіе же отъ политики—прежде половины XVIII столѣтія. Разительный примѣръ ослабленія прежняго духа церкви представляется въ томъ фактѣ, что обѣ эти перемѣны были начаты самимъ же духовенствомъ. Кумберландъ, Епископъ Питерборо, первый попытался построить систему нравственности, безъ помощи теологіи. Варбёртонъ, Епископъ Глостерскій, первый сталъ утверждать, что государство должно смотрѣть на религію не со стороны откровенія, а со стороны целесообразности, и что оно должно покровительствовать тому или другому вѣрованію, соображаясь не съ тѣмъ, въ какой мѣрѣ оно истинно, а съ тѣмъ, въ какой степени оно полезно. И выводы эти не остались одними безплодными принципами, которыхъ позднѣйшіе изслѣдователи не были бы въ состояніи примѣнить. Идеи Кумберланда, доведенныя до крайности Юмомъ, были вскорѣ примѣнены къ практической дѣятельности Пэлейемъ, и къ умозрительной юриспруденціи Бентамомъ и Миллемъ; идеи же Варбёртона, распространившіяся съ еще большею быстротою, имѣли вліяніе на наше законодательство, и высказываются въ настоящее время не только передовыми мыслителями, но и тѣми обыкновенными людьми, которые, еслибъ жили пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, то отшатнулись бы отъ нихъ въ неподдѣльномъ страхѣ.

Такимъ образомъ, въ Англіи, теологія была окончательно отдѣлена отъ нравственности и отъ государственнаго управленія. Но какъ эта важная перемѣна имѣла сперва только теоретическій, а не практическій характеръ, то дѣйствіе ея, въ продолженіе многихъ лѣтъ, ограничивалось лишь немногочисленнымъ классомъ людей, и потому она еще не произ-

вела до сихъ поръ всѣхъ послѣдствій, которыхъ мы имѣемъ полное право ожидать отъ нея. Но были другія обстоятельства, дѣйствовавшія въ томъ же направленіи, которыя, будучи извѣстны всѣмъ людямъ сколько нибудь образованнымъ, имѣли болѣе непосредственное, хотя, можетъ быть, менѣе прочное вліяніе. Разсмотрѣть въ подробности эти обстоятельства и указать существующую между ними связь будетъ задачею слѣдующихъ томовъ этого сочиненія, въ настоящее же время, я могъ только обозрѣть ихъ въ главнѣйшихъ чертахъ. Изъ нихъ наиболѣе выдавались впередъ слѣдующія: великій аріанскій споръ, нагло подстрекаемый Вистономъ, Клеркомъ и Ватерландомъ и посѣявшій сомнѣніе почти во всѣхъ классахъ общества; бангорскій споръ (*), который, коснувшись предметовъ церковной дисциплины, остававшихся до того времени не затронутыми, повелъ къ разсужденіямъ опаснымъ для власти церкви; великое сочиненіе Блакбёрна о Конфессіоналѣ, которое, одно время, чуть было не произвело раскола въ самой господствующей церкви; знаменитый споръ между Мидльтономъ, Чёрчемъ и Додвеллемъ о чудесахъ, споръ, который продолжали люди съ еще болѣе широкими взглядами — Юмъ, Кампбелль и Дугласъ; обличеніе несообразностей отцовъ церкви, которое началось еще съ Дальѐ и Барбейрака и было продолжаемо Кэвомъ, Миддльтономъ и Джортиномъ; важныя и никѣмъ не опровергнутыя свидѣтельства Гиббона, заключающіяся въ его пятнадцатой и шестнадцатой главахъ; пріобрѣтеніе этими главами новой силы, вслѣдствіе неловкихъ нападеній на нихъ Дэвиса, Чельзума, Вайтэкера и Ватсона. Наконецъ, не говоря уже о предметахъ меньшей важности — столѣтіе окончилось среди смятенія, произведеннаго рѣшительнымъ спо-

---

(*) Полемика, возбужденная одною проповѣдью Годлея (Hoadley), Епископа Бангорскаго, о религіозной свободѣ. (*Прим. перев.*).

ромъ между Порсономъ и Тревисомъ относительно текста Небесныхъ Свидѣтелей (Heavenly Witnesses); споръ этотъ возбудилъ громадный интересъ и непосредственно сопровождался открытіями геологовъ, которые не только возставали противъ истины Моисеевой космогоніи, но и положительно доказывали, что она не можетъ быть справедлива. Всѣ эти обстоятельства, слѣдуя одно за другимъ съ изумительною быстротою, перепутали вѣрованія людей, смутили ихъ легковѣріе и произвели такое дѣйствіе на всѣ умы, которое оцѣнить можетъ только тотъ, кто изучалъ исторію этого времени по оригинальнымъ источникамъ. И въ самомъ дѣлѣ, вліяніе это не можетъ быть понято, даже въ его общихъ чертахъ, если не принять въ соображеніе нѣкоторыя другія обстоятельства, съ которыми было тѣсно связано это великое движеніе впередъ.

Такъ, въ то же время, началась громадная перемѣна не только въ умахъ мыслителей, но и въ самомъ народѣ. Съ усиленіемъ скептицизма, возбуждалась любознательность, а съ распространеніемъ образованія, усиливались средства удовлетворенія ея. Вотъ почему мы находимъ, что одну изъ главныхъ особенностей XVIII столѣтія, особенность, болѣе чѣмъ что либо отличавшую его отъ предшествовавшаго времени,—составляло стремленіе къ знанію, со стороны тѣхъ классовъ общества, для которыхъ путь къ нему былъ прежде закрытъ. Именно въ этотъ великій вѣкъ, были впервые заведены школы для низшихъ сословій, открывавшіяся въ единственный день, въ который сословія эти имѣли время учиться, и основаны для нихъ журналы, выходившіе въ единственный день, въ который они имѣли время читать. Тогда именно впервые появились въ нашей странѣ библіотеки для чтенія, и тогда, также, книгопечатаніе, вмѣсто того чтобы сосредоточиваться почти исключительно въ Лондонѣ, стало входить въ употребленіе и въ провинціальныхъ городахъ. Въ восемнадцатомъ же

столѣтіи были сдѣланы самыя первыя систематическія попытки популяризировать науки и облегчить усвоеніе ихъ общихъ началъ, посредствомъ трактатовъ о нихъ, написанныхъ легкимъ, не техническимъ языкомъ; между тѣмъ изобрѣтеніе энциклопедій дало возможность соединить въ одно мѣсто результаты различныхъ наукъ и привести ихъ въ форму болѣе доступную, чѣмъ какая либо изъ употреблявшихся до того времени. Въ ту же эпоху встрѣчаемъ мы въ первый разъ періодическія литературныя обозрѣнія, въ которыхъ цѣлыя массы людей, занятыхъ практическою дѣятельностью, почерпали познанія, конечно не достаточныя, но во всякомъ случаѣ стоявшія выше ихъ прежняго невѣжества. Вездѣ стали образоваться общества для покупки книгъ; а передъ концомъ столѣтія, мы слышимъ уже о клубахъ, учреждаемыхъ грамотными людьми изъ промышленныхъ классовъ. Во всѣхъ проявлялась пылкая любознательность. Въ половинѣ XVIII столѣтія возникли общества преній (debating societies) между торговцами; за этимъ послѣдовало еще болѣе смѣлое нововведеніе—въ 1769 году, состоялся первый публичный митингъ въ Англіи, первый, на которомъ сдѣлана была попытка просвѣтить Англичанъ на счетъ ихъ политическихъ правъ. Около того же времени народъ сталъ слѣдить за ходомъ дѣлъ въ нашихъ судахъ, о которомъ онъ началъ получать свѣденія изъ ежедневныхъ изданій. Не задолго до этого, возникли политическія газеты и завязался сильнѣйшій споръ между ними и обѣими палатами парламента, относительно права печатанія преній, окончившійся тѣмъ, что обѣ палаты, не смотря на поддержку со стороны короны, были совершенно побѣждены, и народъ получилъ, такимъ образомъ, возможность слѣдить за дѣйствіями законодательной власти и слѣдовательно знакомиться нѣсколько съ дѣлами государственными. Едва была довершена эта побѣда, какъ сообщенъ былъ еще новый толчокъ, распространеніемъ вели-

каго политическаго ученія о личномъ представительствѣ, ученія которое должно наконецъ восторжествовать надъ всѣми препятствіями. Зародышъ его можно найти еще въ концѣ XVII столѣтія, когда пустило корни и стало процвѣтать истинное понятіе о личной независимости. Наконецъ, восемнадцатому столѣтію предоставлено было показать первый примѣръ призванія народа къ участію въ обсужденіи тѣхъ важныхъ вопросовъ, относящихся до религіи, въ которыхъ, до тѣхъ поръ, никогда не совѣтовались съ нимъ; между тѣмъ какъ въ настоящее время всѣми признано, что въ этихъ и во всѣхъ другихъ предметахъ, должно окончательно обращаться къ возрастающему пониманію народа.

Въ связи со всѣмъ этимъ находилась и соотвѣтственная перемѣна въ самой формѣ и въ самомъ строѣ нашей литературы. Строгій педантическій методъ, которому издавна привыкли слѣдовать наши великіе писатели, не годился для новаго поколѣнія, пылкаго и пытливаго, жаждущаго знанія и потому не терпящаго тѣхъ нѣжностей, на которыя въ прежнее время не обращали вниманія. Вотъ почему, въ самомъ началѣ XVIII столѣтія, сильный, но тяжелый образъ выраженія и длинныя запутанныя предложенія, казавшіяся столь естественными у нашихъ древнихъ писателей, были, не смотря на ихъ красоту, внезапно откинуты и замѣнены слогомъ болѣе легкимъ и простымъ, который, будучи удобопонятнѣе, въ большей мѣрѣ соотвѣтствовалъ требованіямъ вѣка.

Увеличеніе знанія, соединенное съ такимъ упрощеннымъ способомъ передачи его, повело, естественнымъ образомъ, къ большей независимости литераторовъ и къ большей смѣлости литературныхъ изслѣдованій. До тѣхъ поръ, пока книги, вслѣдствіе тяжелаго слога, или нелюбознательности народа, мало читались, ясно, что авторы должны были разсчитывать на покровительство отдѣльныхъ сословій или богатыхъ и титу-

лованныхъ личностей. А какъ люди всегда бываютъ склонны льстить тѣмъ, отъ кого они зависятъ, то очень часто случалось, что даже величайшіе изъ нашихъ писателей унижали свой талантъ, льстя предразсудкамъ своихъ покровителей. Послѣдствіемъ этого было то, что литература не только не пресѣкала стараго суевѣрія и не возбуждала умъ къ новымъ изслѣдованіямъ, а напротивъ часто принимала робкій, угодливый тонъ, свойственный ея зависимому положенію. Но теперь все это измѣнилось. Эти рабскія, постыдныя посвященія, этотъ низкій, ползучій духъ, это безпрестанное поклоненіе одному только званію и рожденію; это постоянное смѣшиваніе могущества съ правомъ, это невѣжественное благоговѣніе передъ всѣмъ, что старо, и еще болѣе невѣжественное презрѣніе ко всему, что ново,—всѣ эти черты мало-по-малу сглаживались, и авторы, полагаясь на покровительство народа, стали защищать права своихъ новыхъ союзниковъ съ такою смѣлостью, на которую они никогда не рѣшились бы, ни въ одинъ изъ предшествовавшихъ вѣковъ.

Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ вытекали послѣдствія чрезвычайно важныя. Отъ такого упрощенія, такой независимости и такого распространенія знанія, произошло по необходимости то, что исходъ великихъ споровъ, о которыхъ я упоминалъ выше, сталъ болѣе всѣмъ извѣстенъ, въ XVIII столѣтіи, чѣмъ это было бы возможно въ какой либо изъ предшествовавшихъ вѣковъ. Теперь было извѣстно, что постоянно происходили теологическіе и политическіе споры, въ которыхъ геній и ученость находились на одной сторонѣ, а православіе и преданіе на другой. Стало извѣстно, что обсуждаемые пункты касались не одной только достовѣрности отдѣльныхъ фактовъ, но и истины общихъ началъ, которыми тѣсно обусловливались интересы и счастье человѣчества. Споры, которые прежде ограничивались лишь самою незначительною частью общества, теперь стали широко рас-

пространяться во всѣ стороны и возбуждать сомнѣнія, которыя служили народу матеріаломъ для мышленія. Отъ этого духъ изслѣдованія съ каждымъ годомъ становился дѣятельнѣе и все болѣе и болѣе распространялся; жажда реформы постоянно усиливалась и, еслибъ дѣла были предоставлены своему естественному теченію, то XVIII столѣтіе не могло бы пройти безъ рѣшительныхъ, благодѣтельныхъ перемѣнъ, какъ въ церкви, такъ и въ правительствѣ. Но вскорѣ послѣ половины этого столѣтія, возникъ, къ несчастью, цѣлый рядъ политическихъ комбинацій, которыя прервали естественный ходъ событій и наконецъ произвели такой опасный кризисъ, который у всякаго другаго народа непремѣнно окончился бы или потерею свободы, или распаденіемъ правительства. Эта пагубная реакція, отъ которой Англія, можетъ быть, съ трудомъ оправилась, никогда еще не была изучаема съ такимъ вниманіемъ, которое хоть сколько нибудь соотвѣтствовало бы ея важности; ее даже такъ мало понимали, что ни одинъ историкъ не различалъ противоположности между этою реакціею и тѣмъ великимъ умственнымъ движеніемъ, котораго я только что представилъ краткій очеркъ. По этой причинѣ, а также и въ видахъ сообщенія возможной полноты настоящему введенію, я намѣренъ обозрѣть важнѣйшія эпохи означенной реакціи и обнаружить, на сколько сумѣю, находящуюся между ними связь. Согласно съ планомъ нашего введенія, изслѣдованіе это должно быть весьма кратко, такъ какъ оно имѣетъ цѣлью только положить основаніе тѣмъ общимъ началамъ, безъ которыхъ исторія — не болѣе, какъ собраніе эмпирическихъ замѣчаній, ничѣмъ не связанныхъ и потому не имѣющихъ ни какой важности. Должно также помнить, что обстоятельства, которыя намъ предстоитъ разсматривать, имѣли не соціальный, а политическій характеръ, вслѣдствіе чего мы особенно склонны заблуждаться въ нашихъ заключеніяхъ о нихъ; и это частью потому, что матеріалы для исторіи народа, будучи обширнѣе

и имѣя менѣе прямое значенiе, чѣмъ матерiалы для исторiи правительства, въ меньшей мѣрѣ подвержены искаженiю, частью же и потому, что дѣятельность небольшихъ кружковъ людей, какъ напримѣръ министровъ и государей, всегда болѣе зависитъ отъ личности, т. е. въ меньшей мѣрѣ подчиняется извѣстнымъ законамъ, чѣмъ дѣятельность обширныхъ корпорацiй, въ совокупности называемыхъ обществомъ или нацiею. Съ этимъ замѣчанiемъ въ умѣ, я постараюсь теперь очертить ту эпоху, которая, съ чисто политической точки зрѣнiя, составляетъ реакцiонный и ретроградный перiодъ англiйской исторiи.

Слѣдуетъ признать за весьма счастливое обстоятельство то, что послѣ смерти Анны, въ продолженiе почти пятидесяти лѣтъ, престолъ былъ занятъ двумя государями, которые были чужды Англiи и по своимъ правамъ, и по мѣсту рожденiя, и изъ которыхъ одинъ плохо владѣлъ нашимъ языкомъ, а другой вовсе не зналъ его. Непосредственные предшественники Георга III были дѣйствительно такъ безпечны по характеру и до такой степени невѣжественны во всемъ, касающемся до народа, которымъ они брались управлять, что не смотря на ихъ деспотическiй правъ, нельзя было опасаться, что они составятъ себѣ партiю, для расширенiя предѣловъ королевской прерогативы. Какъ иностранцы, они не имѣли къ англiйской церкви достаточнаго сочувствiя, чтобы помочь духовенству въ естественномъ стремленiи его возвратить прежнюю власть. Сверхъ того, крамолы и двуличный образъ дѣйствiя многихъ изъ прелатовъ должны были содѣйствовать къ тому, чтобы лишить духовенство уваженiя государей, такъ же, какъ они лишили его расположенiя нацiи. Эти обстоятельства, хотя сами по себѣ они могутъ казаться ничтожными, были въ дѣйствительности, весьма важны, потому что они обезпечили нацiи дальнѣйшее развитiе того духа изслѣдованiя, который правительство и церковь совокупно старались бы подавить,

еслибъ они были между собою въ согласіи. Даже и при этихъ обстоятельствахъ, дѣлались отъ времени до времени нѣкоторыя покушенія, но они были, говоря сравнительно, довольно рѣдки и не имѣли той силы, которая бы проявилась въ нихъ тогда, когда между свѣтскою и духовною властью существовалъ бы тѣсный союзъ. Дѣйствительно, положеніе дѣлъ было такъ благопріятно, что старая партія торіевъ, отталкиваемая націею и покинутая правительствомъ, болѣе сорока лѣтъ не имѣла возможности принимать участіе въ управленіи страною. Въ то же время, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, въ законодательствѣ совершился значительный прогрессъ, и наша книга статутовъ, за этотъ періодъ времени, заключаетъ въ себѣ сильныя доказательства упадка той могущественной партіи, которая когда-то самовластно управляла Англіею.

Но со смертію Георга II, ходъ политическихъ дѣлъ внезапно измѣнился, и желанія государя снова стали въ противоположность съ интересами націи, а это представляло тѣмъ болѣе опасности, что въ глазахъ поверхностнаго наблюдателя, вступленіе на престолъ Георга III должно было казаться самымъ счастливымъ событіемъ, какое только могло случиться. Новый король родился въ Англіи, говорилъ по англійски, какъ на своемъ природномъ языкѣ, и, какъ утверждали, смотрѣлъ на Ганноверъ, какъ на чужую страну, интересы которой должны были считаться предметомъ второстепеннымъ. Въ то же время угасли послѣднія надежды дома Стюартовъ. Претендентъ самъ томился въ Италіи, гдѣ онъ вскорѣ умеръ; а сынъ его, рабски предавшійся порокамъ, какъ будто бы наслѣдственнымъ въ этомъ семействѣ, влачилъ жизнь въ ничтожествѣ, не возбуждая даже ни въ комъ сожалѣнія.

Между тѣмъ, эти самыя обстоятельства, казавшіяся столь благопріятными, необходимо влекли за собою самыя бѣдственныя послѣдствія. Лишь только миновала для Георга опас-

ность лишиться оспариваемаго права на престолъ, онъ сталъ дѣйствовать смѣлѣе, чѣмъ дѣйствовалъ бы безъ этого. Всѣ эти старинныя ученія о правахъ королей, которыя считались окончательно убитыми революціею, внезапно были возобновлены. Духовенство, оставивъ безнадежно проигранное дѣло претендента, выказало къ ганноверскому дому ту же приверженность, которую оно прежде показывало къ дому Стюартовъ. Съ проповѣднической каѳедры стали раздаватся похвалы новому королю, его личнымъ семейнымъ добродѣтелямъ, его благочестію, а преимущественно его сыновней приверженности къ англійской церкви. Результатомъ подобнаго настроенія было установленіе между королемъ и церковью такого тѣснаго союза, какого мы никогда не видали въ Англіи, со временъ Карла I. Подъ покровительствомъ этого союза, старая торійская партія быстро усилилась и вскорѣ уже имѣла возможность устранить своихъ противниковъ отъ управленія дѣлами. Этому реакціонному движенію много содѣйствовалъ личный характеръ Георга III: расположенный къ деспотизму столько же, какъ и суевѣрный, онъ одинаково заботился о расширеніи прерогативы и объ усиленіи церкви. Всякая либеральная мысль, все, что сколько нибудь походило на реформу, даже малѣйшій намекъ на свободу изслѣдованія — все это было предметомъ ужаса для такого ограниченнаго, невѣжественнаго государя. Въ немъ не было ни знанія, ни вкуса, ни даже понятія о какой либо наукѣ, не было и расположенія ни къ одному искусству: вообще воспитаніе не сдѣлало ничего для развитія этого ума, самою природою созданнаго въ необычайно тѣсномъ размѣрѣ. Не имѣя никакого понятія объ исторіи и средствахъ другихъ земель, и зная только ихъ географическое положеніе, онъ едвали имѣлъ болѣе обширныя свѣденія и о той націи, которою былъ призванъ управлять. Въ огромной массѣ свидѣтельствъ, сохранившихся донынѣ и состоящихъ изъ всякаго рода частныхъ кореспонденцій, изложеній частныхъ разгово-

ровъ и государственныхъ актовъ, нигдѣ нельзя найти ни малѣйшаго доказательства, чтобы онъ обладалъ хотя однимъ изъ того множества знаній, которыми долженъ отличаться правитель государства, ни даже, чтобы онъ былъ знакомъ хотя съ одною изъ обязанностей своего положенія, за исключеніемъ чисто механической рутины текущихъ дѣлъ, которую могъ бы имѣть и послѣдній писецъ изъ самаго низшаго присутственнаго мѣста въ его королевствѣ.

Образъ дѣйствія, которому долженъ былъ послѣдовать такой король, могъ быть весьма легко предугаданъ. Онъ сгруппировалъ около своего престола ту великую партію, которая, примѣняясь къ преданіямъ старины, всегда гордилась тѣмъ, что останавливала прогрессъ своего времени. Въ продолженіе шестидесяти лѣтъ своего царствованія, онъ ни разу не принялъ добровольно въ число своихъ совѣтниковъ, за исключеніемъ Питта, ни одного особенно даровитаго человѣка, ни одного человѣка, съ именемъ котораго соединялось бы воспоминаніе о кокой либо мудрой мѣрѣ по внутренней или внѣшней политикѣ. Даже Питтъ сохранилъ свое положеніе въ государствѣ только тѣмъ, что забывъ уроки своего знаменитаго отца, оставилъ тѣ либеральныя начала, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ и съ которыми онъ выступилъ на политическое поприще. Вслѣдствіе ненависти Георга III къ самой идеѣ реформы, Питтъ не только отступилъ отъ того, что онъ самъ прежде признавалъ совершенно необходимымъ, но даже не усомнился преслѣдовать на смерть ту партію, съ которой онъ нѣкогда дѣйствовалъ за одно, чтобы достигнуть реформы. Георгъ III смотрѣлъ на рабство, какъ на одинъ изъ добрыхъ старыхъ обычаевъ, освященныхъ мудростью его предковъ, и по этому Питтъ не осмѣливался употребить свою власть на то, чтобы достигнуть уничтоженія рабства, а оставилъ своимъ преемникамъ славу прекращенія той постыдной торговли, поддержаніе которой такъ принималъ къ сердцу его король и повелитель. Вслѣдствіе

того что Георгъ III ненавидѣлъ Французовъ, которыхъ онъ зналъ столько же, какъ и жителей Камчатки или Тибета, Питтъ, вопреки своему собственному убѣжденію предпринялъ войну съ Франціей—войну, которая поставила Англію въ серіозную опасность и обременила англійскій народъ долгомъ, котораго и позднѣйшіе потомки его не въ состояніи будутъ уплатить. Но не смотря на все это, когда Питтъ, за нѣсколько лѣтъ до своей смерти, выказалъ рѣшимость предоставить ирландцамъ небольшую долю неоспоримо принадлежащихъ имъ правъ, король удалилъ его отъ должности; и «друзья королевскіе» — какъ ихъ называли — выразили свое негодованіе на дерзость министра, рѣшившагося идти противъ желаній такого кроткаго и милостиваго монарха. А когда, къ несчастію для своей славы, этотъ великій человѣкъ рѣшился опять вступить въ министерство, то ему удалось возвратить свое мѣсто только уступкою того самаго пункта, по поводу котораго онъ оставилъ должность; и такимъ образомъ онъ представилъ вредный примѣръ министра свободной страны, приносящаго свое убѣжденіе въ жертву личнымъ предрасудкамъ царствующаго государя.

Такъ какъ было почти невозможно найти другихъ министровъ, которые съ подобнымъ дарованіемъ соединяли бы такую же покорность, то самыя высшія мѣста были всегда заняты людьми, извѣстными по своей неспособности. Дѣйствительно, король повидимому имѣлъ инстинктивную антипатію ко всему великому и благородному. Въ царствованіе Георга II, Питтъ старшій пріобрѣлъ славу, наполнившую собою весь міръ, и возвелъ Англію на неслыханную дотолѣ степень высоты и величія. Въ то же время, какъ признанный защитникъ народныхъ правъ, онъ мужественно противодѣйствовалъ деспотическимъ стремленіямъ двора; и за это Георгъ III ненавидѣлъ его такою ненавистью, какую трудно было себѣ представить въ человѣкѣ пользующемся здравымъ умомъ. Фоксъ былъ одинъ изъ самыхъ великихъ государственныхъ

людей восемнадцатаго вѣка и лучше чѣмъ кто либо зналъ и характеръ, и средства тѣхъ иностранныхъ націй, съ которыми мы были тѣсно связаны нашими интересами. Съ этимъ рѣдкимъ и важнымъ знаніемъ въ немъ соединялись кротость нрава и пріятность характера, которыя исторгали похвалы даже у его политическихъ противниковъ. Но онъ былъ также постояннымъ защитникомъ гражданской и религіозной свободы и потому также ненавидимъ Георгомъ III, до такой степени, что король собственноручно вычеркнулъ его имя изъ списка своихъ ближайшихъ совѣтниковъ и объявилъ, что скорѣе откажется отъ престола, чѣмъ допуститъ Фокса принять какое либо участіе въ управленіи.

Въ то время какъ совершилась такая неблагопріятная перемѣна на престолѣ, столь же неблагопріятная перемѣна произошла и въ законодательномъ собраніи. До царствованія Георга III, палата лордовъ стояла положительно выше палаты общинъ, по либеральному образу мыслей и общему умственному развитію своихъ членовъ. Правда, что въ обѣихъ палатахъ преобладали воззрѣнія, которыя должны быть признаны узкими и суевѣрными, если судить о нихъ по сравненію съ болѣе обширными взглядами настоящаго времени, но у перовъ подобныя понятія умѣрялись воспитаніемъ, которое ставило ихъ много выше тѣхъ невѣжественныхъ сквайровъ, проведшихъ весь свой вѣкъ на лисьей травлѣ, изъ которыхъ главнымъ образомъ состояла нижняя палата. Вслѣдствіе такого преимущества въ знаніяхъ, перы, естественнымъ образомъ, отличались болѣе широкимъ взглядомъ и болѣе либеральнымъ складомъ мыслей, чѣмъ лица, называвшіяся представителями народа, а по этому, старый торійскій духъ, ослабѣвая постепенно въ верхней палатѣ, нашелъ убѣжище въ нижней, гдѣ въ теченіе почти шестидесяти лѣтъ послѣ революціи, приверженцы высше-англиканской церкви и дома Стюартовъ составляли опасную для государства партію. Примѣромъ этого направленія можетъ служить судьба двухъ человѣкъ, оказавшихъ

важнѣйшія услуги ганноверской династіи, а слѣдовательно и свободѣ Англіи — Сомерса и Вальполя. Оба они были замѣчательны своею приверженностью къ началамъ вѣротерпимости и оба были обязаны своимъ спасеніемъ вмѣшательству палаты лордовъ. Сомерсъ, въ самомъ началѣ восемнадцатаго вѣка, былъ защищенъ лордами противъ скандалезнаго обвиненія, взведеннаго на него другою палатою парламента. Сорокъ лѣтъ спустя послѣ этого, палата общинъ, желая окончательно погубить Вальполя, провела билль, поощрявшій свидѣтелей къ показаніямъ противъ него, освобожденіемъ ихъ впередъ отъ всякой за то отвѣтственности. Эта варварская мѣра прошла въ нижней палатѣ безъ малѣйшаго затрудненія; у лордовъ же она отвергнута большинствомъ голосовъ, составлявшимъ почти 2 : 1. Точно также и актъ о схизматикахъ, посредствомъ котораго приверженцы церкви подвергали диссентеровъ жестокому наказанію, былъ съ жадностію принятъ въ палатѣ общинъ сильнымъ и усерднымъ большинствомъ. У лордовъ, между тѣмъ, число голосовъ раздѣлилось почти поровну; и хотя билль былъ принятъ, но къ нему присовокуплены исправленія, въ нѣкоторой степени смягчающія жестокость вводимыхъ имъ постановленій.

Это превосходство верхней палаты надъ нижнею вообще сохранялось неизмѣннымъ во все продолженіе царствованія Георга II, такъ какъ министры не заботились объ усиленіи партіи высше-англиканской церкви въ палатѣ лордовъ, а самъ король такъ рѣдко жаловалъ достоинство пера, что всѣ считали его особенно нерасположеннымъ къ умноженію этого сословія.

Георгу III было суждено, неумѣреннымъ употребленіемъ своей прерогативы, совершенно измѣнить характеръ верхней палаты и такимъ образомъ положить начало тому упадку въ общественномъ мнѣніи, которому съ тѣхъ поръ постепенно подвергались перы. Пожалованія при немъ были многочисленнѣе, чѣмъ когда либо и имѣли очевидно цѣлью нейтрали-

зированіе преобладавшаго до тѣхъ поръ либеральнаго духа и обращеніе палаты лордовъ въ орудіе для противодѣйствія желаніямъ націи и замедленія успѣховъ реформы. До какой степени планъ удался — это хорошо извѣстно всѣмъ, читавшимъ нашу исторію. И дѣйствительно, можно было ручаться за удачу его, принявъ въ соображеніе свойства тѣхъ людей, которые были пожалованы въ перы. Они, почти безъ исключенія, принадлежали къ двумъ классамъ: къ деревенскимъ помѣщикамъ, замѣчательнымъ только по своему богатству и по количеству голосовъ, которыми это богатство давало имъ возможность располагать, и изъ простыхъ законниковъ, достигшихъ судебныхъ мѣстъ, частью по своей спеціальной учености, но главнымъ образомъ по тому усердію, съ какимъ они трудились для подавленія правъ народа и усиленія королевской прерогативы.

Что наше описаніе не преувеличенно — въ этомъ можетъ удостовѣриться всякій, кто только захочетъ просмотрѣть списки новыхъ перовъ, пожалованныхъ Георгомъ III. Изрѣдка мы находимъ въ нихъ какого нибудь замѣчательнаго человѣка, заслуги котораго передъ обществомъ были такъ извѣстны, что невозможно было не вознаградить ихъ; но оставивъ въ сторонѣ тѣхъ, которые были какъ бы навязаны государю, нельзя не согласиться что остальные, составляющіе конечно огромное большинство, отличались узкостью и нелиберальностью понятій, которыя болѣе чѣмъ что либо другое содѣйствовали къ навлеченію презрѣнія на все ихъ сословіе. Ни великихъ мыслителей, ни великихъ писателей, ни великихъ ораторовъ, ни великихъ государственныхъ людей—никого изъ истинной аристократіи страны нельзя было найти между этими поддѣльными перами, пожалованными при Георгѣ III. И представительство матеріальныхъ интересовъ государства было не лучше составлено въ этомъ странномъ сбродѣ людей. Между значительнѣйшими людьми въ Англіи, одно изъ самыхъ высшихъ мѣстъ принадлежало лицамъ, за-

нимавшимся банкирскимъ дѣломъ и торговлею: съ конца семнадцаго столѣтія, вліяніе ихъ быстро возрастало; ихъ способности, ихъ открытый, послѣдовательный образъ дѣйствія и вообще знаніе дѣла ставили ихъ во всѣхъ отношеніяхъ выше тѣхъ сословій, изъ среды которыхъ теперь пополнялась верхняя палата. Но въ царствованіе Георга, на право такого рода обращалось мало вниманія, и Бёркъ, авторитетъ котораго по этому предмету никто не станетъ оспаривать, утверждаетъ, что ни въ какое другое время не было повышено въ званіе перовъ такъ мало людей участвующихъ въ торговлѣ.

Мы бы никогда не кончили, еслибъ стали собирать всѣ признаки, обозначающіе политическій упадокъ Англіи въ этотъ періодъ, упадокъ тѣмъ болѣе разительный, что онъ противорѣчилъ духу времени, и что онъ совершился вопреки великому прогрессу и соціальному, и умственному. О томъ, какимъ образомъ этотъ прогрессъ остановилъ наконецъ политическую реакцію и даже сообщилъ ей обратное движеніе, мы будемъ говорить въ другой части этого труда; но есть одно обстоятельство, о которомъ я не могу не поговорить довольно пространно, такъ какъ оно живо изображаетъ тогдашнее направленіе государственныхъ дѣлъ, и въ то же время выясняетъ характеръ одного изъ самыхъ великихъ людей вообще и величайшаго мыслителя изъ всѣхъ политическихъ дѣятелей Англіи, за исключеніемъ развѣ одного Бэкона.

Въ самомъ даже краткомъ очеркѣ царствованія Георга III составило бы непозволительный пробѣлъ, еслибъ было опущено имя Эдмунда Бёрка. Этотъ необыкновенный человѣкъ изучилъ не только все, что входитъ въ область политики, но и безчисленное множество другихъ предметовъ, которые, хотя повидимому чужды политикѣ, но въ дѣйствительности составляютъ важное для нея пособіе, такъ какъ для истинно философскаго ума, каждая отрасль знанія слу-

жить къ прояснению взгляда на всѣ другія, и даже на тѣ, которыя кажутся самыми отдаленными отъ нея. Похвала, высказанная ему однимъ человѣкомъ, сужденія котораго имѣютъ неоспоримую цѣну, можетъ быть оправдана — болѣе чѣмъ оправдана,—какъ цитатами изъ его сочиненій, такъ и мнѣніями самыхъ замѣчательныхъ изъ его современниковъ. Между тѣмъ какъ его глубокое знаніе философіи права пріобрѣло ему высокое мнѣніе юристовъ, знакомство его со всею областью изящныхъ искусствъ и теоріею ихъ возбуждало удивленіе художниковъ — поразительное соединеніе двухъ видовъ умственнаго труда, которые нерѣдко, хотя и ошибочно, признаются несовмѣстимыми. Въ то же время, мы знаемъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что не смотря на труды политической дѣятельности своей, онъ много занимался исторіею и происхожденіемъ языковъ, этимъ обширнымъ предметомъ, который въ послѣдніе тридцать лѣтъ сталъ однимъ изъ важнѣйшихъ вспомогательныхъ средствъ, для изученія человѣческаго ума, между тѣмъ какъ тогда самая идея о немъ, въ болѣе широкомъ смыслѣ, только начинала выясняться въ умахъ немногихъ отдѣльныхъ мыслителей. Но еще замѣчательнѣе тотъ фактъ, что когда Адамъ Смитъ прибылъ въ Лондонъ, полный тѣми истинами, открытіе которыхъ обезсмертило его имя, онъ къ изумленію своему нашелъ, что Бёркъ предвосхитилъ нѣкоторые выводы, выработка которыхъ стоила самому Смиту многихъ лѣтъ напряженнаго и непрерывнаго труда.

Съ способностью къ этимъ великимъ изслѣдованіямъ, касающимся основаній соціальной науки, въ Бёркѣ соединялись значительныя познанія въ наукахъ естественныхъ и даже знакомство съ практическими пріемами и рутиною механическихъ ремеслъ. Все это было вполнѣ переварено и выработано въ его умѣ и готово на всякій случай, не такъ какъ знанія дюжинныхъ политиковъ, разбитыя и разбросанныя отрывками, а какъ нѣчто стройное, цѣлое, слитое воедино силою дарованія,

умѣвшаго придать жизнь самымъ скучнымъ занятіямъ. Дѣйствительно, это было характеристическою чертою Бёрка, что въ его рукахъ ничто не оставалось безплоднымъ. Умъ его отличался такою силою и такимъ богатствомъ, что плоды его проявлялись во всѣхъ направленіяхъ и что онъ могъ придать значеніе самымъ ничтожнымъ предметамъ, обнаруживъ связь ихъ съ общими началами, и ту роль, которую они играютъ въ великой системѣ дѣлъ человѣческихъ.

Но что̀ мнѣ всегда казалось еще болѣе замѣчательнымъ въ характерѣ Бёрка—это та умѣренность, съ какою онъ всегда пользовался своими необыкновенными познаніями. Въ продолженіе лучшей части его жизни, политическія начала, которыми онъ руководствовался, были далеко не отвлеченныя, а совершенно практическія. Это въ особенности поражаетъ насъ, потому что ему представлялись всевозможные соблазны принять противоположное направленіе. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи несравненно болѣе матеріаловъ для обобщеній, чѣмъ кто либо изъ политическихъ дѣятелей его времени, и умъ его былъ чрезвычайно склоненъ къ широкимъ взглядамъ. Часто, и даже всегда, какъ только представлялся къ тому случай, онъ проявлялъ способности самостоятельнаго мыслителя-философа. Но съ того момента, какъ онъ становился на почву политическую, онъ совершенно измѣнялъ свой методъ. Въ вопросахъ, касающихся до накопленія и распредѣленія богатства, онъ видѣлъ, что исходя отъ немногихъ простыхъ началъ, можетъ быть построена дедуктивная наука, удобопримѣнимая къ коммерческимъ и финансовымъ интересамъ государства. Далѣе этого онъ отказывался идти, зная, что за этимъ единственнымъ исключеніемъ, всѣ отрасли политики имѣютъ характеръ чисто эмпирическій и вѣроятно долго сохранятъ его. По этому онъ признавалъ, во всѣхъ его примѣненіяхъ, то великое правило, къ сожалѣнію слишкомъ часто забываемое и въ наше время, что цѣлью законодателя должна быть не истина, а польза. Взирая на настоящее положеніе

знанія, онъ долженъ былъ согласиться, что всѣ начала политики извлечены поверхностнымъ наведеніемъ изъ весьма ограниченной суммы фактовъ и, что по этому, благоразумный человѣкъ, когда ему приходится присовокуплять новые факты къ данной суммѣ, долженъ повѣрять самый процессъ наведенія и, вмѣсто того, чтобы приносить практическія соображенія въ жертву принципамъ — видоизмѣнять принципы ради измѣненій практики. Или — чтобы выразить эту мысль иначе — Бёркъ полагаетъ, что политическія начала, какъ бы высоко мы ихъ ни цѣнили, суть только произведенія человѣческаго ума, между тѣмъ какъ политическая практика имѣетъ дѣло съ человѣческими страстями и человѣческою природою, къ которой разумъ относится, какъ часть къ цѣлому, и что слѣдовательно истинное призваніе государственнаго человѣка заключается въ томъ, чтобы изыскивать мѣры, посредствомъ которыхъ могутъ быть достигнуты извѣстныя цѣли, предоставляя общественному мнѣнію страны рѣшить, какія именно должны быть эти цѣли, и направляя свои дѣйствія не по своимъ собственнымъ убѣжденіямъ, а согласно съ желаніями народа, для котораго онъ пишетъ законы и которымъ онъ въ то же время обязанъ повиноваться.

Эти именно воззрѣнія и необыкновенный талантъ, съ которымъ они были защищаемы, дѣлаютъ появленіе Бёрка достопамятною эпохою въ нашей политической исторіи. Мы безъ сомнѣнія имѣли, до него, другихъ государственныхъ людей, отрицавшихъ силу общихъ началъ въ политикѣ, но ихъ отрицаніе было только счастливою догадкою невѣжества; они отвергали теоріи, которыхъ они не дали себѣ труда изучить, Бёркъ же отвергалъ теоріи, потому что зналъ ихъ. Весьма рѣдкою заслугою его было то, что имѣя всевозможныя основанія полагаться на свои обобщенія, онъ устоялъ противъ этого соблазна; что не смотря на свой богатый запасъ свѣденій по всѣмъ отраслямъ политическаго знанія, онъ подчинялъ свои мнѣнія ходу событій;

что онъ признавалъ цѣлью правительства не сохраненіе какихъ либо особыхъ учрежденій, не распространеніе извѣстныхъ понятій, а благоденствіе всей массы народа, и—что выше всего—требовалъ такого вниманія къ народнымъ желаніямъ, какого, до него, не оказывалъ никто изъ государственныхъ людей и о которомъ, послѣ него, слишкомъ многіе изъ нихъ забывали. Дѣйствительно, отечество наше и донынѣ наполнено тѣми дюжинными политиками, противъ которыхъ возвышался голосъ Бёрка, слабыми и ограниченными людьми, которые, растративъ свои небольшія силы въ борьбѣ съ успѣхами реформы, видятъ себя наконецъ вынужденными уступить, и за тѣмъ, истощивъ всѣ хитрости своей мелочной системы и, посѣявъ, своими поздними и нехотя сдѣланными уступками, сѣмена будущаго недовольства, возстаютъ противъ вѣка, обманувшаго ихъ ожиданія, скорбятъ о перерожденіи человѣчества, жалуются на упадокъ національнаго духа и оплакиваютъ участь народа, который до такой степени пренебрегаетъ мудростью предковъ, что рѣшается коснуться конституціи, освященной вѣковою давностью.

Всякій, кто только изучалъ царствованіе Георга III, легко пойметъ, какимъ огромнымъ преимуществомъ было для Англіи имѣть такого человѣка, какъ Бёркъ, для противодѣйствія этимъ жалкимъ заблужденіямъ — заблужденіямъ, оказавшимъ гибельное вліяніе па многія государства и, нѣсколько разъ, едва не погубившимъ и наше отечество. Всякій также пойметъ, что во мнѣніи короля, этотъ великій государственный человѣкъ былъ не болѣе какъ краснорѣчивый декламаторъ, принадлежащій къ одной категоріи съ Фоксомъ и Чатамомъ; всѣ трое казались ему людьми даровитыми, но ненадежными, неосновательными, совершенно неспособными къ серіознымъ дѣламъ и недостойными такой высокой чести, какъ допущеніе въ королевскіе совѣты. Дѣйствительно, во всѣ тридцать лѣтъ, которые Бёркъ провелъ въ общественной дѣятельности, онъ никогда не имѣлъ никакой должности въ

кабинетѣ, и единственные случаи, когда онъ занималъ какое нибудь, хоть очень невысокое мѣсто, бывали въ тѣ краткіе промежутки времени, когда колебанія политики вынуждали составленіе либеральнаго министерства.

Дѣйствительно, участіе, которое принималъ Бёркъ въ государственныхъ дѣлахъ, должно было быть очень обидно для короля, считавшаго хорошимъ все, что было старо, и справедливымъ все, что издавна установлено. Этотъ замѣчательный человѣкъ настолько опередилъ своихъ современниковъ, что между великими мѣрами, принятыми нынѣшнимъ поколѣніемъ, весьма немного такихъ, которыя бы онъ не предусмотрѣлъ, и горячо не отстаивалъ. Онъ не только опровергалъ нелѣные законы противъ барышничества и перекупа, но поражалъ самый корень всякихъ подобныхъ запрещеній, отстаивая свободу торговли. Онъ поддерживалъ тѣ справедливыя требованія католиковъ, которыя, при жизни его, постоянно встрѣчали упорный отказъ, а много лѣтъ спустя послѣ его смерти, были удовлетворены, когда это оказалось единственнымъ средствомъ сохранить цѣлость монархіи. Онъ поддерживалъ ходатайство диссентеровъ объ освобожденіи ихъ отъ тѣхъ стѣсненій, которымъ они были подвергнуты для выгодъ англиканской церкви. Во всѣ прочія отрасли политики онъ вносилъ тотъ же самый духъ. Онъ дѣйствовалъ противъ жестокихъ законовъ о несостоятельности, которые, во времена Георга III, еще безобразили нашу книгу статутовъ, и тщетно старался смягчить уголовный кодексъ, возрастающая строгость котораго была одною изъ худшихъ чертъ этаго дурнаго царствованія. Онъ желалъ уничтожить старое обыкновеніе брать солдатъ въ службу на всю жизнь — обыкновеніе варварское и противное здравой политикѣ,—что сталъ замѣчать, нѣсколько лѣтъ спустя, и англійскій парламентъ. Онъ возставалъ противъ торговли невольниками, которую король хотѣлъ сохранить, какъ старинный обычай, видя въ ней принадлежность

британской конституціи. Бёркъ порицалъ, хотя, благодаря предразсудкамъ своего времени, не могъ ниспровергнуть, опасное право, которымъ пользовались судьи въ уголовныхъ процессахъ по дѣламъ о пасквиляхъ — предоставлять присяжнымъ на рѣшеніе только вопросъ о фактѣ изданія, присвоивая себѣ, такимъ образомъ, собственно право рѣшенія дѣла, и слѣдовательно полную власть надъ судьбою лицъ, имѣвшихъ несчастіе подвергнуться ихъ суду. А что̀ многіе конечно почтутъ не послѣднею изъ его заслугъ, это то̀, что онъ былъ первымъ въ длинномъ рядѣ финансовыхъ реформаторовъ, которымъ мы такъ много обязаны. Не смотря на представлявшіяся ему затрудненія, онъ провелъ въ парламентѣ рядъ биллей, которыми были совсѣмъ уничтожены нѣсколько безполезныхъ должностей и, въ одномъ управленіи генеральнаго казначея, сдѣлано ежегоднаго сбереженія до 25,000 ф. ст.

Эти обстоятельства уже одни достаточно могутъ объяснить вражду государя, хвалившагося тѣмъ, что онъ передастъ королевство своему наслѣднику совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ самъ получилъ его. Было однако еще одно обстоятельство, особенно раздражавшее чувства короля. Рѣшимость Георга смирить Американцевъ была такъ всѣмъ извѣстна, что̀ когда война дѣйствительно вспыхнула, ее называли «королевскою войною» и на всѣхъ тѣхъ, которые были противъ нея, смотрѣли какъ на личныхъ враговъ государя. Впрочемъ и въ этомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, Бёркъ руководствовался не преданіями и принципами, подобными тѣмъ, которыя лелѣялъ Георгъ III, а широкими воззрѣніями на всеобщее благо. Бёркъ, въ составленіи своихъ убѣжденій объ этой безславной распрѣ, не хотѣлъ руководствоваться доводами, относящимися къ праву той или другой стороны. Онъ не хотѣлъ входить въ разсужденіе о томъ, имѣетъ ли метрополія право облагать податями свои колоніи, или же колоніи имѣютъ право сами опредѣлять

свои подати. О подобныхъ вопросахъ онъ предоставлялъ разсуждать тѣмъ политикамъ, которые, увѣряя, что слѣдуютъ принципамъ, въ дѣйствительности, рабски подчиняются предразсудкамъ. Съ своей стороны, онъ довольствовался тѣмъ, что сравнивалъ стоимость борьбы съ выгодами отъ нея. Для него было достаточно того, что принимая въ соображеніе силы нашихъ американскихъ колоній, отдаленіе ихъ отъ Англіи и вѣроятность оказанія имъ помощи со стороны Франціи, не благоразумно было проявлять нашу власть, а потому и безполезно толковать о правѣ. Такимъ образомъ онъ противился наложенію подати на Америку, не потому, что прежде не было такихъ примѣровъ, а потому, что мѣра эта не могла достигнуть цѣли. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что онъ противился также биллю о Бостонскомъ портѣ и тому постыдному биллю о воспрещеніи всякихъ сношеній съ Америкой, который былъ названъ, довольно удачно, проектомъ покоренія ея посредствомъ голода: — таковы были жестокія мѣры, которыми король надѣялся смирить колоніи и подавить духъ благородныхъ мужей, которыхъ онъ ненавидѣлъ еще болѣе, чѣмъ боялся.

Довольно яркою характеристикою тѣхъ временъ можетъ служить то, что такой человѣкъ, какъ Беркъ, посвятивъ политической дѣятельности способности, достойныя несравненно высшаго назначенія, въ продолженіе тридцати лѣтъ, не получилъ отъ своего государя ни какой милости и ни какой награды. Георгъ III былъ король, находившій наслажденіе въ томъ, чтобы возвышать смиренныхъ и превозносить покорныхъ. Дѣйствительно, его царствованіе было золотымъ вѣкомъ счастливой посредственности — вѣкомъ щедротъ для мелкихъ людей и угнетеній для великихъ. Аддингтона осыпали милостями, какъ государственнаго мужа, а Битти (Beattie) получалъ пенсію, какъ представитель философіи; и вообще, на всѣхъ путяхъ общественной дѣятельности, главнымъ условi-

емъ возвышенія было льстить старымъ предразсудкамъ и поддерживать укоренившіяся злоупотребленія.

Такое пренебреженіе, оказанное самому даровитому изъ политическихъ дѣятелей Англіи, въ высокой степени назидательно, но обстоятельства, послѣдовавшія за этимъ, хотя чрезвычайно прискорбныя, представляютъ еще болѣе глубокій интересъ и вполнѣ заслуживаютъ вниманія тѣхъ, которые, по складу своего ума, расположены изучать умственныя особенности великихъ людей.

Теперь, когда прошло столько времени, и ближайшихъ родственниковъ Бёрка уже нѣтъ въ живыхъ, излишнею было бы съ нашей стороны деликатностью отрицать, что онъ въ послѣдніе годы своей жизни впалъ въ состояніе совершеннаго помѣшательства. Когда вспыхнула Французская Революція, то умъ его, уже изнемогавшій подъ тягостью безпрестаннаго труда, не могъ вынести мысли о событіи столь безпримѣрномъ, столь поразительномъ и угрожающемъ послѣдствіями, столь ужасными по своей громадности. А когда злодѣянія этой великой революціи, вмѣсто того, чтобы уменьшаться, продолжали увеличиваться, тогда чувства Бёрка окончательно пересилили его разсудокъ; равновѣсіе было нарушено, соразмѣрность между отправленіями этого громаднаго ума исчезла. Съ этого момента, его сочувствіе къ настоящему страданію стало такъ сильно, что онъ совершенно забылъ о причинахъ которыми, это страданіе было навлечено. Его умъ, нѣкогда столь положительный, столь независимый отъ предразсудковъ и страстей, поддался давленію тѣхъ событій, которыя довели до помѣшательства и тысячи другихъ людей. Всякій, кто захочетъ сличить духъ его послѣднихъ произведеній съ временемъ изданія каждаго изъ нихъ, увидитъ, до какой степени эта прискорбная перемѣна сильнѣе обозначилась послѣ горькой потери, оставившей на немъ неизгладимый слѣдъ и вполнѣ достаточной, чтобы убить разсудокъ въ человѣкѣ, въ которомъ строгость разума на

столько умѣрялась и такъ превосходно уравновѣшивалась теплотою чувства. Навсегда незабвенными останутся встрѣчающіеся въ его сочиненіяхъ трогательные, утонченно-нѣжные намеки на смерть единственнаго сына, который былъ отрадою его души и предметомъ гордости сердца, и которому онъ надѣялся завѣщать впослѣдствіи свое безсмертное имя. Мы никогда не забудемъ ту картину одинокаго страданія, въ которой этотъ благородный старецъ выразилъ свое неизмѣримое горе. «Жизнь моя идетъ обратнымъ порядкомъ. Тѣ, которые должны были наслѣдовать мнѣ, отошли прежде меня. Тѣ, которымъ слѣдовало быть для меня потомствомъ, заняли мѣсто предковъ.... Буря сразила меня и я палъ, подобно одному изъ старыхъ дубовъ, разбросанныхъ вкругъ меня послѣднимъ ураганомъ. Я лишенъ всего, чѣмъ красовался, я вырванъ съ корнями и лежу поверженный на землѣ».

Приподнять занавѣсъ и прослѣдить разрушеніе такого могучаго ума было бы едвали не болѣзненнымъ проявленіемъ любопытства. Дѣйствительно, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, большая часть свидѣтельствъ утрачиваются; тѣ, которые имѣютъ наиболѣе возможности наблюдать слабости великаго человѣка, бываютъ наименѣе расположены разсказывать о нихъ. Достовѣрно, что перемѣна въ Бёркѣ впервые сдѣлалась вполнѣ замѣтна съ самаго начала Французской Революціи; что она была усилена смертью его сына и что состояніе его постепенно становилось хуже, до тѣхъ поръ, пока поприще его не заключилось смертью. Въ его «Размышленіяхъ о Французской Революціи», въ его «замѣчаніяхъ о политикѣ союзниковъ», въ «письмѣ къ Эллiоту», въ «письмѣ къ благородному лорду» и въ «письмахъ о цареубійственномъ мирѣ» (Letters on a Regicide Peace), мы можемъ прослѣдить постепенные переходы возрастающаго, а наконецъ и неудержимаго раздраженія. Единственному принципу ненависти къ Французской революціи, онъ пожертвовалъ самыми старыми связями своими и самыми близкими дру-

зьями. Фоксъ, какъ достовѣрно извѣстно, всегда смотрѣлъ на Бёрка, какъ на учителя, изъ рѣчей котораго онъ почерпалъ уроки политической мудрости. Бёркъ, съ своей стороны, вполнѣ признавалъ обширное дарованіе своего друга и любилъ его за его дружелюбіе, за его увлекательное обхожденіе, противъ котораго, какъ было замѣчено многими, никто не могъ устоять. Но теперь, безъ малѣйшей личной ссоры, которая могла бы служить къ тому предлогомъ, эта давняя короткость была грубо прервана. За то, что Фоксъ не захотѣлъ отказаться отъ любви къ свободѣ народовъ, отъ того чувства, которое они долго питали вмѣстѣ, Бёркъ публично, съ своего мѣста въ парламентѣ, объявилъ, что дружбѣ ихъ конецъ, такъ какъ онъ не хочетъ имѣть болѣе никакого сношенія съ человѣкомъ, стоящимъ за французскій народъ. Въ то время, и даже въ тотъ самый вечеръ, когда это случилось, Бёркъ, извѣстный дотолѣ вѣжливостью своего обращенія, нанесъ прямое оскорбленіе еще одному изъ своихъ друзей, возвращаясь домой въ его каретѣ, и, въ состояніи бѣшенаго раздраженія, потребовавъ, чтобы его тотчасъ выпустили изъ экипажа, среди ночи и при проливномъ дождѣ, потому что онъ не хотѣлъ, по его словамъ, сидѣть возлѣ человѣка, расположеннаго къ революціонному ученію Французовъ.

Несправедливо даже полагаютъ нѣкоторые, будто эта мономанія вражды была направлена единственно противъ той части французскаго народа, которая заслуживала того своими преступленіями. Трудно было бы, какъ въ этомъ вѣкѣ, такъ и во всякомъ другомъ, найти двухъ человѣкъ, отличающихся болѣе дѣятельнымъ и болѣе пламеннымъ желаніемъ блага, чѣмъ Кондорсэ и Лафайеттъ. Сверхъ того, Кондорсэ былъ одинъ изъ самыхъ глубокихъ мыслителей своего времени и останется незабвеннымъ до тѣхъ поръ, пока геній будетъ пользоваться нашимъ уваженіемъ. Лафайеттъ безъ сомнѣнія стоялъ ниже Кондорсэ, по способностямъ, но онъ былъ близ-

кимъ другомъ Вашингтона, примѣру котораго онъ строго слѣдовалъ, и рядомъ съ которымъ онъ сражался за свободу Америки; безкорыстіе его было и навсегда останется безупречнымъ; притомъ характеръ его отличался благороднымъ, рыцарскимъ складомъ, которымъ Бёркъ, въ лучшія времена свои, сталъ бы первый восхищаться. Но оба были уроженцами той ненавистной страны, которой имъ не удалось доставить свободу. На этомъ основаніи Бёркъ объявилъ, что Кондорсэ виновенъ въ «нечестивыхъ софизмахъ», что онъ фанатикъ атеизма и неистовый республиканецъ – демократъ», способный какъ къ «самымъ низкимъ, такъ и къ самымъ высшимъ, рѣшительнымъ подлостямъ». Что же касается до Лафайетта, то когда была сдѣлана попытка достигнуть облегченія той жестокой участи, которой подвергало его прусское правительство, Бёркъ не только противился принятію предложенія, внесеннаго съ этою цѣлью въ палату общинъ, но даже воспользовался этимъ случаемъ, чтобы осыпать грубыми оскорбленіями несчастнаго плѣнника, который въ то время томился въ темницѣ. До такой степени умерли въ немъ, по отношенію къ этому предмету, всѣ самые простые инстинкты нашей природы что говоря въ парламентѣ, онъ не нашелъ болѣе приличнаго названія этому великодушному и несчастному человѣку, какъ названіе злодѣя. «Я бы не хотѣлъ», сказалъ Бёркъ, «унизить мое человѣколюбіе, поддерживая предложеніе въ пользу такого ужаснаго злодѣя».

Что же касается до самой Франціи, то по мнѣнію Бёрка, это «Замокъ людоѣдовъ», «республика убійцъ» и «адъ»; правительство ея состоитъ изъ «самыхъ грязныхъ, низкихъ, подлыхъ и гнусныхъ крючкотворцевъ», а Національное собраніе ея—изъ «безбожниковъ»; народъ ея, это «союзная армія изъ парижскихъ людоѣдовъ — мужчинъ и амазонокъ»; онъ же—«нація убійцъ», «гнуснѣйшій народъ изъ всего человѣчества», «кровожадные атеисты», «шайка разбойниковъ»,

«непотребные изверги человѣчества», «отчаянная толпа грабителей, убійцъ, тирановъ и атеистовъ». Сдѣлать малѣйшую уступку подобной странѣ, для сохраненія мира, значило «приносить жертвы на алтарѣ богохульства и цареубійства»; даже вступить въ переговоры съ нею было ничто иное, какъ «выставленіе на показъ нашихъ ранъ у воротъ каждаго надменнаго слуги французской республики, гдѣ и дворные псы не удостоятъ лизать ихъ». Когда нашъ посланникъ былъ въ Парижѣ, значитъ онъ «имѣлъ честь каждое утро почтительно являться въ контору крючкотворца цареубійцы». Англіи ставилось въ упрекъ, что она послала «пѣра королевства въ посольство къ отребію земли». Франція не имѣла болѣе мѣста въ Европѣ, она была стерта съ карты; самое имя ея слѣдовало предать забвенію. Зачѣмъ же людямъ посѣщать такую страну? Зачѣмъ нашимъ дѣтямъ изучать языкъ ея? Зачѣмъ намъ подвергать опасности нравственность нашихъ посланниковъ, которые едвали могутъ возвратиться изъ такой страны иначе, какъ съ извращенными правилами и съ желаніемъ злоумышлять противъ своей отчизны.

Дѣйствительно, грустно встрѣтить подобныя мысли у такого человѣка, какимъ нѣкогда былъ Бёркъ; но то, о чемъ намъ еще осталось говорить, доказываетъ еще яснѣе, какъ измѣнились въ немъ всѣ ассоціаціи понятій и самый складъ ума. Тотъ самый человѣкъ, который, побуждаясь человѣколюбіемъ столько же, какъ и практическою мудростью, такъ усиленно старался предупредить американскую войну,—посвятилъ послѣдніе годы своей жизни на то, чтобы возжечь другую войну, въ сравненіи съ которою американская была только легкимъ, ничтожнымъ эпизодомъ. Въ то время, какъ онъ хладнокровно смотрѣлъ на вещи, никто охотнѣе его не согласился бы съ тѣмъ, что преобладающія въ какой бы то ни было странѣ мнѣнія составляютъ неизбѣжный результатъ тѣхъ обстоя-

тельствъ, въ которыя эта страна была поставлена. Теперь же онъ силою старался измѣнить подобныя мнѣнія. Съ самаго начала Французской Революціи, онъ настаивалъ на томъ, что европейскія державы имѣютъ право, и даже находятся въ необходимости, вынудить Францію измѣнить провозглашеннымъ ею началамъ. Нѣсколько времени позже, онъ осуждалъ союзныхъ государей за то, что они не предписывали великой націи, какой образъ правленія она должна принять. Такъ велико было разрушеніе, произведенное обстоятельствами въ его превосходно организованномъ умѣ, что онъ жертвовалъ одному принципу всѣми соображеніями справедливости, человѣколюбія и пользы. И какъ будто бы война, даже въ самой смягченной формѣ, не была довольно ненавистна, онъ старался придать ей еще характеръ крестоваго похода, давно уже изгнанный изъ исторіи человѣчества успѣхами образованія; громко провозглашая, что эта борьба болѣе религіозная, чѣмъ свѣтская, онъ пробуждалъ старые предразсудки съ тѣмъ, чтобы вызвать новыя злодѣянія. Онъ объявилъ также, что эта война должна быть ведена ради мщенія столько же, какъ и для защиты, и что мы не должны ни въ какомъ случаѣ положить оружіе, пока совершенно не истребимъ тѣхъ людей, которыми произведена революція. И, какъ будто бы всего этого было недостаточно, онъ настаивалъ еще на томъ, что эта война, ужаснѣйшая изъ всѣхъ когда либо веденныхъ, однажды начатая, не должна быть поспѣшно окончена; что не смотря на то, что войну съ Франціей слѣдуетъ вести столько же для мщенія, какъ и за религію, и что средства истребленія, представляемыя цивилизаціей, должны усиливаться звѣрскими страстями, свойственными дѣятелямъ крестоваго похода, что не смотря на все это, войну не слѣдуетъ скоро прекращать, что она должна быть продолжительна, постоянна, непрерывна—должна, какъ восклицаетъ Бёркъ, въ пламенномъ порывѣ ненависти, быть долгою войною: «я напираю на

это, говоритъ онъ, и желаю, чтобы мои слова были замѣчены,—«долгою войною».

Это должна была быть война, съ цѣлью заставить великій народъ перемѣнить свой образъ правленія, война ради наказанія, при томъ война религіозная; наконецъ, долгая война. Существовалъ ли когда нибудь другой человѣкъ, который желалъ бы поразить родъ человѣческій такими обширными, мучительными и продолжительными бѣдствіями. Такія жестокія, безчеловѣчныя и притомъ такія упорныя мнѣнія, если бы они исходили отъ здороваго ума, обезсмертили бы даже самаго ничтожнаго изъ государственныхъ людей, покрывъ имя его несказаннымъ позоромъ. У кого, даже между самыми невѣжественными и самыми кровожадными политиками, найдемъ мы такія понятія? Между тѣмъ, они высказаны человѣкомъ, который, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, былъ самымъ даровитымъ изъ всѣхъ философовъ-политиковъ, какихъ когда либо имѣла Англія. Мы только можемъ скорбѣть о такомъ нравственномъ разрушеніи; далѣе этого никто не долженъ идти. Мы можемъ созерцать съ уваженіемъ величественныя развалины, но да не коснется никто тайны ихъ разрушенія, если только — скажемъ словами самаго великаго изъ нашихъ учителей — онъ не обладаетъ способностью излечить больную душу, вырвать съ корнемъ печали, укоренившіяся въ памяти, и изгладить горести, начертанныя на самомъ мозгѣ.

Отрадно оставить этотъ печальный предметъ, даже для того, чтобы перейти къ мелкой, кропотливой политикѣ англійскаго двора. Дѣйствительно, разсказъ о томъ, какимъ образомъ было поступлено съ самымъ знаменитымъ изъ нашихъ политическихъ дѣятелей, въ высокой степени характеризуетъ того государя, при которомъ онъ жилъ. Въ то время, когда Бёркъ посвящалъ всю свою жизнь на великія услуги обществу, и трудился надъ поправленіемъ нашихъ финансовъ, улучшеніемъ законодательства и сообщеніемъ просвѣщеннаго характера на-

шей коммерческой политикѣ—въ то время, повторяемъ, когда онъ совершалъ всѣ эти великія дѣла, король смотрѣлъ на него холодно и враждебно. Но когда великій государственный мужъ превратился въ озлобленнаго крикуна, когда раздраженный болѣзнью, онъ избралъ единственною цѣлью послѣднихъ лѣтъ своей жизни возжечь смертельную войну между двумя первыми націями въ Европѣ, и объявилъ, что этой варварской цѣли онъ готовъ пожертвовать всѣми другими политическими соображеніями, какъ бы они важны ни были, — тогда только нѣкоторое понятіе о его громадныхъ способностяхъ начало проглядывать въ умѣ короля. До того времени, никто во дворцѣ не дерзалъ даже и шопотомъ говорить о его достоинствахъ. Теперь, напротивъ, при постепенномъ и, по временамъ, весьма быстромъ упадкѣ своихъ умственныхъ силъ, онъ опустился почти до уровня ума самого Георга, и теперь только его стали согрѣвать лучи королевской милости. Теперь онъ сталъ истинно по душѣ королю. Менѣе чѣмъ за два года до его смерти, ему были назначены, по особенному желанію Георга III, двѣ значительныя пенсіи; король даже хотѣлъ возвести его въ званіе пера, съ тѣмъ чтобы и палата лордовъ могла воспользоваться услугами такого великаго совѣтника.

Отступленіе, которое я себѣ дозволилъ, чтобы очертить личность Бёрка, вышло длиннѣе, чѣмъ я ожидалъ, но надѣюсь, что оно не будетъ сочтено излишнимъ, потому что, кромѣ своего внутренняго интереса, оно заключаетъ въ себѣ доказательство того, съ какими чуствами Георгъ III относился къ великимъ людямъ и какихъ мнѣній считалось нужнымъ держаться въ его царствованіе. Въ дальнѣйшихъ частяхъ этого труда, я прослѣжу вліяніе подобныхъ мнѣній на интересы государства, принимаемаго за одно цѣлое; но, для цѣлей настоящаго введенія, достаточно будетъ указать на отношеніе между тѣми и другими, проявившееся еще въ одномъ или двухъ яркихъ примѣрахъ, характеръ кото-

рыхъ слишкомъ извѣстенъ, чтобы объ нихъ могъ быть какой либо споръ.

Изъ такихъ преобладающихъ и особенно замѣтныхъ событій, самымъ раннимъ была американская война, которая въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, почти совершенно поглощала вниманіе политическихъ дѣятелей Англіи. Въ царствованіе Георга II, было предложено увеличить государственный доходъ, посредствомъ обложенія податями колоній, а это, при томъ условіи, что Американцы вовсе не имѣли никакого представительства въ парламентѣ, было ничто иное, какъ предложеніе обложить податями цѣлую націю, не исполнивъ даже установленной въ Англіи формальности — спросить о ея согласіи. Этотъ планъ былъ отвергнутъ тѣмъ даровитымъ и умѣреннымъ человѣкомъ, который стоялъ тогда во главѣ управленія; и предложеніе, признанное вообще неудобоисполнимымъ, упало само собою и повидимому не возбудило почти никакого вниманія. Но то самое, что̀ правительствомъ Георга II было сочтено за опасное притязаніе на превышеніе власти, принято правительствомъ Георга III съ восторгомъ. Новый король имѣлъ самое высокое мнѣніе о своей власти, и будучи, вслѣдствіе своего жалкаго воспитанія, совершеннымъ невѣждою въ государственныхъ дѣлахъ, полагалъ, что обложить податями Американцевъ, для пользы Англичанъ, будетъ верхомъ политическаго искусства. По этому, когда прежняя идея была возобновлена, ее встрѣтили съ искреннимъ сочувствіемъ; а когда Американцы выказали намѣреніе противиться этой чудовищной несправедливости, король только болѣе утвердился въ мысли, что необходимо переломить ихъ непокорную волю. Не должно удивляться той быстротѣ, съ какою развились эти враждебныя чувства. Дѣйствительно, принимая во вниманіе, съ одной стороны, деспотическія понятія, которыя, въ первый разъ со времени революціи, возобновились при англійскомъ дворѣ, съ другой — духъ независи-

мости, проявлявшійся въ колонистахъ, невозможно было избѣгнуть борьбы между обѣими партіями, и вопросъ могъ заключаться лишь въ томъ, какую форму приметъ эта борьба, и на которую сторону скорѣе должна склониться побѣда.

Со стороны англійскаго правительства не было потеряно времени. Черезъ пять лѣтъ послѣ вступленія на престолъ Георга III, былъ внесенъ въ парламентъ билль объ обложеніи Америки податями, и такъ велика была перемѣна, происшедшая въ это время въ политическомъ бытѣ Англіи, что не встрѣтилось ни малѣйшаго затрудненія къ проведенію мѣры, которую, въ царствованіе Георга II, никакой министръ не осмѣлился предложить. Въ прежнее время, такое предложеніе, еслибы кто сдѣлалъ его, было бы непремѣнно отвергнуто — теперь самыя могущественныя партіи въ государствѣ дѣйствовали за одно въ пользу его. Король, во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, оказывалъ духовнымъ такія угожденія, отъ которыхъ они отвыкли, со смерти Анны, по этому онъ могъ быть увѣренъ въ поддержкѣ со стороны ихъ, и дѣйствительно они усердно помогали ему во всѣхъ его попыткахъ къ подавленію колоній. Аристократія, за исключеніемъ нѣсколькихъ главныхъ лицъ партіи виговъ, была на той же сторонѣ и смотрѣла на обложеніе Америки податями, какъ на средство къ облегченію своихъ собственныхъ повинностей. Что же касается до Георга III, то его воззрѣнія на этотъ предметъ были всѣмъ извѣстны, и какъ либеральная партія еще не оправилась отъ удара, нанесеннаго ея могуществу смертію Георга II, то нечего было опасаться затрудненій со стороны кабинета; извѣстно было, что на престолѣ государь, имѣющій главною цѣлью держать министровъ въ строгой зависимости отъ своей воли и всегда, какъ только это было возможно, призывавшій въ кабинетъ такихъ слабыхъ и гибкихъ людей,

которые должны были безпрекословно повиноваться его желаніямъ.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ, произошли именно тѣ событія, какихъ можно было ожидать отъ ихъ совокупленія. Не останавливаясь на разсказѣ о подробностяхъ, которыя извѣстны каждому изъ читателей, мы можемъ сказать въ короткихъ словахъ, что при этомъ новомъ порядкѣ вещей, мудрая и воздержанная политика предшествовавшаго царствованія была отвергнута, и совѣщательныя собранія наши подчинились неосмотрительнымъ и невѣжественнымъ людямъ, которые скоро навлекли на страну величайшія несчастія, а еще черезъ нѣсколько лѣтъ, довели государство до окончательнаго разъединенія. Для подкрѣпленія чудовищнаго притязанія обложить податями цѣлый народъ, безъ согласія его, предпринята была противъ Америки война, дурно веденная, не имѣвшая успѣха, а что еще гораздо хуже, сопровождавшаяся жестокостями, постыдными для цивилизованной націи. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что наша обширная торговля была почти уничтожена; всѣ отрасли коммерціи пришли въ разстройство; мы были опозорены въ глазахъ всей Европы; мы понесли расходъ въ 140,000,000 ф. стерл. и лишились такихъ драгоцѣнныхъ колоній, какихъ никогда не имѣла ни одна нація.

Таковы были первые плоды политики Георга III. Но зло на этомъ не остановилось. Мнѣнія, которыя необходимо было отстаивать для оправданія этой варварской войны, обратились противъ насъ самихъ. Въ видахъ оправданія попытки нашего правительства уничтожить свободу Америки, были излагаемы такіе принципы, которые, еслибы были приведены въ дѣйствіе, то ниспровергли бы свободу Англіи. Не только при дворѣ, но и въ обѣихъ палатахъ парламента, съ епископской скамьи и съ каѳедръ, принадлежавшихъ церковной партіи, были распространяемы понятія самаго опаснаго рода— понятія, несвойственныя конституціонной монархіи и дѣй-

ствительно несовмѣстимыя съ существованіемъ ея. До чего дошла эта реакція, извѣстно весьма немногимъ читателямъ, потому что доказательства, главнымъ образомъ, сохранились въ парламентскихъ преніяхъ и въ богословской литературѣ, въ особенности въ проповѣдяхъ того времени — а тѣ и другія, въ настоящее время, мало изучаются. Но чтобы не завлечься преждевременно предметами, относящимися къ дальнѣйшимъ частямъ нашего сочиненія, здѣсь достаточно будетъ сказать, что опасность была такъ велика, что по мнѣнію самыхъ даровитыхъ защитниковъ національной свободы, Англія рисковала всѣмъ, и еслибы Американцы были побѣждены, то слѣдующимъ шагомъ правительства было бы нападеніе на свободу Англіи и попытка распространить на метрополію тотъ же деспотическій образъ правленія, который былъ бы въ то время установленъ въ колоніяхъ.

Были ли эти опасенія преувеличенны, или нѣтъ—это составляетъ весьма трудный вопросъ, но что касается до меня, то послѣ тщательнаго изученія тѣхъ временъ, изученія, притомъ, основаннаго на источникахъ, къ которымъ рѣдко прибѣгаютъ историки, я убѣдился — и люди, вполнѣ знакомые съ этимъ періодомъ, конечно согласятся со мною—что опасность, которую вѣроятно иные нѣсколько преувеличивали, была гораздо серіознѣе, чѣмъ въ настоящее время полагаетъ большинство. Какъ бы то ни было, но достовѣрно, что общій видъ политическихъ дѣлъ долженъ былъ возбуждать сильное безпокойство. Достовѣрно, что въ продолженіе многихъ лѣтъ, королевская власть усиливалась, до тѣхъ поръ, пока она не достигла такой высоты, какой мы не видѣли примѣра въ Англіи, въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній. Достовѣрно, что англиканская церковь употребила все свое вліяніе въ пользу тѣхъ деспотическихъ принциповъ, которые король желалъ упрочить. Достовѣрно также, что посредствомъ постояннаго введенія въ верхнюю палату новыхъ перовъ, характеръ палаты, хотя медленно, но существенно измѣнялся, и что, при всякомъ

удобномъ случаѣ, на высшія мѣста въ судѣ и въ духовной іерархіи назначились люди, извѣстные по своей преданности королевской прерогативѣ. Все это факты, которыхъ нельзя отрицать, а изъ совокупности ихъ, по моему мнѣнію, несомнѣнно вытекаетъ, что Американская война была великимъ кризисомъ въ исторіи Англіи, и что еслибы колонисты были побѣждены, то и наша свобода находилась бы въ значительной опасности. Отъ этой крайности мы были спасены Американцами, которые съ геройскимъ духомъ боролись противъ королевскихъ армій, разбивали ихъ на каждомъ шагу и наконецъ, отдѣлившись отъ метрополіи, вступили на тотъ блистательный путь, который, менѣе чѣмъ въ восемдесятъ лѣтъ, довелъ ихъ до безпримѣрнаго процвѣтанія и который долженъ быть для насъ предметомъ живѣйшаго интереса, такъ какъ изъ него видно, что̀ можетъ быть сдѣлано, безъ всякой посторонней помощи, собственными средствами свободнаго народа.

Семь лѣтъ спустя послѣ того, какъ эта великая борьба была приведена къ успѣшному исходу, и Американцы, къ счастію всего человѣчества, окончательно утвердили свою независимость, другая нація возстала и вступила въ борьбу противъ своихъ правителей. Исторія причинъ, вызвавшихъ Французскую Революцію, будетъ помѣщена въ другой части этого тома; въ настоящее же время намъ предстоитъ только бросить взглядъ на то вліяніе, которое она имѣла на политику англійскаго правительства. Во Франціи, какъ извѣстно всякому, движеніе было чрезвычайно быстро; старыя учрежденія, до такой степени испорченныя, что они уже вовсе не могли долѣе служить, были тотчасъ разрушены; и народъ, доведенный до ярости цѣлыми вѣками угнетенія, предался самымъ возмутительнымъ жестокостямъ, омрачая часъ своего торжества преступленіями, опозорившими то дѣло, за которое онъ боролся.

Все это, какъ бы ужасно оно намъ ни казалось, было

однако же въ естественномъ порядкѣ вещей; это было повтореніе давней исторіи о томъ, что тираннія возбуждаетъ мщеніе, а мщеніе ослѣпляетъ людей до забвенія всѣхъ могущихъ произойти послѣдствій, кромѣ наслажденія, находимаго въ удовлетвореніи своихъ страстей. Если бы, въ этихъ обстоятельствахъ, Франція была предоставлена самой себѣ, то Французская Революція, какъ и всѣ революціи, скоро бы утихла и сложился бы образъ правленія, согласный съ настоящимъ порядкомъ вещей. Какой именно былъ бы этотъ образъ правленія — этого теперь никакъ нельзя рѣшить, но во всякомъ случаѣ, это былъ такой вопросъ, который ни сколько не касался ни до какого другаго государства. Была ли бы то олигархія, или деспотическая монархія, или республика — одна только Франція должна была это рѣшить, и очевидно, что никакая другая нація не имѣла права рѣшать за нее. Тѣмъ менѣе можно было полагать, что въ такомъ щекотливомъ предметѣ, Франція покорится произволу такого государства, которое всегда соперничало съ нею и которое нѣсколько разъ такъ жестоко и успѣшно съ нею враждовало.

Но всѣ эти соображенія, какъ бы они очевидны ни были, не существовали для Георга III и для того сословія, которое тогда преобладало въ Англіи. Уже самый тотъ фактъ, что великая нація возстала противъ своихъ притѣснителей, тревожилъ совѣсть людей, занимавшихъ высшія мѣста въ Англіи. Тѣ же дурныя страсти и тѣ же несправедливыя рѣчи, которыя за нѣсколько лѣтъ были направляемы противъ Американцевъ, теперь обратились противъ Французовъ, и можно было положительно сказать, что послѣдуютъ тѣ же результаты. Вопреки началамъ здравой политики, англійскій посланникъ вызванъ былъ изъ Франціи, единственно потому, что эта страна рѣшилась уничтожить монархію и замѣнить ее республикою. Это былъ первый рѣшительный шагъ къ открытому разрыву, и онъ былъ сдѣланъ не потому, чтобы Франція оскорбила Англію, а потому, что Франція пере-

мѣнила свое правительство. Нѣсколько мѣсяцевъ позже, Французы, слѣдуя примѣру, поданному Англичанами въ предшествовавшемъ вѣкѣ, подвергли своего короля публичному суду, осудили его на смерть и отрубили ему голову. Нельзя не согласиться, что этотъ поступокъ былъ вовсе не нуженъ, что онъ былъ жестокъ и что онъ грубо противорѣчилъ здравой политикѣ. Но очевидно до осязательности, что лица, согласившiяся на эту казнь, были отвѣтственны только передъ Богомъ и своею отчизною, и что всякiй отзывъ на это событiе извнѣ, имѣющiй видъ угрозы, возбудитъ народную гордость Францiи, сольетъ всѣ партiи въ одну и побудитъ нацiю принять за общее народное дѣло преступленiе, въ которомъ, безъ этого, она можетъ быть раскаялась бы, но отъ котораго теперь она не могла отказаться, не подвергнувшись стыду — уступить оскорбительному требованiю иностранной державы.

Между тѣмъ въ Англiи, какъ только участь Французскаго короля сдѣлалась извѣстна, правительство, не ожидая никакихъ объясненiй и не потребовавъ ни какихъ гарантiй на будущее время, приняло казнь Людовика за обиду для себя самого и повелительнымъ тономъ приказало Французскому резиденту оставить Англiю; такимъ легкомыслiемъ оно вызвало войну, которая продолжалась двадцать лѣтъ, стоила жизни миллiонамъ людей, повергла всю Европу въ разстройство и, болѣе чѣмъ всякое другое обстоятельство, замедлила ходъ цивилизацiи, отсрочивъ на цѣлое поколѣнiе тѣ реформы, которыя въ концѣ восемнадцатаго столѣтiе становились, по общему ходу дѣлъ, неизбѣжными.

Общеевропейскiе результаты этой войны—самой ненавистной, самой несправедливой и самой жестокой изъ всѣхъ войнъ, какiя вела когда либо Англiя съ какимъ либо государствомъ — будутъ разсмотрѣны далѣе, а здѣсь мы ограничимся краткимъ перечнемъ главныхъ послѣдствiй, которыя она имѣла для англiйскаго общества.

Главнымъ отличіемъ этой кровавой борьбы отъ всѣхъ предшествовавшихъ, и худшею чертою ея является то, что она въ высокой степени имѣла характеръ войны за мнѣнія — войны, веденной не съ цѣлію пріобрѣсти новыя владѣнія, а съ тѣмъ, чтобы подавить то стремленіе къ реформамъ всякаго рода, которое въ то время сдѣлалось замѣтною характеристикою всѣхъ главныхъ національностей въ Европѣ. Слѣдовательно, съ того момента какъ начались военныя дѣйствія, англійскому правительству предстояло двоякое призваніе: внѣ предѣловъ Англіи—разрушить республику, а внутри государства—препятствовать всѣмъ улучшеніямъ. Первое изъ этихъ призваній оно исполнило, расточая кровь и золото Англіи до тѣхъ поръ, пока не заставило почти каждое семейство оплакивать какую нибудь потерю и не довело государство почти до національнаго банкротства. Другое призваніе оно пыталось исполнить проведеніемъ цѣлаго ряда законовъ, имѣвшихъ цѣлью прекратить свободное обсужденіе политическихъ вопросовъ и подавить духъ изслѣдованія, съ каждымъ годомъ пріобрѣтавшій бо̀льшую дѣятельность. Эти законы были такъ многосторонни и такъ хорошо разсчитаны для достиженія своей цѣли, что еслибы энергія самой націи не воспрепятствовала приведенію ихъ въ дѣйствіе, то они или уничтожили бы всякій слѣдъ политической свободы въ Англіи, или вызвали бы всеобщее возстаніе. Дѣйствительно, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, опасность была такъ велика, что по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ самыхъ сильныхъ авторитовъ, ничто не могло отвратить ее, за исключеніемъ той мужественной смѣлости, съ которою наши англійскіе суды присяжныхъ, своими враждебными правительству приговорами, противодѣйствовали его стремленіямъ и отказывались отъ примѣненія законовъ, предложенныхъ правительствомъ и охотно пропущенныхъ робкимъ и раболѣпнымъ парламентомъ.

Мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о важности тогдашняго кризиса, если разсмотримъ тѣ мѣры, которыя были

приняты противъ двухъ изъ важнѣйшихъ учрежденій нашихъ, а именно—свободы печати и права собираться на митинги для публичныхъ преній. Въ политическомъ отношеніи, это двѣ самыя разительныя особенности, отличающія насъ отъ всѣхъ прочихъ европейскихъ націй. Пока эти два учрежденія останутся неприкосновенными и пока нація будетъ безстрашно и часто пользоваться ими, она всегда будетъ имѣть достаточную защиту противъ тѣхъ притязаній правительства, за которыми необходимо слѣдить какъ можно бдительнѣе и которымъ подвержены и самыя свободныя государства. Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что оба эти учрежденія представляютъ и другія въ высшей степени важныя преимущества. Поощряя политическія пренія, они увеличиваютъ сумму умственныхъ силъ, обращаемыхъ на политическія дѣла страны. Они также ведутъ къ увеличенію общей суммы силъ націи, побуждая многочисленные классы людей упражнять въ себѣ такія способности, которыя иначе оставались бы въ бездѣйствіи, а этими учрежденіями возбуждаются къ дѣятельности и вслѣдствіе того являются готовыми и для другихъ общеполезныхъ цѣлей.

Но въ то время, о которомъ мы теперь говоримъ, считали полезнымъ уменьшить вліяніе націи на государственныя дѣла, и потому не желали, чтобы она развивала свои способности, упражняя ихъ. Если бы я захотѣлъ разсказать всѣ подробности той ожесточенной войны, которую, въ концѣ восемнадцатаго вѣка, вело англійское правительство противъ всѣхъ видовъ свободнаго обсужденія дѣлъ, то это повело бы меня далеко за предѣлы настоящаго введенія; я могу только мимоходомъ упомянуть о мстительномъ преслѣдованіи, а въ тѣхъ случаяхъ, когда удавалось получить приговоръ присяжныхъ, и о мстительномъ наказаніи такихъ людей, какъ Адамсъ, Боннэй, Кроссфильдъ, Фростъ, Джеральдъ, Гарди, Голтъ, Годсонъ, Голкрофтъ, Джойсъ, Киддъ, Ламбертъ, Маргаротъ, Мартинъ, Мюръ (Muir), Пальмеръ, Перри, Скирвингъ, Станнардъ, Тельволлъ (Thelwoll), Тукъ, Вэкфильдъ, Варделль и Вин-

терботамъ—всѣ эти люди были обвинены, а многіе изъ нихъ присуждены къ штрафамъ, заключены въ тюрьму или отправлены въ ссылку за то, что они свободно выражали свое мнѣніе, и говорили о государственныхъ дѣлахъ такъ, какъ въ наше время говорили и безнаказанно говорятъ ораторы на публичныхъ митингахъ и писатели въ публичной печати.

Однако суды присяжныхъ, во многихъ случаяхъ, отказывались признать виновными людей, преслѣдуемыхъ за подобныя оскорбленія правительства; по этому положено было прибѣгнуть къ еще болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ. Въ 1795 г. прошелъ въ палатахъ законъ, посредствомъ котораго очевидно намѣревались навсегда прекратить всякія публичныя пренія какъ о политическихъ, такъ и о религіозныхъ предметахъ. Этимъ закономъ воспрещалось всякое публичное собраніе, о назначеніи котораго не было объявлено за пять дней въ одной изъ газетъ; въ объявленіи должны были быть объяснены: цѣль митинга, время и мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ собраться. А чтобы подчинить все дѣло устройства собраній вполнѣ наблюденію правительства, постановлено не только, чтобы публикуемое, такимъ образомъ, объявленіе было подписываемо домовладѣльцами, но чтобы сохранялась и самая рукопись его, для свѣденія мировыхъ судей, которые могли потребовать копіи съ нея — угроза значительная и въ то время весьма хорошо понятая. Постановлено также, чтобы даже послѣ принятія всѣхъ этихъ предосторожностей, каждый отдѣльный судья имѣлъ право заставить митингъ разойтись, если, по его мнѣнію, рѣчи ораторовъ клонились къ тому, чтобы возбудить неуваженіе къ королю или правительству; сверхъ того, судья имѣлъ право арестовать тѣхъ, которыхъ онъ признавалъ виновными. Такимъ образомъ, власть закрывать публичные митинги и арестовать предсѣдателей ихъ была дана простому судьѣ, и даже безъ малѣйшей гарантіи противъ злоупотребленія ея. Другими словами,

право прекращать публичныя пренія о самыхъ важныхъ предметахъ вручено человѣку, назначаемому отъ короны и могущему, по произволу ея, лишиться своего назначенія. Къ этому присовокуплено, что если бы митингъ состоялъ изъ двѣнадцати лицъ и болѣе, и не расходился долѣе одного часа, послѣ даннаго приказанія разойтись, то лица, составляющія его, подлежали смертной казни, хотя бы только двѣнадцать человѣкъ изъ нихъ ослушались произвольнаго приказанія одного безотвѣтственнаго должностнаго лица.

Въ 1799 году былъ проведенъ другой законъ, запрещающій собираться для держанія рѣчей или для преній на какомъ бы то ни было открытомъ полѣ, или другомъ мѣстѣ, не испросивъ особаго разрѣшенія, именно для этого мѣста, отъ мировыхъ судей. Постановлено также, чтобы всѣ библіотеки и всѣ кабинеты для чтенія были подчинены тому же ограниченію, и никому не дозволялось, безъ разрѣшенія установленныхъ властей, давать на прочтеніе въ своемъ домѣ газеты, брошюры и даже всякаго рода книги. Прежде чѣмъ открыть лавку для подобной торговли, нужно было получить разрѣшеніе отъ двухъ мировыхъ судей, которое впрочемъ должно было быть возобновляемо по крайней мѣрѣ разъ въ годъ и могло быть отмѣнено во всякое время. Если бы кто нибудь сталъ давать книги на прочтеніе, безъ разрѣшенія судей, или же допустилъ въ своемъ домѣ лекціи или пренія «о какомъ бы то ни было предметѣ», то за это ужасное преступленіе, онъ долженъ былъ подлежать штрафу въ 100 ф. ст. за каждый день, и всякое лицо, содѣйствовавшее ему, тѣмъ ли, что предсѣдательствовало при преніи, или что доставило ему какую нибудь книгу, за каждое изъ этихъ дѣйствій, подлежало штрафу въ 20 ф. ст. Хозяинъ такого зловреднаго заведенія, кромѣ того, что подвергался такимъ раззорительнымъ штрафамъ, подлежалъ еще и дальнѣйшему преслѣдованію, какъ содержатель безнравственнаго дома.

Для современнаго слуха звучитъ нѣсколько странно, чтобы владѣлецъ публичной библіотеки для чтенія не только подвергался неимовѣрнымъ штрафамъ, но и былъ притомъ наказываемъ, какъ содержатель развратнаго дома, и чтобы всему этому онъ подвергался за то только, что открылъ свою лавку, не испросивши разрѣшенія мѣстныхъ судей. Впрочемъ, какъ бы странно ни казалось это постановленіе, оно было по крайней мѣрѣ весьма послѣдовательно, такъ какъ оно составляло часть системы, правильно приспособленной къ тому, чтобы подчинить не только дѣйствія людей, но и мнѣнія ихъ прямому контролю исполнительной власти. Вотъ почему законы, въ первый разъ тогда постановленные, противъ газетъ были такъ стѣснительны, и преслѣдованія, направленныя противъ авторовъ, такъ неотступны, что становилось очевиднымъ намѣреніе губить всякаго писателя, который выразитъ независимыя мнѣнія. Эти мѣры и нѣкоторыя другія, подобнаго же характера, о которыхъ мы упомянемъ далѣе, возбудили такое безпокойство, что по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ лучшихъ наблюдателей, положеніе общественныхъ дѣлъ становилось отчаяннымъ, можетъ быть даже неисправимымъ. Крайнее уныніе, съ которымъ, въ концѣ восемнадцатаго вѣка, самые горячіе приверженцы свободы взирали на будущее, весьма замѣтно и составляетъ разительную черту въ ихъ частной перепискѣ. И хотя сравнительно весьма не многіе люди рѣшались публично высказывать такія мнѣнія, но Фоксъ, по безстрашію своему, не думавшій объ опасностяхъ, открыто высказывалъ такія вещи, которыя должны были бы остановить правительство, если бы только что нибудь могло на него подѣйствовать. Этотъ даровитый государственный мужъ, не разъ бывшій министромъ и впослѣдствіи опять занявшій это мѣсто, не усомнился сказать въ парламентѣ въ 1795 г., что если тѣ постыдные законы, которые тогда предлагались, и другіе, подобные имъ, будутъ дѣйствительно утверждены, то развѣ одна осторожность можетъ удержать

народъ отъ насильственнаго сопротивленія правительству, и что если только народъ почувствуетъ себя довольно сильнымъ, то онъ будетъ имѣть полное право воспротивиться тѣмъ произвольнымъ мѣрамъ, посредствомъ которыхъ правители его стараются подавить его свободу.

Но ничто не могло остановить правительство въ его дерзостномъ стремленіи. Министры, увѣренные въ большинствѣ обѣихъ палатъ парламента, имѣли возможность проводить свои мѣры, вопреки желаніямъ націи, которая сопротивлялась имъ всѣми способами, кромѣ прямаго насилія. И какъ цѣль новыхъ законовъ заключалась въ томъ, чтобы обуздать духъ изслѣдованія и предотвратить реформы, которыя развитіе общества сдѣлало необходимыми, то были приведены въ дѣйствіе и другія средства, клонящіяся къ той же цѣли. Можно сказать безъ преувеличенія, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, Англія управлялась по системѣ безусловнаго устрашенія. Министры того времени, превращая простую борьбу партій въ настоящую войну проскрипцій, наполняли тюрьмы своими противниками и допускали постыдно строгое обращеніе съ заключенными. Если о человѣкѣ знали, что онъ реформеръ, то ему постоянно грозила опасность быть арестованнымъ; а если онъ избѣгалъ этого, то за нимъ всетаки слѣдили на каждомъ шагу и вскрывали въ почтовыхъ конторахъ его частныя письма. Въ подобныхъ случаяхъ не стѣснялись ничѣмъ. Нарушалось даже спокойствіе домашней жизни. Ни одинъ противникъ правительства не былъ безопасенъ, даже подъ собственнымъ кровомъ, отъ шпіонскихъ доносовъ и сплетень прислуги. Вводили раздоръ даже въ нѣдра семействъ, гдѣ родители дѣлались чужды дѣтямъ своимъ. Не только употребляемы были всевозможныя старанія, чтобы заставить молчать прессу, но даже такъ сильно слѣдили за книгопродавцами, что они не смѣли издать сочиненіе, если авторъ его былъ человѣкъ, навлекшій нерасположеніе правительства.

И дѣйствительно, всякій, кто въ чемъ либо сопротивлялся правительству, былъ объявленъ врагомъ отчизны. Политическія ассоціаціи и публичные митинги были строго запрещены. Всякій вождь народа находился въ личной опасности и всякое народное сборище разгонялось или угрозами или вооруженною силою. Весь ненавистный механизмъ, бывшій въ употребленіи въ худшія времена семнадцатаго столѣтія, вновь приведенъ въ дѣйствіе. Содержали на жалованьи шпіоновъ, подкупали свидѣтелей, присяжныхъ назначали по особому выбору. Кофейные дома, гостинницы и клубы были наполнены шпіонами правительства, которые доносили о самыхъ неумышленныхъ выраженіяхъ, произнесенныхъ кѣмъ нибудь въ обыкновенномъ разговорѣ. Если же и этимъ путемъ нельзя было найти никакихъ доказательствъ противъ кого нибудь, то оставалось еще одно средство, которымъ и пользовались нещадно: такъ какъ дѣйствіе акта habeas corpus было постоянно пріостанавливаемо, то правительство имѣло власть, безъ слѣдствія и безъ всякаго ограниченія, заключать въ тюрьму всякое лицо, которое было непріятно министерству, но преступность котораго нельзя было даже и пытаться доказать.

Такимъ-то образомъ, въ концѣ восемнадцатаго вѣка, правители Англіи, подъ предлогомъ охраненія учрежденій страны, угнетали народъ, для пользы котораго единственно должны существовать эти учрежденія. И этимъ еще не ограничилось зло, которое они дѣйствительно произвели. Ихъ попытки остановить развитіе общественнаго мнѣнія были тѣсно связаны съ тою чудовищною системою иностранной политики, вслѣдствіе которой мы обременены безпримѣрно-огромнымъ государственнымъ долгомъ. Для уплаты процентовъ этого долга и для покрытія текущихъ расходовъ расточительнаго и безпечнаго управленія, обложены были податями почти всѣ произведенія промышленности и природы. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, эти подати падали на массу на-

рода, которая была, такимъ образомъ, поставлена въ особенно тяжелое положеніе: высшія сословія не только отказывали остальному народу въ необходимо требовавшихся реформахъ, но даже заставляли всю страну платить за тѣ предосторожности, которыя, вслѣдствіе этого отказа, признавалось нужнымъ принимать. Такимъ образомъ, при Георгѣ III, стѣсняли свободу націи и расточали плоды ея трудовъ на то, чтобы ограждать эту же самую націю отъ такихъ понятій, которыя необходимо возбуждались въ ней самыми успѣхами просвѣщенія.

Неудивительно, что въ виду такихъ обстоятельствъ, нѣкоторые изъ самыхъ даровитыхъ наблюдателей уже отчаялись за свободу Англіи, и полагали, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, долженъ окончательно утвердиться деспотическій образъ правленія. Даже мы, которые, смотримъ на тогдашнія дѣла спустя полвѣка, и можемъ по этому имѣть на нихъ болѣе хладнокровный взглядъ, да при томъ еще пользуемся преимуществами бо́льшихъ знаній и болѣе зрѣлой опытности, — и мы должны однакоже согласиться, что, на сколько можно было судить по политическимъ событіямъ, въ то время предстояла опасность болѣе грозная, чѣмъ когда либо, съ самаго царствованія Карла I. Но тогда забывали, какъ и теперь часто забываютъ, что политическія событія составляютъ только одну изъ множества сторонъ исторіи великаго государства. Въ томъ періодѣ, который мы расматривали, политическое движеніе дѣйствительно было болѣе зловѣщимъ, чѣмъ когда либо, въ теченіе послѣднихъ поколѣній. Но съ другой стороны, умственное движеніе было, какъ мы тоже видѣли, въ высшей степени благопріятно, и вліяніе его быстро расширялось. И такъ, правительство Англіи двигалось въ одномъ направленіи, въ то время какъ просвѣщеніе страны двигалось въ другомъ, и между тѣмъ какъ политическія явленія задерживали насъ, явленія чисто умственныя двигали насъ впердъ. Такимъ образомъ, деспотическія начала, которыя были про-

водимы правительствомъ, въ нѣкоторой степени нейтрализировались; конечно, невозможно было, чтобы отъ нихъ не произошло тяжкое страданіе для націи, но послѣдствіемъ этого страданія была возраставшая въ ней рѣшимость преобразовать систему управленія, при которой возможно было такое угнетеніе. Въ то же время какъ нація ощущала эти бѣдствія, пріобрѣтенныя ею знанія указывали ей на средство изцѣленія. Она видѣла, что люди, стоящіе во главѣ управленія—деспоты, она видѣла также, что самая система, предоставлявшая подобнымъ людямъ такую власть, должна быть дурна. Это поддерживало націю въ недовольствѣ и оправдывало ея рѣшимость достигнуть какого нибудь другаго устройства, которое доставило бы ей голосъ въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ. Нечего и говорить о томъ, что эта рѣшимость становилась сильнѣе и сильнѣе до тѣхъ поръ, пока она не произвела тѣхъ великихъ законодательныхъ реформъ, которыя уже ознаменовали нынѣшній вѣкъ, придавъ другой характеръ нашимъ общественнымъ дѣятелямъ и измѣнивъ составъ англійскаго парламента.

Такимъ образомъ, въ послѣднихъ годахъ восемнадцатаго вѣка, накопленіе и распространеніе знаній въ Англіи шли прямо на перерѣзъ политическимъ событіямъ, совершавшимся въ то же время. До какой степени и въ какомъ видѣ проявлялась эта противоположность, я уже старался объяснить на столько, на сколько позволяли сложность самаго предмета и предѣлы настоящаго введенія. Мы видѣли, что если смотрѣть на Англію, какъ на одно цѣлое, то общій ходъ дѣлъ очевидно былъ направленъ къ тому, чтобы уменьшить могущество церкви, аристократіи и короны, и, такимъ образомъ, дать большій просторъ самодѣятельности націи. Напротивъ того, не принимая государство за одно цѣлое, а взирая только на политическую исторію его, мы увидимъ, что личныя свойства Георга III и обстоятельства, при которыхъ онъ вступилъ на престолъ, дали ему возможность остановить

великій прогрессъ и на время произвести опасную реакцію. Къ счастію для Англіи, тѣ начала свободы, которыя и онъ, и приверженцы его старались уничтожить, еще до воцаренія его, пріобрѣли такую силу и до такой степени распространились, что не только выдержали эту политическую реакцію, но даже какъ будто бы еще усилились, вслѣдствіе самой борьбы. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что борьба была трудна и, одно время, даже составляла для всей націи весьма критическое положеніе. Такова впрочемъ сила либеральныхъ мнѣній, когда они однажды укоренятся въ умѣ цѣлаго народа, что не смотря на испытаніе, которому они были подвергнуты и на тѣ наказанія, которыя налагались на защитниковъ ихъ—оказалось невозможнымъ ихъ подавить и даже воспрепятствовать усиленію ихъ. Ученія, ниспровергающія всѣ начала свободы, были лично поддерживаемы государемъ, открыто признаваемы правительствомъ и усердно защищаемы самыми могущественными сословіями; законы, проистекающіе изъ этихъ теорій, были вносимы въ нашу книгу статутовъ и исполняемы въ нашихъ судахъ. Но все было тщетно. Черезъ нѣсколько лѣтъ, поколѣніе того времени начало сходить съ поприща; на мѣсто его вступило другое, лучшее—и система тиранніи пала. Такимъ образомъ, во всѣхъ странахъ, сколько нибуть пользующихся свободою, должна пасть всякая система управленія, идущая противъ потребностей страны и покровительствующая такимъ понятіямъ и учрежденіямъ, которыя отвергаются духомъ времени. Въ такого рода борьбѣ, окончательный результатъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Сила каждаго деспотическаго правительства зависитъ единственно отъ нѣсколькихъ личностей, которыя, каковы бы ни были способности ихъ, могутъ быть, послѣ смерти, замѣнены робкими и неспособными преемниками. Сила же общественнаго мнѣнія не подвержена этимъ случайностямъ; на нее не дѣйствуютъ законы смертности; она не можетъ сегодня процвѣтать, а завтра придти въ упа-

докъ, и не только не зависитъ отъ жизни отдѣльныхъ личностей, но управляется широко дѣйствующими общими причинами, которыя, по самой широтѣ своей, едва замѣтны на короткихъ періодахъ, при сравненіи же долгихъ пространствъ времени, оказываются перевѣшивающими всѣ другія условія, и обращаютъ въ ничто тѣ мелкія ухищренія, посредствомъ которыхъ государи и государственные люди надѣются измѣнить естественный ходъ событій и подчинить своей волѣ будущность великихъ цивилизованныхъ народовъ.

Все это очевидныя, общія истины, въ которыхъ едвали усомнится кто либо изъ людей, достаточно знающихъ исторію и много размышлявшихъ о свойствахъ и условіяхъ современнаго общества. Но въ томъ періодѣ, который мы разсматриваемъ, эти истины были совершенно забыты нашими правителями, которые не только считали себя способными остановить развитіе извѣстныхъ мнѣній, но даже совершенно ошибались относительно самой цѣли и назначенія правительства. Въ тѣ времена думали, что правительства существуютъ только для меньшинства, желаніямъ котораго большинство обязано покорно подчиняться; что власть постановлять законы должна всегда находиться въ рукахъ немногихъ привилегированныхъ классовъ, и что до всей націи эти законы касаются только въ томъ, что она должна имъ повиноваться, и наконецъ, что мудрое правительство обязано обезпечивать за собою повиновеніе народа, препятствуя ему просвѣщаться умноженіемъ суммы своихъ знаній. Безъ сомнѣнія должно считать весьма замѣчательнымъ обстоятельствомъ то, что эти понятія и системы законодательства, на нихъ основанныя, до такой степени вымерли въ теченіе полувѣка, что ихъ теперь уже не отстаиваютъ и люди самаго посредственнаго развитія. Еще замѣчательнѣе, что эта великая перемѣна совершилась не вслѣдствіе какого либо внѣшняго событія или внезапнаго возстанія народа, но единственно дѣйствіемъ нравственной силы—безмолвнаго, но все-

сокрушающаго давленія общественнаго мнѣнія. Это явленіе мнѣ всегда казалось рѣшительнымъ доказательствомъ естественнаго и, если я могу такъ выразиться, здороваго хода англійской цивилизаціи. Оно доказываетъ такую упругость и такую сдержанность народнаго духа, какихъ не выказала никогда ни одна нація. Никакой другой народъ не избѣгнулъ бы этого кризиса иначе, какъ пройдя черезъ революцію, которая могла бы стоить дороже, чѣмъ сколько бы она принесла пользы. Какъ бы то ни было, но должно сказать, что въ Англіи общій ходъ дѣлъ, который я старался прослѣдить съ шестнадцатаго вѣка, распространилъ во всемъ народѣ такое знаніе его собственныхъ средствъ, такое умѣніе искусно и независимо пользоваться ими, которыя хотя и были еще весьма несовершенны, но всетаки достигли у насъ несравненно большаго развитія, чѣмъ у другихъ великихъ народовъ Европы. Кромѣ того, другія обстоятельства, о которыхъ мы далѣе разскажемъ, еще съ одинадцатаго столѣтія, начали дѣйствовать на нашъ національный характеръ и способствовали къ приданію ему той мужественной смѣлости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, той привычки къ предусмотрѣнію послѣдствій и той осторожной сдержанности, которымъ англійскій умъ обязанъ своими главными особенностями. Вслѣдствіе того, у насъ любовь къ свободѣ умѣрилась духомъ осторожности, который обуздалъ стремительность этого чувства, не повредивъ его силѣ, и это-то свойство наше и заставило нашихъ соотечественниковъ не разъ переносить даже довольно тяжкое угнетеніе скорѣе, чѣмъ рѣшиться на возстаніе противъ своихъ притѣснителей. Оно научило сдерживать себя и беречь свои силы до тѣхъ поръ, пока не настанетъ возможность употребить ихъ съ вѣрнымъ успѣхомъ. Этой великой и драгоцѣнной привычкѣ мы обязаны спасеніемъ Англіи въ концѣ восемнадцатаго вѣка. Если бы народъ возсталъ, ему пришлось бы рисковать всѣмъ, и никто не можетъ сказать, какой былъ бы результатъ этого отчаяннаго риска. Къ сча-

стію для гражданъ того времени и для потомства ихъ, они примирились съ необходимостью и согласились выждать свое время и дождаться естественнаго исхода дѣлъ. Плоды этого благороднаго образа дѣйствія пожинаются ихъ потомками. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, политическій кризисъ сталъ ослабѣвать и нація опять вступила въ прежнія свои права. Хотя права эти нѣкоторое время были въ бездѣйствіи, но они не уничтожились, уже по тому самому, что еще существовалъ въ народѣ тотъ духъ, силою котораго они первоначально пріобрѣтены. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что если бы тогдашнее тяжелое время продолжилось, то тотъ же самый духъ, который воодушевлялъ предковъ въ царствованіе Карла I, вновь проявился бы въ потомкахъ, и общество было бы потрясено революціею, о которой страшно и подумать. Между тѣмъ, въ настоящемъ случаѣ, все это было избѣгнуто, и хотя въ разныхъ краяхъ государства возникали народныя волненія, и мѣры правительства возбуждали весьма серіозное нерасположеніе къ нему, однако вообще нація осталась непоколебимою и терпѣливо сберегла свои силы для лучшихъ временъ, когда, для блага ея, образовалась въ государствѣ новая партія, которая стала съ успѣхомъ отстаивать ея интересы въ самыхъ стѣнахъ парламета.

Эта великая и благодѣтельная реакція наступила въ самомъ началѣ настоящаго вѣка; но обстоятельства, сопровождавшія ее, до такой степени сложны и были до сихъ поръ такъ мало изучаемы, что въ этомъ введеніи я не могу и подумать о томъ, чтобы представить хотя очеркъ ихъ. Достаточно будетъ сказать—и это должно быть всѣмъ извѣстно—что въ теченіе почти пятидесяти лѣтъ, движеніе продолжалось съ неутомимою быстротою. Все, что только было сдѣлано вновь, служило къ тому, чтобы увеличить вліяніе народа Ударъ за ударомъ былъ нанесенъ тѣмъ сословіямъ, которыя нѣкогда исключительно обладали политическимъ могуществомъ. Билль о реформѣ, эмансипація католиковъ и отмѣна хлѣбныхъ зако-

новъ признаны всѣми за три самыхъ великихъ политическихъ подвига настоящаго поколѣнія, и каждая изъ этихъ важныхъ мѣръ ослабила одну изъ могущественныхъ партій въ государствѣ. Расширеніе права голоса на выборахъ уменьшило вліяніе наслѣдственныхъ привилегій и разстроило ту великую олигархію землевладѣльцевъ, которая такъ долго управляла палатою общинъ. Отмѣна покровительственной системы еще болѣе ослабила поземельную аристократію; въ то же время, суевѣрныя понятія, составляющія главную поддержку духовнаго сословія, были сильно потрясены, сперва отмѣною актовъ Test и Corporation (*), а потомъ допущеніемъ католиковъ въ законодательное собраніе—двумя явленіями, которыя справедливо признаются за вредные примѣры для интересовъ господствующей церкви. Какъ эти мѣры, такъ и другія, нынѣ сдѣлавшіяся неизбѣжными, уже отняли отчасти и будутъ продолжать отнимать у всѣхъ отдѣльныхъ классовъ общества принадлежавшую имъ прежде власть, чтобы передать ее всей массѣ народа. Дѣйствительно, быстрое развитіе демократическихъ идей составляетъ въ настоящее время фактъ, котораго никто не осмѣлится отрицать. Боязливые и невѣжественные люди ужасаются этого движенія, но что оно дѣйствительно есть — очевидно для всякаго. Теперь никто не осмѣлится толковать о томъ, чтобы наложить узду на народъ, или противиться единодушнымъ желаніямъ его. Если и говорятъ еще, то развѣ о томъ, что слѣдуетъ стараться разъяснять народу его дѣйствительные интересы и просвѣщать общественное мнѣніе; но всѣ соглашаются съ тѣмъ, что какъ только общественное мнѣніе образуется, невозможно долѣе

(*) На основаніи этихъ актовъ, изданныхъ въ царствованіе Карла II, всѣ лица, вступающія въ какую либо правительственную должность, гражданскую или военную, должны были, въ полномъ составѣ корпорацій, торжественно присягать королю, и сверхъ того каждое изъ этихъ лицъ, въ теченіе года до избранія своего, должно было причасчаться по обряду англиканской церкви. Оба акта окончательно отмѣнены въ царствованіе Георга IV, въ 1828 г. (*Прим. Перев.*).

противиться ему. Объ этомъ предметѣ всѣ судятъ единогласно; передъ новою силою, по-немногу преодолѣвающею всѣ другія, смиряются тѣ самые государственные люди, которые, еслибы имъ пришлось жить шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, первые стали бы отрицать ея могущество, смѣяться надъ ея притязаніями, и — если бы это оказалось возможнымъ — подавлять ея независимость.

Такова пропасть, отдѣляющая общественныхъ дѣятелей нашего времени отъ мужей, дѣйствовавшихъ при той вредной системѣ, которую Георгъ III старался утвердить навсегда. Очевидно, при томъ, что этотъ великій прогрессъ произведенъ былъ болѣе уничтоженіемъ самой системы, чѣмъ улучшеніемъ людей. Очевидно также, что система пала, потому что она была несогласна съ духомъ времени—другими словами, потому что прогрессивный народъ никогда не потерпитъ антипрогрессивнаго правительства. Между тѣмъ исторія вполнѣ доказала, что наши законодатели, даже до послѣдней минуты, такъ сильно ужасались самой мысли о нововведеніи, что отказывали народу во всякой реформѣ, до тѣхъ поръ, пока голосъ его не раздался довольно громко, чтобы вынудить ихъ къ покорности и заставить ихъ сдѣлать ту уступку, которой они, безъ такого давленія, ни за что бы не сдѣлали.

Эти явленія должны служить урокомъ нашимъ политическимъ вождямъ. Они должны также умѣрять самонадѣянность законодателей, убѣждая ихъ въ томъ, что лучшія мѣры ихъ годились только на время, и что самые слѣды ихъ позднѣйшій и болѣе зрѣлый вѣкъ будетъ стараться изгладить. Хорошо было бы, если бы такія соображенія могли обуздать самоувѣренность и умѣрить рѣчи тѣхъ поверхностныхъ людей, которые, достигнувъ временной власти, считаютъ себя призванными гарантировать извѣстныя учрежденія и поддерживать извѣстныя мнѣнія. Имъ слѣдовало бы ясно понять, что не ихъ дѣло такимъ образомъ предупреждать будущій ходъ событій и предусматривать отдаленныя сочетанія явленій. Дѣй-

ствительно, въ дѣлахъ маловажныхъ, это можетъ быть сдѣлано, безъ особенной опасности, хотя, какъ доказываютъ постоянныя перемѣны въ законахъ каждаго государства, — это не приноситъ также никакой пользы. Но относительно тѣхъ широкихъ, основныхъ мѣръ, отъ которыхъ зависитъ судьба цѣлой нацiи, подобное предупрежденiе болѣе чѣмъ безполезно — оно въ высшей степени вредно. При настоящемъ положенiи нашихъ знанiй, политика не только не возвысилась на степень науки, но представляетъ собою самое отсталое изъ искусствъ: единственный безопасный путь для законодателя — признать свое призванiе въ томъ, чтобы подбирать временныя средства для удовлетворенiя временныхъ нуждъ. Его обязанность слѣдовать за вѣкомъ, а не пытаться руководить его. Онъ долженъ довольствоваться изученiемъ того, что происходитъ вокругъ него и соображать свои планы не съ тѣми понятiями, которыя онъ наслѣдовалъ отъ своихъ отцовъ, а съ дѣйствительными требованiями своего времени; ибо онъ долженъ быть убѣжденъ, что при настоящей быстротѣ общественнаго прогресса, потребности одного поколѣнiя не могутъ служить мѣрою для потребностей другаго, и что люди, сознавая этотъ прогрессъ, уже тяготятся праздными рѣчами о мудрости своихъ предковъ, рѣшительно отвергая тѣ изношенныя и неподвижныя правила, котрыя до сихъ поръ были имъ навязываемы, но которыми теперь они уже не долго позволятъ себя стѣснять.

ГЛАВА VIII.

Очеркъ исторіи умственнаго движенія во Франціи, съ половины шестнадцатаго вѣка по вступленіе на престолъ Людовика XIV.

Разсмотрѣніе великихъ перемѣнъ, совершившихся въ умственномъ развитіи Англіи, привело меня къ отступленію, которое однако же не только не чуждо цѣли этого введенія, но даже совершенно необходимо для правильнаго пониманія его. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, существуетъ замѣтная аналогія между изслѣдованіями, касающимися до организаціи общества и изслѣдованіями, относящимися къ человѣческому тѣлу. Такъ, напримѣръ, признано, что лучшій путь къ открытію теоріи болѣзни заключается въ томъ, чтобы начать съ теоріи здоровья, и что основаніе для всякаго здраваго взгляда на патологію должно быть отыскиваемо посредствомъ наблюденія не анормальныхъ, но именно нормальныхъ отправленій жизни. Точно такимъ же образомъ, я полагаю, будетъ признано, что лучшій методъ для открытія великихъ соціальныхъ истинъ, состоитъ въ томъ, чтобы сперва изслѣдовать тѣ случаи, въ которыхъ общество развивалось по своимъ собственнымъ законамъ и правительствующія власти наименѣе противились духу своего времени. Въ этихъ видахъ, чтобы лучше понять положеніе Фран-

ціи я началъ съ того, что разсмотрѣлъ положеніе Англіи. Чтобы уразумѣть, какимъ образомъ болѣзни первой изъ этихъ странъ усилились отъ шарлатанскаго врачеванія ихъ невѣжественными правителями, нужно было предварительно уяснить себѣ, какимъ образомъ здоровое состояніе другой страны было сохранено тѣмъ, что она подвергалась меньшему вмѣшательству, и имѣла возможность съ большею свободою слѣдовать естественному ходу своего развитія. Итакъ, при помощи того знанія, которое мы пріобрѣли изученіемъ нормальнаго состоянія умственнаго развитія Англіи, мы можемъ, съ большимъ удобствомъ, приложить наши начала къ тому анормальному состоянію французскаго общества, проявленіями котораго, въ концѣ восемнадцатаго вѣка, были поставлены въ опасность нѣкоторые изъ самыхъ драгоцѣнныхъ для цивилизаціи интересовъ.

Во Франціи, цѣлый рядъ событій, о которыхъ я разскажу далѣе, уже съ весьма ранняго времени далъ духовенству больше могущества, чѣмъ оно когда нибудь имѣло въ Англіи. Результаты этого явленія, въ продолженіе нѣкотораго времени, были весьма благодѣтельны, такъ какъ церковь умѣряла анархическое своеволіе варварскаго періода и представляла собою убѣжище для слабыхъ и угнетенныхъ. Но по мѣрѣ того, какъ Французы стали успѣвать въ просвѣщеніи, духовная власть, съ такою пользою обуздывавшая прежде ихъ страсти, тяжелымъ бременемъ легла на умственныя силы націи и стала стѣснять движеніе ихъ. Та же духовная власть, которая, во времена невѣжества, составляетъ несомнѣнное благодѣяніе, въ болѣе просвѣщенномъ вѣкѣ, оказывается серіознымъ зломъ. Доказательство этой истины не замедлило явиться. Когда началась Реформація, церковь въ Англіи была уже такъ ослаблена, что пала отъ перваго удара; доходы ея были захвачены короною и высшія должности ея, по значительномъ уменьшеніи сопряженыхъ съ ними могущества и богатства, перешли въ руки новыхъ людей, которые,

по шаткости своего положенія и по новости своего ученія, не имѣли тѣхъ правъ древне-установившейся давности, которыми, главнымъ образомъ, поддерживаются притязанія духовнаго сословія. Это, какъ мы уже видѣли, послужило началомъ непрерывнаго прогресса, при которомъ, со всякимъ послѣдовательнымъ шагомъ, духовенство теряло часть своего вліянія. Напротивъ того, во Франціи, духовенство было такъ сильно, что ему удалось отразить Реформацію и, такимъ образомъ, сохранить для себя тѣ исключительныя преимущества, которыя англійскіе собратья его тщетно старались удержать.

Это было началомъ втораго замѣтнаго различія между цивилизаціями Англіи и Франціи, которое собственно явилось гораздо ранѣе, но теперь только произвело очевидныя послѣдствія. Обѣ страны, въ періодѣ своего дѣтства, получили важныя благодѣянія отъ церкви, бывшей всегда въ готовности покровительствовать народу противъ притѣсненій, которымъ онъ подвергался отъ короля и отъ аристократовъ. Но въ обѣихъ странахъ, съ развитіемъ общества, явилась способность самозащищенія, и уже въ началѣ шестнадцатаго вѣка, а вѣроятно и еще ранѣе—въ пятнадцатомъ—оказалась неотложная потребность ограничить эту духовную власть, которая опредѣляя людямъ обязательный образъ мыслей, останавливала успѣхи ихъ на поприщѣ знанія. По этому-то, протестантизмъ и не былъ, какъ называли его враги, аберраціею, происшедшею отъ случайныхъ причинъ, а былъ, напротивъ того, существенно нормальнымъ движеніемъ и законнымъ выраженіемъ потребностей европейскаго ума. Дѣйствительно, Реформація обязана своимъ успѣхомъ, не желанію народовъ очистить церковь, но желанію облегчить производимое ею давленіе, и можно сказать вообще, что она была принята во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, за исключеніемъ тѣхъ, въ которыхъ предшествовавшія событія чрезмѣрно усилили вліяніе духовнаго сословія или на народъ, или на его правителей. Такъ было къ несчастію и

во Франціи, гдѣ духовенство не только восторжествовало надъ протестантами, но даже, на нѣкоторое время, какъ будто бы пріобрѣло новыя силы, побѣдивъ столь опасныхъ враговъ.

Послѣдствіемъ всего этого было, что во Франціи все общество приняло несравненно болѣе теологическій видъ, чѣмъ въ Англіи. Въ нашемъ отечествѣ, къ половинѣ шестнадцатаго вѣка теологическій духъ до такой степени ослабѣлъ, что наблюдательные иноземцы бывали даже поражены этою особенностью. Та же самая нація, которая во время Крестовыхъ походовъ пожертвовала жизнію безчисленнаго множества людей, въ надеждѣ водрузить христіанское знамя въ самомъ сердцѣ Азіи, смотрѣла теперь почти совершенно равнодушно на то, къ какой религіи принадлежалъ ея государь.

Генрихъ VIII, одною своею волею, измѣнилъ религію націи и опредѣлилъ формальное устройство церкви, чего онъ никакъ не могъ бы сдѣлать, еслибы народъ сильно дорожилъ этого рода вещами, такъ какъ король не имѣлъ никакихъ средствъ принудить его къ повиновенію; у Генриха не было постоянной арміи, и даже его личные тѣлохранители были такъ малочисленны, что во всякое время могли быть уничтожены возстаніемъ воинственныхъ учениковъ лондонскихъ мастерскихъ. Послѣ его смерти явился Эдуардъ, который, какъ протестантскій король, уничтожилъ дѣло своего отца; нѣсколько лѣтъ спустя, вступила на престолъ Марія, и въ качествѣ католички, уничтожила дѣло своего брата; ей, въ свою очередь, наслѣдовала Елизавета, при которой вновь произведено важное измѣненіе въ господствующей религіи. Таково было равнодушіе націи, что всѣ эти великія перемѣны совершены безъ всякой серіозной опасности. Напротивъ того, во Франціи, при одномъ имени религіи, тысячи людей всегда были готовы ополчиться. Въ Англіи, всѣ междоусобныя войны имѣли характеръ гражданскій, и были

ведены или съ тѣмъ, чтобы свергнуть царствующую династію, или съ тѣмъ, чтобы достигнуть увеличенія свободы. Напротивъ, тѣ несравненно болѣе ужасныя войны, которыя въ шестнадцатомъ вѣкѣ опустошали Францію, были всѣ ведены во имя христіанства, и даже политическія распри между первенствовавшими фамиліями исчезали въ смертельной борьбѣ между католиками и протестантами.

Дѣйствіе, произведенное этимъ различіемъ на умы въ обѣихъ странахъ, очевидно. Англичане, сосредочивая свои силы на важнѣйшихъ свѣтскихъ вопросахъ, къ концу шестнадцатаго столѣтія, уже произвели литературу, которая никогда не погибнетъ. Между тѣмъ Французы, къ тому же времени, не имѣли еще ни одного сочиненія, утрата котораго въ настоящее время составила бы потерю для Европы. Притомъ, этотъ контрастъ становится еще разительнѣе вслѣдствіе того обстоятельства, что во Франціи цивилизація, какова бы она ни была, возникла ранѣе, матеріальныя средства страны ранѣе развились; географическое положеніе ея давало ей возможность быть центромъ европейской мысли, и сверхъ того, Франція уже имѣла литературу въ тѣ времена, когда наши предки еще представляли толпу дикихъ и невѣжественныхъ варваровъ.

Дѣло просто въ томъ, что это одинъ изъ безчисленнаго множества примѣровъ, доказывающихъ намъ, что никакая страна не можетъ достигнуть высокой степени развитія, пока духовная власть пользуется въ ней большимъ значеніемъ; ибо преобладаніе духовнаго сословія всегда сопровождается соотвѣтственнымъ преобладаніемъ тѣхъ вопросовъ, въ которыхъ это сословіе находитъ особенную важность. Отъ этого произошло, что умы Французовъ, будучи главнымъ образомъ заняты религіозными спорами, не имѣли времени предаваться тѣмъ великимъ изысканіямъ, въ которыя начинали уже вдаваться въ Англіи; какъ мы сейчасъ увидимъ, между успѣхами умственнаго развитія Фран-

ціи и Англіи было разстояніе цѣлаго поколѣнія, и это единственно потому, что существовало почти такое же разстояніе между успѣхами скептицизма въ обѣихъ націяхъ. Правда, что теологическая литература во Франціи быстро обогащалась, но великая свѣтская литература, соотвѣтствующая той, которую Англія уже произвела ранѣе конца шестнадцатаго столѣтія, во Франціи явилась не ранѣе семнадцатаго.

Таковы были во Франціи естественныя послѣдствія того обстоятельства, что преобладаніе церкви сохранилось долѣе, чѣмъ слѣдовало по потребностямъ общества. Но между тѣмъ, какъ таковы были результаты въ чисто умственномъ отношеніи, правственные и физическіе результаты были еще серіознѣе. Въ то время, какъ умы были такимъ образомъ воспламенены религіозною борьбою, безполезно было бы ожидать отъ нихъ тѣхъ человѣколюбивыхъ понятій, которыхъ теологическія партіи всегда чужды. Между тѣмъ какъ протестанты рѣзали католиковъ, а католики рѣзали протестантовъ, весьма невѣроятно было, чтобы та или другая партія стала смотрѣть съ чувствомъ терпимости на мнѣнія своихъ противниковъ. Въ продолженіе шестнадцатаго столѣтія, заключались иногда между обѣими партіями договоры— но заключались только съ тѣмъ, чтобы немедленно быть нарушенными; за единственнымъ исключеніемъ Л'Опиталя (L'Hôpital), даже и самая идея вѣротерпимости не приходила въ голову ни одному изъ государственныхъ людей того времени. Онъ отстаивалъ эту идею, но ни замѣчательныя способности его, ни безукоризненная честность не могли одержать верхъ надъ преобладающими предразсудками, и наконецъ онъ долженъ былъ оставить государственную дѣятельность, не осуществивъ ни одного изъ своихъ благородныхъ плановъ.

Дѣйствительно, въ главныхъ событіяхъ этого періода французской исторіи, преобладаніе теологическаго духа проявлялось бѣдственнымъ образомъ. Оно проявлялось во всеобщей

рѣшимости подчинить политическую дѣятельность религіознымъ мнѣніямъ. Оно проявилось въ Анбуазскомъ заговорѣ и на конференціи въ Пуаси; но еще болѣе проявилось оно въ возмутительныхъ злодѣяніяхъ, столь свойственныхъ суевѣрію—въ убійствахъ въ Пасси и въ Варѳоломеевской ночи, въ умерщвленіи Гиза злодѣемъ Польтро и Генриха III Клементомъ. Это были естественные произведенія духа религіознаго фанатизма—произведенія того ненавистнаго духа, который вездѣ, гдѣ только онъ пріобрѣталъ силу, преслѣдовалъ до истребленія всѣхъ, осмѣливавшихся противиться ему, и который, даже и теперь, когда время его силы прошло, все таки продолжаетъ догматизировать о самыхъ таинственныхъ предметахъ, оскверняетъ самыя священныя начала человѣческаго сердца и затемняетъ жалкими суевѣріями тѣ высокіе вопросы, къ которымъ никто не долженъ былъ бы грубо прикасаться, потому что они для всякаго выражаются въ такой формѣ, какая по силамъ его душѣ, потому что мѣсто ихъ—та безвѣстная область, которая отдѣляетъ конечное отъ безконечнаго, и наконецъ потому, что они составляютъ тайный, индивидуальный завѣтъ между человѣкомъ и его Богомъ.

Какъ долго, при естественномъ ходѣ вещей, протянулись бы для Франціи эти печальные дни — составляетъ вопросъ, на который мы теперь едва ли имѣемъ средства отвѣчать; хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что успѣхи, даже и въ эмпирическихъ знаніяхъ, должны были бы, по замѣченному уже нами процессу, наконецъ оказаться достаточными для того, чтобы вывести такую великую націю изъ унизительнаго положенія ея. Но къ счастію, теперь совершилось событіе, которое мы не имѣемъ права назвать иначе, какъ счастливою случайностью, но которое послужило началомъ весьма важной перемѣны. Въ 1589 г. вступилъ на Французскій престолъ Генрихъ IV. Этотъ великій монархъ, стоящій несравненно выше всѣхъ французскихъ государей шестнадцатаго сто-

лѣтія, обращалъ мало вниманія на тѣ теологическіе споры, которые его предшественникамъ казались предметомъ первостепенной важности. До него, французскіе короли, подъ вліяніемъ усердія, свойственнаго хранителямъ церкви, употребляли все свое могущество на поддержаніе интересовъ духовнаго сословія. Францискъ I сказалъ, что еслибы его правая рука была заражена ересью, то онъ бы ее отрубилъ. Генрихъ II, отличавшійся еще большимъ усердіемъ, приказалъ судьямъ строго преслѣдовать протестантовъ и публично объявилъ, что онъ поставитъ себѣ главною задачею истребленіе еретиковъ. Карлъ IX, въ знаменитую Варѳоломеевскую ночь, покусился избавить отъ нихъ церковь, истребивъ ихъ однимъ ударомъ. Генрихъ III обѣщалъ, что будетъ «бороться противъ ереси, хотя бы съ опасностью жизни», такъ какъ, по его словамъ, ему «нельзя было найти болѣе славную могилу, какъ погребсти себя среди развалинъ разрушенной ереси».

Таковы были мнѣнія, выраженныя въ шестнадцатомъ столѣтіи главами древнѣйшей монархіи въ Европѣ. Но могущественный умъ Генриха IV не имѣлъ ни малѣйшаго сочувствія къ такимъ понятіямъ. Сообразно съ требованіями измѣнчивой политики своего времени, онъ уже два раза перемѣнилъ религію и не усомнился перемѣнить ее въ третій разъ, когда увидѣлъ, что онъ могъ этимъ обезпечить спокойствіе своей отчизны. Показавъ такое равнодушіе къ своему собственному вѣроисповѣданію, онъ не могъ, безъ нарушенія приличія, показать бóльшую строгость относительно вѣры своихъ подданныхъ. Вслѣдствіе того, мы видимъ его виновникомъ перваго всенароднаго акта о вѣротерпимости, изданнаго во Франціи правительствомъ, съ тѣхъ поръ, какъ христіанская вѣра утвердилась въ этой странѣ. Не болѣе пяти лѣтъ послѣ того, какъ онъ торжественно отрекся отъ протестантизма, онъ издалъ знаменитый Нантскій эдиктъ, которымъ въ первый разъ католическое пра-

вительство даровало еретикамъ должное имъ участіе въ гражданскихъ и религіозныхъ правахъ. Это было безъ сомнѣнія самымъ важнымъ изъ всѣхъ, до того времени совершившихся событій въ исторіи французской цивилизаціи. Если разсматривать это явленіе само по себѣ, то оно составляетъ лишь доказательство просвѣщенныхъ понятій короля; но если принять въ соображеніе тотъ успѣхъ, который оно имѣло вообще, и послѣдовавшее за нимъ прекращеніе религіозной распри, то нельзя не замѣтить, что оно составляетъ часть великаго движенія, въ которомъ участвовала и сама нація. Всякій, кто только признаетъ истину тѣхъ началъ, которыя я старался установить, конечно не можетъ не замѣтить, что этотъ великій шагъ къ религіозной свободѣ сопровождался тѣмъ духомъ скептицизма, безъ котораго никогда не являлась вѣротерпимость. А что это дѣйствительно такъ было— можетъ быть доказано разсмотрѣніемъ того переходнаго состоянія, въ которое начала вступать Франція къ концу шестнадцатаго столѣтія.

Сочиненія Рабле́ нерѣдко признаются за первое письменное проявленіе религіознаго скептицизма, на французскомъ языкѣ. Но при довольно близкомъ знакомствѣ съ твореніями этого замѣчательнаго человѣка, я не нашелъ въ нихъ ничего, что бы могло оправдать такое мнѣніе. Правда, что онъ говоритъ о духовенствѣ весьма непочтительно и пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы осыпать его насмѣшками; но его нападенія всегда относятся къ личнымъ порокамъ духовныхъ, а не къ тому духу узкой нетерпимости, которому главнымъ образомъ должны быть приписаны эти пороки. Ни въ одномъ мѣстѣ онъ не выказываетъ ничего похожаго на послѣдовательный скептицизмъ и повидимому даже не понимаетъ того, что позорный образъ жизни французскаго духовенства былъ лишь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ системы, которая, при всей своей испорченности, имѣла однако же всѣ внѣшніе признаки жизненности

и силы. Дѣйствительно, огромная популярность, которою пользовался этотъ писатель, уже сама по себѣ составляетъ почти полное доказательство справедливости нашего мнѣнія, такъ какъ никто изъ лицъ, хорошо знающихъ умственное состояніе Франціи въ началѣ шестнадцатаго вѣка, не повѣритъ тому, чтобы народъ, до такой степени погруженный въ суевѣріе, могъ находить наслажденіе въ чтеніи писателя, который постоянно нападалъ на это суевѣріе.

Но расширеніе сферы опыта и слѣдующее за нимъ умноженіе знаній уже прокладывали путь великой перемѣнѣ въ умственной жизни Франціи. Процессъ, только что совершившійся въ Англіи, теперь начинался во Франціи; и въ обѣихъ странахъ порядокъ событій былъ совершенно одинъ и тотъ же. Духъ сомнѣнія, до сихъ поръ проявлявшійся лишь изрѣдка въ какомъ нибудь отдѣльномъ мыслителѣ, началъ по немногу принимать болѣе смѣлый видъ; сперва онъ нашелъ исходъ въ народной литературѣ, а потомъ сталъ проявлять свое вліяніе на практической дѣятельности государственныхъ людей. Что во Франціи существовала тѣсная связь между скептицизмомъ и вѣротерпимостью—это доказывается не только тѣми общими доводами, которые приводятъ насъ къ заключенію, что подобная связь всегда должна существовать, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что лишъ за нѣсколько лѣтъ до изданія Нантскаго эдикта, явились сочиненія перваго систематическаго скептика, писавшаго на французскомъ языкѣ. Опыты Монтэня (Montaigne) были изданы въ 1588 г., и образуютъ собою эпоху не только въ литературѣ, но и въ цивилизаціи французскаго народа. Если оставить въ сторонѣ личныя особенности, имѣющія вообще меньше значенія, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, то окажется, что различіе между Раблѐ и Монтэнемъ можетъ служить мѣриломъ разстоянія, существовавшаго, по ходу умственнаго движенія, между годами 1545 и 1588, и что оно въ нѣкоторой степени соотвѣтствуетъ указанному нами отношенію между Джювелемъ и

Гукеромъ и между Гукеромъ и Чиллингвортомъ. Законъ, управляющій всѣми этими отношеніями, есть законъ постепеннаго развитія скептицизма. Чѣмъ былъ Раблѐ для представителей теологіи, тѣмъ сталъ Монтэнь для теологіи самой. Сочиненія Раблѐ были направлены только противъ духовенства, а сочиненія Монтэня—противъ самой системы, на которую духовенство опиралось. Подъ оболочкою простаго свѣтскаго человѣка, выражающаго естественныя мысли обыкновеннымъ языкомъ, скрывался у Монтэня духъ безграничнаго, смѣлаго изслѣдованія. Хотя въ умѣ его недоставало той широты, которая составляетъ самое высшее проявленіе генія, но онъ отличался другими качествами, неразлучными съ великимъ умомъ. Онъ былъ очень остороженъ, но въ то же время очень смѣлъ. Онъ былъ остороженъ, такъ какъ онъ не хотѣлъ вѣрить въ нѣкоторыя странныя понятія на томъ только основаніи, что они перешли къ его временамъ по наслѣдству отъ его предковъ; но притомъ онъ былъ и очень смѣлъ, такъ какъ его не пугали тѣ упреки, которыми невѣжды, всегда любящіе догматизировать, осыпаютъ людей, путемъ знанія дошедшихъ до сомнѣнія. Эти качества и во всякое время сдѣлали бы Монтэня весьма полезнымъ человѣкомъ, но въ шестнадцатомъ столѣтіи, они придали ему первостепенное значеніе. Въ то же врямя, его легкій и пріятный слогъ облегчалъ распространеніе его сочиненій и такимъ образомъ содѣйствовалъ къ доставленію популярности тѣмъ идеямъ, которыя авторъ пытался провести во всеобщее сознаніе.

Таковò было первое открытое проявленіе того скептицизма, который, въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, всенародно выказался во Франціи. Въ теченіе почти трехъ поколѣній, продолжалось движеніе его съ постоянно возрастающею дѣятельностью, и скептицизмъ развивался во Франціи точно такъ же, какъ совершалось развитіе его въ Англіи. Намъ нѣтъ нужды слѣдовать за всѣми переходами этого великаго процесса, но я постараюсь обозначить тѣ изъ нихъ, которые, замѣтно выдѣляясь

изъ числа прочихъ, представляются самыми значительными.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ появленія «Опытовъ» Монтэня издано было во Франціи сочиненіе, которое хотя нынѣ читается немногими, но въ семнадцатомъ столѣтіи пользовалось первостепенною извѣстностью. Это былъ знаменитый «Трактатъ о Мудрости», Шаррона, въ которомъ мы видимъ въ первый разъ, на одномъ изъ новѣйшихъ языковъ, попытку построить теорію нравственности, безъ помощи теологіи. Эта книга, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, была еще страшнѣе для приверженцевъ теологіи, чѣмъ сочиненія Монтэня, вслѣдствіе глубоко-серіознаго тона, которымъ она написана. Шарронъ очевидно былъ сильно проникнутъ убѣжденіемъ въ важности предпринятаго имъ дѣла, и особенно похвально отличался отъ всѣхъ своихъ современниковъ замѣчательною чистотою языка и мыслей. Его сочиненіе составляетъ почти единственное изъ произведеній тѣхъ временъ, въ которомъ не встрѣчается ничего, что бы могло оскорбить и самый цѣломудренный слухъ. Хотя онъ заимствовалъ у Монтэня безчисленное множество пояснительныхъ примѣровъ, но всегда старательно избѣгалъ тѣхъ непристойностей въ которыя иногда впадаетъ этотъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, увлекательный писатель. Сверхъ того, сочиненіе Шаррона отличается особенною систематическою полнотою, которая неизбѣжно привлекаетъ наше вниманіе. Со стороны оригинальности, онъ стоитъ нѣсколько ниже Монтэня, но имѣетъ то преимущество, что явился послѣ него; и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онъ дошелъ до такой высоты, которая для Монтэня была бы недостижима. Стóя какъ бы на самой вершинѣ знанія, онъ смѣло приступаетъ къ перечисленію элементовъ мудрости и тѣхъ условій, при которыхъ эти элементы могутъ проявляться. Въ системѣ, которую онъ такимъ образомъ строитъ, онъ совершенно опускаетъ теологическіе догматы и открыто выказываетъ свое презрѣніе ко многимъ изъ тѣхъ положеній, которыя до тѣхъ поръ при-

нимались всѣми. Онъ напоминаетъ своимъ соотечественникамъ, что религія ихъ составляетъ случайный результатъ ихъ рожденія и воспитанія, и что если бы они родились въ магометанской землѣ, то были бы въ такой же мѣрѣ приверженны къ магометанству, въ какой теперь пристрастны къ христіанству. Исходя отъ этого соображенія, онъ доказываетъ, какъ нелѣпо тревожиться различіемъ вѣръ, тогда какъ это различіе составляетъ результатъ обстоятельствъ, отъ насъ не зависящихъ. Слѣдуетъ также замѣтить, что каждая изъ этихъ различныхъ религій доказываетъ, что она есть истинная, и всѣ онѣ одинаково основаны на сверхъестественныхъ явленіяхъ, какъ-то: таинствахъ, чудесахъ, пророчествахъ и т. д. Именно потому, что люди забываютъ объ этомъ, они становятся рабами той упорной увѣренности, которая составляетъ великое препятствіе для всякаго истиннаго знанія, и можетъ быть устранена только пріобрѣтеніемъ того широкаго взгляда, при которомъ мы видимъ, что всѣ народы съ одинаковымъ усердіемъ держатся за догматы, внушенные имъ при воспитаніи. Притомъ, говоритъ Шаронъ, если вникнуть въ дѣло нѣсколько глубже, мы увидимъ, что каждая изъ великихъ религій основана на той, которая предшествовала ей. Такъ религія Евреевъ основана на религіи Египтянъ; христіанство составляетъ послѣдствіе еврейской религіи, а отъ этихъ двухъ религій естественно произошло магометанство. Слѣдовательно, присовокупляетъ этотъ великій писатель, мы должны стать выше притязаній враждебныхъ сектъ, и затѣмъ, не пугаясь будущаго наказанія и не увлекаясь надеждою на награды—удовольствоваться практическою религіею, состоящею въ исполненіи житейскихъ обязанностей; не стѣсняясь догматами никакой особой вѣры, мы должны стараться заставить душу уйти въ самое-себя и усиліями этого сомосозерцанія дойти до благоговѣнія передъ неизреченнымъ величіемъ существа изъ существъ, Верховнаго Начала всего творенія.

Вотъ какія понятія были предложены въ 1601 г. въ первый разъ французской націи, на ея природномъ языкѣ. Духъ скептицизма и свѣтскихъ интересовъ, котораго они являлись представителями, продолжалъ усиливаться, и по мѣрѣ того, какъ семнадцатое столѣтіе подвигалось впередъ, упадокъ фанатизма, не ограничиваясь уже нѣсколькими отдѣльными мыслителями, сталъ проявляться и въ большинствѣ политическихъ дѣятелей. Духовенство, сознавая опасность, желало, чтобы правительство остановило успѣхи умственнаго движенія, и самъ папа, въ формальномъ представленіи Генриху IV, побуждалъ его устранить это зловредное движеніе преслѣдованіемъ еретиковъ, отъ которыхъ, по его мнѣнію, происходило все зло. Но въ этомъ король съ твердостью отказалъ. Онъ видѣлъ, какія огромныя выгоды должны произойти, если ему удастся ослабить власть духовенства, удерживая обѣ секты между собою въ равновѣсіи, и потому, хотя онъ самъ былъ католикъ, политика его склонялась болѣе на сторону протестантовъ, какъ составлявшихъ слабѣйшую партію. Онъ назначалъ имъ денежныя вспомоществованія на содержаніе священниковъ и исправленіе церквей; онъ изгналъ іезуитовъ, которые были для нихъ опаснѣйшими врагами, и постоянно имѣлъ при себѣ двухъ представителей протестантской церкви, которые были обязаны доносить ему о каждомъ нарушеніи эдиктовъ, изданныхъ имъ въ пользу ихъ религіи.

Такимъ образомъ, и во Франціи, такъ же, какъ въ Англіи, скептицизмъ предшествовалъ вѣротерпимости, и этимъ скептицизмомъ были порождены человѣколюбивыя и просвѣщенныя мѣры Генриха IV. Великій государь, совершившій эти дѣла, къ несчастію, палъ жертвою того духа фанатизма, для обузданія котораго онъ такъ много сдѣлалъ; но обстоятельства, явившіяся послѣ его смерти, доказываютъ, какъ сильно было движеніе, сообщенное имъ своему вѣку.

Послѣ убіенія Генриха IV, правленіе перешло въ руки

королевы, которая управляла государствомъ во все время малолѣтства сына ея, Людовика XIII. Замѣчательный примѣръ направленія, принятаго теперь умами, составляетъ то, что она, хотя и была слабая и суевѣрная женщина, воздержалась однако отъ гоненій за вѣру, которыя, однимъ поколѣніемъ раньше, считались необходимымъ доказательствомъ искренности въ религіи. Дѣйствительно, необыкновенную силу должно было имѣть то движеніе, которое могло принудить къ вѣротерпимости, въ началѣ семнадцатаго вѣка, государыню изъ дома Медичи, невѣжественную и суевѣрную католичку, воспитанную среди своего духовенства и привыкшую видѣть въ его одобреніи высшую цѣль человѣческаго честолюбія.

Но такъ дѣйствительно случилось. Королева оставила министровъ Генриха IV и объявила, что она во всемъ будетъ слѣдовать его примѣру. Первымъ всенароднымъ распоряженіемъ ея было заявленіе, что Нантскій эдиктъ будетъ неизмѣнно сохраненъ; ибо, говорила она, «опытъ доказалъ нашимъ предшественникамъ, что насиліе не только не побуждаетъ людей возвращаться на лоно католической церкви, но даже останавливаетъ ихъ отъ этого». Дѣйствительно, такъ сильно держалась она этой мысли, что когда Людовикъ XIII, въ 1614 г. достигъ номинальнаго совершеннолѣтія, первымъ дѣйствіемъ его правленія было также подтвержденіе Нантскаго эдикта. А въ 1615 г., она побудила короля, еще остававшагося подъ ея опекою, издать декларацію, которою всѣ предшествовавшія мѣры въ пользу протестантовъ были публично подтверждены. Дѣйствуя въ томъ же духѣ, она желала въ 1611 г. назначить предсѣдателемъ парламента знаменитаго де Ту и, только формально объявивъ его еретикомъ, удалось папѣ отвратить это намѣреніе, казавшееся ему богопротивнымъ.

Оборотъ, который въ это время стали принимать дѣла, возбудилъ немалое безпокойство въ приверженцахъ іерархіи. Самые усердные послѣдователи церкви громко осуждали по-

литику королевы. Одинъ великiй историкъ замѣтилъ, что когда, во время царствованiя Людовика XIII, во всей Европѣ были возбуждены сильныя опасенiя дѣятельными домогательствами духовной партiи, — Францiя была первымъ государствомъ, осмѣлившимся противиться имъ. Нунцiй открыто выражалъ королевѣ сожалѣнiя о томъ, что она потворствуетъ еретикамъ, и усердно старался о запрещенiи протестантскихъ сочиненiй, возмущавшихъ совѣсть правовѣрныхъ. Но и эти, и другiя подобныя имъ представленiя уже не принимались съ тѣмъ уваженiемъ, какое они возбудили бы въ прежнее время, и дѣлами государства продолжали управлять по тѣмъ исключительно свѣтскимъ соображенiямъ, на которыхъ явно основаны были мѣры, принятыя Генрихомъ IV.

Такова была политика французскаго правительства — правительства, нѣсколько лѣтъ ранѣе, признававшаго главною обязанностью государя наказывать еретиковъ и истреблять ересь. Что это продолжающееся улучшенiе было лишь результатомъ всеобщаго умственнаго движенiя — это очевидно явствуетъ не только изъ успѣховъ умственнаго развитiя нацiи, но и изъ личныхъ свойствъ королевы-правительницы и короля. Изъ всѣхъ, читавшихъ мемуары того времени, никто не можетъ отрицать, что Марiя Медичи и Людовикъ XIII были не менѣе суевѣрны, чѣмъ кто либо изъ предшественниковъ ихъ; по этому очевидно, что такое пренебреженiе ихъ къ теологическимъ предразсудкамъ происходило не отъ личныхъ качествъ ихъ, но отъ успѣховъ просвѣщенiя въ странѣ и отъ понудительнаго влiянiя времени, которое въ быстротѣ своего движенiя увлекало за собою и тѣхъ, кто считалъ себя властителемъ его судебъ.

Но всѣ подобныя соображенiя, какъ бы они ни были сильны, лишь весьма немногимъ уменьшаютъ заслуги того замѣчательнаго человѣка, который теперь вступилъ на поприще общественной дѣятельности. Въ продолженiе послѣднихъ восемнадцати лѣтъ царствованiя Людовика XIII, управле-

ніе Франціею совершенно находилось въ рукахъ Ришельё, одного изъ весьма малочисленнаго класса государственныхъ людей, которымъ дано запечатлѣть свой личный характеръ на исторіи судебъ своего отечества. Этого великаго правителя вѣроятно никогда никто не превосходилъ въ обладаніи всѣми тайнами политики—за исключеніемъ развѣ того дивнаго генія, который въ наше время поколебалъ равновѣсіе Европы. Но, съ одной весьма важной точки зрѣнія, Ришельё стоялъ гораздо выше Наполеона. Жизнь Наполеона представляетъ собою непрерывное усиліе подавить свободу человѣчества; его безпримѣрныя способности истощались на борьбу съ тенденціями его великаго времени. Ришельё также былъ деспотъ, но деспотизмъ его принялъ болѣе благородное направленіе. Онъ доказалъ, чего никогда не было у Наполеона, способность къ вѣрной оцѣнкѣ духа своего времени. Впрочемъ, и онъ, въ одномъ весьма важномъ предметѣ, ошибся. Усилія его подавить могущество французской аристократіи оказались совершенно тщетными, ибо, благодаря долгому ряду событій, авторитетъ этого надменнаго сословія былъ такъ глубоко укорененъ въ понятіяхъ народа, что потребовались усилія еще одного столѣтія на то, чтобы уничтожить это старинное вліяніе. Но хотя Ришельё не могъ уменьшить соціальной и нравственной силы французскихъ аристократовъ, онъ обрѣзалъ однако ихъ политическія привилегіи, и наказывалъ преступленія ихъ съ такою строгостью, которая должна была, хотя на время, смирить прежнее ихъ своеволіе. Впрочемъ, такъ безполезны усилія даже самаго даровитаго государственнаго мужа, когда ему не содѣйствуетъ общее настроеніе того времени, въ которомъ онъ живетъ, что эти толчки, какъ они ни были сильны, не произвели никакого прочнаго послѣдствія. Послѣ его смерти, французская аристократія, какъ мы сейчасъ увидимъ, скоро оправилась отъ понесенныхъ ею пораженій, и во время войнъ Фронды, успѣла обратить эту великую распрю въ простую

борьбу соперничествующихъ родовъ. Не ранѣе конца восемнадцатаго вѣка Франція окончательно освободилась отъ преобладающаго вліянія этого могущественнаго класса, долго замедлявшаго своимъ эгоизмомъ успѣхи цивилизаціи, удерживая народъ въ безусловномъ подчиненіи, отъ дальнихъ послѣдствій котораго онъ и до сихъ поръ еще не вполнѣ оправился.

Хотя въ этомъ отношеніи Ришельё не достигъ своей цѣли, но въ другихъ дѣлахъ онъ имѣлъ замѣчательный успѣхъ. Это произошло отъ того, что его широкія и смѣлыя воззрѣнія гармонировали съ тѣмъ скептическимъ направленіемъ, которое я только-что старался очертить. Ибо этотъ замѣчательный человѣкъ, хотя и былъ епископомъ и кардиналомъ, никогда не позволялъ интересамъ своего сословія заслонить высшіе интересы отечества. Онъ зналъ — а это слишкомъ часто забывается — что правитель народа долженъ смотрѣть на дѣла исключительно съ политической точки зрѣнія, и не долженъ обращать вниманія ни на притязанія какой либо секты, ни на распространеніе какихъ нибудь мнѣній, иначе какъ въ отношеніи къ настоящему, практическому благосостоянію націи. Вслѣдствіе этого, управленіе его представляло безпримѣрное зрѣлище—сосредоточеніе всей государственной власти въ рукахъ духовнаго лица, нисколько не старающагося объ усиленіи духовнаго сословія. Далеко отъ этого, онъ даже нерѣдко проявлялъ въ отношеніи къ духовнымъ такую строгость, которая тогда казалась безпримѣрною. Такъ, королевскіе духовники, по важности ихъ обязанностей, всегда пользовались особеннымъ уваженіемъ; ихъ считали людьми безукоризненнаго благочестія и, до того времени, они всегда имѣли огромное вліяніе, такъ что даже самые могущественные изъ государственныхъ людей вообще считали полезнымъ оказывать имъ уваженіе, соотвѣтствующее высокому положенію ихъ. Но Ришельё былъ слишкомъ хорошо знакомъ со всѣми хитростями, свойственными тому сословію, къ которому онъ самъ принадлежалъ, чтобы

чувствовать большое уваженіе къ этимъ блюстителямъ королевской совѣсти. Коссэнъ (Caussin), духовникъ Людовикъ XIII, повидимому послѣдовалъ было примѣру своихъ предшественниковъ и попытался внушить духовному сыну свои собственныя воззрѣнія на политическія дѣла. Но Ришеляё, какъ только узналъ объ этомъ, удалилъ его отъ должности и послалъ въ изгнаніе, сказавъ съ презрѣніемъ, что «батюшкѣ Коссэну» не слѣдуетъ вмѣшиваться въ дѣла правительственныя, такъ какъ онъ принадлежитъ къ людямъ, «воспитаннымъ въ невинности чисто религіозной жизни». Коссэну наслѣдовалъ знаменитый Сирмонъ (Sirmond), но Ришельё до тѣхъ поръ не дозволилъ новому духовнику вступить въ отправленіе своихъ обязанностей, пока онъ торжественно не обѣщалъ никогда не вмѣшиваться въ государственныя дѣла. И въ другомъ, весьма важномъ случаѣ, Ришельё выказалъ то же направленіе. Французское духовенство въ то время обладало громадными богатствами, и такъ какъ оно пользовалось привилегіей само себя облагать податями, то оно старалось о томъ, чтобы не дѣлать безполезныхъ, по его мнѣнію, пожертвованій для покрытія расходовъ государства. Духовенство охотно давало деньги на веденіе войны противъ протестантовъ, потому что оно считало своею обязанностью участвовать въ искорененіи ереси. Но тратить свои доходы на достиженіе собственно мірскихъ благъ, оно не находило основаній; духовные признавали себя хранителями средствъ, особо отчисленныхъ для духовныхъ назначеній, и считали богопротивнымъ дѣломъ, чтобы богатства, освященныя благочестіемъ предковъ ихъ, поступали въ распоряженіе государственныхъ дѣятелей мірянъ, для свѣтскихъ цѣлей. Ришельё, видѣвшій въ подобныхъ отговоркахъ лишь хитрость корыстолюбцевъ, имѣлъ совершенно другой взглядъ на отношенія духовенства къ государству. Онъ не только не признавалъ интересы церкви стоящими выше интересовъ государства, но даже принялъ за основное правило своей политики,

что честь государства должна быть первымъ изъ всѣхъ соображеній. И съ такимъ безстрашіемъ проводилъ онъ это начало, что однажды созвавъ въ Мантѣ (Mantes) многочисленное собраніе духовныхъ, онъ заставилъ ихъ помочь правительству экстраординарною ассигновкою въ 6,000,000 франковъ, и видя, что нѣкоторые изъ самыхъ высшихъ сановниковъ церкви выразили неудовольствіе на такую необычайную мѣру, онъ наложилъ руку даже на нихъ и, къ изумленію всего духовенства, послалъ въ изгнаніе не только четырехъ епископовъ, но и двухъ архіепископовъ — Тулузскаго и Сансскаго.

Если бы такія дѣла были совершены пятьюдесятью годами ранѣе, то онѣ навѣрно оказались бы гибельными для министра, осмѣлившагося предпринять ихъ. Но кардиналу Ришельё и въ этой, и въ другихъ подобныхъ мѣрахъ помогалъ духъ времени, заставлявшій презирать своихъ прежнихъ повелителей. Существованіе такого направленія во всемъ обществѣ теперь становилось очевиднымъ не только въ литературѣ и въ политикѣ, но и въ дѣйствіяхъ судовъ. Нунцій съ негодованіемъ жаловался на враждебное настроеніе противъ духовенства, выказываемое французскими судьями, и выставлялъ, въ числѣ другихъ постыдныхъ дѣлъ, что нѣкоторыя духовныя лица были повѣшены, не будучи предварительно лишены священнаго сана. Въ другихъ случаяхъ, возрастающее презрѣніе къ духовенству выказывалось путемъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ грубости преобладавшихъ нравовъ. Сурдисъ (Sourdis), архіепископъ Бордосскій, былъ два раза постыдно прибитъ: одинъ разъ герцогомъ д'Эпернонъ, другой разъ маршаломъ де Витри. И Ришельё, обыкновенно такъ строго поступавшій съ аристократами, не показалъ особеннаго желанія наказать виновниковъ этого грубаго оскорбленія. Дѣйствительно, не только архіепископу не было выказано никакого сочувствія, но даже, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ получилъ отъ Ришельё формальное приказаніе удалиться въ свою епархію, и до такой степени испугался тогдашняго положенія дѣлъ, что

бѣжалъ въ Карпантра̀ и искалъ защиты у папы. Это случилось въ 1641 г.; но девятью годами ранѣе, церковь подверглась еще большему оскорбленію: въ 1632 г. когда произошли серіозные безпорядки въ Лангедокѣ, Ришельё не побоялся выйти изъ затрудненія, смѣнивъ нѣкоторыхъ изъ епископовъ и секвестровавъ имущества другихъ.

Легко себѣ представить негодованіе духовенства. Такія безпрерывныя обиды ему тяжело было бы перенести, еслибъ даже онѣ нанесены были міряниномъ. Но онѣ становились вдвое тяжелѣе, будучи дѣломъ одного изъ членовъ того же класса—человѣка, съ юности принадлежащаго къ тому же сословію, противъ котораго онъ нынѣ шелъ. Это обстоятельство значительно усиливало ощущеніе обиды въ духовенствѣ, потому что придавало ей, какъ будто бы, характеръ измѣны. Это не была война извнѣ, но измѣна внутри самого духовнаго сословія. Унижавшій епископское достоинство былъ самъ епископъ; оскорблявшій церковь — кардиналъ. Таково однако было общее настроеніе умовъ, что духовенство не рѣшилось нанести открытый ударъ министру, а только, посредствомъ своихъ приверженцевъ, распространяло самые гнусные пасквили противъ Ришельё. Обвиняли его въ нарушеніи цѣломудрія, въ открытомъ развратѣ и даже въ кровосмѣшеніи съ своею собственною племянницею. Утверждали, что у него нѣтъ никакой религіи, что онъ католикъ только по имени, а въ дѣйствительности первосвященникъ гугенотовъ или патріархъ атеистовъ, и наконецъ—что было хуже всего—обвиняли его въ намѣреніи произвести расколъ во французской церкви. Къ счастію, уже начинало проходить то время, когда умы цѣлаго народа могли быть взволнованы подобными хитростями. Тѣмъ не менѣе, эти клеветы заслуживаютъ вниманія, такъ какъ по нимъ можно судить о направленіи общественныхъ дѣлъ и о томъ, съ какою горечью духовное сословіе видѣло бразды

правленія выпадающими изъ его рукъ. Дѣйствительно, это явленіе было такъ очевидно, что въ послѣднемъ междоусобіи, возбужденномъ противъ Ришельё, за два года до его кончины, инсургенты въ прокламаціи своей объявили, что одна изъ цѣлей ихъ—возстановить то уваженіе, которымъ въ прежнее время пользовались духовенство и дворянство.

Чѣмъ болѣе мы изучаемъ всю дѣятельность Ришельё, тѣмъ яснѣе для насъ становится этотъ антагонизмъ. Все доказываетъ намъ, что Ришельё имѣлъ сознаніе великой борьбы, происходившей между прежнею, духовною, и новою, свѣтскою системами управленія, и что въ немъ была рѣшимость ниспровергнуть старую систему и поддерживать новую. Не только въ его внутренней администраціи, но и во внѣшней политикѣ его мы видимъ то же, безпримѣрное дотолѣ, пренебреженіе къ теологическимъ интересамъ. Австрійскій домъ (въ особенности испанская отрасль его) издавна пользовался уваженіемъ всѣхъ благочестивыхъ людей, какъ вѣрнѣйшая опора церкви: на него смотрѣли, какъ на бичь ересей, и вообще всѣ дѣйствія его противъ еретиковъ доставили ему громкое имя въ исторіи церкви. По этому, когда французское правительство, въ царствованіе Карла IX, предприняло рѣшительную попытку къ истребленію протестантовъ, то Франція, естественнымъ образомъ, вошла въ тѣснѣйшую связь какъ съ Испаніею, такъ и съ Римомъ, и эти три великія державы соединились весьма тѣсно, но не общностью мірскихъ интересовъ, а единственно религіознымъ союзомъ. Этотъ теологическій союзъ былъ впослѣдствіи разрушенъ личнымъ характеромъ Генриха IV и возрастающимъ равнодушіемъ тогдашняго общества къ религіи; но въ продолженіе малолѣтства Людовика XIII, королева въ нѣкоторой степени возстановила его, и покушалась возобновить тѣ суевѣрныя понятія, на которыхъ онъ былъ основанъ. По всѣмъ побужденіямъ своимъ, она была ревностная католичка; она отличалась

жаркою привязанностью къ Испаніи и успѣла женить сына, молодаго короля, на испанской принцессѣ, а дочь свою выдать за испанскаго принца.

Можно было ожидать, когда Ришельё, одинъ изъ великихъ сановниковъ римской церкви, былъ поставленъ во главѣ государства, что онъ возстановитъ союзъ, котораго такъ сильно желали люди его сословія. Но не такія побужденія управляли дѣйствіями кардинала Ришельё. Его цѣль была не поддерживать мнѣнія одной секты, а служить интересамъ цѣлой націи. Его трактаты, его дипломатія, его предположенія касательно внѣшнихъ союзовъ—все было направлено не противъ враговъ церкви, а противъ враговъ Франціи. Принявъ такое новое мѣрило для своихъ дѣйствій, Ришельё сдѣлалъ великій шагъ къ приданію свѣтскаго характера всей системѣ европейской политики. Онъ достигъ того, что теоретическіе интересы людей стали подчиняться практическимъ интересамъ ихъ. До него, правители Франціи, чтобы наказать своихъ протестантскихъ подданныхъ, не колеблясь призывали на помощь католическія войска Испаніи. Поступая такимъ образомъ, они только слѣдовали старинному мнѣнію, что главная обязанность правительства есть истребленіе ересей. Это вредное ученіе въ первый разъ явно отвергнуто кардиналомъ Ришельё. Еще въ 1617 г., прежде чѣмъ утвердилось его могущество, онъ высказалъ, какъ основной принципъ, въ инструкціи одному изъ французскихъ посланниковъ, дошедшей и до нашихъ временъ, что въ дѣлахъ государственныхъ, никакой католикъ не долженъ предпочитать Испанца Французу-протестанту. Для насъ, конечно, при настоящихъ успѣхахъ общества, подобное предпочтеніе требованій отечества требованіямъ религіи стало дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, но въ то время, это составляло поразительную новость. Впрочемъ, Ришельё не побоялся довести противорѣчіе общепринятымъ понятіямъ до самыхъ отдаленныхъ послѣдствій. Католическая церковь справедливо считала свои интересы

связанными съ интересами Австрiйскаго дома, а Ришельё, лишь только онъ былъ призванъ въ королевскiй совѣтъ, рѣшился унизить этотъ домъ въ обѣихъ отрасляхъ его. Чтобы достигнуть этой цѣли, онъ открыто поддерживалъ злѣйшихъ враговъ своей собственной религiи. Онъ помогалъ лютеранамъ противъ германскаго императора и кальвинистамъ противъ испанскаго короля. Въ продолженiе восемнадцати лѣтъ своего владычества, онъ постоянно слѣдовалъ той же неизмѣнной политикѣ. Когда Филиппъ вознамѣрился притѣснить голландскихъ протестантовъ, Ришельё сталъ дѣйствовать съ ними за одно, сперва ссужая ихъ значительными суммами денегъ, а потомъ побудивъ французскаго короля вступить, по трактату, въ тѣсный союзъ съ тѣми, которыхъ, по понятiямъ церкви, онъ долженъ былъ скорѣе наказать, какъ бунтовщиковъ и еретиковъ. Точно также, когда вспыхнула та великая война, въ которой императоръ покушался покорить истинной вѣрѣ совѣсть германскихъ протестантовъ, Ришельё явился покровителемъ ихъ; сначала онъ пытался спасти предводителя ихъ—Фальцъ-Графа, а неуспѣвши въ этомъ, заключилъ въ пользу ихъ союзъ съ Густавомъ Адольфомъ, самымъ даровитымъ полководцемъ, какого тогда имѣли протестантскiя нацiи. Но на этомъ онъ не остановился. Послѣ смерти Густава, видя, что протестанты лишились своего великаго вождя, онъ еще усиленнѣе сталъ дѣйствовать въ ихъ пользу. Онъ интриговалъ за нихъ при иностранныхъ дворахъ, открылъ въ пользу ихъ переговоры, а въ заключенiе, организовалъ, для покровительства имъ открытый союзъ, въ которомъ всѣ религiозныя соображенiя были пренебрежены. Этотъ союзъ, составлявшiй весьма важный прецедентъ въ международныхъ отношенiяхъ Европы, не только былъ заключенъ кардиналомъ Ришельё съ двумя самыми могущественными врагами церкви, къ которой онъ принадлежалъ, но даже по существу своему былъ, какъ эфматически выражается Сисмонди, «протестантскимъ сою-

зомъ»—протестантскимъ союзомъ, говоритъ онъ, между Франціею, Англіею и Голландіею.

Уже по однимъ этимъ дѣламъ, слѣдовало бы признать правленіе Ришельё великою эпохою въ исторіи европейской цивилизаціи. Правленіе это представляетъ первый примѣръ того, что замѣчательный государственный мужъ, католическаго исповѣданія, систематически пренебрегалъ духовными интересами и выражалъ это пренебреженіе во всей системѣ своей какъ внѣшней, такъ и внутренней политики. Дѣйствительно, могутъ быть найдены еще ранѣе нѣсколько приближающихся къ этому примѣровъ, между правителями мелкихъ италіанскихъ государствъ, но тамъ подобныя попытки никогда не имѣли успѣха, не были довольно продолжительны и никогда не выражались въ достаточно обширномъ размѣрѣ, чтобы имъ можно было приписать значеніе прецедентовъ въ исторіи международныхъ сношеній. Особенную славу Ришельё составляетъ то, что его иностранная политика не по временамъ, а постоянно опредѣлялась свѣтскими видами, и я не думаю, чтобы во все столь продолжительное время его господства, можно было найти хотя малѣйшій признакъ уваженія съ его стороны къ тѣмъ теологическимъ интересамъ, осуществленіе которыхъ такъ долго признавалось предметомъ величайшей важности. Подчиняя, такимъ образомъ, постоянно церковь государству, проводя начало этого подчиненія въ обширныхъ размѣрахъ, съ величайшимъ искусствомъ и постояннымъ успѣхомъ, онъ положилъ основаніе тому чисто свѣтскому характеру политики, утвержденіе котораго, и послѣ его смерти, было цѣлью всѣхъ лучшихъ европейскихъ дипломатовъ. Результатомъ такого образа дѣйствій была весьма счастливая перемѣна, которая передъ тѣмъ уже нѣсколько времени подготовлялась, но при немъ только окончательно совершилась. Введеніемъ этой системы, положенъ былъ конецъ религіознымъ войнамъ, и вѣроятность сохраненія мира усилилась тѣмъ болѣе, что была устранена одна изъ причинъ, производившихъ не-

рѣдко нарушенiе его. Въ то же время проложенъ былъ путь къ тому окончательному отдѣленiю теологiи отъ политики, которое вполнѣ довершить остается будущимъ поколѣнiямъ. До какой степени значителенъ былъ шагъ, сдѣланный въ этомъ направленiи—видно изъ того, какъ легко было продолжать дѣятельность Ришельё людямъ, стоящимъ во всѣхъ отношенiяхъ ниже его. Меньше какъ черезъ два года послѣ его смерти, собрался Вестфальскiй Конгрессъ, и члены его заключили этотъ знаменитый миръ, который навсегда останется замѣчателенъ, какъ первая, въ довольно обширномъ видѣ предпринятая, попытка согласить сталкивающiеся между собою интересы главныхъ государствъ Европы. Въ этомъ важномъ трактатѣ, интересы церкви были совершенно пренебрежены, и участвовавшiя въ немъ стороны, вмѣсто того, чтобы, какъ всегда бывало доселѣ, отнимать владѣнiя другъ у друга, избрали болѣе смѣлый путь—вознаграждать сами себя на счетъ церкви, и не усомнились захватить ея доходы и обратить въ свѣтское владѣнiе нѣсколько епископствъ. Отъ этой тяжкой обиды, которая стала примѣромъ для послѣдующихъ случаевъ въ международномъ правѣ Европы, духовная власть никогда не могла оправиться. Одинъ изъ писателей, пользующихся большимъ авторитетомъ, замѣтилъ, что съ этого времени дипломаты, во всѣхъ офицiальныхъ актахъ своихъ, стали пренебрегать религiозными интересами и отстаивать предпочтительно условiя, относящiяся къ торговлѣ и колонiямъ представляемыхъ ими государствъ. Вѣрность этого замѣчанiя подтверждается тѣмъ важнымъ фактомъ, что Тридцатилѣтняя война, которой этотъ трактатъ положилъ конецъ, была послѣднею изъ всѣхъ когда либо веденныхъ религiозныхъ войнъ, такъ какъ съ тѣхъ поръ, въ продолженiе двухъ вѣковъ, никакой цивилизованный народъ не счелъ полезнымъ подвергать себя опасности для того, чтобы ниспровергнуть религiозныя вѣрованiя своихъ сосѣдей. Конечно, это составляетъ только часть того великаго

движенія въ пользу свѣтскихъ интересовъ, которымъ суевѣріе было повсемѣстно ослаблено и обезпеченъ дальнѣйшій ходъ европейской цивилизаціи. Но не распространяясь объ этомъ предметѣ, я теперь постараюсь показать, до какой степени политика, принятая Ришельё относительно протестантской церкви во Франціи, соотвѣтствовала той, которой онъ слѣдовалъ въ отношеніи къ католической церкви; вслѣдствіе чего этотъ великій государственный мужъ, при помощи успѣховъ знанія, ознаменовавшихъ его вѣкъ, имѣлъ возможность съ обѣихъ сторонъ бороться съ предразсудками, отъ которыхъ люди въ то время лишь медленно и съ величайшимъ трудомъ начинали освобождаться.

Образъ дѣйствій Ришельё относительно французскихъ протестантовъ составляетъ конечно одну изъ самыхъ похвальныхъ сторонъ его системы; въ этомъ, какъ и въ прочихъ либеральныхъ мѣрахъ его, ему содѣйствовалъ ходъ предшествовавшихъ событій. Его правленіе, взятое вмѣстѣ съ правленіемъ Генриха IV и королевы-правительницы, представляетъ отрадное зрѣлище такой полной вѣротерпимости, какой не видало до тѣхъ поръ ни одно изъ государствъ католической Европы. Между тѣмъ, какъ въ другихъ христіанскихъ земляхъ люди безпрерывно подвергались преслѣдованіямъ, единственно за то, что держались мнѣній, несогласныхъ съ понятіями господствующаго духовенства,—Франція отказывалась слѣдовать общему примѣру, и покровительствовала тѣмъ еретикамъ, которыхъ церковь стремилась наказывать. Дѣйствительно, они не только пользовались покровительствомъ, но даже, въ случаѣ появленія особенныхъ дарованій, были открыто удостоиваемы величайшихъ наградъ. Сверхъ того, что ихъ назначали на важныя гражданскія должности, многіе изъ нихъ занимали высшіе военные посты, и Европа съ удивленіемъ увидала войска французскаго короля, предводительствуемыя полководцами-еретиками. Роганъ (Rohan), Ледигьеръ (Lesdiguières), Шатильонъ, Ла Форсъ (La Force), Бернардъ Вей-

марскій (Bernard de Weimar), были въ числѣ самыхъ знаменитыхъ военачальниковъ Людовика XIII, и всѣ они были протестанты, такъ же, какъ и нѣкоторые младшіе, въ сравненіи съ ними, но замѣчательные воины, какъ то Гассіонъ (Gassion), Ранцау (Rantzau), Шомбергъ (Schomberg) и Тюреннъ (Turenne). Въ это время ничто уже не было недоступно для людей, которыхъ, полувѣкомъ ранѣе, за еретическія мнѣнія ихъ, правительство готово было бы преслѣдовать на смерть. Вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Людовика XIII, Ледигьеръ, лучшій военачальникъ между французскими протестантами, былъ пожалованъ въ Маршалы Франціи. Четырнадцать лѣтъ спустя, то же высокое званіе было даровано двумъ другимъ протестантамъ—Шатильону и Ла Форсу, изъ которыхъ первый, какъ утверждаютъ, былъ самымъ вліятельнымъ лицомъ между схизматиками. Оба эти назначенія состоялись въ 1622 г., а въ 1634 г. еще большее нареканіе со стороны католиковъ было возбуждено возвышеніемъ Сюлли (Sully), который, не смотря на явную принадлежность къ еретикамъ, также получилъ маршальскій жезлъ. Это было дѣло Ришельё, и оно принято было приверженцами церкви за серіозное оскорбленіе; но великій государственный мужъ обращалъ такъ мало вниманія на крики ихъ, что по окончаніи междоусобной войны, онъ сдѣлалъ другой шагъ, не менѣе для нихъ обидный. Герцогъ де Роганъ былъ самымъ дѣятельнымъ изъ враговъ господствующей церкви, и протестанты смотрѣли на него, какъ на главную опору своей партіи. Онъ взялся за оружіе для защиты ея и, не согласившись отречься отъ своей религіи, судьбою войны былъ изгнанъ изъ Франціи; но Ришельё, хорошо знавшій его дарованія, нисколько не заботился объ его убѣжденіяхъ. Вслѣдствіе этого, онъ призвалъ его изъ изгнанія, употребилъ его для нѣкоторыхъ переговоровъ съ Швейцаріею, а затѣмъ назначилъ командующимъ одною изъ армій французскаго короля, дѣйствовавшихъ за границею.

Таковы были тенденціи, характеризовавшія этотъ новый порядокъ вещей. Едвали нужно говорить о томъ, до какой степени благодѣтельна должна была быть эта великая перемѣна, такъ какъ она поощряла людей считать благо своей отчизны первымъ изъ всѣхъ соображеній, и подъ ея вліяніемъ, солдаты - католики научились, отбросивъ старинные споры, повиноваться полководцамъ - еретикамъ и слѣдовать за знаменами ихъ на пути къ побѣдѣ. Сверхъ того, самое сближеніе людей различныхъ вѣръ, происходившее отъ того, что они жили въ одномъ лагерѣ и сражались подъ одними знаменами, должно было еще болѣе содѣйствовать къ прекращенію вражды, частью тѣмъ, что теологическія распри исчезали въ стремленіи къ одной общей и притомъ свѣтской цѣли, частью же и тѣмъ, что люди каждой секты, знакомясь съ своими противниками по вѣрѣ, находили, что они не совсѣмъ лишены всѣхъ человѣческихъ достоинствъ, а напротивъ, сохраняютъ многія похвальныя качества, и убѣждались даже въ возможности соединять съ еретическими заблужденіями всѣ достоинства хорошаго и полезнаго гражданина.

Но при всемъ томъ, что ожесточенныя распри, такъ долго раздиравшія Францію, подъ вліяніемъ политики Ришельё понемногу утихали, мы съ удивленіемъ замѣчаемъ, что въ то время какъ предубѣжденія католиковъ очевидно ослабѣвали, у протестантовъ напротивъ эти предубѣжденія еще продолжали сохранять всю свою силу. Дѣйствительно, сильнѣйшимъ доказательствомъ зловредности и упорства этихъ чувствъ можетъ служить то, что они самымъ безпокойнымъ образомъ проявились именно въ той странѣ, гдѣ съ протестантами всего лучше поступали, и именно въ періодъ такого обращенія съ ними. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ подобныхъ, главною дѣйствующею причиною было вліяніе сословія, получившаго, вслѣдствіе обстоятельствъ, которыя мнѣ теперь предстоитъ изложить, временный перевѣсъ надъ всѣми другими.

Ослабленie теологическаго духа прозвело въ протестантской партiи замѣчательный, хотя совершенно естественный, результатъ. Возрастающая вѣротерпимость французскаго правительства открыла вождямъ протестантовъ доступъ къ такимъ положенiямъ въ государствѣ, которыхъ они прежде никогда не могли бы достигнуть. Пока всѣ мѣста были закрыты для дворянъ протестантовъ, совершенно естественно было, что они съ тѣмъ большимъ усердiемъ держались за свою партiю, которая одна признавала достоинства ихъ. Но когда былъ признанъ тотъ принципъ, что государство должно награждать людей по способностямъ ихъ, не взирая на религiю, то въ каждой изъ сектъ образовался новый элементъ разъединенiя. Предводители протестантовъ не могли не питать нѣкоторой благодарности или по крайней мѣрѣ нѣкотораго сочувствiя къ правительству, которому они служили; и какъ влiянiе свѣтскихъ соображенiй такимъ образомъ усилилось, то влiянiе религiозной связи должно было ослабѣть. Невозможно, чтобы въ одно и то же время и въ одномъ человѣкѣ преобладали противоположныя чувства. Чѣмъ дальше видитъ человѣкъ, тѣмъ менѣе обращаетъ онъ вниманiя на каждую изъ подробностей обозрѣваемаго пространства. Патрiотизмъ уничтожаетъ суевѣрie, и чѣмъ болѣе мы преданы нашему отечеству, тѣмъ менѣе привязаны къ нашей сектѣ. Такимъ образомъ, съ успѣхами цивилизацiи, кругъ дѣятельности ума человѣческаго расширяется; горизонтъ его становится обширнѣе, предметы сочувствiя умножаются, и такъ какъ пространство, обнимаемое имъ, увеличено, то и сила привязанности его къ объятымъ однажды идеямъ ослабѣваетъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ онъ начнетъ понимать, что безконечное разнообразie обстоятельствъ необходимо производитъ и безконечное разнообразie мнѣнiй; что вѣра, которая кажется одному человѣку хорошею и естественною, можетъ быть для другаго дурна и неестественна, и что, не вмѣшиваясь вообще въ ходъ религiозныхъ убѣжденiй, мы должны

довольствоваться тѣмъ, чтобы заглядывать въ самихъ себя, наблюдать движенія своего сердца, очищать свою собственную душу, смягчать зло, порождаемое нашими страстями, и искоренять тотъ духъ самонадѣянности и нетерпимости, который является и причиною и послѣдствіемъ всякаго теологическаго спора.

Именно въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ огромный шагъ Французами въ первой половинѣ семнадцатаго вѣка. Къ несчастію, впрочемъ, преимущества, происшедшія отъ этого, были сопряжены съ серіозными неудобствами. Отъ того, что предводители протестантской партіи подчинились разнымъ свѣтскимъ соображеніямъ, произошло два послѣдствія весьма значительной важности. Первымъ результатомъ было то, что многіе изъ протестантовъ перемѣнили религію. До Нантскаго эдикта, они постоянно подвергались преслѣдованіямъ и столь же постоянно умножались. Но при политикѣ вѣротерпимости, принятой Генрихомъ IV и Людовикомъ XIII, число ихъ постоянно уменьшалось. Дѣйствительно, это было естественнымъ послѣдствіемъ усиленія того свѣтскаго духа, который во всѣхъ странахъ ослабилъ религіозныя вражды. Подъ вліяніемъ этого духа, соціальные и политическіе виды стали перевѣшивать тѣ теологическіе виды, которыми люди такъ долго ограничивались. По мѣрѣ того, какъ всякія свѣтскія связи между людьми стали усиливаться, естественнымъ образомъ явилось между соперничествующими партіями быстро усиливающееся стремленіе къ слiянію, и какъ католики были не только гораздо многочисленнѣе, но и во всѣхъ отношеніяхъ вліятельнѣе, чѣмъ противники ихъ, то движеніе это обратилось въ пользу первыхъ и они постоянно привлекали на свою сторону многихъ изъ прежнихъ противниковъ своихъ. Что такое поглощеніе секты слабѣйшей, по числу, сильнѣйшею произошло отъ упомянутой мною причины, это становится еще очевиднѣе вслѣдствіе того замѣчательнаго обстоятельства, что перемѣна началась съ главныхъ дѣятелей

партіи, и что не низшія лица между протестантами покинули своихъ вождей, но скорѣе вожди покинули своихъ последователей. Это произошло отъ того, что вожди, будучи просвѣщеннѣе, чѣмъ вся масса народа, болѣе подверглись вліянію скептическаго движенія и потому показали примѣръ равнодушія къ спорамъ, которые еще всецѣло занимали умы народа. Какъ только это равнодушіе дошло до извѣстной степени, приманки, представляемыя примирительною политикою Людовика XIII, стали непреодолимы; и дворяне-протестанты въ особенности, будучи болѣе подвержены политическимъ искушеніямъ, начали отдаляться отъ своей партіи, съ тѣмъ, чтобы тѣснѣе сблизиться съ дворомъ, показывающимъ готовность вознаграждать ихъ заслуги.

Конечно невозможно въ точности опредѣлить время, когда произошла эта важная перемѣна. Но мы можемъ сказать съ достовѣрностью, что уже въ самомъ началѣ царствованія Людовика XIII, многіе изъ дворянъ протестантовъ вовсе не думали о своей религіи, а остальные уже не имѣли къ ней того усердія, которое прежде показывали. Дѣйствительно, многіе изъ самыхъ значительныхъ между ними открыто покинули свою религію и присоединились къ той церкви, которую они были пріучены ненавидѣть, какъ олицетвореніе нечестія, и называть Вавилонскою блудницею. Герцогъ Ледигьеръ, самый даровитый изъ протестантскихъ полководцевъ, перешелъ въ католичество и, въ видѣ награды за обращеніе свое, сдѣланъ былъ коннетаблемъ Франціи. Герцогъ де-ла-Тремуль (de la Trémouille) послѣдовалъ его примѣру, такъ же, какъ и герцоги де-ла-Мельрэ (de la Meilleraye), де Бульонъ, а нѣсколько лѣтъ спустя, и маркизъ де Монтозье. Эти знатные дворяне были въ числѣ самыхъ вліятельныхъ членовъ протестантской церкви, но покинули ее безъ всякаго раскаянія, жертвуя своими старыми связями въ пользу тѣхъ мнѣній, которымъ слѣдовало государство. Въ другихъ людяхъ выс-

шаго класса, которые еще продолжали по имени принадлежать къ партіи французскихъ протестантовъ, мы находимъ также подобный духъ. Мы видимъ ихъ равнодушными къ такимъ предметамъ, за которые они, еслибы родились пятьюдесятью годами ранѣе, съ радостью пожертвовали бы жизнію. Маршалъ де Бульонъ называлъ себя протестантомъ и не хотѣлъ отступить отъ своей религіи, а во всемъ своемъ образѣ дѣйствія показывалъ, что онъ считаетъ интересы ея стоящими ниже политическихъ соображеній. То же замѣчено было французскими историками и относительно герцога де Сюлли и маркиза де Шатильонъ, которые, хотя были оба членами протестантской церкви, однако показывали замѣтное равнодушіе къ тѣмъ теологическимъ интересамъ, которые прежде составляли предметъ величайшей важности. По всѣмъ этимъ причинамъ, когда въ 1621 г. протестанты начали междоусобную войну противъ правительства, то оказалось, что изъ всѣхъ великихъ предводителей ихъ, только двое, Роганъ (Rohan) и братъ его Субизъ (Soubise), рѣшились подвергать свою жизнь опасности за свою религію.

И такъ, первымъ великимъ послѣдствіемъ вѣротерпимости, принятой французскимъ правительствомъ за основаніе его политики, было то, что протестанты лишились поддержки главныхъ вождей своихъ, и что сочувствіе многихъ, между этими вождями, перешло на сторону католической церкви. Но другое послѣдствіе, о которомъ я упомянулъ, было гораздо важнѣе. Возрастающее равнодушіе высшаго класса протестантовъ передало управленіе партіею въ руки духовенства. Мѣсто, оставленное свѣтскими вождями, было, естественнымъ образомъ, занято духовными. И какъ во всякой сектѣ, духовенство, въ цѣлой массѣ, всегда отличалось нетерпимостью къ мнѣніямъ, несогласнымъ съ его понятіями, то оказалось, что эта перемѣна произвела въ осиротѣвшихъ рядахъ протестантовъ ослабленіе, подобное тому, которымъ были ознаменованы худшія времена шестнадцатаго столѣтія. Вслѣд-

ствіе этого, по странному, но весьма естественному сочетанію обстоятельствъ, протестанты, утверждающіе, что они стоятъ за право личнаго сужденія въ религіозныхъ вопросахъ, въ началѣ семнадцатаго столѣтія, стали болѣе чуждыми вѣротерпимости, чѣмъ католики, которыхъ вѣра основана на предписаніяхъ непогрѣшимой церкви.

Это явленіе составляетъ одинъ изъ множества примѣровъ, показывающихъ, какъ поверхностны мнѣнія тѣхъ писателей теоретиковъ, которые утверждаютъ, что протестантская религія необходимо либеральнѣе, чѣмъ католическая. Если бы всѣ тѣ, которые слѣдуютъ этому воззрѣнію, взяли на себя трудъ изучить исторію Европы изъ первыхъ источниковъ, то они бы узнали, что либеральность каждой секты зависитъ вовсе не отъ признанныхъ принциповъ ея, но отъ обстоятельствъ, въ которыхъ она поставлена и отъ степени значенія, которымъ пользуется ея духовенство. Протестантская церковь вообще оказывается болѣе расположенною къ вѣротерпимости, чѣмъ католическая, просто потому, что событія, вызвавшія появленіе протестантизма, въ то же время возбудили умственную дѣятельность и слѣдовательно уменьшили значеніе духовенства. Но всякій, кто читалъ сочиненія великихъ кальвинистскихъ теологовъ, и въ особенности, кто изучилъ исторію ихъ, долженъ знать, что въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкахъ, желаніе преслѣдовать своихъ противниковъ было въ нихъ такъ горячо, какъ только оно могло быть въ католикахъ въ худшіе дни папскаго владычества. Это простой фактъ, въ которомъ каждый желающій можетъ убѣдиться, ознакомившись съ оригинальными источниками, относящимися къ тѣмъ временамъ. И въ настоящее время мы найдемъ болѣе суевѣрія, болѣе фанатизма и менѣе истинно религіознаго человѣколюбія въ низшемъ классѣ шотландскихъ протестантовъ, чѣмъ въ низшемъ классѣ французскихъ католиковъ. Между тѣмъ на одно мѣсто, отзывающееся нетерпимостью въ протестантской теологіи, легко было бы привести двадцать по-

добныхъ мѣстъ въ теологіи католической. На самомъ дѣлѣ дѣйствія людей зависятъ не отъ догматовъ, текстовъ или церковныхъ уставовъ, но отъ мнѣній и привычекъ, преобладающихъ между современниками ихъ, отъ общаго духа времени и отъ характера сословій, имѣющихъ перевѣсъ надъ прочими. Въ этомъ по видимому и заключается причина того различія между религіею въ теоріи и религіею на практикѣ, на которое теологи жалуются, какъ на камень преткновенія, какъ на существенное зло. Религіозныя теоріи, сохраняясь въ книгахъ, въ формѣ ученія и догмата, остаются вѣчнымъ свидѣтельствомъ о первоначальномъ духѣ религіи и по этому не могутъ быть измѣнены, безъ того, чтобы нововводители не подверглись упреку въ непослѣдовательности или въ ереси. Но практическая сторона каждой религіи, нравственныя политическія и соціальныя проявленія ея, обнимаютъ такое громадное разнообразіе интересовъ и имѣютъ дѣло съ такими сложными и измѣнчивыми пружинами, что нѣтъ ни какой возможности установить ихъ посредствомъ формальныхъ опредѣленій церкви; даже въ самыхъ строгихъ системахъ, эта сторона религіи въ значительной степени предоставляется частному произволу, и принадлежа вообще къ неписанному закону, не можетъ быть ограждена тѣми предосторожностями, посредствомъ которыхъ ограждается неизмѣнность догмата. По всѣмъ этимъ причинамъ, религіозное ученіе, составляющее вѣру націи, не можетъ служить пробнымъ камнемъ ея цивилизаціи, а напротивъ того, практическое примѣненіе религіи такъ гибко и такъ способно приноравливаться къ общественнымъ потребностямъ, что оно представляетъ собою одно изъ лучшихъ мѣрилъ для опредѣленія духа какого либо времени.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, мы не должны удивляться тому, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ французскіе протестанты, выдавая себя за приверженцевъ права личнаго сужденія, отличались меньшею терпимостью къ примѣненію это-

го права ихъ противниками, чѣмъ католики, при всемъ томъ, что католики, признавая непогрѣшимость своей церкви, по строгой послѣдовательности понятій, должны быть суевѣрны и, можно сказать, наслѣдуютъ нетерпимость по естественному праву рожденія. Такимъ образомъ, въ то время какъ католики, по теоріи, должны были болѣе предаваться фанатизму, чѣмъ протестанты, — на практикѣ, протестанты болѣе увлекались имъ, чѣмъ католики. Протестанты продолжали настаивать на томъ правѣ свободнаго сужденія въ религіи, которое католики по прежнему отрицали. Между тѣмъ, такова была сила обстоятельствъ, что каждая секта на практикѣ противорѣчила своему догмату и дѣйствовала такъ, какъ будто бы она приняла догматъ своей противницы. Причина этой перемѣны была очень проста. Между Французами вообще, какъ я уже сказалъ, теологическій духъ терялъ свою силу, и ослабленіе вліянія духовенства, какъ всегда бываетъ, сопровождалось расположеніемъ націи къ большей вѣротерпимости. Но между французскими протестантами этотъ упадокъ теологическаго духа произвелъ другія послѣдствія, а именно перемѣну вождей, которая передала власть въ руки духовенства и, увеличивъ значеніе его, вызвала реакцію и оживила вновь тѣ самыя чувства, отъ ослабленія которыхъ реакція происходила. Этимъ повидимому объясняется, почему религія, которой правительство не покровительствуетъ, вообще обнаруживаетъ бо̀льшую энергію и жизненность, чѣмъ та, которая пользуется покровительствомъ. При успѣхахъ общества, теологическій духъ прежде всего ослабѣваетъ въ самыхъ образованныхъ классахъ его, и тогда именно правительство можетъ, какъ оно дѣлаетъ въ Англіи, вмѣшиваться въ дѣла религіи и, контролируя духовенство, ставить церковь въ совершенную зависимость отъ государства и ослаблять, такимъ образомъ, духовный элементъ, посредствомъ примѣси къ нему свѣтскихъ началъ. Но когда государство отказывается сдѣлать это, то бразды правленія, выпадая изъ рукъ высшихъ сословій, за-

хватываются духовенствомъ и тогда происходитъ тотъ порядокъ вещей, лучшій примѣръ котораго мы можемъ видѣть на французскихъ протестантахъ семнадцатаго вѣка и на ирландскихъ католикахъ нашего времени. Въ подобныхъ случаяхъ, религія, терпимая правительствомъ, но не вполнѣ признаваемая имъ, всегда долѣе сохраняетъ свою жизненность, потому что духовенство ея, пренебрегаемое правительствомъ, вынуждено ближе примкнуть къ народу, составляющему единственный источникъ его значенія. Напротивъ того, въ религіи, которая пользуется расположеніемъ и щедротами правительства, связь между духовенствомъ и низшимъ классомъ мірянъ гораздо менѣе тѣсна; духовенство примѣняется къ желаніямъ правительства столько же, какъ и къ настроенію народа, и такимъ образомъ, примѣсь политическихъ видовъ, соображеній житейскаго удобства, и, — если можно такъ сказать, не нарушая уваженія къ духовенству, — надеждъ на повышеніе вносятъ свѣтскій элементъ въ духовное сословіе и, посредствомъ указаннаго уже мною процесса, ускоряютъ успѣхи вѣротерпимости.

Эти обобщенія, могущія въ значительной степени объяснить настоящее суевѣрное настроеніе ирландскихъ католиковъ, объясняютъ также и суевѣріе, преобладавшее въ прежнія времена между французскими протестантами. Въ обоихъ случаяхъ, правительство, пренебрегая надзоромъ за еретическою религіею, дало возможность духовенству пріобрѣсти рѣшительное преобладаніе, и за тѣмъ это сословіе стало развивать въ людяхъ фанатизмъ и возбуждать въ нихъ ненависть къ противникамъ своей секты. Къ какимъ результатамъ привелъ такой ходъ дѣлъ въ Ирландіи, всего ближе извѣстно тѣмъ изъ нашихъ государственныхъ людей, которые съ необыкновенною, въ профессіи ихъ, откровенностью сознались въ томъ, что Ирландія составляетъ для нихъ предметъ величайшаго изъ затрудненій. А какіе были результа-

ты во Франціи, это мы постараемся разъяснить въ настоящее время.

Какъ примирительное направленіе французскаго правительства привлекло на его сторону нѣсколько изъ самыхъ важныхъ лицъ между протестантами, и обезоружило враждебность другихъ, то значеніе предводителей партіи перешло, какъ мы уже видѣли, къ низшему разряду людей, которые въ новомъ положеніи своемъ вполнѣ выказали нетерпимость, свойственную ихъ сословію. Не имѣя притязанія писать исторію тѣхъ ненавистныхъ распрей, которыя за этимъ послѣдовали, мы представимъ только читателю нѣсколько примѣровъ усилившагося въ это время ожесточенія въ протестантской партіи, и укажемъ на нѣкоторыя изъ дѣйствій, до такой степени воспламенившихъ въ ней злобныя чувства, неразлучныя съ религіозною борьбою, что наконецъ вспыхнула междоусобная война, которая, только вслѣдствіе улучшившагося настроенія католиковъ, не была такъ кровопролитна, какъ ужасная война шестнадцатаго столѣтія. Когда французскіе протестанты подчинились исключительному преобладанію людей, по обыкновенію своей профессіи считавшихъ ересь за величайшее изъ преступленій, то между ними естественно проявился духъ миссіонерства и прозелитизма, который побуждалъ ихъ вмѣшиваться въ религіозныя отправленія католиковъ, подъ старымъ предлогомъ обращенія ихъ на путь истины, и подалъ поводъ къ возобновленію вражды, которая подъ вліяніемъ успѣховъ знанія, уже начинала было утихать. За тѣмъ, какъ при подобныхъ предводителяхъ, такого рода чувства быстро усиливались, то протестанты скоро научились презирать великій Нантскій эдиктъ, обезпечившій ихъ свободу, и предприняли новую опасную борьбу, имѣвшую цѣлью не огражденіе собственной ихъ религіи, но ослабленіе религіи противной партіи, той партіи, которой они были обязаны терпимостью, составлявшею, при предразсудкахъ того времени, весьма не легкую для католиковъ уступку.

Нантскимъ эдиктомъ было предоставлено протестантамъ совершенно свободное отправленіе ихъ религіи, и этимъ правомъ они продолжали пользоваться до царствованія Людовика XIV. Къ этому присовокуплялось нѣсколько другихъ привилегіи, какихъ ни одно католическое правительство, кромѣ французскаго, не рѣшилось бы даровать своимъ подданнымъ еретикамъ. Но все это еще не удовлетворяло вполнѣ желаній протестантскаго духовенства, которому было не достаточно свободно отправлять свою религію, но хотѣлось еще стѣснять отправленіе религіи другихъ. Первымъ шагомъ ихъ было ходатайствовать передъ правительствомъ о стѣсненіи тѣхъ обрядовъ, которые французскіе католики искони уважали, какъ символъ своей національной вѣры. Съ этою цѣлью, тотчасъ послѣ смерти Генриха IV, они назначили большое собраніе въ Сомюрѣ, на которомъ формально потребовали, чтобы никакая католическая процессія не допускалась ни въ какомъ городѣ, селеніи или крѣпости, занятыхъ протестантами. Такъ какъ правительство оказалось нерасположеннымъ удовлетворить такому чудовищному притязанію, то эти фанатики рѣшились своею властію доставить ему силу закона. Они не только стали нападать на католическія процессіи, вездѣ, гдѣ встрѣчали ихъ, но и подвергали священниковъ личнымъ оскорбленіямъ и даже старались лишать ихъ возможности совершать таинства надъ умирающими; когда католическій священникъ хоронилъ умершаго, то протестанты непремѣнно являлись, прерывали церемонію, издѣвались надъ обрядами и старались своимъ крикомъ заглушать голосъ священнодѣйствующаго, такъ чтобы совершаемое въ церкви богослуженіе не было слышно. Не всегда даже ограничивались они подобными демонстраціями. Когда нѣкоторые города, довольно неосторожно можетъ быть, были отданы въ распоряженіе ихъ, то они стали тамъ проявлять свою власть съ самою своевольною дерзостью. Въ Ла-Рошелли, которая по важности своей, была вторымъ городомъ въ государствѣ, они

не позволили католикамъ имѣть ни одной церкви для отправленія той религіи, которая въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ была единственною во Франціи и къ которой еще принадлежало огромное большинство Французовъ. Но это составляло только часть плана, задуманнаго протестантскимъ духовенствомъ для систематическаго стѣсненія правъ своихъ соотечественниковъ. Въ 1619 г. духовенство, въ общемъ собраніи своемъ въ Лудёнѣ, постановило, чтобы ни въ одномъ изъ протестантскихъ городовъ, ни іезуитъ, ни какое либо другое лицо, назначенное отъ епископа, не имѣли права произносить проповѣди. На другомъ собраніи, формально запрещено было протестантамъ даже присутствовать при крещеніи, бракѣ или похоронахъ, если обрядъ совершаемъ былъ католическимъ священникомъ. Наконецъ, чтобы уничтожить всякую надежду на примиреніе обоихъ вѣроисповѣданій, они не только всѣми силами противились смѣшаннымъ бракамъ, которые во всѣхъ христіанскихъ земляхъ послужили къ смягченію религіозной вражды, но даже публично объявили, что они лишатъ причастія тѣхъ родителей, которыхъ дѣти породнятся, посредствомъ брака, съ какимъ нибудь католическимъ семействомъ. Впрочемъ, чтобы не накоплять излишнихъ доказательствъ, приведемъ только одинъ примѣръ, заслуживающій особеннаго вниманія, такъ какъ по немъ можно судить о томъ, въ какомъ духѣ исполнялись эти и другія подобныя имъ постановленія. Когда Людовикъ XIII, въ 1620 г, посѣтилъ По (Pau), то не только съ нимъ, какъ съ еретикомъ, обошлись весьма непочтительно, но оказалось, что протестанты не оставили ему даже ни одной церкви и вообще никакого мѣста, гдѣ бы онъ, повелитель Франціи, въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ, могъ исполнить тѣ обряды богослуженія, которыя онъ считалъ необходимыми для своего будущаго спасенія.

Вотъ какимъ образомъ французскіе протестанты, подъ вліяніемъ своихъ новыхъ предводителей, поступили съ первымъ

католическимъ правительствомъ, которое перестало преслѣдовать ихъ и не только предоставило имъ свободное отправленіе ихъ религіи, но и назначило многихъ изъ нихъ на должности, сопряженныя съ большимъ довѣріемъ и почетомъ. Впрочемъ это было совершенно согласно со всѣми остальными поступками ихъ. Составляя по числу и по умственнымъ силамъ ничтожное меньшинство среди французской націи, они домогались такой власти, отъ которой и большинство отступилось, и отказывались проявлять относительно другихъ ту терпимость, которою сами пользовались. Многія лица, сперва присоединившіяся къ ихъ партіи, теперь покинули ее и возвратились къ католическому вѣроисповѣданію; но за то, что они пользовались этимъ несомнѣннымъ правомъ, они подвергались отъ протестантскаго духовенства самымъ грубымъ оскорбленіямъ и были осыпаны всевозможными укоризнами и ругательствами. Для тѣхъ, которые противились власти духовенства, никакое наказаніе не казалось ему слишкомъ строгимъ. Въ 1612 г., Феррье́, человѣкъ пользовавшійся въ свое время довольно большимъ значеніемъ, ослушался нѣкоторыхъ требованій духовенства, и вслѣдствіе этого получилъ приказаніе предстать передъ судомъ одного изъ синодовъ. Сущность его вины заключалась въ томъ, что онъ презрительно отзывался о соборахъ духовенства; къ этому естественнымъ образомъ прибавлены были и тѣ обвиненія противъ нравственнаго характера его, которыми теологи обыкновенно стараются чернить своихъ противниковъ. Людямъ, изучавшимъ исторію всѣхъ духовенствъ, подобныя обвиненія слишкомъ знакомы для того, чтобы они стали придавать имъ какой нибудь вѣсъ, но въ настоящемъ случаѣ обвиненный подвергался суду такихъ лицъ, которыя были въ то же время его преслѣдователями и врагами, и потому легко было предусмотрѣть результатъ суда. Въ 1613 году, Феррьѐ былъ отлученъ отъ церкви и отлученіе торжественно провозглашено на Нимскомъ соборѣ. Въ состоявшейся сентенціи, которая сохранилась до

нынѣ, духовенство объявляетъ, что онъ человѣкъ скандалезнаго поведенія, неисправимый, нераскаянный и непокорный. Вслѣдствіе того, говорилось далѣе, «во имя Господа нашего Іисуса Христа, внушеніемъ Святаго духа и въ силу возложеннаго на насъ церковью полномочія, отлучили мы, и нынѣ отлучаемъ его отъ общенія съ вѣрующими и отвергаемъ его, дабы онъ былъ преданъ сатанѣ».

Дабы онъ былъ преданъ сатанѣ! Таково было наказаніе, которое горсть церковниковъ, собравшихся въ одномъ уголкѣ Франціи, считали себя въ правѣ налагать на человѣка, осмѣлившагося презирать ихъ власть. Въ наше время, подобная анаѳема могла бы только возбудить смѣхъ, но въ началѣ семнадцатаго столѣтія, провозглашеніе ея было достаточно для того, чтобы погубить всякаго человѣка, противъ котораго она была направлена. Всякій, кто только достаточно изучалъ исторію, чтобы имѣть понятіе о томъ, до чего можетъ дойти религіозный фанатизмъ, легко пойметъ, что въ тѣ времена такого рода угроза не оставалась мертвою буквою. Народъ, воспламененный рѣчами духовныхъ, возсталъ противъ Феррьѐ, напалъ на его семейство, истребилъ имущество его, разграбилъ и раззорилъ его домъ, и съ громкими криками требовалъ выдачи «Іуды предателя». Несчастный Феррьѐ съ величайшимъ трудомъ спасся; но, сохранивши свою жизнь бѣгствомъ среди ночи, онъ былъ вынужденъ навсегда оставить родной городъ, такъ какъ онъ не смѣлъ возвратиться туда, гдѣ онъ раздражилъ противъ себя такую дѣятельную и неумолимую партію.

И ко всѣмъ прочимъ дѣламъ—даже къ обычнымъ отправленіямъ правительственной власти — протестанты относились съ тѣмъ же духомъ. Несмотря на то, что они составляли по числу весьма небольшую часть націи, они покушались контролировать королевское управленіе страною и, посредствомъ угрозъ, направлять всѣ распоряженія его въ свою пользу. Они не хотѣли предоставить правительству рѣшить самому, ко-

торые изъ сборовъ духовенства оно должно признать, и даже стремились лишить короля права выбрать себѣ жену. Въ 1616 г. безъ малѣйшаго предлога къ неудовольствію, они въ значительномъ числѣ собрались въ Греноблѣ и въ Нимѣ. Гренобльскіе депутаты настаивали на томъ, чтобы правительство отказалось признать постановленія Трентскаго собора, а оба собранія опредѣлили, что протестанты должны воспротивиться вступленію въ бракъ Лудовика XIII съ испанскою принцессою. Подобныя же притязанія выказали они и относительно распредѣленія военныхъ и гражданскихъ должностей. Вскорѣ послѣ смерти Генриха IV, собравшись въ Сомюрѣ, они требовали, чтобы правительство возвратило Сюлли нѣкоторыя должности, которыхъ онъ, по мнѣнію ихъ, былъ несправедливо лишенъ. Въ 1619 г., другое собраніе протестантовъ, въ Лудёнѣ, объявило объ одномъ изъ протестантскихъ совѣтниковъ парижскаго парламента, который перешелъ въ католичество, что онъ долженъ быть лишенъ своего мѣста, и сверхъ того потребовало смѣны Лектурскаго губернатора, Фонтраля, (Fontrailles) за то, что онъ также, подобно многимъ другимъ, покинулъ свою секту и принялъ религію, пользующуюся санкціею государства.

Въ довершеніе всего этого, и съ тѣмъ чтобы еще болѣе разжечь религіозную вражду, протестантское духовенство издало рядъ сочиненій, съ которыми едва ли что могло когда либо сравниться по ожесточенію, и которыя превзойти конечно ничто не можетъ. Глубокая ненависть ихъ къ своимъ соотечественникамъ католическаго вѣроисповѣданія можетъ быть вполнѣ понята только тѣми, которые просматривали памфлеты, написанные французскими протестантами въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія, или читали усидчиво обработанные формальные трактаты такихъ людей, какъ Шамье (Chamier), Дреленкуръ (Drelincourt), Муленъ (Moulin), Томсонъ (Thomson) и Виньѐ (Vignier). Впрочемъ, не останавливаясь на этихъ явленіяхъ, достаточно будетъ, я

полагаю, если для краткости мы ограничимся очеркомъ политическихъ событій. Значительное число протестантовъ участвовало въ томъ возмущеніи, которое въ 1615 г. возбудилъ Кондэ, и хотя они были весьма легко разбиты но по-видимому рѣшились испытать свои силы въ новой борьбѣ. Въ Беарнѣ, гдѣ ихъ было особенно много, они, еще въ царствованіе Генриха IV, отказались допустить отправленіе католической религіи; «фанатическое духовенство ихъ», говоритъ французскій историкъ, «объявило, что допустить идолопоклонническое служеніе обѣдни, было бы съ ихъ стороны преступленіемъ». Это человѣколюбивое мнѣніе они въ продолженіе многихъ лѣтъ проводили на дѣлѣ, захватывая имѣнія католическаго духовенства и употребляя ихъ на содержаніе своихъ церквей. Такимъ образомъ, въ одно и то же время, въ одной части владѣній французскаго короля, протестанты пользовались дозволеніемъ отправлять свою религію, въ другой части, тѣ же протестанты, препятствовали католикамъ въ отправленіи ихъ религіи. Едва ли какое нибудь правительство могло допустить подобную аномалію: въ 1618 г. повелѣно было, чтобы протестанты возвратили все, что было ими награблено и возстановили католиковъ во всѣхъ прежнихъ владѣніяхъ ихъ. Но протестантское духовенство, ужаснувшись такого безбожнаго требованія, назначило всенародный постъ и, возбудивъ народъ къ сопротивленію, заставило королевскаго коммисара бѣжать изъ По, куда онъ прибылъ въ надеждѣ достигнуть миролюбиваго соглашенія требованій соперническихъ партій.

Возмущеніе, такимъ образомъ возбужденное усердіемъ протестантовъ, было скоро подавлено, но по собственному признанію де-Рогана, одного изъ самыхъ даровитыхъ между ихъ предводителями, оно было началомъ всѣхъ несчастій ихъ. Мечъ былъ уже обнаженъ и предстояло рѣшить вопросъ: должна ли Франція управляться согласно съ новоустано-

вленными началами религіозной терпимости или же съ понятіями деспотически настроенной секты, которая, провозглашая, что она стоитъ за право личнаго сужденія, на самомъ дѣлѣ стремилась къ совершенному уничтоженію своего права.

Едва успѣло правительство окончить войну въ Беарнѣ, какъ протестанты рѣшились предпринять усиленную попытку въ западной части Франціи. Мѣстомъ новой борьбы избрана была Ла-Рошель, городъ бывшій въ то время одною изъ сильнѣйшихъ крѣпостей въ Европѣ и находившійся совершенно въ рукахъ протестантскаго населенія, которое обогатилось частью своимъ трудолюбіемъ, частью морскими разбоями. Въ этомъ городѣ, составлявшемъ, по мнѣнію ихъ, совершенно неприступную твердыню, они, въ декабрѣ 1620 г., назначили великое собраніе, на которое духовные предводители ихъ съѣхались со всѣхъ концовъ Франціи. Скоро сдѣлалось очевиднымъ, что протестантская партія находится въ рукахъ людей, готовыхъ на самыя крайнія мѣры. Главные свѣтскіе вожди ея, какъ мы уже видѣли, по немногу покидали ее, и къ тому времени оставалось только два особенно даровитыхъ человѣка — Роганъ и Морнэ, которые оба понимали непрактичность дѣйствій партіи и желали, чтобы собраніе мирно разошлось. Но вліяніе духовенства оказалось непреодолимымъ — своими мольбами и увѣщаніями оно легко склонило на свою сторону массу горожанъ, состоявшую изъ людей грубыхъ и необразованныхъ. Подъ вліяніемъ духовенства, собраніе приняло такое направленіе, при которомъ междоусобная война становилась неизбѣжною. Первымъ дѣйствіемъ его было постановленіе, по которому сразу подвергнуты конфискованію всѣ имущества, принадлежавшія католическимъ церквямъ. За тѣмъ рѣшено установить великую печать собранія, и за этою печатью издано повелѣніе вооружить народъ и собрать съ него денежную подать на защиту протестантской религіи. Наконецъ они начертали правила и организовали тѣ

учрежденія, которыя они называли протестантскими церквями Франціи и Беарна, и въ видахъ облегченія своего духовнаго управленія, раздѣлили Францію на восемь округовъ присвоивъ каждому особаго военнаго начальника, къ которому впрочемъ присоединялся и духовной начальникъ, такъ какъ это управленіе, по всѣмъ отраслямъ его, должно было быть отвѣтственно передъ духовнымъ собраніемъ, которымъ оно было создано.

Въ такихъ-то формахъ и съ такими пріемами выказывалась власть, присвоенная духовными предводителями французскихъ протестантовъ—людьми, по природѣ своей предназначенными пресмыкаться въ неизвѣстности и до такой степени ничтожными въ отношеніи къ собственностямъ, что несмотря на временно доставшееся имъ могущество, они не оставили въ исторіи ни одного имени. Эти ничтожные люди, способные — самое большое — завѣдывать какою нибудь деревенскою церковью, теперь присвоили себѣ право распоряжаться всѣми дѣлами Франціи: взыскивать подати съ ея гражданъ, конфисковать имущества, собирать войска и объявить войну — и все это для распространенія религіи, которую большая часть страны отвергала, какъ постыдную и зловредную ересь.

При такихъ необузданныхъ притязаніяхъ, очевидно было, что французскому правительству больше ничего не остается сдѣлать, какъ отказаться отъ своей власти или взяться за оружіе для своей защиты. Каково бы ни было общепринятое понятіе о нетерпимости, неразлучной съ католическою религіею, но то̀ остается положительнымъ фактомъ, что въ началѣ семнадцатаго столѣтія католики показали во Франціи долготерпѣніе и христіанское человѣколюбіе, которыхъ въ протестантахъ не было и признака. Въ продолженіе двадцати двухъ лѣтъ, протекшихъ отъ Нантскаго эдикта до собранія въ Ла-Рошелли, правительство, несмотря на множество поданныхъ къ тому поводовъ, не совершило ни одного враж-

дебнаго дѣйствія противъ протестантовъ и ни разу не покушалось отмѣнить привилегіи секты, которую оно должно было считать еретическою и истребленіе которой отцы тогдашняго поколѣнія признавали одною изъ первыхъ обязанностей государственнаго дѣятеля-христіанина.

Война, которая теперь вспыхнула, продолжалась семь лѣтъ, непрерывно; было только два кратковременныхъ перемирія: сперва въ Монпелье а потомъ, въ Ла-Рошелли, изъ которыхъ ни одно не было слишкомъ строго соблюдаемо. Но между видами и намѣреніями обѣихъ партій существовали разница, соотвѣтствовавшая различію между тѣми сословіями, которыя управляли каждою партіею. Протестанты, находясь исключительно подъ вліяніемъ духовенства, стремились къ религіозному преобладанію; напротивъ католики, предводительствуемые государственными людьми, стремились къ мірскимъ цѣлямъ. Такимъ образомъ, обстоятельства до такой степени изгладили первоначальный характеръ обѣихъ великихъ сектъ, что, по странному превращенію, католики, стали представлять собою свѣтское начало, а протестанты теологическое. Власть духовенства, а слѣдовательно и интересы суевѣрія, поддерживались тою самою партіею, которая происхожденіемъ своимъ была обязана ослабленію обоихъ этихъ началъ; съ другой стороны, противъ нея дѣйствовала та партія которой успѣхи до тѣхъ поръ зависили отъ усилія этихъ же началъ. Въ случаѣ торжества католиковъ, духовная власть была бы ослаблена, а при побѣдѣ протестантовъ — усилена. Что это фактъ, относительно протестантовъ, на то я уже представилъ достаточно доказательствъ, почерпнутыхъ изъ самыхъ дѣйствій ихъ и изъ того тона, которымъ говорили ихъ духовные синоды. А что противоположное или свѣтское начало преобладало между католиками — это явствуетъ не только изъ постояннаго направленія политики ихъ въ царствованіи Генриха IV и Людовика XIII, но и изъ другаго, весьма замѣчательнаго обстоятельства. Побужденія, которымъ они

слѣдовали были такъ очевидны и казались до такой степени оскорбительными для церкви, что папа, какъ верховный представитель религіи, счелъ себя обязаннымъ выразить свое порицаніе на проявляемое ими пренебреженіе къ теологическимъ интересамъ, которое казалось ему вопіющимъ и непростительнымъ оскорбленіемъ церкви. Въ 1622 г., черезъ годъ послѣ того, какъ началась борьба между протестантами и католиками, папа весьма энергично поставилъ на видъ французскому правительству явное неприличіе его образа дѣйствія, состоявшее въ томъ, что оно вело войну противъ еретиковъ, не съ цѣлью уничтоженія ереси, но единственно въ видахъ пріобрѣтенія для государства свѣтскихъ преимуществъ, которыя, во мнѣніи всѣхъ благочестивыхъ людей, должны быть предметомъ второстепеннаго значенія.

Если бы при этихъ обстоятельствахъ протестанты одержали верхъ, то Франція понесла бы потерю громадную, можетъ быть невознаградимую. Никто изъ тѣхъ, кому извѣстны нравъ и характеръ французскихъ кальвинистовъ, не можетъ усомниться въ томъ, что если бы они овладѣли правительственною властью, то возобновили бы вполнѣ гоненія за религію, которыя они и безъ того покушались ввести, на сколько дозволяли ихъ силы. Не только въ сочиненіяхъ ихъ, но и въ постановленіяхъ ихъ собраній, мы находимъ въ изобиліи проявленія того духа вмѣшательства во все и нетерпимости, который всегда характеризовалъ духовное законодательство. Дѣйствительно, этотъ духъ составляетъ законное послѣдствіе того основнаго положенія, отъ котораго обыкновенно исходятъ законодатели-теологи. Всѣмъ духовнымъ съ самаго начала внушается, что главная обязанность ихъ есть сохраненіе чистоты вѣры и огражденіе ея отъ покушеній ереси. Вслѣдствіе того. какъ только они достигаютъ власти, почти неизбѣжно случается такъ, что они вносятъ въ политическую дѣятельность привычки, усвоенныя ими въ своей профессіи, будучи издавна пріучены считать религіозное за-

блужденіе преступленіемъ, они теперь естественно покушаются подвергать его наказаніямъ. Такъ какъ всѣ европейскія государства нѣкогда, въ періодъ своего невѣжества, находились подъ управленіемъ духовенства, то мы и встрѣчаемъ въ законодательствѣ каждой страны слѣды его владычества, постепенно изглаживаемые успѣхами просвѣщенія. Вездѣ послѣдователи господствующаго вѣроисповѣданія постановляли законы противъ послѣдователей другихъ вѣръ — законы, подвергающіе ихъ то сожженію, то изгнанію, то лишенію всѣхъ гражданскихъ правъ, то только политическихъ. Таковы послѣдовательныя степени чрезъ которыя проходитъ религіозное гоненіе и по которымъ мы можемъ измѣрить въ каждой странѣ силу теологическаго духа. Въ то же время теорія, на которой основываются подобныя мѣры, обыкновенно вызываетъ еще другія мѣры, нѣсколько отличнаго, хотя и аналогическаго характера. Тѣмъ самымъ, что власть закона распространяется на мнѣнія такъ же, какъ и на дѣла, основаніе его чрезмѣрно расширяется, индивидуальность и независимость каждаго отдѣльнаго лица нарушается, и поощряется введеніе навязчивыхъ и стѣснительныхъ правилъ, оказывающихъ будто бы ту же услугу нравственности, которую другой разрядъ законовъ оказываетъ религіи. Подъ предлогомъ поощренія добродѣтели и огражденія нравственной чистоты общества, людей стѣсняютъ въ самыхъ обыкновенныхъ занятіяхъ ихъ, въ обыденныхъ случайностяхъ жизни, въ увеселеніяхъ ихъ и даже въ выборѣ одежды, какую они желаютъ носить. Все это такъ естественно, что постановленія, проникнутыя такимъ духомъ, были составлены для города Женевы кальвинисткимъ духовенствомъ, а для Англіи архіепископомъ Кранмеромъ и послѣдователями его; и совершенно тождественное съ этимъ направленіе можно замѣтить въ законодательствѣ Пуританъ и — чтобы привести примѣръ изъ новѣйшихъ временъ—въ законодательствѣ методистовъ. Итакъ неудивительно, что во Франціи протестантское духовенство,

пользуясь значительною властью надъ членами своей партiи, налагало на нихъ такого же рода дисциплину. Такъ, напримѣръ, оно строго запрещало всѣмъ посѣщать театры и даже присутствовать при театральныхъ представленiяхъ въ частныхъ домахъ. На танцы оно смотрѣло, какъ на богопротивное увеселенiе и по этому не только строго запрещало ихъ, но и требовало, чтобы всѣ учителя танцованiя были подвергнуты духовному увѣщанiю и чтобы имъ было внушено оставить это нехристiанское занятiе. Но если бы увѣщанiе не достигло своей цѣли, то учителей танцованiя, оказавшихся упорными, предполагалось отлучать отъ церкви. Съ такою же благочестивою заботливостью слѣдило духовенство и за другими одинаково важными вещами. На одномъ изъ своихъ сунодовъ, оно постановило, чтобы никто не носилъ яркой одежды и чтобы волосы у всѣхъ были причесаны съ подобающею скромностью. Другимъ сунодомъ запрещено было женщинамъ румяниться и объявлено, что если послѣ этого запрещенiя какая нибудь женщина будетъ продолжать румяниться, то ее слѣдуетъ лишить причастiя. На самихъ духовныхъ, какъ наставниковъ и пастырей стада, обращено было еще болѣе строгое вниманiе; блюстителямъ слова Божiя дозволено было преподавать еврейскiй языкъ, какъ священный и не оскверненный сочиненiями свѣтскихъ писателей; греческому же языку, на которомъ изложена вся философiя и почти вся мудрость древняго мiра, оказывалось пренебреженiе, изученiе его было прекращаемо и даже уничтожались каѳедры преподавателей его. Съ тою цѣлью, чтобы умы не отвлекались отъ предметовъ духовныхъ, воспрещено было и изученiе химiи, такъ какъ подобное, совершенно мiрское занятiе считалось несовмѣстнымъ съ образомъ жизни духовнаго сословiя. А чтобы, несмотря и на эти предосторожности, просвѣщенiе не ворвалось между протестантами, — были приняты другiя мѣры для прегражденiя ему даже самыхъ далекихъ путей. Духо-

венство, забывши совершенно о томъ правѣ личнаго сужденія, на которомъ основана была его секта, до такой степени заботилось объ ограждении неопытныхъ отъ заблужденія, что оно запретило всѣмъ печатать или издавать какое либо сочиненіе, безъ разрѣшенія церкви — другими словами — безъ разрѣшенія самого духовенства. За тѣмъ, когда оно такимъ образомъ уничтожало самую возможность свободнаго изслѣдованія, и, на сколько могло, остановило пріобрѣтеніе паствою его всякаго истиннаго знанія, оно обратилось къ устраненію другаго обстоятельства, вызваннаго принятыми имъ мѣрами. Многіе изъ протестантовъ, видя, что при подобной системѣ имъ невозможно воспитать какъ слѣдуетъ своихъ дѣтей, стали отдавать ихъ въ католическія коллегіи — единственныя заведенія, гдѣ могло быть получено хорошее воспитаніе. Но духовенство, какъ только оно узнало объ этомъ обыкновеніи, тотчасъ же прекратило его, отлучивъ отъ церкви виновныхъ родителей. Сверхъ того было запрещено брать и въ частные дома учителей, исповѣдывающихъ католическую религію. Вотъ какимъ образомъ за французскими протестантами слѣдили и наблюдали духовные повелители ихъ. И самые ничтожные предметы не были пренебрежены этими великими законодателями. Они запретили всѣмъ бывать на балахъ и въ маскарадахъ; никто изъ христіанъ не долженъ былъ смотрѣть на фокусы скомороховъ, ни на извѣстную игру стаканами, ни на представленіе маріонетокъ, ни присутствовать при пляскѣ наряженныхъ; и всѣ подобныя увеселенія мѣстныя власти должны были прекращать, какъ возбуждающія любопытство, вовлекающія въ издержки и отнимающія время. Другой предметъ, за которымъ нужно было слѣдить, составляли имена, даваемыя дѣтямъ при крещеніи. Ребенку можно было дать два имени, но считалось лучшимъ, чтобы онъ имѣлъ одно. При томъ слѣдовало весьма тщательно выбирать имена. Они должны были быть изъ библіи — только не «Баптистъ» и

не «Ангелъ»; при томъ запрещалось давать ребенку имя, употреблявшееся прежде у язычниковъ. Когда дѣти вырастали, то должны были подчиняться другимъ, правиламъ. Такъ, духовенство объявило, что вѣрные не должны носить длинныхъ волосъ, чтобы не увлечься роскошью «сладострастныхъ кудрей». Въ покроѣ одежды они должны избѣгать «новыхъ модъ нынѣшняго свѣта». Имъ запрещалось имѣть на платьѣ кисти, а на перчаткахъ ленты и шелковыя украшенія, и предписывалось воздержаться отъ пышныхъ юбокъ и широкихъ рукавовъ.

Читатели, не изучавшіе исторію духовныхъ законодательствъ, удивятся можетъ быть тому, что люди серіозные, достигшіе зрѣлаго возраста и сошедшіеся на торжественный соборъ, выказывали такую склонность къ ребяческимъ придиркамъ, такую жалкую, ребяческую безсмысленность. Но каждый, кто только способенъ бросить на человѣческія дѣла болѣе широкій взглядъ, будетъ расположенъ порицать не столько нашихъ законодателей, сколько ту систему, которую они собой олицетворяли, ибо, взятые сами по себѣ, люди эти просто дѣйствовали въ духѣ своего сословія и только слѣдовали преданіямъ, въ которыхъ были воспитаны. По своей профессіи, они были пріучены держаться извѣстныхъ воззрѣній и потому, когда достигли власти, то естественнымъ образомъ стали проводить эти воззрѣнія на дѣлѣ и вводить въ законодательство тѣ самыя правила, которыя они прежде проповѣдывали съ священнической каѳедры. И такъ, каждый разъ, когда намъ придется читать о стѣснительныхъ, во все вмѣшивающихся, шпіонскихъ правилахъ, введенныхъ гдѣ либо духовною властью, мы должны помнить, что эти правила составляютъ лишь законное послѣдствіе неразлучнаго съ этою властью духа, и что путь къ исправленію этихъ золъ и предупрежденію ихъ на будущее время заключается не въ усиліяхъ— всегда оказывающихся тщетными — измѣнить направленіе того сословія, отъ котораго зло происходитъ, но въ томъ,

чтобы ограничить вліяніе этого сословія надлежащими предѣлами, бдительно слѣдить за малѣйшими попытками его къ расширенію своего круга дѣйствій, пользоваться всякимъ случаемъ для ослабленія его вліянія и наконецъ—когда успѣхи общества окажутся достаточными для оправданія такого великаго шага,—вовсе лишить это сословіе той политической и законодательной власти, которая хотя постепенно ускользаетъ изъ его рукъ, но все еще въ нѣкоторой мѣрѣ принадлежитъ ему, даже въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ.

Оставивъ въ сторонѣ эти общія соображенія, во всякомъ случаѣ нельзя не допустить, что я собралъ достаточныя данныя для заключенія о томъ, какая судьба постигла бы Францію, еслибы протестанты одержали въ ней верхъ. Послѣ приведенныхъ мною фактовъ, никто не можетъ усомниться въ томъ, что если бы случилось такое несчастіе, то либеральная и, относительно своего времени, просвѣщенная политика Генриха IV и Людовика XIII была бы отвергнута и замѣнилась бы тою мрачною и суровою системою, которая во всѣ времена и у всѣхъ народовъ всегда оказывалась естественнымъ послѣдствіемъ преобладанія духовенства. И такъ, чтобы поставить вопросъ въ настоящемъ его видѣ — мы должны сказать, что война происходила не между двумя враждующими религіями, а между соперничествующими сословіями. Это была война не столько между католическою и протестантскою религіями, сколько между католиками-мірянами и протестантскимъ духовенствомъ. Это была борьба между свѣтскими и теологическими интересами, между духомъ настоящаго и духомъ прошедшаго времени, и вопросъ состоялъ въ томъ: должна ли Франція управляться гражданскою, или духовною властью, и будетъ ли ея судьба зависѣть отъ широкихъ взглядовъ государственныхъ людей-мірянъ, или же отъ узкихъ понятій крамольнаго и фанатическаго духовенства.

Такъ какъ протестанты имѣли на своей сторонѣ великое преимущество наступательнаго положенія, сверхъ того были

проникнуты религіознымъ рвеніемъ, неизвѣстнымъ ихъ противникамъ, то можетъ быть, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, они успѣли бы въ своемъ отчаянномъ предпріятіи или по крайней мѣрѣ продлили бы борьбу на неопредѣленное время. Но къ счастію Франціи, въ 1624 г., чрезъ три года только послѣ начатія войны, принялъ управленіе государствомъ Ришельё. За нѣсколько лѣтъ до того онъ былъ тайнымъ руководителемъ королевы-матери, которую онъ постоянно убѣждалъ въ необходимости полной свободы вѣроисповѣданій. Будучи поставленъ во главѣ управленія, онъ продолжалъ слѣдовать той же политикѣ и пытался всячески расположить протестантовъ въ пользу правительства. Духовные его собственной партіи побуждали его къ истребленію еретиковъ, присутствіе которыхъ, по мнѣнію ихъ, оскверняло Францію. Но Ришельё, стремясь только къ свѣтскимъ цѣлямъ, отказывался усилить сопряженное съ войною ожесточеніе, обративъ ее въ войну религіозную. Онъ былъ намѣренъ смирить мятежъ, но не хотѣлъ отмѣнить эдикты о вѣротерпимости, которыми была предоставлена протестантамъ совершенная свобода въ отправленіи ихъ религіи; а когда они, въ 1626 г. показали нѣкоторые признаки раскаянія или по крайней мѣрѣ страха, то онъ всенародно подтвердилъ Нантскій эдиктъ и даровалъ имъ миръ, хотя, по его собственнымъ словамъ, онъ зналъ, что поступая такимъ образомъ, навлечетъ на себя подозрѣніе со стороны тѣхъ, «которые такъ сильно дорожатъ наименованіемъ ревностныхъ католиковъ». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять вспыхнула война, и тогда Ришельё рѣшился на осаду Ла-Рошелли,—предпріятіе, которое въ случаѣ успѣха, должно было нанести рѣшительный ударъ французскимъ протестантамъ. Что къ этому смѣлому предпріятію его побудили единственно свѣтскія соображенія — очевидно, не только изъ общаго духа предшествовавшей политики, но и изъ дальнѣйшихъ дѣйствій его. Подробности этой знаменитой осады къ исторіи не относят-

ся, такъ какъ подобныя вещи имѣютъ значеніе только для спеціалистовъ военнаго дѣла. Достаточно будетъ сказать, что въ 1628 г. Ла-Рошелль была взята и протестанты, которые, по убѣжденіямъ своего духовенства, продолжали защищаться долго послѣ того, какъ всякая надежда на освобожденіе исчезла, и вслѣдствіе того подверглись самымъ ужаснымъ бѣдствіямъ,—теперь были вынуждены сдаться на произволъ побѣдителей. Привилегіи города были уничтожены и всѣ должностныя лица смѣнены, но великій министръ, бывшій виновникомъ этого переворота, всетаки воздержался отъ гоненій за религію, къ которымъ его побуждали. Онъ даровалъ протестантамъ свободу вѣроисповѣданія, которую раньше предлагалъ, и формально предоставилъ имъ право отправленія общественнаго богослуженія. Но таково было ослѣпленіе ихъ, что изъ за того, что онъ въ то же время возстановилъ повсемѣстно отправленіе католической религіи, и такимъ образомъ предоставилъ побѣдителямъ тѣ же права, какія дарованы побѣжденнымъ — протестанты даже роптали на подобное дозволеніе. Они не могли вынести той мысли, чтобы взоры ихъ были оскорбляемы совершеніемъ католическихъ обрядовъ. Негодованіе ихъ до такой степени усилилось, что на слѣдующій годъ они, въ другомъ краю Франціи, опять взялись за оружіе. Но лишенные главныхъ изъ средствъ, которыми прежде пользовались, они были легко побѣждены, а за тѣмъ, такъ какъ существованіе ихъ въ видѣ политической партіи кончилось, Ришельё сталъ поступать съ ними по прежнему въ отношеніи ихъ религіи. Онъ утвердилъ за всѣми протестантами право проповѣдыванія и исполненія всѣхъ обрядовъ ихъ вѣры, а предводителю ихъ, де Рогану, даровалъ амнистію и, нѣсколько лѣтъ спустя, возложилъ на него важныя обязанности по государственной службѣ. Послѣ этого, всѣ надежды партіи протестантовъ были уже уничтожены, они никогда болѣе небрались за оружіе и вообще о нихъ вовсе не упоминает-

ся, до гораздо позднѣйшаго времени, когда Людовикъ XIV сталъ варварски преслѣдовать ихъ. Но Ришельё тщательно избѣгалъ всякаго притѣсненiя, и очистивъ страну отъ мятежа, приступилъ къ исполненiю того обширнаго плана иностранной политики, о которомъ я уже сказалъ нѣсколько словъ и которымъ онъ ясно доказалъ, что дѣйствiя его противъ протестантовъ не были вызваны ненавистью къ ихъ религiознымъ догматамъ, ибо онъ поддерживалъ въ другихъ странахъ ту самую партiю, противъ которой воевалъ во Францiи. Онъ подавилъ французскихъ протестантовъ, потому что они составляли безпокойную партiю, тревожившую государство и желавшую воспретить проявленiе всякаго для нея неблагопрiятнаго мнѣнiя. Но онъ не только не предпринялъ крестоваго похода противъ ихъ религiи, но даже, какъ я уже замѣтилъ, поддерживалъ ее въ другихъ странахъ; и будучи епископомъ католической церкви, не усомнился, посредствомъ трактатовъ, субсидiй и даже силою оружiя, поддерживать протестантовъ противъ Австрiйскаго дома, лютеранъ противъ германскаго императора и кальвинистовъ противъ испанскаго короля.

Такимъ образомъ, я попытался набросать легкiй, но вмѣстѣ съ тѣмъ, надѣюсь, ясный очеркъ событiй, совершившихся во Францiи въ царствованiе Людовика XIII и въ особенности въ той части этого царствованiя, въ которой заключается время управленiя Ришельё. Но эти событiя, какъ бы они ни были важны, составляли только одинъ изъ фазисовъ того широкаго развитiя, которое тогда проявилось почти во всѣхъ отрасляхъ умственной жизни нацiи. Они были только выраженiемъ, въ политикѣ, того смѣлаго скептическаго духа, который шелъ на проломъ противъ всѣхъ человѣческихъ предразсудковъ и суевѣрiй. Дѣйствiя Ришельё вообще оказались столь же успѣшными, сколько направленiе его было прогрессивно,—а ни въ какомъ правительствѣ оба эти условiя не могутъ быть соединены, безъ того, чтобы мѣры его не гармониро-

вали съ понятіями и настроеніемъ своего времени. Подобная администрація, хотя и обличаетъ прогрессъ, но не составляетъ причину его, а скорѣе можетъ служить ему мѣриломъ и признакомъ. Истинное начало прогресса скрывается гораздо глубже и приводится въ дѣйствіе общимъ направленіемъ времени. А какъ различныя направленія, замѣчаемыя нами въ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ, зависятъ отъ различія между степенями ихъ знанія, то очевидно, что мы можемъ понять дѣятельность этихъ направленій, только окинувъ широкимъ взглядомъ всю сумму и общій характеръ знаній извѣстнаго періода. Слѣдовательно, чтобы можно было понять и настоящее свойство того великаго шага, который былъ сдѣланъ въ царствованіе Людовика XIII, я долженъ дать читателю нѣкоторыя указанія на тѣ факты высшаго и важнѣйшаго разряда, которыми историки склонны пренебрегать, но безъ которыхъ изученіе прошедшаго становится пустымъ и пошлымъ занятіемъ, а сама исторія–безплоднымъ полемъ, которое не окупаетъ труда, употребляемаго на воздѣлываніе его.

Весьма замѣчательный фактъ составляетъ то, что между тѣмъ какъ Ришильё съ такою необыкновенною смѣлостью вносилъ свѣтскій духъ въ систему французской политики, и пренебреженіемъ своимъ къ интересамъ, стоявшимъ прежде на первомъ планѣ, ниспровергалъ всѣ старинныя преданія,— точно такимъ же путемъ дѣйствовалъ, въ другой, еще высшей сферѣ, человѣкъ, который еще болѣе его заслуживаетъ названіе великаго и—если осмѣлюсь выразить мое искреннее мнѣніе—долженъ быть признанъ самымъ глубокимъ изъ всѣхъ даровитыхъ мыслителей, какихъ произвела Франція. Я говорю о Декартѣ. Самое меньшее, что можно сказать объ этомъ человѣкѣ—это то, что онъ произвелъ важнѣйшій изъ переворотовъ, какіе только когда либо были произведены силою одного отдѣльнаго ума. До его открытій, относящихся

собственно къ міру физическому, намъ здѣсь нѣтъ дѣла, потому что въ этомъ введеніи я не имѣю возможности прослѣдить всѣ успѣхи наукъ, а ограничиваюсь лишь тѣми эпохами, которыми обозначаются новыя направленія въ умственной жизни народовъ. Но я напомню однако читателю, что Декартъ первый успѣшно занимался приложеніемъ алгебры къ геометріи, что онъ указалъ намъ на важный законъ синусовъ, что при всемъ несовершенствѣ оптическихъ инструментовъ его времени, онъ открылъ измѣненія, которымъ подвергается лучъ свѣта внутри глаза, отъ дѣйствія кристаловиднаго тѣла, что онъ обратилъ вниманіе ученыхъ на послѣдствія, происходящія отъ отдаленія атмосферы, и наконецъ, что онъ открылъ причины образованія радуги — этого страннаго явленія, съ которымъ, во мнѣніи необразованныхъ массъ, и до сихъ поръ соединяются нѣкоторыя теологическія суевѣрія. Въ то же время, и какъ будто бы для того, чтобы соединить въ себѣ самыя разнообразныя совершенства, онъ не только заслужилъ названіе перваго геометра своего времени, но признается, по ясности и удивительной точности своего языка, также однимъ изъ творцовъ французской прозы. Занимаясь постоянно тѣми возвышенными изслѣдованіями свойствъ человѣческаго ума, которыя невозможно изучать безъ удивленія—я едва не сказалъ безъ благоговѣнія—онъ, независимо отъ этихъ занятій, произвелъ длинный рядъ трудныхъ опытовъ надъ животнымъ организмомъ, которые доставили ему одно изъ первыхъ мѣстъ между анатомиками его времени. Такъ, великимъ открытіемъ Гарвея, относительно обращенія крови, большая часть его современниковъ пренебрегли, Декартъ же сразу призналъ его и принялъ это открытіе за основаніе физіологической части своего сочиненія о человѣкѣ. Равнымъ образомъ, призналъ онъ и открытіе млечныхъ сосудовъ (lacteales), сдѣланное Азелли, открытіе, которое подобно всѣмъ великимъ истинамъ, какія

были предложены міру, при первомъ появленіи своемъ, было не только отвергнуто, но и поднято на смѣхъ.

Этихъ данныхъ могло бы быть достаточно для защиты трудовъ Декарта, даже по части естественныхъ наукъ, отъ постоянныхъ нападковъ со стороны людей, которые или не изучали ихъ или, изучая, оказались неспособными понять значеніе ихъ. Но слава Декарта и вліяніе, произведенное имъ на свой вѣкъ, не зависятъ даже отъ подобныхъ заслугъ. Если и отложить ихъ въ сторону, то Декартъ тѣмъ не менѣе долженъ быть признанъ творцомъ преимущественно такъ называемой философіи новѣйшихъ временъ. Онъ создатель той великой системы, того метода въ метафизикѣ, который, не смотря на его погрѣшности, имѣлъ несомнѣнную заслугу, сообщивъ европейскому уму истинно чудотворное движеніе и возбудивъ въ немъ дѣятельность, которая впослѣдствіи примѣнена была къ предметамъ совершенно другаго характера. Но кромѣ этой заслуги, существуетъ другая, которая стоитъ еще выше и за которую мы должны вѣчно чтить память Декарта. Онъ заслуживаетъ благодарности потомства не столько за то, что́ имъ воздвигнуто, сколько за то, что́ имъ разрушено. Вся его жизнь была великою и весьма успѣшною войною противъ человѣческихъ предразсудковъ и преданій. Онъ былъ великъ какъ созидатель, но еще болѣе великъ, какъ разрушитель. Въ этомъ отношеніи онъ былъ истиннымъ преемникомъ Лютера, къ трудамъ котораго его труды составляютъ достойное дополненіе. Онъ довершилъ то, что великій германскій реформаторъ оставилъ неоконченнымъ. Онъ относился къ старымъ системамъ философіи точно такъ же, какъ Лютеръ—къ прежней системѣ теологіи. Онъ былъ великимъ реформаторомъ и освободителемъ европейскаго ума. Слѣдовательно, поставить людей, имѣвшихъ даже наибольшій успѣхъ въ открытіи физическихъ законовъ, выше этого великаго нововводителя и разрушителя преданій—было бы то же самое, какъ предпочесть знаніе–независимости, науку–свободѣ. Ко-

нечно мы должны сохранить вѣчную благодарность къ даровитымъ мыслителямъ, доставившимъ намъ своими трудами ту огромную массу физическихъ знаній, которою мы теперь обладаемъ. Но высшую степень нашего уваженія сохранимъ для тѣхъ, еще гораздо выше стоящихъ людей, которые не усомнились опровергать и разрушать самые закоренѣлые предразсудки которые, устранивъ давленіе преданій, очистили самый источникъ нашего знанія и обезпечили дальнѣйшіе его успѣхи, устранивъ съ пути его всѣ препятствія, задерживавшія его движеніе впередъ.

Конечно никто не ожидаетъ, и едвали даже кто нибудь желалъ бы, чтобы я здѣсь подробно изложилъ философскую систему Декарта — систему, которую, по крайней мѣрѣ въ Англіи, весьма немногіе изучаютъ и на которую по этому часто нападаютъ. Но необходимо будетъ дать о ней понятіе, достаточное для того, чтобы показать аналогію, существующую между нею и антитеологическою политикою Ришельё, и такимъ образомъ дать намъ возможность обнять всю широту того великаго движенія, которое совершилось во Франціи передъ вступленіемъ на престолъ Людовика XIV. Этимъ путемъ мы уразумѣемъ, что смѣлыя нововведенія великаго министра именно потому были такъ удачны, что они сопровождались и подкрѣплялись соотвѣтствующими нововведеніями и въ умственной жизни націи, въ чемъ и представляется новый примѣръ того, какимъ образомъ политическая исторія каждой страны можетъ быть объяснена исторіею ея умственнаго развитія.

Въ 1637 году, въ то время какъ Ришельё стоялъ на высшей степени могущества, Декартъ издалъ великое твореніе, которое онъ передъ тѣмъ долго обдумывалъ и которое было первымъ открытымъ проявленіемъ новыхъ стремленій французскаго ума. Это сочиненіе онъ назвалъ «Методомъ» и конечно «Методъ» его такъ далекъ отъ того, что обыкновенно называется теологіею, какъ только можно себѣ пред-

ставить. Дѣйствительно, вмѣсто теологіи, существеннымъ и исключительнымъ основаніемъ ему служитъ психологія. Теологическій методъ опирается на старинные авторитеты, на преданія, на голосъ древности, а методъ Декарта основанъ исключительно на сознаніи каждымъ человѣкомъ отправленій его собственнаго ума. И чтобы кто нибудь не ошибся въ значеніи этого взгляда, онъ развилъ его въ послѣдующихъ сочиненіяхъ своихъ весьма пространно и съ безпримѣрною ясностью. Главною цѣлью его было популяризировать тѣ воззрѣнія, которыя онъ высказывалъ. «Я пишу на французскомъ языкѣ», говоритъ онъ, «а не на латинскомъ, въ той надеждѣ, что люди, руководствующіеся только своимъ простымъ, природнымъ умомъ, безпристрастнѣе обсудятъ высказанныя мною мнѣнія, чѣмъ тѣ, которые вѣрятъ только въ старыя книги». Такъ сильно проникается онъ этою мыслію, что почти въ самомъ началѣ перваго сочиненія своего, онъ предостерегаетъ читателей своихъ отъ обыкновеннаго заблужденія, подъ вліяніемъ котораго, обращаются за знаніемъ къ древности, и напоминаетъ имъ, что «когда люди слишкомъ сильно стремятся узнать бытъ прошедшихъ временъ, то они вообще остаются въ совершенномъ незнаніи своего собственнаго времени.

Дѣйствительно, эта новая философія не только не слѣдуетъ старому обыкновенію искать истины въ памятникахъ прошедшаго, но даже, по самой сущности своей, стремится отстранить отъ насъ всякія подобныя ассоціаціи и начать пріобрѣтеніе знаній дѣломъ разрушенія — сперва срыть стоящее зданіе, съ тѣмъ, чтобы потомъ отстроить его. Когда я приступилъ къ исканію истины, говоритъ Декартъ, я нашелъ, что лучшій путь къ этому заключается въ томъ, чтобы отвергнуть все, до сихъ поръ пріобрѣтенное мною, и вырвать съ корнемъ мои прежнія мнѣнія для того, чтобы заложить для нихъ новое основаніе; я полагалъ, что такимъ образомъ лучше исполню великое назначеніе жизни, чѣмъ

строя зданіе свое на старомъ фундаментѣ и опираясь на принципы, которые я усвоилъ въ молодости, не удостовѣрясь въ истинѣ ихъ. «И такъ, я съ полною свободою и рѣшимостью займусь уничтоженіемъ всѣхъ моихъ старыхъ мнѣній». Если мы хотимъ узнать всѣ доступныя для насъ истины, мы должны прежде всего освободиться отъ всѣхъ нашихъ предразсудковъ и принять за правило: отвергать всѣ усвоенныя нами прежде мнѣнія, пока не подвергнемъ ихъ новому разсмотрѣнію. И такъ, мы должны почерпать наши мнѣнія не изъ преданій, а изъ насъ самихъ. Мы не должны составлять себѣ сужденія ни о какомъ предметѣ, котораго мы не понимаемъ со всею ясностью и отчетливостью; ибо, если подобное сужденіе и можетъ оказаться вѣрнымъ, то лишь случайно, такъ какъ ему недостаетъ твердаго основанія. Мы вообще очень далеки отъ такого безпристрастія, память наша обременена предразсудками, мы обращаемъ на слова больше вниманія, чѣмъ на дѣло. При такомъ раболѣпствѣ нашемъ передъ внѣшнею формою, есть между нами многіе, которые считаютъ себя религіозными, тогда какъ въ дѣйствительности, они проникнуты ханжествомъ и суевѣріемъ, — многіе, почитающіе себя совершенными, потому что они часто ходятъ въ церковь, твердятъ молитвы, коротко стригутъ волосы, соблюдаютъ посты и подаютъ милостыню. Подобные люди считаютъ себя на столько угодными Богу, чтобы и всѣ ихъ дѣйствія были также угодны Ему; подъ видомъ религіознаго рвенія, они удовлетворяютъ своимъ страстямъ совершеніемъ величайшихъ преступленій—предаютъ города непріятелю, убиваютъ государей, истребляютъ цѣлыя націи, и всѣ эти злодѣянія творятъ противъ тѣхъ, которые не хотятъ подчиниться ихъ мнѣніямъ.

Таковы были мудрыя рѣчи, съ которыми этотъ великій учитель обратился къ своимъ соотечественникамъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, какъ они окончили послѣднюю ре-

лигіозную войну, веденную во Франціи. Сходство этихъ взглядовъ съ тѣми, которые около того же времени были высказаны Чиллингвортомъ, должно броситься въ глаза всякому читателю, но не должно возбуждать его удивленія, такъ какъ подобные взгляды являются естественнымъ результатомъ такого состоянія общества, въ которомъ право личнаго сужденія и независимость человѣческаго ума въ первый разъ положительно установились. Если разсмотрѣть этотъ предметъ поближе, то мы найдемъ еще бо́льшія доказательства аналогіи, проявившейся между Франціею и Англіею. Такъ тождественны были въ нихъ первые шаги прогресса, что отношеніе, въ которомъ Монтэнь стоитъ къ Декарту совершенно то же, какое существуетъ между Гукеромъ и Чиллингвортомъ, какъ въ смыслѣ различія временъ, такъ и въ смыслѣ различія мнѣній. Умъ Гукера былъ, по существу своему, скептическій, но въ то же время онъ былъ такъ опутанъ предразсудками своего вѣка, что не будучи въ состояніи понять всей силы личнаго сужденія, стоящей выше всякаго авторитета, онъ стѣснялъ ее ссылками на постановленія соборовъ и на общій голосъ духовныхъ писателей древности — преграды, которыя, тридцать лѣтъ спустя, Чиллингвортъ съ полнымъ успѣхомъ устранилъ. Точно такъ же и Монтэнь, подобно Гукеру, былъ по природѣ скептикъ, но подобно ему же, жилъ въ такое время, когда духъ сомнѣнія еще только зарождался и когда умъ человѣка еще смирялся передъ авторитетомъ церкви. По этому неудивительно, что даже Монтэнь, сдѣлавшій такъ много для своего вѣка, усомнился въ томъ, чтобы человѣкъ могъ самостоятельно выработать себѣ знаніе великихъ истинъ, и что этотъ писатель нерѣдко останавливался на лежащемъ передъ нимъ пути, — при чемъ его скептицизмъ принималъ форму недовѣрія къ человѣческимъ способностямъ. Такія остановки и несовершенства составляютъ лишь доказательства медленности развитія общества и невозможности, даже для величайшаго мыслителя,

опередить своихъ современниковъ болѣе, какъ на извѣстное разстояніе. Но съ дальнѣйшими успѣхами знанія, оказавшійся сперва недостатокъ былъ пополненъ; какъ слѣдующее послѣ Гукера поколѣніе произвело Чиллингворта, точно такъ же въ слѣдующемъ послѣ Монтэня явился Декартъ. И Чиллингвортъ и Декартъ оба были въ высокой степени скептиками; но скептицизмъ ихъ былъ направленъ не противъ человѣческаго ума, а противъ ссылокъ на авторитеты и преданія, безъ которыхъ, какъ полагали, умъ не можетъ безопасно идти впередъ. Мы уже видѣли, что такъ было съ Чиллингвортомъ—а что то же самое повторилось и съ Декартомъ, это, если можно, еще очевиднѣе; ибо этотъ глубокій мыслитель былъ убѣжденъ не только въ томъ, что умъ своими собственными усиліями можетъ искоренить самыя застарѣлыя въ немъ мнѣнія, но даже, что онъ способенъ, безъ помощи изъ-внѣ, построить новую и прочную систему въ замѣнъ той, которую онъ ниспровергнулъ.

Это необыкновенное довѣріе къ силамъ человѣческаго ума, составляющее главную характеристику Декарта, и придаетъ его философіи тотъ особенно возвышенный характеръ, которымъ она отличается отъ всѣхъ прочихъ системъ. Онъ не только не думаетъ, что знаніе внѣшняго міра необходимо для открытія истины, но даже принимаетъ за основной принципъ, что мы должны начать съ игнорированія этого знанія; что прежде всего мы должны оградить себя отъ обмановъ, въ которые насъ вводитъ природа, должны отвергнуть свидѣтельство нашихъ чувствъ. Ибо, говоритъ Декартъ, нѣтъ ничего достовѣрнаго въ мірѣ, кромѣ мысли, и нѣтъ другихъ истинъ, кромѣ тѣхъ, которыя вырабатываются дѣятельностью нашего самосознанія. Мы знаемъ нашу душу лишь какъ мыслящую силу, и для насъ легче было бы представить себѣ, что душа перестала существовать, чѣмъ что она перестала мыслить. И что же такое самъ человѣкъ, спрашиваетъ онъ далѣе, если не олицетвореніе мысли? Не

кости, не мясо и не кровь составляютъ сущность человѣка. Все это только случайности, тягости и несовершенства его природы. Но самое существо человѣка — мысль. Наше невидимое я, крайній фактъ существованія, таинство жизни — выражается въ опредѣленіи: «я есмь нѣчто мыслящее». Таково начало и основаніе всякаго нашего знанія. Мысль каждаго человѣка есть послѣдній элементъ, до котораго мы можемъ дойти путемъ анализа — высшій судья всякаго сомнѣнія и исходная точка всякой мудрости.

Принявъ это за основаніе, мы доходимъ, говоритъ Декартъ, до понятія о существованіи Божества. Наша вѣра въ существованіе Его составляетъ неопровержимое доказательство, что Оно существуетъ. Иначе, откуда бы взялось это вѣрованіе? Какъ ничто не можетъ произойти изъ ничего, и никакое дѣйствіе не можетъ быть безъ причины, то изъ этого слѣдуетъ, что идея, которую мы имѣемъ о Богѣ, должна имѣть свою причину, и эта причина ничто иное, какъ само Божество. Такимъ образомъ, окончательнымъ доказательствомъ существованія Его служитъ наше понятіе о Немъ. Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы говорить, что мы знаемъ сами себя потому, что вѣримъ въ Бога, мы должны, напротивъ того, сказать, что вѣримъ въ Бога потому, что знаемъ сами себя. Таковъ истинный порядокъ и послѣдовательность понятій. Мышленіе каждаго человѣка достаточно для того, чтобы доказать существованіе Бога — оно составляетъ единственное доказательство этой истины, какое мы можемъ имѣть. Слѣдовательно, такъ высоко поставленъ и такимъ облеченъ могуществомъ умъ человѣческій, что и знаніе этого предмета — высшаго между всѣми предметами въ мірѣ — вытекаетъ изъ ума, какъ изъ единственнаго источника. И такъ, религія наша не должна быть пріобрѣтаема отъ другихъ, посредствомъ ученія, но должна быть вырабатываема нами самими — не должна быть заимствуема отъ древности, но открываема умомъ каждаго человѣка — не должна

быть преемственной, но принадлежать каждому лично. И только потому, что этою великою истиною пренебрегли, явилось безбожiе. Если бы всякiй человѣкъ довольствовался такимъ понятiемъ о Богѣ, какое внушается ему его природою, то онъ бы достигъ истиннаго знанiя божественнаго естества. Но когда вмѣсто того, чтобы удовольствоваться этимъ, онъ примѣшиваетъ понятiя другихъ, то его представленiя становятся смутными; они противорѣчатъ сами себѣ, и какъ такимъ образомъ вся совокупность ихъ оказывается въ высшей степени нестройною, то человѣкъ нерѣдко доходитъ до того, что отрицаетъ существованiе, хотя и не самого Бога, но по крайней мѣрѣ такого Бога, въ какого его учили вѣровать.

Понятно, какой ударъ подобныя начала должны были нанести старой теологiи. Они не только уничтожили въ умахъ тѣхъ лицъ, которыя проникнулись ими, многiя изъ обыкновенныхъ мнѣнiй — какъ напримѣръ ученiе о пресуществленiи — но оказали также противодѣйствiе и нѣкоторымъ другимъ понятiямъ, также неудобозащищаемымъ и далеко не безвреднымъ. Декартъ, основывая философiю, которая отвергала всякiй авторитетъ, кромѣ человѣческаго ума, естественнымъ образомъ долженъ былъ совершенно отстранить отъ нея всякiя умствованiя о конечныхъ причинахъ — старое и весьма естественное суевѣрiе, сильно мѣшавшее, какъ мы увидимъ впослѣдствiи, успѣхамъ нѣмецкихъ философовъ и еще и до сихъ поръ обременяющее, хотя нѣсколько слабѣе, умы людей. Въ то же время, превзойдя древнихъ въ геометрiи, онъ содѣйствовалъ ослабленiю того чрезмѣрнаго уваженiя, съ которымъ тогда смотрѣли на древность. И по другому предмету, еще болѣе важному, онъ проявилъ тотъ же самый духъ и достигъ такого же успѣха. Онъ съ такою энергiею возсталъ противъ влiянiя или, лучше сказать, противъ тираннiи Аристотеля, что хотя система этого философа весьма тѣсно связана съ христiанскою тео-

логіею, авторитетъ его былъ совершенно низвергнутъ Декартомъ, и вмѣстѣ съ нимъ пали тѣ систематическіе предразсудки, за которые конечно Аристотель не можетъ считаться отвѣтственнымъ, но которые однако, подъ покровительствомъ могучаго имени его, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, смущали умы людей и препятствовали успѣхамъ ихъ въ знаніи.

Таковы были главныя услуги, оказанныя цивилизаціи однимъ изъ самыхъ великихъ людей, какихъ когда либо произвела Европа. Аналогія, существующая между нимъ и Ришельё, разительна и на столько совершенна, на сколько дозволяетъ различіе между ихъ положеніями. То же пренебреженіе къ стариннымъ понятіямъ и презрѣніе къ теологическимъ интересамъ, то же равнодушіе къ преданіямъ, та же рѣшимость предпочитать настоящее прошедшему—однимъ словомъ, тотъ же духъ, вполнѣ принадлежащій новѣйшимъ временамъ, виденъ какъ въ сочиненіяхъ Декарта, такъ и въ дѣятельности Ришельё. Чѣмъ былъ первый въ философіи, тѣмъ же явился второй въ мірѣ политическомъ. Но, признавая заслуги этихъ двухъ высоко-даровитыхъ людей, мы не должны забывать, что успѣхъ ихъ былъ результатомъ не только ихъ способностей, но и общаго настроенія ихъ времени. Достоинства ихъ трудовъ зависѣли отъ нихъ самихъ, а то, какимъ образомъ эти труды были приняты — отъ ихъ современниковъ. Еслибы они жили въ болѣе суевѣрныя времена, то воззрѣнія ихъ встрѣтили бы одно пренебреженіе, или, еслибъ и возбудили вниманіе, то на нихъ всѣ смотрѣли бы съ негодованіемъ, какъ на нечестивыя нововведенія. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ, или въ началѣ шестнадцатаго, дарованія Декарта и Ришельё не встрѣтили бы необходимыхъ для своей дѣятельности матеріаловъ; обширные умы ихъ, при подобномъ положеніи общества, не нашли бы примѣненія; они не возбудили бы никакого сочувствія — труды ихъ уподобились бы сѣменамъ, брошеннымъ въ пучину бездоннаго моря. И

еще счастливы были бы они, еслибы въ этомъ случаѣ общество наказало ихъ только своимъ равнодушіемъ — еслибы они не подвергнулись участи многихъ изъ знаменитыхъ мыслителей, тщетно пытавшихся остановить потокъ человѣческаго легковѣрія. Счастіе ихъ было бы, еслибы Ришельё не былъ казненъ, какъ измѣнникъ, а Декартъ — сожженъ, какъ еретикъ.

Дѣйствительно, уже самый фактъ, что два подобныхъ человѣка, занимая такое видное положеніе въ глазахъ всего общества, и проводя взгляды столь враждебные интересамъ суевѣрія, прожили свой вѣкъ, не подвергаясь серіозной опасности, и умерли спокойно въ своихъ постеляхъ — этотъ самый фактъ составляетъ неопровержимое доказательство успѣховъ, сдѣланныхъ, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, французскимъ народомъ. Такъ быстро исчезли предразсудки этой великой націи, что Декартъ могъ безнаказанно выражать, а Ришельё приводить въ дѣйствіе мнѣнія, вполнѣ противорѣчащія теологическимъ преданіямъ и гибельныя для всей системы, на которой основалось могущество духовенства. Примѣръ ихъ ясно доказалъ, что уже теперь два самые передовые человѣка своего времени могутъ, съ весьма малою опасностью, и даже совсѣмъ безъ нея, распространять открыто такія идеи, которыя, полувѣкомъ ранѣе, страшно было бы и самому ничтожному лицу высказать шопотомъ въ какой нибудь уединенной комнатѣ.

И не трудно понять причину этой безнаказанности. Ее слѣдуетъ искать въ распространеніи скептическаго духа, которое какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, предшествовало введенію вѣротерпимости. Не входя въ подробности, изложеніе которыхъ вышло бы слишкомъ пространно для настоящаго введенія, достаточно будетъ сказать, что въ это время французская литература отличалась такою свободою и смѣлостью въ изслѣдованіи, которой, за исключеніемъ Англіи, еще не было видано примѣра въ Европѣ. Тому поко-

ленію, которое внимало ученію Монтэня и Шаррона, наслѣдовало другое поколѣніе, состоящее конечно изъ учениковъ, которые далеко опередили своихъ учителей. Результатомъ этого было то, что въ продолженіе послѣднихъ тридцати или сорока лѣтъ, предшествовавшихъ воцаренію Людовика XIV, не было ни одного замѣчательнаго человѣка, между Французами, который не раздѣлялъ бы общаго настроенія — не нападалъ бы на какой нибудь древній догматъ или не подкапывалъ основаніи какого либо стараго мнѣнія. Этотъ духъ смѣлости былъ характеристикою всѣхъ самыхъ даровитыхъ писателей того времени; но — что̀ еще замѣчательнѣе — движеніе въ пользу скептицизма распространилось съ такою быстротою, что оно охватило и тѣ классы общества, которые всегда послѣдніе подчиняются такому вліянію. Этотъ духъ сомнѣнія, необходимый предшественникъ всякаго изслѣдованія, и слѣдовательно всякаго прочнаго прогресса, зарождается въ наиболѣе мыслящихъ и умственно развитыхъ классахъ общества и естественно встрѣчаетъ сопротивленіе со стороны аристократовъ — потому что духъ этотъ грозитъ опасностію ихъ интересамъ, а со стороны необразованныхъ людей—потому что оскорбляетъ ихъ предразсудки. Вотъ одна изъ причинъ, по которымъ, ни самое высшее, ни самое низшее сословіе не способны управлять цивилизованною страною; оба эти сословія, каковы бы ни были въ нихъ отдѣльныя личности, въ массѣ, враждебно настроены противъ тѣхъ реформъ, которыя постоянно вызываются потребностями прогрессивной націи. Но во Франціи, еще до половины семнадцатаго столѣтія, даже эти сословія стали принимать участіе въ великомъ движеніи впередъ; такъ что не только между мыслящими людьми, но даже между невѣжественными и пустыми, замѣтно было пытливое и недовѣрчивое настроеніе умовъ; а это настроеніе, что бы ни говорили противъ него, имѣетъ по крайней мѣрѣ ту особенность, что безъ него, не было ни одного примѣра упроченія началъ терпи-

мости и свободы, признаніе которыхъ совершается лишь съ безконечною трудностію и послѣ тяжкой борьбы съ предразсудками, могущими, по своему закоренѣлому упорству, казаться почти существенною частью основной организаціи человѣческаго ума.

Не удивительно, что при подобныхъ обстоятельствахъ, какъ умозрѣнія Декарта, такъ и дѣйствія Ришельё имѣли большой успѣхъ. Система Декарта пріобрѣла огромное вліяніе и вскорѣ завладѣла почти всѣми отраслями знанія. Политика Ришельё такъ твердо установилась, что непосредственный его преемникъ продолжалъ ее безъ малѣйшаго затрудненія, и не было даже ни одной попытки къ ниспроверженію ея, до той насильственной и искусственной реакціи, которая, въ царствованіе Людовика XIV, на нѣкоторое время уничтожила всѣ виды политической и религіозной свободы. Исторія этой реакціи, а также процесса обратной реакціи, приготовившей Французскую Революцію, будетъ разсказана въ слѣдующихъ главахъ настоящаго тома; теперь же мы возвратимся къ ряду событій, совершившихся во Франціи, прежде чѣмъ Людовикъ XIV принялъ бразды правленія.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Ришильё, Людовикъ XIII также умеръ, и на престолъ вступилъ Людовикъ XIV, который былъ тогда ребенкомъ и еще нѣсколько лѣтъ затѣмъ не имѣлъ вліянія на государственныя дѣла. Во время малолѣтства короля, управленіе дѣлами находилось номинально въ рукахъ его матери, на самомъ же дѣлѣ, въ рукахъ Мазарини, человѣка, конечно уступавшаго Ришелье во всѣхъ отношеніяхъ, но усвоившаго себѣ отчасти его взглядъ; сколько было возможно, Мазарини продолжалъ политику великаго государственнаго человѣка, которому онъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ. Побуждаемый отчасти примѣромъ своего предшественника, отчасти же своими собственными понятіями и духомъ времени, Мазарини не показывалъ желанія преслѣдовать протестантовъ, ни стѣснять права, которыми они

пользовались. Первымъ его дѣломъ было подтвердить Нантскій эдиктъ; а къ концу своей жизни, онъ даже позволилъ протестантамъ вновь составлять синоды, которые были прекращены по поводу ихъ собственной неумѣренности. Отъ кончины Ришельё, до принятія власти Людовикомъ XIV, прошло почти двадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ Мазарини, за исключеніемъ немногихъ перерывовъ, стоялъ во главѣ государства; и за все это время я не нашелъ ни одного примѣра, чтобы кто либо изъ Французовъ подвергнулся наказанію по причинѣ своей религіи. Въ самомъ дѣлѣ, новое правительство, не только не заботилось объ охраненіи церкви посредствомъ подавленія ереси, но выказывало, въ отношеніи церковныхъ интересовъ, равнодушіе, которое теперь становилось твердымъ правиломъ Французской политики. Ришельё, какъ мы уже видѣли, сдѣлалъ смѣлый шагъ, ввѣряя протестантамъ командованіе королевскими арміями; и сдѣлалъ онъ это на основаніи того простаго правила, что одна изъ первыхъ обязанностей государственнаго человѣка—употреблять на пользу страны самыхъ способныхъ людей, какихъ только онъ можетъ найти, не взирая на ихъ теологическія убѣжденія, которыя, какъ онъ ясно понималъ, до правительства нисколько не касаются. Но Людовикъ XIII, личныя чувствованія котораго всегда были въ противорѣчіи съ просвѣщенными мѣрами его великаго министра, оскорблялся этимъ мудрымъ пренебреженіемъ къ старымъ предразсудкамъ; его религіозность возмущалась при мысли, что католическіе солдаты будутъ подъ начальствомъ у еретиковъ; и онъ рѣшился (какъ утверждаетъ одинъ изъ весьма свѣдущихъ современныхъ ему писателей) устранить это явленіе, составляющее соблазнъ для церкви, и на будущее время не допускать, чтобы протестантъ получалъ жезлъ маршала Франціи. Устоялъ ли бы король въ своемъ намѣреніи, если бы прожилъ долѣе—неизвѣстно; мы знаемъ достовѣрно только то, что не болѣе какъ четыре мѣсяца

спустя послѣ его смерти, это самое званіе маршала было пожаловано Тюренну, самому способному изъ всѣхъ протестантскихъ генераловъ. И на слѣдующій годъ, другой протестантъ, Гассіонъ, возведенъ былъ въ то же достоинство; такимъ образомъ, представлялось странное зрѣлище — высшая военная власть въ великой католической націи сосредоточилась въ рукахъ двухъ человѣкъ, религію которыхъ господствующая церковь не переставала осыпать проклятіями. Въ томъ же духѣ, и исключительно въ видахъ политической выгоды, Мазарини заключилъ тѣсный союзъ съ Кромвеллемъ, похитителемъ короны, который, по мнѣнію теологовъ, былъ обреченъ на вѣчную казнь, какъ оскверненный тройнымъ злодѣйствомъ—возстаніемъ противъ короля, ересью и цареубійствомъ. Наконецъ, однимъ изъ послѣднихъ дѣлъ этого ученика Ришельё было подписаніе знаменитаго Пиренейскаго договора, которымъ серіозно ослаблено значеніе духовныхъ интересовъ и нанесено тяжкое оскорбленіе тому, кто все еще почитался главою церкви.

Но самымъ замѣтнымъ событіемъ за время управленія Мазарини было начало великой междоусобной войны, извѣстной подъ именемъ Фронды, во время которой народъ пытался внести въ политику духъ непокорности, уже ранѣе того обнаружившійся въ литературѣ и въ религіи. Здѣсь мы не можемъ не замѣтить сходства между этой борьбой и тою, каторая въ то же самое время происходила въ Англіи. Сказать, что эти два событія были совершенно подобны, значило бы впасть въ крайнюю неточность; но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что между ними существуетъ весьма поразительная аналогія. Въ обѣихъ странахъ, междоусобная война явилась первымъ народнымъ выраженіемъ скептицизма, который дотолѣ оставался явленіемъ умозрительнымъ и, такъ сказать, литературнымъ. Въ обѣихъ странахъ, за невѣріемъ послѣдовало сопротивленіе правительству, и униженіе духовенства предше-

ствовало ограниченію правъ короны; потому что Ришельё, въ отношеніи къ Французской церкви, былъ тѣмъ же, чѣмъ была Елизавета, въ отношеніи къ англійской. Въ обѣихъ странахъ теперь только впервые явился этотъ великій продуктъ цивилизаціи—независимая печать, обнаружившая свою свободу въ произведеніи на свѣтъ того множества безстрашно написанныхъ сочиненій, которыя ознаменовали собою дѣятельность этого вѣка. Въ обѣихъ странахъ, происходила борьба между прогрессомъ и ретроградными стремленіями, между приверженцами старинныхъ преданій и людьми жаждавшими нововведеній; къ тому же въ обѣихъ странахъ борьба проявилась въ формѣ войны между королемъ и парламентомъ, при чемъ король являлся представителемъ прошедшаго, а парламентъ—настоящаго. Наконецъ — не упоминая о мелкихъ чертахъ сходства — была еще одна чрезвычайно важная черта, въ которой оба эти великія событія сходятся, а именно, что они были по преимуществу событіями свѣтскаго характера и произошли не изъ желанія распространить извѣстныя религіозныя мнѣнія, а изъ стремленія къ упроченію гражданской свободы. Я уже упоминалъ о чисто свѣтскомъ характерѣ англійскаго возстанія — и дѣйствительно этотъ характеръ долженъ быть вполнѣ очевиднымъ для каждаго, кто изучалъ свидѣтельства исторіи, изъ первыхъ источниковъ. Во Франціи, мы не только находимъ тотъ же результатъ, но даже можемъ указать всѣ ступени, черезъ которыя она перешла на пути къ прогрессу. Въ срединѣ шестнадцатаго столѣтія, непосредственно послѣ смерти Генриха III, причиною междоусобій во Франціи были религіозныя распри, и войны эти велись съ рвеніемъ, характеризовавшимъ крестовые походы. Въ самомъ началѣ семнадцатаго вѣка, вновь вспыхнули раздоры; но тутъ правительство, хотя и дѣйствовало попрежнему противъ протестантовъ, но видѣло въ нихъ уже не еретиковъ, а мятежниковъ, и цѣлью войны было подавленіе непокорной партіи, а не преслѣдованіе извѣстныхъ рели-

гіозныхъ убѣжденій. Это былъ первый великій шагъ въ исторіи вѣротерпимости, и онъ совершился, какъ мы уже видѣли, въ царствованіе Людовика XIII. Прошло поколѣніе, въ слѣдующемъ вѣкѣ, возникли войны Фронды; въ этомъ событіи, которое можно назвать вторымъ шагомъ французскаго ума, перемѣна проявилась еще болѣе замѣтно. Въ этотъ промежутокъ времени, идеи великихъ скептическихъ мыслителей, отъ Монтэня до Декарта, принесли свой естественный плодъ; распространяясь болѣе въ образованныхъ классахъ, онѣ, какъ всегда бываетъ, оказали вліяніе не только на тѣхъ, которые приняли ихъ, но и на людей противоположныхъ убѣжденій. Дѣйствительно, простое знаніе того факта, что самые замѣчательные люди извѣстнаго времени бросили тѣнь сомнѣнія на общепринятыя вѣрованія, не можетъ не смутить, въ нѣкоторой степени, убѣжденій даже тѣхъ людей, которые смѣются надъ этими сомнѣніями. Въ подобныхъ случаяхъ, никто не бываетъ вполнѣ безопасенъ: самая крѣпкая вѣра можетъ слегка пошатнуться; люди, по наружности сохраняющіе православіе, часто безсознательно колеблются; они не могутъ вполнѣ устоять противъ вліянія высшихъ умовъ и не всегда удается имъ избѣгнуть докучливаго подозрѣнія, что ежели дарованіе находится на одной сторонѣ, а на другой невѣжество, то очень возможно, что на сторонѣ дарованія находится истина, а на сторонѣ невѣжества заблужденіе.

Такъ и было во Франціи. Въ этой странѣ, какъ во всякой другой, когда теологическія убѣжденія ослабѣли, то и религіозныя распри прекратились. Сначала религія бывала причиною войнъ, а также и предлогомъ для веденія ихъ. За тѣмъ пришло время, когда религія перестала быть причиной распрей; но такъ медленно совершается общественный прогрессъ, что все еще находили нужнымъ выставлять ее въ видѣ предлога. Наконецъ наступили великіе дни Фронды, когда религія не стала уже ни причиной ни предлогомъ, и

когда впервые увидѣли во Франціи зрѣлище трудной борьбы, предпринятой людьми очевидно ради человѣческихъ цѣлей, и веденной не для того, чтобы доставить перевѣсъ извѣстнымъ убѣжденіямъ, а для того, чтобы расширить предѣлы гражданской свободы. И какъ бы для большей поразительности этой перемѣны, самымъ замѣчательнымъ изъ предводителей инсургентовъ былъ Кардиналъ де-Рецъ, человѣкъ съ обширными способностями, и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстный презрѣніемъ къ своему сословію; о немъ одинъ великій историкъ сказалъ: «онъ былъ первый епископъ во Франціи, который велъ междоусобную войну, не выставляя предлогомъ для нея религію».

Такимъ образомъ, мы видѣли, что въ теченіе семидесяти лѣтъ послѣ вступленія на престолъ Генриха IV, умственное развитіе во Франціи совершалось путемъ замѣчательно сходнымъ съ тѣмъ, что происходило въ Англіи; мы видѣли, что въ обѣихъ странахъ, умъ, сообразно съ естественными условіями его развитія, сначала сталъ сомнѣваться въ томъ, чему издавна вѣрилъ, а потомъ началъ допускать то, что долгое время ненавидѣлъ; что такой порядокъ не былъ ни дѣломъ случая, ни прихотью исторіи, это можетъ быть очевидно доказано не только теоретическими разсужденіями и аналогіею, существовавшею между обѣими націями, но и еще однимъ чрезвычайнымъ обстоятельствомъ, а именно: порядокъ событій и, такъ сказать, относительные размѣры ихъ были въ обѣихъ странахъ одни и тѣ же, какъ въ отношеніи къ развитію терпимости, такъ и относительно успѣховъ литературы и науки. Въ обѣихъ странахъ, отношеніе между успѣхами знанія и упадкомъ вліянія духовенства было одно и то же, хотя оно проявилось въ различное время. Мы начали отдѣлываться отъ нашихъ предразсудковъ нѣсколько раньше, чѣмъ могли это сдѣлать Французы, и такимъ образомъ, выступивъ первые на поприще, успѣли опередить этотъ великій народъ въ созданіи свѣтской литературы. Всякій, кто дастъ

себѣ трудъ сравнить ходъ умственнаго развитія въ Англіи и во Франціи, увидитъ, что во всѣхъ главнѣйшихъ отрасляхъ его, мы были первыми—я не говорю по достоинству, но по порядку времени. Въ прозѣ, въ поэзіи, въ каждой отрасли умственнаго успѣха, по сравненіи, окажется, что мы опередили Французовъ почти на цѣлое поколѣніе и что во всемъ повторялось, въ хронологическомъ смыслѣ, то же отношеніе, какое существуетъ между Бэкономъ и Декартомъ, Гукеромъ и Паскалемъ, Шекспиромъ и Корнэлемъ, Массинджеромъ и Расиномъ, Бенъ-Джонсономъ и Мольеромъ, Гарвеемъ и Пэкѐ. Каждый изъ этихъ замѣчательныхъ людей пользовался заслуженною славою въ своемъ отечествѣ и если бы мы захотѣли провести между ними сравненіе, то это могло бы показаться дѣломъ національной зависти. Здѣсь мы должны замѣтить только одно—что между лицами, трудившимися по каждой отдѣльной отрасли, самый великій изъ Англичанъ предшествовалъ нѣсколькими годами самому великому изъ Французовъ. Это различіе времени, дѣйствительно проходящее по всѣмъ главнымъ предметамъ знанія, слишкомъ правильно, чтобы можно было считать его случайнымъ. И какъ въ настоящее время конечно лишь весьма немногіе изъ Англичанъ могутъ быть на столько самолюбивы, чтобы полагать, что мы одарены какимъ нибудь врожденнымъ, существеннымъ превосходствомъ надъ Французами, то очевидно должна быть какая нибудь замѣтная особенность, которою обѣ націи отличаются другъ отъ друга и которая произвела различіе между ними не въ самомъ знаніи, но во времени проявленія знанія. Для отысканія этой особенности не требуется большой проницательности. Хотя Французы стали развиваться нѣсколько позже, чѣмъ Англичане, тѣмъ не менѣе, когда развитіе это пошло какъ слѣдуетъ въ ходъ, предшествовавшія данныя его успѣха были въ томъ и другомъ народѣ совершенно одни и тѣ же. Изъ этого, по самымъ простымъ началамъ индукціи, ясно слѣдуетъ, что запозданіе разви-

тія зависѣло отъ запозданія предшествовавшаго факта. Очевидно Французы меньше знали, потому что больше вѣрили. Ясно, что ихъ прогрессъ задержанъ былъ преобладаніемъ тѣхъ чувствъ, которыя всегда пагубны для всякаго знанія, потому что, заставляя смотрѣть на древность, какъ на единственное хранилище мудрости, они унижаютъ настоящее, чтобы возвысить прошедшее; эти-то чувствованія уничтожаютъ виды человѣка на будущность, убиваютъ его надежды, умерщвляютъ въ немъ любознательность, охлаждаютъ его рвеніе, разслабляютъ разсудокъ и, подъ предлогомъ смиренія его гордаго разума, стараются отбросить человѣка назадъ въ ту болѣе чѣмъ полуночную тьму, изъ которой только разумъ далъ ему возможность выйти.

Существующая, такимъ образомъ, аналогія между Франціей и Англіей безъ сомнѣнія весьма поразительна, и, на сколько мы ее до сихъ поръ разсмотрѣли, кажется совершенною во всѣхъ своихъ частяхъ. Подводя въ нѣсколькихъ словахъ итогъ всѣмъ отдѣльнымъ чертамъ сходства, можно сказать, что обѣ эти націи слѣдовали одинаковому порядку развитія, относительно скептицизма, литературы и вѣротерпимости. Въ обѣихъ странахъ вспыхнула междоусобная война въ то же время, за тѣ же интересы и при одинаковыхъ, по многимъ отношеніямъ обстоятельствахъ. Въ обѣихъ странахъ инсургенты, торжествовавшіе въ началѣ, были подъ конецъ побѣждены, и когда возстанія были подавлены, то правительства обѣихъ странъ были вполнѣ возстановлены почти въ одинъ и тотъ же моментъ: въ 1660 году — Карломъ II, въ 1661 — Людовикомъ XIV. Но тутъ сходство остановилось. Съ этой точки обѣ страны начали замѣтно расходиться, и это уклоненіе, продолжаясь болѣе столѣтія, привело наконецъ Англію къ упроченію народнаго благосостоянія, а Францію—къ самой кровавой, самой полной и самой разрушительной революціи, какая только видана была на свѣтѣ. Эта разница въ судьбахъ такихъ ве-

ликихъ и образованныхъ націй дотого замѣчательна, что знакомство съ причинами этого явленія становится необходимымъ для правильнаго пониманія европейской исторіи, и можетъ, какъ впослѣдствіи окажется, бросить яркій свѣтъ на другія событія, не связанныя непосредственно съ самымъ явленіемъ. Кромѣ того, подобное изслѣдованіе, независимо отъ научнаго интереса, будетъ имѣть высокую практическую цѣну. Оно докажетъ истину, которую люди повидимому недавно лишь стали понимать, а именно, что въ политикѣ, такъ какъ для нея не открыто еще никакихъ твердыхъ началъ, первые условія успѣха суть: соглашеніе, обмѣнъ, цѣлесообразность и уступка. Оно покажетъ окончательное безсиліе даже самыхъ способныхъ правителей, въ тѣхъ случаяхъ, когда они стараются, при новыхъ обстоятельствахъ, дѣйствовать по старымъ правиламъ. Оно покажетъ, какая тѣсная связь существуетъ между свободой и знаніемъ, между возрастающей цивилизаціей и успѣхами демократіи. Оно покажетъ, что для прогрессивной націи требуется и прогрессивный строй государства, что, въ извѣстныхъ предѣлахъ, допущеніе нововведеній составляетъ единственное возможное ручательство за безопасность, что никакое государственное учрежденіе не можетъ устоять противъ напора и вѣчнаго движенія общества, если, исправляя недостатки своего строенія, оно вмѣстѣ съ тѣмъ не расширяетъ своего входа, и наконецъ, что ни одна страна, даже въ матеріальномъ отношеніи, не можетъ сохранить ни благосостоянія, ни безопасности, ежели не усиливается постепенно значеніе народа, не расширяются его привилегіи, и, такъ сказать, не воплощаются во всей его массѣ государственныя отправленія.

Спокойствіе Англіи и отсутствіе въ ней междоусобныхъ войнъ должны быть приписаны признанію въ ней этихъ великихъ истинъ, пренебреженіе которыхъ обрушило на другія страны самыя ужасныя бѣдствія. По этому самому, еже-

ли не по чему другому, становится дѣломъ чрезвычайно занимательнымъ привести въ извѣстность, какимъ образомъ произошло, что двѣ сравниваемыя нами націи приняли, въ отношеніи къ этимъ истинамъ, совершенно противоположныя воззрѣнія, хотя, по другимъ предметамъ, воззрѣнія ихъ были, какъ мы уже видѣли, весьма сходны. Или, выражая вопросъ другими словами, намъ предстоитъ изслѣдовать, какимъ образомъ произошло то, что Французы, шедшіе, относительно знаній, скептицизма и вѣротерпимости, совершенно тѣмъ же путемъ, какъ и Англичане, вдругъ впали въ застой относительно политики; какимъ образомъ умы ихъ, совершившіе столь великіе подвиги, оказались однако до такой степени неприготовленными къ свободѣ, что не смотря на геройскія усилія Фронды, они не только подпали деспотизму Людовика XIV, но даже и не думали ему сопротивляться; и наконецъ, сдѣлавшись рабами и тѣломъ, и душею, стали гордиться такимъ положеніемъ, котораго и послѣдній изъ Англичанъ гнушался бы, какъ невыносимаго ярма.

Причины этого различія должно искать въ существованіи духа покровительства. Этотъ духъ такъ опасенъ и имъ такъ легко увлечься, что въ немъ заключается самое серіозное изъ препятствій, съ которыми цивилизація должна бороться на пути къ прогрессу. Покровительственное начало, которое по справедливости можно назвать злымъ началомъ, всегда было сильнѣе во Франціи, чѣмъ въ Англіи. Дѣйствительно, у Французовъ оно продолжаетъ до настоящаго времени производить самые зловредные результаты. Оно тѣсно связано, какъ я раскрою впослѣдствіи, съ тѣмъ пристрастіемъ къ централизаціи, которое обнаруживается въ ихъ правительственномъ механизмѣ и въ направленіи ихъ литературы. Это именно и заставляетъ ихъ поддерживать стѣсненія, съ давняго времени связывавшія ихъ промышленность, и сохранять монополіи, которыя въ нашемъ отечествѣ окончательно уничтожены либиральною системою. Это

же побуждаетъ ихъ вмѣшиваться въ естественныя отношенія между производителями и потребителями; насильственно вызывать къ существованію мануфактуры, которыя иначе никогда не были бы основаны и слѣдовательно вовсе не были нужны; нарушать обычный ходъ промышленности и, подъ предлогомъ покровительствованія своимъ рабочимъ, уменьшать производительность труда, отвращая его отъ тѣхъ путей, къ которымъ направляютъ его собственные его инстинкты. Таковы неизбѣжные результаты покровительственнаго начала въ дѣлѣ промышленности. Будучи внесено въ политику, оно производитъ такъ называемое отеческое правительство, гдѣ верховная власть сосредоточена въ рукахъ монарха, либо въ рукахъ немногихъ привилегированныхъ классовъ. Когда же оно вносится въ богословіе, то производитъ могущественную церковь и многочисленное духовенство, которое признается необходимою охраною религіи, такъ что всякое противодѣйствіе ему принимается за оскорбленіе общественной нравственности. Вотъ отличительныя черты, по которымъ можно узнать покровительственное начало, и уже съ весьма ранняго времени, онѣ обнаруживались во Франціи гораздо яснѣе, чѣмъ въ Англіи. Не имѣя притязанія съ точностію опредѣлить причину, произведшую эти явленія, я постараюсь, въ слѣдующей главѣ, прослѣдить ихъ въ прошедшемъ до весьма отдаленнаго періода, такъ чтобы изслѣдованіе это дало намъ возможность объяснить нѣкоторыя изъ чертъ различія, существовавшаго, въ этомъ отношеніи, между обѣими странами.

ГЛАВА IX.

Исторія духа покровительства и сравненіе проявленій его во Франціи и въ Англіи.

Когда, къ концу пятаго вѣка, распалась Римская имперія, то наступилъ, какъ извѣстно, продолжительный періодъ невѣжества и злодѣяній, періодъ въ теченіе котораго даже самые даровитые умы утопали въ грубѣйшихъ предразсудкахъ. Въ теченіе этихъ вѣковъ, по справедливости названныхъ темными, духовенство было всесильно: духовные владычествовали надъ совѣстью самыхъ деспотическихъ монарховъ и считались за людей съ обширною ученостью, потому что они одни умѣли читать и писать, потому что они были единственными хранителями тѣхъ пустыхъ вымысловъ, изъ которыхъ слагалась тогдашняя европейская наука и потому еще, что они сохраняли легенды о святыхъ и житія отцовъ церкви, изъ которыхъ, какъ въ то время вѣрили, легко было почерпнуть ученія божественной мудрости.

Таково было униженіе европейскаго ума въ теченіе почти пяти сотъ лѣтъ, и можно сказать, что въ это время человѣческое легковѣріе дошло до размѣровъ, неслыханныхъ въ лѣтописяхъ невѣжества. Но вотъ наконецъ человѣческій разумъ, эта божественная искра, которую не въ силахъ потушить даже самое испорченное общество, сталъ обнаружи-

вать свою силу и разгонять туманы его окружавшіе. Различныя обстоятельства, которыя здѣсь слишкомъ долго было бы разбирать, были причиною того, что это проясненіе произошло, въ разныхъ странахъ, въ различныя времена. Однако же, мы можемъ вообще сказать, что оно началось въ десятомъ и одинадцатомъ столѣтіяхъ и что въ двѣнадцатомъ вѣкѣ не было уже ни одной націи, нынѣ считающейся въ числѣ образованныхъ, надъ которой не занимался бы этотъ свѣтъ.

Съ этого именно момента, европейскія націи начинаютъ замѣтно принимать различныя направленія. До того времени, суевѣріе было въ нихъ такъ сильно и такъ всеобще, что безполезно было бы размѣрять сравнительно степени преобладавшаго въ нихъ мрака. Дѣйствительно, онѣ стояли такъ низко, что первое время, значеніе которымъ пользовалось въ нихъ духовенство было, во многихъ отношеніяхъ, благотворно: духовные являлись оплотомъ народа противъ правителей и представляли собою единственный примѣръ сословія, хоть сколько нибудь стремившагося къ умственной дѣятельности. Но когда началось великое движеніе, когда умъ человѣческій сталъ возмущаться, положеніе духовенства внезапно измѣнилось. Оно дружелюбно смотрѣло на умствованіе до тѣхъ поръ, пока умствованіе было на его сторонѣ; пока духовные были единственными хранителями знанія, они усердно дѣйствовали въ интересахъ его. Теперь же оно ускользало изъ ихъ рукъ: оно дѣлалось достояніемъ мірянъ, оно становилось опаснымъ— и его слѣдовало заключить въ должные предѣлы. Тутъ-то и вошли впервые въ повсемѣстное употребленіе инквизиціи, тюремныя заключенія, пытки, сожиганія и всѣ другія изобрѣтенія, посредствомъ которыхъ церковь тщетно старалась удержать потокъ, обратившійся противъ нея. Съ этого момента началась непрестанная борьба между двумя великими партіями—приверженцами изслѣдованія и приверженцами слѣпой вѣры—борьба, которая, чѣмъ бы она ни прикры-

валась, въ какихъ бы формахъ ни являлась, въ сущности всегда одна и та же и выражаетъ собою противоположность интересовъ разума и вѣры, скептицизма и легковѣрія, прогресса и реакціи — интересовъ тѣхъ людей, которые надѣются на будущее и тѣхъ, которые прилѣпляются къ прошедшему.

Итакъ вотъ точка отправленія новѣйшей цивилизаціи. Съ того самаго момента, какъ разумъ началъ сколько нибудь заявлять свое право на преобладаніе, прогрессъ каждой націи зависѣлъ отъ большаго или меньшаго повиновенія предписаніямъ его, отъ умѣнья подчинять всю сумму своихъ дѣйствій мѣрилу разума. Слѣдовательно, чтобы понять первоначальную причину различія между Франціей и Англіей, мы должны искать ея въ обстоятельствахъ того времени, когда въ первый разъ замѣтно обозначилось движеніе, которое можно по справедливости назвать великимъ возстаніемъ разума.

Ежели, въ видахъ такого изслѣдованія, мы будемъ разсматривать исторію Европы, то найдемъ, что именно въ этотъ періодъ возникла феодальная система – обширная правительственная система, которая, не смотря на свою грубость и другія несовершенства, удовлетворяла многимъ потребностямъ тѣхъ грубыхъ народовъ, посреди которыхъ она родилась. Связь между возникновеніемъ феодализма и упадкомъ теологическаго духа очевидна. Феодальная система была первымъ великимъ свѣтскимъ учрежденіемъ, какое было видано въ Европѣ со времени установленія гражданскаго права: во весь этотъ періодъ времени, слишкомъ въ четыреста лѣтъ, это была первая сдѣланная въ большихъ размѣрахъ попытка устроить общество на свѣтскихъ, а не на духовныхъ началахъ, такъ какъ въ основаніи всего учрежденія лежало единственно владѣніе землею и отправленіе извѣстныхъ воинскихъ и денежныхъ повинностей.

Безъ сомнѣнія это былъ большой шагъ въ европейской цивилизаціи, такъ какъ учрежденіе это явило собою первый

Безъ сомнѣнія это былъ большой шагъ въ европейской цивилизаціи, такъ какъ учрежденіе это явило собою первый примѣръ обширнаго государственнаго строя, въ которомъ духовные, какъ отдѣльное сословіе, не имѣли опредѣленнаго мѣста; вслѣдствіе этого и началась та борьба феодализма съ церковью, которую замѣтили многіе писатели, упустивъ однако, страннымъ образомъ, изъ виду ея причину. Но при этомъ особенно достойно вниманія то обстоятельство, что съ введеніемъ феодальной системы, духъ покровительства далеко не былъ подавленъ, даже не былъ, по всей вѣроятности, и ослабленъ, а собственно только принялъ другую форму—вмѣсто духовной, свѣтскую. Взоры людей, обращавшіеся прежде на церковь, теперь устремились на дворянъ; ибо необходимымъ послѣдствіемъ этого обширнаго движенія, или скорѣе частью его, было то, что изъ значительныхъ землевладѣльцевъ теперь образовалась наслѣдственная аристократія. Въ десятомъ столѣтіи, мы встрѣчаемъ первыя фамильныя прозвища; съ одинадцатаго столѣтія многія важныя должности дѣлаются наслѣдственными въ главныхъ фамиліяхъ, а въ двѣнадцатомъ столѣтіи изобрѣтены гербы и другія геральдическія эмблемы, питавшія такъ долго тщеславіе дворянства и цѣнимыя потомками, какъ знаки того превосходства рожденія, которому, въ теченіе многихъ вѣковъ, подчинялось всякое другое превосходство.

Таково было начало европейской аристократіи, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово обыкновенно употребляется. Феодализмъ, съ упроченіемъ его вліянія, явился преемникомъ церкви въ дѣлѣ организаціи общества; дворянство, сдѣлавшись наслѣдственнымъ, постепенно вытѣснило изъ государственнаго управленія и вообще изъ важныхъ должностей духовенство, въ которомъ теперь прочно утвердился противоположный наслѣдственности принципъ — безбрачія. Такимъ образомъ очевидно, что изслѣдованіе о происхожденіи новѣйшаго духа покровительства есть, въ значительной мѣрѣ,

изслѣдованіе о происхожденіи могущества аристократіи, такъ какъ это могущество было вывѣскою или такъ сказать покровомъ, подъ которымъ духъ этотъ развивался. Это обстоятельство, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, находится также въ связи съ большимъ религіознымъ движеніемъ шестнадцатаго столѣтія; успѣхъ послѣдняго главнымъ образомъ зависѣлъ отъ безсилія покровительственнаго принципа, который противодѣйствовалъ ему. Но, отлагая это соображеніе до дальнѣйшаго времени, я постараюсь теперь очертить нѣкоторыя изъ обстоятельствъ, которыя, доставивъ аристократіи во Франціи болѣе значенія, чѣмъ она имѣла въ Англіи, пріучили Французовъ къ болѣе строгому и постоянному повиновенію и привили имъ духъ подчиненности въ большей мѣрѣ, чѣмъ онъ обыкновенно проявлялся въ Англіи.

Въ самомъ началѣ второй половины XI столѣтія, слѣдовательно въ то время, когда совершался еще процессъ возникновенія аристократіи, Англія была покорена герцогомъ Норманнскимъ, который естественно ввелъ въ ней государственное устройство, существовавшее въ его отечествѣ. Но, въ его рукахъ, это устройство подверглось измѣненію сообразному съ тѣми новыми обстоятельствами, въ которыя онъ былъ поставленъ. Находясь въ чужой странѣ и будучи предводителемъ побѣдоносной арміи, составленной частію изъ наемниковъ, онъ имѣлъ возможность отступить отъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ феодальныхъ обычаевъ, которые были приняты во Франціи. Значительные норманнскіе бароны, брошенные въ среду непріязненнаго населенія, были рады принять лены отъ короны почти на всякихъ условіяхъ, какія только могли обезпечить ихъ безопасность. Этимъ конечно воспользовался Вильгельмъ; ибо, жалуя бароніи на условіяхъ выгодныхъ для короны, онъ предупреждалъ пріобрѣтеніе баронами той власти, которою они пользовались во Франціи, и которую, безъ этого, они имѣли бы и въ Англіи. Рузультатомъ этого было, что могущественнѣйшіе бароны Англіи под-

чинились закону или по крайней мѣрѣ власти короля. Дѣйствительно, это дошло до того, что Вильгельмъ, незадолго до своей смерти, заставилъ всѣхъ землевладѣльцевъ дать ему клятву въ вѣрности,—чѣмъ онъ оказалъ совершенное пренебреженіе къ той особенности феодализма, въ силу которой каждый вассалъ зависѣлъ отдѣльно отъ своего сюзерена.

Но во Франціи дѣло было совершенно иначе. Здѣсь, знатные дворяне владѣли своими землями не столько по пожалованію, сколько по праву давности. Такимъ образомъ, права ихъ носили характеръ древности; это обстоятельство, въ соединеніи со слабостью короны, дало имъ возможность распоряжаться въ своихъ владѣніяхъ, какъ независимымъ государямъ. Даже когда могуществу бароновъ былъ нанесенъ первый ударъ при Филиппѣ Августѣ, они всетаки продолжали, въ его царствованіе и гораздо позже, пользоваться такою властью, какая въ Англіи была совершенно неизвѣстна. Мы приведемъ только два примѣра этому. Право чеканенія монеты, которое всегда считалось атрибутомъ верховной власти, никогда не было предоставляемо въ Англіи даже самымъ знатнымъ баронамъ, во Франціи же этимъ правомъ, независимо отъ короны, пользовались многіе и оно было отмѣнено только въ шестнадцатомъ столѣтіи. Это же замѣчаніе легко можетъ быть примѣнено и къ такъ называемому праву частной войны, въ силу котораго бароны могли нападать другъ на друга и нарушать спокойствіе страны своими частными раздорами. Въ Англіи аристократія никогда не была довольно сильна, чтобы имѣть по закону это право, хотя на практикѣ пользовалась имъ даже слишкомъ часто. Но во Франціи право это вошло въ положительное законодательство; оно было внесено въ статуты феодализма и положительно признано двумя весьма энергическими королями, Людовикомъ IX и Филиппомъ Прекраснымъ, которые дѣлали все, что могли, чтобы ослабить громадное значеніе бароновъ.

Изъ такого различія аристократической власти во Франціи и въ Англіи родились многія послѣдствія большой важности. У насъ бароны, будучи слишкомъ слабы для борьбы съ короною, принуждены были, ради собственной защиты, соединяться съ народомъ. Спустя около ста лѣтъ послѣ завоеванія нашей страны, Норманны и Саксы смѣшались и обѣ партіи соединились противъ короля, для поддержанія своихъ общихъ правъ. Великая хартія, которую Іоаннъ долженъ былъ дать, заключала въ себѣ конечно уступки въ пользу аристократіи, но главнѣйшія ея условія были въ пользу «всѣхъ классовъ свободныхъ людей». По прошествіи полустолѣтія, возникли новые раздоры; бароны опять соединились съ народомъ и снова произошли тѣ же результаты—каждый разъ, условіемъ и послѣдствіемъ этого оригинальнаго союза было расширеніе народныхъ привилегій. Точно такимъ же образомъ, когда графъ Лейстерскій поднялъ бунтъ противъ Генриха III, то нашелъ свою партію слишкомъ слабою для борбы съ короною и потому обратился къ народу; ему-то и обязана своимъ происхожденіемъ нижняя палата, такъ какъ онъ, въ 1264 году, подалъ первый примѣръ призыва городовъ и мѣстечекъ къ выборамъ и сдѣлалъ такимъ образомъ, что жители городовъ и мѣстечекъ заняли свои мѣста въ томъ парламентѣ, который до тѣхъ поръ состоялъ только изъ духовныхъ и дворянъ.

Такъ какъ англійская аристократія принуждена была, вслѣдствіе своей слабости, опираться на народъ, то естественнымъ послѣдствіемъ этого было, что народъ усвоилъ себѣ тотъ оттѣнокъ независимости и то гордое обращеніе, которые являются скорѣе слѣдствіемъ, нежели причиною нашихъ гражданскихъ и политическихъ учрежденій. Именно этому обстоятельству, а не какой нибудь воображаемой особенности расы, обязаны мы тѣмъ твердымъ, предпріимчивымъ духомъ, которымъ издавна отличались обитатели нашего острова. Это же самое дало намъ силу побороть всѣ ухищренія притѣснителей

и поддерживать въ теченіе столькихъ столѣтій права, которыхъ не имѣла ни какая другая нація. Это же самое развило и сохранило тѣ великія привилегіи, которыя, каковы бы ни были ихъ недостатки, имѣютъ по крайней мѣрѣ то неоцѣнимое достоинство, что пріучаютъ свободнаго человѣка къ отправленіямъ власти, вручаютъ гражданамъ управленіе ихъ собственнаго города, и увѣковѣчиваютъ идею независимости, сохраняя ее въ живой формѣ и связывая поддержаніе ея съ интересами и влеченіями каждой отдѣльной личности.

Но тѣ привычки самоуправленія, которыя подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, развивались въ Англіи, были, подъ вліяніемъ совершенно противоположныхъ обстоятельствъ, пренебрежены во Франціи. Значительные французскіе бароны, будучи слишкомъ могущественны, чтобы нуждаться въ народѣ, не искали союза съ нимъ. Результатомъ этого было то, что среди большаго разнообразія формъ и именъ, общество въ сущности раздѣлялось только на два класса: высшій и низшій—покровителей и покровительствуемыхъ. Въ виду преобладавшей въ то время грубости нравовъ, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что во Франціи, во время феодальной системы, каждый человѣкъ былъ или тиранъ или рабъ. Даже, въ большей части случаевъ, оба характера соединялись въ одномъ и томъ же лицѣ. Ибо обыкновеніе подраздачи леновъ (Subinfeudation), которое было дѣятельно ограничиваемо въ Англіи, сдѣлалось почти всеобщимъ во Франціи. Могущественные бароны раздавали извѣстнымъ лицамъ земли, подъ условіемъ соблюденія имъ вѣрности и несенія разныхъ повинностей; эти лица въ свою очередь подраздавали такія земли, т. е. передавали ихъ на подобныхъ же условіяхъ другимъ лицамъ, которые опять имѣли право передать ихъ въ четвертыя руки, и такъ далѣе, до безконечности. Такъ составилась длинная цѣпь зависимости и образовалась какъ бы цѣлая система подчиненности. Въ Англіи, съ другой стороны, такія сдѣлки были такъ несогласны

съ общимъ порядкомъ вещей, что весьма сомнительно, существовали ли онѣ въ какомъ либо размѣрѣ; во всякомъ случаѣ извѣстно, что въ царствованіе Эдуарда I, онѣ были окончательно воспрещены статутомъ, который извѣстенъ у юристовъ подъ именемъ quia emptores.

И такъ, издавна существовало уже большое социальное различіе между Франціею и Англіею. Послѣдствія этого различія сдѣлались еще очевиднѣе, когда въ XIV столѣтіи, феодальная система стала быстро клониться къ упадку въ обѣихъ странахъ. Ибо въ Англіи, вслѣдствіе слабости принципа покровительства, люди до извѣстной степени привыкли къ самоуправленію и были способны крѣпко держаться тѣхъ великихъ учрежденій, которыя плохо примѣнялись къ болѣе послушному нраву французскаго народа. Наши муниципальныя привилегіи, права нашихъ мелкихъ землевладѣльцевъ и обезпеченность нашихъ копигольдеровъ (*) были съ XIV по XVII столѣтіе тремя важнѣйшими гарантіями правъ Англіи. Во Франціи такія гарантіи были невозможны; такъ какъ тамъ между благородными и неблагородными было дѣйствительное различіе, то не было мѣста для образованія среднихъ классовъ, а каждый долженъ былъ войти въ составъ той или другой корпораціи. У Французовъ никогда не было ничего соотвѣтствующаго англійскимъ мелкимъ землевладѣльцамъ (yeomanry), не было также копигольдеровъ, признанныхъ закономъ, и хотя они старались ввести въ своей странѣ муниципальныя учрежденія, но всѣ такія попытки остались безплодными, ибо, подражая формамъ свободы, они не имѣли того стойкаго, смѣлаго духа, который одинъ ведетъ къ свободѣ. Дѣствительно, Французы имѣли образъ свободы и ея названіе, но имъ недоставало

(*) Copyholders были первоначально несвободные крестьяне, пользовавшіеся участками земли въ помѣстьяхъ бароновъ; съ теченіемъ времени, за крестьнами этими участки ихъ были укрѣплены по праву давности, которое доказывалось копіями со списковъ такимъ участковымъ владѣльцамъ (the copies of the Court-rolls). (*Прим. перев.*)

того священнаго огня, который согрѣлъ бы и оживилъ этотъ образъ. Все остальное у нихъ было: они имѣли наружный видъ и пріемы свободы; французскимъ городамъ пожалованы были хартіи, а должностнымъ лицамъ ихъ дарованы привилегіи. Все однако было напрасно, ибо не печатью и не пергаментомъ законодателя охраняется независимость людей. Такія вещи составляютъ только внѣшность; онѣ украшаютъ свободу, онѣ составляютъ какъ бы ея одежду—приданое, праздничный нарядъ во дни мира и спокойствія. Но когда наступаютъ черные дни, когда начинаются нападенія деспотизма, то свободу сохранятъ не тѣ, которые могутъ предъявить древнѣйшіе акты и великія хартіи, а тѣ, которые наиболѣе свыклись съ независимостью, наиболѣе способны думать и дѣйствовать сами, и наименѣе дорожатъ тѣмъ навязчивымъ покровительствомъ, которое высшіе классы всегда такъ охотно оказывали, что во многихъ странахъ они не оставили болѣе ничего, чему бы стоило покровительствовать.

Такъ и было во Франціи. Города, съ небольшими исключеніями, пали при первомъ ударѣ, и граждане утратили тѣ муниципальныя привилегіи, которыя не были приспособлены къ національному характеру и потому не могли быть сохранены. Точно такъ же въ Англіи, власть перешла естественнымъ образомъ, одною силою демократическаго движенія въ руки палаты общинъ, значеніе которой, не смотря на случавшіяся препятствія, съ тѣхъ поръ постоянно возрастало, въ ущербъ аристократическому элементу законодательнаго собранія. Единственное учрежденіе во Франціи, соотвѣтствующее этому, представляли генеральные штаты, которые однако имѣли такъ мало вліянія, что, по мнѣнію французскихъ историковъ, они едва ли даже могутъ быть названы учрежденіемъ. Дѣйствительно, Французы въ то время уже такъ привыкли къ идеѣ покровительства и къ подчиненности, которая вытекаетъ изъ этой идеи, что они не особенно желали поддерживать такое учрежденіе, которое, въ ихъ го-

сударственномъ устройствѣ, являлось единственнымъ представителемъ народнаго элемента. Результатомъ этого было, что въ XIV столѣтіи права англійскаго народа были упрочены и съ этихъ поръ ему оставалось только расширять то, что разъ уже было пріобрѣтено. Но въ томъ-же столѣтіи, во Франціи, духъ покровительства принялъ новую форму; власти аристократіи, въ значительной мѣрѣ, наслѣдовала власть короны, и тогда началось то стремленіе къ централизаціи, которое, сперва при Людовикѣ XIV, а потомъ при Наполеонѣ, достигло еще большаго развитія и сдѣлалось язвою французскаго народа. Ибо такимъ образомъ феодальныя идеи превосходства и подчиненности далеко пережили тотъ варварскій вѣкъ, для котораго онѣ исключительно годились. Дѣйствительно, будучи перенесены въ другой вѣкъ, онѣ, казалось, пріобрѣли новую силу. Во Франціи, все сводится къ одному общему центру, которымъ поглощается вся гражданская дѣятельность. Всѣ сколько нибудь значительныя реформы, всѣ планы улучшеній, даже въ матеріальномъ бытѣ народа, должны получать санкцію отъ правительства, такъ какъ предполагается, что мѣстнымъ властямъ не по силамъ такія трудныя задачи. Дабы низшія должностныя лица не могли злоупотреблять своею властью, имъ не дается ни какой власти. Самостоятельное отправленіе судебной власти тамъ почти неизвѣстно. Все, что ни дѣлается, должно дѣлаться въ главной квартирѣ. Думаютъ, что правительство должно все видѣть, все знать, обо всемъ заботиться. Дабы подкрѣпить эту чудовищную монополію, придуманъ механизмъ вполнѣ достойный своей цѣли. Вся страна наводняется огромнымъ полчищемъ чиновниковъ; чиновники эти, правильностью своей іерархіи и порядкомъ своей постепенности, представляютъ прекрасную эмблему феодальнаго начала, которое изъ территоріальнаго сдѣлалось теперь личнымъ. На самомъ дѣлѣ, вся правительственная дѣятельность исходитъ отъ того предположенія, что ни одинъ человѣкъ не знаетъ своихъ нуждъ или не

способенъ самъ о себѣ заботиться. Такими отеческими чувствами проникнуто Французское правительство, такъ ревностно оно заботится о благосостояніи своихъ подданныхъ, что оно забрало въ свое вѣденіе, какъ самыя исключительныя, такъ и самыя обыкновенныя явленія жизни. Чтобы Французы не дѣлали неблагоразумныхъ завѣщаній, оно ограничило права завѣщателей, а изъ опасенія, чтобы они не завѣщали свою собственность неправильно, большая часть собственности вовсе изъемлется изъ права завѣщанія. Дабы все общество пользовалось защитою полиціи, постановлено, что никто не можетъ путешествовать безъ паспорта. И когда люди дѣйствительно путешествуютъ, то на каждомъ углу они встрѣчаются съ тѣмъ же духомъ вмѣшательства, который, подъ предлогомъ защиты ихъ личности, стѣсняетъ ихъ свободу. И въ другія отношенія, гораздо болѣе серіозныя, Французы внесли то же самое начало. Такъ велика заботливость ихъ объ огражденіи общества отъ преступниковъ, что когда подсудимый призывается въ одинъ изъ ихъ судовъ, то тамъ происходитъ зрѣлище, которое, можно сказать безъ малѣйшаго хвастовства, и часу не было бы терпимо въ Англіи. Тамъ видимъ мы, что важный государственный сановникъ, передъ тѣмъ какъ судить арестанта, для удостовѣренія въ его предполагаемой виновности, дѣлаетъ ему допросъ, передопросъ перекрестный допросъ, исполняя такимъ образомъ обязанности не судьи, а обвинителя, употребляя противъ несчастнаго человѣка все вліяніе своего судейскаго положенія, всѣ тонкости своей профессіи, всю свою опытность, всю ловкость своего напрактиковавшагося ума. Это едва ли не самый возмутительный изъ многихъ примѣровъ, въ которыхъ высказываются стремленія Французскаго ума, потому что это даетъ готовый механизмъ для цѣлей неограниченной власти, потому что это безчеститъ отправленіе правосудія, внося въ него идею несправедливости, и наконецъ вредитъ спокойному и ровному настроенію духа, которое невозможно вполнѣ сохранить при системѣ, дѣлающей изъ чиновника обвинителя и превращающей

судью въ приверженца партіи. Но это обстоятельство, какъ оно ни гибельно, составляетъ только часть еще болѣе обширной системы. Ибо на ряду съ методомъ, служащимъ для открытія преступниковъ, существуетъ подобный же методъ для предупрежденія преступленій. Съ этою послѣднею цѣлью, за людьми присматриваютъ и тщательно наблюдаютъ, даже въ ихъ обыденныхъ увеселеніяхъ. Дабы они не причинили вреда другъ другу какимъ нибудь внезапнымъ неблагоразуміемъ, принимаютъ предосторожности въ родѣ тѣхъ, какими отецъ обставляетъ своихъ дѣтей. На ихъ ярмаркахъ, въ театрахъ, въ концертахъ и другихъ общественныхъ сходкахъ, присутствуютъ всегда солдаты, которыхъ посылаютъ наблюдать, чтобы не было сдѣлано ничего дурнаго, чтобы не было безполезнаго столпленія, чтобы никто не бранился и не ссорился съ своимъ сосѣдомъ. Бдительность правительства не останавливается и на этомъ. Даже воспитаніе дѣтей подчинено контролю государства, вмѣсто того, чтобы подлежать вѣденію учителей или родителей. И все это приводится въ исполненіе съ такою энергіею, что Французовъ, ни взрослыхъ, ни дѣтей, никогда однихъ не оставляютъ. Въ то же время, раціонально предполагая, что взрослые, находящіеся такимъ образомъ подъ опекою, не могутъ сами знать толкъ въ пищѣ, правительство позаботилось и объ этомъ. Его зоркій глазъ слѣдитъ за мясникомъ въ лавкѣ и за булочникомъ у очага. Оно съ отеческою заботливостію смотритъ за тѣмъ, чтобы мясо не было дурно и чтобы хлѣбъ не былъ маловѣсенъ. Однимъ словомъ, не приводя много примѣровъ, хорошо извѣстныхъ большинству читателей, достаточно сказать, что во Франціи, какъ въ каждой странѣ, въ которой дѣйствуетъ принципъ покровительства, правительство установило монополію самаго вреднаго свойства, монополію, которая проникаетъ въ дѣла и сердца людей, слѣдитъ за ними въ ихъ ежедневныхъ занятіяхъ, безпокоитъ ихъ своимъ мелочнымъ вмѣшательствомъ и, что хуже всего, уменьшаетъ отвѣтственность ихъ передъ самими

собою, лишая ихъ такимъ образомъ того, что составляетъ единственное, истинное воспитаніе для большинства умовъ— постоянной необходимости предвидѣть будущія случайности, и привычки бороться съ трудностями жизни.

Послѣдствіемъ всего этого было, что Французы, хотя великій и блестящій народъ—народъ полный энергіи, высокомужественный, богатый знаніемъ и можетъ быть менѣе всякаго другаго народа въ Европѣ угнетенный суевѣріемъ—всегда оказывались неспособными къ отправленію политической власти. Даже когда имъ и случалось обладать ею, они не были способны соединить постоянство съ свободою. Одного изъ двухъ элементовъ всегда недоставало. У нихъ бывали свободныя правительства, но не прочныя. Бывали у нихъ прочныя правительства, но не свободныя. Благодаря своему врожденному безстрашію, они возставали и безъ сомнѣнія будутъ возставать противъ такого дурнаго положенія дѣлъ, но не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать безплодность всѣхъ такихъ попытокъ, по крайней мѣрѣ еще для нѣсколькихъ поколѣній, потому что люди никогда не могутъ быть свободны, если они не воспитаны для свободы. И это не то воспитаніе, которое пріобрѣтается въ школахъ или вычитывается изъ книгъ,—оно состоитъ въ само-развитіи, само-упованіи и само-управленіи. Въ Англіи, это дѣло наслѣдственнаго перехода, это преемственныя привычки, которыя мы усвоиваемъ себѣ въ юности и которыя управляютъ нами въ жизни. У Французовъ, всѣ старинныя ассоціаціи идей клонятся въ совершенно другую сторону. При малѣйшемъ затрудненіи, они взываютъ о помощи къ правительству. Что у насъ соревнованіе, то у нихъ монополія. То, что мы дѣлаемъ частными компаніями,—у нихъ исполняется правительственными учрежденіями. Они не могутъ прорыть каналъ или проложить желѣзную дорогу, не обращаясь за помощью къ правительству. У нихъ народъ смотритъ на правителей, а у насъ правители на народъ. У нихъ исполнительная власть

есть центръ, отъ котораго общество расходится, какъ радіусы; у насъ общество есть двигатель, органъ, исполнитель. Разница въ результатѣ соотвѣтствуетъ разницѣ въ процессѣ. Мы сдѣлались способны къ политической власти, вслѣдствіе продолжительнаго пользованія гражданскими правами; они же, пренебрегая пользованіемъ этими правами, думаютъ, что могутъ прямо начать съ власти. Мы всегда показывали рѣшимость поддерживать наши права а когда времена были благопріятны—то и расширять ихъ; дѣлали мы это съ пристойностью и степенностью, свойственными тѣмъ людямъ, которымъ такіе предметы издавна знакомы. Но Французы, съ которыми всегда обходились, какъ съ дѣтьми, въ политическомъ отношеніи, все еще дѣти. И такъ какъ они вели самыя важныя дѣла въ томъ живомъ и легкомысленномъ духѣ, которымъ отличается ихъ легкая литература, то не удивительно, что они не имѣли удачи въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ первое условіе успѣха—чтобы люди издавна привыкли полагаться на собственныя силы и чтобы прежде, нежели они испытаютъ свое искусство въ борьбѣ политической, силы ихъ окрѣпли въ томъ предварительномъ закалѣ, который неминуемо даетъ борьба съ трудностями гражданской жизни.

Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ соображеній, которыми мы должны руководствоваться, строя предположенія на счетъ будущей судьбы великихъ европейскихъ государствъ. Но намъ теперь особенно важно замѣтить, какъ долго противуположныя стремленія Франціи и Англіи высказывались въ томъ положеніи и обращеніи, какими пользовалась въ нихъ аристократія, и какъ изъ этого естественно произошли нѣкоторыя рѣзкія различія между борьбою Фронды и борьбою Долгаго Парламента.

Когда въ четырнадцатомъ столѣтіи власть французскихъ королей стала быстро возрастать, политическое значеніе дворянъ стало конечно въ такой же мѣрѣ уменьшаться. Но что особенно доказываетъ, до какой степени укоренилась въ

прежнее время ихъ власть, это тотъ несомнѣнный фактъ, что не смотря на такое неблагопріятное для нихъ обстоятельство, народъ никогда не былъ въ силахъ освободиться отъ ихъ контроля. Отношенія дворянъ къ коронѣ совершенно измѣнились, а отношенія ихъ къ народу остались почти тѣ же самыя. Въ Англіи рабство, или, какъ оно мягче называется, крѣпостное состояніе (villenage), быстро уменьшалось и исчезло къ концу шестнадцатаго столѣтія. Во Франціи оно существовало еще двѣсти лѣтъ, и было уничтожено только въ ту великую революцію, которая призвала къ такому строгому отчету обладателей несправедливо пріобрѣтенной власти. Точно также, до послѣднихъ семидесяти лѣтъ, дворяне во Франціи были изъяты отъ тѣхъ обременительныхъ налоговъ, которые падали на народъ. Подушная подать и барщина, эти тяжкія и обидныя повинности, налагались исключительно на лицъ низкаго происхожденія; потому что французская аристократія, будучи высокою, рыцарскою расою, сочла бы оскорбленіемъ для своихъ знаменитыхъ потомковъ, если бы она была обложена податью наравнѣ съ тѣми, которыхъ она презираетъ, ставя ихъ ниже себя. Въ самомъ дѣлѣ, все стремилось къ поддержанію этого презрѣнія. Все было направлено къ униженію одного класса и къ возвышенію другаго. Дворянамъ предоставлялись лучшія должности въ духовенствѣ, а также самые важные военные посты. Имъ дарована была привилегія вступать въ армію офицерами; и имъ однимъ принадлежало исключительное право служить въ кавалеріи. Въ то же время, чтобы избѣжать и малѣйшей возможности смѣшенія, такая же предусмотрительность проявляема была и въ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствахъ; старались, чтобы не было ни малѣйшаго сходства даже въ увеселеніяхъ двухъ классовъ. Это доходило до такой степени, что во многихъ мѣстностяхъ Франціи, право имѣть птичникъ или голубятню совершенно зависѣло отъ званія человѣка: ни одинъ Французъ, каково бы ни было

его богатство, не могъ держать голубей, если онъ былъ не дворяниномъ; ибо такія развлеченія считались слишкомъ возвышенными для лицъ плебейскаго происхожденія.

Подобныя условія имѣютъ важность, какъ свидѣтельство о состояніи того общества, среди котораго они существовали; значеніе ихъ сдѣлается въ особенности очевидно, когда сравнимъ этотъ порядокъ вещей съ противоположнымъ ему состояніемъ Англіи. Ибо въ Англіи ни эти, ни какія либо подобныя имъ различія никогда не были извѣстны. Духъ, представителями котораго были наши мелкіе землевладѣльцы, наши копигольдеры и наши вольные горожане, былъ слишкомъ силенъ, чтобы уступить тѣмъ началамъ покровительства и монополіи, которыя поддерживаются аристократіею, въ политикѣ, и духовенствомъ, въ религіи. Этой успѣшной оппозиціи со стороны чувства личной независимости обязаны мы нашими двумя величайшими народными движеніями — нашей реформаціею, въ XVI, и нашимъ возстаніемъ въ XVII столѣтіи. Но прежде, чѣмъ излагать все, что было сдѣлано въ этихъ отношеніяхъ, я желалъ бы обратить вниманіе еще на одну сторону, представляющую новое доказательство ранняго и радикальнаго различія между Франціею и Англіею.

Въ одинадцатомъ столѣтіи возникло знаменитое учрежденіе рыцарства, которое было тѣмъ же для нравовъ, чѣмъ былъ феодализмъ для политическаго быта. Эта связь ясно видна не только изъ свидѣтельствъ современниковъ, но и изъ двухъ общихъ соображеній. Во первыхъ, рыцарство было такое высоко-аристократическое учрежденіе, что никто не могъ вступать въ него, не будучи благороднаго происхожденія; и предварительное воспитаніе, которое считали необходимымъ, давалось или въ школахъ, учрежденныхъ дворянами, или въ ихъ собственныхъ баронскихъ замкахъ. Во вторыхъ, рыцарство было въ сущности покровительственное, а вовсе не преобразовательное учрежденіе. Оно было придумано съ цѣлью дѣйствовать противъ нѣкоторыхъ при-

тѣсненій по мѣрѣ того, какъ они обнаруживались; оно представляетъ въ этомъ отношеніи противоположность съ духомъ реформы, который, дѣйствуя скорѣе какъ радикальныя, чѣмъ какъ палліативныя средства, поражаетъ зло въ самомъ корнѣ, смиряя тотъ классъ, отъ котораго зло происходитъ, и минуя частные случаи, дабы сосредоточить вниманіе на общихъ причинахъ. Рыцарство, далеко не имѣя такого дѣйствія, было въ самомъ дѣлѣ смѣшеніемъ аристократическихъ и клерикальныхъ формъ покровительственнаго духа. Ибо, вводя въ дворянство начало рыцарства, которое, будучи личнымъ, никогда не могло быть передаваемо по наслѣдству, учрежденіе это представляло съ одной стороны возможность примиренія церковнаго ученія о безбрачіи съ аристократическимъ ученіемъ о наслѣдственности. Эта коалиція имѣла чрезвычайно важныя послѣдствія. Ей именно обязана Европа появленіемъ орденовъ полуаристократическихъ и полурелигіозныхъ— рыцарей Храмовниковъ, рыцарей Св. Іакова, рыцарей Св. Іоанна, рыцарей Св. Михаила—учрежденій, причинившихъ обществу величайшее зло: члены ихъ, соединивъ въ себѣ однородные пороки, оживили суевѣріе монаховъ примѣсью солдатскаго разгула. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было, что огромное число благородныхъ рыцарей торжественно дали обѣтъ «защищать церковь» — выраженіе зловѣщее, смыслъ котораго слишкомъ хорошо извѣстенъ читателямъ церковной исторіи. Такимъ образомъ рыцарство, соединивъ враждебные принципы безбрачія и знатности рожденія, сдѣлалось воплощеніемъ духа тѣхъ двухъ классовъ, которымъ эти принципы были свойственны. Какую бы пользу ни доставило это учрежденіе правамъ, но несомнѣнно, что оно дѣятельно способствовало къ поддержанію людей въ состояніи несовершеннолѣтія и остановило развитіе общества, продолживъ время его дѣтства.

По этому очевидно, что взглянемъ ли мы на непосредственныя, или на отдаленныя стремленія рыцарства, его мо-

гущество и продолжительность окажутся мѣрою преобладанія покровительственнаго духа. Если съ этой точки зрѣнія, мы сравнимъ Францію и Англію, то найдемъ новыя доказательства ранняго различія между этими странами. Турниры, первое открытое выраженіе рыцарства, обязаны своимъ происхожденіемъ Франціи. Замѣчательнѣйшіе, и даже единственные два писателя, говорившіе о рыцарствѣ, Жуанвиль и Фруассаръ—оба были Французы. Баярдъ, знаменитый рыцарь, всегда считавшійся послѣднимъ представителемъ рыцарства, былъ Французъ, и былъ убитъ, сражаясь за Франциска I. И только около сорока лѣтъ спустя послѣ его смерти, турниры были окончательно уничтожены во Франціи; послѣдніе турниры были даны въ 1560 году.

Но въ Англіи, гдѣ духъ покровительства былъ менѣе дѣятеленъ, чѣмъ во Франціи, слѣдовало ожидать, что рыцарство, какъ порожденіе этого духа, будетъ имѣть менѣе вліянія. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Почести, оказываемыя рыцарямъ, и общественныя отличія, отдѣлявшія ихъ отъ прочихъ классовъ, никогда не были такъ велики у насъ, какъ во Франціи. Чѣмъ болѣе народъ дѣлался свободнымъ, тѣмъ больше уменьшалось уваженіе его къ такимъ предметамъ. Въ тринадцатомъ столѣтіи, и именно въ то самое царствованіе, когда горожане впервые призваны были въ парламентъ, главный символъ рыцарства былъ въ такомъ презрѣніи, что вышелъ законъ, обязывавшій извѣстныхъ лицъ принимать рыцарскій санъ, тогда какъ между другими націями это было однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ честолюбія. Въ четырнадцатомъ столѣтіи, новый ударъ лишилъ рыцарство его исключительнаго военнаго характера; въ царствованіе Эдуарда III вошло въ обычай давать рыцарство судьямъ судовъ права, и такимъ образомъ воинственный титулъ превратился въ гражданское достоинство. Наконецъ, въ исходѣ пятнадцатаго столѣтія, духъ рыцарства, высоко еще стоявшій во Франціи, совершенно угасъ

въ нашей странѣ, и это гибельное учрежденіе сдѣлалось предметомъ насмѣшки даже между народомъ ([69]). Къ этимъ обстоятельствамъ мы можемъ присоединить еще два другихъ, которыя, кажется заслуживаютъ вниманія. Первое — что Французы, не смотря на ихъ многія удивительныя качества, всегда отличались бо̀льшимъ личнымъ тщеславіемъ, нежели Англичане—особенность эту отчасти должно приписать тѣмъ рыцарскимъ преданіямъ, которыхъ не могли истребить даже ихъ случайныя республики, и которыя пріучали ихъ придавать излишнее значеніе внѣшнимъ отличіямъ; подъ послѣдними я понимаю не только одежду и манеры, но также медали, ленты, звѣзды, кресты и т. п., чему мы, народъ болѣе гордый, никогда не оказывали такого высокаго уваженія. Второе обстоятельство — что дуэль была съ самаго начала болѣе популярна во Франціи, чѣмъ въ Англіи, а такъ какъ этимъ обычаемъ мы обязаны рыцарству, то разница въ этомъ отношеніи между двумя странами прибавляетъ новое звено въ длинной цѣпи данныхъ, на основаніи которыхъ мы должны судить о національныхъ стремленіяхъ ихъ обѣихъ.

Старинныя ассоціаціи идей, которыхъ эти факты суть только внѣшнее выраженіе, теперь продолжали дѣйствовать съ возрастающею силою. Во Франціи, духъ покровительства, внесенный въ религію, былъ довольно силенъ, чтобы противиться Реформаціи и сохранить духовенству по крайней мѣрѣ формы его прежняго могущества. Въ Англіи, гордость народа и привычка полагаться на самаго себя, дали возможность выработаться цѣлой системѣ, основанной на такъ называемомъ правѣ личнаго сужденія, съ помощью которой были искоренены нѣкоторыя изъ самыхъ любимыхъ преданій; а это обстоятельство, какъ мы уже видѣли, будучи непосредственно сопровождаемо сперва скептицизмомъ, а потомъ терпимостью, проложило путь къ тому подчиненію церкви государству, въ которомъ мы достигли высшей степени и не знаемъ соперни-

ковъ между народами Европы. То же самое направленіе, дѣйствуя въ политикѣ, произвело подобные же результаты. Наши предки не встрѣтили никакого препятствія къ смиренію гордости дворянъ и къ приведенію ихъ въ положеніе сравнительно ничтожное. Войны Алой и Бѣлой розъ, раздѣливъ знатнѣйшія фамиліи на двѣ враждебныя партіи, помогли этому движенію; и съ самаго царствованія Эдуарда IV, не было примѣра, чтобы Англичанинъ, даже изъ самаго знатнаго рода, отважился вести тѣ частныя войны, которыми, въ другихъ странахъ, знатные бароны все еще нарушали спокойствіе общества. Когда междоусобныя смуты затихли, тотъ же духъ проявился въ политикѣ Генриха VII и Генриха VIII. Ибо эти государи, какими бы они ни были деспотами, преимущественно угнетали высшіе классы, и даже Генрихъ VIII, не смотря на свою варварскую жестокость, былъ любимъ народомъ, для котораго его царствованіе было вообще благодѣтельно. Къ этому присоединилась еще Реформація, которая, какъ возстаніе человѣческаго ума, являлась въ сущности движеніемъ мятежнымъ и, ослабивъ въ людяхъ чувство подчиненности, посѣяла, въ XV столѣтіи, сѣмена тѣхъ великихъ политическихъ революцій, которыя, въ XVII столѣтіи, вспыхнули почти во всѣхъ частяхъ Европы. Связь между этими двумя революціонными эпохами въ высшей степени интересна; но для настоящей главы достаточно будетъ указать лишь на такія событія послѣдней половины XVI столѣтія, которыя обнаруживаютъ сочувствіе между духовенствомъ и аристократіею и доказываютъ, что тѣ же обстоятельства, которыя были пагубны для одного класса, приготовили также и паденіе другаго.

Когда Елизавета вступила на престолъ Англіи, значительное большинство дворянства враждебно относилось къ протестантской религіи; это мы знаемъ изъ самыхъ положительныхъ свидѣтельствъ, но если бы даже мы не имѣли этихъ свидѣтельствъ, то знакомство вообще съ человѣческой при-

родой заставило бы насъ предположить, что такъ именно и было. Ибо аристократія, по самымъ условіямъ своего существованія, должна, какъ сословіе, всегда враждебно смотрѣть на нововведенія. И это не потому только, что при всякой перемѣнѣ, члены ея много теряютъ и мало выигрываютъ, а потому, что нѣкоторыя изъ ихъ пріятнѣйшихъ душевныхъ движеній связаны скорѣе съ прошедшимъ чѣмъ съ настоящимъ. Въ столкновеніяхъ съ дѣйствительной жизнью ихъ тщеславіе иногда оскорбляется возвышеніями темныхъ личностей; оно часто также уязвляется успѣшнымъ соревнованіемъ съ ними людей талантливыхъ. Таковы оскорбленія, которымъ, съ развитіемъ общества, они все болѣе и болѣе подвергаются. Но имъ стоитъ только обратиться къ прошедшему и они видятъ въ томъ добромъ старомъ времени, которое уже невозвратится, много источниковъ утѣшенія. Тамъ они находятъ такой періодъ, когда ихъ слава не знала соперничества. Когда они смотрятъ на свои родословныя, на щиты своихъ гербовъ и на ихъ дѣленія, когда они вспоминаютъ о чистотѣ своей крови и о древности своихъ предковъ,—они испытываютъ такое отрадное чувство, которое должно вполнѣ вознаграждать ихъ за всякія лишенія въ настоящемъ. Къ чему все это ведетъ, понять весьма легко: это видно изъ исторіи всѣхъ аристократій въ свѣтѣ. Люди, дошедшіе до такого сумасбродства, чтобы полагать будто имъ дѣлаетъ честь, если одинъ предокъ ихъ пришелъ съ Норманнами, а другой присутствовалъ при первомъ вторженіи въ Ирландію — люди до такой степени увлекавшіеся мечтаніями, не способны остановиться на этомъ; посредствомъ процесса привычнаго большинству умовъ, они обобщаютъ свой взглядъ и, даже въ вещахъ не имѣющихъ непосредственной связи съ ихъ славой, пріобрѣтаютъ привычку соединять величіе съ древностью и оцѣнивать достоинство годами, перенося такимъ образомъ на прошедшее то удивленіе, которое иначе они сохранили бы для настоящаго.

Связь между такими чувствами и чувствами, одушевляющими духовенство, весьма очевидна. Чтò дворяне въ политикѣ, тò духовные въ религіи. Оба класса, постоянно ссылаясь на голосъ древности, полагаются много на преданія и находятъ большую важность въ поддержаніи установившихся обычаевъ. Оба считаютъ за вещь доказанную, что старое лучше новаго, и что въ прежнія времена существовали такія средства для открытія истинъ въ государственномъ управленіи и въ теологіи, какихъ мы, въ теперешніе выродившіеся вѣка, болѣе не имѣемъ. Слѣдуетъ еще прибавить, что изъ сходства ихъ принциповъ вытекаетъ и сходство ихъ стремленій. Оба они въ высшей степени отличаются духомъ покровительства, неподвижностью, или, какъ иногда говорятъ, консерватизмомъ. Полагаютъ, что аристократія оберегаетъ государство отъ революціи, а духовенство ограждаетъ церковь отъ заблужденій. Первая—врагъ реформаторовъ; второе—бичь ереси.

Въ настоящемъ введеніи не мѣсто разсматривать, на сколько разумны эти принципы, или въ какой мѣрѣ здравы тѣ понятія, которыя предполагаютъ, что въ воззрѣніяхъ на извѣстные предметы огромной важности, люди должны оставаться неподвижными, между тѣмъ какъ во всемъ другомъ они должны постоянно идти впередъ. Но чтó я теперь желаю особенно выяснить, это то, какимъ образомъ, въ царствованіе Елизаветы, два великіе консервативные и покровительственные класса были ослаблены тѣмъ обширнымъ движеніемъ, реформаціею, которая хотя довершилась въ XVI столѣтіи, но была приготовлена длиннымъ рядомъ предшествовавшихъ фактовъ умственнаго развитія.

Что бы ни говорили люди, ослѣпленные предразсудками, но принято всѣми непредубѣжденными судьями, что протестантская реформація была не болѣе, ни менѣе, какъ открытое возстаніе. Въ самомъ дѣлѣ, одного намека на личное сужденіе, на которомъ она неизбѣжно основывалась, достаточно для

подтвержденія этого факта. Установить право личнаго сужденія значило аппеллировать на церковь къ разуму отдѣльныхъ личностей; это значило расширить кругъ дѣйствія ума каждаго отдѣльнаго человѣка; это значило повѣрять мнѣнія духовенства мнѣніями міряпъ; это значило, собственно, возстановлять учениковъ противъ ихъ учителей — подвластныхъ противъ ихъ властителей. И хотя реформатское духовенство, какъ только оно образовало изъ себя іерархію, безъ сомнѣнія покинуло великій принципъ, отъ котораго оно первоначально исходило, и стало стремиться къ введенію догматовъ и каноновъ своего собственнаго изобрѣтенія,—всетаки это не должно ослѣплять насъ въ отношеніи заслугъ самой Реформаціи. Тираннія англиканской церкви въ царствованіе Елизаветы, и еще болѣе въ царствованіе двухъ ея преемниковъ, была естественнымъ послѣдствіемъ той порчи, которую всегда производитъ власть въ тѣхъ, кто облеченъ ею, посредствомъ котораго была первоначально достигнута такая власть. Ибо люди не могли забыть, что по старинной теологической теоріи, англиканская церковь считалась учрежденіемъ схизматическимъ, и могла защищать себя отъ обвиненія въ ереси, только аппеллируя къ личному сужденію, проявленію котораго она обязана своимъ существованіемъ, хотя ея собственныя дѣйствія и были постояннымъ нарушеніемъ его правъ. Было очевидно, что если, въ религіозныхъ вопросахъ, личное сужденіе важнѣе всего, то величайшимъ правительственнымъ преступленіемъ должно считать введеніе какихъ либо постановленій или принятіе какихъ либо мѣръ, которыя бы связывали личное сужденіе; между тѣмъ какъ съ другой стороны, если право личнаго сужденія не стоитъ выше всего, то англиканская церковь была виновна въ вѣроотступничествѣ, потому что ея основатели, опираясь на толкованіе библіи, основанное на ихъ личномъ сужденіи, оставили ученія, которыхъ они до тѣхъ поръ держались, и открыто нарушили вѣрность тому, передъ чѣмъ, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, всѣ благоговѣли, какъ передъ католическою апостольскою церковью.

Вотъ два простыя рѣшенiя вопроса, которыя конечно могли быть упущены изъ виду, но не вовсе отвергнуты, и о которыхъ безъ всякаго сомнѣнiя, никогда не забывали. Память о великой истинѣ, заключающейся въ нихъ, сохранилась въ сочиненiяхъ и ученiяхъ пуританъ и въ той привычкѣ къ мышленiю, которая свойственна пытливому вѣку. Когда пришла пора, истина эта не преминула принести свои плоды. Она продолжала медленно распложаться и около половины XVII столѣтiя, сѣмена ея получили такую жизненную силу, которой ничто не могло противостоять. То же самое право личнаго сужденiя, которое было громко провозглашено первыми реформаторами, теперь расширилось до размѣра гибельнаго для тѣхъ, кто ему противился. Введенное въ политику, оно ниспровергло правительство; внесенное въ религiю — уронило церковь. Возстанiе и ересь суть только различныя формы того же самаго пренебреженiя къ преданiямъ — проявленiя того же самаго смѣлаго и независимаго духа. Оба они имѣютъ свойства протеста новѣйшихъ идей противъ старинныхъ понятiй. Они составляютъ борьбу между чувствами, возбуждаемыми настоящимъ, и воспоминанiемъ прошедшаго. Безъ приведенiя въ дѣйствiе личнаго сужденiя, такая борьба никогда не могла бы имѣть мѣсто; ни малѣйшая мысль о ней не могла бы никому придти въ голову; люди никогда и не подумали бы подавлять своею личною энергiею тѣ злоупотребленiя, которымъ подвержены всѣ обширныя общества. По этому, въ высшей степени естественно, что примѣненiю личнаго сужденiя должны противиться тѣ два могущественные класса, которые по своему положенiю, по своимъ интересамъ и складу ума, склонны болѣе чѣмъ кто либо любить старину, держаться обветшалыхъ обычаевъ и поддерживать учрежденiя, которыя, по ихъ любимому выраженiю, были освящены мудростью ихъ отцовъ.

Съ этой точки зрѣнiя, мы имѣемъ возможность съ большою ясностью различать тѣсную связь, которая существовала,

при воцареніи Елизаветы, между англійскими дворянами и и католическимъ духовенствомъ. Несмотря на многія исключенія, огромное большинство въ обоихъ классахъ противилось Реформаціи, потому что она была основана на правѣ личнаго сужденія, котораго они, какъ покровители старыхъ мнѣній, были естественными антагонистами. Все это не должно возбуждать удивленія; оно было въ порядкѣ вещей и строго согласовалось съ духомъ этихъ двухъ классовъ общества. Къ счастью, однако, для нашей страны, на тронѣ была государыня, которая во всемъ соображалась съ обстоятельствами и которая, вмѣсто того, чтобы дѣлать уступки обоимъ классамъ, воспользовалась духомъ времени, чтобы смирить и тѣхъ и другихъ. Изложеніе того, какимъ образомъ Елизавета достигла этой цѣли, сперва относительно католическаго духовенства, а потомъ и относительно протестанскаго, составляетъ одну изъ интереснѣйшихъ страницъ нашей исторіи, и, при разсказѣ о царствованіи этой великой королевы, я надѣюсь разсмотрѣть этотъ вопросъ довольно подробно. Теперь же достаточно будетъ взглянуть на политику ея въ отношеніи къ дворянамъ—къ тому классу, съ которымъ духовенство, по его интересамъ, убѣжденіямъ и понятіямъ, всегда имѣло много общаго.

Елизавета, найдя при своемъ восшествіи на престолъ, что древнія фамиліи держатся старой религіи, призвала, естественнымъ образомъ, въ свой совѣтъ такихъ лицъ, отъ которыхъ скорѣе можно было ожидать поддержки нововведеніямъ, соотвѣтствовавшимъ духу времени. Она избрала людей, которые, не будучи стѣснены связями съ прошедшимъ, имѣли большую склонность въ пользу современныхъ интересовъ. Два Бэкона, два Сэсиля (Бёрлея), Садлеръ, Смитъ, Трогмортонъ, Вальсингамъ—все это знаменитѣйшіе государственные люди и дипломаты ея царствованія, и всѣ они были членами палаты общинъ; одного только возвела она въ достоинство пера. Люди эти конечно не были замѣчательны ни настоя-

щими родственными связями, ни славою своихъ предковъ; они обратили однако на себя вниманіе Елизаветы своими замѣчательными способностями и своею рѣшимостью поддерживать религію, противъ которой старинная аристократія естественно возставала. Замѣчательно, что между обвиненіями, взводимыми на эту королеву католиками, находятся порицанія не только за отступленіе отъ старой религіи но и за пренебреженіе къ старинному дворянству.

Не требуется слишкомъ большаго значенія исторіи того времени, чтобы видѣть, на сколько это обвиненіе справедливо. Какое бы мы ни давали объясненіе этому факту, но нельзя отрицать, что въ царствованіе Елизаветы была открытая и постоянная оппозиція дворянъ исполнительному правительству. Возмущеніе 1569 года было въ сущности аристократическое движеніе; это было возстаніе знатныхъ фамилій сѣвера противъ плебейскаго, по ихъ мнѣнію, управленія королевы. Злѣйшимъ врагомъ Елизаветы была конечно Марія Шотландская; интересы Маріи были открыто защищаемы герцогомъ Норфокскимъ, графомъ Нортумберландскимъ, графомъ Вестморилапдскимъ и графомъ Арёндель; есть тоже причины предполагать, что ея дѣлу въ тайнѣ помогали маркизъ Нортамптонъ, графъ Пемброкъ, графъ Кумберландъ, графъ Шрюсбёри и графъ Сёссексъ.

Существованіе такого антагонизма интересовъ не могло ускользнуть отъ проницательности англійскаго правительства. Сэсиль, самый могущественный изъ министровъ Елизаветы, состоявшій во главѣ правленія около сорока лѣтъ, считалъ одною изъ обязанностей своихъ изучать генеалогіи и матеріальныя средства знатныхъ фамилій; и это онъ дѣлалъ не изъ пустаго любопытства, а ради усиленія своего контроля надъ ними или, какъ говоритъ одинъ великій историкъ, «для того, чтобы они знали, что его глазъ слѣдитъ за ними». Сама королева, при всемъ своемъ властолюбіи, нисколько не была расположена къ жестокости, но ей повидимому прави-

лось унижать дворянъ. На нихъ тяжело ложилась рука ея, и трудно найти хотя одинъ случай, въ которомъ бы она простила имъ какой либо проступокъ; многихъ изъ нихъ она наказала за такія дѣла, которыя теперь вовсе не считались бы преступленіями. Она всегда неохотно допускала ихъ къ отправленію власти, и нѣтъ ни какого сомнѣнія, что въ ея долгое, благополучное царствованіе, съ дворянами, какъ съ сословіемъ, обращались необыкновенно непочтительно. И въ самомъ дѣлѣ, такъ ясно обозначалась политика ея, въ этомъ отношеніи, что когда вымерло сословіе герцоговъ, она отказалась возстановить его; и прошло цѣлое поколѣніе, для котораго слово герцогъ было чѣмъ-то чисто историческимъ, предметомъ обсужденія для антикваріевъ, не имѣющимъ ни какого отношенія къ практической жизни. Каковы бы ни были ея ошибки въ другихъ отношеніяхъ, но въ этомъ, она была всегда послѣдовательна. Прилагая величайшее стараніе къ тому, чтобы окружить престолъ свой даровитыми личностями, она весьма мало заботилась о тѣхъ условныхъ различіяхъ между людьми, которыя такъ важны въ глазахъ посредственныхъ государей. Она не обращала вниманія на высокія званія, и не смотрѣла на чистоту крови. Людей цѣнила она не по знатности ихъ происхожденія, не по древности ихъ родословныхъ и не по блистательности ихъ титуловъ. Всѣ подобные вопросы она оставила своимъ выродившимся преемникамъ, умы которыхъ какъ бы созданы были для разсмотрѣнія ихъ. Наша великая королева опредѣляла свой образъ дѣйствій по совершенно другимъ началамъ. Ея обширный и могучій умъ, до совершенства развитый мышленіемъ и наукой, указывалъ ей на настоящую для всего мѣру, и далъ ей возможность замѣтить, что для успѣшности дѣйствій какого либо правительства, необходимы совѣтники даровитые и добросовѣстные, и что, если только это условіе исполнено, аристократамъ можно предоставить спокойно наслаждаться жизнью, вдали отъ тѣхъ государственныхъ заботъ,

къ которымъ они, за нѣкоторыми блистательными исключеніями, естественно не способны, по множеству своихъ предразсудковъ и по пустотѣ своего обыкновеннаго образа жизни.

Послѣ смерти Елизаветы, сдѣлана была попытка, сперва Іаковомъ, потомъ Карломъ, возобновить могущество двухъ классовъ, олицетворяющихъ въ себѣ покровительственное начало — аристократіи и духовенства. Но общее направленіе того времени такъ превосходно согласовалось съ политикою Елизаветы, что Стюартамъ оказалось невозможно исполнить свои злостные замыслы. Примѣненіе личнаго сужденія, какъ къ религіи, такъ и къ политикѣ, до такой степени вошло въ привычку у всей націи, что государямъ этимъ не удалось подчинить это сужденіе своей волѣ. И когда Карлъ I съ непостижимымъ ослѣпленіемъ и упорствомъ, превышающимъ даже упорство отца его, настаивалъ на томъ, чтобы ввести, въ самыхъ худшихъ формахъ, противоестественныя теоріи покровительства, и усиливался упрочить такой образъ правленія, который граждане, при возрастающей самостоятельности ихъ, рѣшились отвергнуть—то неизбѣжно должно было произойти достопамятное столкновеніе, которое справедливо названо великимъ возстаніемъ Англіи. Объ аналогіи между этимъ событіемъ и протестантскою Реформаціею я уже говорилъ; но что̀ теперь намъ остается разсмотрѣть и что̀ я постараюсь очертить въ слѣдующей главѣ, это различіе между нашимъ возстаніемъ и современными ему войнами Фронды, съ которыми оно во многихъ отношеніяхъ было весьма сходно.

ГЛАВА X.

Сила, которою обладалъ духъ покровительства во Франціи, служитъ объясненіемъ неуспѣха Фронды. Сравненіе Фронды съ современнымъ ей англійскимъ возстаніемъ.

Предметомъ послѣдней главы было изслѣдованіе о происхожденіи духа покровительства. Изъ собранныхъ тамъ доказательствъ видно, что этотъ духъ впервые проявился, въ ясной и притомъ свѣтской формѣ, въ концѣ темныхъ вѣковъ, но, благодаря разнымъ обстоятельствамъ того времени, былъ съ самаго начала гораздо менѣе силенъ въ Англіи, чѣмъ во Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что въ нашемъ отечествѣ, онъ и впослѣдствіи постоянно ослабѣвалъ, между тѣмъ какъ во Франціи, съ начала четырнадцатаго вѣка, онъ принялъ новую форму и вызвалъ стремленіе къ централизаціи, которое проявилось не только въ гражданскихъ и политическихъ учрежденіяхъ, но и въ соціальной и даже литературной жизни французской націи. Вотъ насколько мы повидимому проложили путь къ ясному пониманію исторіи обѣихъ странъ; теперь же я намѣреваюсь развить эту мысль нѣсколько далѣе и показать, до какой степени этимъ различіемъ объясняется несходство междоусобныхъ войнъ Англіи съ распрями, вспыхнувшими въ то же время во Франціи.

Въ числѣ очевидныхъ характеристическихъ чертъ великаго возстанія Англіи, самая замѣтная заключается въ томъ, что возстаніе это было борьбою не только политическихъ партій,

но и сословій. Съ самаго начала борьбы, мелкіе землевладѣльцы и торговый классъ примкнули къ парламенту, между тѣмъ какъ дворянство и духовенсто сгруппировались около королевскаго трона. Самыя названія, данныя обѣимъ партіямъ «круглыхъ головъ» и и «кавалеровъ», доказываютъ, что истинный характеръ распри былъ всѣмъ извѣстенъ. Это доказываетъ, что люди знали, что на очереди стоялъ вопросъ, раздѣлявшій Англію на партіи не столько въ силу частныхъ интересовъ отдѣльныхъ личностей, сколько во имя общихъ интересовъ сословій, къ которымъ эти личности принадлежали.

Но въ исторіи французскаго возстанія нѣтъ и малѣйшаго слѣда такого широкаго раздѣленія. Цѣли войны были въ обѣихъ странахъ совершенно одинаковы, но средства послужившія для этихъ цѣлей, были совершенно различны. Фронда на столько походила на наше возстаніе, на сколько она была борьбою парламента съ короною — на сколько она была попыткою обезпечить свободу и воздвигнуть оплотъ противъ деспотизма правительства. До тѣхъ поръ, пока мы будемъ имѣть въ виду только политическія цѣли обѣихъ распрей—параллель будетъ совершенная. Но такъ какъ соціальныя и умственныя условія, въ которыхъ до того времени стояли Французы, были весьма различны отъ обстановки Англичанъ, то необходимымъ послѣдствіемъ этого было, что и форма, которую приняло возстаніе оказалась равнымъ образомъ различна, хотя побужденія были одни и тѣ же. Если мы разсмотримъ это различіе нѣсколько ближе, то увидимъ, что оно находится въ связи съ обстоятельствомъ, только что мною замѣченнымъ, а именно, что въ Англіи война за свободу сопровождалась войною сословій, тогда какъ во Франціи такой войны не было вовсе. Вслѣдствіе этого, во Франціи, возстаніе, будучи только политическимъ, а не политическимъ и соціальнымъ, какъ это было у насъ, менѣе овладѣвало всѣми умами; оно не сопровождалось тѣмъ чувствомъ само-

бытности, безъ котораго свобода всегда была невозможна; не имѣя корня въ національномъ характерѣ, оно не могло спасти страну отъ того рабскаго состоянія, въ которое она быстро впала, нѣсколько лѣтъ спустя, въ правленіе Людовика XIV.

Что наше великое возстаніе было, въ его внѣшнихъ проявленіяхъ, войною сословій, это одинъ изъ тѣхъ осязательныхъ фактовъ, которые выдаются впередъ въ исторіи. Сперва парламентъ дѣйствительно стремился привлечь на свою сторону нѣкоторыхъ дворянъ, и это удавалось ему нѣсколько времени. Но съ дальнѣйшимъ развитіемъ борьбы, безплодность такой политики сдѣлалась очевидною. Въ нормальномъ ходѣ великаго движенія, дворяне оказывались все болѣе и болѣе приверженными королю — парламентъ становился все болѣе и болѣе демократическимъ. А когда сдѣлалось очевидно, что и та, и другая партіи рѣшились или побѣдить, или умереть, то этотъ антагонизмъ сословій слишкомъ ясно обозначался, чтобы быть непонятымъ; пониманіе каждою партіею своихъ интересовъ усиливалось подъ вліяніемъ величія тѣхъ благъ, изъ за которыхъ онѣ боролись.

Не наполняя, безъ нужды, этого введенія тѣмъ, что можно найти въ нашихъ обыкновенныхъ историческихъ сочиненіяхъ, достаточно будетъ напомнить читателю нѣкоторые наиболѣе рѣзкіе факты того времени. Передъ самымъ началомъ войны, графъ Эссексъ былъ назначенъ главнокомандующимъ парламентскихъ войскъ, а въ помощники къ нему—графъ Бэдфордъ. Равнымъ образомъ, порученіе набирать войска было дано графу Манчестеръ, единственному человѣку, изъ высшаго сословія, которому Карлъ выказывалъ прямую непріязнь. Не смотря на такія знаки довѣрія, дворяне, на которыхъ парламентъ въ началѣ былъ готовъ положиться, не могли не выказать старыхъ наклонностей своего сословія. Графъ Эссексъ такъ велъ себя, что внушилъ народной партіи величайшія подозрѣнія въ томъ, что онъ обманываетъ ее, и когда защита Лондона была ввѣрена

Воллеру, Эссексъ такъ упорно отказывался вписать въ патентъ имя этого даровитаго офицера, что члены нижней палаты были вынуждены сдѣлать это своею собственною властью, вопреки своему же генералу. Графъ Бэдфордъ, хотя и принялъ военное назначеніе, не поколебался однако покинуть тѣхъ, отъ кого получилъ его. Этотъ дворянинъ — отступникъ бѣжалъ изъ Вестминстера въ Оксфордъ, но найдя, что король, никогда не прощавшій своихъ враговъ, принялъ его не такъ милостиво, какъ онъ ожидалъ, вернулся въ Лондонъ, гдѣ, хотя и остался безопаснымъ, но нельзя было предположить, чтобы онъ опять удостоился довѣрія парламента.

Нельзя было ожидать, чтобы такіе примѣры повели къ уменьшенію недовѣрія, которое обѣ партіи чувствовали другъ къ другу. Скоро сдѣлалось очевиднымъ, что война между сословіями неизбѣжна, и что возстаніе парламента противъ короля будетъ усилено возстаніемъ народа противъ дворянъ. Народная партія, каковы бы ни были ея первыя намѣренія, теперь охотно примирилась съ этою необходимостью, Въ 1645 году, она издала законъ, по которому не только графъ Эссексъ и графъ Манчестеръ лишены были командованія, но и всѣ члены обѣихъ палатъ были изъяты отъ военной службы. И не позже, какъ черезъ недѣлю послѣ казни короля, народная партія формально отняла законодательную власть у перовъ, внеся въ то же время въ протоколъ свое замѣчательное мнѣніе, что палата лордовъ «безполезна, вредна и должна быть уничтожена».

Но мы найдемъ еще болѣе удивительныя доказательства, относительно истиннаго характера англійскаго возстанія, если взглянемъ, что̀ за люди были его двигатели. Это обнаружитъ намъ демократическій характеръ того движенія, которое законовѣды и антикваріи тщетно старались представить въ видѣ конституціоннаго. Наше великое возстаніе было дѣломъ людей, смотрѣвшихъ не назадъ, а впередъ; стараться найти при-

чины его въ личныхъ и временныхъ обстоятельствахъ, приписывать этотъ безпримѣрный взрывъ спору о карабельной подати или о ссорѣ изъ-за привилегій парламента, прилично лишь тѣмъ историкамъ, которые не видятъ далѣе того, что сказано во вступленіи къ какому нибудь статуту или въ рѣшеніи какого нибудь судьи. Такіе писатели забываютъ, что судъ надъ Гэмбденомъ и обвиненіе пяти членовъ не произвели бы никакого впечатлѣнія на всю страну, если бы народъ не былъ уже къ этому подготовленъ и если бы, подъ вліяніемъ духа изслѣдованія и неподчиненности, не развилось до такой степени недовольство людей, что они пришли въ положеніе, при которомъ былъ постоянно готовъ пороховой проводникъ и достаточно было малѣйшей искры, чтобы произвести взрывъ.

Дѣло въ томъ, что возстаніе было взрывомъ демократическаго духа. Оно было политическою формою того движенія, котораго Реформація была религіозною формою. Какъ Реформація поддерживалась не высшими сановниками церкви, не вліятельными кардиналами или богатыми епископами, а людьми, занимавшими низшія и наиболѣе подчиненныя должности, точно такъ же и англійское возстаніе было движеніемъ снизу, возстаніемъ, начинавшимся съ самаго основанія или, какъ нѣкоторые находятъ, съ отстоя общества. Нѣсколько лицъ высшаго сословія, примкнувшихъ къ народному дѣлу, были скоро устранены; легкость и быстрота, съ какою они отстали отъ него, служили яснымъ указаніемъ, что дѣла начинали принимать новый оборотъ. Какъ только армія была освобождена отъ своихъ знатныхъ вождей, и они были замѣнены офицерами, вышедшими изъ низшихъ сословій, счастіе повернулось; роялисты были вездѣ разбиты и король взятъ въ плѣнъ своими собственными подданными. Въ промежутокъ между его плѣномъ и казнію, важнѣйшими политическими событіями были: увозъ его Джойсомъ и насильственное удаленіе изъ палаты общинъ тѣхъ членовъ, которыхъ подозрѣвали въ склонности дѣйствовать въ его пользу. Оба эти рѣши-

тельные шага были сдѣланы—да оно и не могло быть иначе—людьми съ большимъ личнымъ вліяніемъ и смѣлымъ, рѣшительнымъ характеромъ. Джойсъ, увезшій короля и пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ арміи, былъ незадолго до того, простымъ портнымъ — работникомъ; а полковникъ Прайдъ, имя котораго сохранилось въ исторіи, какъ имя человѣка очистившаго палату общинъ отъ злоумышленниковъ, занималъ прежде почти такое же, положеніе, какъ Джойсъ; первоначальнымъ его занятіямъ былъ ломовой извозъ. Портной и ломовой извощикъ были, въ томъ вѣкѣ, достаточно сильны, чтобы давать направленіе ходу общественныхъ дѣлъ и чтобы составить себѣ видное положеніе въ государствѣ. Послѣ казни Карла, продолжало проявляться тоже самое направленіе. По разрушеніи старой монархіи, та небольшая, но дѣятельная партія, которая извѣстна подъ именемъ людей пятой монархіи, пріобрѣла особенную важность, и нѣкоторое время пользовалась значительнымъ вліяніемъ. Тремя главными и самыми значительными членами ея были Веннеръ, Тёффнель и Окей. Веннеръ, главный вождь, былъ бочаръ; Тёффнель, второй послѣ него въ командованіи, былъ плотникъ; а Окей, хотя и сдѣлался впослѣдствіи полковникомъ, но прежде исполнялъ должность кочегара въ одной изъ ислингтонскихъ пивоварень.

На все это не должно однако смотрѣть, какъ на исключительные случаи. Въ ту эпоху, возвышеніе зависѣло только отъ личнаго достоинства, и если человѣкъ имѣлъ способности, то онъ могъ быть увѣренъ, что возвысится, каково бы ни было его рожденіе или прежнее занятіе. Кромвелль самъ былъ пивоваромъ, а полковникъ Джонсъ, его зять, былъ слугою одного частнаго лица. Динъ находился сперва въ услуженіи у одного купца, а потомъ сдѣлался адмираломъ и былъ назначенъ однимъ изъ коммисаровъ флота. Полковникъ Гоффъ (Goff) былъ ученикомъ у торговца сушеньями и соленьями; генералъ-маіоръ Уоллей (Whalley) былъ ученикомъ у суконнаго торговца. Скеппонъ, простой

солдатъ, безъ всякаго образованiя, былъ назначенъ командиромъ лондонской милицiи; онъ получилъ потомъ званiе сержантъ-генералъ-маiора армiи, назначенъ главнокомандующимъ въ Ирландiи, сдѣланъ однимъ изъ четырнадцати членовъ Кромвеллева совѣта. Двумя изъ комендантовъ Тоуэра были Беркстэдъ и Тичборнъ. Беркстэдъ былъ разнощикомъ, или по крайней мѣрѣ торговалъ мелкими товарами; а Тичборнъ торговалъ холстомъ; послѣднiй не только получилъ комендантство надъ Тоуэромъ, но былъ сдѣланъ, въ 1655 году, полковникомъ и членомъ государственнаго комитета, а въ 1659 году, членомъ государственнаго совѣта. Не менѣе посчастливилось и другимъ ремесламъ, такъ какъ высшiя отличiя были доступны всѣмъ людямъ, если только они выказали потребныя для того способности. Полковникъ Гарвей торговалъ прежде шелкомъ— тѣмъ же занимались полковникъ Роу и полковникъ Вэннъ. Салвэй былъ ученикомъ у бакалейщика, но благодаря своимъ способностямъ, достигъ до чина маiора въ армiи, получилъ потомъ должность стряпчаго королевскихъ дѣлъ въ судѣ Казначейства, а въ 1659 году, назначенъ былъ парламентомъ въ число членовъ государственнаго совѣта. Вокругъ стола того же совѣта засѣдали: Бондъ, суконный торговецъ и Коулей, пивоваръ; а возлѣ нихъ мы встрѣчаемъ Джона Бернерса, который, говорятъ, былъ слугою въ частномъ домѣ, и Корнелiуса Голланда, о которомъ положительно извѣстно, что онъ былъ лакеемъ, а до того, даже уличнымъ факельщикомъ. Въ числѣ другихъ лицъ, бывшихъ въ милости и получившихъ важныя должности, находились: Пакъ торговецъ шерстью, Пюри ткачъ, и Пемблъ портной. Парламентъ, созванный въ 1653 году, и до сихъ поръ извѣстенъ подъ названiемъ Бэрбонова парламента — названiе, происшедшее отъ имени Бэрбона, одного изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ его, кожевеннаго торговца въ Флитъ-Стритѣ. Такимъ же образомъ Доунингъ, изъ бѣдныхъ мальчиковъ, сдѣлался счетнымъ чиновникомъ казначейства по коро-

левскимъ суммамъ, а потомъ представителемъ Англіи въ Гагѣ. Ко всему этому мы должны еще прибавить, что полковникъ Гортонъ былъ лакеемъ; полковникъ Бэрри мяснымъ торговцемъ; полковникъ Куперъ—мелочнымъ торговцемъ; маіоръ Рольфъ — башмачникомъ; полковникъ Фоксъ—мѣдникомъ; и полковникъ Гьюсонъ—башмачникомъ.

Таковы были вожди англійскаго возстанія, или, собственно говоря, таковы были орудія, которыми совершено было это возстаніе. Если мы теперь обратимся къ Франціи, то ясно увидимъ разницу между чувствами и нравомъ обѣихъ націй. Во Франціи, старый духъ покровительства все еще дѣйствовалъ, и народъ, удерживаемый въ состояніи несовершеннолѣтія, не пріобрѣлъ тѣхъ привычекъ само-управленія и само-упованія, безъ которыхъ не могутъ быть совершены великія дѣла. Французы такъ привыкли смотрѣть съ робкимъ благоговѣніемъ на высшія сословія, что даже когда взялись за оружіе, всетаки не могли отбросить идеи подчиненности, отъ которой наши предки быстро избавились. Вліяніе высшихъ сословій въ Англіи постоянно ослабѣвало, во Франціи же оно почти не уменьшилось. Вотъ почему, не смотря на то, что англійское и французское возстанія были современны одно другому и въ началѣ стремились совершенно къ тѣмъ же цѣлямъ, между ними всетаки было весьма важное различіе. Оно заключалось въ томъ, что во главѣ англійскихъ инсургентовъ стояли вожди изъ народа, а во главѣ французскихъ—вожди дворяне. Смѣлость и стойкость, свойства издавна выработавшіяся въ англійскомъ народѣ, дали возможность среднему и низшему сословіямъ выбрать своихъ вождей изъ своей же среды. Во Франціи же такихъ вождей найти было невозможно, просто по тому, что благодаря духу покровительства, такія качества не развились во французскомъ народѣ. Итакъ, въ то время какъ на нашемъ островѣ гражданскія и военныя обязанности исполнялись, съ очевиднымъ талантомъ и полнымъ успѣхомъ, мясниками, хлѣбопеками, пивоварами, башмачниками и мѣдни-

ками,—борьба, происходившая въ то же время во Франціи, имѣла совершенно другой видъ. Въ этой странѣ, во главѣ возстанія стояли люди гораздо высшаго слоя, люди, можно сказать, самаго древняго и знатнаго происхожденія. Дѣйствительно, тамъ представлялось зрѣлище безпримѣрнаго блеска—млечный путь чиновъ, благородное сборище аристократическихъ инсургентовъ и титулованныхъ демагоговъ. Тамъ были: принцъ де Конде, принцъ де Конти, принцъ де Марсильякъ, герцогъ де Бульонъ, герцогъ де Бофоръ, герцогъ де Лонгвиль, герцогъ де Шеврёзъ, герцогъ де Немуръ, герцогъ де Люинъ, герцогъ де Бриссакъ герцогъ д'Элбёфъ, герцогъ де Кандаль, герцогъ де ла Тремуиль, маркизъ де ла Буле, маркизъ де Легъ, маркизъ де Нуармутьѐ, маркизъ де Витри, маркизъ де Фоссёзъ, маркизъ де Сильери, маркизъ д'Эстиссакъ, маркизъ д'Оккенкуръ, графъ де Ранцау, графъ де Монтрезоръ.

Таковы были вожди Фронды; простое перечисленіе ихъ именъ уже указываетъ на различіе между англійскимъ и французскимъ возстаніемъ. Отъ этого различія произошли нѣкоторые результаты, вполнѣ заслуживающіе вниманія тѣхъ писателей, которые въ своемъ невѣденіи объ успѣхахъ, дѣлаемыхъ человѣчествомъ, силятся поддерживать то могущество аристократіи, которое уже давно начало падать, и, въ послѣднія семдесятъ лѣтъ, въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ, подвергалось такимъ жестокимъ и частымъ потрясеніямъ, что окончательная судьба его теперь едва ли подлежитъ слишкомъ большому сомнѣнію.

Во главѣ англійскаго возстанія стояли люди, которыхъ вкусы, привычки и понятія, будучи чисто народными, образовали связь взаимнаго сочувствія между ними и народомъ и обезпечивали единство всей партіи. Во Франціи симпатія была слишкомъ слаба, а потому и единство весьма сомнительно. Какого рода симпатія могла существовать между ремесленникомъ и крестьяниномъ, въ потѣ лица зарабаты-

вавшими свой насущный хлѣбъ, и богатымъ, развратнымъ аристократомъ, проводившимъ жизнь въ тѣхъ пустыхъ занятіяхъ, которыя унижали его умъ и дѣлали его званіе предметомъ насмѣшки и укора у всѣхъ народовъ? Толковать о симпатіи между этими двумя классами—очевидная нелѣпость, и къ тому же, такимъ предположеніемъ вѣрно обидѣлись бы тѣ высокорожденные люди, которые обращались съ своими подчиненными, какъ и всегда, дерзко и презрительно. Правда, что вслѣдствіе причинъ, указанныхъ нами выше, народъ во Франціи, къ несчастію для него самаго, смотрѣлъ на тѣхъ, кто былъ поставленъ надъ нимъ, съ величайшимъ благоговѣніемъ; но каждая страница исторіи Франціи доказываетъ, какъ недостойно ему отвѣчали на это чувство и въ какомъ рабскомъ состояніи тамъ держали низшія сословія. И такъ, съ одной стороны, Французы, вслѣдствіе издавна установившейся привычки къ зависимости, сдѣлались неспособны сами вести свое возстаніе и потому принуждены были встать подъ начальство дворянъ, съ другой — эта же необходимость поддерживала и то раболѣпство, которое породило ее; такимъ образомъ, останавливалось развитіе свободы, и нація эта не могла достигнуть, посредствомъ своихъ междоусобныхъ войнъ, тѣхъ великихъ результатовъ, къ которымъ мы имѣли возможность придти путемъ нашихъ войнъ.

И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только прочесть произведенія французской литературы XVII столѣтія, чтобы видѣть несовмѣстимость упомянутыхъ выше двухъ классовъ и положительную невозможность слiянія въ одной партіи народнаго и аристократическаго духа. Въ то время, какъ цѣлью народа было освободить себя отъ ярма, цѣлью дворянъ было только найти новые источники для возбужденія себя, и удовлетворить своему личному тщеславію, которымъ они вообще всегда славились. Такъ какъ этотъ собственно отдѣлъ исторіи былъ мало изучаемъ, то интересно собрать нѣсколько примѣровъ, которые объяснили бы намъ свойства француз-

ской аристократіи и показали бы, какого рода почестей и какихъ отличій наиболѣе добивалось это могущественное сословіе.

Что цѣли, къ которымъ главнымъ образомъ стремилась французская аристократія были весьма ничтожны, это всякій можетъ впередъ представить себѣ, кто изучалъ вліяніе, какое имѣютъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, наслѣдственныя отличія на личный характеръ людей. Какъ гибельны такія отличія, это ясно видно въ исторіи всѣхъ европейскихъ аристократій и въ томъ извѣстномъ фактѣ, что ни одна изъ нихъ не сохранила нигдѣ даже посредственныхъ дарованій, исключая тѣхъ странъ, гдѣ аристократія часто обновляется примѣсью плебейской крови и гдѣ сословіе это получаетъ подкрѣпленіе тою мужескою твердостью, которою отличаются люди, сами создающіе себѣ положеніе, и которой нечего и искать въ людяхъ, получающихъ положеніе уже готовое.

Какъ скоро укоренилась въ умѣ мысль, что источникъ чести находится внѣ, а не внутри насъ, то обладаніе внѣшними отличіями предпочитается сознанію внутренней силы. Въ подобныхъ случаяхъ, величіе человѣческаго разума и достоинство человѣческаго знанія считаются подчиненными тѣмъ ложнымъ, искусственнымъ постепенностямъ, которыми слабые люди измѣряютъ степени своего собственнаго ничтожества. Вслѣдствіе этого, настоящій порядокъ вещей совершенно извращается; ничтожное ставится выше великаго, и умъ растрачиваетъ свои силы, примѣняясь къ ложному мѣрилу заслугъ, созданному его же собственными предразсудками. По этому очевидно неправы тѣ, которые упрекаютъ дворянство за его гордость, какъ будто бы она составляла отличительную черту этого сословія. Дѣло въ томъ, что еслибы въ дворянствѣ разъ на всегда укоренилась гордость, то за этимъ быстро послѣдовало бы его исчезновеніе. Толковать о гордости наслѣдственнаго сословія, значитъ сбиваться въ выраженіяхъ. Гордость зависитъ отъ чувства самодовольствія; тщеславіе же

питается одобреніями другихъ. Гордость есть скрытая, возвышенная страсть, пренебрегающая тѣми внѣшними отличіями, на которыя съ жадностью бросается тщеславіе. Гордый человѣкъ видитъ въ своемъ собственномъ умѣ источникъ своего достоинства, который, какъ ему извѣстно, не можетъ быть ни увеличенъ, ни уменьшенъ ни какими другими дѣйствіями, кромѣ происходящихъ только изъ него самаго. Тщеславный человѣкъ, безпокойный, ненасытимый и всегда стремящійся возбудить удивленіе въ своихъ современникахъ, долженъ конечно полагать большую важность въ тѣхъ внѣшнихъ знакахъ, въ тѣхъ видимыхъ отличіяхъ, которыя, будутъ ли то ордена или титулы, непосредственно дѣйствуютъ на чувства и такимъ образомъ плѣняютъ простаго человѣка, прямо проникая въ его сознаніе. И такъ, если главная разница заключается въ томъ, что гордость смотритъ внутрь, а тщеславіе наружу, то ясно, что когда человѣкъ важничаетъ званіемъ, которое ему досталось случайно, по наслѣдству, безъ труда и безъ заслугъ, онъ этимъ доказываетъ не гордость, а тщеславіе, и притомъ тщеславіе самаго жалкаго свойства. Это доказываетъ, что такой человѣкъ не имѣетъ ни какого чувства истиннаго достоинства, ни какого понятія о томъ, въ чемъ единственно состоитъ все величіе. Удивительно ли, если для такихъ умовъ, самая ничтожная вещь становится предметомъ высшей важности? Удивительно ли, если такія пустыя головы озабочиваются внѣшними украшеніями; если одинъ дворянинъ томится желаніемъ ордена *подвязки*, другой скучаетъ по *золотомъ рунѣ*.

Мы, видя все это, не должны были бы удивляться, что французскіе дворяне, въ XVII столѣтіи, проявляли въ своихъ интригахъ то легкомысліе, которое, хотя и искупается по временамъ исключеніями, но тѣмъ не менѣе составляло отличительную черту наслѣдственной аристократіи. Нѣсколькихъ примѣровъ будетъ достаточно, чтобы дать читателю нѣкоторое понятіе о вкусахъ и умственномъ настроеніи этого

могущественнаго класса, который въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, задерживалъ успѣхи французской цивилизаціи.

Изъ всѣхъ вопросовъ, по поводу которыхъ случались разногласія между французскими дворянами, самымъ важнымъ былъ вопросъ о правѣ сидѣть въ королевскомъ присутствіи. Это считалось предметомъ такой важности, что въ сравненіи съ нимъ, простая борьба за свободу теряла всякое значеніе. А что̀ давало еще бо̀льшую пищу для умовъ аристократіи, это тѣ чрезмѣрныя трудности, которыми была обставлена эта важная соціальная задача. Согласно древнему этикету французскаго двора, если кто былъ герцогъ, то жена его могла сидѣть въ присутствіи королевы, но если онъ имѣлъ низшее званіе, даже если онъ былъ маркизъ, то подобной вольности не дозволялось. Правило было очень просто и въ высшей степени нравилось самимъ герцогинямъ. Но маркизамъ, графамъ и другимъ знатнымъ дворянамъ было не по вкусу такое ненавистное различіе, и они употребляли всю свою энергію, чтобы добиться той же чести и для своихъ женъ. Противъ этого сильно возставали герцоги; но, благодаря обстоятельствамъ, которыя по несчастью не вполнѣ разгаданы, сдѣлано было одно нововведеніе въ царствованіе Людовика XIII, и привилегія сидѣть въ одной комнатѣ съ королевой была дарована женскимъ членамъ фамиліи Бульонъ. Вслѣдствіе этого дурнаго примѣра, вопросъ серіозно усложнился, такъ какъ другіе члены аристократіи считали, что чистота ихъ породы давала имъ ни въ какомъ случаѣ не меньшія права, чѣмъ тѣ, которыя имѣлъ домъ Бульонъ, древность котораго, по ихъ мнѣнію, была грубо преувеличена. Возникшій изъ этого споръ имѣлъ послѣдствіемъ распаденіе дворянства на двѣ враждебныя партіи; одна старалась удержать исключительно за собою то право, которымъ другая желала одинаково пользоваться. Для примиренія этихъ двухъ враждебныхъ домогательствъ, предлагаемы были разныя ухищренія, но все было напрасно, и дворъ, въ упра-

вленіе Мазарини, побуждаемый страхомъ возстанія, обнаружилъ признаки уступчивости и расположеніе предоставить низшему дворянству то, чего оно такъ пламенно желало. Въ 1648 и 1649 годахъ, королева-правительница, дѣйствуя по внушенію своего совѣтника, формально пожаловала право сидѣть въ королевскомъ присутствіи тремъ самымъ знатнымъ членамъ низшей аристократіи, а именно: графинѣ де Фле (Fleix), госпожѣ де Понсъ и принцессѣ де Марсильякъ. Какъ только сдѣлалось извѣстно это рѣшеніе, принцы крови и перы королевства пришли въ страшное волненіе. Они немедленно вытребовали въ столицу членовъ своего сословія, заинтересованныхъ отраженіемъ этого дерзкаго нападенія, и составивъ собраніе, тотчасъ же рѣшили, какія имъ слѣдуетъ принять мѣры, для возстановленія своихъ древнихъ правъ. Съ другой стороны, низшее дворянство, увлеченное своимъ недавнимъ успѣхомъ, настаивало на томъ, чтобы только что сдѣланная уступка была обращена въ прецедентъ и чтобы честь сидѣть въ присутствіи ея величества, дарованная дому Фуа, въ лицѣ графини де Фле, была распространена и на всѣхъ тѣхъ, которые могли доказать, что предки ихъ были не менѣе славны. И вотъ произошло страшное смятеніе; обѣ стороны упорно настаивали на своихъ притязаніяхъ, такъ что въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ можно было опасаться, что прибѣгнутъ, для разрѣшенія вопроса, къ помощи оружія. Но такъ какъ высшее дворянство, хотя и меньшее числомъ, было всетаки сильнѣе, то споръ былъ окончательно рѣшенъ въ его пользу. Королева отправила къ собранію высшей аристократіи формальное посланіе, съ четырьмя маршалами Франціи, въ которомъ она давала обѣщаніе отмѣнить тѣ привилегіи, пожалованіе которыхъ до такой степени оскорбляло самыхъ знатныхъ членовъ французской аристократіи. При этомъ маршалы не только взяли на себя отвѣтственность за исполненіе обѣщанія королевы, но даже вызывались дать подписку, что лично будутъ наблюдать за

этимъ исполненіемъ. Но дворяне, которые сознавали, что предшествовавшею обидою была затронута ихъ самая чувствительная струна, не удовольствовались и этимъ; для успокоенія ихъ, нужно было, чтобы удовлетвореніе было такъ же публично, какъ и самая обида. Признано было необходимымъ, чтобы прежде чѣмъ они мирно разойдутся, правительство издало актъ, за подписью королевы-правительницы и четырехъ статсъ-секретарей, и чтобы этимъ актомъ, преимущества, дарованныя непривилегированному дворянству, были отмѣнены, и чтобы всѣмъ дорогая честь сидѣть въ королевскомъ присутствіи была отнята у принцессы де Марсильякъ, госпожи де Понсъ и у графини де Фле.

Вотъ какіе предметы занимали умы и истощали энергію французскихъ дворянъ, въ то время какъ ихъ отечество было терзаемо междоусобною войною и когда были на очереди вопросы величайшей важности—вопросы, касавшіеся свободы націи и перемѣны всего государственнаго управленія. Едвали нужно доказывать, какъ мало могли быть способны подобные люди руководить народомъ въ его тяжкой борьбѣ, и какая громадная была разница между ними и предводителями великаго возстанія Англіи. Причины неуспѣха Фронды сдѣлаются очевидны, если мы примемъ въ соображеніе, что вожди ея были взяты изъ того самаго сословія, вкусы и влеченія котораго мы только что объяснили нѣкоторыми данными. Какое безчисленное множество можно привести другихъ подобныхъ данныхъ, это хорошо знаетъ всякій, кто читалъ французскіе мемуары семнадцатаго столѣтія—сочиненія, которыя будучи большею частью написаны или самими аристократами, или ихъ приближенными, даютъ самые лучшіе матеріалы для составленія мнѣнія о французскомъ дворянствѣ. Заглянувъ въ эти достовѣрные источники, гдѣ подобныя вещи разсказываются съ достодолжнымъ сознаніемъ ихъ важности, мы находимъ величайшіе затрудненія и споры, возникающіе по поводу того, кому полагается кресло при

дворѣ, кто можетъ быть приглашаемъ къ королевскому столу, а кто не можетъ, кого можетъ цаловать королева а кого не можетъ, кто долженъ сидѣть въ первыхъ мѣстахъ въ церкви; какая собственно должна быть пропорція между чинами разныхъ лицъ и длиною сукна, на которомъ имъ позволяется стоять, какого званія должно быть лицо, чтобы имѣть право въѣзжать въ Луврь въ каретѣ, кто долженъ идти впереди на коронаціяхъ всѣ ли герцоги равны, или же, какъ полагали нѣкоторые, герцогъ де Бульонъ, какъ владѣвшій нѣкогда самостоятельно Седаномъ, былъ выше герцога де ла Рошфуко, который никогда не имѣлъ самостоятельнаго владѣнія, могъ ли или нѣтъ, герцогъ де Бофоръ входить въ комнату совѣта прежде герцога де Немуръ, и будучи уже тамъ, сѣсть выше его. Вотъ что составляло главнѣйшіе вопросы дня; въ то же время, и какъ бы въ довершеніе всякой нелѣпости, самыя серіозныя возникали недоумѣнія на счетъ того, кому принадлежитъ честь подавать королю салфетку за столомъ, или кто долженъ пользоваться неоцѣненнымъ преимуществомъ перемѣнять королевѣ бѣлье.

Можетъ быть кто нибудь подумаетъ, что я долженъ отчасти извиниться передъ читателями за то, что я навязываю ихъ вниманію эти жалкіе споры о предметахъ, которые, какъ ни кажутся они ничтожными въ настоящее время, были нѣкогда дороги для людей не лишенныхъ здраваго смысла. Но должно помнить, что подобные споры и въ особенности важность, которую придавали имъ въ прежнее время, составляютъ принадлежность исторіи французскаго ума и потому должны быть оцѣниваемы не по своему внутреннему достоинству, а по тому понятію, которое они даютъ о порядкѣ вещей, уже не существующемъ. Этого рода факты, хотя ими и пренебрегаютъ обыкновенные историки, принадлежатъ все таки къ числу самыхъ необходимыхъ пособій для исторіи. Они не только даютъ намъ возможность живо представить себѣ тѣ времена, къ которымъ они относятся, но имѣ-

ютъ также огромную важность и съ философской точки зрѣнія. Они входятъ въ число матеріаловъ, изъ которыхъ мы можемъ вывести общіе законы того мощнаго духа покровительства, который въ различные періоды времени, принимаетъ различныя формы, но, каковы бы ни были его формы, всегда бываетъ обязанъ своею силою чувству раболѣпства, поставленному въ противоположность къ чувству независимости. До какой степени естественна такая сила, на извѣстныхъ ступеняхъ общества, это мы ясно увидимъ, если всмотримся въ основаніе, на которомъ держится само раболѣпство. Источники раболѣпства—удивленіе и страхъ. Эти два чувства, порознь или вмѣстѣ, составляютъ обыкновенный источникъ раболѣпства, а какимъ образомъ они сами рождаются—совершенно понятно. Мы удивляемся потому, что мы невѣжественны, а страшимся потому, что слабы. По этому естественно, что въ прежнія времена, когда люди были невѣжественнѣе и слабѣе, чѣмъ теперь, они были также и болѣе склонны къ раболѣпству, болѣе расположены къ тому раболѣпному настроенію, которое, перенесенное въ религію, приводитъ къ суевѣрію, а перенесенное въ политику—къ деспотизму. При обыкновенномъ ходѣ развитія общества, зло это умѣряется успѣхами знанія, которые, въ одно и то же время, уменьшаютъ наше невѣжество и усиливаютъ наши средства; другими словами—уменьшаютъ нашу склонность къ удивленію и къ страху и, ослабляя въ насъ, такимъ образомъ, чувство раболѣпства, въ такой же мѣрѣ усиливаютъ чувство независимости. Но во Франціи, какъ мы уже видѣли, естественное стремленіе это перевѣшивалось другимъ, противоположнымъ ему стремленіемъ. Въ то время какъ, съ одной стороны, духъ покровительства былъ ослабляемъ успѣхами знанія, съ другой, къ нему подоспѣвали на помощь тѣ социальныя и политическія обстоятельства, которыя я пытался выше очертить, и въ силу которыхъ каждый классъ имѣлъ большую власть надъ классомъ, стоявшимъ ниже его, и такимъ образомъ

вполнѣ поддерживались подчиненность и послушничество всего общества. Вотъ почему всѣ умы пріобрѣли привычку смотрѣть къ верху и полагаться не на свои собственныя средства, а на средства другихъ. Вотъ откуда произошли та гибкость и та послушность, которыми всегда отличались Французы, до XVIII столѣтія. Вотъ чѣмъ объясняется также то непомѣрное уваженіе къ мнѣніямъ другихъ, на которомъ основывается тщеславіе, составляющее одну изъ чертъ національнаго характера Французовъ. Тщеславіе и раболѣпство очевидно имѣютъ то общаго, что побуждаютъ каждаго человѣка измѣрять свои дѣйствія мѣриломъ, находящимся внѣ его самаго, между тѣмъ какъ противоположныя имъ чувства, гордость и независимость, заставляютъ его предпочитать то внутреннее мѣрило, которое можетъ дать ему только его умъ. Результатомъ всего этого было, что когда, въ половинѣ XVII столѣтія, успѣхи умственнаго движенія привели Французовъ къ возстанію, дѣйствіе этого движенія было нейтрализировано тѣми соціальными тенденціями, которыя, даже среди борьбы, сохраняли старыя привычки послушничества. Вотъ почему, и въ самомъ разгарѣ войны, въ народѣ все еще сохранялась всегдашняя склонность смотрѣть къ верху на дворянъ, а въ дворянахъ—смотрѣть такимъ же образомъ на корону. И тотъ, и другой классъ полагались на то, что они видѣли непосредственно надъ собою. Народъ думалъ, что нѣтъ спасенія безъ дворянъ, а дворяне—что нѣтъ почести безъ короны. Въ дѣлѣ дворянъ, такое мнѣніе едвали можетъ быть порицаемо. Такъ какъ всѣ ихъ отличія исходили отъ короны, то они имѣли прямой интересъ въ поддержаніи стариннаго понятія, что король источникъ чести. Они имѣли прямой интересъ въ томъ ученіи, которое, упуская изъ виду истинный источникъ чести, обращаетъ наше вниманіе на источникъ воображаемый, изъ котораго, въ одно мгновеніе, и единственно по волѣ монарха, величайшія почести могутъ изливаться на самыхъ ничтожныхъ людей. Это собственно только часть старинной

системы создавать отличія, и такимъ образомъ, пытаться поставить посредственные умы выше великихъ. Совершенная неудача, а по мѣрѣ успѣховъ общества, даже прекращеніе подобныхъ попытокъ, не подлежитъ ни какому сомнѣнію; но понятно, что покуда онѣ еще дѣлались, тѣ, кому онѣ приносили пользу, не могли не дорожить тѣми, отъ кого онѣ происходили. Въ отсутствіи противодѣйствующихъ обстоятельствъ, между обѣими сторонами не могло не быть той симпатіи, которая рождается вслѣдствіе памяти о прежнихъ милостяхъ и надежды на новыя. Во Франціи, естественное побужденіе это было еще болѣе усилено тѣмъ духомъ покровительства, который заставлялъ людей примыкать къ стоявшимъ выше ихъ, и потому не удивительно, что тамъ аристократы, даже среди своихъ волненій, не переставали добиваться малѣйшихъ милостей отъ короны, съ рвеніемъ, котораго мы только что привели нѣсколько примѣровъ. Они такъ давно привыкли взирать на короля, какъ на источникъ ихъ собственнаго достоинства, что имъ казалось, будто есть какое-то скрытое достоинство даже въ самыхъ простыхъ дѣйствіяхъ его, такъ, что по ихъ разумѣнію, чрезвычайно было важно, кто изъ нихъ подастъ королю салфетку, кто ему подастъ умыться и кто надѣнетъ на него бѣлье. Не для того, однако, чтобы поднять на смѣхъ этихъ праздныхъ и пустыхъ людей, собралъ я данныя, касающіяся тѣхъ споровъ, которые такъ занимали ихъ. Напротивъ, ихъ слѣдуетъ скорѣе жалѣть, чѣмъ порицать: они дѣйствовали согласно съ своими инстинктами; они употребляли въ дѣло даже тѣ жалкія способности, какими надѣлила ихъ природа. Но мы имѣемъ полное право проникнуться участіемъ къ той странѣ, интересы которой зависятъ отъ подобныхъ лицъ. Только ради судьбы французскаго народа, стоитъ заняться исторіею французскаго дворянства. Въ то же время, данныя, подобныя собраннымъ мною, изобличая стремленія стараго дворянства, проявляютъ собою, въ одной изъ самыхъ дѣйствительныхъ формъ, духъ покровительства и аристократизма, о

которомъ очень слабое имѣютъ понятіе тѣ, кто знаетъ его только въ его теперешнемъ состояніи стѣсненія и постепеннаго упадка. На подобные факты должно смотрѣть, какъ на признаки тяжкой болѣзни, которою, конечно, и до сихъ поръ еще страдаетъ Европа, но которую мы теперь видимъ лишь въ значительно смягченной формѣ; о первоначальномъ же тлетворномъ дѣйствіи ея только тотъ можетъ имѣть понятіе, кто изучалъ ее на ея первыхъ порахъ, когда свирѣпствуя необузданно, она взяла такой верхъ, что задержала развитіе свободы, остановила умственное движеніе націи и подавила энергію человѣческаго ума.

Едва ли нужно проводить далѣе черту несходства между Франціею и Англіею, или доказывать то, что теперь, я надѣюсь, уже будетъ признано очевиднымъ различіемъ между междоусобными войнами обѣихъ этихъ странъ. Очевидно, что вожди англійскаго возстанія, люди низкаго, плебейскаго происхожденія, не могли имѣть ни какого сочувствія къ тѣмъ вещамъ, которыя смущали умы французскаго дворянства. Люди, подобные Кромвеллю и его сподвижникамъ, не были большими знатоками тайнъ генеалогіи или тонкостей геральдики. Они мало обращали вниманія на придворный этикетъ; они никогда не изучали даже правилъ старшинства. Все это не имѣло ничего общаго съ ихъ цѣлью. Съ другой стороны, то, что они дѣлали, дѣлалось основательно. Они знали, что имъ предстоитъ совершить великое дѣло, и совершили его хорошо. Они возстали съ оружіемъ въ рукахъ противъ развращеннаго деспотизма и не хотѣли остановиться до тѣхъ поръ, пока не устранятъ зла. И хотя въ этомъ славномъ своемъ предпріятіи они безъ сомнѣнія, выказали нѣкоторыя изъ тѣхъ слабостей, которымъ подвержены и умы высшаго разряда, но мы должны во всякомъ случаѣ говорить о нихъ неиначе, какъ съ почтеніемъ, подобающимъ тѣмъ, кто далъ первый урокъ Европѣ и объявилъ въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ, что уже насталъ конецъ прежней безнаказанности деспотизма.

ГЛАВА XI.

Духъ покровительства, перенесенный Людовикомъ XIV въ литературу. Обзоръ послѣдствій этого союза умственно-трудящагося сословія съ правительствующимъ.

Теперь читателю конечно будетъ весьма понятно, какимъ образомъ система покровительства, съ одной стороны, и сопряженное съ нею понятіе о подчиненности, съ другой, пріобрѣли во Франціи силу, совершенно неизвѣстную въ Англіи, и произвели существенное различіе въ ходѣ исторіи обѣихъ странъ. Чтобы дополнить это сравненіе представляется необходимымъ разсмотрѣть вліяніе, которое этотъ духъ имѣлъ на исторію чисто умственнаго развитія Франціи, такъ же какъ и на соціальное и политическое развитіе ея. Понятіе о зависимости, на которомъ основана система покровительственная, породило убѣжденіе, что подчиненность правительству, существующая въ политической и соціальной жизни, должна также существовать и въ литературѣ, и что система отеческаго надзора, во все проникающаго и все централизующаго, которая управляла матеріальными интересами страны, должна была также завѣдывать и умственными интересами ея. По этому, когда Фронда была окончательно низложена, то все оказалось уже подготовленнымъ къ той странной организаціи умственной жизни народа, которая была характеристикою пятидесятилѣтняго царствованія Людовика XIV, и имѣла для Французской литературы то же значеніе, какъ феодальная система для политической жизни Франціи. И въ той, и въ другой сферѣ, одна сторона

оказывала покорность, а другая—благосклонное покровительство. Всякій литературный дѣятель сталъ вассаломъ Французскаго престола. Всякая книга писалась съ видами на королевскую милость; пріобрѣтеніе покровительства короля считалось самымъ сильнѣйшимъ изъ всѣхъ доказательствъ умственнаго превосходства. Послѣдствія, вызванныя такимъ порядкомъ вещей, будутъ разсмотрѣны въ настоящей главѣ. Видимою причиною установленія его былъ личный характеръ Людовика XIV; но истинными и преобладающими причинами были тѣ обстоятельства, на которыя я уже указалъ, и которыя установили въ умѣ Французовъ извѣстныя ассоціаціи понятій, сохранившія свою силу до восемнадцатаго вѣка. Придать этимъ ассоціаціямъ особую силу и внести преобладаніе ихъ во всѣ сферы народной жизни было главною цѣлью Людовика XIV, и въ этомъ онъ совершенно успѣлъ. Съ этой точки зрѣнія, исторія его царствованія становится въ высокой степени поучительною, потому что мы видимъ въ ней самый замѣчательный образецъ деспотизма, какой когда либо встрѣчался въ исторіи—деспотизма самаго широкаго и всеобъемлющаго, деспотизма тяготѣвшаго въ продолженіе пятидесяти лѣтъ надъ однимъ изъ самыхъ цивилизованныхъ народовъ Европы, который однако же не только несъ это ярмо безропотно, но даже охотно и съ благодарностью подчинялся тому, кѣмъ оно было наложено.

Это явленіе тѣмъ болѣе странно, что царствованіе Людовика XIV заслуживаетъ полнѣйшаго осужденія, даже если приложить къ нему самое невысокое мѣрило нравственности, чести и матеріальнаго интереса. Характеристику частной жизни короля составляетъ самый грубый и необузданный развратъ, за которымъ послѣдовало самое жалкое и пошлое суевѣріе; въ политической же дѣятельности своей онъ выказывалъ дерзость и систематическое вѣроломство, возбудившія наконецъ противъ него негодованіе всей Европы и навлекшія на Францію жестокое, примѣрное мщеніе. Что касается до

его внутренней политики, то онъ вступилъ въ тѣсный союзъ съ духовенствомъ и, хотя самъ отчасти сопротивлялся авторитету папы, но подданныхъ своихъ охотно предалъ на жертву тиранніи духовнаго сословія. Этому сословію онъ предоставилъ все, кромѣ правъ на свою прерогативу. Подъ его вліяніемъ, съ той самой минуты какъ онъ принялъ управленіе государствомъ, онъ началъ стѣснять религіозную свободу, которой Генрихъ IV положилъ основаніе и которая, до того времени, сохранялась неприкосновенною. Также по внушенію духовенства, онъ отмѣнилъ Нантскій эдиктъ, которымъ около ста лѣтъ ранѣе, было внесено въ коренные законы страны начало вѣротерпимости. По тому же внушенію, непосредственно передъ этимъ нарушеніемъ самыхъ священныхъ правъ своихъ подданныхъ, желая страхомъ вынудить протестантовъ къ обращенію, онъ внезапно спустилъ на нихъ цѣлыя ватаги развращенныхъ солдатъ, которымъ было дозволено совершать надъ ними самыя возмутительныя жестокости. Страшныя варварства, которыя за этимъ послѣдовали, разсказаны у весьма достовѣрныхъ писателей; о вліяніи же этой мѣры на матеріальные интересы націи можно составить себѣ нѣкоторое понятіе по тому факту, что эти религіозныя гоненія стоили Франціи полумилліона самыхъ трудолюбивыхъ изъ ея жителей, которые бѣжали въ другія страны, унеся съ собою привычку къ труду и знаніе и опытность, пріобрѣтенныя каждымъ въ своемъ занятіи, которыя, до того времени, служили къ обогащенію ихъ отечества. Все это факты общеизвѣстные, неоспоримые и бросающіеся въ глаза. А между тѣмъ и въ виду ихъ всетаки находятся люди, выставляющіе вѣкъ Людовика XIV, какъ предметъ восхищенія. Намъ всѣмъ достовѣрно извѣстно, что въ его царствованіе уничтожены были всѣ слѣды свободы, что народъ былъ задавленъ невыносимыми податями, что сыны его десятками тысячъ были вырываемы изъ семействъ, для усиленія королевскихъ армій, что средства страны были исто-

щены до неслыханной степени, что злѣйшій деспотизмъ пустилъ глубокіе корни; и несмотря на то, что факты эти признаны всѣми, — встрѣчаются, даже и въ наше время, писатели, до такой степени ослѣпленные блескомъ литературной славы, что забываютъ, ради ея, о величайшихъ злодѣніяхъ, и прощаютъ весь вредъ, нанесенный націи государемъ, при жизни котораго были написаны письма Паскаля, рѣчи Боссюэта, комедіи Мольера и трагедіи Расина.

Впрочемъ этотъ способъ оцѣнивать заслуги Людовика XIV такъ быстро выходитъ изъ употребленія, что я не стану тратить болѣе словъ на опроверженіе его. Но съ нимъ связано одно еще болѣе распространенное заблужденіе—о вліяніи королевскаго покровительства на литературу каждой націи. Первыми распространителями этого заблужденія были сами литераторы. По обычнымъ рѣчамъ слишкомъ многихъ изъ нихъ, мы могли бы думать, что благосклонное покровительство имѣетъ какое-то магическое свойство — возбуждать въ умѣ того счастливца, которому дано наслаждаться имъ, особенныя силы. И этимъ мнѣніемъ не должно пренебрегать, какъ однимъ изъ тѣхъ вредныхъ предразсудковъ, которые еще держатся въ извѣстной атмосферѣ. Оно не только основано на ложномъ понятіи о вещахъ, но и въ практическихъ послѣдствіяхъ своихъ весьма вредно. Оно много вредитъ тому духу независимости, которымъ каждая литература должна бы быть проникнута.

По этому мы не только не должны ожидать, чтобы короли являлись ближайшими покровителями литературы, но напротивъ того, должны быть довольны, если только они не противодѣйствуютъ упорно духу времени, и не покушаются остановить ходъ общественнаго развитія. Ибо, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда король, не смотря на всѣ неудобства его положенія, оказывается человѣкомъ особенно обширнаго ума,—обыкновенно бываетъ такъ, что онъ можетъ награждать не самыхъ даровитыхъ, а самыхъ покорныхъ ему людей, и что,

отказывая въ своемъ покровительствѣ глубокому и независимому мыслителю, онъ даетъ его писателю, привязанному къ стариннымъ предразсудкамъ. Такимъ образомъ, обыкновеніе назначать дѣятелямъ литературы почетныя или денежныя награды конечно весьма пріятно для тѣхъ, которые ихъ получаютъ, но оно можетъ вести къ ослабленію смѣлости и энергіи ихъ мыслей, и слѣдовательно вредить достоинству ихъ произведеній. Это могло бы быть ясно доказано обнародованіемъ списка всѣхъ пенсій, назначавшихся европейскими монархами за литературные труды. Если бы это было сдѣлано, то вредъ, произведенный какъ этими наградами, такъ и другими подобными имъ, сталъ бы очевиденъ. Я, съ своей стороны, по тщательномъ изученіи исторіи литературъ, считаю себя въ правѣ сказать, что на одинъ примѣръ награды, дарованной королемъ человѣку, идущему впереди своего вѣка, встрѣчается по крайней мѣрѣ двадцать примѣровъ награжденія людей, отставшихъ отъ своего времени. Въ результатѣ оказывается, что во всякой странѣ, гдѣ королевское покровительство долго и щедро оказываемо было дѣятелямъ литературы, духъ ея вмѣсто того, чтобы быть прогрессивнымъ, дѣлался реакціоннымъ. Образовывался союзъ между дающими и получающими. Вслѣдствіе систематически распредѣляемыхъ правительствомъ щедротъ, искусственно образовался жадный и всегда нуждающійся классъ людей, которые стремясь къ полученію пенсій, мѣстъ и титуловъ, подчиняли исканіе истины своему корыстолюбію, и пропитывали сочиненія свои предразсудками того круга, къ которому они примыкали. Такимъ же образомъ и пріобрѣтеніе знаній, безъ сомнѣнія благороднѣйшее изъ всѣхъ занятій и болѣе всѣхъ другихъ возвышающее достоинство человѣка, было унижено до уровня обыкновенной профессіи, въ которой шансы успѣха измѣряются числомъ наградъ, и удостоеніе высшихъ почестей зависитъ отъ произвола того, кому случится быть въ то время министромъ или королемъ.

Эта тенденція уже сама по себѣ составляетъ сильнѣйшее возраженіе противъ мнѣнія тѣхъ, которые желаютъ ввѣрить правительству, облеченному исполнительною властью, средства для награжденія дѣятелей литературы. Но есть еще и другое возраженіе, которое, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, еще серіознѣе. Каждая нація, которой будетъ дозволено развиваться естественнымъ путемъ, безъ всякаго контроля, легко можетъ удовлетворить своимъ умственнымъ потребностямъ и непремѣнно произведетъ такую литературу, какая наиболѣе подходитъ къ ея настоящему положенію. Всѣ сословія имѣютъ очевидный интересъ въ томъ, чтобы производство не выходило изъ размѣровъ потребленія, и предложеніе не превышало спроса. Сверхъ того, необходимо для благосостоянія общества, чтобы сохранялось правильное отношеніе между умственно-трудящимися и практически-дѣятельными классами. Необходимо должна существовать извѣстная пропорція между числомъ тѣхъ людей, которые преимущественно склонны мыслить, и тѣхъ, которые наиболѣе расположены дѣйствовать. Если бы мы всѣ были писателями, то пострадали бы наши матеріальные интересы; а если бы мы всѣ были дѣловыми людьми, то было бы менѣе наслажденій для ума. Въ первомъ случаѣ, мы оказались бы голодными философами, а во второмъ—богатыми глупцами. Между тѣмъ, очевидно, что по самымъ простымъ началамъ человѣческой дѣятельности, необходимое численное отношеніе между упомянутыми выше двумя классами людей установится, безъ малѣйшаго усилія, по естественному побужденію или въ силу такъ сказать самодѣятельности общества. Но когда правительство берется давать пенсіи литераторамъ, то оно мѣшаетъ этой самодѣятельности. Таковъ неизбѣжный результатъ того духа вмѣшательства, который всѣмъ націямъ въ мірѣ сдѣлалъ такъ много вреда. Такъ, еслибы напримѣръ правительствомъ отложенъ былъ особый фондъ для награжденія мясниковъ и портныхъ, то достовѣрно, что число этихъ полезныхъ людей безъ нужды

умножилось бы. Если подобный же фондъ присвоивается пишущему классу, то можно также достовѣрно сказать, что число литераторовъ увеличится быстрѣе, чѣмъ того требуютъ нужды страны. Въ обоихъ случаяхъ, искусственное возбужденіе произведетъ нездоровое дѣйствіе. Конечно пища и одежда такъ же необходимы для нашего тѣла, какъ литература для нашего ума. Зачѣмъ же, послѣ этого, намъ возлагать на правительства поощреніе тѣхъ, которые пишутъ для насъ книги, скорѣе чѣмъ тѣхъ, которые бьютъ для насъ барановъ и чинятъ нашу одежду. Дѣло въ томъ, что ходъ умственной жизни общества, въ этомъ отношеніи, совершенно уподобляется ходу его физической жизни. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, слишкомъ усиленное предложеніе можетъ дѣйствительно родить неестественную потребность, но это есть искусственное положеніе вещей, свидѣтельствующее о болѣзненной дѣятельности общественнаго организма. Въ здоровомъ состояніи общества, не предложеніе возбуждаетъ потребность, а потребность вызываетъ предложеніе. Слѣдовательно предположить, что за умноженіемъ писателей необходимо должно послѣдовать распространеніе знаній, было бы тоже самое, какъ если бы кто сталъ думать, что отъ увеличенія числа мясниковъ увеличится и количество доставляемой народу пищи. На самомъ дѣлѣ это устроивается совсѣмъ не въ такомъ порядкѣ. Для того чтобы ѣсть, нужно имѣть аппетитъ, чтобы покупать пищу, нужно имѣть деньги, а чтобы читать нужно быть любознательнымъ. Два великія начала, двигающія міромъ, суть: любовь къ богатству и любовь къ знанію. Эти два начала имѣютъ представителями своими два главнѣйшихъ класса, на которые раздѣляется каждая цивилизованная нація — они же и управляютъ этими классами. То, что правительство даетъ одному изъ классовъ, оно должно взять у другаго. То, что оно даетъ литературѣ, оно вынуждено отнять у промышленности, а это никогда не можетъ быть сдѣлано, въ сколько нибудь значительномъ размѣрѣ, безъ того, чтобы не произо-

шло самыхъ гибельныхъ послѣдствiй. Естественныя пропорцiи общества нарушаются — и оно само приходитъ въ разстройство. Между тѣмъ какъ дѣятели литературы пользуются покровительствомъ, дѣятели промышленности подвергаются угнетенiю. Въ глазахъ людей, считающихъ литературу главнымъ дѣломъ въ народной жизни, низшiе классы нацiи не могутъ имѣть большаго значенiя. Мысль о свободѣ народа будетъ у нихъ въ пренебреженiи; самыя личности, его составляющiя, подвергнутся притѣсненiю, трудъ его обложится податью. Знанiя, необходимыя для жизни, будутъ презрѣны, ради покровительства такимъ знанiямъ, которыя служатъ для украшенiя ея. Большинство будетъ раззорено, ради удовольствiя меньшинства. Сверху все будетъ блестяще, а снизу — гнило. Прекрасныя картины, великолѣпные дворцы, трогательныя драмы — все это, въ теченiе нѣкотораго времени, можетъ быть произведено въ изобилiи, но такое производство будетъ стоить нацiи ея самыхъ кровныхъ силъ. Даже тотъ классъ, для котораго принесется такая жертва, скоро придетъ въ упадокъ. Конечно поэты могутъ попрежнему воспѣвать мецената, не щадящаго для нихъ своего золота; но то достовѣрно, что люди, начинающiе съ потери своей независимости, кончаютъ тѣмъ, что теряютъ и энергiю. Слишкомъ уже велики должны быть умственныя силы ихъ, чтобы не ослабѣть среди болѣзненной атмосферы. Сосредоточивъ все вниманiе на своемъ меценатѣ, они незамѣтно прiобрѣтутъ привычку къ раболѣпству, неразлучную съ такимъ положенiемъ, и такъ какъ сфера проявленiя ихъ сочувствiй будетъ ограниченна, то и самая дѣятельность ихъ дарованiй ослабнетъ. Покорность станетъ для нихъ привычкою, а раболѣпство удовольствiемъ. Въ ихъ рукахъ, литература скоро потеряетъ свой характеръ смѣлости; преданiе старыхъ временъ будетъ приводимо, какъ доказательство истины, и духъ самостоятельнаго изслѣдованiя совершенно исчезнетъ. При такихъ данныхъ, всегда настаетъ одинъ изъ тѣхъ грустныхъ

моментовъ исторіи, когда общественному мнѣнію нѣтъ средства высказаться и мысль человѣческая не находитъ исхода; недовольство гражданъ, оставаясь безгласнымъ, понемногу переходитъ въ смертельную ненависть; враждебныя страсти накипаютъ въ тишинѣ.

Вѣрность начертанной нами картины вполнѣ очевидна для всякаго, кто изучалъ исторію Людовика XIV и связь между его царствованіемъ и Французскою Революціею. Этотъ государь, въ теченіе своего долгаго царствованія, принялъ вредное обыкновеніе награждать литераторовъ значительными суммами денегъ и оказывать имъ различные знаки своей благосклонности. Такъ какъ это продолжалось болѣе полувѣка, и какъ богатства, которыя онъ такимъ образомъ неразсчетливо расточалъ, были конечно взяты отъ другихъ его подданныхъ, то мы не можемъ найти лучшаго примѣра для объясненія того, какихъ результатовъ можно всегда ожидать отъ подобнаго покровительства. Дѣйствительно, этому государю принадлежитъ честь возведенія въ систему того покровительства литературѣ, о возобновленіи котораго многіе такъ усердно заботятся; а какія были послѣдствія этого образа дѣйствія для интересовъ знанія вообще, это мы сейчасъ увидимъ. Вліяніе его на самыхъ литераторовъ заслуживаетъ особеннаго вниманія тѣхъ писателей, которые, не взирая на чувство собственнаго достоинства, постоянно упрекаютъ англійское правительство за то, что оно не заботится о людяхъ литературной профессіи. Ни въ какое время, литераторы не были такъ щедро награждаемы, какъ въ царствованіе Людовика XIV, и никогда не были они такъ низки духомъ, такъ раболѣпны и такъ совершенно неспособны удовлетворять высокому призванію своему—быть апостолами знанія и проповѣдниками истины. Исторія самыхъ знаменитыхъ писателей того времени доказываетъ, что не смотря на образованіе свое и на природныя умственныя силы, они не могли устоять противъ окружавшей ихъ испорченности. Для пріобрѣте-

нія благосклонности короля, они жертвовали тѣмъ духомъ независимости, который долженъ былъ быть для нихъ дороже жизни. Они отреклись отъ наслѣдія геніевъ и уступили свое право первородства за блюдо чечевицы; а что случилось тогда, то, при подобныхъ же обстоятельствахъ, произошло бы и нынѣ. Немногіе, высоко-даровитые, мыслители могутъ конечно быть въ состояніи, въ продолженіе нѣкотораго времени, противиться давленію своего вѣка. Что же касается человѣчества вообще, то общество не можетъ вліять ни на какое сословіе иначе, какъ чрезъ посредство его интересовъ. Слѣдовательно всякій народъ долженъ заботиться, чтобы интересы литературныхъ дѣятелей были на его сторонѣ. Ибо литература представляетъ собою умъ — нѣчто прогрессивное, а правительство представляетъ порядокъ — нѣчто неподвижное. Пока эти двѣ великія силы раздѣлены, онѣ взаимно исправляютъ одна другую и одна другой противодѣйствуютъ, и нація можетъ сохранять равновѣсіе. Но если обѣ силы вступаютъ въ коалицію, то неизбѣжнымъ результатомъ будетъ деспотизмъ въ политическомъ мірѣ и раболѣпство въ литературномъ. Такъ было во Франціи при Людовикѣ XIV, и мы можемъ быть увѣрены, что то же произойдетъ въ каждой странѣ, которая поддастся искушенію послѣдовать столь привлекательному, но вмѣстѣ съ тѣмъ столь гибельному примѣру.

Слава Людовика XIV создана была благодарностью къ нему писателей, въ настоящее же время она поддерживается общепринятою мыслью, что блестящее состояніе, котораго достигла въ его время литература, должно быть главнымъ образомъ приписано его отеческой обо всемъ заботливости. Но если разсмотрѣть это мнѣніе по-ближе, то мы увидимъ, что подобно многимъ изъ преданій, наполняющихъ собою исторію, оно совершенно лишено основанія. Мы найдемъ два обстоятельства первостепенной важности, которыя докажутъ намъ, что литературный блескъ царствованія Людовика XIV былъ результа-

томъ не его усилій, а трудовъ великаго поколѣнія, предшествовавшаго ему, и что умственное развитіе Франціи не только ничего не выиграло отъ его щедрости, но даже было стѣснено его опекою.

I. Первое изъ этихъ обстоятельствъ заключается въ томъ, что великое движеніе, сообщенное, во время управленія Ришельё и Мазарини, высшимъ отраслямъ знанія, внезапно остановилось. Въ 1661 г. Людовикъ XIV принялъ управленіе государствомъ, и съ этого момента до смерти его (въ 1715 г.), исторія Франціи, въ отношеніи къ великимъ открытіямъ науки, составляетъ пробѣлъ въ лѣтописяхъ Европы. Если, оставивъ въ сторонѣ всѣ предразсудочныя понятія наши о мнимой славѣ этого періода, мы разсмотримъ предметъ безпристрастно, то окажется, что по всѣмъ отраслямъ знанія былъ явный недостатокъ въ самостоятельныхъ мыслителяхъ. Въ числѣ произведеній того времени было много изящнаго, много привлекательнаго. Чувствамъ людей конечно льстили произведенія искусства — картины, дворцы, стихотворенія, но едвали было присовокуплено что нибудь существеннаго къ суммѣ человѣческихъ знаній. Если, напримѣръ, взять математику и тѣ смѣшанныя науки, къ которымъ она прилагается, то безъ сомнѣнія всякій признаетъ, что наиболѣе успѣшно занимались ими, во Франціи, въ семнадцатомъ вѣкѣ, Декартъ, Паскаль, Ферма̀ (Fermat), Гассенди и Мерсеннъ. Но Людовикъ XIV не имѣетъ права ни на какое участіе въ славѣ, заслуженной этими людьми, потому что они занимались своими изысканіями въ то время, когда король былъ еще ребенкомъ, и окончили ихъ прежде, чѣмъ онъ принялъ управленіе, а слѣдовательно и прежде, чѣмъ начала дѣйствовать его система покровительства. Декартъ умеръ въ 1650 г., когда королю было двѣнадцать лѣтъ. Паскаль, имя котораго, подобно имени Декарта, обыкновенно соединяютъ съ вѣкомъ Людовика XIV, пріобрѣлъ европейскую извѣстность еще въ то время, когда Людовикъ, забавлялся въ

дѣтской своими игрушками, и не зналъ даже о существованіи этого человѣка. Его трактатъ о коническихъ сѣченіяхъ былъ написанъ въ 1639 году, рѣшительные опыты надъ тяжестью воздуха произведены въ 1648 году, а изысканія о циклоидѣ, послѣднія изъ великихъ изслѣдованій его, произведены въ 1658 году, когда Людовикъ, находясь подъ опекою Мазарини, не имѣлъ еще никакой власти. Ферма̀ былъ одинъ изъ самыхъ глубокихъ мыслителей семнадцатаго вѣка, въ особенности по части геометріи, въ которой онъ уступалъ одному только Декарту. Самыя важныя открытія его суть тѣ, которыя относятся къ геометріи безконечныхъ величинъ, въ примѣненіи къ ординатамъ и тангенсамъ дугъ, и эти изысканія были имъ окончены въ 1636 г. или еще ранѣе. Что же касается Гассенди и Мерсенна, то достаточно сказать, что Гассенди умеръ въ 1655 г., шестью годами ранѣе, чѣмъ Людовикъ принялъ управленіе, а Мерсеннъ — въ 1648 г., когда великому королю было не болѣе десяти лѣтъ.

Таковы были люди, процвѣтавшіе во Франціи передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ стала дѣйствовать система Людовика XIV. Вскорѣ послѣ ихъ смерти, покровительство короля начало вліять на умственное направленіе націи, и въ теченіе слѣдующихъ за тѣмъ пятидесяти лѣтъ, не было сдѣлано ни одного значительнаго пріобрѣтенія ни по одной изъ отраслей математики, ни по какой либо изъ тѣхъ наукъ—за исключеніемъ развѣ акустики — къ которымъ прилагается математика. Чѣмъ далѣе подвигался семнадцатый вѣкъ, тѣмъ очевиднѣе становился этотъ упадокъ, и тѣмъ яснѣе можемъ мы прослѣдить связь между уменьшеніемъ силъ Франціи и развитіемъ духа покровительства, ослаблявшаго ту самую энергію, которую онъ стремился усилить. Людовикъ слыхалъ, что астрономія есть наука, открывающая высокія истины, по этому онъ стремился увеличить славу своего имени, поощряя изученіе этой науки во Франціи. Въ этихъ видахъ, онъ сталъ награждать спеціалистовъ ея съ безпримѣрною щедростью, и построилъ въ Парижѣ великолѣп-

ную обсерваторію; къ его двору приглашены были самые знаменитые изъ иностранныхъ астрономовъ: Кассини изъ Италіи, Рёмеръ изъ Даніи и Гюгенсъ (Huygens) изъ Голландіи. Что же касается до самой французской націи, то она не произвела ни одного человѣка, который бы сдѣлалъ какое либо открытіе, составляющее эпоху въ исторіи этой науки. Въ другихъ странахъ дѣлались большіе успѣхи, и Ньютонъ въ особенности, своими громадными обобщеніями, преобразовалъ почти всѣ отрасли физики, а астрономію совсѣмъ пересоздалъ, распространивъ до самыхъ дальнихъ предѣловъ солнечной системы законы тяготѣнія. Напротивъ того, Франція находилась въ такомъ оцѣпенѣніи, что эти удивительныя открытія, измѣнившія видъ всей системы наукъ, были оставлены ею безъ вниманія; до 1732 года, т. е. въ теченіе сорока пяти лѣтъ послѣ обнародованія этихъ открытій ихъ безсмертнымъ виновникомъ, не было ни одного примѣра, чтобы какой нибудь французскій астрономъ усвоилъ себѣ ихъ выводы. Даже въ подробностяхъ, самыя значительныя улучшенія, сдѣланныя французскими астрономами во время владычества Людовика XIV, не были оригинальными. Они имѣли притязаніе на изобрѣтеніе микрометра, инструмента, составляющаго превосходное пособіе для науки и устроеннаго въ первый разъ, какъ они утверждали, Пикаромъ (Picard) и Озу (Auzout). Но на самомъ дѣлѣ, и здѣсь ихъ опередила дѣятельность болѣе свободнаго и менѣе покровительствуемаго народа: микрометръ изобрѣтенъ Гаскойномъ (Gascoigne) въ 1639 г. или немного ранѣе, то есть въ такое время, когда англійскій король не только не имѣлъ времени покровительствовать наукѣ, но приготовлялся вступить въ ту самую борьбу, которая, десять лѣтъ спустя, стоила ему короны и жизни.

Отсутствіе во Франціи, въ этомъ періодѣ, не только великихъ открытій, но и простой практической смѣтливости, конечно весьма поразительно. Для изслѣдованій, требовавшихъ строжайшей точности, всѣ нужные инструменты, если они

были сколько нибудь сложны, приготовлялись иностранцами, такъ какъ мѣстные рабочіе были слишкомъ неискуссны, чтобы дѣлать ихъ. Д-ръ Листеръ, который могъ быть въ этомъ дѣлѣ весьма хорошимъ судьею и который былъ въ Парижѣ въ концѣ семнадцатаго вѣка, свидѣтельствуетъ, что лучшіе математическіе инструменты, продававшіеся въ этомъ городѣ, были сдѣланы не Французами, а жившимъ тамъ Англичаниномъ Бёттерфильдомъ (Butterfield). Не болѣе имѣли успѣха Французы и въ производствѣ предметовъ непосредственной, очевидной необходимости. Улучшенія, достигнутыя ими въ мануфактурномъ дѣлѣ, были малочисленны и ничтожны, притомъ же клонились не къ улучшенію народнаго быта, но къ удовлетворенію роскоши праздныхъ сословій. Все истинно полезное находилось въ пренебреженіи; не было ни одного великаго изобрѣтенія. До самаго конца царствованія Людовика XIV, ни по части механики, ни по другимъ отраслямъ промышленности, не было сдѣлано почти ничего такого, что бы могло служить къ сбереженію народнаго труда, а слѣдовательно и къ увеличенію народнаго богатства.

При такомъ состояніи не только математическихъ наукъ и астрономіи, но даже механическихъ искусствъ и изобрѣтеній, соотвѣтствующіе признаки истощенія умственныхъ силъ націи проявлялись и по всѣмъ другимъ отраслямъ ученой дѣятельности. По части физіологіи, анатоміи и медицины, мы напрасно стали бы искать въ это время во Франціи людей, подобныхъ тѣмъ, которыми она нѣкогда гордилась. Самое великое изъ открытій по этой отрасли знанія, сдѣланныхъ кѣмъ либо изъ Французовъ, есть открытіе пріемника питательныхъ соковъ, открытіе, которое, по мнѣнію одного писателя, пользующагося большимъ авторитетомъ, стоитъ на равнѣ съ открытіемъ Гарвея — обращенія крови. Этотъ важный шагъ въ развитіи нашихъ знаній постоянно относятъ къ царствованію Людовика XIV, какъ будто бы онъ былъ однимъ изъ результатовъ вели-

кодушной щедрости; между тѣмъ весьма трудно было бы доказать участіе мѣръ Людовика въ этомъ открытіи, потому что его сдѣлалъ Пэккѐ (Pecquet) въ 1647 г., когда великому королю было девять лѣтъ отъ роду. Послѣ Пэккѐ, самымъ знаменитымъ изъ французскихъ анатомистовъ семнадцатаго вѣка былъ Ріоланъ (Riolan); и его имя мы также находимъ въ числѣ замѣчательныхъ людей, украсившихъ собою царствованіе Людовика XIV. Между тѣмъ главныя сочиненія Ріолана были написаны еще до рожденія Людовика: послѣднее произведеніе его издано въ 1652 году, а въ 1657 г. онъ умеръ. Послѣ него произошелъ нѣкоторый застой: въ продолженіе трехъ поколѣній, Французы вовсе ничего не сдѣлали по этимъ важнымъ предметамъ; они не написали ни одного сочиненія, которое читалось бы до настоящаго времени, не открыли ни одной новой научной истины и повидимому совершенно упали духомъ. Это продолжалось до того возрожденія наукъ, которое, какъ мы сейчасъ увидимъ, совершилось во Франціи около половины восемнадцатаго вѣка. Въ практическихъ отрасляхъ медицины, въ умозрительныхъ отрасляхъ ея и во всѣхъ искусствахъ, связанныхъ съ хирургіею, проявляется тотъ же законъ. По этимъ частямъ, такъ же, какъ и по другимъ, Франція въ прежнее время производила людей весьма замѣчательныхъ, которые пріобрѣли европейскую извѣстность и сочиненія которыхъ и до сихъ поръ не забыты. Такимъ образомъ—мы приведемъ только два или три примѣра—у нихъ былъ длинный рядъ знаменитыхъ медиковъ, въ числѣ которыхъ самыми первыми, по времени, были Фернэль (Fernel) и Жубэръ (Joubert); по хирургіи у нихъ былъ Амбруазъ Парѐ (Ambroise Paré,) который не только ввелъ важныя практическія усовершенствованія, но имѣлъ еще болѣе рѣдкую заслугу, какъ одинъ изъ основателей сравнительной остеологіи; сверхъ того, у нихъ былъ Балью (Baillou), который, въ концѣ шестнадцатаго и въ началѣ семнадцатаго столѣтія, подвинулъ впередъ патологію, соединивъ съ нею пато-

логическую анатомію. При Людовикѣ XIV, все это измѣнилось. При немъ хирургія во Франціи находилась въ пренебреженіи, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ она быстро подвигалась впередъ. Англичане, къ половинѣ семнадцатаго столѣтія, сдѣлали весьма значительные успѣхи въ медицинѣ, терапевтическую отрасль которой преимущественно преобразовалъ Сайденгамъ (Sydenham), а физіологическую—Глиссонъ (Glisson). Вѣкъ же Людовика XIV не можетъ похвалиться ни однимъ писателемъ по части медицины, который могъ бы быть сравненъ съ этими людьми, ни даже такимъ, котораго имя было бы связано съ какимъ либо особымъ приращеніемъ къ нашимъ знаніямъ. Въ Парижѣ, практическая медицина стояла несомнѣнно ниже, чѣмъ въ столицахъ Германіи, Италіи и Англіи, а во французскихъ провинціяхъ, даже самые лучшіе, сравнительно, врачи отличались вопіющимъ невѣжествомъ. Дѣйствительно, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ теченіе всего этого долгаго періода, Французы, въ отношеніи къ медицинѣ, сравнительно ничего не сдѣлали. Они ничего не произвели новаго по части клиники и почти ничего по части терапевтики, патологіи, физіологіи и анатоміи.

Въ естественныхъ наукахъ, мы также находимъ, что Французы остановились въ это время на одной точкѣ. По части зоологіи они прежде имѣли замѣчательныхъ людей, въ числѣ которыхъ самыми извѣстными были Белонъ (Belon) и Ронделè (Rondelet); но при Людовикѣ XIV, Франція не произвела ни одного самостоятельнаго наблюдателя въ этой обширной области изслѣдованій. Также и въ химіи, въ царствованіе Людовика XIII, Рэй (Rey) высказалъ воззрѣнія величайшей важности, упреждавшія даже нѣкоторыя изъ обобщеній, которыми прославился умъ Французской націи въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Въ развратныя же и легкомысленныя времена Людовика XIV, все это было забыто. Труды Рэя остались въ пренебреженіи, и равнодушіе обще-

ства къ наукѣ дошло до такой степени, что даже знаменитые опыты Бойля были неизвѣстны во Франціи болѣе сорока лѣтъ послѣ обнародованія ихъ.

Въ связи съ зоологіею, для каждаго философскаго ума—даже въ неразрывной связи съ нею—находится ботаника, которая, занимая средину между царствами животнымъ и ископаемымъ, указываетъ на отношеніе одного къ другому и въ разныхъ точкахъ касается предѣловъ обоихъ царствъ. Она также бросаетъ яркій свѣтъ на отправленія питанія и на законы развитія; притомъ, вслѣдствіе разительной аналогіи, существующей между животными и растеніями, мы имѣемъ весьма сильное основаніе надѣяться, что будущіе успѣхи этой науки, вмѣстѣ съ успѣхами теоріи электричества, проложатъ путь къ образованію всеобъемлющей теоріи жизни, которая при настоящей степени нашихъ знаній, еще не можетъ установиться, но къ которой явно стремится современное движеніе въ наукѣ. По этимъ причинамъ, гораздо болѣе чѣмъ по доставляемымъ ею практическимъ выгодамъ, ботаника всегда будетъ привлекать вниманіе мыслящихъ людей, которые, пренебрегая видами непосредственной пользы, стремятся къ широкимъ, окончательнымъ результатамъ и цѣнятъ частные факты лишь на столько, на сколько ими облегчается открытіе общихъ истинъ. Первый шагъ, въ этомъ благородномъ трудѣ, былъ сдѣланъ около половины шестнадцатаго столѣтія, когда ученые, вмѣсто того, чтобы повторять сказанное прежде ихъ другими писателями, стали сами наблюдать природу. Слѣдующимъ шагомъ было — присовокупить къ наблюденію опытъ; но еще должно было пройти сто лѣтъ прежде, чѣмъ оказалась возможность производить опыты съ должною точностью, потому что микроскопъ, который существенно необходимъ для подобныхъ изслѣдованій, изобрѣтенъ только около 1620 г. и потребовался трудъ цѣлаго поколѣнія для того, чтобы сдѣлать его годнымъ къ точнымъ изслѣдованіямъ. Впрочемъ, какъ только это орудіе было достаточно

улучшено для того, чтобы его можно было употребить при наблюденіи растеній, ботаника быстрыми шагами двинулась впередъ, по крайней мѣрѣ относительно подробностей—такъ какъ дѣйствительное обобщеніе фактовъ послѣдовало не ранѣе восемнадцатаго вѣка. Но въ предварительномъ трудѣ собиранія фактовъ проявилась большая энергія, и, по причинамъ уже изложеннымъ въ нашемъ введеніи, эта наука, подобно другимъ относящимся къ внѣшнему міру, сдѣлала особенно быстрые успѣхи въ царствованіе Карла II. Воздухоносные сосуды у растеній открыты были Геншау (Henshaw) въ 1661 г., а клѣтчатая ткань — Гукомъ (Hooke), въ 1667. Это было уже значительнымъ шагомъ къ установленію аналогіи между растеніями и животными, а въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Грю (Grew) достигъ еще бòльшихъ результатовъ въ томъ же направленіи. Онъ произвелъ множество самыхъ точныхъ и разнообразныхъ диссекцій, вслѣдствіе которыхъ анатомія царства растительнаго стала особою отраслью науки, и доказалъ, что организмъ растеній почти не менѣе сложенъ, чѣмъ организмъ животныхъ. Первое сочиненіе его написано въ 1670 году, а въ 1676 году, другой Англичанинъ, Миллингтонъ, доказалъ существованіе у растеній половаго различія, и тѣмъ доставилъ новое подтвержденіе гармоніи царства животнаго съ растительнымъ и единства идеи, лежащей въ основаніи организаціи обоихъ царствъ.

Вотъ что было сдѣлано въ Англіи въ продолженіе царствованія Карла II. Спросимъ теперь: чего же достигли во Франціи, въ теченіе того же времени, подъ вліяніемъ щедраго покровительства Людовика XIV. Отвѣтъ будетъ: ничего, никакого открытія, никакой идеи, которая бы составляла эпоху въ этой важной отрасли естествознанія. Сынъ знаменитаго Сэра Томаса Броуна (Browne) посѣтилъ Парижъ, въ надеждѣ прибавить что нибудь новое къ своимъ познаніямъ въ ботаникѣ; онъ полагалъ, что найдетъ къ тому вѣрныя

средства въ странѣ, гдѣ наука была въ такой чести, гдѣ дѣятели ея пользовались такою благосклонностью со стороны двора, а изысканія ихъ такъ щедро награждались. Но къ великому удивленію его, онъ не нашелъ, въ 1665 году, въ этомъ большомъ городѣ, ни одного человѣка, способнаго преподавать его любимый предметъ, такъ что даже публичныя лекціи о немъ оказались чрезвычайно неполными и неудовлетворительными. Какъ въ то время, такъ и гораздо позже, у Французовъ не было ни одного хорошаго популярнаго трактата о ботаникѣ, въ которой они еще менѣе отличались усовершенствованіями. Дѣйствительно, философская сторона этого предмета была такъ ложно понята, что Турнефоръ, единственный извѣстный французскій ботаникъ времени Людовика XIV, даже отвергъ открытіе половъ у растеній, сдѣланное прежде чѣмъ онъ началъ писать, и оказавшееся впослѣдствіи краеугольнымъ камнемъ Линнеевой системы. Это служитъ доказательствомъ его неспособности къ усвоенію тѣхъ широкихъ воззрѣній на единство органическаго міра, которыя одни только придаютъ ботаникѣ научное значеніе; вотъ почему мы видимъ, что онъ ничего не сдѣлалъ для физіологіи растеній и что единственною заслугою его было собираніе и классификація ихъ. Притомъ, даже и въ классификаціи растеній онъ руководствовался не многостороннимъ сравненіемъ различныхъ частей ихъ, а соображеніями, основанными единственно на внѣшнемъ видѣ каждаго цвѣтка; онъ лишилъ такимъ образомъ ботанику ея истиннаго величія и унизилъ ее до значенія искусства размѣщать красивые предметы. Вотъ новый примѣръ того, какимъ образомъ Французы тогдашняго поколѣнія опошляли все, что желали возвысить, и умаляли всякій предметъ до тѣхъ поръ, пока онъ не войдетъ въ размѣры, подходящіе къ умственному развитію и вкусу того невѣжественнаго и сладострастнаго кружка, благосклонности котораго они всю жизнь добивались, ожидая отъ нея наградъ и поощренія.

Дѣло въ томъ, что въ отношеніи къ этому какъ и ко всѣмъ другимъ дѣйствительно важнымъ предметамъ, какъ и ко всѣмъ вопросамъ, требующимъ самостоятельнаго мышленія или имѣющимъ серіозное практическое значеніе, вѣкъ Людовика XIV былъ вѣкомъ упадка — вѣкомъ бѣдности, нетерпимости и угнетенія, вѣкомъ рабства, униженія и неспособности. Такое мнѣніе давно уже было бы всѣми принято, еслибы люди, писавшіе исторію этого періода, взяли на себя трудъ изучить предметы, безъ которыхъ исторія не можетъ быть понята, или, лучше сказать, безъ которыхъ она вовсе не существуетъ. Если бы это было сдѣлано, то слава Людовика XIV сразу умалилась бы до своего истиннаго размѣра.

Не смотря даже на опасность подвергнуться обвиненію въ чрезмѣрно высокой оцѣнкѣ своихъ собственныхъ трудовъ, я не могу умолчать о томъ, что факты, на которые я здѣсь указалъ, до сихъ поръ еще не были никѣмъ собраны, а оставались разрозненными, распредѣленными по разнымъ сочиненіямъ и сборникамъ свѣденій о предметахъ, къ которымъ они прямо относятся. Между тѣмъ, не зная ихъ, невозможно изучить вѣкъ Людовика XIV. Невозможно опредѣлить характеръ какого либо періода иначе, какъ прослѣдивъ его развитіе или, другими словами, измѣривъ, до чего простирались его знанія. Поэтому-то, писать исторію какой либо страны, не принимая въ соображеніе хода ея умственнаго развитія, было бы то же самое, какъ если бы астрономъ составилъ планетную систему, не включивъ въ нее солнце, котораго свѣтъ одинъ даетъ намъ возможность видѣть планеты, и притяженіе котораго даетъ направленіе планетамъ и заставляетъ ихъ обращаться въ назначенныхъ имъ орбитахъ. Великое свѣтило, сіяніемъ своимъ озаряющее небеса, не болѣе величественно и всемогуще, чѣмъ разумъ человѣческій въ нашемъ земномъ мірѣ. Человѣческому разуму—и только ему одному—обязаны всѣ народы своими знаніями; а чему, если не успѣ-

хамъ и распространенію знанія, одолжены мы нашими искусствами, науками, мануфактурами, законами, мнѣніями, обычаями, удобствами жизни, роскошью, цивилизаціей—короче сказать, всѣмъ тѣмъ, что ставитъ насъ выше дикарей, невѣжествомъ своимъ униженныхъ до уровня животныхъ, съ которыми они составляютъ одно стадо. Потому-то мы можемъ сказать, что теперь безъ сомнѣнія пришло время, когда люди, желающіе написать исторію великаго народа, должны заниматься тѣми явленіями, которыя одни управляютъ судьбою людей, и пренебрегать ничтожными и ничего не значащими подробностями, которыми такъ долго намъ докучали—подробностями, относящимися къ образу жизни королей, къ интригамъ министровъ, къ порокамъ и сплетнямъ дворовъ.

Именно эти высшія соображенія и даютъ намъ ключъ къ исторіи царствованія Людовика XIV. Въ это время, какъ и во всѣ другія времена, за упадкомъ умственныхъ силъ народа послѣдовало обѣдненіе его и политическое униженіе страны; а самъ упадокъ, въ свою очередь, былъ послѣдствіемъ духа покровительства—этого вреднаго духа, который разслабляетъ все, къ чему ни прикоснется. Если, во всемъ долгомъ теченіи всемірной исторіи, что нибудь и выяснилось болѣе чѣмъ все остальное, такъ это та истина, что всякое правительство, которое вздумаетъ поощрять умственные труды, непремѣнно поощряетъ ихъ не тамъ, гдѣ бы слѣдовало, и награждаетъ не тѣхъ, которые заслуживали бы награды. И не удивительно, что это такъ случается. Какое понятіе могутъ имѣть короли и министры о тѣхъ обширныхъ отрасляхъ знанія, для успѣшнаго занятія которыми нерѣдко нужна бываетъ цѣлая жизнь? Какъ могутъ они, постоянно занятые своею высокою дѣятельностью, найти время для этихъ второстепенныхъ предметовъ? Можно ли ожидать подобныхъ знаній отъ государственныхъ людей, всегда озабоченныхъ самыми важнѣйшими дѣлами—людей, которые то пишутъ депеши, то произносятъ рѣчи, то организуютъ себѣ партію въ парламентѣ,

то борются съ какою нибудь интригою въ королевскомъ совѣтѣ. Или—въ случаѣ еслибы монархъ сталъ удостоивать писателей своихъ милостей, по собственному выбору—можемъ ли мы ожидать, чтобы такіе маловажные предметы, какъ философія и другія науки, были хорошо знакомы высокому и могущественному государю, имѣющему свои особые и многотрудные предметы для изученія, обязанному знать таинства геральдики, свойство и достоинство различныхъ званій, сравнительную важность разныхъ орденовъ, знаковъ отличія и титуловъ, законы старшинства въ придворныхъ шествіяхъ, права, принадлежащія аристократическому происхожденію, названіе и значеніе лентъ, звѣздъ и подвязокъ, различные обряды, съ которыми жалуется та или другая почесть, или вводится сановникъ въ отправленіе той или другой должности, устройство разныхъ церемоніаловъ, всѣ тонкости этикета и множество другихъ спеціально-придворныхъ мудростей, необходимыхъ для исполненія высокихъ обязанностей, возложенныхъ на монарха.

Достаточно только постановить подобные вопросы, чтобы убѣдиться уже въ несостоятельности предполагаемаго ими начала. Ибо, если только мы не предполагаемъ что короли такъ же всевѣдущи, какъ и непогрѣшимы, то очевидно, что въ назначеніи наградъ они должны руководствоваться или личнымъ произволомъ, или свидѣтельствомъ свѣдущихъ судей. И такъ какъ никто не можетъ быть свѣдущимъ судьей ученыхъ заслугъ, если онъ самъ не ученый, то мы доходимъ до той дилеммы, что награды за умственный трудъ могутъ быть или раздаваемы несправедливо, или назначаемы по опредѣленію того самаго сословія, которому онѣ жалуются. Въ первомъ случаѣ, награды будутъ смѣшны, а въ послѣднемъ случаѣ—унизительны. Въ первомъ случаѣ, ничтожные люди воспользуются богатствами, которыя собираются съ людей трудящихся, для раздачи празднымъ. А въ послѣднемъ случаѣ, тѣ истинно-геніальные люди, тѣ великіе и знаменитые мыслители, которые служатъ руководителями и наставни-

ками всему роду человѣческому, будутъ разукрашены пустозвонными титулами, и, послѣ жалкаго соперничества и драки изъ-за ничтожныхъ милостей, обратятся въ нищихъ, обирающихъ государство и не только вымаливающихъ себѣ извѣстную часть награды, но и опредѣляющихъ размѣры, въ которыхъ эта добыча должна быть между ними раздѣлена.

При такой системѣ, единственными результатами являются: сперва оскудѣніе и обращеніе въ рабство самыхъ геніальныхъ умовъ, затѣмъ упадокъ знанія и наконецъ упадокъ самой страны. Три раза, въ исторіи міра, произведенъ былъ этотъ опытъ. При Августѣ, при Львѣ X и при Людовикѣ XIV, испытанъ былъ одинъ и тотъ же образъ дѣйствія и вездѣ произошелъ одинъ и тотъ же результатъ. Въ каждомъ изъ этихъ періодовъ было много наружнаго блеска, за которымъ тотчасъ слѣдовалъ внезапный упадокъ. Въ каждомъ изъ этихъ примѣровъ, блескъ переживалъ независимость и въ каждомъ изъ нихъ, также, національный духъ падалъ подъ гнетомъ напряженнаго союза между правительствомъ и литературою,— союза, чрезмѣрно усиливающаго политическихъ дѣятелей и ослабляющаго литературныхъ, по той простой причинѣ, что тѣ, которые оказываютъ покровительство, естественнымъ образомъ желаютъ пользоваться покорностью облагодѣтельствованныхъ ими лицъ, и что если, съ одной стороны, правительство всегда готово награждать литературу, то съ другой, литература всегда бываетъ готова подчиниться правительству.

Изъ этихъ трехъ періодовъ, вѣкъ Людовика XIV—неоспоримо худшій, и только изумительная энергія французскаго народа могла дать ему возможность оправиться, какъ это онъ сдѣлалъ современемъ, отъ послѣдствій этой разслабляющей системы. Но хотя Французы и оправились,—усиліе это стоило имъ весьма дорого: борьба, какъ мы сейчасъ увидимъ, продолжалась въ теченіе двухъ поколѣній и окончилась только страшною революціею, которая была ея естественнымъ исходомъ. Дѣйствитель-

ный ходъ этой борьбы я постараюсь разъяснить въ концѣ настоящаго тома, теперь же, не упреждая хода событій, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію той черты, которая, какъ мы уже сказали, составляетъ вторую великую характеристику царствованія Людовика XIV.

II. Вторая умственная характеристика царствованія Людовика XIV, по важности своей, едвали стоитъ ниже первой. Мы уже видѣли, что умственныя силы націи, стѣсненныя въ развитіи своемъ покровительствомъ двора, до такой степени отклонились отъ высшихъ отраслей знанія, что ни по одной изъ нихъ не произвели ничего, заслуживающаго вниманія. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что умы людей, отклонившись отъ высшихъ отраслей знанія, нашли убѣжище въ низшихъ и сосредоточивались на тѣхъ предметахъ, въ которыхъ не открытіе истины составляетъ главную цѣль, а преимущественно ищется красота формы и выраженія. Такимъ образомъ, первымъ послѣдствіемъ покровительства Людовика XIV было то, что кругъ дѣятельности генія стѣснился и наука принесена была въ жертву искусству. Вторымъ послѣдствіемъ было то, что и въ искусствѣ скоро обнаружился замѣтный упадокъ. Въ теченіе короткаго времени, возбудительное средство дѣйствовало, но за тѣмъ послѣдовало разслабленіе, составляющее естественный результатъ употребленія такихъ средствъ. Вся эта система покровительства и наградъ до такой степени вредна, что послѣ смерти тѣхъ писателей и художниковъ, произведенія которыхъ составляютъ единственную вознаграждающую черту въ царствованіи Людовика, не оказалось ни одного человѣка, который могъ бы хоть подражать имъ. Поэты, драматурги, живописцы, музыканты, ваятели, архитекторы, почти безъ исключенія, не только родились, но и были воспитаны еще при томъ болѣе либеральномъ управленіи, которое существовало до воцаренія Людовика XIV. Уже начавши свои труды, они воспользовались щедростью, которая поощряла дѣятельность ихъ умовъ. Но когда че-

резъ нѣсколько лѣтъ, это поколѣніе вымерло, то ложность всей системы ясно обозначилась. Болѣе чѣмъ за четверть вѣка до смерти Людовика XIV, большая часть этихъ замѣчательныхъ людей кончили жизнь, и тогда оказалось, до какого жалкаго положенія была доведена страна хваленымъ покровительствомъ великаго короля. Въ то время когда умеръ Людовикъ XIV, во всей Франціи едва ли былъ хоть одинъ писатель или художникъ, пользующійся европейскою извѣстностью. Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія. Если сравнить между собою различные роды литературы, то мы увидимъ, что духовное краснорѣчіе, на которое слабѣе всего дѣйствовало вліяніе короля, долѣе всего держалось противъ его системы. Массильонъ отчасти принадлежитъ слѣдующему царствованію; но изъ другихъ великихъ духовныхъ писателей, Боссюэтъ и Бурдалу оба дожили до 1704 г., Маскаронъ — до 1703, а Флешье до 1710. Впрочемъ, такъ какъ король, въ особенности въ послѣдніе годы, очень остерегался вмѣшиваться въ дѣла церкви, то мы лучше всего можемъ прослѣдить дѣйствіе его политики въ предметахъ свѣтскихъ; потому что здѣсь участіе его было наиболѣе дѣятельно. По этимъ соображеніямъ, проще всего будетъ разсмотрѣть сперва исторію изящныхъ искусствъ, и, приведя въ извѣстность, кто именно были самые великіе художники, замѣтить, въ какихъ годахъ они умерли, не забывая о томъ, что управленіе Людовика XIV началось въ 1661 и окончилось въ 1715 г.

Итакъ, если разсмотрѣть этотъ пятидесяти-четырехлѣтній періодъ, то насъ поразитъ замѣчательное обстоятельство, что всѣ истинно знаменитыя произведенія искусствъ явились въ первой половинѣ его, а за двадцать лѣтъ до конца, всѣ самые даровитые художники умерли, не оставивъ по себѣ преемниковъ. Шесть самыхъ великихъ живописцевъ царствованія Людовика XIV были: Пуссэнъ, Лезюэръ (Lesueur), Клодъ Лорренъ, Лебрёнъ (Le Brun) и два Миньяра

(Mignard). Изъ нихъ, Лебрёнъ умеръ въ 1690 г., старшій Миньяръ—въ 1668, младшій — въ 1695, Клодъ Лорренъ—въ 1682, Лезюэръ—въ 1655, а Пуссэнъ, можетъ быть самый знаменитый изъ всѣхъ представителей французской школы,—въ 1665 году. Два самые великіе архитектора были Клодъ Перро́ (Perrault) и Франсисъ Мансаръ (Francis Mansart); но Перро́ умеръ въ 1688, Мансаръ—въ 1666, а Блондель, первый послѣ нихъ по славѣ,—въ 1686 году. Самымъ великимъ изъ ваятелей былъ Пюже́ (Puget), скончавшійся въ 1694 году. Люлли, создатель французской музыкальной школы, умеръ въ 1687 г. Кино́ (Quinault), знаменитѣйшій изъ французскихъ поэтовъ, писавшихъ для музыки, умеръ въ 1688 году. При этихъ даровитыхъ людяхъ, изящныя искусства, въ царствованіе Людовика XIV, достигли своего апогея, а въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ его жизни, они упали съ изумительною быстротою. Такъ было не только съ архитектурою и музыкою, но и съ живописью, которая, находясь въ большей зависимости отъ личнаго тщеславія, могла бы скорѣе процвѣтать при богатомъ и деспотическомъ правительствѣ. Но и дарованія живописцевъ такъ понизились въ своемъ уровнѣ, что задолго еще до кончины Людовика XIV, Франція уже не имѣла ни одного замѣчательнаго художника по этой части, и когда вступилъ на престолъ преемникъ Людовика, то искусство живописца, въ этой великой націи, почти совершенно исчезло.

Все это весьма разительные факты—не выраженіе мнѣній, которыя могли бы быть оспариваемы, а непоколебимыя числа, подкрѣпленныя неоспоримыми свидѣтельствами. Если обозрѣть такимъ образомъ и литературу вѣка Людовика XIV, то мы придемъ къ подобнымъ же заключеніямъ. Приведя въ извѣстность годы появленія тѣхъ образцовыхъ произведеній, которыя служатъ украшеніемъ этого царствованія, мы увидимъ, что покровительство Людовика, въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ его

управленія, т. е когда оно по-дольше подѣйствовало, оказалось совершенно безплоднымъ, — другими словами — что когда Французы совершенно свыклись съ этимъ покровительствомъ, то они стали наименѣе способны создавать великія произведенія. Людовикъ XIV умеръ въ 1715 году. Расинъ написалъ «Федру» въ 1677, «Андромаху» въ 1667, и «Гоѳолію» въ 1691 году. Мольеръ издалъ «Мизантропа» въ 1666, «Тартюфа» въ 1667, «Скупаго» въ 1668 году. «Налой» (Lutrin) Буало былъ написанъ въ 1674 году, а лучшія изъ сатиръ его — въ 1666. Послѣднія басни Лафонтена явились въ 1678, а послѣднія сказки его въ 1671 году. «Изслѣдованіе Истины» Мальбранша (Malebranche) вышло въ 1674 г.; «Характеры» Лабрюйера изданы въ 1687, «Правила» (Maximes) Ларошфуко въ 1665. «Провинціальныя письма» Паскаля написаны въ 1656, а самъ онъ умеръ въ 1662 году. Что же касается до Корнеля, то изъ его великихъ трагедій нѣкоторыя написаны во время дѣтства короля, а другія до его рожденія. Таково было время появленія образцовыхъ произведеній вѣка Людовика XIV. Авторы этихъ великихъ произведеній всѣ перестали писать и почти всѣ умерли ранѣе конца семнадцатаго столѣтія, и мы имѣемъ полное право спросить почитателей Людовика XIV, кто же были люди, наслѣдовавшіе этимъ великимъ художникамъ? Гдѣ начертаны ихъ имена? Кто теперь читаетъ сочиненія неизвѣстныхъ наемниковъ, столько лѣтъ толпившихся при дворѣ великаго короля. Кто слыхалъ о Кампистронѣ, Ла Шапеллѣ, Женэ, Дюсерсо, Данкурѣ, Даншѐ Вержьѐ, Катру, Шольё, Лежандрѣ, Валенкурѣ, Ламоттѣ и другихъ ничтожныхъ компиляторахъ, такъ долго остававшихся самыми блестящими украшеніями Франціи? Не эта ли литература представляетъ собою послѣдствіе королевской щедрости? Не это ли плоды монаршаго покровительства? Если система наградъ и поощреній дѣйствительно полезна для литературы и искусства, то какимъ же образомъ она произвела самые жалкіе результаты тогда, когда дѣйствіе ея было

наиболѣе продолжительно? Если поощреніе со стороны монарховъ имѣетъ, какъ увѣряютъ насъ ихъ льстецы, такое значеніе, то какимъ же образомъ случилось, что чѣмъ болѣе оказывалось это поощреніе, тѣмъ ничтожнѣе были результаты его.

И эта почти невѣроятная бѣдность, по замѣченнымъ нами выше отраслямъ знанія, не искупалась ни какимъ превосходствомъ по другимъ отраслямъ. Дѣло въ томъ, что Людовикъ XIV вполнѣ пережилъ умственную силу Франціи, кромѣ той небольшой доли ея, которая развивалась въ оппозиціи его принципамъ и потомъ потрясла престолъ его преемника. За нѣсколько лѣтъ до смерти Людовика, когда прошло почти полъ вѣка широкаго дѣйствія системы покровительства,—во всей Франціи нельзя было найти ни государственнаго человѣка, способнаго развить средства страны, ни полководца, могущаго защитить ее отъ враговъ. И въ гражданскомъ управленіи, и въ военномъ дѣлѣ, все пришло въ разстройство. Внутри государства вездѣ было смятеніе, внѣ его — вездѣ неудачи. Народный духъ Франціи не устоялъ и былъ поверженъ во прахъ. Литераторы, получающіе отъ двора пенсіи и почетныя награды, переродились въ поколѣніе льстецовъ и лицемѣровъ, которые, чтобы угодить повелителямъ своимъ, противодѣйствовали всѣмъ улучшеніямъ и отстаивали всѣ старыя злоупотребленія. Результатомъ всего этого была испорченность нравовъ, раболѣпство и обезсиленіе націи, дошедшее до такой степени, какой еще не было дотолѣ примѣра ни въ одной изъ великихъ странъ Европы. Не стало національной свободы, не стало великихъ людей, не стало науки, не стало литературы, не стало изящныхъ искусствъ. Внутри государства—недовольный народъ, расточительное правительство и раззоренная казна; внѣ его—иностранныя арміи, напирающія на всѣ его границы; и только взаимная зависть между врагами Франціи и перемѣна въ англійскомъ кабинетѣ воспрепятствовали распаденію французской монархіи.

Въ такомъ безвыходномъ положеніи находилась эта слав-

ная нація въ концѣ царствованія Людовика XIV. Несчастія, поразившія короля въ преклонныхъ лѣтахъ его, были дѣйствительно такъ серіозны, что они не могли бы не возбудить въ насъ сочувствія, если бы мы не знали, что они составляли результатъ его неугомоннаго честолюбія и нестерпимаго высокомѣрія, а еще болѣе его безпредѣльнаго, ненасытнаго тщеславія, которое заставляло его стремиться къ сосредоточенію въ своей личности всего величія Франціи и внушало ему коварную политику, состоявшую въ томъ, чтобы посредствомъ подарковъ, почестей и медовыхъ рѣчей, сперва возбудить въ умственно-трудящихся людяхъ восторженную преданность къ себѣ, потомъ выработать изъ нихъ придворныхъ и временщиковъ, и въ заключеніе всего, уничтожить въ нихъ всякую смѣлость воззрѣній, подавить всякое стремленіе къ самостоятельному мышленію и такимъ образомъ отдалить на неопредѣленное время успѣхи народной цивилизаціи.

ГЛАВА XII.

Смерть Людовика XIV. — Реакція противъ духа покровительства и подготовленіе Французской Революціи.

Людовикъ XIV наконецъ умеръ. Когда сдѣлалось положительно извѣстно, что старый король испустилъ послѣднее дыханіе, народъ почти обезумѣлъ отъ радости. Тираннія, тяготѣвшая надъ нимъ, исчезла; за нею вдругъ наступила реакція, которая, по своей внезапности и силѣ, представляла явленіе неслыханное въ новѣйшей исторіи. Значительное большинство людей вознаграждали себя за свое вынужденное лицемѣріе, предаваясь величайшему своеволію. Но между поколѣніемъ, возникавшимъ въ то время, было нѣсколько высокодаровитыхъ юношей, которые имѣли гораздо болѣе возвышенные взгляды, и которыхъ понятія о свободѣ не ограничивались вольностями игорныхъ и публичныхъ домовъ. Преданные великой идеѣ возвращенія Франціи той свободы слова, которую она утратила, они естественно обратили свои взоры на единственную страну, гдѣ свобода эта дѣйствительно существовала. Рѣшимость ихъ искать свободу тамъ, гдѣ она только и могла быть найдена, породила то общеніе французскихъ и англійскихъ умовъ, которое, по длинной цѣпи своихъ послѣдствій, представляетъ, во многихъ отношеніяхъ, чрезвычайно важный фактъ въ исторіи восемнадцатаго столѣтія.

Во время царствованія Людовика XIV, Французы, переполненные національнымъ тщеславіемъ, презирали варварство народа, который былъ такъ нецивилизованъ, что всегда воз-

ставалъ на своихъ правителей, и въ промежутокъ сорока лѣтъ, казнилъ одного короля и низложилъ другаго. Они не могли повѣрить, чтобы такая безпокойная толпа могла имѣть что либо достойное вниманія просвѣщенныхъ людей. Наши законы, наша литература и наши обычаи были имъ совершенно неизвѣстны; и я сомнѣваюсь, было ли въ концѣ XVII столѣтія, во Франціи, между литераторами или учеными, хоть пять человѣкъ, знакомыхъ съ англійскимъ языкомъ. Но долгій опытъ царствованія Людовика XIV побудилъ Французовъ призадуматься надъ многими изъ своихъ понятій. Онъ заставилъ ихъ впервые заподозрѣть, что деспотизмъ можетъ имѣть свои невыгодныя стороны и что правительство, состоящее изъ принцевъ и епископовъ, не есть неизбѣжно лучшее для цивилизованной страны. Они стали смотрѣть сперва съ снисхожденіемъ, а потомъ и съ уваженіемъ на тотъ странный, иноземный народъ, который, хотя и былъ отдѣленъ отъ нихъ только узкимъ проливомъ, но казалось принадлежалъ къ совершенно другой породѣ; народъ, который, наказавъ своихъ притѣснителей, возвелъ свои права и свое благоденствіе на такую высокую степень, какой еще не видывалъ дотолѣ свѣтъ. Тѣ чувства, которыя, передъ самымъ началомъ революціи, раздѣлялись уже всѣми образованными сословіями Франціи,—въ прежнее время ограничивались только тѣми людьми, которые, по своему уму, стояли во главѣ вѣка. Можно смѣло сказать, что въ теченіе двухъ поколѣній, прошедшихъ со смерти Людовика XIV до начала революціи, не было ни одного замѣчательнаго Француза, который бы не посѣтилъ Англію или не учился англійскому языку;—многіе же дѣлали и то, и другое. Бюффонъ, Бриссо̀, Бруссоннэ, Кондаминъ, Делиль, Эли де Бомонъ, Гурнэй, Гельвеціусъ, Жюссьё, Лаландъ, Лафайеттъ, Ларшѐ, Л'Эритьѐ, Монтескіё, Мопертюи, Мореллѐ, Мирабо̀, Ноллѐ, Репаль, знаменитый Роланъ, и еще болѣе знаменитая жена его, Руссо̀, Сегюръ, Сюаръ, Волтеръ—всѣ эти замѣчатель-

ныя личности стекались въ Лондонъ; то же дѣлали и другіе люди, уступавшіе конечно въ дарованіяхъ поименованнымъ выше, но всетаки пользовавшіеся значительнымъ вліяніемъ, какъ напримѣръ: Брекини, Бордъ, Калоннъ, Койѐ, Корматѐнъ, Дюфэй, Дюмарэ, Дезалльѐ, Фавьѐ, Жиро́, Грослей, Годэнъ, Д'Анкарвилль, Гюнд̀, Жаръ, Ле-Бланъ, Ледрю, Лескалльѐ, Ленгѐ, Лезюиръ, Лемонньѐ, Левэкъ де Пулльи, Монгольфьѐ, Моранъ, Патю, Пуассоньѐ, Ревельонъ, Сэшѐнъ, Силуэттъ, Спрѐ, Суляви, Сулѐ и Вальмонъ де Бріеннъ.

Почти всѣ они тщательно изучали нашъ языкъ, и большая часть изъ нихъ усвоили себѣ духъ нашей литературы. Волтеръ, въ особенности, предался съ обычнымъ ему рвеніемъ новому труду, и пріобрѣлъ въ Англіи познаніе въ тѣхъ ученіяхъ, проповѣдованіе которыхъ впослѣдствіи доставило ему громкую извѣстность. Онъ первый популяризировалъ во Франціи философію Ньютона, которая быстро вытѣснила философію Декарта. Онъ указалъ своимъ соотечественникамъ на сочиненія Локка, которыя въ короткое время пріобрѣли огромную популярность и дали матеріалы Кондильяку для его системы метафизики, а Руссо̀—для его теоріи воспитанія. Кромѣ того, Волтеръ былъ первый Французъ, изучившій Шекспира, сочиненіямъ котораго онъ много обязанъ, хотя впослѣдствіи онъ и старался уменьшить то уваженіе къ нимъ, во Франціи, которое въ глазахъ его было уже слишкомъ преувеличенно. Дѣйствительно, такъ глубоки были его познанія въ англійскомъ языкѣ, что мы можемъ открыть у него слѣды изученія Бётлера, одного изъ труднѣйшихъ нашихъ поэтовъ, и Тиллотсона, одного изъ самыхъ темныхъ нашихъ теологовъ. Онъ былъ знакомъ съ умозрѣніями Беркелея, самаго тонкаго изъ метафизиковъ, когда либо писавшихъ въ Англіи; онъ читалъ сочиненія не только Шафтсбёри, но даже Чёбба, Гарта, Мандевилля и Вульстона. Монтескіё почерпнулъ въ нашей странѣ многіе изъ своихъ принциповъ; онъ изучалъ нашъ языкъ и всегда выра-

жалъ уваженіе къ Англіи, не только въ своихъ сочиненіяхъ, но даже въ частныхъ разговорахъ. Бюффонъ учился по англійски, и впервые вступилъ на авторское поприще, какъ переводчикъ Ньютона и Гэльса. Дидрò, слѣдуя по тому же пути, былъ восторженнымъ поклонникомъ романовъ Ричардсона; онъ заимствовалъ мысли для нѣкоторыхъ изъ своихъ пьесъ у англійскихъ драматурговъ, преимущественно у Лилло; онъ взялъ многіе изъ своихъ выводовъ у Шафтсбёри и Коллинса, и его первымъ изданіемъ былъ переводъ «Исторіи Греціи», Станіана. Гельвецій, посѣтивъ Лондонъ, не могъ нахвалиться нашимъ народомъ; многіе изъ взглядовъ, выраженныхъ въ его великомъ сочиненіи о разумѣ, заимствованы у Мандевилля, и онъ постоянно ссылается на авторитетъ Локка, принципы котораго едвали кто изъ Французовъ осмѣлился бы одобрить въ прежнее время. Сочиненія Бэкона, прежде мало извѣстныя, были теперь переведены на французскій языкъ, его классификація человѣческихъ способностей была принята за основаніе въ той знаменитой энциклопедіи, на которую справедливо смотрятъ, какъ на одно изъ величайшихъ произведеній восемнадцатаго столѣтія. *Теорія Нравственныхъ Чувствованій*, Адама Смита, въ теченіе тридцати четырехъ лѣтъ, была переведена, въ три разныя эпохи, тремя различными французскими писателями. Такъ велико было всеобщее рвеніе, что какъ только появилось *Богатство Народовъ*, того же великаго автора, Мореллѐ, пользовавшійся тогда большою извѣстностью, началъ переводить его на французскій языкъ; отъ печатанія своего перевода онъ былъ удержанъ лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что раньше, чѣмъ переводъ этотъ могъ быть конченъ, другой переводъ былъ уже напечатанъ въ одномъ французскомъ періодическомъ изданіи. Койѐ, и до сихъ поръ извѣстный своимъ сочиненіемъ «Жизнь Собіесскаго», посѣтилъ Англію, и, вернувшись на родину, заявилъ о принятомъ имъ новомъ направленіи, переведя на французскій языкъ Комментаріи Блакстона. Ле Бланъ путешествовалъ по Англіи, написалъ сочине-

ніе объ англичанахъ и перевелъ на французскій языкъ «Политическіе Разговоры», Юма. Голбахъ былъ конечно однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ вождей либеральной партіи въ Парижѣ; между тѣмъ, значительная часть его весьма многочисленныхъ сочиненій состоитъ изъ однихъ переводовъ англійскихъ авторовъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно смѣло сказать, что какъ въ концѣ семнадцатаго столѣтія, трудно было найти, даже между самыми образованными Французами, хотя одну личность знакомую съ англійскимъ языкомъ, такъ, въ восемнадцатомъ столѣтіи, было почти одинаково трудно найти, въ томъ же сословіи, кого либо не знакомаго съ этимъ языкомъ. Люди всякихъ наклонностей и самыхъ противоположныхъ направленій, въ этомъ отношеніи, были соединены какъ бы общею связью. Поэты, геометры, историки, натуралисты—всѣ казалось согласились въ необходимости изученія литературы, о которой прежде ни одинъ изъ нихъ и не думалъ. Читая вообще французскихъ сочинителей, я нашелъ доказательства, что англійскій языкъ былъ извѣстенъ, не только тѣмъ именитымъ Французамъ, о которыхъ я уже говорилъ, но также математикамъ, какъ Д'Аламбертъ, Даркьè, Дю Валь ле Руà, Жюренъ, Лашапелль, Лаландъ, Ле Козикъ, Монтюкла, Пэзена, Прони, Роммъ и Рожè Мартèнъ; анатомистамъ, физіологамъ и писателямъ по части медицины, каковы Бартэзъ, Биша, Бордè, Барбё Дюбуръ, Боскильонъ, Буррю, Бэгъ де Прэль, Кабанисъ, Демуръ, Дюплапиль, Фукè, Гуленъ, Лавироттъ, Лассю, Пети Радэль, Пинэль, Ру, Соважъ и Сю; натуралистамъ, какъ Аліонъ, Бремонъ, Бриссонъ, Брусоннэ, Далибаръ, Гаю, Латапи, Ришаръ, Ригò, и Ромэ де Лиль; историкамъ, филологамъ и антикваріямъ, какъ Бартэлеми, Бютэль Дюмонъ, Де Броссъ, Фушè, Фрерè, Ларшè, Ле Кокъ де Виллерэ, Милло, Таржъ, Вэлли, Вольнэй и Вэльи; поэтамъ и драматургамъ, какъ Шеронъ, Колардò, Делиль, Дефоржъ, Дюсисъ, Флоріанъ, Лабордъ, Лефэвръ де Боврэ, Мэрсьè, Патю, Помпиньянъ, Кетанъ, Рушè и Сентъ-Анжъ; смѣшаннымъ пи-

сателямъ, каковы: Бассинэ, Бодо̀, Болатонъ, Бенуа̀, Бержьѐ, Блавэ, Бушо̀, Бугэнвилль, Брютэ, Кастэра, Шантро̀, Шарпантьѐ, Шастэллю, Контанъ д'Орвилль, Де Бисси, Демёньѐ, Дефонтэнъ, Девіеннъ, Дюбокажъ, Дюпрѐ, Дюренель, Эду, Этіеннъ, Фавьѐ, Флавиньи, Фонтанелль, Фонтенэ, Фрамери, Френэ, Фрэвилль, Фроссаръ, Гальтьѐ, Гарсо̀, Годдаръ, Гударъ, Генэ, Гилльемаръ, Гюйаръ, Жо, Эмберъ, Жонкуръ, Кераліо, Лаборо̀, Лакомбъ, Лафаргъ, Ла Монтань, Ланжюинэ, Ласалль, Ластэри, Ле Бретонъ, Лекюи, Леонаръ де Мальпэнъ, Летурнёръ, Ленгѐ Лоттенъ, Люно̀, Мальѐ Дюклеронъ, Мандрильонъ, Марси, Моэ, Моно̀, Монеронъ, Наго̀, Пэйронъ, Прево̀, Пюизьё, Ривуаръ, Робинэ, Рожѐ, Рубо̀, Салавилль, Созёль, Секонда̀, Сэшенъ, Симонъ, Сулесъ, Сюаръ, Таннево̀, Тюро̀, Туссэнъ, Трессанъ, Трошеро̀, Тюрпэнъ, Юссьё, Вожуа̀, Верлакъ, и Вирлуа̀. Даже Ле Бланъ, писавшій нѣсколько ранѣе половины восемнадцатаго столѣтія, говоритъ «мы поставили англійскій языкъ въ ряду научныхъ языковъ; наши женщины изучаютъ его и оставили италіанскій языкъ, ради языка этого философскаго народа; между нами нельзя найти ни одного человѣка, который бы не желалъ учиться ему».

Съ такимъ рвеніемъ устремились Французы на литературу народа, котораго они, не за долго до того, такъ искренно презирали. Дѣло въ томъ, что при новомъ порядкѣ вещей они не могли сдѣлать иначе. Гдѣ, какъ не въ Англіи, можно было найти литературу, которая удовлетворяла бы смѣлыхъ и пытливыхъ мыслителей, явившихся во Франціи послѣ смерти Людовика XIV. Въ ихъ отечествѣ, было безъ сомнѣнія много образцовъ краснорѣчія, изящныхъ драмъ, поэзіи, которые, хотя и не достигали никогда высшаго совершенства, но всетаки отличались оконченностію и удивительною красотою. Но то составляетъ фактъ, и при томъ фактъ весьма грустный, что въ теченіе шестидесяти лѣтъ, слѣдовавшихъ за смертію Декарта, во Франціи не было ни одного человѣка, который бы осмѣлился мыслить по-своему. Метафизики, моралисты, исто-

рики—всѣ были заражены рабствомъ этого несчастнаго вѣка. Въ теченіе двухъ поколѣній, ни одинъ Французъ не позволилъ себѣ свободно обсуждать вопросы политики или религіи. Слѣдствіемъ этого было, что самые обширные умы, лишившись своей законной почвы, утратили свою силу; національный духъ упалъ; недоставало повидимому даже матеріаловъ и пищи для мысли. Не удивительно послѣ этого, что великіе французскіе умы восемнадцатаго столѣтія брали изъ-внѣ ту пищу, которую они не могли найти у себя дома. Не удивительно, что они отвернулись отъ своей родины и стали съ удивленіемъ смотрѣть на единственный народъ, который, производя свои изслѣдованія въ высшихъ сферахъ разума, показалъ такое же безстрашіе въ политикѣ, какъ и въ религіи,—на народъ, который, ослабивъ своихъ королей и обуздавъ свое духовенство, копилъ сокровища своего опыта въ той славной литературѣ, которая никогда не можетъ погибнуть и о которой можно сказать съ полною правдивостью, что она возбудила къ дѣятельности умы самыхъ отдаленныхъ расъ, и что, перенесенная въ Америку и Индію, она уже принесла свои плоды на обѣихъ оконечностяхъ міра.

Въ самомъ дѣлѣ, не многія явленія въ исторіи такъ поучительны, какъ то сильное вліяніе, которое имѣло на Францію изученіе англійской литературы. Даже тѣ, которые на дѣлѣ принимали участіе въ революціи, были двигаемы преобладавшимъ духомъ. Англійскій языкъ былъ хорошо знакомъ Карра̀, Дюмурьѐ, Лафайетту, и Лантена̀. Камиллъ Демуленъ почерпнулъ свое образованіе изъ того же источника. Маратъ путешествовалъ въ Шотландіи и Англіи, и такъ хорошо зналъ нашъ языкъ, что написалъ на немъ два сочиненія; одно изъ нихъ, подъ заглавіемъ «Цѣпи Рабства», было впослѣдствіи переведено на французскій языкъ. Мирабо́, по увѣренію одного извѣстнаго авторитета, обязанъ былъ частью своей силы тщательному изученію англійской конституціи; онъ перевелъ не только Ватсонову «*Исторію*

Филиппа II-го, но даже нѣкоторыя мѣста изъ Мильтона; и говорятъ, что когда онъ былъ членомъ Національнаго Собранія, онъ выдавалъ за свои слова отрывки изъ рѣчей Бёрка. Муньѐ былъ хорошо знакомъ съ нашимъ языкомъ и съ нашими политическими учрежденіями, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ; въ одномъ сочиненіи своемъ, имѣвшемъ значительное вліяніе, онъ предлагалъ для своей родины устройство двухъ палатъ въ видахъ установленія того равновѣсія власти, примѣръ котораго представляетъ Англія. Таже идея, заимствованная изъ того же источника, была защищаема Лебрёномъ, который былъ другомъ Муньѐ, и подобно ему, уважалъ литературу и образъ правленія, англійскаго народа. Бриссо зналъ по англійски; онъ изучилъ въ Лондонѣ дѣйствіе англійскихъ учрежденій и самъ говоритъ, что въ своемъ разсужденіи объ уголовномъ правѣ, онъ главнымъ образомъ руководствовался ходомъ англійскаго законодательства. Кондорсэ предложилъ также, какъ образецъ, нашу систему уголовной юриспруденціи, которая, какъ ни была она дурна, конечно стояла выше французской. Госпожа Роланъ, положеніе которой, такъ же какъ и способности, сдѣлали ее однимъ изъ вождей демократической партіи—усердно изучала языкъ и литературу англійскаго народа. Побуждаемая всеобщимъ любопытствомъ, она тоже посѣтила нашу страну. Наконецъ, какъ бы въ доказательство, что люди всѣхъ оттенковъ и всѣхъ сословій дѣйствовали подъ вліяніемъ того же духа, самъ герцогъ Орлеанскій посѣтилъ Англію; и посѣщеніе это не замедлило произвести свои обычные результаты. «Именно въ лондонскомъ обществѣ, говоритъ знаменитый писатель, пріобрѣлъ онъ расположеніе къ свободѣ; и послѣ своего возвращенія, онъ принесъ во Францію любовь къ народнымъ интересамъ, презрѣніе къ своему собственному положенію и короткость съ тѣми, кто былъ поставленъ ниже его».

Такія выраженія, какъ они ни сильны, не покажутся преувеличенными тому, кто тщательно изучалъ исторію восем-

надцатаго столѣтія. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что Французская Революція была въ сущности реакціею противъ того духа покровительства и вмѣшательства, который достигъ своего зенита при Людовикѣ XIV, но еще и до этого царствованія, имѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій вредное дѣйствіе на народное благосостояніе. Однако нельзя также не признать за достовѣрное, что толчокъ, которому реакція была въ такой же мѣрѣ обязана своей силой, сообщенъ былъ изъ Англіи, и что именно англійская литература дала уроки политической свободы сперва Франціи, а черезъ Францію, и остальной Европѣ. Только по этому случаю, а вовсе не изъ одного литературнаго любопытства, я прослѣдилъ, съ нѣкоторою мелочностью, ту связь между французскими и англійскими умами, которую, хотя часто замѣчали, но никогда не разсматривали съ вниманіемъ, подобающимъ ея важности. Обстоятельства, подкрѣпившія это обширное движеніе, будутъ разсказаны въ концѣ этого тома; въ настоящую же минуту, я ограничусь первымъ важнымъ послѣдствіемъ его, а именно: совершеннымъ разъединеніемъ между литераторами и тѣми классами, которые исключительно управляли страною.

Тѣ изъ именитыхъ Французовъ, которые теперь обратили свое вниманіе на Англію, нашли въ ея литературѣ, въ устройствѣ ея общества и ея управленіи многія особенности, которыхъ ихъ родина не представляла примѣровъ. Они слушали, какъ политическіе и религіозные вопросы, величайшей важности, обсуждались съ смѣлостью, неизвѣстной въ какой либо другой части Европы. Они слушали, какъ диссентеры и церковники, виги и торіи обращались съ самыми щекотливыми вопросами и обсуждали ихъ съ неограниченною свободою. Они слушали публичныя пренія о такихъ предметахъ, о которыхъ во Франціи никто не смѣлъ разсуждать, и видѣли тайны государства и тайны вѣры раскрываемыя и прямо выставляемыя на показъ народу. Особенно же должны были удивиться Французы того вѣка, когда они не только нашли из-

вѣстную степень свободы печати, но и слышали, какъ даже внутри самыхъ стѣнъ парламента, администрація короны порицалась съ полною безнаказанностію, личности ея избранныхъ слугъ постоянно подвергались нападкамъ, и странно сказать, даже распредѣленіе ея доходовъ дѣятельно повѣрялось.

Преемники вѣка Людовика XIV, видя эти вещи, и видя, сверхъ того, что цивилизація страны возрастаетъ съ уменьшеніемъ опеки высшихъ сословій и короны, не могли скрыть своего удивленія при видѣ такого новаго и возбуждающаго зрѣлища. «Англійская нація», говоритъ Волтеръ, «единственная во всемъ мірѣ, которая, посредствомъ сопротивленія своимъ королямъ, успѣла ослабить ихъ власть». «Какъ я люблю смѣлость Англичанъ! Какъ я люблю людей, говорящихъ то, что думаютъ». Англичане, говоритъ Лебланъ, соглашаются имѣть короля, только съ тѣмъ, чтобы не быть обязанными ему повиноваться. Прямая цѣль ихъ правительства, говоритъ Монтескіё, есть политическая свобода, они пользуются большей свободой, чѣмъ всякая республика; и ихъ правительственная система есть на самомъ дѣлѣ республика, переодѣтая въ монархію. Гролей, пораженный изумленіемъ, восклицаетъ: «собственность въ Англіи есть священная вещь, которую законы защищаютъ отъ всякихъ посягательствъ; не только отъ инженеровъ, инспекторовъ и другихъ людей того же покроя, но даже отъ самого короля». Мабли, въ самомъ знаменитомъ своемъ сочиненіи, говоритъ: «Ганноверская династія можетъ только царствовать въ Англіи, потому что тамъ народъ свободенъ и убѣжденъ, что онъ имѣетъ право располагать короною. Но, если бы короли этого дома стали требовать той же власти, какой домогались Стюарты, если бы они стали думать, что корона принадлежитъ имъ по божественному праву, то этимъ они сами произнесли бы свой приговоръ и сознались бы, что занимаютъ мѣсто, которое не для нихъ». Въ Англіи, говоритъ Гельвецій, народъ уважается; каждый гражданинъ

можетъ имѣть нѣкоторое участіе въ управленіи дѣлами, и писателямъ дозволено просвѣщать публику, относительно ея собственныхъ интересовъ. А Бриссо, спеціально изучавшій этого рода вопросы, восклицаетъ: «Удивительная конституція! ее могутъ порицать только тѣ, кто не знаетъ ея, или тѣ, чей языкъ окованъ цѣпями рабства.

Таковы были мнѣнія нѣкоторыхъ изъ самыхъ знаменитыхъ Французовъ того времени, и не трудно было бы наполнить цѣлый томъ подобными извлеченіями. Но я теперь преимущественно желаю указать на первое значительное послѣдствіе этого новаго, внезапно возбудившагося уваженія къ странѣ, которая, въ предшествовавшемъ вѣкѣ, еще находилась въ совершенномъ презрѣніи. Событія, послѣдовавшія за этимъ, имѣютъ такую важность, которую невозможно преувеличить: они привели къ тому разрыву между умственно-трудящимися и правительствующими сословіями, въ которомъ самая революція являлась только временнымъ эпизодомъ.

Великіе умы Франціи восемнадцатаго столѣтія, возбуждаемые примѣромъ Англіи, проникнулись такою любовью къ прогрессу, что естественно должны были придти въ столкновеніе съ правительствующими сословіями, между которыми еще преобладалъ старый духъ неподвижности. Эта оппозиція являлась благотворною реакціею противъ того постыднаго раболѣпства, которымъ, въ царствованіе Людовика XIV, отличались литераторы; и если бы въ возникшей изъ этого борьбѣ проявилось хоть что либо похожее на умѣренность, то конечный результатъ ея былъ бы въ высшей степени благодѣтеленъ, потому что она привела бы къ тому разъединенію между классомъ мыслителей и классомъ практическихъ дѣятелей, которое, какъ мы уже видѣли, необходимо для удержанія равновѣсія цивилизаціи и для предупрежденія опаснаго преобладанія которой нибудь изъ сторонъ. Но, къ несчастью, дворяне и духовенство уже такъ давно привыкли къ власти, что не могли вынести малѣйшаго противорѣчія со стороны

тѣхъ великихъ писателей, которыхъ они, въ своемъ невѣжествѣ, презирали, считая ихъ ниже себя. Вотъ почему, когда знаменитѣйшіе изъ Французовъ восемнадцатаго столѣтія попытались внести въ литературу своей страны духъ изслѣдованія, подобный существовавшему въ Англіи, правительствующія сословія воспылали такою ненавистью и завистью, которая разорвавъ всякія оковы, разразилась тѣмъ крестовымъ походомъ противъ знанія, который является вторымъ изъ главныхъ предшественниковъ Французской Революціи.

До какихъ огромныхъ размѣровъ доходило жестокое гоненіе, которому подвергалась съ этого времени литература, можетъ вполнѣ понять лишь тотъ, кто изучалъ во всей подробности исторію Франціи въ XVIII столѣтіи. То не былъ одинъ изъ тѣхъ отдѣльныхъ случаевъ притѣсненій, которые встрѣчаются здѣсь и тамъ; это было продолжительное и систематическое стремленіе задушить всякое изслѣдованіе и наказать всѣхъ изслѣдователей. Если составить списокъ всѣхъ литераторовъ, которые писали въ теченіе семидесяти лѣтъ, слѣдовавшихъ за смертью Людовика XIV, то окажется, что по крайней мѣрѣ девять изъ каждаго десятка претерпѣли отъ правительства тяжкія обиды, а большинство изъ нихъ были даже посажены въ тюрьму. Конечно, мои свѣденія объ этихъ временахъ, хотя и тщательно собранныя, не такъ полны, какъ бы я могъ желать, но между авторами, которые были наказаны, я встрѣчалъ имена почти всѣхъ Французовъ, сочиненія которыхъ пережили тотъ вѣкъ, въ который были написаны. Среди тѣхъ, которые подверглись или конфискаціи имущества, или заключенію, или ссылкѣ, или штрафамъ, или запрещенію ихъ сочиненій, или позорному принужденію отречься отъ того, что ими было написано,—я нашелъ, кромѣ множества второстепенныхъ писателей, имена Бомаршѐ, Беррюѐ, Бужапа, Бюффона, Д'Аламберта, Дидрò, Дюклò, Фрерэ, Гельвеція, Ла Гарпа, Ленгѐ, Мабли, Мармонтеля, Монтескіѐ, Мерсьѐ, Мореллѐ, Рэналя, Руссо, Сюарда, Томà и Волтера.

Простое перечисленіе именъ этого списка уже въ высшей степени поучительно. Предположить, что всѣ эти замѣчательные люди заслужили полученное ими наказаніе, было бы, даже въ отсутствіи прямыхъ опроверженій, явною нелѣпостью; ибо это значило бы думать, что когда между двумя классами произошелъ расколъ, то слабый классъ во всемъ неправъ, а сильный—во всемъ правъ. Къ счастію, однако, нѣтъ надобности прибѣгать къ однимъ только умозрительнымъ доводамъ для опредѣленія, которая изъ сторонъ лучше. Обвиненія, произнесенныя противъ этихъ великихъ людей, находятся передъ глазами всего свѣта; присужденныя наказанія также хорошо извѣстны, а соединивъ вмѣстѣ то и другое, мы можемъ составить себѣ идею о состояніи общества, въ которомъ подобныя дѣла могли открыто совершаться.

Волтеръ почти непосредственно послѣ смерти Людовика XIV былъ несправедливо обвиненъ въ сочиненіи памфлета на этого государя, и за это воображаемое преступленіе, безъ всякаго суда и даже безъ тѣни уликъ, заключенъ въ Бастилію, гдѣ содержался болѣе двѣнадцати мѣсяцевъ. Вскорѣ послѣ его освобожденія, ему была нанесена еще болѣе тяжкая обида; случай этотъ, а въ особенности его безнаказанность, служитъ разительнымъ свидѣтельствомъ о состояніи того общества, гдѣ такія вещи были дозволяемы. Волтеръ, за столомъ у герцога де Сюлли, былъ умышленно оскорбленъ кавалеромъ де Роганъ Шабо, однимъ изъ тѣхъ наглыхъ и развратныхъ дворянъ, которыми Парижъ тогда изобиловалъ. Герцогъ, не смотря на то, что оскорбленіе было нанесено въ его собственномъ домѣ, въ его присутствіи и его гостю, не только не хотѣлъ вступиться, но повидимому даже полагалъ, что для бѣднаго поэта и то уже честь, если знатная особа какимъ бы то ни было образомъ обратила на него вниманіе. Такъ какъ Волтеръ, въ первомъ порывѣ гнѣва, отвѣчалъ однимъ изъ тѣхъ язвительныхъ возраженій, которыхъ такъ страшились всегда его противники, то кавалеръ рѣшился наказать

его еще сильнѣе. Способъ, избранный имъ для этого, прекрасно характеризуетъ какъ самаго человѣка, такъ и то сословіе, къ которому онъ принадлежалъ. Онъ велѣлъ поймать Волтера въ одной изъ улицъ Парижа и въ своемъ присутствіи гнуснѣйшимъ образомъ избить, — при чемъ самъ лично опредѣлилъ число ударовъ. Волтеръ, глубоко оскорбленный, потребовалъ того удовлетворенія, которое обыкновенно давалось въ такихъ случаяхъ. Этого, однако, не имѣлъ въ виду его знатный обидчикъ и потому не только отказалъ ему въ поединкѣ, но даже выхлопоталъ ордеръ, по которому Волтеръ былъ заключенъ въ Бастилію на шесть мѣсяцевъ, а по истеченіи этого времени, долженъ былъ оставить родину.

Такимъ образомъ Волтеръ, посидѣвъ въ тюрьмѣ за памфлетъ, котораго никогда не писалъ, затѣмъ публично побитый за то, что осмѣлился возражать на оскорбительную шутку наглеца, былъ теперь приговоренъ къ новому тюремному заключенію, благодаря вліянію того самаго человѣка, который обидѣлъ его. Изгнаніе, которое послѣдовало за заключеніемъ, было, кажется, вскорѣ отмѣнено, ибо, немного спустя послѣ этихъ событій, мы находимъ Волтера опять во Франціи, приготовляющаго къ печати свое первое историческое сочиненіе, жизнь Карла XII. Въ немъ нѣтъ тѣхъ нападеній на христіанство, которыя непріятно поражали въ его послѣдующихъ сочиненіяхъ; оно также не содержитъ ни малѣйшаго намека на деспотизмъ правительства, отъ котораго онъ пострадалъ. Французскія власти сперва дали то позволеніе, безъ котораго тогда ни одна книга не могла печататься; но какъ только она была дѣйствительно напечатана, позволеніе было взято назадъ и исторія запрещена. Слѣдующая попытка Волтера имѣла гораздо большее значеніе и потому была еще рѣзче отстранена. Во время его пребыванія въ Англіи, его пытливый умъ былъ глубоко заинтересованъ тѣмъ положеніемъ вещей, которое такъ разнилось отъ всего до тѣхъ поръ видѣннаго имъ; онъ напечаталъ описаніе того замѣча-

тельнаго народа, литература котораго научила его многимъ важнымъ истинамъ. Это сочиненіе его, названное «Философскими Письмами», было встрѣчено всеобщимъ одобреніемъ; но, къ несчастію для себя, Волтеръ помѣстилъ тамъ доводы Локка противъ врожденныхъ идей. Правители Франціи, отъ которыхъ конечно нельзя было ожидать, чтобы они имѣли понятіе о врожденныхъ идеяхъ, возымѣли однако подозрѣніе, что ученіе Локка нѣкоторымъ образомъ опасно; и такъ какъ они слышали, что это новость, то сочли себя обязанными предупредить ея распространеніе. Волтера приказано снова арестовать, а сочиненіе его было сожжено рукою палача.

Эти безпрестанно повторявшіяся оскорбленія возмутили бы и болѣе терпѣливаго человѣка, чѣмъ Волтеръ. Люди, упрекающіе этого знаменитаго человѣка въ томъ, будто онъ подстрекалъ къ несправедливымъ нападеніямъ на существовавшій порядокъ вещей, должно быть весьма мало знаютъ о вѣкѣ, въ которомъ онъ имѣлъ несчастіе жить. Даже на область естественныхъ наукъ, всегда считавшуюся нейтральною почвою, одинаково распространялось дѣйствіе духа деспотизма и преслѣдованія. Волтеръ, въ числѣ другихъ плановъ, направленныхъ къ пользамъ Франціи, желалъ познакомить своихъ соотечественниковъ съ удивительными открытіями Ньютона, которыя имъ были совершенно неизвѣстны. Съ этою цѣлью онъ написалъ очеркъ трудовъ этого необыкновеннаго мыслителя; но здѣсь опять вмѣшались власти и запретили печатать это сочиненіе. Дѣйствительно, правители Франціи, какъ бы чувствуя, что безопаснѣе для нихъ невѣжество народа, упорно возставали противъ всякаго рода знанія. Нѣсколько извѣстныхъ писателей вознамѣрились составить въ роскошныхъ размѣрахъ энциклопедію, которая должна была содержать въ себѣ краткое изложеніе всѣхъ отраслей науки и искусства. Это, безъ сомнѣнія, самое блестящее предпріятіе, когда либо задуманное корпораціею писателей, было спер-

ва неодобрено правительствомъ, а впослѣдствіи совершенно запрещено. Въ иныхъ случаяхъ, это же направленіе высказалось въ такихъ ничтожныхъ вещахъ, которыя только по важности окончательныхъ послѣдствій, не кажутся смѣшными. Въ 1770 году, Эмбертъ перевелъ «Письма объ Испаніи» Кларка, одно изъ лучшихъ сочиненій объ этой странѣ. Эта книга, однако, была запрещена лишь только появилась, и единственною причиною для объясненія такого злоупотребленія власти приводилось то, что въ книгѣ было нѣсколько замѣчаній на счетъ страсти Карла III къ охотѣ, въ которыхъ видѣли недостатокъ уваженія къ французской коронѣ, потому что Людовикъ XV самъ былъ страстный охотникъ. За нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, Ла Блеттери, хорошо извѣстный во Франціи своими сочиненіями, былъ выбранъ въ члены французской академіи. Но онъ, какъ кажется, былъ янсенистъ, и сверхъ того дерзнулъ утверждать, что императоръ Юліанъ, несмотря на свое отступничество, не былъ совершенно лишенъ хорошихъ качествъ. Подобныя преступленія не могли быть оставлены безъ вниманія въ такой чистый вѣкъ; по этому король заставилъ академію исключить Ла Блеттери изъ своей среды. Что наказаніе не простерлось далѣе, это уже было замѣчательнымъ послабленіемъ, ибо Фрерѐ, извѣстный критикъ и ученый, былъ заключенъ въ Бастилію, за то, что утверждалъ въ одномъ изъ своихъ мемуаровъ, что первые вожди Франковъ получили свои титулы отъ Римлянъ. Тому же самому наказанію, подвергся четыре раза, въ разное время, Ленгѐ дю Френуа̀. Что касается этого во всѣхъ отношеніяхъ прекраснаго человѣка, то тутъ кажется не было и тѣни повода къ той жестокости, которой онъ подвергся; впрочемъ, въ одномъ случаѣ, ему поставлено было въ вину, что онъ издалъ дополненіе къ исторіи Де Ту.

Дѣйствительно, намъ стоитъ только раскрыть біографіи и корреспонденціи того времени, и мы увидимъ со всѣхъ сторонъ бездну подобныхъ примѣровъ. Руссо́ угрожало заклю-

ченіе, онъ былъ изгнанъ изъ Франціи и его сочиненія были публично сожжены. Знаменитое разсужденіе Гельвеція «О Разумѣ» было запрещено по приказанію королевскаго совѣта; оно было сожжено рукою палача и авторъ былъ принужденъ написать два письма, гдѣ онъ отрекался отъ своихъ убѣжденій. Нѣкоторые геологическіе взгляды Бюффона оскорбили духовенство, и знаменитый натуралистъ былъ принужденъ напечатать формальное отреченіе отъ тѣхъ ученій, которыя теперь извѣстны за совершенно вѣрныя. «Ученыя замѣчанія на исторію Франціи» Мабли были запрещены, лишь только онѣ появились; по какой причинѣ — сказать трудно, ибо Гизо, котораго конечно нельзя считать сторонникомъ ни анархіи, ни безбожія, нашелъ ихъ достойными перепечатанія и такимъ образомъ запечатлѣлъ ихъ авторитетомъ своего великаго имени. Исторія Индіи, Рэналя, была осуждена на сожженіе, а автора приказано было арестовать. Ланжюинэ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о Іосифѣ II, защищаетъ не только религіозную терпимость, но даже уничтоженіе рабства; по этому книга его, была объявлена «возмутительною», признана «разрушающею всякую подчиненность» и приговорена къ сожженію. Разборъ Байля, Марси, былъ запрещенъ, а самъ авторъ посаженъ въ тюрьму. Исторія Іезуитовъ, Ленгѐ, была предана пламени; восемь лѣтъ спустя, былъ запрещенъ его *Журналъ*, а черезъ три года послѣ этого, такъ какъ онъ все продолжалъ писать, были запрещены его политическія лѣтописи и самъ онъ заключенъ въ Бастилію. Делиль де Саль былъ приговоренъ къ вѣчному изгнанію и конфискаціи всего имущества, за сочиненіе его «Философія Природы». Трактатъ Мэйа о французскомъ правѣ былъ запрещенъ, а трактатъ Бонсэрфа о феодальномъ правѣ — сожженъ. Мемуары Бомаршѐ были также сожжены; Похвала Фенелону, Ла Гарпа, была только запрещена. Дювернэ, написавшій исторію Сорбонны, еще не издавъ ея, былъ уже схваченъ и заключенъ въ Бастилію,

не смотря на то, что даже рукопись еще находилась у него. Знаменитое сочиненіе Де Лольма, объ англійской конституціи, было запрещено эдиктомъ, тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ. Такія же запрещенія предстояли и письмамъ Жерверза, въ 1724, Разсужденіямъ Курэйѐ, въ 1727, Письмамъ Монгона, въ 1732, Исторіи Тамерлана, Моргѐ, также въ 1732, Опыту о Вкусѣ, Картѐ, въ 1736, Жизни Домà, Прэвѐ де ла Жаннэсъ, въ 1742, Исторіи Людовика XI, Дюклѐ, въ 1745, Письмамъ Баржетона, въ 1750, запискамъ о Труà, Гролея, въ томъ же году, Исторіи Климента XI, Ребулѐ, въ 1752, Школѣ Человѣка, Женара, также въ 1752, Терапевтикѣ Гарлона, въ 1756, знаменитому тезису Луи о произрожденіи, въ 1754, Трактату о президіальной юрисдикціи, Жусса, въ 1755, Эрицiи Фонтанелля, въ 1768, Мыслямъ Жамэна, въ 1769, Исторіи Сіама, Тюрпэна, и Похвальному слову Марку Аврелію, Томá, обоимъ въ 1770, сочиненіямъ о финансахъ, Дириграна въ 1764, и Ле Трона, въ 1779, Опыту о Военной Тактикѣ, Гюибера, въ 1772, Письмамъ, Букѐ, въ томъ же году, Мемуарамъ Террэ, Кокерѐ, въ 1776. Такое произвольное уничтоженіе собственности было еще милостію сравнительно съ тѣмъ, чему подвергались другіе литераторы во Франціи. Дефоржъ, напримѣръ, писавшій противъ арестованія Претендента на англійскую корону, былъ за одно это заключенъ въ темницу, пространствомъ въ восемъ квадратныхъ футовъ, и содержался тамъ три года; это случилось въ 1749 г., Въ 1770 году, Одрà профессоръ Тулузской коллегіи, человѣкъ съ нѣкоторою извѣстностію, издалъ первый томъ своей «Краткой Всеобщей Исторіи». Далѣе сочиненіе это уже не выходило; было тотчасъ же осуждено архіепископомъ той епархіи и авторъ отрѣшенъ отъ своей должности. Одрà, публично опозоренный, увидѣлъ, что всѣ его труды пропали безполезно и всѣ надежды его жизни внезапно разрушены; онъ не могъ пережить такого толчка—съ нимъ сдѣлался апоплексическій ударъ, и черезъ двадцать четыре часа онъ лежалъ уже мертвый въ своемъ собственномъ домѣ.

Вѣроятно всѣ согласятся, что я собралъ достаточно фактовъ въ подтвержденіе моего показанія о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались всѣ роды литературы; но небрежность, съ какою изучались обстоятельства, предшествовавшія Французской Революціи, привела къ такимъ ошибочнымъ взглядамъ на этотъ предметъ, что я намѣренъ прибавить еще нѣсколько примѣровъ, дабы поставить внѣ всякаго сомнѣнія истинное значеніе оскорбленій, которымъ обыкновенно подвергались самые извѣстные Французы XVII столѣтія.

Между многими знаменитыми писателями, которые, хотя и стояли ниже Волтера, Монтескіё, Бюффана и Руссо, но уступали только этимъ послѣднимъ, тремя самыми замѣчательными были: Дидрò, Мармонтель и Мореллè. Первые два извѣстны каждому читателю; третій же, Мореллè, хотя сравнительно забытый, пользовался въ свое время значительнымъ вліяніемъ, и сверхъ того имѣлъ ту особенную заслугу, что первый популяризировалъ во Франціи тѣ великія истины, которыя тогда только-что были открыты въ политической экономіи — Адамомъ Смитомъ, а въ юриспруденціи — Бекаріемъ.

Нѣкто Кори написалъ сатиру на герцога д'Омонъ, и показалъ ее своему другу Мармонтелю, который, пораженный ея силой, повторилъ ее въ небольшомъ кружкѣ своихъ знакомыхъ. Герцогъ, услыхавъ объ этомъ, пришелъ въ негодованіе и настаивалъ на выдачѣ имени автора. Этого, конечно невозможно было исполнить, безъ грубаго нарушенія довѣрія, и Мармонтель, желая сдѣлать все, что было въ его силахъ, написалъ письмо герцогу, утверждая, какъ и было на самомъ дѣлѣ, что сатира не напечатана, что авторъ не намѣренъ распространить ее въ публикѣ, что она была прочтена немногимъ, самымъ близкимъ друзьямъ его. Можно было бы предполагать, что это удовлетворитъ даже Французскаго дворянина, но Мармонтель, сомнѣваясь еще въ исходѣ этого дѣла, искалъ аудіенціи у министра, въ надеждѣ получить

защиту отъ правительства. Все было однако тщетно. Съ трудомъ повѣрятъ, что Мармонтеля, который былъ тогда въ полной славѣ, схватили среди Парижа, и такъ какъ онъ отказался выдать своего друга, то его заключили въ Бастилію. Преслѣдователи его были такъ безпощадны, что послѣ освобожденія его изъ тюрьмы, желая довести его до нищеты, лишили его права на изданіе «Меркурія», отъ котораго зависѣлъ почти весь его доходъ.

Съ аббатомъ Мореллѐ случилось подобное же обстоятельство. Одинъ жалкій писака, по имени Палиссо̀, написалъ комедію, гдѣ онъ осмѣялъ нѣкоторыхъ самыхъ даровитыхъ Французовъ того времени. На это Мореллѐ отвѣчалъ остроумной небольшой сатирой, гдѣ онъ сдѣлалъ совершенно невинный намекъ на принцессу де Робэккъ, одну изъ патронессъ Палиссо̀. Знатная дама эта, возмущенная такою дерзостью, пожаловалась министру, который немедленно приказалъ заключить аббата въ Бастилію, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ; между тѣмъ онъ не только не сдѣлалъ никакого скандала, но даже не упомянулъ имени принцессы.

Съ Дидро поступили еще строже. Этотъ замѣчательный человѣкъ обязанъ былъ своимъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, своей обширной корреспонденціи и блестящему разговорному таланту, въ которомъ онъ не зналъ соперника, даже въ Парижѣ. Онъ проявлялъ съ большимъ успѣхомъ этотъ талантъ на тѣхъ славныхъ обѣдахъ у Голбаха, гдѣ въ теченіе четверти столѣтія собирались самые замѣчательные мыслители Франціи. Кромѣ того, онъ былъ авторъ многихъ любопытныхъ сочиненій, большинство которыхъ хорошо извѣстны всѣмъ, кто изучалъ французскую литературу. Вслѣдствіе своего независимаго ума и своей извѣстности, онъ также не избѣгнулъ всеобщаго гоненія. Первое написанное имъ сочиненіе было осуждено на публичное сожженіе рукою палача. Такова была, дѣйствительно, судьба почти всѣхъ лучшихъ литературныхъ произведеній того времени, и Дидро̀ долженъ

былъ почитать себя счастливымъ, что только лишился собственности, но былъ избавленъ отъ заключенія. Но спустя нѣсколько лѣтъ, онъ написалъ другое сочиненіе, въ которомъ онъ говорилъ, что слѣпорожденные люди различаются нѣкоторыми понятіями отъ зрячихъ. Такое предположеніе нисколько не неправдоподобно, и не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что бы могло кого либо встревожить. Однако люди, которые тогда управляли Франціею, открыли въ этомъ скрытую опасность. Подозрѣвали ли они, что разсужденіе о слѣпотѣ есть намекъ на ихъ самихъ, или они дѣйствовали только подъ вліяніемъ своего дурнаго характера—неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, Дидрò, за одно заявленіе такого мнѣнія, былъ арестованъ и даже, безъ всякой формы суда, заключенъ въ Венсенскій замокъ. За этимъ послѣдовали обычные результаты. Сочиненія Дидрò сдѣлались еще популярнѣе; а онъ, съ своей стороны, пылая ненавистью къ своимъ преслѣдователямъ, удвоилъ усилія къ низверженію тѣхъ учрежденій, подъ покровомъ которыхъ могла безопасно дѣйствовать такая чудовищная тираннія.

Кажется нѣтъ нужды говорить болѣе о томъ невѣроятномъ ослѣпленіи, подъ вліяніемъ котораго, правители Франціи, дѣлая изъ каждаго способнаго человѣка личнаго себѣ врага, наконецъ возстановили противъ правительства умственныя силы страны. Я хочу тѣмъ не менѣе привести, какъ достойное послѣдствіе предыдущихъ фактовъ, одинъ примѣръ того, какимъ образомъ, для удовлетворенія каприза высшихъ сословій, даже частныя отношенія семейной жизни могли быть публично поруганы. Въ половинѣ XVIII столѣтія, на французской сценѣ была актриса по имени Шантильи. Ее полюбилъ Морицъ Саксонскій, но она предпочла болѣе честную привязанность и вышла замужъ за Фавара, извѣстнаго сочинителя пѣсенъ и комическихъ оперъ. Морицъ, возмущенный ея дерзостью,. обратился за помощью къ Французской коронѣ. Самое обращеніе это уже достаточно странно, резуль-

татъ же его можетъ сравниться развѣ только съ чѣмъ либо, случающимся при восточномъ деспотизмѣ. Правительство Франціи, услышавъ объ этомъ обстоятельствѣ, имѣло непостижимую слабость отдать приказъ, повелѣвавшій Фавару оставить свою жену и передать ее на попеченіе Морица, ласкамъ котораго она принуждена была подчиниться.

Это принадлежитъ къ числу тѣхъ невыносимыхъ поступковъ, которые кипятятъ кровь въ жилахъ людей. Можно ли удивляться, что величайшіе и благороднѣйшіе умы Франціи чувствовали омерзѣніе къ правительству, которое дѣлало подобныя вещи? Если даже мы, не смотря на отдаленность времени и страны, приходимъ въ негодованіе при одномъ разсказѣ обо всемъ этомъ, то что же должны были чувствовать тѣ, передъ чьими глазами все это на самомъ дѣлѣ совершалось. А если къ естественному отвращенію, ощущаемому при видѣ такихъ дѣлъ, мы присоединимъ то опасеніе сдѣлаться вскорѣ самому ихъ жертвою, которое могло всякому придти въ голову; если вспомнимъ также, что виновники этихъ преслѣдованій не имѣли ни одной изъ тѣхъ способностей, которыми даже самый порокъ иногда облагороживается; если мы сравнимъ, такимъ образомъ, ихъ умственное ничтожество съ громадностью ихъ преступленій, — то мы скорѣе изумимся тому безпримѣрному терпѣнію, которое одно могло такъ долго сносить подобныя оскорбленія.

Мнѣ, дѣйствительно, всегда казалось, что отсрочка революціи есть одно изъ самыхъ разительныхъ доказательствъ, въ исторіи, силы установившихся обычаевъ и той стойкости, съ которою человѣческій умъ держится старинныхъ ассоцій и идей. Если и было когда либо правительство, существенно и радикально дурное, то это было правительство Франціи въ XVIII столѣтіи. Если и существовало когда либо состояніе общества, способное, своимъ вопіющимъ, въ избыткѣ накопившимся зломъ, двести людей до отчаянія, то Франція была въ такомъ состояніи. Народъ, презрѣнный и порабощенный,

погрязалъ въ совершенной нищетѣ, былъ задавленъ страшною жестокостью законовъ, насилуемъ съ немилосерднымъ варварствомъ; вся страна была въ полномъ, безотвѣтственномъ распоряженіи духовенства, дворянъ и короны. Лучшимъ умамъ Франціи угрожало безжалостное изгнаніе; произведенія ея литературы запрещались и сожигались; ея авторовъ грабили и заключали въ тюрьмы. Не было ни малѣйшаго признака возможности исправленія этихъ золъ. Высшія сословія, дерзость которыхъ усиливалась отъ продолжительной безнаказанности, думали только о настоящемъ наслажденіи; они нисколько не заботились о будущемъ, они не предвидѣли дня разсчета, горечь котораго имъ вскорѣ предстояло испытать. Народъ пребывалъ въ рабствѣ до самой революціи; что же касается литературы, то почти съ каждымъ годомъ дѣлались новыя усилія лишить ее и той малой доли свободы, которою она еще обладала. Издавъ въ 1764 году декретъ, воспрещавшій печатаніе всякаго сочиненія, въ которомъ обсуждаются государственные вопросы; признавъ, въ 1767 году, уголовнымъ преступленіемъ написаніе книги, способной взволновать умы общества; и объявивъ сверхъ того, что той же смертной казни подлежитъ всякій, кто нападаетъ на религію, а равно и всякій, кто говоритъ офинансахъ, — принявъ такія мѣры, правители Франціи, весьма незадолго до своего конечнаго паденія, обдумывали другой, еще болѣе обширный планъ. Дѣйствительно, странный фактъ, что всего за девять лѣтъ до революціи, когда никакія земныя силы не могли спасти учрежденія Франціи, правительство было въ такомъ невѣденіи объ истинномъ положеніи дѣлъ, и до того было убѣждено въ возможности укротить духъ, возбужденный его же деспотизмомъ, — что одно должностное лицо сдѣлало предложеніе уничтожить всѣхъ издателей и не дозволять печатать никакихъ книгъ, исключая тѣхъ, которыя будутъ исходить изъ прессы, оплачиваемой, опредѣляемой и контролируемой исполнительною властію. Это чудовищное

предложеніе, будь оно приведено въ дѣйствіе, естественно отдало бы въ руки короля все вліяніе, какимъ можетъ располагать литература; оно довершило бы погибель Франціи, либо принудивъ величайшихъ людей къ совершенному молчанію, либо унизивъ ихъ до значенія защитниковъ однихъ тѣхъ мнѣній, распространенія которыхъ желало бы правительство.

На это ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на маловажное обстоятельство, имѣющее интересъ только для писателей. Во Франціи, въ XVIII столѣтіи, литература была послѣднимъ убѣжищемъ свободы. Въ Англіи, если бы наши великіе писатели опозорили свои умственныя способности высказываніемъ рабскихъ мнѣній, то опасность безъ сомнѣнія была бы велика, потому что другимъ частямъ общества трудно было бы избѣжать заразы; но прежде чѣмъ распространилась бы порча, мы имѣли бы время остановить ходъ ея, покуда мы обладали бы тѣми свободными политическими учрежденіями, при одной мысли о которыхъ, легко воспламеняется благородное воображеніе смѣлаго народа. И хотя такія учрежденія суть слѣдствіе, а не причина свободы, но они безъ сомнѣнія дѣйствуютъ обратно на нее, и, опираясь на привычку, могутъ нѣкоторое время пережить то начало, изъ котораго они родились. Покуда страна сохраняетъ политическую свободу, въ ней всегда останутся ассоціаціи идей, которыми, даже изъ среды умственнаго уничиженія, и изъ глубины самыхъ низкихъ предразсудковъ, люди могутъ быть вызваны къ лучшей дѣятельности. Но во Франціи все было для правителей и ничего для управляемыхъ. У нея не было ни свободы печати, ни свободнаго парламента, ни свободныхъ преній. У нея не было публичныхъ митинговъ, не было народной подачи голосовъ, не было преній въ избирательныхъ собраніяхъ, не было акта «Habeas Corpus», не было суда присяжныхъ. Голосъ свободы, заглушенный такимъ образомъ, во всѣхъ частяхъ государства, могъ только слышаться въ воззваніяхъ тѣхъ великихъ людей, которые

своими сочиненіями просвѣщали народъ. Вотъ съ какой точки зрѣнія мы должны оцѣнивать характеры тѣхъ людей, которые часто были обвиняемы въ легкомысленномъ разрушеніи стараго строя. Они, какъ и вообще весь народъ, были жестоко притѣсняемы короною, дворянами и церковью, и употребляли свои умственныя способности на отмщеніе за нанесенныя имъ обиды. Упрекать слѣдовало высшіе классы, потому что они подали первый сигналъ, а не тѣхъ великихъ людей, которые, защищая себя отъ нападенія, наконецъ успѣли поразить виновниковъ, отъ которыхъ нападеніе происходило.

Не останавливаясь, однако, на оправданіи ихъ образа дѣйствій, мы разсмотримъ теперь то, что̀ гораздо важнѣе, а именно: происхожденіе того крестоваго похода противъ христіанства, который, къ несчастію для Франціи, они вынуждены были начать, и который составляетъ третье изъ крупныхъ явленій, предшествовавшихъ Французской Революціи. Знаніе причинъ этой вражды къ христіанству необходимо для вѣрнаго пониманія философіи XVIII столѣтія; оно должно пролить нѣкоторый свѣтъ на общую теорію духовной власти.

Особенно заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что революціонная литература, ниспровергнувшая впослѣдствіи всѣ учрежденія Франціи, сперва направлялась скорѣе противъ религіозныхъ, чѣмъ противъ политическихъ учрежденій. Великіе писатели, сдѣлавшіеся извѣстными вскорѣ послѣ смерти Людовика XIV, возставали противъ духовнаго деспотизма; ниспроверженіе же свѣтскаго деспотизма досталось на долю ихъ непосредственныхъ преемниковъ. Это не тотъ порядокъ, какой былъ бы принятъ въ здоровомъ состояніи общества; нѣтъ никакого сомнѣнія, что этой особенности и слѣдуетъ приписать, не въ малой мѣрѣ, злодѣянія, самоуправство и насиліе Французской Революціи. Очевидно, что при правильномъ развитіи націи, политическія нововведенія идутъ рядомъ съ религіозными, такъ что народъ можетъ расширять свою сво-

боду, уменьшая въ то же время свои предразсудки. Во Франціи, напротивъ, въ теченіе почти сорока лѣтъ, церковь подвергалась нападеніямъ, а правительство щадилось. Вслѣдствіе этого, порядокъ и равновѣсіе въ этой странѣ нарушились; умы людей привыкли къ самымъ смѣлымъ умозрѣніямъ, между тѣмъ какъ ихъ дѣйствія подчинялись самому притѣснительному деспотизму, и они сознавали въ себѣ способности, которыя правители не позволяли имъ употреблять въ дѣло. Поэтому, когда вспыхнула Французская Революція, она оказалась не простымъ возстаніемъ невѣжественныхъ рабовъ противъ образованныхъ господъ, а возстаніемъ людей, въ которыхъ отчаяніе, порожденное рабствомъ, пріобрѣло новую силу съ успѣхами знанія людей, находившихся въ томъ ужасномъ состояніи, когда умственное развитіе опереживаетъ развитіе свободы.

Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что этому именно состоянію мы должны приписать нѣкоторыя изъ самыхъ отвратительныхъ особенностей Французской Революціи. По этому въ высшей степени интересно изслѣдовать, отчего въ то время, какъ въ Англіи политическая свобода и религіозный скептицизмъ шли вмѣстѣ и помогали другъ другу, во Франціи, напротивъ, происходило обширное движеніе, во время котораго, въ теченіе почти сорока лѣтъ, способнѣйшіе люди пренебрегали свободой, а между тѣмъ поощряли скептицизмъ, и уменьшали власть церкви, не расширяя правъ народа.

Первая причина этого заключается въ свойствѣ тѣхъ понятій, на которыхъ Французы долгое время основывали преданія о своей славѣ. Цѣлый рядъ обстоятельствъ, которыя я старался указать, говоря о духѣ покровительства, упрочилъ за французскими королями такую власть, которая, подчиняя всѣ сословія коронѣ, льстила народному тщеславію. Поэтому, во Франціи чувство преданности королю укоренилось въ народѣ глубже, чѣмъ въ остальной Европѣ, исключая одной Испаніи. О различіи между этимъ духомъ и тѣмъ, который проявлялся въ Англіи, было уже говорено; оно еще

болѣе видно изъ того, какъ неодинаково обѣ націи относились къ посмертной славѣ своихъ государей. Исключая Альфреда, иногда называемаго Великимъ, въ Англіи никого изъ нашихъ королей не любили на столько, чтобы жаловать имъ титулы, выражающіе личное удивленіе. Французы же украсили своихъ королей всевозможными похвалами. Такимъ образомъ, возьмемъ одно имя Людовикъ, и мы увидимъ, что одинъ—Кроткій, другой — Святой, третій—Справедливѣй, четвертый — Великій, а самый отчаянно-порочный изъ всѣхъ былъ названъ Людовикомъ Возлюбленнымъ.

Таковы факты, которые, какъ бы ни казались они ничтожными, составляютъ весьма важные матеріалы для истинной исторіи, потому что служатъ несомнѣнными признаками состоянія той страны, въ которой они были возможны. Отношеніе ихъ къ нашему предмету — очевидно. Ибо, вслѣдствіе ихъ и тѣхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ они возникли, родилось въ умахъ Французовъ понятіе о тѣсной и наслѣдственной связи между славою ихъ націи и личною извѣстностью ихъ государей. Послѣдствіемъ этого было то, что политика правителей Франціи была ограждена отъ порицанія оплотомъ болѣе непреодолимымъ, чѣмъ всякій другой, хотя бы воздвигнутый самыми строгими законами. Она была защищена тѣми предразсудками, которые каждое поколѣніе завѣщало своимъ преемникамъ. Она была защищена тѣмъ сіяніемъ, которымъ время окружило древнѣйшую монархію въ Европѣ. А болѣе всего она была защищена тѣмъ жалкимъ народнымъ тщеславіемъ, которое заставляло людей подчиняться налогу и рабству, ради того, чтобы ослѣпить иностранныхъ государей блестящею обстановкою своего повелителя и запугать другія страны величіемъ его побѣдъ.

Результатомъ всего этого было то, что когда въ началѣ XVIII столѣтія, умственныя силы Франціи пришли въ движеніе, мысль напасть на злоупотребленія монархіи никогда не приходила въ голову даже самымъ смѣлымъ мыслителямъ. Но,

подъ покровительствомъ короны, возросло другое учрежденіе, относительно котораго проявлялось менѣе умѣренности. Духовенство, которому въ теченіе столь долгаго времени, позволялось порабощать себѣ совѣсть людей, не было защищено тѣми народными понятіями, которыя ограждали личность государя; къ тому же и никто изъ среды его, исключая только Боссюэта, не сдѣлалъ ничего особеннаго для возвеличенія Франціи. Дѣйствительно, французская церковь, хотя и обладала, во время царствованія Людовика XIV, огромною властью, но въ отправленіи ея всегда подчинялась коронѣ, по повелѣніямъ которой она не страшилась противиться даже самому папѣ. Поэтому естественно, что во Франціи власть духовенства подверглась нападеніямъ ранѣе власти свѣтской; отличаясь одинаковымъ съ нею деспотизмомъ, она имѣла менѣе силы и не была защищена тѣми народными преданіями, которыя составляютъ главную опору каждаго древняго учрежденія.

Соображеній этихъ достаточно для объясненія, почему, въ этомъ отношеніи, умственныя силы Франціи и Англіи пошли совершенно различными путями. Въ Англіи умы людей, будучи менѣе стѣснены предразсудками безразличной преданности королю, имѣли возможность, при каждомъ послѣдовательномъ шагѣ въ великомъ прогрессѣ, направлять свои сомнѣнія и изслѣдованія какъ на политику, такъ и на религію; упрочивая, такимъ образомъ, свою свободу, по мѣрѣ уменьшенія своихъ предразсудковъ, они поддерживали равновѣсіе умственныхъ силъ націи, не допуская ни одну изъ нихъ до чрезмѣрнаго перевѣса. Но во Франціи, благоговѣніе передъ королевскою властію до того увеличилось, что равновѣсіе это было нарушено; изслѣдованія людей, не смѣя останавливаться на политикѣ, были направлены противъ религіи и дали начало страшному явленію—богатой и могучей литературѣ, въ которой единодушная вражда къ церкви не сопровождалась ни однимъ голосомъ противъ громадныхъ злоупотребленій государства.

Было еще одно обстоятельство, подкрѣпившее это своеобразное стремленіе. Въ теченіе царствованія Людовика XIV, личный характеръ іерархіи весьма много сдѣлалъ для упроченія ея владычества. Всѣ вожди церкви были люди добродѣтельные, а многіе изъ нихъ были люди съ дарованіями. Дѣйствія ихъ, при всей своей жестокости, были повидимому добросовѣстны, и производимое ими зло можетъ быть только приписано грубой несообразности ввѣрять власть духовнымъ. Но послѣ смерти Людовика XIV, произошла большая перемѣна. Духовенство, по причинамъ, которыя слишкомъ долго было бы изслѣдовать, сдѣлалось чрезвычайно развратнымъ, а часто оказывалось и весьма невѣжественнымъ. Это дѣлало тираннію его еще болѣе тягостною, потому что подчиняться ей было еще унизительнѣе. Великіе таланты и люди безупречной нравственности, какъ Боссюэтъ, Фенелонъ, Бурдалу, Флешье и Маскаронъ, до извѣстной степени смягчали позоръ, который всегда связанъ съ слѣпымъ послушаніемъ. Но когда они были замѣнены такими епископами и кардиналами, какъ Дюбуа, Лафито, Тансэнъ и другіе, процвѣтавшіе во время регентства,—то стало дѣломъ труднымъ оказывать уваженіе главамъ церкви, такъ какъ они были запятнаны открытою, всѣмъ извѣстною безнравственностію. Во то же самое время, какъ произошла эта невыгодная перемѣна между правителями церкви, началась и та громадная реакція, первыя вліянія которой я уже пытался прослѣдить. И такъ, въ тотъ самый моментъ, какъ духъ изслѣдованія усилился, личности духовныхъ сдѣлались болѣе достойны презрѣнія. Великіе писатели, теперь появившіеся во Франціи, закипѣли негодованіемъ, когда они увидѣли, что тѣ, которые захватили безграничную власть надъ совѣстью людей, сами вовсе не имѣли совѣсти. Очевидно, что каждый аргументъ противъ духовной власти, заимствованный изъ Англіи, долженъ былъ пріобрѣсти двойную силу, будучи въ то же время направленъ и противъ людей, которыхъ личная неспособность была всѣмъ извѣстна.

Таково было положеніе враждебныхъ партій, когда почти непосредственно послѣ смерти Людовика XIV, началась та великая борьба между авторитетомъ и разумомъ, которая еще не окончена, хотя при настоящемъ состояніи науки, результаты ея уже не подлежатъ болѣе сомнѣнію. Съ одной стороны было замкнутое, многочисленное духовное сословіе, поддерживаемое вѣковою давностью и вліяніемъ короны. Съ другой стороны, было небольшое общество людей, не имѣющихъ ни чиновъ, ни богатства и еще не пользующихся извѣстностью, но одушевленныхъ любовью къ свободѣ и справедливымъ довѣріемъ къ своимъ собственнымъ способностямъ. Къ несчастію, въ самомъ началѣ, они сдѣлали важную ошибку. Нападая на духовенство, они потеряли уваженіе къ религіи. Рѣшившись ослабить власть духовенства, они пытались подрыть основанія христіанства. Объ этомъ слѣдуетъ глубоко сожалѣть, какъ въ отношеніи ихъ самихъ, такъ и въ отношеніи конечныхъ результатовъ такого образа дѣйствій для Франціи; но не должно вмѣнять имъ это въ преступленіе, потому что они были вынуждены къ этому самымъ ихъ положеніемъ. Они видѣли, какое ужасное зло причиняло ихъ родинѣ учрежденіе духовенства, въ томъ видѣ, въ какомъ оно тогда существовало; а между тѣмъ имъ говорили, что сохраненіе этого учрежденія, въ его настоящей формѣ, необходимо для самой сущности христіанства. Ихъ всегда учили, что интересы духовенства тождественны съ интересами религіи,—какъ же имъ было избѣжать смѣшенія и духовенства и религіи въ одномъ общемъ враждебномъ чувствѣ? Выборъ былъ ужасно труденъ, но честнымъ путемъ его нельзя было избѣгнуть. Мы, обсуждающіе эти вещи по другому масштабу, имѣемъ мѣру, которой они имѣть не могли. Мы не сдѣлали бы теперь такой ошибки, ибо знаемъ, что между духовенствомъ, какой бы то ни было формы, и интересами христіанства нѣтъ ни какой связи. Мы знаемъ, что духовенство существуетъ для народа, а не народъ для духовенства. Мы знаемъ, что всѣ во-

просы церковнаго управленія суть предметы не религіи, а политики, и должны быть разрѣшаемы не на основаніи преемственныхъ догматовъ, а согласно съ видами общей пользы. Вслѣдствіе того, что всѣ эти предложенія теперь приняты каждымъ просвѣщеннымъ человѣкомъ въ нашей странѣ, истины религіи у насъ рѣдко подвергаются нападкамъ,—и то со стороны поверхностныхъ мыслителей. Если, напримѣръ, мы нашли бы, что существованіе нашихъ епископовъ, съ ихъ привилегіями и богатствомъ, не благопріятствуетъ прогрессу общества, то мы не стали бы изъ–за того враждебно смотрѣть на христіанство, потому что мы помнили бы, что учрежденіе епископовъ есть его случайная сторона, а не его сущность, и что мы можемъ уничтожить это учрежденіе, и всетаки сохранить религію. Точно также, если бы мы когда либо нашли, какъ было прежде найдено во Франціи, что духовенство тиранствуетъ, то это возбудило бы съ нашей стороны оппозицію, но не противъ христіанства, а только противъ внѣшней формы, которую оно приняло. Покуда наше духовенство ограничивается исполненіемъ благихъ обязанностей своего призванія—облегченіемъ скорбей и бѣдъ, какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ, до тѣхъ поръ мы будемъ уважать въ немъ служителей мира и любви къ ближнему. Но если они опять когда либо посягнутъ на права мірянъ, если они опять когда либо станутъ вмѣшиваться, съ голосомъ авторитета, въ управленіе государствомъ,—тогда дѣло народа изслѣдовать, не пришло ли время пересмотрѣть церковное устройство страны. Вотъ, слѣдовательно, тотъ взглядъ, какимъ мы смотримъ въ настоящее время на эти вещи. Наше мнѣніе о духовенствѣ будетъ зависѣть только отъ него самого, но не будетъ имѣть отношенія къ нашему взгляду на христіанство. Мы смотримъ на духовенство, какъ на общество людей, которые, несмотря на ихъ склонность къ нетерпимости, и несмотря на нѣкоторую узкость понятій, свойственную ихъ профессіи, составляютъ безъ сомнѣнія часть обширнаго и благороднаго учрежденія, смягчивша-

го нравы людей, облегчившаго ихъ страданія, и уменьшившаго ихъ бѣдствія. Покуда это учрежденіе исполняетъ свои обязанности, мы охотно соглашаемся на сохраненіе его. Если же оно устарѣетъ или будетъ найдено несоотвѣтствующимъ измѣнившимся условіямъ общества, идущаго впередъ, то мы имѣемъ и власть и право исправить его недостатки; мы можемъ, если будетъ нужно, отбросить нѣкоторыя части его; но мы не захотимъ, мы не посмѣемъ коснуться тѣхъ великихъ истинъ религіи, которыя отъ него совершенно независимы—истинъ, успокоивающихъ умъ человѣка, ставящихъ его выше минутыхъ увлеченій, и внушающихъ ему тѣ возвышенныя стремленія, которыя, открывая ему его собственное безсмертіе, служатъ мѣрою и признакомъ будущей жизни.

Къ несчастію, не съ этой точки зрѣнія разсматривались вопросы эти во Франціи. Правительство ея, даровавъ духовенству большія льготы, обращаясь съ личностями, составляющими его, какъ съ чѣмъ-то священнымъ, и наказывая, какъ за ересь, за всѣ нападенія на нихъ, установило въ народномъ понятіи неразрывную связь между интересами духовенства и интересами христіанства. Послѣдствіемъ этого было, что когда началась борьба, то и на служителей религіи и на самую религію нападали съ равнымъ рвеніемъ. Насмѣшки и даже брань, сыпавшіяся на духовенство, не удивятъ того, кто знакомъ съ поводомъ поданнымъ самимъ духовенствомъ. И хотя при послѣдовавшемъ вскорѣ неразборчивомъ нападеніи, христіанство подверглось, на нѣкоторое время, судьбѣ, которой слѣдовало подвергнуть только людей, называвшихъ себя его служителями, это однако можетъ только возбуждать въ насъ сожалѣніе, но никакъ не должно удивлять насъ. Упадокъ христіанства во Франціи былъ необходимымъ послѣдствіемъ тѣхъ понятій, которыя связали судьбу національнаго духовенства съ судьбою національной религіи. Связанныя общимъ происхожденіемъ, они должны были и пасть въ общемъ паденіи. Если бы то, что составляетъ дерево жизни, было въ самомъ дѣлѣ

такъ испорчено, что могло бы приносить только ядовитые плоды, то мало доставило бы пользы срубить сучья и срѣзать вѣтви, а гораздо лучше было бы однимъ мощнымъ усиліемъ вырвать его съ корнемъ изъ земли и спасти здоровье общества, уничтоживъ самый источникъ заразы.

Таковы размышленія, на которыхъ мы должны остановиться, прежде чѣмъ осуждать деистическихъ писателей XVIII столѣтія. Такъ однако превратны сужденія, къ которымъ привыкли нѣкоторые умы, что люди, судящіе самымъ безпощаднымъ образомъ объ этихъ писателяхъ, суть именно тѣ, чье поведеніе составляетъ ихъ лучшее оправданіе. Это люди, которые, предъявляя самыя странныя требованія въ пользу духовенства, стараются установить принципъ, дѣйствіе котораго именно и погубило духовныхъ. Ихъ планъ возстановленія древней системы церковной власти находится въ зависимости отъ предположенія о божественномъ происхожденіи ея—предположенія, которое, если оно неотдѣлимо отъ христіанства, совершенно оправдываетъ то невѣріе, на которое они такъ горячо нападаютъ. Расширеніе власти духовенства несовмѣстимо съ интересами цивилизаціи. Если, слѣдовательно, какая нибудь религія вводитъ необходимость такого расширенія въ число своихъ вѣрованій, то на обязанности каждаго друга человѣчества лежитъ дѣлать все возможное, чтобы или уничтожить такое вѣрованіе, или, въ случаѣ неуспѣха, ниспровергнуть такую религію. Къ счастью, мы еще не поставлены въ такое страшное затрудненіе; мы знаемъ, что эти требованія столько же ложны въ теоріи, сколько были бы гибельны на практикѣ. Дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что если бы они были приведены въ исполненіе, то духовенство, хотя бы и насладилось минутнымъ тріумфомъ, но само приготовило бы себѣ гибель, проложивъ у насъ путь къ такимъ же бѣдственнымъ событіямъ, какія произошли во Франціи.

То, что порицали въ великихъ французскихъ писателяхъ, было естественнымъ послѣдствіемъ развитія ихъ вѣка. Еще

не было болѣе поразительнаго подтвержденія того соціальнаго закона, о которомъ мы уже говорили, — что если предоставить религіозному скептицизму идти его путемъ, то онъ родитъ много великаго и ускоритъ ходъ цивилизаціи; если же будетъ сдѣлана попытка подавить его строгостью, то онъ, безъ сомнѣнія, затихнетъ на нѣкоторое время, но за то потомъ возстанетъ съ такою силою, что будетъ угрожать самымъ основамъ общества. Въ Англіи мы избрали первый путь, во Франціи—избранъ былъ второй. Въ Англіи, людямъ дозволялось высказывать ихъ мнѣнія о самыхъ священныхъ предметахъ; и какъ только, съ уменьшеніемъ ихъ легковѣрія, положены были предѣлы власти духовенства, тотчасъ же явилась терпимость, и народное благоденствіе никогда не было нарушено. Во Франціи, власть духовенства была расширена суевѣрнымъ королемъ; вѣра завладѣла мѣстомъ разума; даже шопотомъ не смѣли выражать сомнѣнія, и духъ изслѣдованія былъ задушенъ до тѣхъ поръ, пока страна не была приведена на край погибели. Если бы Людовикъ XIV не помѣшалъ естественному прогрессу, то Франція, подобно Англіи, продолжала бы идти впередъ. Послѣ его смерти, было дѣйствительно уже поздно спасать духовенство, противъ котораго вскорѣ возстало все разумное въ странѣ. Но сила урагана могла бы все-таки быть сломлена, если бы правительство Людовика XV примирилось съ тѣмъ, чему невозможно было противиться, и вмѣсто неразумныхъ попытокъ обуздать мнѣнія законами, измѣнило бы законы согласно мнѣніямъ. Если бы правители Франціи, вмѣсто того, чтобы принуждать національную литературу къ молчанію, прониклись ея внушеніями и уступили требованіямъ развивавшагося знанія, то роковое столкновеніе было бы избѣгнуто, потому что страсти, породившія это столкновеніе, были бы укрощены. Въ этомъ случаѣ духовенство пало бы нѣсколько ранѣе, но само государство было бы спасено. Въ этомъ случаѣ, Франція, по всей вѣроятности, упрочила бы свою свободу, не увеличивая

своихъ преступленій; и великая страна, которой, по ея положенію и по ея средствамъ, слѣдуетъ быть образцемъ европейской цивилизаціи, не была бы испытана тѣми ужасными жестокостями, чрезъ которыя ей пришлось пройти и отъ послѣдствій которыхъ она еще и теперь не оправилась.

Нельзя, я полагаю, не допустить, что въ теченіе по крайней мѣрѣ первой половины царствованія Людовика XV, было еще возможно заблаговременными уступками спасти политическія учрежденія Франціи. Слѣдовало произвести реформы, и реформы непремѣнно обширныя и строгія. На сколько, однако, я могу понимать истинную исторію этого періода, я не сомнѣваюсь, что если бы онѣ были дарованы охотно и искренно, то можно было бы достигнуть всего, что необходимо для двухъ единственныхъ цѣлей, которыхъ государство должно домогаться, а именно—сохраненія порядка и предупрежденія преступленій. Но въ половинѣ царствованія Людовика XV, или, во всякомъ случаѣ, въ самомъ началѣ второй половины его, положеніе дѣлъ стало измѣняться, и въ теченіе немногихъ лѣтъ, духъ Франціи сдѣлался такъ демократиченъ, что было невозможно даже отсрочить ту революцію, которая предшествовавшимъ поколѣніемъ могла быть совершенно устранена. Эта замѣчательная перемѣна находится въ связи съ другою перемѣною, о которой уже было говорено и вслѣдствіе которой умственныя силы Франціи стали, почти въ этотъ же періодъ, относиться къ государству болѣе враждебно, чѣмъ относились, до этого, къ духовенству. Какъ только эта, если ее можно такъ назвать, вторая эпоха XVIII столѣтія вполнѣ наступила, движеніе сдѣлалось неудержимымъ. Событія быстро смѣнялись одно другимъ, каждое было связано съ предшествовавшимъ и во всей цѣлости ихъ выражалось стремленіе, которому невозможно было противустоять. Тщетно правительство, рѣшившись сдѣлать нѣкоторыя уступки, дѣйствительной важности, приняло мѣры, которыя, подчиняя церковь извѣстному контролю, ослабили власть духовенства и даже смирили

орденъ Іезуитовъ. Тщетно корона въ первый разъ призвала теперь въ свои совѣты, людей, проникнутыхъ духомъ реформы, людей, какъ Тюрго и Неккеръ, мудрыя и либеральныя предположенія которыхъ могли бы, въ болѣе тихое время, успокоить волненіе умовъ народа. Тщетно были даны обѣщанія уравнить подати, облегчить нѣкоторыя изъ самыхъ вопіющихъ тягостей, и отмѣнить нѣкоторые самые вредные законы. Тщетно были даже созваны генеральные штаты и народъ былъ, такимъ образомъ, по истеченіи ста семидесяти лѣтъ, допущенъ къ участію въ управленіи своими собственными дѣлами. Всѣ эти попытки были тщетны, потому что прошло время для переговоровъ и наступило время для борьбы. Самыя либеральныя уступки, какія только можно было изобрѣсти, не въ силахъ были бы отвратить ту кровавую борьбу, которую ходъ предшествовавшихъ событій сдѣлалъ неизбѣжною. Уже исполнилась мѣра тому вѣку. Высшіе классы французскаго общества вызвали кризисъ, и имъ слѣдовало вынести его исходъ. Тутъ не время было для пощады, тутъ не было отлагательствъ, не было состраданія, не было сочувствія. Оставалось только рѣшить, могутъ ли тѣ, которые подняли бурю, совладать съ ураганомъ, или не будутъ ли они скорѣе первыми жертвами того ужаснаго вихря, въ которомъ погибло, на время, все—законы, религія, нравственность, малѣйшіе слѣды гуманности были уничтожены, и цивилизація Франціи не только затоплена, но, какъ въ то время казалось, безвозвратно потеряна.

Опредѣлить послѣдовательныя перемѣны этой второй эпохи XVIII столѣтія есть задача, преисполненная трудностей, не только со стороны быстроты, съ какою совершались событія, но и со стороны ихъ чрезвычайной сложности и степени вліянія ихъ другъ на друга. Однако матеріалы для такого изслѣдованія чрезвычайно многочисленны, и такъ какъ они состоятъ изъ данныхъ, представляемыхъ всѣми классами общества и всѣми интересами, то мнѣ показалось возможнымъ вос-

произвести исторію этого времени, слѣдуя единственному способу, по которому стоитъ изучать исторію, т. е. соображаясь съ порядкомъ, въ которомъ совершалось социальное и умственное развитіе. И такъ, въ заключительной главѣ настоящаго тома, я постараюсь прослѣдить событія, предшествовавшія Французской Революціи, за тотъ замѣчательный періодъ, въ который враждебныя чувства людей, отклонившись отъ злоупотребленій церкви, обратились, въ первый разъ, противъ злоупотребленій государства. Но до вступленія въ эту эпоху, которая будетъ называться политическою эпохою XVIII столѣтія, необходимо разсмотрѣть, согласно плану, мною начертанному, перемѣны, происшедшія въ методѣ самаго писанія исторіи, и показать, какое имѣли вліяніе на эти перемѣны стремленія предшествовавшей, если можно такъ сказать, церковной эпохи. Такимъ образомъ мы гораздо легче поймемъ дѣятельность того удивительнаго движенія, которое привело къ Французской Революціи; мы увидимъ, что оно не только имѣло вліяніе на мнѣнія людей о томъ, что происходило передъ ихъ глазами, но измѣнило также и умозрительныя взгляды на событія предшествовавшихъ вѣковъ и тѣмъ положило начало той новой школѣ исторической литературы, образованіе которой есть далеко не самое меньшее изъ благодѣяній, оказанныхъ намъ великими мыслителями XVIII столѣтія.

ГЛАВА XIII.

Состояніе исторической литературы во Франціи съ конца XVI до конца XVII столѣтія.

Легко можно представить себѣ, что тѣ сильныя движенія Французскаго ума, которыя я только что изобразилъ, необходимо должны были произвести большой переворотъ въ методѣ писанія исторіи. Смѣлый духъ, съ которымъ люди стали теперь оцѣнивать событія соего времени, не могъ не оказать вліянія и на мнѣнія ихъ о событіяхъ прежнихъ вѣковъ. Въ этой, какъ и во всякой другой отрасли знанія, первымъ нововведеніемъ было признаніе необходимости подвергнуть сомнѣнію то, чему до тѣхъ поръ безусловно вѣрили; а эта потребность, какъ только она пустила корни, стала рости, разрушая на каждомъ шагу ту или другую изъ тѣхъ чудовищныхъ нелѣпостей, которыми, какъ мы уже видѣли, были обезображены и самыя лучшія историческія сочиненія. Зародыши реформы замѣчаются уже въ XIV столѣтіи, хотя самая реформа началась не ранѣе конца XVI вѣка. Въ теченіе XVII, она подвигалась нѣсколько медленно, въ XVIII же пріобрѣла внезапно большую силу и была ускорена, преимущественно во Франціи, тѣмъ смѣлымъ духомъ изслѣдованія, который составлялъ, отличительную черту того вѣка,

тѣмъ духомъ, который, очиститвъ исторію отъ безчисленныхъ несообразностей, поднялъ ея уровень и придалъ ей неслыханное до тѣхъ поръ значеніе. Зарожденіе историческаго скептицизма и тѣ размѣры, до которыхъ онъ доходилъ, составляютъ, дѣйствительно, такую любопытную черту въ лѣтописяхъ европейскаго ума, что нельзя не удивляться, почему никто еще не пытался прослѣдить то движеніе, которому одна изъ обширныхъ отраслей новѣйшей литературы обязана своими драгоцѣннѣйшими свойствами.

Въ настоящей главѣ я надѣюсь пополнить этотъ пробѣлъ, относительно Франціи; я постараюсь указать различные переходы на пути къ такому развитію; и когда мы узнаемъ, такимъ образомъ, условія, наиболѣе благопріятствовавшія изученію исторіи, то намъ легче будетъ изслѣдовать вѣроятность ея будущаго усовершенствованія.

Въ отношеніи къ этому предмету, есть одно предварительное соображенія, вполнѣ достойное вниманія, а именно, что люди всегда начинали съ сомнѣнія въ предметахъ религіи, а потомъ уже осмѣливались сомнѣваться въ исторіи. Можно было бы ожидать, что укоры, а въ вѣка суевѣрія, и опасности, которымъ подвергалась ересь, устрашатъ изслѣдователей и заставятъ ихъ, предпочитая менѣе опасный путь, направить свой скептицизмъ на вопросы литературнаго умозрѣнія. Но вовсе не этого пути придерживался умъ человѣческій. На первыхъ ступеняхъ развитія общества, когда духовенство имѣетъ на все вліяніе, вѣра въ непростительную преступность всякаго религіознаго заблужденія бываетъ такъ глубоко укоренена, что поглощаетъ собою всеобщее вниманіе; она заставляетъ каждаго мыслителя сосредоточивать всѣ свои мысли и сомнѣнія на теологіи и не оставляетъ ему свободнаго времени для вопросовъ, которымъ придается меньшая важность.

Вслѣдствіе этого, въ теченіе многихъ столѣтій, самые остроумные мыслители въ Европѣ истощали свои силы въ

размышленіи надъ обрядами и догматами христіанства; и между тѣмъ какъ въ этихъ предметахъ они часто проявляли величайшую способность,—въ другихъ, и особенно въ исторіи, они обнаруживали то ребяческое легковѣріе, котораго я уже привелъ нѣсколько примѣровъ. Но когда съ развитіемъ общества, теологическій элементъ начинаетъ приходить въ упадокъ, то рвеніе, съ какимъ нѣкогда велись религіозные споры, замѣтно ослабѣваетъ. Самые передовые умы первые проникаются все большимъ и большимъ равнодушіемъ къ этого рода вещамъ, и потому, изъ первыхъ также, начинаютъ вникать въ дѣйствительность тѣмъ самымъ пытливымъ взглядомъ, который предшественники ихъ приберегали для религіозныхъ умозрѣній. Это составляетъ важный поворотъ въ исторіи каждой цивилизованной націи. Съ этого момента, религіозныя ереси становятся рѣже, а литературныя дѣлаются болѣе обыкновеннымъ явленіемъ. Съ этого же момента, духъ изслѣдованія и сомнѣнія проникаетъ во всѣ отрасли знанія, и открывается длинный путь побѣдъ, на которомъ, съ каждымъ новымъ открытіемъ, возрастаетъ могущество и достоинство человѣка, и въ то же время большая часть его убѣжденій потрясаются, а многія изъ нихъ и вовсе искореняются, до тѣхъ поръ, пока теченіемъ этой порывистой хотя и не шумной революціи не былъ, такъ сказать, прерванъ потокъ преданія, пока не было ниспровергнуто вліяніе старыхъ авторитетовъ и пока умъ человѣческій, по мѣрѣ возрастанія его силъ, не научился полагаться на свои собственныя средства и устранять препятствія, такъ долго стѣснявшія свободу его движеній.

Примѣненіе этихъ замѣчаній къ исторіи Франціи дастъ намъ возможность объяснить нѣкоторыя любопытныя явленія въ литературѣ этой страны. Во весь средневѣковой періодъ, и даже, можно сказать, до конца XVI столѣтія, Франція, столь богатая лѣтописцами, не произвела ни одного историка, потому что не явилось ни одного человѣка, который рѣшился

бы усомниться въ томъ, чему всѣ вѣрили. Дѣйствительно, до выхода «Исторіи королей Франціи», Дю-Гальяна, никто никогда не пробовалъ критически разработать матеріалы, существованіе которыхъ было извѣстно. Сочиненіе это появилось въ 1576 году, и авторъ, въ заключеніи своего труда, не могъ скрыть гордости, испытанной имъ по случаю совершенія такого важнаго предпріятія. Въ своемъ посвященіи королю, онъ говоритъ: «Государь, я первый изъ Французовъ написалъ исторію Франціи и изобразилъ въ почтительныхъ выраженіяхъ величіе и достоинство нашихъ королей, ибо до сихъ поръ о нихъ говорилось только въ старомъ хламѣ лѣтописей». Къ этому онъ прибавляетъ въ предисловіи: «я хочу только сказать, безъ всякаго преувеличенія и хвастовства, что я сдѣлалъ нѣчто, чего до сихъ поръ еще никто не дѣлалъ и чего еще никто не видывалъ въ нашемъ народѣ: я изобразилъ исторію Франціи въ такомъ одѣяніи, въ которомъ она еще никогда не являлась». И это не было пустымъ хвастовствомъ темнаго человѣка. Сочиненіе Дю-Гальяна выдержало нѣсколько изданій, было переведено на латинскій языкъ и перепечатано въ чужихъ краяхъ. На самого автора смотрѣли какъ на славу французской націи, и онъ былъ награжденъ благосклонностью короля, который сдѣлалъ его секретаремъ финансовъ. И такъ, по его сочиненію мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, что признавалось въ то время за идеалъ исторической литературы, и съ этой точки зрѣнія, мы обязаны конечно узнать, какими матеріалами пользовался, главнѣйшимъ образомъ, этотъ писатель. За шестьдесятъ лѣтъ до него, Италіанецъ, по имени Павелъ Эмилій, напечаталъ компиляцію изъ разныхъ сплетенъ о дѣяніяхъ Французовъ. Эта книга, наполненная странными вымыслами, была принята Дю-Гальяномъ за основаніе его знаменитой исторіи королей Франціи, и онъ не задумываясь выписываетъ изъ нея тѣ пустыя басни, которыя вздумалось разсказать Эмилію. Это даетъ намъ нѣкоторое понятіе о лег-

ковѣріи писателя, котораго современники признали, безъ малѣйшаго сравненія, за величайшаго изъ историковъ, когда либо появлявшихся во Франціи. Но это еще не все. Дю-Гальянъ, не довольствуясь заимствованіемъ у своего предшественника самыхъ невѣроятныхъ фактовъ, удовлетворяетъ еще своей страсти къ чудесному собственными выдумками. Онъ начинаетъ свою исторію длиннымъ разсказомъ о совѣтѣ, который, говоритъ онъ, былъ собранъ славнымъ Фарамондомъ для разрѣшенія вопроса—будетъ ли Франція управляема монархомъ, или аристократіей. Очень еще сомнительно, существовало ли когда либо такое лицо какъ Фарамондъ; извѣстно только то, что если оно и существовало, то всѣ матеріалы, по которымъ можно было бы составить себѣ понятіе о немъ, давно утрачены. Но Дю-Гальянъ, не обращая вниманія на эти мелочи, даетъ намъ полнѣйшія свѣденія объ этомъ военачальникѣ, и, какъ будто рѣшившись испробовать до конца легковѣріе читателей, упоминаетъ еще о двухъ лицахъ, Шарамондѣ и Квадрекѣ, какъ о членахъ совѣта Фарамондова, — самыя имена которыхъ выдуманы имъ самимъ.

Таково было состояніе исторической литературы во Франціи, въ началѣ царствованія Генриха III. Но вскорѣ предстояла большая перемѣна. Замѣчательнымъ успѣхамъ, въ умственномъ отношеніи, сдѣланнымъ Французами въ концѣ XVI столѣтія, предшествовалъ, какъ я уже сказалъ, скептицизмъ, являющійся какъ бы необходимымъ предвѣстникомъ всякаго прогресса. Духъ сомнѣнія, проникшій сперва въ религію, сообщился и литературѣ. Движеніе это тотчасъ же отозвалось во всѣхъ отрасляхъ знанія, и тогда исторія впервые вышла изъ униженнаго состоянія, въ которое она была погружена въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Въ отношеніи къ этому предмету, простой перечень годовъ можетъ уже быть полезенъ для тѣхъ людей, которые, изъ одного отвращенія къ мышленію, пожалуй отвергли бы ту связь, существованіе ко-

которой я желаю доказать. Въ 1588 году, издано было первое скептическое сочиненіе на французскомъ языкѣ. Въ 1599 году, французское правительство въ первый разъ рѣшилось на публичный актъ вѣротерпимости. Въ 1640 году, Де-Ту издалъ извѣстное сочиненіе свое, которое всѣ критики признаютъ за первое замѣчательное историческое сочиненіе, написанное Французомъ. И въ то самое время, какъ происходило все это, другой знаменитый Французъ, великій Сюлли, собиралъ матеріалы для своего историческаго сочиненія, уступающаго, конечно, сочиненію Де-Ту, но всетаки слѣдующаго непосредственно за нимъ, по таланту автора, по тому значенію, которое оно имѣло, и по пріобрѣтенной имъ извѣстности. Мы не можемъ также умолчать о томъ обстоятельствѣ, что оба эти великіе историка, оставившіе далеко позади себя всѣхъ своихъ предшественниковъ, были довѣренными министрами и близкими друзьями Генриха IV, перваго изъ королей Франціи, память котораго запятнана обвиненіемъ въ ереси, и который первый осмѣлился перемѣнить религію не по какимъ либо теологическимъ побужденіямъ, а явно въ силу политической необходимости.

Но дѣйствіе духа скептицизма не ограничивалось одними только первостепенными историками. Движеніе было уже достаточно сильно, чтобы отразиться и на произведеніяхъ второстепенныхъ писателей. Легковѣріе прежнихъ историковъ проявлялось самымъ разительнымъ образомъ въ двухъ особенностяхъ: въ безразборчивомъ списываніи всего сказаннаго у ихъ предшественниковъ и перепутываніи годовъ, и въ готовности вѣрить самымъ неправдоподобнымъ вещамъ, часто на основаніи неполныхъ доказательствъ, а иногда и безъ всякаго основанія. Сильнымъ доказательствомъ того умственнаго прогресса, который я стараюсь изобразить, можетъ конечно послужить то обстоятельство, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, оба эти источника заблужденій были устранены. Въ 1597 году, Сэрръ (Serres) былъ назначенъ исторіографомъ Фран-

ціи, и въ томъ же году издалъ свою исторію этой страны. Въ сочиненіи этомъ, онъ настаиваетъ на необходимости тщательнаго обозначенія года каждаго событія; и съ того времени, поданный имъ примѣръ не остался безъ подражанія. Важность этой перемѣны охотно признаетъ всякій, кому извѣстно, въ какомъ хаосѣ находилась исторія, вслѣдствіе пренебреженія первыхъ историковъ къ тому, что теперь оказывается такою естественною мѣрою предосторожности. Непосредственно за этимъ нововведеніемъ, во Франціи, слѣдовало другое, еще болѣе важное. А именно: въ 1621 году, вышла исторія Франціи, Сципіона Дюпле (Dupleix), въ которой въ первый разъ напечатаны, рядомъ съ изложеніемъ историческихъ событій, ссылки на свидѣтельства о нихъ. Излишне было бы говорить о пользѣ этого нововведенія, которое лучше всего научило историковъ тщательно собирать источники и дѣлать строгій между ними выборъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что Дюпле тоже первый, изъ Французовъ, рѣшился издать систему философіи на своемъ родномъ языкѣ. Правда, что система эта, сама по себѣ, имѣетъ мало достоинствъ, но въ то время когда она вышла, она представляла собою нѣчто безпримѣрное и потому казалась нечестивою попыткою раскрыть тайны философіи, изложивъ ее на общепонятномъ языкѣ; въ этомъ отношеніи, она представляетъ намъ новое доказательство все большаго и большаго распространенія такого смѣлаго духа изслѣдованія, какого не знали въ прежнее время. Не удивительно поэтому, что почти въ тотъ же самый моментъ, явился во Франціи и первый систематическій опытъ историческаго скептицизма.

Система философіи Дюпле вышла въ 1602 г., а въ 1599, Ла-Поплиньеръ (La Popelinière) издалъ въ Парижѣ сочиненіе названное имъ «*Исторія Исторій*» — въ которомъ онъ критикуетъ самихъ историковъ и обозрѣваетъ произведенія ихъ съ тѣмъ скептическимъ взглядомъ, которому его вѣкъ былъ столь многимъ обязанъ. Этотъ даровитый человѣкъ

былъ также авторомъ сочиненія «*Очеркъ Новой исторіи Французовъ*», заключавшаго въ себѣ, между прочимъ, формальное опроверженіе сказки, которою такъ дорожили прежніе историки—о томъ, будто бы французская монархія была основана Франкомъ, прибывшимъ въ Галлію послѣ взятія Трои.

Безполезно было бы перечислять всѣ случаи, въ которыхъ этотъ развивающійся духъ скептицизма теперь сталъ проявляться, очищая исторію отъ всякой лжи. Я приведу еще только два или три примѣра изъ числа тѣхъ, о которыхъ мнѣ случилось читать. Въ 1614 году, Де-Рюби (De Rubis) издалъ въ Ліонѣ сочиненіе о европейскихъ монархіяхъ, въ которомъ онъ не только опровергаетъ давно установившееся мнѣніе о происхожденіи Французовъ отъ Франка, но даже смѣло утверждаетъ, что имя Франковъ происходитъ отъ свободы, которою они издревле пользовались. Въ 1620 г. Гомбервилль (Gomberville), въ исторической диссертаціи, опровергаетъ многія изъ пустыхъ сказокъ о древности происхожденіи Французовъ, сказокъ, бывшихъ до того времени въ большомъ ходу. Въ 1630 г. Берто (Berthault) издалъ въ въ Парижѣ свое сочиненіе «*Французскій Флоръ*», въ которомъ онъ окончательно уничтожаетъ прежній взглядъ, принявъ за основное начало, что происхожденіе Французовъ слѣдуетъ искать только въ тѣхъ странахъ, гдѣ застали ихъ Римляне.

Впрочемъ, какъ эти произведенія, такъ и всѣ другія, подобныя имъ, совершенно затмила «*Исторія Франціи*» Мезерэ (Mézeray), первая часть которой была издана въ 1643, а послѣдняя въ 1651 году. Можетъ быть, не совсѣмъ будетъ справедливо относительно предшественниковъ Мезерэ, если мы назовемъ его первымъ истиннымъ историкомъ Франціи, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что его сочиненіе несравненно выше всѣхъ, какія только были до тѣхъ поръ извѣстны. Языкъ Мезерэ удивительно чистъ и энергиченъ, а по временамъ достигаетъ даже значительной степени краснорѣчія.

Кромѣ того, онъ имѣетъ два другихъ, еще болѣе важныхъ, достоинства. Первое изъ нихъ есть нежеланіе вѣрить страннымъ вещамъ потому только, что имъ до тѣхъ поръ вѣрили, а второе — расположеніе принимать скорѣе сторону народа, чѣмъ сторону его повелителей. Изъ этихъ двухъ принциповъ, первый былъ слишкомъ обыкновененъ между наиболѣе даровитыми Французами того времени, чтобы привлечь большое вниманіе; но второй далъ Мезерэ возможность сдѣлать важный шагъ впередъ всѣхъ своихъ современниковъ. Онъ первый изъ Французовъ отвергъ, въ обширномъ историческомъ сочиненіи, то суевѣрное благоговѣніе передъ королевскою властью, которое такъ долго, до него, смущало умы его соотечественниковъ, и даже сохранялось въ нихъ еще цѣлое столѣтіе. Естественнымъ послѣдствіемъ этого являлось то, что онъ также первый понялъ, что исторія, чтобы имѣть истинную цѣну, должна быть исторіей не однихъ королей, но и народовъ. Ясное сознаніе этого принципа привело къ тому, что онъ включилъ въ свою книгу свѣденія о нѣкоторыхъ такихъ предметахъ, которыхъ до того времени никто и не думалъ изучать. Онъ сообщаетъ намъ все, что только могъ узнать о податяхъ, взимавшихся съ народа, о страданіяхъ, причиненныхъ ему грабительствомъ его правителей, о его нравахъ, удобствахъ жизни и даже о состояніи городовъ, въ которыхъ онъ обиталъ — словомъ сказать, онъ говоритъ обо всемъ, что касалось интересовъ Французской націи, такъ же какъ и о вещахъ относящихся къ интересамъ Французской монархіи. Эти-то предметы Мезерэ предпочиталъ всѣмъ ничтожнымъ подробностямъ о великолѣпіи дворовъ и образѣ жизни королей. Таковы были важныя и многостороннія данныя, на которыхъ онъ любилъ останавливаться и о которыхъ онъ охотно говорилъ, конечно не съ тою полнотою, какой мы могли бы желать, но всетаки въ такомъ духѣ и съ такою точностью, которые даютъ ему право считаться величай-

шимъ изъ историковъ, какихъ имѣла Франція до восемнадцатаго столѣтія.

Это составляетъ, во многихъ отношеніяхъ, самую важную изъ перемѣнъ, произведенныхъ, до того времени, въ образѣ писанія исторіи. Если бы планъ, задуманный Мезерэ, былъ выполненъ его преемниками, то мы имѣли бы матеріалы, отсутствіе которыхъ никакія новѣйшія изысканія не могутъ восполнить. Правда, что нѣкоторыхъ свѣденій мы въ этомъ случаѣ лишились бы: мы менѣе знали бы, чѣмъ теперь, о дворахъ и лагеряхъ, менѣе слыхали бы о несравненной красотѣ французскихъ королевъ и о величественныхъ манерахъ королей. Мы даже можетъ быть потеряли бы нѣкоторыя изъ драгоцѣнныхъ звеньевъ той цѣпи фактовъ, которою опредѣляется генеалогія королей и аристократовъ, и изученіе которой доставляетъ такое наслажденіе антикваріямъ и спеціалистамъ геральдики. Но зато, съ другой стороны, мы имѣли возможность судить о положеніи французской націи во второй половинѣ семнадцатаго вѣка, между тѣмъ какъ, при настоящемъ ходѣ дѣлъ, наши свѣденія о бытѣ самаго народа, въ этотъ важный періодъ, менѣе точны и менѣе обширны, чѣмъ тѣ, которыя мы имѣемъ о нѣкоторыхъ изъ самыхъ дикихъ племенъ въ мірѣ. Если бы примѣру Мезерэ послѣдовали другіе, при тѣхъ новыхъ средствахъ, какія представлялись бы по мѣрѣ того, какъ все подвигается впередъ, то мы не только въ состояніи были бы съ точностью прослѣдить развитіе великой и цивилизованной націи, но имѣли бы, кромѣ того, матеріалы для вывода или повѣрки тѣхъ основныхъ началъ, открытіе которыхъ и составляетъ истинную цѣль исторіи.

Но этому не было суждено осуществиться. Къ несчастію для всѣхъ интересовъ просвѣщенія, ходъ французской цивилизаціи въ это время былъ внезапно остановленъ. Въ самомъ началѣ второй половины семнадцатаго столѣтія, произошла во Франціи прискорбная перемѣна, давшая новый оборотъ всей судьбѣ этой страны. Реакція, которой подвергся духъ

изслѣдованія, и умственныя и соціальныя условія, приведшія Фронду къ преждевременному концу и тѣмъ проложившія путь Людовику XIV, были описаны въ одномъ изъ предшествовавшихъ отдѣловъ настоящаго тома, гдѣ я старался очертить всѣ послѣдствія этого гибельнаго переворота. Теперь остается мнѣ показать, въ какой мѣрѣ эта ретроградная тенденція мѣшала развитію исторической литературы и препятствовала писателямъ не только добросовѣстно описывать то, что совершалось вокругъ нихъ, но даже вѣрно понимать событія предшествовавшихъ временъ.

Люди, даже самымъ поверхностнымъ образомъ изучавшіе французскую литературу, должны были удивляться тому, какъ мало явилось историковъ въ тотъ долгій періодъ времени, когда бразды правленія были въ рукахъ Людовика XIV. Это въ значительной степени зависѣло отъ свойствъ короля. Онъ былъ воспитанъ съ непростительною небрежностью, и такъ какъ онъ никогда не имѣлъ достаточно силы воли, чтобы восполнить недостатки своего воспитанія, то остался на цѣлую жизнь невѣждою во многихъ такихъ вещахъ, съ которыми бывали обыкновенно коротко знакомы даже монархи. О событіяхъ прошедшихъ временъ онъ буквально ничего не зналъ, и изъ всей исторіи интересовался только исторіею своихъ подвиговъ. Въ свободномъ народѣ, такое равнодушіе со стороны государя никогда не могло бы произвести вредныхъ послѣдствій. Дѣйствительно, какъ мы уже видѣли, въ высоко образованной странѣ, отсутствіе покровительства со стороны монарха составляетъ самое благопріятное увловіе для литературы; но при вступленіи на престолъ Людовика XIV, свобода во Франціи была еще слишкомъ новымъ явленіемъ и привычка къ самостоятельному мышленію не довольно еще утвердилась, чтобы дать націи возможность противостоять направленному противъ нея союзу королевской власти съ церковью. Французы, становясь съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе раболѣпными, пали наконецъ такъ низко, что

къ концу семнадцатаго столѣтія, даже какъ будто бы потеряли всякое желаніе сопротивляться. Король, не встрѣчая нигдѣ оппозиціи, старался пріобрѣсти такую же власть надъ умственными силами страны, какою онъ пользовался въ управленіи ею. По всѣмъ великимъ вопросамъ религіи и политики, духъ изслѣдованія былъ подавленъ, и никому не позволялось выразить мнѣніе, неблагопріятное для настоящаго порядка вещей. Такъ какъ король былъ расположенъ тратить деньги на литературу, то онъ, естественнымъ образомъ, считалъ себя въ правѣ требовать отъ нея всякихъ услугъ. Писатели, которыхъ онъ кормилъ, не должны были возвышать голосъ противъ его полити. Они получали отъ него жалованье и обязаны были творить волю того, который имъ платилъ. Когда Людовикъ принялъ управленіе государствомъ, Мезерэ былъ еще живъ, но едвали нужно говорить, что великій трудъ его былъ изданъ прежде, чѣмъ система покровительства и опеки была введена въ дѣйствіе. То, что случилось съ этимъ великимъ историкомъ Франціи, можетъ служить образцомъ вновь наступившаго порядка вещей. Онъ сперва получалъ отъ казны пенсію въ четыре тысячи франковъ, но когда издалъ въ 1663 г., сокращеніе своей исторіи, то ему было замѣчено, что нѣкоторыя изъ воззрѣній его на возвышеніе податей могутъ возбудить неудовольствіе высоко стоящихъ лицъ. Но какъ въ скоромъ времени оказалось, что Мезерэ былъ слишкомъ честенъ и слишкомъ безстрашенъ, чтобы отречься отъ того, что онъ написалъ, то рѣшено было прибѣгнуть къ устрашенію, и у него отняли половину его пенсіи; а когда эта мѣра не произвела надлежащаго дѣйствія, то отдано было другое приказаніе, которымъ лишили Мезерэ и остальной половины пенсіи, и такимъ образомъ, въ самомъ началѣ этого вреднаго царствованія, уже подапъ былъ примѣръ наказанія человѣка за то, что онъ честно писалъ о такомъ предметѣ, въ которомъ,

скорѣе чѣмъ во всякомъ другомъ, честность составляетъ самое существенное условіе.

Этотъ поступокъ ясно показываетъ намъ, чего могли ожидать историки отъ правительства Людовика XIV. Нѣсколько лѣтъ спустя, королю представился другой случай выказать то же самое направленіе. Наставникомъ къ внуку Людовика былъ назначенъ Фенелонъ, твердость и благоразуміе котораго много содѣйствовали къ исправленію молодого принца отъ тѣхъ пороковъ, которые довольно рано проявились въ немъ. Но достаточно было одного обстоятельства, чтобы перевѣсить въ глазахъ короля огромную услугу, которую Фенелонъ оказывалъ королевской фамиліи и которую онъ, если бы питомецъ его достигъ престола, оказалъ бы въ будущемъ всей Франціи. Знаменитый романъ его, *Телемакъ*, былъ изданъ 1699 г. и, какъ видно, безъ его согласія; но король подозрѣвалъ, что подъ покровомъ вымысла, Фенелонъ имѣлъ намѣреніе осуждать дѣйствія его правительства. Тщетно авторъ защищался противъ такого опаснаго обвиненія. Ничто не могло смягчить негодованіе короля. Онъ удалилъ Фенелана и никогда болѣе не соглашался допустить въ свое присутствіе такого человѣка, котораго онъ подозрѣвалъ бы хотя въ малѣйшемъ намекѣ на критику мѣръ, принятыхъ администраціею страны.

Если король могъ, по одному подозрѣнію, поступить такимъ образомъ съ великимъ писателемъ, носившимъ званіе архіепископа и пользовавшимся репутаціею святаго человѣка, то мало было вѣроятности, чтобы онъ сталъ поступать мягче съ людьми, стоящими ниже. Въ 1681 г., аббата Прими (Primi), италіанца жившаго въ то время въ Парижѣ, убѣдили написать исторію Людовика XIV. Король, восхищенный надеждою увѣковѣчить свою славу, пожаловалъ автору нѣсколько наградъ, и сдѣлано было условіе, что сочиненіе Прими будетъ написано по италіански и немедленно переведено на французскій языкъ. Но когда исторія эта появилась, то въ ней оказалось нѣсколько такихъ обстоятельствъ, кото-

рыхъ, по мнѣнію короля, не должно было разглашать. На этомъ основаніи, Людовикъ приказалъ книгу запретить, отобрать у автора всѣ бумаги, а его самого заключить въ Бастилію. То было дѣйствительно опасное время для людей съ независимымъ образомъ мыслей, время, когда ни одинъ авторъ, пишущій о политикѣ или религіи, не могъ считать себя безопаснымъ, если только онъ не слѣдовалъ вполнѣ тогдашней модѣ — отстаивать всѣ тѣ мнѣнія, которыхъ держались дворъ и церковь. Король, отличавшійся неутолимою жаждою къ тому, что онъ называлъ славою, старался унизить современныхъ историковъ до значенія простыхъ лѣтописцевъ, исключительно занимающихся описаніемъ его подвиговъ. Онъ приказалъ Расину и Буало написать исторію его царствованія, назначилъ имъ содержаніе и обѣщалъ снабдить ихъ нужными матеріалами. Но даже Расинъ и Буало, при всемъ томъ, что они были поэты, знали, что имъ не удастся удовлетворить болѣзненно развитому тщеславію короля; поэтому они только получали пенсію, а о томъ сочиненіи, за которое она была назначена, и не думали. Такъ было извѣстно нерасположеніе даровитыхъ людей заниматься исторіею, что признано было необходимымъ прибѣгнуть къ вербованію литераторовъ въ чужихъ краяхъ. Мы только что разсказали случай съ аббатомъ Прими, который былъ Италіанецъ. Годомъ позже, такое же предложеніе сдѣлано было Англичанину. Въ 1683 г., посѣтилъ Францію Бёрнетъ и ему дали понять, что онъ можетъ получить пенсію и даже удостоится чести говорить съ самимъ Людовикомъ, если только согласится написать исторію дѣяній короля, исторію, которая говорила бы «въ пользу» этого государя.

Не удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ, исторія, въ самомъ существенномъ отношеніи, быстро падала, въ управленіе Людовика XIV. Она сдѣлалась, какъ полагаютъ нѣкоторые, болѣе изящна, но положительно утратила свою силу. Языкъ, которымъ она выражалась, былъ весьма тща-

тельно обработанъ, періоды были красиво расположены, эпитеты изящны и благозвучны. То былъ вѣкъ утонченной вѣжливости и услужливости,—вѣкъ вполнѣ проникнутый почтительностью, чувствомъ долга и готовностью платить дань удивленія. Въ исторіи, какъ ее тогда писали, каждый король являлся героемъ и каждый епископъ—святымъ угодникомъ. Обо всѣхъ горькихъ остинахъ умалчивалось; ничего рѣзкаго и непріятнаго не считалось нужнымъ высказывать. Эти скромныя и покорныя воззрѣнія, будучи выражены легкимъ и плавнымъ слогомъ, придавали исторіи тотъ видъ утонченнаго изящества и ту тихую, безобидную поступь, которые доставили ей популярность во всѣхъ сословіяхъ, которымъ она льстила. Но пріобрѣтая эту изящную форму, она теряла свою жизненную силу. Въ ней не стало самостоятельности, не стало честности, не стало смѣлости. Эта самая возвышенная и трудная отрасль знанія—наука о развитіи рода человѣческаго—была брошена на произволъ всякаго робкаго и пресмыкающагося ума, какой удостоилъ бы заняться ею. Явились и Буленвилле, и Даніель и Мембуръ, и Варильясъ, и Верто, и множество другихъ, которые въ царствованіе Людовика XIV всѣ признаваемы были за историковъ, между тѣмъ какъ сочиненія ихъ имѣютъ только то достоинство, что даютъ намъ возможность вполнѣ оцѣнить тотъ вѣкъ, въ которомъ подобныя произведенія вызывали похвалы, и ту систему, которой они были представителями.

Чтобы дать полное понятіе объ упадкѣ исторической литературы во Франціи, со времени Мезерэ до начала восемнадцатаго вѣка, нужно было бы представить читателю перечень всѣхъ написанныхъ въ это время историческихъ сочиненій, потому что они всѣ были проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ. Но такъ какъ это потребовало бы слишкомъ много мѣста, то вѣроятно будетъ признано достаточнымъ, если я ограничусь такими примѣрами, которые могутъ представить читателю направленіе того времени въ самомъ ясномъ видѣ. Съ

этою цѣлью я разсмотрю сочиненія двухъ историковъ, о которыхъ я еще не говорилъ. Одинъ изъ нихъ былъ извѣстенъ какъ антикварій, а другой—какъ теологъ. Оба отличались замѣчательною ученостью, а одинъ даже несомнѣнною геніальностью; слѣдовательно ихъ сочиненія заслуживаютъ особеннаго вниманія, какъ признаки умственнаго состоянія Франціи въ концѣ семнадцатаго столѣтія. Имя антикварія—Одижьѐ, а имя теолога—Боссюэтъ; по ихъ сочиненіямъ мы можемъ составить себѣ понятіе о томъ, какъ было вообще принято, въ царствованіе Людовика XIV, смотрѣть на событія минувшихъ вѣковъ.

Знаменитое сочиненіе Одижье́ о происхожденіи Французовъ было издано въ Парижѣ въ 1676 году. Несправедливо было бы отрицать, что авторъ ея былъ человѣкъ много и весьма внимательно читавшій. Но легковѣріе, предразсудки, уваженіе къ старинѣ и благоговѣніе предъ всѣмъ, что было одобрено духовенствомъ и дворомъ, ослѣпляли его до такой степени, которая въ настоящее время можетъ показаться невѣроятною; а какъ теперь, въ Англіи, вѣрно немного найдется лицъ, читавшихъ его нѣкогда знаменитую книгу, то я здѣсь представлю очеркъ главныхъ изъ проводимыхъ въ ней воззрѣній.

Изъ этого великаго произведенія мы узнаемъ, что именно черезъ 3464 года по сотвореніи міра, и за 590 лѣтъ до Р. Х., Сиговезъ, племянникъ короля Кельтовъ, въ первый разъ былъ посланъ въ Германію; люди сопровождавшіе его были, естественнымъ образомъ, путешественниками, а какъ путешествовать по германски wandeln, то отсюда и произошло имя Вандаловъ. Но Вандалы далеко уступали въ древности происхожденія Французамъ. Юпитеръ, Плутонъ и Нептунъ, которыхъ иногда считали за боговъ, были въ дѣйствительности короли Галліи. А если заглянуть нѣсколько далѣе назадъ, то станетъ очевиднымъ, что Галлъ, основатель Галліи, былъ никто иной какъ самъ

ной, такъ какъ въ тѣ времена нерѣдко одинъ и тотъ же человѣкъ имѣлъ два имени. Послѣдующая исторія Французовъ оказывается вполнѣ достойною знатности ихъ происхожденія. Александръ Великій, при всемъ упоеніи славою своихъ побѣдъ, никогда не дерзалъ напасть на Скиѳовъ, которые были поселенцами, высланными изъ Франціи. Отъ великаго народа, занявшаго Францію, произошли всѣ божества Европы, всѣ изящныя искусства и всѣ науки. Сама Англія ничто иное, какъ колонія Франціи; это должно быть ясно для всякаго, кто только обратитъ вниманіе на сходство имени Англовъ съ областью Анжу. Именно этому счастливому обстоятельству своего происхожденія, жители британскихъ острововъ обязаны тою храбростью и тѣмъ образованіемъ, которымъ они и донынѣ отличаются. Съ такою же легкостью разъясняетъ великій критикъ и нѣкоторые другіе вопросы. Такъ, по его мнѣнію, Салійскіе Франки получили свое имя отъ быстроты своего бѣга. Бретонцы— были очевидно саксонскаго племени, и даже Шотландцы, о независимости которыхъ такъ много говорили историки, были вассалами французскихъ королей. Онъ очевидно думаетъ, что никакое предположеніе не можетъ быть слишкомъ преувеличеннымъ, когда дѣло идетъ о достоинствѣ французской короны, и что трудно даже представить себѣ ея блескъ. Иные полагали, что императоры стоятъ выше французскихъ королей, но это заблужденіе невѣжественныхъ людей; ибо слово императоръ значитъ повелитель на войнѣ, тогда какъ титулъ короля подразумѣваетъ всѣ отправленія верховной власти. Слѣдовательно, если взглянуть на дѣло съ настоящей точки зрѣнія, то великій король Людовикъ XIV такой же императоръ, какъ и всѣ его предшественники, знаменитые повелители Франціи, правившіе ею въ продолженіе пятнадцати вѣковъ. Несомнѣнно также, что антихристъ, который возбуждаетъ во всѣхъ такъ много опасеній, никакъ не посмѣетъ явиться въ мірѣ, пока не рушится французская монархія. Эту мысль, говоритъ

Одижье, безполезно было бы оспаривать, потому что она подтверждается многими изъ святыхъ, и ясно высказана св. апостоломъ Павломъ, въ его второмъ посланіи къ Солунянамъ.

Какъ ни странны кажутся намъ всѣ эти вымыслы, но просвѣщенные современники Людовика XIV не находили въ нихъ ничего возмутительнаго. Дѣйствительно, Французамъ, ослѣпленнымъ блестящею обстановкою своего государя, должно было быть особенно пріятно узнать, что онъ стоитъ выше другихъ монарховъ и что не только ему предшествовалъ цѣлый рядъ императоровъ, но и онъ самъ былъ, въ сущности, императоръ. Они должны были проникнуться благоговѣніемъ, услыхавъ отъ Одижье о появленіи антихриста и о связи, существующей между этимъ важнымъ событіемъ и судьбою французской монархіи. Они должны были внимать съ благочестивымъ удивленіемъ объясненію этихъ истинъ свидѣтельствами изъ писаній отцовъ церкви и изъ посланій къ Солунянамъ. Все это они должны были легко принимать на вѣру, потому что преклоненіе передъ королемъ и благоговѣніе передъ церковью были двумя главными правилами вѣка Людовика XIV. Повиноваться и вѣрить — таковы были основныя идеи этого періода, въ которомъ процвѣтали, нѣкоторое время, изящныя искусства, въ которомъ пониманіе красоты, хотя слишкомъ своеобразное, было неоспоримо весьма тонко, въ которомъ вкусъ и воображеніе, въ низшихъ проявленіяхъ своихъ, были тщательно развиваемы, но въ которомъ, съ другой стороны, оригинальность и самостоятельность мысли были уничтожены, о самыхъ великихъ и важныхъ предметахъ было запрещено разсуждать, науки были почти заброшены, реформы и нововведенія возбуждали ненависть, всякія новыя мысли были презираемы и лица, проводившія ихъ, подвергались наказаніямъ, до тѣхъ поръ, пока наконецъ весь избытокъ умственныхъ силъ не былъ насильственно приведенъ въ состояніе безплодія и вообще вся умственная дѣятельность націи не понизилась до того уровня

безцвѣтности и однообразія, который характеризуетъ послѣднія двадцать лѣтъ царствованія Людовика XIV.

Никто не можетъ намъ служить лучшимъ примѣровъ этого реакціоннаго движенія, какъ Боссюэтъ, епископъ Мо (Meaux). Успѣхъ и даже самое появленіе его сочиненія о всеобщей исторіи, съ этой точки зрѣнія, становится въ высокой степени поучительнымъ. Разсматриваемая сама по себѣ, эта книга представляетъ печальное зрѣлище великаго дарованія, извратившагося подъ вліяніемъ суевѣрнаго вѣка. Но разсматриваемая въ отношеніи къ тому времени, когда она явилась, она составляетъ неоцѣненный признакъ тогдашняго состоянія умственныхъ силъ Франціи; мы видимъ изъ этой книги, что въ коцѣ семнадцатаго кѣка одинъ изъ самыхъ даровитыхъ людей, въ одной изъ первенствующихъ странъ Европы, могъ добровольно покориться такому униженію ума и выказать такое слѣпое легковѣріе, котораго, въ наше время, устыдились бы даже люди съ самыми слабыми способностями, и что это явленіе не только не возбудило негодованія и не навлекло на автора какихъ нибудь упрековъ, но было принято со всеобщимъ, безусловнымъ одобреніемъ. Боссюэтъ былъ великій ораторъ, превосходный діалектикъ, владѣвшій тою туманною высотою мысли, которая такъ легко дѣйствуетъ на большую часть людей. Всѣ эти качества онъ, нѣсколько лѣтъ спустя, проявилъ въ сочиненіи, составляющемъ вѣроятно самое опасное изъ всѣхъ когда либо сдѣланныхъ нападеній на протестантизмъ. Но когда, оставивъ въ сторонѣ свою спеціальность, онъ вступилъ на обширное поприще исторіи, то онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ послѣдовать, въ этомъ новомъ предметѣ, произвольнымъ воззрѣніямъ, которыми отличались люди его профессіи. Сочиненіе его составляетъ смѣлую попытку унизить исторію до степени простой послушницы теологіи. Какъ бы полагая, что въ предметахъ теологіи, сомнѣніе уже равносильно преступленію, онъ безъ малѣйшаго колебанія, принимаетъ за безуслов-

ную истину все то, чему привыкла вѣрить церковь. Это даетъ ему возможность говорить съ величайшею самоувѣренностью о событіяхъ, теряющихся въ самой отдаленной древности. Онъ знаетъ точное число лѣтъ, прошедшихъ съ того момента, когда Каинъ умертвилъ своего брата, когда земля была залита потопомъ и когда Аврааму было указано его призваніе. Время совершенія этихъ и другихъ подобныхъ имъ событій онъ опредѣляетъ съ такою точностью, что почти можно было бы подумать, что они совершились въ его время, если только не въ его глазахъ. Правда, что еврейскія книги, на которыя онъ охотно опирается, не представляютъ ни какихъ сколько нибудь цѣнныхъ свидѣтельствъ о хронологіи даже самой еврейской націи, свѣдѣнія же о другихъ націяхъ въ нихъ замѣчательно скудны и неудовлетворительны, — но такъ узокъ былъ взглядъ Боссюэта на исторію, что по его мнѣнію, все это до него нисколько не касалось. Въ текстѣ Вульгаты сказано, что такія-то дѣла совершились въ такое-то время — а извѣстное число святыхъ мужей, называющихъ себя соборомъ церкви, въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія, провозгласили подлинность Вульгаты, и взялись поставить ее выше всѣхъ другихъ переводовъ св. писанія. Это теологическое мнѣніе было принято Боссюэтомъ за историческій законъ; и такимъ образомъ рѣшеніе какой-то горсти кардиналовъ и епископовъ, жившихъ во времена грубаго суевѣрія и совершеннаго отсутствія всякой критики, составляетъ единственный авторитетъ въ подтвержденіе той хронологіи отдаленнѣйшихъ временъ, которая, своею точностью, можетъ привести въ изумленіе всякаго несвѣдущаго читателя. Точно также, наслышавшись, что Евреи народъ избранный Богомъ, Боссюэтъ, въ своей такъ называемой всеобщей исторіи, почти исключительно сосредоточиваетъ вниманіе на этомъ народѣ и говоритъ объ этомъ упрямомъ и невѣжественномъ племени въ такомъ смыслѣ, какъ будто бы оно составляло ось, вокругъ которой вращались дѣла цѣлаго міра.

По его понятіямъ, въ исторію не должны входить народы, прежде всѣхъ другихъ достигшіе цивилизаціи, народы, которымъ Евреи были обязаны и тѣми скудными познаніями, какихъ они достигли впослѣдствіи. Онъ мало говоритъ о Персахъ и еще менѣе о Египтянахъ; онъ не упоминаетъ даже о томъ несравненно болѣе великомъ народѣ, который обитаетъ между Индомъ и Гангомъ, котораго философія составила одинъ изъ элементовъ Александрійской школы, котораго утонченное мышленіе упредило всѣ усилія европейской метафизики и который на своемъ родномъ, изящно выработанномъ языкѣ излагалъ самыя высокія изслѣдованія еще въ то время, когда Евреи, оскверненные всякаго рода злодѣяніями, были лишь бродячимъ племенемъ грабителей, скитавшимся по лицу земли, племенемъ, которое на всякаго поднимало руку и на которое всякій поднималъ руку.

Переходя къ позднѣйшимъ пиріодамъ исторіи, Боссюэтъ подчиняется тѣмъ же теологическимъ увлеченіямъ. Такъ тѣсенъ его взглядъ, что онъ во всей исторіи церкви видитъ лишь участіе провидѣнія и даже не замѣчаетъ, какимъ образомъ, вопреки первоначальному плану, церковь подвергалась вліянію внѣшнихъ событій. Такъ напримѣръ, самый важный фактъ въ исторіи первыхъ измѣненій въ христіанской церкви составляло вліяніе на нее африканской отрасли Платоновой философіи. Но объ этомъ Боссюэтъ нигдѣ не упоминаетъ и у него нѣтъ даже и намека на что либо подобное. Съ видами его было согласно смотрѣть на церковь, какъ на постоянное чудо, и вслѣдствіе того онъ совершенно оставляетъ безъ вниманія самое важное событіе въ исторіи первыхъ временъ ея. Теперь перейдемъ къ нѣсколько позднѣйшимъ временамъ. Всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ ходомъ развитія европейской цивилизаціи, согласится, что не малою долею ея мы обязаны тѣмъ проблескамъ свѣта, которые, среди распространеннаго кругомъ мрака, исходили изъ двухъ великихъ центровъ—Кордовы и Багдада. Но эти проблески были

дѣломъ магометанства, а какъ Боссюэту было втолковано, что магометанство есть гибельная ересь, то онъ не могъ допустить, чтобы христіанскія націи почерпнули что нибудь изъ такого отравленнаго источника. Вслѣдствіе того, онъ ничего не говоритъ о той великой религіи, которая молвою о себѣ наполнила весь міръ; и имѣя случай упомянуть объ основателѣ ея, онъ говоритъ о немъ съ презрѣніемъ, какъ о безстыдномъ лжецѣ, на притязанія котораго не прилично даже обращать вниманіе. О великомъ учителѣ, который, между милліонами язычниковъ, распространилъ высокую истину единства Божія, Боссюэтъ говоритъ съ величайшимъ презрѣніемъ, потому что Боссюэтъ, вѣрный духу своей профессіи, не могъ найти ничего заслуживающаго удивленія въ людяхъ, которыхъ мнѣнія расходились съ его понятіями. Но когда ему представляется случай упомянуть о какомъ нибудь безвѣстномъ членѣ того сословія, къ которому онъ самъ принадлежитъ, тогда онъ расточаетъ свои похвалы съ безпредѣльною щедростью. Въ его планѣ всемірной исторіи, Магометъ оказывается недостоенъ занимать мѣсто. Онъ оставляетъ его безъ вниманія, а истинно великимъ мужемъ— мужемъ, которому родъ чловѣческій серіозно обязанъ, является у него Мартинъ епископъ Турскій. О немъ Боссюэтъ говоритъ, что безпримѣрныя дѣянія этого человѣка наполняли вселенную его славой, какъ при жизни его, такъ и послѣ смерти. Правда, что изъ пятидесяти образованныхъ людей едвали хоть одинъ когда либо слыхалъ имя Мартина, епископа Турскаго, но Мартина католическая церковь признала святымъ, слѣдовательно его права на вниманіе историка несравненно выше правъ человѣка, который, подобно Магомету, лишенъ былъ такихъ преимуществъ. Такимъ образомъ, во мнѣніи единственнаго замѣчательнаго писателя по предмету исторіи, жившаго во времена владычества Людовика XIV, самый великій человѣкъ, какого когда либо произвела Азія, и вообще одинъ изъ самыхъ великихъ

людей, какихъ видѣлъ міръ, стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже французскаго монаха, самымъ важнымъ дѣломъ котораго было построеніе монастыря и который провелъ большую часть своей жизни въ уединеніи, трепеща отъ суевѣрныхъ мечтаній, свойственныхъ его слабой натурѣ.

Такимъ узкимъ взглядомъ смотрѣлъ на великіе факты исторіи этотъ писатель, который, въ предѣлахъ своей спеціальности, обнаруживалъ самыя высокія дарованія. Подобная ограниченность взгляда была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ его стремленія объяснить сложныя явленія въ жизни человѣчества общими началами, кототыя онъ усвоилъ себѣ, при своихъ не особенно серіозныхъ занятіяхъ. Но никто не долженъ обижаться тѣмъ, что, съ чисто научной точти зрѣнія, я ставлю занятія Боссюэта нѣсколько ниже, чѣмъ ставятъ ихъ иногда другіе. Достовѣрно, что религіозные догматы во многихъ случаяхъ вліяютъ на дѣла человѣческія; но одинаково достовѣрно, что съ успѣхами цивилизаціи, это вліяніе уменьшается и что даже тогда, когда эти догматы были на самой высшей степени своей силы, существовало всетаки множество другихъ пружинъ, которыя также управляли дѣйствіями человѣчества. А какъ изученіе всей суммы этихъ пружинъ и составляетъ предметъ исторіи, то очевидно, что исторія должна стоять выше теологіи, въ такой же мѣрѣ, въ какой всякое цѣлое стоитъ выше своей части. Невниманіе къ этому простому соображенію ввело всѣхъ духовныхъ писателей, за исключеніемъ немногихъ замѣчательнѣйшихъ личностей, въ весьма серіозныя ошибки. Оно было причиною склонности ихъ пренебрегать безчисленнымъ множествомъ внѣшнихъ событій и полагать, что ходъ всѣхъ дѣлъ человѣческихъ опредѣляется такими началами, которыя одна только теологія можетъ открыть. Впрочемъ это явленія составляетъ только результатъ того общаго, въ умственномъ мірѣ, закона, по которому всѣ люди, имѣющіе какую нибудь любимую профессію, бываютъ расположены преувеличивать ея значеніе,

объяснять всѣ событія ея началами и какъ бы сквозь призму ея смотрѣть на всѣ явленія жизни. Но въ теологахъ такіе предразсудки опаснѣе, чѣмъ въ людяхъ всѣхъ другихъ профессій, потому что у нихъ однихъ они подкрѣпляются смѣлымъ допущеніемъ авторитета сверхъестественной силы, на который многіе изъ духовныхъ охотно опираются. Эти сословные увлеченія, при поддержкѣ со стороны теологическихъ догматовъ, и въ такую эпоху, какъ царствованіе Людовика XIV, могутъ служить достаточнымъ объясненіемъ тѣхъ особенностей, которыми отличается историческій трудъ Боссюэта. Притомъ, относительно этого писателя, слѣдуетъ еще замѣтить, что въ немъ общее стремленіе его сословія еще болѣе усиливалось его личными свойствами. Его умъ отличался особенною надменностью, которая безпрерывно проявлялась въ видѣ общаго презрѣнія ко всему человѣчеству. Въ то же время, его изумительное краснорѣчіе и то сильное дѣйствіе, которое оно всегда производило, служили какъ бы оправданіемъ его чрезмѣрнаго довѣрія къ своимъ силамъ. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ изъ самыхъ сильныхъ мѣстъ въ его твореніяхъ, такъ много огня, такъ много величія, свойственнаго генію, что они напоминаютъ намъ тѣ возвышенныя и пламенныя рѣчи, которыми пророки древности такъ сильно потрясали душу своихъ слушателей. Боссюэтъ, находясь, какъ онъ самъ думалъ, на высотѣ, ставившей его выше всѣхъ обыкновенныхъ человѣческихъ слабостей, любилъ укорять людей ихъ безуміемъ и издѣваться надъ всякими притязаніями ихъ генія. Все, что отзывалось смѣлостью ума, какъ бы оскорбляло его собственное превосходство. Именно эта чрезмѣрная надменность, которою онъ былъ проникнутъ, сообщаетъ его сочиненіямъ нѣкоторыя изъ ихъ самыхъ рѣзкихъ особенностей. Это побужденіе заставляло его напрягать всю свою энергію, чтобы уронить и унизить тѣ дивныя силы человѣческаго ума, которыя нерѣдко презираются людьми, не знающими ихъ, въ дѣйствительности же такъ велики, что до

сихъ поръ еще не родился человѣкъ, который могъ бы обнять ихъ во всемъ ихъ громадномъ размѣрѣ. То же самое презрѣніе къ чоловѣческому уму заставляло Боссюэта отрицать способность ума выработать самому для себя тѣ эпохи, чрезъ которыя онъ прошелъ, и такимъ образомъ вынуждало его обратиться къ догмату сверхъестественнаго вмѣшательства. То же побужденіе заставило его, въ великолѣпныхъ рѣчахъ, принадлежащихъ къ величайшимъ произведеніямъ искусства новѣйшихъ временъ, расточать всевозможныя похвалы не умственному превосходству, а исключительно военнымъ подвигамъ, прославлять завоевателей — этихъ бичей и истребителей рода человѣческаго, которые проводятъ свою жизнь въ изобрѣтеніи новыхъ способовъ умерщвлять своихъ враговъ и увеличивать бѣдствія міра. Наконецъ — спускаясь еще ниже — то же презрѣніе къ самымъ дорогимъ интересамъ человѣчества заставляло его смотрѣть съ уваженіемъ на короля, который ни во что не ставилъ всѣ эти интересы, но имѣлъ ту заслугу, что поработилъ умственныя силы Франціи и расширилъ власть того класса людей, въ которомъ самъ Боссюэтъ занималъ первое мѣсто.

Не имѣя достаточныхъ свѣденій о положенія Французовъ вообще, въ концѣ семнадцатаго столѣтія, невозможно привести въ извѣстность, на сколько подобныя понятія проникли въ образъ мыслей націи. Но, принимая въ соображеніе, до какой степени правительство поработило самый духъ націи, я расположенъ думать, что мнѣнія Боссюэта весьма нравились тому поколѣнію, къ которому онъ принадлежалъ. Впрочемъ этотъ вопросъ болѣе любопытенъ, нежели дѣйствительно важенъ: ибо не далѣе, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ, явились первые признаки того безпримѣрнаго движенія, которое не только ниспровергло политическія учрежденія Франціи, но и произвело другой болѣе прочный переворотъ во всѣхъ отрасляхъ умственной жизни націи. Въ самый моментъ смерти Людовика XIV, какъ въ литературѣ, такъ и въ политикѣ,

религіи и общественной нравственности, все созрѣло для реакціи. Матеріалы, до сихъ поръ сохраняющіеся, такъ обширны, что можно было бы съ значительною точностью прослѣдить весь ходъ этого великаго процесса, но я полагаю, что будетъ болѣе сообразно съ общимъ планомъ настоящаго введенія, если я пропущу нѣсколько посредствующихъ звеньевъ въ этой цѣпи явленій и ограничусь тѣми яркими примѣрами, въ которыхъ духъ времени проявился особенно разительно.

Дѣйствительно, есть нѣчто необыкновенное въ той перемѣнѣ въ образѣ писанія исторіи, которую успѣло произвести во Франціи одно поколѣніе. Чтобы составить себѣ понятіе объ этомъ явленіи, лучше всего сравнить сочиненія Волтера съ твореніями Боссюэта, такъ какъ оба эти великіе писатели были вѣроятно самыми даровитыми и уже безъ сомнѣнія самыми вліятельными людьми въ тѣ времена, которыхъ каждый изъ нихъ служитъ представителемъ. Первое значительное усовершенствованіе, которое мы находимъ у Волтера, сравнительно съ Боссюэтомъ, заключается въ большомъ пониманіи значенія человѣческаго ума. Къ обстоятельствамъ, уже замѣченнымъ нами, мы должны еще присовокупить то, что и самый родъ чтенія, избранный Боссюэтомъ, имѣлъ направленіе прямо противоположное развитію такого пониманія. Онъ не изучалъ тѣхъ отраслей знанія, въ которыхъ дѣйствительно сдѣланы были великія открытія, а между тѣмъ былъ хорошо знакомъ съ твореніями святыхъ и отцовъ церкви, умозрѣнія которыхъ далеко не даютъ намъ высокаго понятія о мыслящихъ способностяхъ ихъ авторовъ. Привыкнувъ, такимъ образомъ, наблюдать дѣятельность человѣческаго ума въ сочиненіяхъ, составляющихъ вообще самую незначительную изъ всѣхъ отралей европейской литературы, Боссюэтъ проникался все большимъ и большимъ презрѣніемъ къ роду человѣческому, и оно дошло наконецъ до той крайней степени, которая такъ болѣзненно поражаетъ насъ въ его послѣднихъ

твореніяхъ. Волтеръ же, который не обращалъ никакого вниманія на этого рода предметы, провелъ всю свою долгую жизнь въ постоянномъ обогащеніи себя дѣйствительными, полезными знаніями. Складомъ ума онъ принадлежалъ, по преимуществу, къ людямъ новѣйшаго времени. Презирая ничѣмъ не подкрѣпляемый авторитетъ, и не обращая ни какого вниманія на преданія, онъ посвятилъ себя изученію такихъ предметовъ, въ которыхъ побѣда человѣческаго разума слишкомъ очевидна, чтобы можно было не признать ея. Чѣмъ болѣе онъ дѣлалъ успѣховъ въ знаніяхъ, тѣмъ болѣе благоговѣлъ передъ тѣми громадными силами, которыми созданы эти знанія, По этому его уваженіе къ человѣческому разуму вообще не только не уменьшалось, но возрастало по мѣрѣ обогащенія его собственнаго ума. Въ той же самой пропорціи усиливалась въ немъ любовь къ человѣчеству и ненависть къ предразсудкамъ, такъ долго омрачавшимъ его исторію. Что таковъ именно былъ ходъ развитія его ума, въ этомъ ясно убѣдится всякій, кто сообразитъ различіе въ духѣ его отдѣльныхъ сочиненій съ различными возрастами, въ которыхъ сочиненія эти были написаны имъ.

Первымъ историческимъ сочиненіемъ Волтера была жизнь Карла XII, написанная въ 1728 г. Въ это время познанія его были еще довольно ограниченны и онъ находился подъ вліяніемъ преданій рабства, завѣщанныхъ предшествовавшимъ поколѣніемъ. Поэтому не удивительно, что онъ выражаетъ глубочайшее уваженіе къ Карлу, который, между поклонниками военной славы, всегда будетъ пользоваться извѣстностью, хотя единственною заслугою его было то, что онъ опустошилъ много земель и перебилъ множество людей. Но мы встрѣчаемъ въ историкѣ мало сочувствія къ несчастнымъ подданнымъ этого монарха, труды которыхъ поглощались содержаніемъ королевскихъ армій; нѣтъ у него также и большаго состраданія къ націямъ, раззореннымъ этимъ великимъ разрушителемъ, на всемъ протяженіи его завоеваній, отъ Швеціи

до Турціи. Восторгъ, съ которымъ Волтеръ смотрѣтъ на Карла, дѣйствительно безграниченъ. Онъ называетъ его самымъ необыкновеннымъ человѣкомъ, какого только видѣлъ міръ; объявляетъ, что это былъ государь, вполнѣ проникнутый чувствомъ чести, и наконецъ, едва порицая постыдное убійство Паткуля, разсказываетъ съ очевиднымъ восторгомъ о томъ, какъ вѣнценосный сумасбродъ, съ сорока человѣками прислуги, сопротивлялся цѣлой арміи. Точно также онъ говоритъ, что послѣ сраженія при Нарвѣ, Карлъ XII, не смотря на всѣ свои усилія, не могъ воспрепятствовать выбитію въ Стокгольмѣ медалей въ память этого событія. Между тѣмъ Волтеръ очень хорошо зналъ, что человѣкъ съ столь сумасброднымъ тщеславіемъ долженъ былъ быть весьма доволенъ такимъ памятнымъ знакомъ уваженія; кромѣ того, совершенно ясно, что если бы это ему не нравилось, медали никогда не были бы выбиты, ибо кто бы посмѣлъ, безъ всякой цѣли, оскорбить въ его собственной столицѣ, одного изъ самыхъ деспотическихъ и самыхъ мстительныхъ монарховъ въ мірѣ.

Можно было бы подумать, что образъ писанія исторіи еще не сдѣлалъ въ это время особенныхъ успѣховъ. Но даже и здѣсь мы находимъ уже одно важное улучшеніе. Въ Волтеровомъ жизнеописаніи Карла XII уже не встрѣчается тѣхъ допущеній сверхъестественнаго вмѣшательства, которыя такъ любилъ дѣлать Боссюэтъ и которыя были такъ свойственны царствованію Людовика XIV. Отсутствіемъ ихъ обозначается первый великій шагъ, совершенный французскою историческою школою въ восемнадтцатомъ вѣкѣ; ту же особенность находимъ мы и во всѣхъ послѣдующихъ историкахъ: ни одинъ изъ нихъ не прибѣгнулъ къ методу, который хотя и удобенъ для достиженія цѣлей теологіи, но гибеленъ для всякаго независимаго изслѣдованія, такъ какъ онъ не только предписываетъ изслѣдователю, какимъ путемъ онъ

долженъ идти, но даже указываетъ ему предѣлъ, на которомъ онъ обязанъ остановиться.

Что Волтеръ отступилъ отъ этого стараго метода, спустя не болѣе тринадцати лѣтъ послѣ смерти Людовика XIV, и что онъ сдѣлалъ это въ популярномъ сочиненіи, изобилующемъ опасными похожденіями, обыкновенно увлекающими умъ въ противоположную сторону, —это составляетъ уже не маловажный, съ его стороны, шагъ, и явленіе это становится еще замѣчательнѣе, если взглянуть на него въ связи съ другимъ довольно важнымъ фактомъ; а именно—что жизнеописаніе Карла XII представляетъ собою первый періодъ не только восемнадцатаго столѣтія, но и умственнаго развитія самого Волтера. Послѣ того, какъ оно было издано, этотъ великій мужъ оставилъ на время исторію и обратилъ вниманіе свое на нѣкоторые изъ самыхъ возвышенныхъ предметовъ человѣческаго мышленія: на математику, физику, юриспруденцію, на открытія Ньютона и умозрѣнія Локка. Занимаясь этими предметами, онъ ознакомился съ тѣми способностями человѣческаго ума, которыя нѣкогда проявлялись и въ его отечествѣ, но въ продолженіе владычества Людовика XIV, были почти совершенно забыты. За тѣмъ, уже съ расширившимися познаніями и изощреннымъ умомъ, онъ возвратился на великое поприще исторіи. То, какимъ образомъ онъ теперь отнесся къ своему прежнему предмету, доказываетъ совершившуюся въ немъ перемѣну. Въ 1752 г. явилось его знаменитое сочиненіе о Людовикѣ XIV; самое заглавіе его уже указываетъ намъ на процессъ, чрезъ который прошелъ умъ автора. Первое произведеніе Волтера было повѣствованіе о королѣ, а это составляетъ изображеніе вѣка. Произведеніе своей юности онъ назвалъ *Исторіею Карла XII*, а позднѣйшее сочиненіе носитъ заглавіе *Вѣкъ Людовика XIV*. Прежде онъ изображалъ личныя качества государя, теперь онъ разсматриваетъ явленія жизни цѣлаго народа. Въ самомъ введеніи къ своему сочиненію онъ объявляетъ о намѣреніи своемъ

описывать «не дѣйствія одного человѣка, а характеристику цѣлой массы людей; и съ этой точки зрѣнія, исполненіе не ниже самаго плана. Довольствуясь краткимъ очеркомъ военныхъ подвиговъ, о которыхъ съ любовью распространялся Боссюэтъ, онъ говоритъ очень подробно о всѣхъ дѣйствительно важныхъ предметахъ, которые, до его времени, вовсе не имѣли мѣста въ исторіи Франціи. У него есть глава, посвященная торговлѣ и внутреннему управленію, другая—финансамъ, третья — исторіи наукъ, и три главы — развитію изящныхъ искусствъ. Хотя Волтеръ не придавалъ большаго значенія теологическимъ спорамъ, онъ зналъ однако, что они нерѣдко играли важную роль въ дѣлахъ человѣческихъ и потому посвящаетъ нѣсколько отдѣльныхъ главъ изложенію хода дѣлъ церковныхъ въ царствованіе Людовика. Едвали нужно говорить о громадномъ превосходствѣ такой системы не только надъ узкимъ взглядомъ Боссюэта, но и надъ тѣмъ, который выразился въ первомъ историческомъ трудѣ самого Волтера. Нельзя однако не согласиться, что мы всетаки находимъ въ этомъ сочиненіи слѣды тѣхъ предразсудковъ, отъ которыхъ трудно было совсѣмъ отрѣшиться Французу, выросшему въ царствованіе Людовика XIV. Волтеръ не только слишкомъ долго останавливается на тѣхъ увеселеніяхъ и развратныхъ похожденіяхъ Людовика XIV, которыя весьма мало касаются до исторіи, но и высказываетъ очевидное расположеніе судить благопріятно о самомъ королѣ и ограждать его имя отъ заслуженнаго позора.

Но слѣдующее сочиненіе Волтера показало, что это пристрастіе съ его стороны было чисто личнымъ чувствомъ; оно не имѣло вліянія на его общія воззрѣнія, относительно того, какое мѣсто должны занимать въ исторіи дѣйствія гусударей. Четыре года спустя послѣ появленія «Вѣка Людовика XIV» онъ издалъ свой замѣчательный трактатъ *о нравственности, обычаяхъ и характерѣ націй*. Это не только одно изъ самыхъ великихъ произведеній XVIII столѣтія, но и вообще

лучшее, до сихъ поръ, сочиненіе по этому предмету. Самая уже начитанность автора, проявляющаяся въ этой книгѣ, изумляетъ насъ своею громадностью; но еще изумительнѣе то искусство, съ какимъ онъ связываетъ различные факты и дѣлаетъ такъ, что они разъясняются одинъ другимъ; онъ достигаетъ этого, иногда посредствомъ одной какой нибудь замѣтки, иногда же только посредствомъ расположенія этихъ фактовъ въ извѣстномъ порядкѣ. Дѣйствительно, даже разсматривая эту книгу только какъ произведеніе искусства, трудно было бы похвалить ее свыше мѣры, а судя о ней, какъ о проявленіи духа времени, нельзя не замѣтить, что въ ней нѣтъ ни слѣда того льстиваго преклоненія передъ королевскою властью, которое характеризовало Волтера въ молодости и которое мы находимъ во всѣхъ лучшихъ писателяхъ времени Людовика XIV. Во всемъ этомъ обширномъ и важномъ сочиненіи, великій историкъ обращаетъ весьма мало вниманія на интриги дворовъ, на перемѣны министровъ и на судьбу королей, но старается открыть и охарактеризовать различныя эпохи, чрезъ которыя послѣдовательно прошелъ родъ человѣческій. Я желаю, говоритъ онъ, написать исторію не войнъ, а общества, привести въ извѣстность, какъ люди жили внутри своихъ семействъ, и какими искусствами они наиболѣе занимались. Цѣль моя, присовокупляетъ онъ,— написать исторію человѣческаго ума, а не наборъ мелкихъ фактовъ; мнѣ нѣтъ также дѣла до исторіи могущественныхъ бароновъ, воевавшихъ съ французскими королями, но я бы желалъ знать, какимъ путемъ люди перешли отъ варварства къ цивилизаціи.

Такимъ-то образомъ Волтеръ, примѣромъ своимъ, научилъ историковъ сосредоточивать свое вниманіе на предметахъ дѣйствительной важности и пренебрегать тѣми пустыми подробностями, которыми, до тѣхъ поръ, наполняема была исторія. Что это стремленіе столько же происходило отъ духа времени, какъ и отъ личныхъ качествъ автора, это доказывается

тѣмъ, что мы находимъ точно то же направленіе и въ сочиненіяхъ Монтескіё и Тюрго, которые были конечно самыми даровитыми изъ современниковъ Волтера; оба они слѣдовали методу сходному съ его методомъ, въ томъ отношеніи, что пренебрегая изображеніями королей, дворовъ и сраженій, они ограничивались такими сторонами дѣла, которыя разъясняютъ намъ характеръ человѣчества и общій ходъ цивилизаціи. И это отступленіе отъ старой рутины сдѣлалось до такой степени популярнымъ, что вліяніе его простерлось и на другихъ историковъ, съ меньшими, но всетаки еще замѣчательными дарованіями. Въ 1755 г. Малле́ (Mallet) издалъ свое интересное и въ то время весьма цѣнное сочиненіе объ исторіи Даніи, въ которомъ онъ объявляетъ себя послѣдователемъ новой школы. Съ какой стати, говоритъ онъ, исторія должна быть перечнемъ сраженій, осадъ, интригъ и переговоровъ? Почему должна она заключать въ себѣ кучу мелкихъ фактовъ и годовъ, а не великую картину понятій, обычаевъ и даже склонностей извѣстной націи. Также и Мабли (Mably), издавшій въ 1765 г. первую часть своего знаменитаго сочиненія объ исторіи Франціи, въ предисловіи къ ней, изъявляетъ сожалѣніе о томъ, что историки пренебрегли происхожденіемъ законовъ и обычаевъ, устремивъ свое вниманіе исключительно на осады и сраженія. Слѣдуя тому же духу, Вэлли (Velly) и Вилляре (Villaret), въ своей пространной исторіи Франціи, выражаютъ сожалѣніе о томъ, что историки разсказываютъ о событіяхъ жизни государя, предпочтительно передъ событіями жизни народа, и упускаютъ изъ виду нравы и характеристику цѣлой націи, чтобы изучать дѣйствія одного человѣка. Дюкло (Duclos) также объявляетъ, что сочиненіе его есть исторія не войнъ и политическихъ событій, а людей и нравовъ, и даже — странно сказать — придворно-вѣжливый Гено (Henault) высказываетъ, что и онъ имѣлъ цѣлью изобразить законы и нравы, кото-

рые, по его словамъ, составляютъ душу или, лучше сказать, самую сущность исторіи.

Такимъ образомъ, историки начали какъ бы переносить свои труды въ другую сферу и изучать предметы, относящіеся къ тѣмъ народнымъ интересамъ, на которые великіе писатели временъ Людовика XIV даже не удостоивали обратить вниманіе. Нечего и говорить о томъ, до какой степени подобные взгляды согласовались съ общимъ духомъ восемнадцатаго вѣка, и какъ они гармонировали съ настроеніемъ людей, стремящихся отрѣшиться отъ своихъ прежнихъ предразсудковъ и подвергнуть презрѣнію то, что нѣкогда было предметомъ всеобщаго удивленія. Все это было лишь частью того громаднаго движенія, которое проложило путь революціи, подрывая старыя мнѣнія, располагая людей къ какой то подвижности, къ какому-то тревожному состоянію ума, и въ особенности, оказывая равнодушіе къ тѣмъ могущественнымъ личностямъ, на которыхъ до тѣхъ поръ смотрѣли болѣе какъ на боговъ, чѣмъ какъ на людей, и которыми теперь въ первый разъ пренебрегли самые великіе и самые популярные историки, оставляя безъ вниманія даже весьма замѣчательные подвиги ихъ, съ тѣмъ чтобы остановиться на благосостояніи народовъ и общихъ интересахъ массъ.

Но возвратимся къ тому, что было дѣйствительно сдѣлано Волтеромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ немъ это стремленіе вѣка усиливалось врожденною обширностью ума, располагавшею его къ широкимъ взглядамъ и возбуждавшею въ немъ недовольство тѣми узкими предѣлами, въ которыхъ дотолѣ была стѣснена исторія. Что бы кто ни думалъ о другихъ качествахъ Волтера, но нельзя не признать, что въ его умственной организаціи, все проявлялось въ громадныхъ размѣрахъ. Всегда готовый размышлять, всегда расположенный къ обобщенію, онъ не любилъ изучать дѣйствія отдѣльныхъ личностей, если это не могло повести къ установленію какого нибудь широкаго и прочнаго принципа, Вотъ что прі-

учило его, въ исторіи, смотрѣть главнѣйшимъ образомъ на то, какимъ путемъ шла та или другая страна, а не на то, кѣмъ она управлялась. То же направленіе проявляется и въ его менѣе серіозныхъ сочиненіяхъ. Было замѣчено, и не безъ основанія, что даже въ каждомъ изъ своихъ драматическихъ произведеній, онъ старался изобразить не столько страсти отдѣльныхъ лицъ, какъ духъ цѣлой эпохи. Въ «Магометѣ» предметомъ его является великій религіозный переворотъ, въ «Альзирѣ»—завоеваніе Америки, въ «Брутѣ» — возникновеніе могущества Рима, въ «Смерти Цезаря»—основаніе имперіи на развалинахъ этого могущества.

Эта рѣшимость смотрѣть на ходъ событій, какъ на великое, логически связанное цѣлое, привела Волтера къ нѣсколькимъ результатамъ, усвоеннымъ многими позднѣйшими писателями, которые, весьма самодовольно пользуясь ими, въ то же время бранятъ того, отъ кого они позаимствовались. Онъ былъ первый изъ историковъ, который, отвергнувъ обыкновенный способъ изслѣдованія, попытался, посредствомъ широкихъ общихъ воззрѣній, объяснить причины возникновенія феодализма; указаніемъ же на нѣкоторыя изъ причинъ упадка этого учрежденія въ четырнадцатомъ столѣтіи, онъ положилъ основаніе философской оцѣнкѣ этого важнаго явленія. Онъ же сдѣлалъ одно глубокое замѣчаніе, впослѣдствіи принятое Констаномъ (Constant) о томъ, что непристойные, повидимому, религіозные обряды не имѣютъ ничего общаго съ развратомъ въ народныхъ нравахъ. Еще одно замѣчаніе его, только отчасти принятое въ соображеніе писателями, занимавшимися церковною исторіею, исполнено поучительности. Онъ говоритъ, что одна изъ причинъ, по которымъ римскіе епископы значительно превосходили вліяніемъ своимъ восточныхъ патріарховъ, заключалась въ особенной гибкости греческаго ума. Почти всѣ ереси возникли на востокѣ, и ни одинъ изъ папъ, за исключеніемъ Гонорія I-го, не принялъ такой системы, которая была бы осуждена церковью. Это

придало папской власти такую цѣлость и прочность, которой патріаршій престолъ никогда не могъ достигнуть; и такимъ образомъ, римскіе папы обязаны частью своего авторитета первобытной тупости европейской фантазіи.

Невозможно было бы перечислить всѣ оригинальныя замѣтки Волтера, которыя, въ то время, когда онъ высказалъ ихъ, оспаривались какъ опасные парадоксы, а теперь всѣми оцѣнены, какъ глубокія истины. Онъ былъ первый историкъ, стоявшій за полную свободу торговли, и хотя онъ выражается съ большою осторожностью, но уже самое выраженіе такой идеи въ популярной исторіи составляетъ эпоху въ умственномъ развитіи Франціи. Онъ первый вывелъ важное различіе между умноженіемъ населенія и увеличеніемъ средствъ къ пропитанію,—выводъ, которому такъ много обязана политическая экономія, и который черезъ нѣсколько лѣтъ былъ усвоенъ Тоунзендомъ, а потомъ принятъ Мальтусомъ за основаніе его знаменитаго сочиненія. Къ заслугамъ Волтера относится еще и то, что онъ первый разсѣялъ то дѣтское очарованіе, съ которымъ до тѣхъ поръ смотрѣли на средніе вѣка—очарованіе, созданное тѣми бездарными, хотя и учеными, писателями, которые были въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ главными изслѣдователями исторіи древнѣйшихъ временъ Европы. Эти трудолюбивые компиляторы собрали обширные матеріалы, которыми Волтеръ превосходно воспользовался, чтобы опровергнуть заключенія, выведенныя этими самыми авторами. Въ сочиненіяхъ его, средніе вѣка въ первый разъ представлены такими, какими они были въ дѣйствительности—временемъ невѣжества, жестокости и разврата, временемъ, въ которое нарушенныя права не возстановлялись, преступленія оставались безнаказанными, суевѣріе не было изобличаемо. Есть какъ будто бы нѣкоторое основаніе замѣтить, что въ начертаніи этой картины Волтеръ уклонился въ противоположную крайность, не отдавъ должной справедливости заслугамъ истинно великихъ людей, являвшихся тамъ

и сямъ, съ большими промежутками, подобно одинокимъ маякамъ, свѣтъ которыхъ только дѣлалъ еще болѣе замѣтнымъ окружающій ихъ мракъ. Но отдѣливъ отъ воззрѣній Волтера на средніе вѣка все, что слѣдуетъ отнести на долю преувеличеній, необходимо вызываемыхъ всякою реакціею во мнѣніяхъ, можно все таки съ достовѣрностью сказать, что взглядъ его на этотъ періодъ не только гораздо вѣрнѣе взгляда кого бы то ни было изъ предшествовавшихъ писателей, но даже правильнѣе того мнѣнія, какое можно составить себѣ изъ позднѣйшихъ компиляцій, которыми мы обязаны трудамъ новѣйшихъ антикваріевъ— эти послѣдніе принадлежатъ къ породѣ простыхъ тружениковъ, которые восхищаются прошедшимъ, потому что не знаютъ настоящаго и, роясь почти весь свой вѣкъ въ пыли забытыхъ рукописей, думаютъ, что съ жалкими средствами своей ограниченной учености, они могутъ умствовать о дѣлахъ человѣчества, могутъ писать исторію различныхъ періодовъ и даже присуждать каждому изъ нихъ заслуженную похвалу.

Противъ подобныхъ писателей постоянно воевалъ Волтеръ, и никто столько не содѣйствовалъ къ уменьшенію того вліянія, которое они нѣкогда имѣли даже на самыя высшія отрасли знанія. Былъ и другой еще разрядъ диктаторовъ, авторитетъ которыхъ также удалось ослабить этому великому писателю—это именно старинная корпорація знатоковъ и комментаторовъ классической древности, которые, съ половины четырнадцатаго столѣтія до начала восемнадцатаго, были главными распредѣлителями исторической славы и пользовались особеннымъ уваженіемъ, слывя за самыхъ замѣчательныхъ людей, какихъ производила когда либо Европа. Первыя сильныя нападенія на нихъ были сдѣланы въ концѣ семнадцатаго вѣка, когда возникло два важныхъ спора, о которыхъ я буду говорить далѣе—одинъ во Франціи, другой въ Англіи—и которыми было въ значительной степени потрясено ихъ могущество. Но двумя самыми страшными противниками ихъ

были, безъ всякаго сомнѣнія, Локкъ и Волтеръ. Огромная услуга, которую оказалъ Локкъ, ослабивъ значеніе старой классической школы, будетъ разсмотрѣна въ другой части этого сочиненія; въ настоящее же время мы должны только прослѣдить то, что сдѣлано было Волтеромъ.

Авторитетъ, которымъ пользовались эти великіе знатоки классической древности, основанъ былъ не только на даровитости ихъ, которая неопровержима, но и на предполагавшейся особой важности ихъ занятій. Вообще полагали, что древняя исторія имѣетъ какое-то существенное превосходство передъ новою, а разъ допустили эту мысль, то изъ нея, естественнымъ образомъ, вытекало, что лица, занимающіяся первою, заслуживаютъ гораздо большей похвалы, чѣмъ тѣ, которые разработываютъ вторую, и что когда, напримѣръ, Французъ напишетъ исторію какой нибудь греческой республики, то онъ этимъ докажетъ болѣе возвышенный складъ ума, чѣмъ когда бы онъ написалъ исторію своего отечества. Этотъ странный предразсудокъ нѣсколько вѣковъ переходилъ изъ рода въ родъ—люди принимали его, какъ наслѣдіе своихъ отцовъ, противъ котораго возставать было бы почти святотатствомъ. Вотъ почему немногіе дѣйствительно даровитые люди между писателями, занимавшимися исторіею, посвящали себя главнымъ образомъ изученію древнихъ временъ, или, обращаясь даже къ новѣйшимъ временамъ, смотрѣли на свой предметъ не съ точки зрѣнія современныхъ имъ идей, а примѣняясь къ идеямъ, которыхъ они набрались, предаваясь своимъ любимымъ занятіямъ—изученію древности. Это смѣшеніе нормальнаго мѣрила одного времени съ мѣриломъ другаго произвело двоякое зло. Историки, принявъ такой образъ дѣйствія, повредили оригинальности своего собственнаго ума, а что еще хуже, подали дурной примѣръ литературѣ своего отечества. Каждая великая нація имѣетъ образъ выраженія и образъ мыслей, который свойственъ ей одной, и съ которымъ тѣсно связаны всѣ ея сочувствія. Ввести какой нибудь ино-

странный образецъ для подражанія, какъ бы онъ ни былъ прекрасенъ, значитъ нарушить эту связь и повредить значенію литературы, ограничивъ кругъ ея дѣйствія. Такимъ путемъ можетъ пожалуй утончиться вкусъ, но самородная сила литературы непремѣнно ослабѣетъ. Даже въ самомъ утонченіи вкуса очень можно усомниться, при видѣ того, что было въ нашемъ отечествѣ, гдѣ великіе знатоки классической древности изуродовали народный языкъ примѣсью такого нелѣпаго жаргона, что простому человѣку трудно даже замѣтить то, собственно, отсутствіе идей, которое они стараются скрыть подъ своимъ варварскимъ, разнокалибернымъ нарѣчіемъ. Какъ бы то ни было, но можно достовѣрно сказать, что всякое племя, заслуживающее названія націи, имѣетъ въ своемъ собственномъ языкѣ весьма достаточныя средства для выраженія самыхъ высшихъ понятій, какія только оно можетъ себѣ составить, и хотя въ изложеніи предметовъ научныхъ можетъ быть полезно сочинять такія слова, которыя легче понимались бы въ другихъ странахъ, но во всякомъ другомъ изложеніи, малѣйшее отступленіе отъ роднаго языка составляетъ важный проступокъ. Еще большій проступокъ составляетъ то, когда кто вводитъ такія понятія и такія мѣрила для дѣйствій, которыя годились, можетъ быть, въ прежнія времена, но теперь далеко остались позади всеобщаго движенія впередъ и не возбуждаютъ въ насъ собственно никакого сочувствія, хотя и представляютъ можетъ быть тотъ болѣзненный, искусственный интересъ, который еще ухитряются создавать для нихъ классическіе предразсудки первоначальнаго воспитанія.

Противъ этихъ именно золъ и началъ борьбу Волтеръ. Остроуміе тѣхъ насмѣшекъ, съ которыми онъ напалъ на замечтавшихся ученыхъ своего времени, можетъ быть оцѣнено только людьми, изучавшими его творенія. Впрочемъ нельзя сказать, какъ утверждали нѣкоторые, чтобы онъ употреблялъ это оружіе въ замѣнъ доказательствъ, и еще менѣе, чтобы

онъ дѣлалъ изъ насмѣшки пробный камень истины. Никто не разсуждалъ правильнѣе, чѣмъ разсуждалъ Волтеръ, когда онъ видѣлъ, что разсужденія могутъ привести его къ цѣли. Но въ настоящемъ случаѣ, онъ имѣлъ дѣло съ людьми, противъ которыхъ ничего нельзя было сдѣлать разсужденіями— людьми, у которыхъ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго уваженія къ древности, осталось въ головѣ только двѣ идеи, а именно: что все старое хорошо, а все новое дурно. Разубѣждать въ такихъ мнѣніяхъ, посредствомъ разсужденій, было бы дѣйствительно безполезнымъ трудомъ; оставалось одно—сдѣлать эти мнѣнія смѣшными и ослабить ихъ вліяніе, возбудивъ презрѣніе къ представителямъ ихъ. Это было одною изъ задачъ, которыя, задалъ себѣ Волтеръ, и онъ разрѣшилъ ее превосходно. Слѣдовательно онъ употребилъ насмѣшку не какъ пробный камень истины, а какъ бичъ для тупоумія. И съ такимъ успѣхомъ прилагалъ онъ это наказаніе, что не только педанты и теологи его времени глубоко чувствовали его удары, но даже преемники ихъ не могутъ безъ боли читать его язвительныя слова, и удовлетворяютъ своей потребности мщенія тѣмъ, что поносятъ память великаго писателя, сочиненія котораго составляютъ для нихъ вѣчный укоръ, а самое имя—предметъ нескрываемой ненависти.

Эти два разряда людей имѣютъ дѣйствительно довольно причинъ для той ненависти, съ которою они до сихъ поръ смотрятъ на самаго великаго изъ Французовъ, жившихъ въ восемнадцетомъ столѣтіи. Волтеръ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ кто либо для того, чтобы подрыть самыя основы могущества духовенства и уничтожить преобладаніе спеціалистовъ классической древности. Здѣсь не мѣсто обсуждать тѣ теологическія мнѣнія, противъ которыхъ онъ возставалъ, но о мнѣніяхъ относительно предметовъ классической древности можно себѣ составить понятіе, разсмотрѣвъ нѣсколько фактовъ, занесенныхъ древними въ исторію, и бывшихъ, до появленія

Вольтера, предметомъ безусловной вѣры со стороны новѣйшихъ ученыхъ, а по ихъ слѣдамъ, и всего общества.

Всѣ вѣрили, напримѣръ, что нѣкогда Марсъ изнасиловалъ дѣвушку и что плодомъ этой связи было рожденіе Ромула и Рема; что ихъ предполагалось умертвить, но къ счастію, они были спасены заботливостью волчицы и дятла: первая вскормила ихъ своимъ молокомъ, а послѣдній оберегалъ ихъ отъ насѣкомыхъ. Вѣрили еще и тому, что Ромулъ и Ремъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, рѣшились построить городъ и что, по присоединеніи къ нимъ потомковъ Троянскихъ воиновъ, имъ удалось воздвигнуть Римъ; что обоихъ братьевъ постигла безвременная кончина: Ремъ былъ убитъ, а Ромулъ взятъ на небеса своимъ отцомъ, спустившимся для этого на землю среди бури. Далѣе, великіе ученые разсказывали о нѣсколькихъ другихъ царяхъ. Самымъ замѣчательнымъ между ними былъ Нума, сообщавшійся съ своею женою исключительно въ одной священной рощѣ. Еще царствовалъ въ Римѣ Туллъ Гостилій, который оскорбивъ жрецовъ, погибъ отъ гнѣва ихъ—онъ былъ убитъ молніей и смерти его предшествовала моровая язва. Потомъ царствовалъ нѣкій Сервій Туллій, будущее величіе котораго предвозвѣщено было тѣмъ, что около головы его, когда онъ спалъ въ колыбели, появилось пламя. При такихъ чудесахъ, нарушеніе обыкновенныхъ законовъ смертности человѣческой должно было казаться безделицей, и вслѣдствіе того насъ увѣряли, что невѣжественные варвары—первые Римляне—провели двѣсти пятьдесятъ лѣтъ подъ управленіемъ семи только царей, которые всѣ были избраны въ цвѣтущихъ лѣтахъ, и притомъ одинъ изъ нихъ изгнанъ, а трое другихъ умерщвлены.

Вотъ нѣсколько изъ тѣхъ пустыхъ сказокъ, которыя доставляли столько удовольствія великимъ ученымъ и которыя, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, считались существенною частью лѣтописей Римской имперіи. Дѣйствительно, легковѣріе людей, по отношенію къ этимъ сказкамъ, было такъ

всеобще, что пока онѣ не были опровергнуты Волтеромъ, было только четыре писателя, осмѣлившихся открыто нападать на нихъ. Имена этихъ смѣлыхъ нововводителей: Клуверій (Cluverius), Перизоній (Perizonius), Пульи (Pouilly) и Бофоръ (Beaufort), но никому изъ нихъ не удалось подѣйствовать на общественное мнѣніе. Сочиненія Клуверія и Перизонія, написанныя по-латынѣ, обращались исключительно къ такому разряду читателей, которые, будучи ослѣплены любовью къ древности, не хотѣли и слушать ничего такого, что могло ослабить значеніе ея исторіи. Пульи и Бофоръ писали по-французски; оба они, и въ особенности Бофоръ, были люди съ значительнымъ дарованіемъ, но способности ихъ были не довольно многосторонни, чтобы дать имъ возможность уничтожить предразсудки, пользовавшіеся такою сильною опорою, и взлелѣянные воспитаніемъ нѣсколькихъ поколѣній.

Такимъ образомъ, заслуга Волтера, въ дѣлѣ очищенія исторіи отъ этихъ глупыхъ выдумокъ, заключается не въ томъ, что онъ первый сталъ опровергать ихъ, а въ томъ, что онъ первый опровергалъ ихъ съ успѣхомъ; и это потому, что онъ первый примѣшалъ къ доказательствамъ насмѣшку и, такимъ образомъ, не только нападалъ на самую систему, но и ослаблялъ авторитетъ тѣхъ, которые поддерживали ее. Его иронія, его остроуміе, его ѣдкіе, всепоражающіе сарказмы подѣйствовали болѣе, чѣмъ могли бы подѣйствовать самые серіозные аргументы; и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ имѣлъ полное право употреблять въ дѣло могущественныя средства, данныя ему природою, такъ какъ съ помощію ихъ онъ дѣйствовалъ въ пользу интересовъ истины и освобождалъ людей отъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ закоснѣлыхъ предразсудковъ.

Не должно однако думать, чтобы насмѣшка была единственнымъ средствомъ, которое употреблялъ Волтеръ для достиженія этой важной цѣли. Напротивъ того, я могу поло-

жительно сказать, по тщательномъ сравненіи его съ Нибуромъ, что самые рѣшительные аргументы, представленные послѣднимъ противъ первоначальной исторіи Рима, были всѣ сперва высказаны Волтеромъ, въ сочиненіяхъ котораго и можетъ найти ихъ всякій, кто только дастъ себѣ трудъ прочитать эти сочиненія, вмѣсто того, чтобы невѣжественно бранить ихъ автора. Не входя въ безполезныя подробности, достаточно будетъ замѣтить, что среди множества весьма умныхъ и ученыхъ доказательствъ, Нибуръ высказалъ нѣсколько такихъ взглядовъ, которыми позднѣйшіе критики остались недовольны, но что въ основаніи его исторіи есть три—и только три-принципа, не подлежащихъ никакому опровер̀женію. Принципы эти суть: I, что вслѣдствіе неизбѣжной примѣси сказочнаго элемента къ преданіямъ всякаго необразованнаго народа, никакая нація не можетъ имѣть достовѣрныхъ свѣденій о своемъ происхожденіи; II, что даже тѣ ранніе историческіе источники, которые могли бы существовать у Римлянъ, должны были быть уничтожены, прежде чѣмъ могли войти въ составъ правильной исторіи; и III, что церемоніи, установленныя въ память какихъ либо событій, будто бы совершившихся въ прежнія времена, составляютъ доказательство не того, чтобы эти событія дѣйствительно совершились, а только того, что народъ вѣрилъ въ совершеніе ихъ. Все зданіе первоначальной исторіи Рима разомъ рушилось, какъ только къ нему были приложены эти три принципа; и всего замѣчательнѣе то, что не только всѣ эти принципы выведены Волтеромъ, но у него ясно указано также и примѣненіе ихъ къ Римской исторіи. Онъ говоритъ, что ни одинъ народъ не знаетъ своего происхожденія и что слѣдовательно всякая первобытная исторія есть непремѣнно ничто иное, какъ выдумка.

Далѣе онъ замѣчаетъ, что и тѣ историческія сочиненія, какія дѣйствительно были нѣкогда у Римлянъ, погибли, когда сгорѣлъ ихъ городъ, и что поэтому нельзя придавать ни-

какого вѣроятія тѣмъ несравненно позднѣйшимъ извѣстіямъ, которыя передаются намъ Титомъ Ливіемъ и другими компиляторами. А какъ множество ученыхъ занимались собраніемъ свѣденій о церемоніяхъ, установленныхъ въ память извѣстныхъ событій, и затѣмъ приводили эти свѣденія въ доказательство достовѣрности этихъ событій, то поэтому поводу Волтеръ высказываетъ одну мысль, которая теперь кажется весьма очевидною, но которую совершенно упустили изъ виду эти ученые. Онъ замѣчаетъ, что работа ихъ безполезна, такъ какъ время, къ которому относятся такія доказательства, за весьма немногими исключеніями, несравненно позже времени подтверждаемыхъ ими событій. Въ такихъ случаяхъ, существованіе того или другаго празднества или памятника доказываетъ только, что у людей было извѣстное повѣрье, а не дѣйствительность самаго событія, составляющаго предметъ этого повѣрья. Эта простая, но весьма важная мысль даже и въ настоящее время постоянно упускается изъ виду, а до восемнадцатаго вѣка, никто и не думалъ объ этомъ. Потому-то историки имѣли возможность собирать сказки, которымъ всѣ вѣрили безъ разсужденія: въ то время совершенно забывали, что сказки, какъ говоритъ Волтеръ, въ одномъ поколѣніи, начинаютъ распространяться, въ другомъ, окончательно утверждаются, въ третьемъ, становятся предметомъ уваженія, а въ четвертомъ въ честь ихъ уже воздвигаются храмы.

Я потому именно счелъ своею обязанностью довольно подробно поговорить объ огромныхъ услугахъ, оказанныхъ исторіи Волтеромъ, что въ Англіи существуетъ противъ него предубѣжденіе, которое можетъ быть объяснено только невѣжествомъ, или пожалуй чѣмъ нибудь еще худшимъ, а также и потому, что вообще говоря, Волтеръ едвали не лучшій изъ историковъ, какихъ произвела до сихъ поръ Европа.

Необходимо однако замѣтить, относительно умственныхъ стремленій XVIII столѣтія вообще, что въ тотъ же самый

періодъ его, подобную же широту взгляда проявляли и другіе французскіе историки; такъ въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, мы видимъ, что значительная доля того, что сдѣлано даже самыми замѣчательными людьми, должна быть отнесена на долю характера того времени, въ которомъ они жили.

Успѣху обширныхъ трудовъ Волтера, въ дѣлѣ преобразованія взгляда на исторію, весьма много содѣйствовали великія сочиненія, которыя издалъ въ то же время Монтескіё. Въ 1734 г. этотъ замѣчательный человѣкъ издалъ сочиненіе, которое можно справедливо назвать первою книгою, сообщающею намъ какія нибудь свѣденія объ истинной исторіи Рима, потому что въ ней первой, на событія древняго міра брошенъ широкій и многосторонній взглядъ. Четырнадцать лѣтъ спустя, явилось сочиненіе того же писателя «Духъ законовъ» (L'Esprit des Lois) — произведеніе, пользовавшееся большею извѣстностью, но, какъ мнѣ кажется, не болѣе великое. Не подлежитъ конечно ни какому спору, что книга эта имѣетъ огромныя достоинства и что ихъ не могутъ умалить никакія придирки тѣхъ мелочныхъ критиковъ, которые повидимому думаютъ, что открывъ случайную ошибку у великаго человѣка, они въ нѣкоторой степени низводятъ его до своего уровня. Не такими мелочами можно уронить европейскую извѣстность; и великое твореніе Монтескіё далеко переживетъ всѣ подобнаго рода нападенія, потому что широкія и дальновидныя обобщенія его сохранили бы свою цѣну даже и въ томъ случаѣ, если бы всѣ частные факты, служащіе имъ пояснительными примѣрами, оказались совсѣмъ лишенными основанія. Я всетаки склоненъ думать, что въ отношеніи оригинальности мысли, это сочиненіе Монтескіё едвали можетъ быть поставлено на равнѣ съ первымъ его произведеніемъ, хотя оно и было безспорно плодомъ гораздо большей начитанности. Но мы не станемъ здѣсь сравнивать между собою эти два произведенія: настоящая цѣль

нaша лишь разсмотрѣть совокупное участіе ихъ въ развитіи правильнаго взгляда на исторію, и связь между этимъ вліяніемъ ихъ и общимъ духомъ XVIII столѣтія.

Разсматривая, съ этой точки зрѣнія, сочиненія Монтескіё, мы находимъ въ нихъ двѣ главныя особенности. Первая изъ нихъ есть совершенное отсутствіе тѣхъ личныхъ анекдотовъ и тѣхъ пошлыхъ подробностей объ отдѣльныхъ лицахъ, которые составляютъ принадлежность біографіи, но до исторіи, какъ ясно видѣлъ Монтескіё, вовсе не касаются. Другую особенность составляетъ впервые сдѣланная имъ весьма важная попытка соединить исторію человѣчества съ науками, относящимися ко внѣшнему міру. Такъ какъ въ этомъ именно состоятъ двѣ великія характеристическія черты метода, принятаго Монтескіё, то необходимо дать о нихъ нѣкоторое понятіе, для того, чтобы лучше обозначилось передъ нами то мѣсто, которое онъ дѣйствительно занимаетъ, какъ одинъ изъ основателей философіи исторіи.

Мы уже видѣли, что Волтеръ сильно настаивалъ на необходимости преобразовать исторію, въ томъ отношеніи, чтобы она побольше обращала вниманія на жизнь народовъ и поменьше на ихъ политическихъ и военныхъ вождей. Мы также видѣли, что это великое улучшеніе до такой степени согласовалось съ духомъ времени, что было всѣми вообще и весьма скоро принято и, такимъ образомъ, стало однимъ изъ признаковъ тѣхъ демократическихъ стремленій, которыхъ оно было собственно результатомъ. Поэтому не удивительно, что Монтескіё принялъ то же самое направленіе, даже прежде, чѣмъ движеніе это ясно обозначилось: подобно большей части великихъ мыслителей, онъ служилъ представителемъ умственнаго настроенія и удовлетворялъ умственнымъ потребностямъ того вѣка, въ которомъ онъ жилъ.

Но Монтескіё имѣлъ, въ этомъ отношеніи, ту особеность, что у него пренебреженіе къ тѣмъ подробностямъ о дворахъ, министрахъ и монархахъ, которыми особенно увлекались обык-

новенные компиляторы, соединялось съ такимъ же пренебреженіемъ и къ другимъ подробностямъ, которыя представляютъ дѣйствительный интересъ, потому что относятся къ умственному складу немногихъ истинно замѣчательныхъ людей, появлявшихся отъ времени до времени на сценѣ общественной жизни. Монтескіе видѣлъ, что эти вещи хотя и весьма интересны, но вовсе не важны. Онъ зналъ — чего, до него, ни одинъ историкъ даже и не подозрѣвалъ—что въ великомъ движеніи дѣлъ человѣческихъ, индивидуальныя особенности ничего не значатъ, что, слѣдовательно, историку нѣтъ до нихъ никакого дѣла, и что онъ долженъ предоставить ихъ біографу, къ сферѣ котораго они собственно и принадлежатъ. Вслѣдствіе этого, Монтескіё не только относится съ большимъ пренебреженіемъ къ самымъ могущественнымъ государямъ, разсказывая, напримѣръ, царствованіе шести императоровъ въ двухъ строкахъ, но и постоянно настаиваетъ на необходимости, даже когда дѣло идетъ о замѣчательнѣйшихъ людяхъ, подчинять ихъ частное вліяніе болѣе общему вліянію окружающаго ихъ общества. Такъ, многіе историки приписывали паденіе Римской Республики честолюбію Цезаря и Помпея, и особенно глубокимъ планамъ Цезаря; Монтескіё, напротивъ, совершенно отрицаетъ это. Согласно его взгляду на исторію, великія перемѣны происходятъ только въ силу длиннаго ряда предшествующихъ событій, и въ нихъ однихъ мы должны искать причину того, что̀ поверхностному взгляду кажется дѣломъ отдѣльныхъ личностей. Республика, слѣдовательно, была ниспровергнута не Цезаремъ и не Помпеемъ, а тѣмъ порядкомъ вещей, который сдѣлалъ возможными успѣхи Цезаря и Помпея. Поэтому событія, передаваемыя обыкновенными историками, вовсе не имѣютъ никакого значенія. Такія событія вовсе не причины, а только случаи, въ которыхъ проявляется дѣйствіе истинныхъ причинъ. Ихъ можно назвать случайностями исторіи, и должно смотрѣть на нихъ какъ на нѣчто подчиняющееся тѣмъ обширнымъ и всеобъем-

люцимъ условіямъ, которыя одни управляютъ возвышеніемъ и паденіемъ народовъ.

Такимъ образомъ, первая великая заслуга Монтескіё заключается въ томъ, что онъ вполнѣ отдѣлилъ біографію отъ исторіи, и заставилъ историковъ изучать не особенности индивидуальныхъ характеровъ, а состояніе всего общества, среди котораго особенности эти проявлялись. Если бы этотъ замѣчательный человѣкъ не сдѣлалъ даже ничего другаго, то и тогда за нимъ всетаки осталась бы та неизмѣримая заслуга, что онъ указалъ исторіи вѣрное средство избавиться отъ одного изъ ея самыхъ обильныхъ источниковъ заблужденія. И хотя, къ несчастію, мы еще не извлекли всѣхъ выгодъ изъ его благаго примѣра—а это потому, что его преемники рѣдко бывали способны подняться до столь высокаго обобщенія—но то достовѣрно, что съ его времени, замѣчается приближеніе къ такимъ возвышеннымъ воззрѣніямъ, даже у тѣхъ второстепенныхъ писателей, которые, по недостатку соображенія, не въ силахъ усвоить ихъ себѣ во всей полнотѣ.

Въ дополненіе къ этому, Монтескіё сдѣлалъ еще другой великій шагъ въ методѣ изложенія исторіи. Онъ первый прибѣгнулъ, въ изслѣдованіи отношенія между соціальными условіями страны и ея юриспруденціею, къ помощи естественныхъ наукъ, съ тѣмъ чтобы опредѣлить, насколько характеръ цивилизаціи извѣстной страны находится въ зависимости отъ вліянія внѣшняго міра. Въ своемъ сочиненіи о духѣ законовъ, онъ изучаетъ свойства связи, естественно существующей между гражданскимъ и политическимъ законодательствами какого нибудь народа и климатомъ, почвою и пищею, которыми онъ пользуется. Правда, что такое обширное предпріятіе ему почти совершенно не удалось, но это потому, что метеорологія, химія и физіологія находились еще въ слишкомъ отсталомъ состояніи для приложенія ихъ къ подобнымъ вопросамъ. Впрочемъ это имѣетъ вліяніе только на достоинство его

выводовъ, а не на достоинство его метода; здѣсь, какъ и вездѣ, мы видимъ, что великій мыслитель набрасываетъ въ общихъ чертахъ планъ, выполнить который было невозможно при тогдашнемъ состояніи науки, и довершеніе котораго онъ долженъ былъ предоставить болѣе зрѣлой опытности и болѣе обширнымъ средствамъ позднѣйшаго вѣка. Упреждать такимъ образомъ ходъ развитія человѣческаго ума и какъ бы забѣгать впередъ его дальнѣйшимъ пріобрѣтеніямъ — есть особенное преимущество умовъ самаго высшаго разряда; это именно и придаетъ сочиненіямъ Монтескіё видъ чего-то отрывочнаго, временнаго—необходимое послѣдствіе работы глубоко умозрительнаго генія надъ матеріалами, не годящимися въ дѣло, единственно потому, что наука еще не привела ихъ въ порядокъ, еще не обобщила законовъ ихъ явленій. По этому, многіе изъ выводовъ, сдѣланныхъ Монтескіё не выдерживаютъ критики; таковы напримѣръ, выводы, относящіеся къ вліянію діеты на увеличеніе народонаселенія, посредствомъ усиленія плодовитости женщинъ, и вліянію климата на измѣненіе пропорціи мужескихъ и женскихъ рожденій. Въ другихъ случаяхъ, ближайшее знакомство съ варварскими народами дало возможность провѣрить его выводы, въ особенности тѣ, которые относятся къ вліянію климата на личный характеръ. Такъ мы имѣемъ теперь самыя положительныя доказательства, что онъ ошибался, утверждая, будто жаркій климатъ дѣлаетъ народъ развратнымъ и трусливымъ, а холодный — добродѣтельнымъ и храбрымъ.

Такія возраженія, впрочемъ, сравнительно ничтожны, потому что во всѣхъ высшихъ отрасляхъ знанія, главная трудность заключается не въ открытіи фактовъ, а въ открытіи вѣрнаго метода, по которому могутъ быть приведены въ извѣстность законы фактовъ. Въ этомъ отношеніи Монтескіё оказалъ двойную услугу: онъ не только обогатилъ исторію, но и укрѣпилъ ея основаніе. Онъ обогатилъ исторію тѣмъ, что присоединилъ къ ней физическія изслѣдованія; а укрѣ-

пилъ ея основаніе тѣмъ, что отдѣлилъ ее отъ біографіи, и такимъ образомъ избавилъ ее отъ подробностей, которыя бываютъ неважны, а часто—недостовѣрны. И хотя онъ сдѣлалъ ту ошибку, что изучалъ вліяніе природы скорѣе на людей, разсматриваемыхъ какъ отдѣльныя личности, чѣмъ на людей, въ смыслѣ цѣлыхъ обществъ, но это главнымъ образомъ произошло оттого, что въ его время, средства, необходимыя для такого сложнаго изученія, еще не существовали. Такія средства заключаются, какъ я уже говорилъ, въ политической экономіи и статистикѣ; политическая экономія помогаетъ намъ связать законы физическихъ дѣятелей съ законами неравномѣрнаго распредѣленія богатства, а слѣдовательно и съ весьма многими соціальными неустройствами; статистика же даетъ намъ возможность дѣлать повѣрки этихъ законовъ, въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, и узнать, до какой степени желанія отдѣльныхъ личностей зависятъ отъ ихъ прошедшаго и отъ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыя онѣ бываютъ поставлены. По этому не только естественна, но и неизбѣжна была неудача Монтескіё въ его блестящей попыткѣ слить законы человѣческаго мышленія съ законами внѣшней природы. Неудача его произошла частью оттого, что науки о внѣшней природѣ были въ слишкомъ отсталомъ состояніи, а частью и оттого, что тѣ изъ отраслей знанія, которыя разсматриваютъ отношенія человѣка къ природѣ, еще не существовали. Такъ, политическая экономія не существовала, какъ наука, до появленія «Богатства Народовъ», вышедшаго въ 1776 году, т. е. черезъ двадцать одинъ годъ послѣ смерти Монтескіё. Философія же статистики явилась еще позже: только въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, ее стали систематически прилагать къ соціальнымъ явленіямъ. Прежніе статистики были люди, ходившіе ощупью, соединявшіе въ одно мѣсто всевозможные факты, безъ всякаго выбора или метода, и потому труды ихъ естественно не могли служить для тѣхъ важ-

ныхъ цѣлей, къ которымъ они были съ успѣхомъ примѣнены въ нынѣшнемъ поколѣніи.

Черезъ два года послѣ появленія «Духа Законовъ», Тюргò прочелъ тѣ знаменитыя лекціи, о которыхъ было сказано, что въ нихъ онъ создалъ философію исторіи. Такая похвала нѣсколько преувеличенна, потому что въ самыхъ важныхъ вопросахъ, относящихся къ философіи его предмета, онъ проводитъ тотъ же взглядъ, который выражаетъ и Монтескіё, а Монтескіё, кромѣ того, что предшествовалъ ему по времени, стоялъ конечно выше его и по познаніямъ, а быть можетъ и по генію. Тѣмъ не менѣе, заслуга Тюргò громадна и онъ принадлежитъ къ тому чрезвычайно малому кружку людей, которые смотрѣли на исторію широкимъ взглядомъ, и считали, что для изученія ея необходимы почти безпредѣльныя познанія. Въ этомъ отношеніи, методъ его тождественъ съ методомъ Мондескіё, такъ какъ оба эти великіе писатели исключали изъ своихъ плановъ подробности объ отдѣльныхъ личностяхъ, собираемыя обыкновенными писателями, и сосредоточивали свое вниманіе на тѣхъ обширныхъ общихъ причинахъ, отъ дѣйствія которыхъ постоянно зависятъ судьбы народовъ. Тюргò ясно видѣлъ, что не смотря на разнообразіе явленій, производимыхъ игрою человѣческихъ страстей, посреди кажущагося хаоса, проглядываетъ начало порядка и правильности въ ходѣ дѣлъ. не ускользающее отъ взора тѣхъ, кто смотритъ на исторію человѣка, какъ на одно совершенное цѣлое. Правда, что Тюргó, увлеченный потомъ въ политическую жизнь, никогда не имѣлъ достаточно досуга, чтобы выполнить блестящій планъ, такъ удачно набросанный; но хотя въ выполненіи своей задачи онъ конечно уступаетъ нѣсколько Монтескіё, всетаки аналогія между этими двумя людьми очевидна; очевидно также и отношеніе ихъ къ тому вѣку, въ которомъ они жили. Они, какъ и Волтеръ, были безсознательными защитниками демократическаго движенія, въ томъ отношеніи, что подрывали благоговѣніе, съ ко-

торымъ прежніе историки относились къ отдѣльнымъ личностямъ,—вслѣдствіе чего, исторія потеряла характеръ простаго разсказа о дѣяніяхъ политическихъ и духовныхъ правителей. Въ то же время Тюрго́, заманчивымъ представленіемъ картины будущаго прогресса, и живымъ изображеніемъ способности общества къ самоусовершенствованію, усилилъ недовольство, съ которымъ его соотечественники начинали смотрѣть на то деспотическое правительство, при которомъ не было повидимому ни малѣйшей надежды на улучшенія. Эти и подобныя имъ воззрѣнія, теперь впервые появившіяся во французской литературѣ, возбуждали дѣятельность мыслящихъ классовъ, ободряли ихъ среди тѣхъ преслѣдованій, которымъ они подвергались, и поощряли ихъ къ трудному предпріятію—вести народъ противъ учрежденій его родины. Такимъ образомъ, во Франціи, все было устремлено къ одному результату, все указывало на близость жестокой, ужасной борьбы. Духъ настоящаго долженъ былъ вступить въ бой съ духомъ прошедшаго, и окончательно рѣшить, можетъ ли французскій народъ освободиться отъ цѣпей, въ которыхъ его такъ долго держали, или же ему суждено, недостигнувъ цѣли, еще глубже погрязнуть въ томъ постыдномъ рабствѣ, которое, даже въ самые блестящіе періоды политической исторіи Франціи, должно служать предостереженіемъ и урокомъ для всего цивилизованнаго міра.

ГЛАВА XIV.

Ближайшія причины Французской Революціи, начиная съ половины XVIII столѣтія.

Въ предпослѣдней главѣ, я пытался привести въ извѣстность, какія именно обстоятельства, почти непосредственно послѣ смерти Людовика XIV, начали подготовлять путь Французской Революціи. Въ результатѣ моего изслѣдованія оказалось, что умственныя силы Франціи были возбуждены къ дѣятельности примѣрами и доктринами Англіи; и что это движеніе произвело, или по крайней мѣрѣ вызвало, значительный разрывъ между правительствомъ Франціи и ея литературою, разрывъ тѣмъ болѣе замѣчательный, что въ теченіе царствованія Людовика XIV, литература, не смотря на ея временный блескъ, постоянно отличалась раболѣпствомъ и тѣсно примыкала къ правительству, которое всегда готово было вознаграждать ея услуги. Мы видѣли также, что когда произошелъ этотъ разрывъ между умственно-трудящимся и правительственнымъ классами, члены послѣдняго, вѣрные своимъ древнимъ преданіямъ, стали паказывать тотъ духъ изслѣдованія, къ которому они не привыкли; отсюда возникли тѣ гоненія, которымъ подверглись, почти всѣ безъ исключенія, литераторы, и отсюда же произошли систематическія попытки привести литературу въ состояніе подчиненности подобное тому,

въ какомъ она была при Людовикѣ XIV. При всемъ томъ оказалось, что великіе люди Франціи XVIII-го столѣтія, не смотря на тяжкія оскорбленія, которыя постоянно наносили имъ правительство и церковь, воздерживались отъ нападеній на правительство и обращали всю свою ненависть противъ церкви. Этотъ повидимому ни съ чемъ несообразный фактъ— что нападали на религіозныя учрежденія, а оставляли въ покоѣ учрежденія политическія — является, какъ мы уже доказали, совершенно естественнымъ послѣдствіемъ, вытекающимъ изъ предшествовавшихъ фактовъ исторіи французской націи. Мы пытались также объяснить, какіе это факты и какое они имѣли дѣйствіе. Въ настоящей главѣ, я хочу пополнить это изысканіе разсмотрѣніемъ слѣдовавшей затѣмъ великой эпохи въ исторіи умственнаго развитія Франціи. Чтобы и церковь и государство могли пасть, для этого людямъ нужно было перенести свои непріязненныя дѣйствія на другую почву и напасть на политическія злоупотребленія съ тѣмъ же рвеніемъ, съ какимъ они, до того, нападали только на злоупотребленія религіозныя. Слѣдовательно, теперь весь вопросъ въ томъ, при какихъ обстоятельствахъ произошла эта перемѣна и въ какое именно время.

Обстоятельства, сопровождавшія эту великую перемѣну, были, какъ мы сейчасъ увидимъ, весьма сложны, и какъ никто еще не изучалъ ихъ въ общей связи, то я разсмотрю ихъ довольно подробно въ остальной части настоящаго тома. Съ этой стороны, будетъ, я полагаю, еще возможно придти къ какимъ нибудь положительнымъ и точнымъ выводамъ относительно исторіи Французской Революціи. Другой же вопросъ, а именно: о времени, въ какое произошла самая перемѣна, не только запутаннѣе, но даже, по самому свойству своему, никогда не можетъ быть разрѣшенъ съ совершенною опредѣлительностью. Впрочемъ это недостатокъ общій всѣмъ перемѣнамъ въ исторіи человѣчества

Обстоятельства каждой перемѣны всегда могутъ быть извѣстны, если только свидѣтельства о нихъ подробны и достовѣрны. Но никакая полнота свидѣтельствъ не дастъ намъ возможности точно опредѣлить время совершенія самой перемѣны. Вниманіе компиляторовъ въ исторіи обыкновенно обращено не на перемѣну, а на внѣшніе результаты, слѣдующіе за перемѣною. Истинная же исторія человѣческаго рода есть исторія стремленій, которыя уразумѣваются умомъ, а не событій, которыя осязаются чувствами. Поэтому, ни одна историческая эпоха не можетъ быть опредѣлена съ хронологическою точностью, свойственною антикваріямъ и генеалогистамъ. Смерть какого нибудь государя, проигранное сраженіе, перемѣна династіи — все это предметы, вполнѣ входящіе въ область чувствъ, и моменты совершенія такихъ событій могутъ быть отмѣчены и самыми посредственными наблюдателями. Но тѣ великія умственныя революціи, на которыхъ основываются всѣ другія революціи, не могутъ быть измѣрены такимъ простымъ масштабомъ. Чтобы прослѣдить движенія человѣческаго ума, необходимо наблюдать его въ различныхъ проявленіяхъ и затѣмъ сопоставить результаты отдѣльныхъ наблюденій. Этимъ способомъ мы дойдемъ до извѣстныхъ общихъ выводовъ, которые, подобно вычисленіямъ среднихъ величинъ, имѣютъ тѣмъ больше цѣнности, чѣмъ больше мы беремъ случаевъ. Что такой методъ надеженъ и полезенъ, это видно не только изъ исторіи естествознанія, но и изъ того факта, что онъ лежитъ въ основаніи эмпирическихъ правилъ, которыми всѣ здравомыслящіе люди руководствуются въ тѣхъ обыденныхъ случаяхъ жизни, къ которымъ еще не были примѣняемы общіе выводы науки. Дѣйствительно, такія правила, имѣющія большую цѣнность и составляющія, въ совокупности, то, что называется здравымъ смысломъ, никогда не собираются съ такими предосторожностями, соблюденіе которыхъ должны были бы поставить себѣ въ непремѣнную обязанность историки-философы.

И такъ, главное возраженіе противъ общихъ выводовъ относительно умственнаго развитія какой нибудь націи, заключается не въ томъ, что имъ недостаетъ достовѣрности, а въ томъ, что они лишены точности. На этомъ именно пунктѣ историкъ расходится съ лѣтописцемъ. Что, напримѣръ, духъ Англіи становится все болѣе и болѣе демократическимъ или, какъ говорятъ, либеральнымъ,—это такъ же достовѣрно, какъ и то, что королева Викторія носитъ корону Англіи. Но хотя оба эти показанія одинаково достовѣрны, послѣднее всетакй болѣе точно. Мы можемъ назвать самый день восшествія королевы на престолъ, мы будемъ знать съ такою же точностью минуту ея смерти, и нѣтъ сомнѣнія, что и многія другія частности, относящіяся до нея, сохранятся во всей точности и подробности. Если же стать слѣдить за развитіемъ либерализма въ Англіи, то всякая этого рода точность окажется невозможною. Мы можемъ назвать годъ, въ который прошелъ билль о реформѣ; но кто можетъ сказать, въ которомъ году впервые почувствовалась необходимость такого билля? Точно также, предположеніе, что евреи будутъ допущены въ парламентъ столько же достовѣрно, какъ и то, что католики уже допущены въ него (*). Обѣ эти мѣры составляютъ неизбѣжное послѣдствіе того возрастающаго равнодушія къ теологическимъ преніямъ, которое очевидно для всякаго, кто только нарочно не закрываетъ глазъ. Но при всемъ томъ, что мы знаемъ часъ, въ который послѣдовало согласіе короны на билль о католикахъ, никто изъ людей, живущихъ въ настоящее время, не можетъ сказать даже года, въ который такая же справедливость будетъ оказана евреямъ. Оба эти событія извѣстны съ одинаковою достовѣрностью, но не оба съ одинаковою точностью.

Я распространился нѣсколько объ этомъ различіи между

(*) Въ то время, когда было напечатано первое изданіе этой книги, евреи еще не были допущены въ парламентъ. (*Прим. перев.*).

достовѣрностью и точностью потому, что, какъ кажется, его мало понимаютъ, а между тѣмъ оно тѣсно связано съ занимающимъ насъ въ настоящую минуту предметомъ. Тотъ фактъ, что въ умственномъ развитіи Франціи, въ теченіе XVIII столѣтія, были двѣ совершенно различныя эпохи, можетъ быть доказанъ свидѣтельствами всякаго рода; но невозможно точно опредѣлить время, когда одна эпоха смѣнила другую. Все, что мы можемъ сдѣлать—это сличить различныя указанія, встрѣчающіяся въ исторіи того вѣка, и придти къ приблизительному выводу, который могъ бы руководить будущихъ изслѣдователей. Можетъ быть благоразумнѣе было бы не избѣгать окончательнаго вывода, но такъ какъ употребленіе чиселъ повидимому необходимо для уясненія этого рода предметовъ, то я сдѣлаю, предварительно, предположеніе, что 1750 годъ есть именно время, когда волненія общества, бывшія причиною Французской Революціи, вступили въ свой второй, политическій фазисъ.

Что около этого времени, великое движеніе, направлявшееся до тѣхъ поръ противъ церкви, начало противодѣйствовать государству, — это повидимому подтверждается многими обстоятельствами. Мы знаемъ изъ лучшихъ источниковъ, что около 1750 года, Французы начали свои знаменитыя изслѣдованія по части политической экономіи, и что, пытаясь возвести этотъ предметъ на степень науки, они пришли къ пониманію того, какой громадный вредъ принесло вмѣшательство правительства матеріальнымъ интересамъ страны. Отсюда родилось убѣжденіе, что даже въ отношеніи накопленія богатства, власть, которою обладали правители Франціи, была вредна, ибо она давала имъ возможность, подъ предлогомъ покровительства торговлѣ, стѣснять свободу дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, и не давать самой торговлѣ идти тѣми выгодными путями, въ выборѣ которыхъ сами торговцы лучшіе судьи. Едва распространилось сознаніе этой глубокой истины, какъ не замедлили проявиться ея послѣдствія

въ національной литературѣ и въ складѣ народной мысли. Внезапное размноженіе во Франціи сочиненій, относящихся до финансовъ и другихъ государственныхъ вопросовъ, есть, въ самомъ дѣлѣ, одна изъ замѣчательныхъ чертъ того вѣка. Такъ быстро распространилось это движеніе, что вскорѣ послѣ 1755 годя, экономисты уже произвели разрывъ между націею и правительствомъ; и Волтеръ, въ 1759 году, жалуется въ одномъ письмѣ, что прелести легкой литературы совершенно забыты въ общемъ рвеніи къ этимъ новымъ предметамъ изученія. Я не считаю нужнымъ слѣдить далѣе за этою великою перемѣною, ни изображать вліяніе, которымъ, не за долго до революціи, пользовались позднѣйшіе экономисты, особенно Тюрго́, самый замѣчательный представитель ихъ. Достаточно сказать, что спустя около двадцати лѣтъ послѣ того, какъ движеніе это впервые ясно обозначилось, вкусъ къ экономическимъ и политическимъ изслѣдованіямъ сдѣлался столь всеобщимъ, что проникъ даже въ тѣ слои общества, гдѣ не очень часто встрѣчается привычка къ мышленію; такъ мы находимъ, что даже въ свѣтскихъ кружкахъ, разговоръ не ограничивался болѣе новыми поэмами и комедіями, а касался также политическихъ вопросовъ и предметовъ, тѣсно связанныхъ съ ними. Дѣйствительно, когда Неккеръ, 1781 году, напечаталъ свой знаменитый отчетъ о финансахъ Франціи, то желаніе пріобрѣсть эту книгу превосходило всякое ожиданіе; шесть тысячъ экземпляровъ были проданы въ первый же день, и такъ какъ спросъ все увеличивался, то для удовлетворенія всеобщаго любопытства постоянно работали двѣ типографіи. Но особенно становится очевиднымъ присутствіе во всемъ этомъ демократическихъ стремленій, если вспомнить, что Неккеръ былъ въ то время однимъ изъ слугъ короны, такъ что сочиненіе его, по своему общему духу, справедливо было названо аппелляціею на короля къ народу отъ одного изъ министровъ того же короля.

Приведенное мною доказательство замѣчательной перемѣны, происшедшей въ умахъ Франціи въ 1750 году, или около того времени, и составляющей, какъ я сказалъ, вторую эпоху XVIII столѣтія, легко можно было бы подкрѣпить болѣе обширнымъ обозрѣніемъ литературы того времени. Въ самомъ началѣ второй половины этого столѣтія, Руссо напечаталъ тѣ краснорѣчивыя сочиненія, которые имѣли огромное вліяніе и въ которыхъ легко можно замѣтить наступленіе новой эпохи; этотъ могучій писатель воздержался отъ нападеній на христіанство, повторявшихся прежде, слишкомъ уже часто, и возсталъ почти исключительно противъ гражданскихъ и политическихъ злоупотребленій тогдашняго общества. Изображеніе того вліянія, которое имѣлъ этотъ геніальный, хотя иногда и заблудившійся, человѣкъ, на умы людей своего и слѣдующаго за нимъ поколѣнія, заняло бы слишкомъ много мѣста въ этомъ введеніи; хотя такое изслѣдованіе было бы конечно полно интереса, и хотя весьма желательно, чтобы какой нибудь свѣдующій въ этомъ дѣлѣ историкъ занялся современемъ этимъ предметомъ. Но такъ какъ философія Руссо была сама лишь однимъ изъ фазисовъ болѣе обширнаго движенія, то я, въ настоящую минуту, оставлю въ сторонѣ отдѣльную личность, чтобы заняться разсмотрѣніемъ общаго духа того вѣка, въ которомъ личность эта играла конечно важную роль, но все таки въ качествѣ вспомогательнаго дѣятеля. Зарожденіе новой эпохи во Франціи, около 1750 года, становится еще замѣтнѣе въ виду трехъ обстоятельствъ, имѣющихъ значительный интересъ и приводящихъ къ одному и тому же заключенію. Первое—что до половины XVIII столѣтія ни одинъ изъ великихъ Французскихъ писателей не нападалъ на политическія учрежденія страны, между тѣмъ какъ съ этого времени, подобныя нападенія, со стороны способнѣйшихъ людей, повторялись безпрестанно. Второе — что продолжали нападать на духовенство и отказывались вмѣшиваться въ политику только тѣ изъ лучшихъ Французскихъ писателей, кото-

рые подобно Волтеру, уже достигли преклонныхъ лѣтъ и слѣдовательно заимствовали свои идеи отъ предшествовавшаго поколѣнія, въ которомъ церковь была единственнымъ предметомъ ненависти. Третье, еще болѣе разительное чѣмъ первыя два—что почти около этого времени стала замѣтна перемѣна въ политикѣ правительства; довольно странно, что министры короны стали впервые высказывать открытую непріязнь къ церкви, въ то самое время, какъ мыслящая часть страны готовилась къ рѣшительному нападенію на само правительство. Изъ этихъ трехъ положеній, съ первыми двумя, вѣроятно согласится всякій, кто изучалъ французскую литературу; но если бы даже они и были ложны, то во всякомъ случаѣ они такъ точны и опредѣлительны, что легко было бы опровергнуть ихъ, приведя только примѣры, доказывающіе противное. Третій же тезисъ, будучи болѣе общаго свойства, въ меньшей мѣрѣ подверженъ прямому опроверженію и потому налагаетъ на защитника его обязанность подкрѣпить его тѣми спеціальными доказательствами, которыя я сейчасъ приведу. Когда великіе писатели Франціи, около половины XVIII столѣтія, успѣли подрыть основанія церкви, то было весьма естественно, что правительство вмѣшалось въ это дѣло и стало стѣснять учрежденіе, ослабленное самымъ ходомъ событій. Этотъ фактъ, совершившійся во Франціи при Людовикѣ XV, совершенно уподоблялся тому, что случилось въ Англіи при Генрихѣ VIII—въ обоихъ случаяхъ замѣчательное умственное движеніе, направленное противъ духовенства, предшествовало и благопріятствовало нападеніямъ на это сословіе, сдѣланнымъ короною. Французское правительство сдѣлало первый шагъ противъ церкви въ 1749 году. И какъ велика была, до тѣхъ поръ отсталость Франціи, въ этомъ отношеніи, видно изъ того, что шагъ этотъ состоялъ въ изданіи эдикта противъ неотъемлемости недвижимыхъ имѣній (mortmain)—простое средство, для ослабленія власти церкви, къ которому, въ Англіи, прибѣгли гораздо ранѣе. Слава основателя этой новой поли-

тики французскаго правительства принадлежитъ Машо̀ (Machault), только что назначенному въ то время генеральнымъ контролеромъ. Въ августѣ 1749 года, онъ издалъ этотъ знаменитый эдиктъ, которымъ воспрещалось образованіе какого бы то ни было религіознаго учрежденія, безъ согласія короны, надлежащимъ образомъ выраженнаго въ грамотѣ и занесеннаго въ протоколъ парламента — существенныя предосторожности, которыя, говоритъ великій историкъ Франціи, показываютъ что Машо̀ «считалъ не только увеличеніе, но даже самое существованіе этихъ имѣній духовенства, вредомъ для королевства».

То былъ уже чрезвычайный шагъ со стороны французскаго правительства; но послѣдующія мѣры показали, что онъ составлялъ только вступленіе къ болѣе обширному плану. Машо́, не только не встрѣтилъ порицаній, но даже черезъ годъ послѣ изданія этого эдикта, независимо отъ должности контролера, былъ сдѣланъ канцлеромъ; потому что, какъ замѣчаетъ Лакретель, дворъ «полагалъ, что пришло уже время обложить податями собственность духовенства». Въ продолженіе сорока лѣтъ, которыя прошли съ этаго періода до начала революціи, господствовала та же самая анти-духовная политика. Между преемниками Машо́, трое единственно способныхъ людей, Шуазель, Неккеръ и Тюрго̀ были ревностными противниками того духовнаго сословія, котораго не тронулъ бы ни одинъ министръ предшествовавшаго поколѣнія. Не только эти первостепенные государственные люди, но даже и такіе, какъ Калоннъ, Малербъ и Террэ, видѣли верхъ политики въ покушеніи на тѣ привилегіи, которыя были освящены суевѣріемъ, и которыя духовенство сохраняло еще, частью для того, чтобы распространять свое вліяніе, частью же, чтобы имѣть возможность удовлетворять тѣмъ привычкамъ къ роскоши и разврату, которыя, въ восемнадцатомъ столѣтіи, были позоромъ для всего духовнаго сословія.

Между тѣмъ какъ принимались означенныя выше мѣры

противъ духовенства, сдѣланъ былъ и другой важный шагъ, совершенно въ томъ же направленіи. Теперь правительство стало покровительствовать тому великому ученію о религіозной свободѣ, одна защита котораго, до того времени, наказывалась, какъ опасное мудрствованіе. Связь между нападеніями на духовенство и дальнѣйшимъ развитіемъ вѣротерпимости можетъ быть объяснена не только быстротою, съ какою одно событіе слѣдовало за другимъ, но и тѣмъ фактомъ, что то и другое проистекало изъ одного и того же источника. Машо, авторъ эдикта противъ неотъемлемости недвижимыхъ имѣній, былъ также первымъ министромъ, показавшимъ желаніе покровительствовать протестантамъ противъ преслѣдованій католическаго духовенства. Въ этомъ онъ только отчасти успѣлъ, но сообщенный, такимъ образомъ, толчокъ вскорѣ сдѣлался непреодолимымъ. Въ 1760 году, т. е. только девять лѣть спустя, была уже видна замѣтная перемѣна въ примѣненіи законовъ, и эдикты противъ ереси, хотя еще не были отмѣнены, но приводились въ исполненіе съ безпримѣрною кротостью. Движеніе это быстро распространилось отъ столицы до отдаленныхъ частей королевства; и намъ извѣстно, что послѣ 1762 года, реакція была чувствительна даже въ тѣхъ провинціяхъ, которыя, по ихъ отсталости, всегда особенно отличались своимъ ханжествомъ. Въ то же время, какъ мы вскорѣ увидимъ, въ самой церкви, возникъ великій расколъ, который ослабилъ власть духовенства, раздѣливъ его на двѣ враждебныя партіи. Одна изъ этихъ партій дѣйствовала за одно съ государствомъ и тѣмъ еще болѣе помогла ниспроверженію духовной іерархіи. Въ самомъ дѣлѣ, раздоры дошли до такого ожесточенія, что послѣдній великій ударъ, нанесенный духовной власти правительствомъ Людовика XVI произошелъ не отъ рукъ мірянина, но отъ одного изъ вождей церкви—отъ человѣка, который, по своему положенію, и при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, покровительствовалъ бы тѣмъ самымъ интересамъ, на которые теперь

ревностно нападалъ. Въ 1787 году, за два только года до революціи, Бріеннъ, архіепископъ Тулузскій, бывшій тогда министромъ, предъявилъ парижскому парламенту королевскій эдиктъ, которымъ вдругъ устранялись всякія преграды, противопоставлявшіяся, до тѣхъ поръ, ереси. Въ силу этого закона, протестанты получили всѣ тѣ гражданскія права, которыя, въ рукахъ католическаго духовенства, служили долгое время наградою за приверженность къ его религіознымъ убѣжденіямъ. Поэтому весьма естественно, что болѣе правовѣрная партія осуждала, какъ нечестивое нововведеніе, мѣру, которая, уравненіемъ въ нѣкоторой степени, правъ двухъ сектъ, какъ бы поощряла распространеніе заблужденія, и которая конечно лишила французскую церковь одной изъ главныхъ приманокъ, служившихъ для завлеченія людей въ ея лоно. Но всѣ подобныя соображенія теперь ни во что не ставились. Таково было преобладавшее въ то время настроеніе, что парламентъ, далеко не смирявшійся передъ королевскою властью, не поколебался занести въ свой протоколъ королевскій эдиктъ; и эта великая мѣра получила силу закона; при чемъ, какъ говоритъ, преобладавшая партія даже удивлялась, какъ можно было сколько нибудь усомниться въ мудрости началъ, на которыхъ основывалось это нововведеніе.

То были предвѣстники наступающей бури, признаки времени, которые всякому бросаются въ глаза; и нѣтъ надобности въ другихъ признакахъ, для яснаго пониманія истинныхъ свойствъ того вѣка. Въ дополненіе къ тому, что было только что нами разсказано, правительство, въ самомъ началѣ второй половины восемнадцатаго столѣтія, нанесло прямое, роковое оскорбленіе духовной власти, изгнаніемъ іезуитовъ; событіе это важно не только по своимъ окончательнымъ результатамъ, но и какъ доказательство чувствъ большинства, какъ примѣръ того, что̀ могло быть мирно приведено въ ис-

полненіе правительствомъ монарха, носившаго названіе «Наихристіаннѣйшаго Короля».

Іезуиты, въ продолженіе по крайней мѣрѣ пятидесяти лѣтъ послѣ учрежденія этого ордена, оказали огромныя услуги цивилизаціи, частью тѣмъ, что смягчили, примѣсью свѣтскаго элемента, слишкомъ суевѣрные взгляды своихъ великихъ предшественниковъ, доминиканцовъ и францисканцевъ, частью же введеніемъ системы воспитанія, далеко превосходившей всѣ до тѣхъ поръ существовавшія въ Европѣ. Ни въ одномъ университетѣ нельзя было найти такой обширной системы образованія; и конечно нигдѣ не проявилось такое умѣніе управлять юношествомъ, ни такое глубокое пониманіе общихъ отправленій человѣческаго ума. По всей справедливости, слѣдуетъ еще прибавить, что это знаменитое общество, не смотря на его ревностное, и часто безнравственное, честолюбіе, было, въ теченіи довольно долгаго періода времени, вѣрнымъ другомъ науки, такъ же какъ и литературы, и что оно дозволяло своимъ членамъ такую свободу и смѣлость въ умозрѣніяхъ, какая никогда не допускалась ни въ одномъ изъ другихъ монашескихъ орденовъ.

Однакожь, по мѣрѣ распространенія цивилизаціи, іезуиты, подобно всякой другой духовной іерархіи на свѣтѣ, начали терять свое значеніе, и это не столько вслѣдствіе ихъ собственнаго упадка, сколько вслѣдствіе перемѣны въ духѣ тѣхъ, которые ихъ окружали. Учрежденіе, превосходно приспособленное къ ранней формѣ общества, не годилось для того же общества, въ его зрѣломъ состояніи. Въ шестнадцатомъ столѣтіи, іезуиты были впереди своего вѣка, въ восемнадцатомъ же, они отстали отъ него. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, они были великими миссіонерами знанія, потому что надѣялись, съ помощью его, поработить себѣ совѣсть людей; въ восемнадцатомъ же столѣтіи, матеріалы, надъ которыми они работали, оказались тверже: имъ пришлось имѣть дѣло съ испорченнымъ, упрямымъ поколѣніемъ; они видѣли, какъ быстро начи-

нало падать духовенство во всѣхъ странахъ, и ясно понимали, что для сохраненія своей прежней власти, имъ оставалось только одно—задерживать развитіе того знанія, успѣхамъ котораго они прежде такъ много содѣйствовали.

При этихъ обстоятельствахъ государственные люди Франціи, почти съ самой половины восемнадцатаго столѣтія, рѣшились разрушить орденъ, который такъ долго управлялъ свѣтомъ, и былъ все еще величайшимъ оплотомъ церкви. Имъ помогло въ этомъ замѣчательное движеніе, происшедшее въ самой церкви. Движеніе это, какъ находящееся въ связи со взглядами наибольшей важности, заслуживаетъ вниманія даже тѣхъ, для кого богословскіе споры не имѣютъ никакого интереса.

Между многими вопросами, на которые метафизики истрачивали свою энергію, вопросъ о свободѣ воли возбуждалъ самые жаркіе споры. И чтò придало особенное ожесточеніе ихъ рѣчамъ, это то обстоятельство, что за такой, по преимуществу метафизическій, вопросъ взялись теологи и стали обсуждать его съ тѣмъ жаромъ, которымъ они вообще отличаются. Съ самаго времени Пелагія, если только не раньше, христіанство было раздѣлено на двѣ великія секты, которыя, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ соединялись неприметными оттѣнками, но всегда сохраняли главныя черты ихъ первоначальнаго различія. Одною сектою, свобода воли пошльно, и часто совершенно, отвергается; утверждаютъ, что мы не только не можемъ, своею собственною волею, сдѣлать какое нибудь похвальное дѣло, но даже если и сдѣлаемъ что хорошее, то оно будетъ безполезно, такъ какъ Божество предопредѣлило однимъ людямъ погибель, другимъ спасеніе. Другою сектою сильно поддерживается свобода воли; добрыя дѣла объявляются существенно необходимыми для спасенія; и противная партія обвиняется въ преувеличеніи того состоянія благодати, котораго необходимою принадлежностью является вѣра.

ху того времени. Но въ восемнадцатомъ вѣкѣ, какой нибудь ничтожный случай уже могъ служить предлогомъ для оправданія того, на что народъ заранѣе рѣшился. Слѣдовательно, приписывать это великое событіе банкротству какого нибудь купца, или интригамъ какой нибудь любовницы, значитъ смѣшивать причину дѣйствія съ предлогомъ, подъ которымъ оно было совершено. Въ глазахъ людей восемнадцатаго столѣтія, дѣйствительное преступленіе іезуитовъ заключалось въ томъ, что они скорѣе принадлежали къ прошедшему, чѣмъ къ настоящему, и что защищая злоупотребленія старыхъ учрежденій, они препятствовали прогрессу человѣчества. Они заграждали путь своему вѣку—и вѣкъ столкнулъ ихъ съ своего пути. Это и была настоящая причина уничтоженія іезуитовъ; ее едвали могутъ замѣтить тѣ писатели, которые, подъ видомъ исторіи, занимаются только собираніемъ разныхъ придворныхъ толковъ и сплетень и думаютъ, что судьбы великихъ народовъ рѣшаются въ переднихъ министровъ и въ совѣтахъ королей.

Послѣ паденія іезуитовъ, казалось ничто не могло уже спасти французскую церковь отъ немедленной гибели. Старый теологическій духъ уже съ нѣкотораго времени приходилъ въ упадокъ, и духовенство страдало еще болѣе отъ своихъ собственныхъ недостатко въ чѣмъ отъ тѣхъ нападеній, которымъ оно подвергалось. Увеличеніе знанія произвело во Франціи такіе же результаты, такіе мы уже замѣтили въ Англіи. Возрастающая прелесть науки привлекла на ея сторону многихъ знаменитыхъ людей, которые въ прежнее время были бы дѣятельными членами духовнаго сословія. То блестящее краснорѣчіе, которымъ отличалось французское духовенство, теперь исчезало и не слышно уже было голоса тѣхъ великихъ ораторовъ, по призыву которыхъ переполнялись храмы. Массильонъ былъ послѣднимъ изъ этой знаменитой породы людей, которые такъ порабощали умъ, и въ рѣчахъ которыхъ такъ много очарованія, что противъ нихъ и теперь даже трудно

устоять. Онъ умеръ въ 1742 году, и послѣ него между французскимъ духовенствомъ уже не было болѣе знаменитыхъ людей, ни въ какомъ родѣ —ни мыслителей, ни ораторовъ, ни писателей, и не было повидимому никакой вѣроятности, что оно возвратитъ свое утраченное положеніе. Въ то время, какъ все общество подвигалось впередъ, духовенство принимало обратное направленіе. Всѣ источники его власти изсякли; у него не было дѣятельныхъ вождей; оно потеряло довѣріе правительства; оно лишилось правъ на уваженіе народа; оно сдѣлалось предметомъ насмѣшекъ для людей того времени.

Съ перваго взгляда покажется страннымъ, что при этихъ обстоятельствахъ, французское духовенство было въ состояніи, въ продолженіе почти тридцати лѣтъ послѣ уничтоженія ордена іезуитовъ, сохранить свое положеніе на столько, чтобы безнаказанно вмѣшиваться въ общественныя дѣла. Но дѣло въ томъ, что этою временною отсрочкою своего паденія, духовное сословіе было обязано тому движенію, о которомъ я уже упоминалъ выше, и въ силу котораго французскій умъ, въ послѣдней половинѣ восемнадцатаго столѣтія, перенесся на другую почву и, устремивъ всю свою энергію противъ политическихъ злоупотребленій, пренебрегъ, въ нѣкоторой степени, тѣми злоупотребленіями духовенства, которыми до тѣхъ поръ ограничивалось его вниманіе. Результатомъ этого было то, что во Франціи правительство усиленно взялось за ту политику, которой основаніе положили дѣйствительно великіе мыслители, но къ которой они сами уже менѣе прилагали ревности. Замѣчательнѣйшіе изъ Французовъ стали нападать на правительство, и въ пылу своей новой борьбы, ослабили свою оппозицію церкви. Но посѣянныя ими сѣмена пускали, между тѣмъ, корни въ самомъ правительствѣ. Все шло такъ быстро, что тѣ анти-церковныя мнѣнія, за которыя, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, наказывали какъ за парадоксы злонамѣренныхъ людей, были теперь приняты и приводимы

гущественную партію во французскомъ парламентѣ. Около того же періода, ихъ вліяніе начинаетъ проявляться въ правительствѣ, и между чиновниками короны. Машо̀, занимавшій важное мѣсто генеральнаго контролера, сталъ открыто покровительствовать ихъ мнѣніямъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его удаленія, къ управленію дѣлами былъ призванъ Шуазёль, человѣкъ съ большими способностями, явно поддерживавшій янсенистовъ. Ихъ воззрѣнія поддерживали также Лаверди, бывшій генеральнымъ контролеромъ въ 1764 году, и Террэ занимавшій мѣсто контролера финансовъ въ 1769 году. Генеральный прокуроръ Жильберъ де Вуазенъ былъ янсенистомъ; этого же ученія придерживался и одинъ изъ его преемниковъ, Шовленъ, а также генеральный адвокатъ Пеллетье де Сентъ-Фаржо, и Камюсъ, извѣстный адвокатъ духовенства. Тюрго̀, величайшій государственный человѣкъ своего времени, какъ говорятъ, тоже послѣдовалъ этому ученію; Неккеръ же, который два раза обладалъ почти верховною властью, былъ суровый кальвинистъ. Къ этому можно прибавить, что не только Неккеръ, но и Руссо, которому по справедливости приписываютъ значительную долю участія въ произведеніи Революціи, родился въ Женевѣ, и почерпнулъ свои раннія идеи въ этой великой колыбели кальвинистской теологіи.

При подобныхъ условіяхъ, невозможно было удержаться такой корпораціи, какъ іезуиты. Они были послѣдними защитниками авторитета и преданія, и натурально, что они должны были пасть въ такой вѣкъ, когда государственные люди были скептики, а теологи-кальвинисты. Даже народъ уже обрекъ ихъ на погибель; и когда Даміенъ, въ 1757 году, покусился на жизнь короля, всѣ думали, что они были подстрекателями въ этомъ дѣлѣ. Мы знаемъ теперь, что это было несправедливо; но одно существованіе подобной молвы служитъ уже доказательствомъ всеобщаго настроенія. Какъ бы то ни было, но судьба іезуитовъ была рѣшена. Въ ап-

рѣлѣ 1761 года, парламентъ повелѣлъ, чтобы ему представлены были ихъ уставы. Въ августѣ, имъ было запрещено принимать вновь послушниковъ, ихъ коллегіи были закрыты, и нѣсколько изъ самыхъ знаменитыхъ сочиненій ихъ публично сожжены рукою палача. Наконецъ, въ 1762 году, изданъ былъ новый эдиктъ, которымъ іезуиты были осуждены, безъ предоставленія имъ даже права защищаться; ихъ собственность назначена въ продажу, а ихъ орденъ секуляризованъ; объявлено было, что «существованіе такой корпораціи не можетъ быть терпимо въ благоустроенномъ государствѣ», и ихъ учрежденія и общество были формально уничтожены.

Вотъ, какимъ образомъ, это великое общество, бывшее долгое время грозою всего свѣта, пало подъ ударами общественнаго мнѣнія. И паденіе его тѣмъ болѣе замѣчательно, что предлогъ, приведенный въ оправданіе пересмотра его уставовъ, былъ такъ ничтоженъ, что ни одно прежнее правительство ни малѣйшаго не обратило бы на него вниманія. Эта обширная духовная корпорація была, собственно, судима свѣтскимъ судомъ за недобросовѣстность въ торговой сдѣлкѣ и за отказъ уплатить сумму денегъ, которую, какъ говорили, она была должна! Самая вліятельная корпорація во всей католической церкви, духовные вожди Европы, воспитатели ея юношества и духовники ея королей, были призваны къ суду и судимы, во всемъ ихъ составѣ, за лживое непризнаніе простаго долга! Всѣ обстоятельства заранѣе такъ сложились, что признано было излишнимъ употребить, для уничтоженія іезуитовъ, одно изъ тѣхъ средствъ, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ, чтобы взволновать умы народа. Обвиненіе, на которомъ былъ основанъ ихъ приговоръ, заключалось не въ томъ, что они злоумышляли противъ государства, ни въ томъ, что они растлѣвали общественную нравственность, ни въ томъ, что они желали ниспровергнуть религію. Такія обвиненія встрѣчались въ XVII столѣтіи и соотвѣтствовали ду-

очень хорошо извѣстно, что все это поглощаетъ огромную часть того богатства, которое иначе перешло бы въ его хижины. Съ другой стороны, аристократія, по своему положенію, своимъ привычкамъ и своему воспитанію, пріобрѣтаетъ, естественнымъ образомъ, склонность къ тѣмъ тратамъ денегъ, которыя позволяютъ ей соединять наружный блескъ съ религіею, пышность съ благочестіемъ. Кромѣ того, она имѣетъ пріобрѣтенное нагляднымъ образомъ, основательное убѣжденіе, что собственные ея интересы соединены съ интересами духовенства и что все, ослабляющее одинъ изъ этихъ классовъ, должно ускорить и паденіе другаго. Вотъ почему всякая христіанская демократія упрощала свое внѣшнее богослуженіе; всякая же христіанская аристократія старалась придать ему болѣе блеска. И вообще можно сказать, по аналогіи съ этимъ, что чѣмъ болѣе какое нибудь общество стремится къ равенству, тѣмъ болѣе правдоподобно, что въ теологическихъ мнѣніяхъ своихъ оно придерживается ученія Кальвина; а чѣмъ сильнѣе въ обществѣ стремленіе къ неравенству, тѣмъ скорѣе можно предположить въ немъ убѣжденія арминіанскія

Легко было бы прослѣдить эту противоположность еще далѣе и показать, что кальвинизмъ болѣе благопріятствуетъ наукамъ, а арминіанизмъ искусствамъ; и что по тому же самому началу, первый болѣе годится для мыслителей, а второй для ученыхъ. Но не имѣя притязанія на изслѣдованіе этихъ различій во всей ихъ цѣлости, я считаю однако особенно необходимымъ замѣтить, что послѣдователи перваго ученія болѣе способны пріобрѣсти привычки независимаго мышленія, чѣмъ приверженцы послѣдняго; и это по двумъ различнымъ причинамъ. Во первыхъ, даже весьма посредственные люди изъ кальвинистской партіи, должны, по самому существу своихъ вѣрованій, руководствоваться, въ предметахъ религіи, скорѣе своимъ собственнымъ умомъ, чѣмъ умомъ другихъ. Поэтому, они вообще болѣе ограничены въ

умственномъ отношеніи, чѣмъ ихъ противники, но менѣе разборчивы; ихъ взгляды заимствованы конечно изъ менѣе обширной сферы, но за то они болѣе независимы; они менѣе привязаны къ древности и менѣе обращаютъ вниманія на тѣ преданія, которымъ арминіанскіе ученые придаютъ особенную важность. Во вторыхъ, тѣ которые соединяютъ съ своею религіею метафизику, приводятся кальвинизмомъ къ ученію о необходимости,—къ теоріи, которая, хотя часто ложно понимается, но вообще полна великими истинами и, болѣе чѣмъ всякая другая, способна развить умъ человѣка, потому что она ведетъ къ тому ясному пониманію закона, достиженіе котораго есть высшая ступень, до какой можетъ подняться человѣческій умъ.

Эти соображенія дадутъ возможность читателю понять огромную важность того возрожденія янсенизма, которое произошло во Французской церкви въ продолженіе восемнадцатаго столѣтія. Такъ какъ янсенизмъ есть, по существу своему, ученіе кальвинистическое, то во Франціи и обнаружились тѣ стремленія, которыми отличается кальвинизмъ. Явился пытливый, демократическій, непокорный духъ, который всегда сопровождалъ это вѣрованіе. Дальнѣйшее подтвержденіе вѣрности только что сдѣланныхъ нами выводовъ заключается въ томъ, что янсенизмъ ведетъ свое начало отъ уроженца Голландской Республики, что онъ введенъ во Франціи въ тотъ свѣтлый промежутокъ свободы, который предшествовалъ владычеству Людовика XIV, что онъ былъ усиленно угнетаемъ въ это самовластное царствованіе, и что прежде половины восемнадцатаго столѣтія, онъ уже опять поднялся, какъ естественный продуктъ того состоянія общества, которое привело къ Французской Революціи.

Связь между возрожденіемъ янсенизма и паденіемъ іезуитовъ очевидна. Послѣ смерти Людовика XIV, янсенисты стали быстро распространять свое вліяніе даже въ Сорбоннѣ, и около середины восемнадцатаго столѣтія, организовали мо-

Эти противоположные принципы, доведенные до своихъ логическихъ послѣдствій, должны привести первую секту къ антиноміанизму, а вторую къ ученію о сверхдолжныхъ дѣяніяхъ. Но такъ какъ въ этого рода предметахъ, люди гораздо болѣе чувствуютъ, чѣмъ разсуждаютъ, то обыкновенно случается такъ, что они охотнѣе слѣдуютъ какому нибудь общему, всѣми уважаемому знамени, или опираются на какое нибудь древнее имя; вотъ почему вообще послѣдователи упомянутыхъ двухъ ученій примыкаютъ, съ одной стороны, къ Августину, Кальвину и Янсенію, съ другой, къ Пелагію, Арминію и Молина.

Но вотъ замѣчательный фактъ: ученія, которыя въ Англіи называются кальвинистскими, всегда соединялись съ демократическимъ духомъ, между тѣмъ какъ арминіанизмъ находилъ наиболѣе покровительства у аристократической или протекціонной партіи. Въ республикахъ Швейцаріи, Сѣверной Америки и Голландіи, кальвинизмъ всегда былъ популярнымъ исповѣданіемъ. Съ другой стороны, въ тѣ тяжкіе дни, непосредственно слѣдовавшіе за смертью Елизаветы, когда нашей свободѣ угрожала погибель, когда англійская церковь, поддерживаемая короною, пыталась поработить совѣсть людей, и когда впервые было высказано чудовищное притязаніе епископовъ на божественное происхожденіе ихъ правъ,—арминіанизмъ сдѣлался любимымъ ученіемъ самыхъ способныхъ и наиболѣе честолюбивыхъ людей духовной партіи. Когда же пришло время жестокаго возмездія, то Пуритане и Индепенденты, которые были исполнителями мщеній, оказались почти всѣ безъ исключенія кальвинистами; мы не должны также забывать, что первое открытое движеніе противъ Карла началось съ Шотландіи, гдѣ уже давно господствовали принципы Кальвина,

Такое различіе въ стремленіяхъ этихъ двухъ вѣрованій такъ ясно обозначается, что изслѣдованіе причинъ его является необходимою частью всеобщей исторіи, и, какъ мы

вскорѣ увидимъ, тѣсно связано съ исторіею Французской Революціи.

Первое, что должно поразить насъ, это то обстоятельство, что кальвинизмъ есть ученіе для бѣднаго, а арминіанизмъ — для богатаго. Ученіе, настаивающее на необходимости одной вѣры, должно обходиться дешевле чѣмъ то, которое настаиваетъ на необходимости дѣлъ. Въ первомъ случаѣ, грѣшникъ ищетъ его въ изобиліи своихъ приношеній. А какъ эти приношенія, вездѣ гдѣ духовенство имѣетъ много власти, всегда получаютъ одно и то же назначеніе, то мы видимъ, что въ странахъ, благопріятствующихъ арминіанскому ученію о дѣлахъ, духовенство получаетъ бо́льшую плату, и церкви богаче украшаются, чѣмъ тамъ, гдѣ одержалъ верхъ кальвинизмъ. Дѣйствительно, даже при самомъ простомъ вычисленіи, становится очевиднымъ, что религія, сосредоточивающая нашу благотворительность на насъ самихъ, дешевле той, которая направляетъ ее на другихъ.

Вотъ первое важное практическое различіе двухъ вѣрованій—различіе, которое можетъ быть провѣрено всякимъ, кто знакомъ съ исторіею христіанскихъ народовъ, или даже кто путешествовалъ въ странахъ, гдѣ есть послѣдователи различныхъ исповѣданій. Должно также замѣтить, что римская церковь, богослуженіе которой преимущественно обращается къ чувствамъ, и которая любитъ великолѣпные соборы и пышныя церемоніи, всегда выказывала гораздо болѣе ожесточенія противъ кальвинистовъ, чѣмъ противъ какой либо другой протестантской секты.

Изъ этихъ обстоятельствъ должны были неизбѣжно возникнуть: аристократическое стремленіе арминіанизма и демократическое кальвинизма. Народъ любитъ пышность и великолѣпіе столько же, сколько и аристократы, но онъ не любитъ платить за удовлетвореніе этой потребности. Его неразвитый умъ легко плѣняется зрѣлищемъ многочисленнаго духовенства и пышностью хорошо убраннаго храма; тѣмъ не менѣе ему

обладавшими стремленіями, что не только быстро доставили своему автору огромную европейскую извѣстность, но, въ теченіе многихъ лѣтъ, пріобрѣтали все большее и большее вліяніе, и во Франціи, въ особенности, имѣли громадное значеніе. Такъ какъ въ этой странѣ возникли такіе взгляды, то для нея они болѣе всего и годились. Госпожа Дюдеффанъ, которая провела свою долгую жизнь посреди французскаго общества, и была одною изъ самыхъ тонкихъ наблюдательницъ своего времени, весьма удачно выразила это. Сочиненіе Гельвеція, говоритъ она, популярно, потому что этотъ человѣкъ высказалъ тайну каждаго.

Это правда, что для современниковъ Гельвеція, его взгляды, не смотря на ихъ огромную популярность, имѣли видъ тайны, потому что связь между ними и общимъ ходомъ дѣлъ тогда еще только смутно сознавалась. Для насъ же, разсматривающихъ этотъ вопросъ, послѣ такого промежутка времени и слѣдовательно съ помощью большей опытности, совершенно ясно видно, до какой степени эта система соотвѣтствовала потребностямъ того вѣка, котораго она служитъ выраженіемъ и признакомъ. Что Гельвецій долженъ былъ встрѣтить сочувствіе своихъ соотечественниковъ, это ясно видно не только изъ свидѣтельствъ о его успѣхѣ, но и изъ обзора общаго характера того времени. Когда онъ еще продолжалъ свои труды, и только за четыре года до ихъ обнародованія, появилось во Франціи сочиненіе, которое хотя и обнаруживало болѣе таланта и имѣло большее вліяніе, чѣмъ сочиненіе Гельвеція, но всетаки было написано совершенно въ томъ же направленіи. Я говорю о великомъ метафизическомъ трактатѣ Кондильяка, составляющемъ, во многихъ отношеніяхъ, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній восемнадцатаго столѣтія; авторитетъ его, въ продолженіе двухъ поколѣній, былъ такъ великъ, что безъ нѣкотораго знакомства съ этимъ сочиненіемъ, мы едвали можемъ понять свойства тѣхъ сложныхъ движеній, которыя произвели Французскую Революцію.

Въ 1754 году, Кондильякъ издалъ свое знаменитое сочиненіе объ умѣ, самое заглавіе котораго уже показываетъ, въ какомъ духѣ оно написано. Хотя этотъ глубокій мыслитель имѣлъ въ виду не болѣе ни менѣе какъ исчерпывающій анализъ человѣческихъ способностей, и хотя одинъ весьма даровитый, но враждебный критикъ, провозглашаетъ его единственнымъ метафизикомъ, какого произвела Франція за все восемнадцатое столѣтіе, но всетаки онъ нашелъ, что рѣшительно невозможно избѣжать тѣхъ стремленій ко внѣшнему, которыя господствовали въ его время. Слѣдствіемъ этого было то, что онъ назвалъ свое сочиненіе трактатомъ объ ощущеніяхъ. Въ немъ онъ положительнымъ образомъ утверждаетъ, что все, что мы знаемъ, есть результатъ ощущенія, подъ которымъ онъ разумѣетъ дѣйствіе, производимое на насъ внѣшнимъ міромъ. Что бы ни думали о вѣрности этого взгляда, но то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ проводится съ такою послѣдовательностью и такою строгостью въ умозаключеніяхъ, которыя достойны всякой похвалы. Однако разборъ доводовъ, подкрѣпляющихъ взглядъ Кондильяка, можетъ повести къ разсужденіямъ, чуждымъ моей настоящей цѣли, которая заключается только въ томъ, чтобы указать отношеніе между его философіею и общимъ направленіемъ его современниковъ. Поэтому, не имѣя никакого притязанія на что либо въ родѣ критическаго разбора этого знаменитаго сочиненія, я хочу просто представить сводъ всѣхъ существенныхъ положеній, составляющихъ его основаніе, съ тѣмъ чтобы сдѣлать очевидною связь, существующую между этою книгою и умственнымъ складомъ того времени, въ которомъ она появилась.

Матеріалы, изъ которыхъ была первоначально извлечена философія Кондильяка, заключались въ великомъ сочиненіи, изданномъ около шестидесяти лѣтъ до него, Локкомъ. Хотя многое изъ того, что составляетъ самую существенную часть этой философіи, было заимствовано отъ англійскаго писате-

избѣжанія нападеній дикихъ звѣрей, и пріисканія ежедневно необходимаго количества пищи. Что устройство нашего тѣла единственная причина нашего хваленаго превосходства, это становится очевиднымъ, когда мы разсудимъ, что наши мысли составляютъ не болѣе какъ продуктъ двухъ способностей, которыя въ насъ общи со всѣми другими животными, именно: способности принимать впечатлѣнія отъ внѣшнихъ предметовъ и способности запоминать эти впечатлѣнія, послѣ того какъ они приняты. Слѣдовательно, продолжаетъ Гельвецій, внутреннія способности въ человѣкѣ такія же, какъ и во всѣхъ другихъ животныхъ, и потому наша чувственная воспріимчивость и наша память были бы безполезны, еслибы не тѣ внѣшнія особенности, которыми мы въ высшей степени отличаемся и которымъ мы обязаны всѣмъ, что для насъ особенно дорого. Разъ мы имѣемъ эти положенія, изъ нихъ уже не трудно вывести всѣ главныя основанія нравственной дѣятельности. Ибо при томъ условіи, что память есть одинъ изъ органовъ физической воспріимчивости, а сужденіе—не болѣе какъ ощущеніе, всѣ понятія о долгѣ и добродѣтели оцѣниваются по ихъ отношенію къ чувствамъ; другими словами, измѣряются просто суммою физическихъ наслажденій, которыя они могутъ доставить. Вотъ настоящее основаніе нравственной философіи. Имѣть другой какой нибудь взглядъ, значитъ давать себя обманывать условными выраженіями, которыя ни на чемъ не основаны, кромѣ предразсудковъ невѣжественныхъ людей. Наши пороки и наши добродѣтели суть только результаты нашихъ страстей, которыя, въ свою очередь, порождаются нашею физическою чувствительностію къ боли и къ наслажденію. Такимъ именно путемъ впервые возникло сознаніе о справедливости. Физической чувствительности люди обязаны ощущеніемъ удовольствія и страданія; отсюда произошло сознаніе ихъ собственныхъ выгодъ и отсюда же родилось желаніе жить вмѣстѣ, въ обществахъ. Какъ только люди соединились въ общества, явилось понятіе объ

общей пользѣ, такъ какъ, безъ этого, общество не можетъ удержаться; а такъ какъ дѣйствія бываютъ справедливы или несправедливы только въ той мѣрѣ, въ какой они соотвѣтствуютъ этой общей пользѣ, то и установилось мѣрило, съ помощью котораго можно отличать справедливость отъ несправедливости. Въ томъ же непреклонномъ духѣ и съ необыкновенною полнотою положительныхъ примѣровъ, изслѣдуетъ Гельвецій и происхожденіе другихъ чувствъ, отъ которыхъ зависятъ человѣческія дѣянія. Такъ онъ говоритъ, что и честолюбіе, и дружба дѣло чисто физической чувствительности. Люди жаждутъ славы или ради удовольствія, котораго они ожидаютъ отъ одного обладанія ею, или же потому, что видятъ въ ней средство получить впослѣдствіи другія удовольствія. Что же касается дружбы, то единственная польза отъ нея состоитъ въ увеличеніи нашихъ удовольствій или въ смягченіи нашихъ страданій; съ этою именно цѣлью человѣкъ и желаетъ поддерживать сношенія съ своимъ другомъ. Кромѣ этого, жизнь ничего не можетъ дать намъ. Любить все доброе, ради одного добра, такъ же невозможно, какъ любить злое ради зла. Мать, плачущая о потерѣ своего ребенка, побуждается къ этому единственно эгоизмомъ; она грустить, потому что у нея отнято удовольствіе, и потому что она видитъ пустоту, которую трудно наполнить. И такъ, и самыя высокія добродѣтели, и самые низкіе пороки, одинаково порождаются тѣмъ удовольствіемъ, которое мы испытываемъ, дѣйствуя по ихъ внушенію. Всѣмъ, что мы имѣемъ, и всѣмъ, чѣмъ мы бываемъ, мы обязаны внѣшнему міру; и человѣкъ можетъ быть только тѣмъ, чѣмъ дѣлаютъ его тѣ предметы, которые его окружаютъ.

Взгляды, проводимые въ этомъ знаменитомъ сочиненіи, я изложилъ довольно подробно, не столько по причинѣ того таланта, съ какимъ они защищаются, сколько потому, что они даютъ ключъ къ объясненію движеній самаго замѣчательнаго вѣка. Дѣйствительно, они такъ вполнѣ согласовались съ пре-

держивались ни однимъ способнымъ человѣкомъ; къ тому же, при прежнемъ состояніи общества, они не могли произвести слишкомъ сильнаго впечатлѣнія на свое время. Но въ послѣдней половинѣ XVIII столѣтія, идеи эти имѣли вліяніе на всѣ отрасли французской литературы. Между 1758 и 1770 годами, атеистическія ученія быстро утвердились; и въ 1770 г. было издано знаменитое сочиненіе, подъ заглавіемъ *Система Природы*, успѣхъ котораго и, по несчастью, талантъ, съ которымъ оно написано, дѣлаетъ появленіе его довольно важною эпохою въ исторіи Франціи. Оно имѣло огромную популярность, и содержащіеся въ немъ взгляды были изложены такъ ясно и въ такомъ методическомъ порядкѣ, что оно заслужило названіе кодекса атеизма. Пять лѣтъ спустя, архіепископъ Тулузскій, въ формальномъ адресѣ къ королю, отъ имени духовенства, объявилъ, что атеизмъ сдѣлался господствующимъ убѣжденіемъ. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ подобныхъ увѣреніяхъ, должно быть много преувеличенія, но что въ немъ было много и правды, это знаетъ всякій, кто изучалъ складъ ума въ поколѣніи, непосредственно предшествовавшемъ Революціи. Между второстепенными писателями, Дамилавиль, Делейръ, Марешаль, Нэжонъ, Туссэнъ были дѣятельными защитниками этого холоднаго и мрачнаго ученія, которое, чтобы уничтожить надежду на будущую жизнь, заглушаетъ въ умѣ человѣка благородные инстинкты его собственнаго бэзсмертія. И довольно странно, что даже нѣкоторые изъ высшихъ умовъ не въ состояніи были избѣжать этой язвы. Кондорсэ, Д'Аламберъ, Дидрò, Гельвецій, Ландъ, Лапласъ, Мирабò и Сенъ-Ламберъ открыто защищали атеизмъ. Въ самомъ дѣлѣ, все это было до такой степени согласно съ общимъ настроеніемъ, что люди похвалялись въ обществѣ тѣмъ, что, въ другихъ странахъ, и въ другіе дни, было рѣдкимъ, страннымъ заблужденіемъ, какимъ-то эксцентрическимъ пятномъ, которое старались скрывать. Въ 1764 году, Юмъ встрѣтилъ, въ домѣ Барона Гол-

баха, общество самыхъ знаменитыхъ Французовъ, какіе были тогда въ Парижѣ. Великій Шотландецъ, безъ сомнѣнія знавшій о господствовавшемъ тогда мнѣніи, воспользовался однимъ случаемъ, чтобы завести рѣчь о томъ, существуютъ ли настоящіе атеисты, и сказалъ, что ему никогда не случалось встрѣтиться ни съ однимъ изъ такихъ людей. «Вы были довольно несчастливы», возразилъ ему Голбахъ, «но въ настоящую минуту вы сидите за столомъ съ семнадцатью изъ нихъ».

Этотъ случай, какъ онъ ни печаленъ, представляетъ намъ только одну изъ сторонъ того громаднаго движенія, въ силу котораго, французскій умъ, въ теченіе послѣдней половины восемнадцатаго столѣтія, отсталъ отъ изученія внутренняго міра и сосредоточилъ все свое вниманіе на изученіи внѣшняго. Мы находимъ интересный примѣръ этого направленія въ знаменитомъ сочиненіи Гельвеція, безспорно самомъ талантливомъ и самомъ вліятельномъ изслѣдованіи о нравственности, какое появлялось во Франціи въ этотъ періодъ. Сочиненіе это было издано въ 1758 году; и хотя оно носитъ названіе опыта «о Духѣ», но оно не содержитъ въ себѣ ни одного мѣста, изъ котораго мы могли бы заключить, что духъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ слово это обыкновенно употребляется, существуетъ. Въ этомъ сочиненіи, которое было въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, кодексомъ французской нравственности, изложены принципы, имѣющіе точно такое же отношеніе къ этикѣ, какое имѣетъ атеизмъ къ теологіи. Гельвецій, въ началѣ своего изслѣдованія, принимаетъ, какъ неопровержимый фактъ, что различіе между человѣкомъ и другими животными есть результатъ различія въ ихъ внѣшней формѣ; и что если бы, напримѣръ, руки, вмѣсто того чтобы оканчиваться кистями и гибкими пальцами, оканчивались какимъ нибудь подобіемъ лошадинаго копыта, то мы вѣчно блуждали бы по лицу земли, не зная никакого искусства, совершенно беззащитные, не имѣя никакой заботы, кромѣ

въ исполненіе сенаторами и министрами. Правители Франціи приводили въ дѣйствіе принципы, которые до тѣхъ поръ были просто дѣломъ теоріи; и такимъ образомъ оказалось, какъ и всегда бываетъ, что практическіе государственные люди только прилагали и выполняли идеи, давно уже заявленныя болѣе передовыми мыслителями.

Вотъ почему ни въ одномъ изъ періодовъ XVIII столѣтія, мыслители и дѣятели не соединялись вполнѣ противъ церкви: въ первой половинѣ столѣтія, духовенство подвергалось, главнѣйшимъ образомъ, нападеніямъ со стороны литературы, но не со стороны правительства, во второй же половинѣ, на него нападало правительство, но не литература. Нѣкоторыя изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ этотъ странный переходъ, были уже изложены, и, надѣюсь, ясно представляются уму читателя. Теперь я намѣренъ дополнить обобщеніе, доказавъ, что соотвѣтствующая перемѣна произошла и во всѣхъ другихъ отрасляхъ изслѣдованія; и что между тѣмъ какъ въ первомъ періодѣ, вниманіе преимущественно было обращено на умственныя явленія, во второмъ, оно устремлялось болѣе на явленія физическія. Отъ этого чрезвычайно усилилось политическое движеніе; потому что французскій умъ, перемѣнивъ сферу своей дѣятельности, перенесъ мысли людей съ внутренняго на внѣшній міръ, и сосредоточивъ ихъ вниманіе скорѣе на ихъ матеріальныхъ, чѣмъ на ихъ духовныхъ потребностяхъ, направилъ противъ захватовъ правительства ту вражду, которая прежде обращалась только противъ захватовъ церкви. Всякій разъ, какъ является стремленіе предпочитать происходящее извнѣ тому, что происходитъ изнутри, и такимъ образомъ возвеличивать матерію на счетъ духа, должно также обнаруживаться и стремленіе предполагать, что учрежденіе, которое стѣсняетъ наши мнѣнія, менѣе вредно, чѣмъ то, которое контролируетъ наши дѣйствія. Точно такимъ же образомъ, люди, отвергающіе основныя истины религіи, не станутъ заботиться о томъ, до какой степени эти истины

извращаются. Люди, отрицающіе существованіе Божества и безсмертіе души, не обратятъ никакого вниманія на то, въ какой мѣрѣ грубое внѣшнее богослуженіе затемняетъ эти высокія истины. Никакое идолопоклонство, никакія церемоніи, никакая пышность, никакіе догматы и никакія преданія, которыми задерживаются успѣхи истинной религіи, не причинятъ имъ ни малѣйшаго безпокойства, потому что они считаютъ одинаково лживыми и тѣ мнѣнія, которымъ не даютъ хода, и тѣ, которымъ покровительствуютъ. Зачѣмъ люди, которымъ неизвѣстны трансцендентальныя истины, станутъ трудиться надъ уничтоженіемъ суевѣрій, затемняющихъ эти истины? Подобное поколѣніе, не только не станетъ нападать на захваты, дѣлаемые церковью, но скорѣе будетъ смотрѣть на духовенство какъ на удобное орудіе для завлеченія невѣжественныхъ и обуздыванія черни. Поэтому-то намъ рѣдко случается слышать, чтобы искренній атеистъ былъ ревностнымъ полемикомъ. Но если бы случилось то, что было, сто лѣтъ тому назадъ, во Франціи, если бы люди съ большой энергіей, находящіеся подъ вліяніемъ описанныхъ мною выше чувствъ, оказались лицомъ къ лицу съ политическимъ деспотизмомъ, то они устремили бы противъ него всѣ свои силы, и дѣйствовали бы съ тѣмъ большею рѣшимостью, что считали бы все, что для нихъ важно, поставленнымъ на одну карту, и имѣли бы не только главною, но и единственною цѣлью земное счастіе.

Съ этой именно точки зрѣнія, развитіе атеистическихъ идей, зародившихся въ то время во Франціи, становится предметомъ, хотя и грустнымъ, но полнымъ интереса. Время появленія этихъ идей вполнѣ подтверждаетъ то, что я только что сказалъ относительно перемѣны, происшедшей въ половинѣ XVIII столѣтія. Первое великое сочиненіе, въ которомъ онѣ открыто проповѣдывались, была знаменитая Энциклопедія, изданная въ 1751 году. До этого времени, такія недостойныя мнѣнія, хотя и прорывались случайно, но не под-

ля, но въ одномъ весьма важномъ отношеніи, ученикъ отличался отъ учителя. И это различіе рѣзко обрисовываетъ то направленіе, которое начиналъ принимать въ то время французскій умъ. Локкъ, съ нѣкоторою небрежностью въ выраженіи, а можетъ быть и нѣкоторою неточностью въ мысли, увѣрялъ, что существуетъ отдѣльная способность мышленія, и утверждалъ, что съ помощью этой способности, продукты ощущенія могутъ приносить намъ пользу. Кондильякъ, движимый господствующимъ духомъ своего времени, не хотѣлъ и слышать о такомъ различіи. Онъ, подобно большей части своихъ современниковъ, съ ревностью смотрѣлъ на всякое притязаніе, усиливающее авторитетъ внутренняго и ослабляющее авторитетъ внѣшняго міра. Такимъ образомъ, онъ совершенно отвергаетъ способность мышленія, какъ источникъ нашихъ идей, частью потому, что эта способность есть только каналъ, въ который устремляются идеи, по выходѣ изъ чувствъ, а частью и потому, что въ началѣ, она и сама есть ощущеніе. И такъ, по его мнѣнію, весь вопросъ заключается только въ томъ, какимъ образомъ наше соприкосновеніе съ природою доставляетъ намъ идеи; потому что, по его системѣ, способности человѣка происходятъ единственно отъ дѣятельности его чувствъ. Сужденія, которыя мы составляемъ, говоритъ Кондильякъ, часто приписываются присутствію въ насъ Божества—удобный способъ умозаключенія, возникшій только вслѣдствіе трудности анализа сужденій. Только разсмотрѣвъ дѣйствительный порядокъ составленія нашихъ сужденій, мы можемъ устранить эти неясности. Дѣло въ томъ, что вниманіе, обращаемое нами на предметъ, есть ничто иное какъ ощущеніе, которое возбуждаетъ въ насъ этотъ предметъ; и то, что мы называемъ отвлеченными понятіями—не болѣе какъ различные виды нашей внимательности. По зарожденіи, такимъ образомъ, понятій, дальнѣйшій процессъ совершается весьма просто. Внимать двумъ понятіямъ въ одно

и то же время, значитъ сравнивать ихъ; такъ что сравненіе не есть результатъ вниманія, но скорѣе само вниманіе.

Это сразу даетъ намъ способность судить, ибо дѣлая прямо сравненіе, мы этимъ самымъ, по необходимости, составляемъ сужденіе. Точно также, память есть не болѣе какъ преобразившееся ощущеніе; между тѣмъ какъ воображеніе есть ничто иное, какъ память, которая, будучи доведена до возможно высшей степени живости, дѣлаетъ отсутствующее какъ бы присущимъ. И такъ впечатлѣнія, получаемыя нами отъ внѣшняго міра, суть не причины нашихъ способностей, а самыя способности. Изъ этого неизбѣжно слѣдуетъ, говоритъ Кондильякъ, что въ человѣкѣ природа есть начало всего; что природѣ обязаны мы всѣмъ нашимъ знаніемъ; что мы научаемся только отъ ея уроковъ и что все искусство умозаключенія должно состоять въ продолженіи того дѣла, къ выполненію котораго мы призваны природою.

Направленіе этихъ взглядовъ до такой степени очевидно, что для оцѣнки ихъ результата, мнѣ нѣтъ нужды брать другое какое либо мѣрило, кромѣ степени распространенія ихъ. Дѣйствительно, ревность, съ какой ихъ начали вводить во всѣ отрасли знанія, можетъ удивить лишь тѣхъ, которые, по своему умственному складу, могли изучать исторію только отдѣльными отрывками, а не привыкли смотрѣть на нее, какъ на одно цѣлое, и которые, поэтому, не замѣчаютъ, что въ каждой великой эпохѣ бываетъ въ ходу какая нибудь одна идея, которая пересиливая всѣ другія, даетъ свой характеръ всѣмъ событіямъ и опредѣляетъ ихъ окончательный исходъ. Во Франціи, въ продолженіе послѣдней половины восемнадцатаго столѣтія, такою идеею было подчиненіе внутренняго внѣшнему. Это тотъ опасный, хотя и благовидный принципъ, который отвлекъ вниманіе людей отъ церкви и направилъ его на государство, который проявлялся въ сочиненіяхъ Гельвеція, самаго знаменитаго изъ французскихъ моралистовъ, и Кондильяка, знаменитѣйшаго изъ французскихъ метафизиковъ.

Это тотъ самый принципъ, который возвысивъ, если можно такъ сказать, значеніе природы, заставилъ способнѣйшихъ мыслителей посвятить себя изученію ея законовъ, и покинуть другія занятія, пользовавшіеся въ прежнее время большою популярностью. Вслѣдствіе этого движенія, сдѣланы были такія удивительныя прибавленія въ каждой отрасли естественныхъ наукъ, что гораздо болѣе новыхъ истинъ, относящихся до внѣшняго міра, было открыто во Франціи въ продолженіе второй половины XVIII столѣтія, чѣмъ за всѣ предшествовавшіе періоды, взятые вмѣстѣ. Подробности этихъ открытій, на сколько они были пригодны для общихъ цѣлей цивилизаціи, будутъ разсказаны въ другомъ мѣстѣ; теперь же я укажу только на тѣ, которыя наиболѣе выдаются впередъ, съ тѣмъ чтобы читатель могъ понять дѣлаемые мною далѣе выводы, и могъ видѣть связь между этими открытіями и Французскою Революціею.

Бросивъ общій взглядъ на внѣшній міръ, мы можемъ сказать, что три самыя важныя силы, которыми совершаются всѣ отправленія природы, суть: теплородъ, свѣтъ и электричество—къ этому послѣднему я отношу и явленія магнетизма и галванизма. Всѣми этими предметами Французы теперь впервые стали заниматься съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Относительно теплорода, не только собираемы были съ неутомимымъ трудолюбіемъ матеріалы для позднѣйшихъ выводовъ, но даже прежде чѣмъ прошло одно поколѣніе, сдѣланы были и самые выводы; ибо въ то время какъ Прево вывелъ законы лучеиспусканія теплорода, законы теплопроводности были изслѣдованы Фурьѐ, который, передъ самою революціею, занялся возведеніемъ термотики на степень науки, путемъ дедуктивнаго примѣненія къ ней той знаменитой математической теоріи, которую онъ самъ придумалъ, и которая и до сихъ поръ носитъ его имя. Касательно электричества, достаточно замѣтить, что въ томъ же самомъ періодѣ, производились важные опыты Д'Алибара, а за ними слѣдовали

обширные изысканія Кулона, вслѣдствіе которыхъ явленія электричества подведены были подъ законы математики и такимъ образомъ довершено то, что подготовилъ уже Эпинусъ (Oepinus). Что же касается до законовъ свѣта, то накоплялись тѣ идеи, которыя проложили путь къ важнымъ открытіямъ, сдѣланнымъ, въ концѣ столѣтія, Малюсомъ и еще позднѣе Френэлемъ. Оба эти знаменитые Француза не только сдѣлали важныя прибавленія къ нашимъ свѣденіямъ о двойномъ преломленіи, но Малюсъ даже открылъ поляризацію свѣта — безъ сомнѣнія самая блестящая услуга, какая только была оказана оптикѣ, со времени разложенія солнечныхъ лучей. Вслѣдствіе этого, также, Френэль приступилъ къ глубокимъ изысканіямъ, утвердившимъ на прочномъ основаніи ту великую теорію волненій свѣта, основателями которой считаютъ Гука, Гюйгенса и, болѣе всего Юнга, которою окончательно была ниспровергнута атомистическая теорія Ньютона.

Вотъ какіе успѣхи сдѣлали Французы въ познаніи тѣхъ силъ природы, которыя сами по себѣ невидимы, и о которыхъ мы не можемъ положительно сказать, существуютъ ли онѣ въ видѣ какой нибудь матеріи, или же это не болѣе какъ состоянія или свойства другихъ тѣлъ. Громадное значеніе этихъ открытій, какъ увеличивающихъ число дознанныхъ истинъ, конечно неоспоримо; но въ то же самое время, сдѣланы были и другаго рода открытія, которыя, имѣя болѣе осязательное отношеніе къ видимому міру, и будучи, вслѣдствіе этого, легче понимаемы, произвели болѣе непосредственные результаты, и какъ я сейчасъ покажу, имѣли замѣчательное вліяніе на усиленіе того демократическаго стремленія, которое сопровождало Французскую Революцію. Совершенно невозможно, не выходя изъ предположенныхъ мною предѣловъ, дать сколько нибудь вѣрное понятіе о чудесной дѣятельности, съ какой Французы преслѣдовали теперь свои изысканія въ каждой области органическаго и неорганическаго міра; но я всетаки считаю возможнымъ сжать на нѣ-

сколькихъ страницахъ такой перечень болѣе выдающихся сторонъ этой дѣятельности, который могъ бы дать читателю нѣкоторую идею о томъ, что было сдѣлано поколѣніемъ великихъ мыслителей, процвѣтавшихъ во Франціи въ послѣдней половинѣ восемнадцатаго столѣтія.

Если мы ограничимъ нашъ взглядъ обитаемымъ нами земнымъ шаромъ, то должны согласиться, что двѣ науки, химія и геологія, не только весьма много обѣщаютъ въ будущемъ, но и содержатъ уже самыя обширныя обобщенія. Причина этого станетъ очевидна, если мы вникнемъ въ идеи, лежащія въ основаніи этихъ двухъ великихъ предметовъ. Идея химіи—изученіе состава, идея геологіи—изученіе положенія. Предметъ первой составляетъ изученіе законовъ, отъ которыхъ зависятъ свойства матеріи; предметъ второй—изученіе законовъ, обусловливающихъ мѣсто расположенія ея. Въ химіи, мы производимъ опыты; въ геологіи—наблюдаемъ. Въ химіи, мы имѣемъ дѣло съ частичнымъ строеніемъ малѣйшихъ атомовъ; въ геологіи—съ міровымъ строеніемъ огромныхъ массъ. Отъ этого происходитъ, что химикъ своею мелочностію, а геологъ своимъ величіемъ, соприкасаются съ двумя крайностями матеріальной вселенной; и исходя отъ этихъ противоположныхъ точекъ, постоянно обнаруживаютъ, какъ я легко могу доказать, все большее и большее стремленіе подчинить своей власти такія науки, которыя имѣютъ въ настоящее время независимое существованіе и которыя, ради раздѣленія труда, все еще признается болѣе удобнымъ изучать отдѣльно, между тѣмъ какъ дѣло собственно такъ называемой философіи соединить ихъ въ одно полное, дѣйствительное цѣлое. И въ самомъ дѣлѣ ясно, что если бы мы знали всѣ законы, опредѣляющіе составы матеріи, и также всѣ законы, отъ которыхъ зависитъ ея положеніе, то мы также знали бы и всѣ перемѣны, которымъ она способна подвергнуться самопроизвольно, то есть, когда ей не становится въ этомъ помѣхою умъ человѣка. Каждое явле-

ніе, представляемое какимъ нибудь даннымъ веществомъ, должно зависѣть или отъ чего нибудь заключающагося въ самомъ веществѣ, или отъ такой причины, которая находится внѣ его; при этомъ все, что происходитъ внутри матеріи, объясняется ея составомъ, а то что случается внѣ ея, должно зависѣть отъ положенія ея относительно тѣхъ предметовъ, которые имѣютъ на нее дѣйствіе. Вотъ положенія, примѣнимыя ко всевозможнымъ случаямъ, и все, что ни случается должно подходить подъ который нибудь изъ этихъ двухъ разрядовъ законовъ; даже упомянутыя выше таинственныя силы, исходятъ ли онѣ изъ матеріи, или же суть только свойства матеріи, должны, при окончательномъ анализѣ ихъ. оказаться зависящими или отъ внутренняго устройства, или отъ внѣшняго положенія ихъ физическихъ предыдущихъ. Поэтому, какъ бы ни было удобно, при настоящемъ состояніи нашего знанія, говорить о жизненныхъ принципахъ, о невѣдомыхъ жидкостяхъ и упругихъ эѳирахъ, подобные термины могутъ быть только временными, и ихъ слѣдуетъ считать не болѣе какъ названіями, принятыми для тѣхъ оставшихся необъясненными фактовъ, подведеніе которыхъ подъ общія правила, довольно обширныя, чтобы обнять все и на все распространяться, будетъ дѣломъ грядущихъ вѣковъ.

Такъ какъ эти идеи состава и положенія лежатъ въ основаніи всѣхъ естественныхъ наукъ, то не удивительно, что химія и геологія, ихъ лучшіе, хотя все еще несовершенные, представители, должны были сдѣлать въ новѣйшія времена болѣе успѣховъ, чѣмъ какая либо другая изъ главныхъ отраслей человѣческаго знанія. Хотя химики и геологи не поднялись еще до крайней высоты въ своихъ предметахъ, но всетаки можетъ ли что быть любопытнѣе той быстроты, съ какою они расширяли свои взгляды, въ продолженіе двухъ послѣднихъ поколѣній, вдаваясь въ такіе вопросы, до которыхъ, казалось бы съ перваго взгляда, имъ нѣтъ дѣла, под-

чиняя другія отрасли изслѣдованія своимъ, и набираясь отвсюду тѣхъ умственныхъ сокровищъ, которыя, долго скрываемыя въ темныхъ закоулкахъ, растрачивались въ разработкѣ спеціальныхъ, второстепенныхъ предметовъ. Такъ какъ это одна изъ великихъ умственныхъ характеристикъ настоящаго времени, то я разсмотрю ее впослѣдствіи съ большою подробностью; теперь же я долженъ только доказать, что въ этихъ двухъ обширныхъ наукахъ, которыя хотя еще весьма несовершенны, но должны современемъ стать выше всѣхъ другихъ, первые важные шаги были сдѣланы Французами, въ теченіе послѣдней половины XVIII столѣтія.

Что мы обязаны Франціи существованіемъ химіи, какъ науки, съ этимъ согласится всякій, кто употребляетъ слово наука въ томъ единственно смыслѣ, въ которомъ оно должно быть употребляемо, т. е. какъ сводъ обобщеній, вѣрность которыхъ до такой степени непреложна, что они хотя и могутъ быть современемъ заслонены высшими обобщеніями, но не могутъ быть разрушены ими; другими словами, такихъ обобщеній, которыя могутъ быть поглощены, но не опровергнуты. Съ этой точки зрѣнія, исторія химіи представляетъ только три перехода. Первый переходъ составляло паденіе флогистической теоріи, и основаніе, на развалинахъ ея, ученія объ окисленіи, сгараніи и дыханіи. Второй переходъ заключался въ установленіи начала опредѣленныхъ пропорцій и примѣненіи къ нему атомистической гипотезы. Третій переходъ — выше чего мы еще не поднимались—составляетъ соединеніе химическихъ законовъ съ законами электричества и успѣшное стремленіе связать, въ одномъ общемъ выводѣ, разрозненныя явленія обоихъ началъ. Который изъ этихъ трехъ переходовъ имѣлъ, въ свое время, наибольшее значеніе, до этого намъ теперь нѣтъ дѣла; но то достовѣрно, что первый изъ нихъ былъ результатомъ дѣятельности Лавуазье́, величайшаго изъ французскихъ химиковъ. До него, нѣсколько важныхъ вопросовъ были выяснены англійскими

химиками, опыты которыхъ раскрыли существованіе дотолѣ неизвѣстныхъ тѣлъ. Но звеньевъ которыми можно было бы связать эти факты, еще недоставало, и покуда Лавуазье не выступилъ на то же поприще, не было обобщеній достаточно обширныхъ для того, чтобы химія могла справедливо назваться наукою; или, говоря точнѣе, единственный широкій выводъ, принятый всѣми, былъ сдѣланъ Сталемъ, но великій французскій химикъ доказалъ, что выводъ этотъ не только не полонъ, но даже и совершенно невѣренъ. Свѣденія объ обширныхъ открытіяхъ Лавуазье можно найти во многихъ извѣстныхъ сочиненіяхъ; намъ же достаточно сказать, что онъ не только выработалъ законы окисленія тѣлъ и ихъ сгаранія, но былъ также творцомъ истинной теоріи дыханія, чисто химическій характеръ котораго онъ первый доказалъ, —чѣмъ и положилъ основаніе тѣмъ взглядамъ на назначеніе пищи, которые были развиты впослѣдствіи нѣмецкими химиками и которые, какъ я доказалъ во второй главѣ этого введенія, могутъ быть приложены къ разрѣшенію нѣкоторыхъ важныхъ задачъ въ исторіи человѣка. Заслуга, въ этомъ дѣлѣ, такъ очевидно принадлежала Франціи, что хотя система, возникшая изъ этихъ открытій, была быстро принята и въ другихъ странахъ, она всетаки получила названіе французской химіи. Въ то же время, вслѣдствіе множества ошибокъ, которыми была наполнена старая номенклатура, потребовалась новая терминологія и въ этомъ, опять, иниціатива принадлежала Франціи; великая реформа эта была начата ея четырьмя знаменитѣйшими химиками, прославившимися не болѣе какъ за нѣсколько лѣтъ до Революціи.

Въ то время какъ одна часть французскихъ мыслителей была занята приведеніемъ въ порядокъ кажущихся неправильностей химическихъ явленій, другая часть оказывала такую же услугу геологіи. Первая попытка популяризировать эту благородную науку была сдѣлана Бюффономъ, предложившимъ, въ половинѣ XVIII столѣтія, геологическую теорію, которая

хотя и не была совершенно оригинальна, но возбудила вниманіе своимъ краснорѣчіемъ и связанными съ нею возвышенными умозрѣніями. За этимъ слѣдовали болѣе спеціальные, но тѣмъ не менѣе важные труды Руэлля, Демарэ, Доломье, и Монлозье, которые, менѣе чѣмъ въ сорокъ лѣтъ, произвели совершенный переворотъ въ идеяхъ Французовъ, освоивъ ихъ съ страннымъ представленіемъ, что поверхность нашей планеты, даже тамъ, гдѣ она кажется совершенно неизмѣнною, постоянно подвергается самымъ обширнымъ измѣненіямъ. Стали понимать, что эти вѣчные приливы и отливы происходятъ не только въ тѣхъ частяхъ природы, которыя очевидно слабы и подвержены исчезновенію, но и въ тѣхъ, которыя повидимому соединяютъ въ себѣ всѣ элементы прочности и постоянства, какъ напримѣръ гранитныя горы, стѣною облегающія земной шаръ и составляющія ту кору, ту облицевку, въ которой онъ держится. Какъ только умъ привыкъ къ этой идеѣ повсемѣстныхъ перемѣнъ, то настало время для появленія великаго мыслителя, который обобщилъ бы разбросанныя наблюденія и возвелъ ихъ въ науку, связавъ съ какою либо другою отраслію знанія, законы которой или, по крайней мѣрѣ, эмпирическія однообразія явленій, уже приведены въ извѣстность.

Въ этотъ именно моментъ, когда изслѣдованія геологовъ, не смотря на всѣ ихъ достоинства, были еще незрѣлы и шатки, взялся за дѣло Кювье, одинъ изъ величайшихъ натуралистовъ, какихъ когда либо производила Европа. Не многіе превосходили его глубиною воззрѣнія, а по обширности ума, едвали кто стоялъ выше его; при томъ, громадный кругъ изученныхъ имъ предметовъ дѣлалъ для него особенно удобнымъ наблюденіе надъ всѣми явленіями и по всѣмъ частямъ внѣшняго міра. Этотъ замѣчательный человѣкъ былъ, безъ сомнѣнія, основателемъ геологіи, какъ науки, потому что не только онъ первый увидѣлъ необходимость примѣнить къ ней общія выводы сравнительной анатоміи, но ему же первому

на самомъ дѣлѣ удалось осуществить эту великую мысль, связавъ изученіе земныхъ пластовъ съ изученіемъ находимыхъ въ нихъ окаменѣлыхъ животныхъ. Правда, что незадолго до обнародованія его изслѣдованій, были собраны многіе важные факты, относящіеся до отдѣльныхъ слоевъ, такъ какъ первичныя формаціи были изслѣдованы Нѣмцами, а вторичныя Англичанами; но эти наблюденія, при всемъ ихъ достоинствѣ, оставались разрозненными; въ нихъ не было того широкаго взгляда, который придалъ единство и величіе всему цѣлому, связавъ изслѣдованія о неорганическихъ измѣненіяхъ поверхности земнаго шара съ другими изслѣдованіями, объ органическихъ измѣненіяхъ животныхъ, находившихся на этой поверхности.

Что этимъ громаднымъ шагомъ мы вполнѣ обязаны Франціи, это очевидно не только изъ того, что сдѣлалъ Кювье, но также и изъ всѣми признаннаго факта, что Французамъ мы обязаны нашими познаніями относительно третичныхъ слоевъ, въ которыхъ органическіе остатки наиболѣе многочисленны и въ которыхъ особенно много аналогіи со всѣмъ существующимъ въ настоящее время. Сюда же можно отнести и другое обстоятельство, приводящее къ тому же заключенію, а именно: что первое примѣненіе началъ сравнительной анатоміи къ изученію ископаемыхъ костей было также дѣломъ Француза, знаменитаго Добантона. До него, эти кости были предметомъ безсмысленнаго удивленія; нѣкоторые говорили, что онѣ упали съ неба, другіе — что это гигантскіе члены древнихъ патріарховъ, которымъ приписывали большой ростъ, потому что они были весьма стары. Такія нелѣпыя понятія были навсегда разсѣяны Добантономъ, издавшимъ въ 1762 году, мемуаръ, о которомъ намъ теперь приходится сказать только одно — что онъ свидѣтельствуетъ о тогдашнемъ состояніи французскаго ума и что онъ составлялъ преддверіе къ открытіямъ Кювье.

Такимъ соединеніемъ геологіи съ анатоміею, впервые вне-

сено было въ изученіе природы ясное понятіе о дивной теоріи повсемѣстныхъ перемѣнъ, и рядомъ съ нимъ возникло столь же опредѣлительное понятіе о правильности, съ какою перемѣны эти происходятъ и о непреложныхъ законахъ, которыми онѣ управляются. Подобныя идеи, безъ сомнѣнія, проявлялись, по временамъ, и въ предыдущіе вѣка, но великіе французскіе мыслители XVIII столѣтія первые примѣнили ихъ ко всему строенію земнаго шара, и такимъ образомъ проложили путь къ тому еще болѣе возвышенному взгляду, для котораго ихъ умы еще не были довольно зрѣлы, но до котораго въ наше время, быстро возвышаются самые передовые мыслители. Теперь начинаютъ уже понимать, что каждое прибавленіе къ нашимъ знаніямъ, принося новыя доказательства правильности, съ которою совершаются всѣ перемѣны въ природѣ, должно приводить насъ къ убѣжденію, что та же правильность существовала и задолго до того, какъ наша маленькая планета приняла свой теперешній видъ и какъ появился на поверхности земли человѣкъ. Мы имѣемъ самыя полныя доказательства, что перемѣны, безпрерывно происходящія въ матеріальномъ мірѣ, имѣютъ характеръ однообразія; однообразіе это такъ ясно обозначается, что въ астрономіи, самой совершенной изъ всѣхъ наукъ, мы можемъ предсказывать явленія за много лѣтъ до ихъ дѣйствительнаго совершенія; и никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что если бы и по другимъ предметамъ, знаніе наше простерлось такъ же далеко, то и въ нихъ предсказанія наши были бы не менѣе точны. И такъ ясно, что тягость представленія доказательствъ падаетъ не на тѣхъ, кто признаетъ вѣчную правильность природы, а скорѣе на тѣхъ, кто отрицаетъ ее и кто опредѣляетъ воображаемый періодъ, относя къ нему воображаемый переворотъ, во время котораго, возымѣли будто бы дѣйствіе новые законы и установился новый порядокъ вещей. Такія произвольныя утвержденія, если имъ даже и суждено со временемъ оказаться вѣрными, не могутъ однако ничѣмъ быть

оправданы, при нынѣшнемъ состояніи науки, и должны быть отброшены, какъ послѣдніе остатки тѣхъ теологическихъ предразсудковъ, которые, поочередно задерживали успѣхи каждой науки. Эти и всѣ подобныя имъ понятія дѣлаютъ двойное зло. Они вредны потому, что извращаютъ человѣческій умъ, полагая предѣлы его изслѣдованіямъ, а болѣе всего вредны въ томъ отношеніи, что ослабляютъ широкую идею постояннаго, непрерывно дѣйствующаго закона, идею, которую, безъ сомнѣнія, немногіе могутъ прочно усвоить себѣ, но изъ которой должны вытекать конечныя, высшія обобщенія грядущей науки.

Это именно глубокое убѣжденіе въ томъ, что измѣняющіяся явленія слѣдуютъ неизмѣннымъ законамъ и что есть начала порядка, подъ которыя можетъ быть подведенъ всякій кажущійся безпорядокъ, руководило, въ XVII столѣтіи, въ ограниченной сферѣ, Бэкона, Декарта и Ньютона, а въ XVIII столѣтіи было примѣнено ко всѣмъ областямъ матеріальнаго міра; на обязанности же XIX столѣтія лежитъ распространить его и на исторію человѣческаго ума. Этою послѣднею отраслью изслѣдованія мы обязаны, главнымъ образомъ, Германіи, потому что, за исключеніемъ одного Вико, никто и не подозрѣвалъ возможности придти къ полнымъ выводамъ относительно прогресса человѣчества, пока, незадолго до Французской Революціи, великіе германскіе мыслители не начали разработывать этотъ наиболѣе возвышенный и трудный изъ всѣхъ предметовъ изученія. Сами же Французы были слишкомъ заняты естественными науками, чтобы обращать вниманіе на такіе предметы, и мы можемъ вообще сказать, что въ XVIII столѣтіи, каждая изъ трехъ первостепенныхъ націй Европы играла свою особую роль: Англія распространяла любовь къ свободѣ, Франція — знаніе естественныхъ наукъ, а Германія, поддерживаемая въ извѣстной степени Шотландіею, возобновляла изученіе метафизики и вводила новое изученіе—философіи исторіи. Изъ этого рас-

предѣленія могутъ быть, конечно, сдѣланы нѣкоторыя исключенія, но то достовѣрно, что такова именно была отличительная характеристика поименованныхъ трехъ странъ. Послѣ смерти Локка (въ 1704 году) и Ньютона (въ 1727), въ Англіи оказался ощутительный недостатокъ въ великихъ отвлеченныхъ мыслителяхъ, и это не потому, чтобы недоставало дарованій, а потому, что дарованія эти были направлены частью на цѣли практическія, частью же на политическія распри. Я впослѣдствіи займусь разсмотрѣніемъ причинъ этой особенности и постараюсь привести въ извѣстность, до какой степени она вліяла на судьбы Англіи. Что результаты ея были вообще благодѣтельны, въ этомъ я несомнѣваюсь; но безспорно также и то, что направленіе это вредило успѣхамъ науки, потому что отвращало умы отъ всѣхъ новыхъ истинъ, исключая тѣхъ, которыя могли принести очевидную, практическую пользу. Слѣдствіемъ этого было то, что хотя Англичане сдѣлали нѣсколько великихъ открытій, но у нихъ, въ теченіе 70 лѣтъ, не было ни одного человѣка, который бы имѣлъ дѣйствительно широкій взглядъ на явленія природы; не было никого, кто бы могъ сравниться съ тѣми знаменитыми мыслителями, которые, во Франціи, преобразовали всѣ отрасли естествознанія. Не ранѣе какъ черезъ два слишкомъ поколѣнія послѣ смерти Ньютона, показались первые признаки замѣчательной реакціи, которая быстро распространилась почти на всѣ отрасли умственной дѣятельности націи. По части физики, достаточно упомянуть о Дальтонѣ, Дэви и Юнгѣ, изъ которыхъ каждый былъ основателемъ новой эпохи; по другимъ же предметамъ, я могу только сослаться, во первыхъ, на вліяніе шотландской школы а во вторыхъ, на то внезапно возбудившееся, вполнѣ заслуженное, уваженіе къ германской литературѣ, главнымъ представителемъ котораго былъ Кольриджъ, и которое развило въ англійскихъ умахъ вкусъ къ такимъ возвышеннымъ и смѣлымъ обобщеніямъ, какихъ не знали до того времени. Исторія этого об-

ширнаго движенія, проявившагося съ самаго начала XIX столѣтія, будетъ разсказана въ послѣдующихъ томахъ этого сочиненія, въ настоящее же время я только упоминаю о немъ, въ поясненіе того факта, что до начала этого движенія, Англичане, хотя и превосходившіе Французовъ въ нѣкоторыхъ предметахъ, имѣвшихъ чрезвычайную важность, уступали имъ въ тѣхъ широкихъ, философскихъ воззрѣніяхъ, безъ которыхъ не только не можетъ принести никакой пользы даже самый терпѣливый трудъ, но и дѣйствительно сдѣланныя открытія не имѣютъ полной цѣны, такъ какъ, безъ привычки къ обобщенію, невозможно замѣтить существующую между ними связь и сплотить ихъ разрозненныя части въ одну обширную систему полной, стройной истины.

Интересъ, связанный вообще съ этого рода изслѣдованіями, заставилъ меня остановиться на нихъ нѣсколько долѣе, чѣмъ я намѣревался, и можетъ быть долѣе, чѣмъ сколько это умѣстно въ настоящемъ введеніи, заключающемся преимущественно въ намекахъ и имѣющемъ характеръ пріуготовительный. Но необыкновенный успѣхъ, съ какимъ начали теперь заниматься Французы естественными науками, представляетъ такъ много любопытнаго по своей связи съ Революціею, что я не могу не привести еще нѣсколькихъ примѣровъ, особенно бросающихся въ глаза,—хотя, ради краткости, я ограничусь только тѣми тремя главными отдѣлами, которые, взятые вмѣстѣ, составляютъ такъ называемую Естественную Исторію. По всѣмъ этимъ отдѣламъ, самые важные шаги были сдѣланы во Франціи, въ теченіе послѣдней половины XVIII столѣтія.

По первому изъ этихъ отдѣловъ, именно по части зоологіи, мы обязаны Французамъ XVIII вѣка самыми высшими обобщеніями, какихъ достигала, до сихъ поръ эта отрасль знанія. Зоологія, принимаемая въ собственномъ смыслѣ этого слова, состоитъ только изъ двухъ частей: изъ анатомиче-

ской, которая составляетъ ея статику, и физіологической, которая есть ея динамика; первая занимается строеніемъ животныхъ, вторая—ихъ отправленіями. Обѣ части были разработываемы почти въ одно время Кювье и Биша̀, и главные изъ сдѣланныхъ ими выводовъ остаются, по прошествіи шестидесяти лѣтъ, неизмѣнными въ существенныхъ частяхъ своихъ. Въ 1795 году. Кювье установилъ великій принципъ, что изученіе и классификація животныхъ должны основываться не на ихъ внѣшнихъ особенностяхъ, какъ было прежде, а на ихъ внутренней организаціи, и что, слѣдовательно, не можетъ быть дѣйствительнаго прогресса въ этомъ знаніи, безъ расширенія предѣловъ сравнительной анатоміи. Этотъ шагъ, какъ ни кажется онъ простъ въ настоящее время, имѣлъ тогда огромную важность, потому что онъ разомъ вырвалъ зоологію изъ рукъ наблюдателя и передалъ ее въ руки экспериментатора; послѣдствіемъ этого было достиженіе той опредѣлительности и вѣрности въ подробностяхъ, къ которой можетъ привести только опытъ, и которая во всѣхъ отношеніяхъ важнѣе тѣхъ общепонятныхъ фактовъ, какіе даетъ наблюденіе. Указавъ, такимъ образомъ, натуралистамъ истинный путь изслѣдованія, пріучивъ ихъ къ точному и строгому методу, и научивъ пренебрегать неопредѣлительными описаніями, которыми они прежде увлекались, Кювье положилъ основаніе тому прогрессу, который въ послѣднія шестьдесятъ лѣтъ превзошелъ всякія ожиданія. И такъ, настоящая заслуга Кювье заключается въ томъ, что онъ ниспровергнулъ искусственную систему, созданную геніемъ Линнея, и построилъ на мѣсто ея гораздо болѣе совершенную теорію, которая давала самый полный просторъ будущимъ изслѣдованіямъ, такъ какъ на основаніи ея, всѣ системы должны считаться несовершенными и временными до тѣхъ поръ, пока будетъ еще оставаться что либо не изслѣдованнымъ по части сравнительной анатоміи животнаго царства. Вліяніе, произведенное этимъ великимъ взглядомъ, еще

болѣе усилилось вслѣдствіе необыкновеннаго умѣнія и трудолюбія, съ какимъ самъ авторъ проводилъ его и доказывалъ удобопримѣняемость проповѣдуемыхъ имъ началъ. Прибавленія, сдѣланныя имъ къ нашему знанію сравнительной анатоміи, вѣроятно многочисленнѣе, сдѣланныхъ кѣмъ либо другимъ; но что̀ доставило ему особенную славу, это та дальновидность, съ какою онъ употреблялъ въ дѣло свои пріобрѣтенія. Независимо отъ другихъ обобщеній, онъ былъ еще авторомъ широкаго дѣленія всего животнаго царства на позвоночныхъ, моллюсковъ, суставчатыхъ и лучистыхъ—дѣленія, которое и до сихъ поръ удержалось и является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ обширнаго, философскаго взгляда, примѣненнаго во Франціи къ явленіямъ матеріальнаго міра.

Но какъ ни славно имя Кювьѐ, другое имя, о которомъ мнѣ остается упомянуть, еще славнѣе. Я разумѣю, конечно, Биша̀, слава котораго постоянно возрастаетъ, по мѣрѣ успѣховъ, дѣлаемыхъ нашимъ знаніемъ, и который—если вспомнить, какъ не долго онъ жилъ и какъ далеко, между тѣмъ, успѣлъ зайти въ своихъ воззрѣніяхъ—долженъ быть признанъ самымъ глубокимъ изъ мыслителей и самымъ тонкимъ изъ всѣхъ наблюдателей, какіе изучали до сихъ поръ устройство животнаго организма. Правда, что ему недоставало тѣхъ обширныхъ познаній, которыми отличался Кювьѐ; но хотя, вслѣдствіе этого, обобщенія его были заимствованы изъ менѣе обширной сферы, за то, съ другой стороны, въ нихъ было менѣе временнаго: они были, мнѣ кажется, законченнѣе и, безъ сомнѣнія, обнимали предметы большей важности. Вниманіе Биша̀ было преимущественно устремлено на человѣческій организмъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; цѣль его была на столько изслѣдовать этотъ организмъ, чтобы возвыситься, если можно, до нѣкотораго знанія причинъ и свойствъ нашей жизни. Это дивное предпріятіе не удалось ему во всей цѣлости, но то̀, чего онъ достигъ въ нѣкото-

рыхъ частяхъ его, такъ необыкновенно, и сообщило такой толчокъ нѣкоторымъ изъ высшихъ отраслей изслѣдованія, что я укажу вкратцѣ на принятый имъ методъ, съ тѣмъ чтобы сравнить его съ методомъ, которому въ то же время слѣдовалъ, съ огромнымъ успѣхомъ, Кювьè.

Важный шагъ, сдѣланный Кювьè, заключался въ томъ, что онъ настоялъ на необходимости всесторонняго изученія органовъ животныхъ, вмѣсто того, чтобы, слѣдуя старой системѣ, описывать ихъ привычки и внѣшнія особенности. Это было большимъ улучшеніемъ, потому что на мѣсто шаткихъ популярныхъ наблюденій, онъ поставилъ прямой опытъ и тѣмъ сообщилъ зоологіи неизвѣстную дотолѣ точность. Но Бишà, съ еще большею проницательностью, замѣтилъ, что и этого недостаточно. Онъ видѣлъ, что такъ какъ каждый органъ состоитъ изъ различныхъ тканей, то нужно изучить самыя ткани, прежде чѣмъ узнавать, какимъ образомъ изъ ихъ сочетанія составляются органы. Эта, какъ и всѣ истинно великія идеи, не была вполнѣ выработана однимъ человѣкомъ, ибо физіологическое значеніе тканей было признаваемо тремя или четырьмя изъ непосредственныхъ предшественниковъ Бишà, какъ то, Кармикаэлемъ Смитомъ, Бонномъ, Бордё и Фаллопіемъ. Однако эти изслѣдователи, при всемъ своемъ трудолюбіи, не сдѣлали ничего важнаго; хотя они и собрали нѣкоторые частные факты, но въ ихъ наблюденіяхъ былъ тотъ же недостатокъ гармоніи и замѣчалась та же вообще неполнота, которою всегда отличаются труды людей, не возвышающихся до всесторонняго взгляда на предметъ, съ которымъ они имѣютъ дѣло.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ началъ Бишà тѣ изслѣдованія, которыя, по ихъ результатамъ въ настоящемъ, а еще болѣе по тѣмъ плодамъ, какихъ можно было ожидать отъ нихъ въ будущемъ, составляютъ вѣроятно самое цѣнное изъ пріобрѣтеній, какими бывала когда либо обязана Физіологія уму отдѣльнаго человѣка. Въ 1801 году, только за

годъ до своей смерти, онъ напечаталъ свое обширное сочиненіе объ анатоміи, въ которомъ изученіе органовъ совершенно подчинено изученію входящихъ въ составъ ихъ тканей. Онъ говоритъ, что тѣло человѣка состоитъ изъ двадцати одной разныхъ тканей, которыя всѣ, хотя и отличаются существенно одна отъ другой, но имѣютъ два общихъ свойства: способность растягиваться и способность сжиматься. Ткани эти, онъ съ неутомимымъ трудолюбіемъ подвергалъ всякаго рода изслѣдованіямъ; онъ разсматривалъ ихъ въ различныхъ возрастахъ и при различныхъ болѣзняхъ, дабы привести въ извѣстность законы какъ нормальнаго, такъ и патологическаго развитія ихъ. Онъ изучалъ, въ какой мѣрѣ каждая ткань подвергается вліянію влажности, воздуха и температуры; а также, на сколько свойства ихъ измѣняются отъ различныхъ химическихъ веществъ и даже какое дѣйствіе они имѣютъ на вкусъ. Этимъ путемъ и съ помощью многихъ другихъ опытовъ, въ томъ же направленіи, онъ такъ быстро и такъ далеко подвинулся впередъ, что на него должно смотрѣть не какъ на простаго нововводителя въ старой наукѣ, а скорѣе какъ на создателя новой. Если позднѣйшіе наблюдатели и исправили нѣкоторые изъ его выводовъ, то сдѣлали это только слѣдуя его же методу, достоинство котораго до такой степени всѣми признано, что онъ принятъ почти всѣми лучшими анатомиками, которые хотя и расходятся съ Биша̀ въ другихъ воззрѣніяхъ, но совершенно согласны съ нимъ въ томъ, что будущіе успѣхи анатоміи должны основываться на знаніи тканей, первостепенную важность которыхъ онъ первый замѣтилъ.

Методы Биша̀ и Кювьѐ, взятые вмѣстѣ, исчерпываютъ всѣ средства какими располагаетъ наука зоологіи; такъ что всѣ послѣдующіе натуралисты должны были непремѣнно принять которую нибудь изъ этихъ системъ, т. е. или слѣдовать Кювьѐ, сравнивая органы животныхъ, или слѣдовать Биша̀, сличая ткани, составляющія органы эти. И такъ какъ одно

сравненіе приводитъ главнымъ образомъ къ познанію отправленій а другое къ уясненію строенія организмовъ, то очевидно, что для доведенія знанія животнаго міра до возможной степени совершенства, необходимы обѣ эти системы; но если спросить, который изъ двухъ методовъ, безъ помощи другаго, скорѣе можетъ привести къ важнымъ результатамъ, то я полагаю, что пальма первенства должна быть присуждена методу Биша́. Если смотрѣть на этотъ вопросъ, какъ на подлежащій рѣшенію авторитета, то конечно большинство самыхъ знаменитыхъ анатомиковъ и физіологовъ теперь склоняется скорѣе на сторону Кювьѐ; съ исторической же точки зрѣнія, можетъ быть доказано, что слава Биша̀, съ успѣхами науки, возрастала гораздо быстрѣе, чѣмъ слава его великаго соперника. Но что̀ мнѣ кажется еще болѣе рѣшительнымъ доводомъ, это тотъ фактъ, что два важнѣйшихъ открытія, сдѣланныхъ, въ наше время по части классификаціи животныхъ, являются прямымъ послѣдствіемъ метода введеннаго Биша́.

Первое изъ этихъ открытій было сдѣлано Агассизомъ, который, занимаясь своими ихтіологическими изслѣдованіями, пришелъ къ убѣжденію, что классификація Кювьѐ, основанная на сравненіи органовъ, не достигаетъ своей цѣли по отношенію къ ископаемымъ рыбамъ, такъ какъ отличительныя черты ихъ строенія, съ теченіемъ времени, изгладились. Поэтому, онъ принялъ единственный, какой оставался затѣмъ, планъ, т. е. сталъ изучать ткани, которыя, будучи менѣе сложны чѣмъ органы, часто оказываются нетронутыми. Результатомъ этого было чрезвычайно замѣчательное открытіе— что строеніе оболочной плевы рыбъ такъ тѣсно связано съ ихъ организаціею, что если все въ рыбѣ изгладилось, кромѣ этой плевы, то можно, замѣтивъ особенности этой послѣдней, воспроизвести строеніе самого животнаго въ наиболѣе существенныхъ частяхъ его. О важности этого начала гармоніи можно составить себѣ нѣкоторое понятіе изъ того обстоя-

тельства, что Агассизъ основалъ на немъ ту знаменитую классификацію, которой онъ одинъ былъ творцомъ и съ помощью которой, ископаемая ихтіологія впервые приняла точныя и опредѣленныя формы,

Другое открытіе, примѣненіе котораго еще болѣе обширно, было сдѣлано совершенно такимъ же путемъ. Оно состоитъ въ поразительномъ фактѣ, что зубы каждаго животнаго необходимо имѣютъ связь со всею организаціею его; такъ что, мы можемъ, до извѣстной степени, угадать всю организацію, изслѣдовавъ одинъ зубъ. Этотъ прекрасный примѣръ правильности въ дѣйствіяхъ природы сдѣлался извѣстенъ не ранѣе какъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти Биша̀, но мы очевидно обязаны этимъ открытіемъ примѣненію того метода, который онъ такъ усердно старался ввести въ употребленіе. Такъ какъ, въ прежнее время, зубы не были изслѣдованы надлежащимъ образомъ, относительно ихъ отдѣльныхъ тканей, то полагали, что они не имѣютъ собственно никакого строенія, или, какъ думали нѣкоторые, состоятъ просто изъ волокнистой ткани. Но посредствомъ самыхъ точныхъ микроскопическихъ изслѣдованій, приведено недавно въ извѣстность что ткани зуба совершенно сходны съ тканями другихъ частей тѣла; и что слоновая кость, или дентинъ, какъ ее теперь называютъ, есть въ высшей степени органическое тѣло; что она, такь же, какъ и эмаль, состоитъ изъ клѣтчатки, и представляетъ собою, въ дѣйствительности, развитіе живаго мозга. Это открытіе, полное значенія для анатомика—философа, было сдѣлано около 1838 года; хотя первые шаги къ нему были сдѣланы Пюркенжѐ, Ретціемъ и Шванномъ; но главнымъ своимъ развитіемъ оно обязано Насмиту и Оуэну, которые оспариваютъ его другъ у друга. Кто изъ нихъ имѣетъ больше правъ, не наше дѣло рѣшать; я хочу замѣтить только одно—что открытіе это сходно съ тѣмъ, которое сдѣлалъ Агассизъ, сходно какъ по методу, лежавшему въ основаніи приведшихъ къ нему изслѣдованій, такъ и по

своимъ послѣдствіямъ. Обоими открытіями мы обязаны признанію основнаго правила Биша—что изученіе органовъ должно быть подчинено изученію тканей—и оба они послужили самымъ драгоцѣннымъ пособіемъ для зоологической классификаціи. Съ этой точки зрѣнія, услуга, оказанная Оуэномъ; безспорна, что бы ни думали о его правахъ на оригинальность. Этотъ знаменитый натуралистъ съ необыкновеннымъ трудолюбіемъ занимался примѣненіемъ этого открытія ко всѣмъ позвоночнымъ животнымъ, и доказалъ, въ своемъ добросовѣстномъ сочиненіи, спеціально посвященномъ этому предмету, безспорность удивительнаго факта, что устройство одного зуба даетъ уже критеріумъ для опредѣленія свойствъ и организаціи той породы животныхъ, которой онъ принадлежитъ.

Всякій, кто много размышлялъ о различныхъ ступеняхъ, чрезъ которыя проходило послѣдовательно наше знаніе, долженъ былъ, мнѣ кажется, придти къ тому заключенію, что вполнѣ признавая великія заслуги изслѣдователей животнаго организма, мы должны однако болѣе всего удивляться не тѣмъ, которые сдѣлали открытія, а скорѣе тѣмъ, которые указываютъ, какъ слѣдуетъ дѣлать открытія. Разъ указанъ истинный путь изслѣдованія, остальное уже сравнительно легко. Торный путь открытъ во всякое время, и трудность не въ томъ, чтобы найти охотниковъ путешествовать по старой дорогѣ, а чтобы пріискать такихъ, которые проложили бы новую. Каждый вѣкъ производитъ множество людей со смысломъ и съ значительнымъ трудолюбіемъ, которые, при всей своей способности разработывать ту или другую науку въ ея подробностяхъ, не бываютъ однако въ состояніи расширить ея отдаленные предѣлы. Это потому, что подобное расширеніе должно сопровождаться открытіемъ новаго метода; а для того, чтобы методъ былъ и новъ, и существенно полезенъ, необходимо, чтобы основатель его не только мастерски владѣлъ всѣми средствами своего предмета, но и обла-

далъ также оригинальностью и обширностью взгляда—двумя самыми рѣдкими видами человѣческаго дарованія. Вотъ въ чемъ заключается истинная трудность всякаго серіознаго изученія. Какъ скоро какая нибудь отрасль знанія была обобщена въ законы, она содержитъ, въ самой ли себѣ, или въ своихъ примѣненіяхъ, три отдѣльныя вѣтви, а именно: изобрѣтенія, открытія и методъ. Изъ нихъ, первая соотвѣтствуетъ искусству, вторая—наукѣ, а третья—философіи. Въ этой скалѣ, изобрѣтеніямъ принадлежитъ самое послѣднее мѣсто,—ими рѣдко занимаются умы высшаго разряда. Далѣе слѣдуютъ открытія—здѣсь уже начинается настоящая область мышленія, такъ какъ здѣсь дѣлается первая попытка искать истину, ради ея самой, оставляя въ сторонѣ всѣ практическія соображенія, къ которымъ изобрѣтенія имѣютъ необходимое отношеніе. Это уже наука въ собственномъ смыслѣ; и какъ трудно достигнуть этой ступени, очевидно изъ того факта, что всѣ полу-цивилизованные народы дѣлали много великихъ изобрѣтеній, а не сдѣлали ни одного великаго открытія. Но самую высшую изъ трехъ ступеней занимаетъ философія метода, имѣющая, то же отношеніе къ наукѣ, какое имѣетъ наука къ искусству. Громадная можно сказать, первостепенная важность ея доказывается множествомъ свидѣтельствъ въ лѣтописяхъ науки: нѣкоторые истинно великіе люди не сдѣлали рѣшительно ничего, а только провели всю жизнь въ безплодной дѣятельности, не потому, чтобы они мало работали, а потому что ихъ методъ былъ безплоденъ. Успѣхи всякой науки зависятъ болѣе отъ того плана, по которому она разработывается, чѣмъ отъ дѣйствительнаго умѣнія лицъ занимающихся ею. Если кто, путешествуя по незнакомой странѣ, истощитъ всѣ свои силы, идя не по той дорогѣ, то онъ не достигнетъ мѣста, куда стремился, а быть можетъ и упадетъ отъ изнеможенія на дорогѣ. Въ томъ продолжительномъ и трудномъ пути за истиною, которое еще остается совершить человѣческому уму, и цѣль котораго мы,

въ нашемъ поколѣніи, можемъ видѣть только издали, — успѣхъ будетъ, безъ сомнѣнія зависѣть не отъ той быстроты, съ какою люди будутъ устремляться по пути изслѣдованія, а скорѣе отъ того умѣнья, съ какимъ укажутъ имъ этотъ путь тѣ великіе и прозорливые мыслители, которые являются какъ бы законодателями и зиждителями знанія, потому что они восполняютъ его недостатки не посредствомъ изслѣдованія отдѣльныхъ трудностей, а посредствомъ какого нибудь широкаго, всеобъемлющаго нововведенія, открывающаго намъ новую нить мысли и содержащаго новыя средства, развитіе и примѣненіе которыхъ оставляется на долю потомства.

Съ этой именно точки зрѣнія мы и должны оцѣнивать достоинства Биша́, сочиненія котораго, подобно сочиненіямъ всѣхъ въ высшей степени замѣчательныхъ людей — подобно твореніямъ Аристотель, Бэкона и Декарта—составляютъ эпоху въ исторіи человѣческаго ума, и потому могутъ быть вѣрно оцѣнены только въ связи съ соціальными и умственными условіями того времени, въ которое они появились. Это придаетъ такую важность, такое значеніе сочиненіямъ Биша̀, которое конечно не многіе вполнѣ понимаютъ. Два величайшія изъ новѣйшихъ открытій, по части классификаціи животныхъ, составляютъ, какъ мы уже видѣли, результатъ его ученія. Но его вліяніе имѣло и другія, еще более важныя послѣдствія. Онъ, съ помощью Кабаниса, оказалъ громадную услугу физіологіи, поставивъ ее внѣ вліянія той грустной реакціи, которой подпала Франція въ началѣ девятнадцатаго столѣтія. Это слишкомъ обширный предметъ, чтобы разсматривать его въ настоящее время; я могу только сказать, что когда Наполеонъ, не по внутреннему убѣжденію, а изъ эгоистическихъ видовъ, пытался возстановить могущество клерикальныхъ началъ, литераторы, съ постыдною угодливостью, содѣйствовали его видамъ; и тогда начался замѣтный упадокъ того духа независимости и нововведеній, съ какимъ, въ про-

долженіе пятидесяти лѣтъ, Французы разработывали высшія отрасли знанія. Отсюда возникла та же метафизическая школа, которая, хотя и утверждала, что держится вдали отъ теологіи, но была въ тѣсномъ союзѣ съ нею, и затѣйливыя идеи которой, по своему кратковременному блеску, составляютъ разительную противоположность съ тѣми строгими методами, какимъ слѣдовали въ предыдущемъ поколѣніи. Противъ этого движенія, французскіе физіологи вообще постоянно протестовали; и можно ясно доказать, что ихъ оппозиція, надъ которою не могли восторжествовать даже великія дарованія Кювьѐ, должна быть отчасти приписана толчку, сообщенному ученіемъ Биша́, настаивавшаго, въ своей области изслѣдованія, на необходимости отвергнуть тѣ предрѣшенія, которымъ метафизики и теологи стараются подчинить всякую науку. Для объясненія этого, я могу привести два факта, достойныхъ вниманія. Первый — что въ Англіи, гдѣ, въ продолженіе довольно долгаго періода времени, едва было ощутительно вліяніе Биша̀, многіе даже изъ самыхъ знаменитыхъ физіологовъ проявляли замѣтную склонность присоединиться къ реакціонной партіи, и не только возставали противъ такихъ нововведеній, которыхъ они не могли прямо объяснить себѣ, но даже унижали свою благородную науку, дѣлая изъ нея послушницу, покорную цѣлямъ натуральной теологіи. Другой фактъ состоитъ въ томъ, что во Франціи, ученики Биша̀, почти всѣ безъ исключенія, отвергали изученіе конечныхъ причинъ, котораго и до сихъ поръ держится школа Кювьѐ; естественнымъ результатомъ этого является то, что послѣдователи Биша̀ приняли, въ геологіи—ученіе объ однообразіи, въ зоологіи—ученіе о превращеніи породъ, а въ астрономіи — гипотезу туманныхъ звѣздъ—обширныя и величественныя системы, подъ кровомъ которыхъ человѣческій умъ старается укрыться отъ догмата вмѣшательства повсюду теряющаго свою силу съ успѣхами знанія, и несовмѣстимаго съ понятіями о предвѣчномъ по-

рядкѣ, составлявшими предметъ постоянныхъ стремленій нашихъ въ продолженіе двухъ послѣднихъ вѣковъ.

Эти великія явленія въ исторіи французскаго ума, которыхъ я здѣсь представилъ только бѣглый очеркъ, будутъ изложены съ должною подробностію въ одной изъ послѣдующихъ частей этого сочиненія; гдѣ я буду разсматривать настоящее состояніе европейскаго ума и попытаюсь опредѣлить, чего можно ожидать отъ него въ будущемъ. Теперь же, чтобы дополнить сдѣланную нами оцѣнку ученой дѣятельности Биша, необходимо обратить вниманіе на то изъ его произведеній, которое нѣкоторые считаютъ самымъ цѣннымъ и въ которомъ онъ стремился не болѣе ни менѣе, какъ къ полнѣйшему обобщенію жизненныхъ отправленій. Хотя мнѣ кажется, что во многихъ важныхъ частяхъ этого предпріятія, Биша не имѣлъ успѣха, тѣмъ не менѣе твореніе его остается до сихъ поръ единственнымъ въ своемъ родѣ, и представляетъ собою такое разительное доказательство геніальности автора, что я намѣренъ сдѣлать краткій обзоръ лежащихъ въ основаніи его взглядовъ.

Жизнь, разсматриваемая во всей цѣлости, имѣетъ двѣ различныя вѣтви; одна свойственна животнымъ, другая растеніямъ. Та, которая принадлежитъ однимъ животнымъ, называется животною жизнью, жизнь же общая и животнымъ и растеніямъ, называется органическою жизнью. По этому, растенія живутъ только одною жизнью, человѣкъ же имѣетъ двѣ отдѣльныя жизни, которыя управляются совершенно различными законами, и не смотря на тѣсную связь между собою, находятся въ постоянномъ противодѣйствіи. Органическою жизнью человѣкъ живетъ только для самаго себя, а въ животной жизни онъ приходитъ въ столкновеніе съ другими. Отправленія первой—чисто внутреннія, отправленія же второй—внѣшнія. Его органическая жизнь ограничивается двумя процессами: творенія и разрушенія; первый есть процессъ уподобленія (assimilation)—напримѣръ, пищевареніе,

обращеніе крови и другихъ соковъ, и питаніе; второй—есть процессъ изверженія,—напримѣръ, испареніе и тому подобное. Это отправленіе обще человѣку съ растеніями, и въ естественномъ состояніи, онъ не сознаетъ его. Но отличительную черту его животной жизни составляетъ самопознаніе, ибо оно дѣлаетъ его способнымъ двигаться, чувствовать, судить. Въ силу первой жизни, онъ только прозябаетъ, съ присоединеніемъ же второй, онъ начинаетъ жить, становится животнымъ.

Если мы теперь посмотримъ на органы, которыми выполняются въ человѣкѣ отправленія этихъ двухъ жизней, то мы будемъ поражены замѣчательнымъ фактомъ, что органы растительной жизни весьма неправильны, а органы животной—весьма симметричны. Его растительная, или органическая, жизнь имѣетъ проводниками своими желудокъ внутренности и систему желѣзъ вообще, напримѣръ, печень, поджелудочную желѣзу,—которые всѣ неправильны, и допускаютъ величайшее разнообразіе формъ и развитія, безъ серіознаго нарушенія ихъ отправленій, Но въ животной жизни, органы такъ существенно симметричны, что самое слабое отступленіе отъ обыкновеннаго типа имѣетъ уже вредное вліяніе на ихъ дѣйствіе. Не только мозгъ, но даже и органы чувствъ (глаза, носъ, уши) совершенно симметричны; и они, такъ же, какъ и другіе органы животной жизни (ноги и руки), двойственны, и представляя съ каждой стороны тѣла двѣ отдѣльныя части, соотвѣтствующія одна другой, образуютъ симметрію, неизвѣстную въ нашей растительной жизни, органы которой большею частью одиночны, какъ напримѣръ, желудокъ, печень, поджелудочная железа, и селезенка.

Изъ этого основнаго различія между органами двухъ жизней возникли и нѣкоторыя другія чрезвычайно любопытныя различія. Такъ какъ наша животная жизнь двойственна, между тѣмъ какъ органическая одиночна. то въ первой жизни возможенъ отдыхъ, то есть пріостановленіе, на время, части ея

отправленій, и возобновленіе ихъ впослѣдствіи. Въ жизни же органической, остановка есть смерть. Жизнь, общая и намъ и растеніямъ, никогда не находится въ усыпленіи; и если движенія ея совершенно прекратятся хоть на одну минуту, то они никогда уже не возобновятся. Тотъ процессъ, посредствомъ котораго, одни вещества принимаются нашимъ тѣломъ, а другія выдѣляются имъ, не допускаетъ никакой остановки; онъ по существу своему, непрерывенъ, потому что, будучи одиноченъ, онъ никогда не можетъ быть пополненъ, ни подкрѣпленъ. Другую жизнь мы можемъ обновить, не только во снѣ, но и во время бодрствованія. Такъ, напримѣръ, мы можемъ упражнять органы движенія, давая въ то же время отдыхъ органамъ мышленія; можемъ даже облегчить какое нибудь отправленіе, не переставая пользоваться имъ, потому что вслѣдствіе двойственности органовъ нашей животной жизни, мы бываемъ въ состояніи, въ случаѣ утомленія одной какой нибудь части, пользоваться нѣкоторое время другою, соотвѣтствующей ей, мы можемъ напримѣръ, употреблять въ дѣло только одинъ глазъ или одну руку, чтобы дать отдохнуть другому глазу или другой рукѣ, пришедшимъ, по какимъ нибудь обстоятельствамъ, въ изнеможеніе; въ жизни же органической, такого средства не существуетъ, такъ какъ она, по природѣ своей, одиночна.

Такъ какъ наша животная жизнь оказывается существенно перемежающеюся, а органическая—существенно непрерывною, то изъ этого необходимо слѣдуетъ, что первая способна къ такому улучшенію, къ которому вторая неспособна. Не можетъ быть улучшенія безъ сравненія, ибо только по сравненіи одного состоянія съ другимъ, можно исправлять старыя ошибки и предупреждать новыя. Но наша органическая жизнь не допускаетъ подобнаго сравненія, будучи непрерывною, она не раздробляется на различныя состоянія, а напротивъ, если только ее не уразноображиваетъ болѣзнь, протекаетъ въ скучномъ однообразіи. Съ другой стороны, отправ-

ленія нашей животной жизни, такія напримѣръ, какъ мышленіе, слово, зрѣніе и движеніе, не могутъ долго оставаться безъ отдыха, и такъ какъ они безпрестанно прерываются, то дѣлается возможнымъ сравнивать ихъ, а слѣдовательно и улучшать. Только благодаря существованію этой возможности, первые крики ребенка превращаются постепенно въ совершенную рѣчь взрослаго человѣка, и первыя нескладныя мысли доходятъ до той зрѣлости, къ которой можетъ привести только длинный рядъ послѣдовательныхъ усилій. Но органическая жизнь, общая и намъ и растеніямъ, не допускаетъ никакого перерыва, а слѣдовательно въ ней невозможно и улучшеніе. Она повинуется своимъ собственнымъ законамъ, и ничѣмъ не пользуется отъ того повторенія, которому животная жизнь исключительно обязана своими усовершенствованіями. Ея отправленія, такія напримѣвъ, какъ питаніе и т. п., существуютъ въ человѣкѣ еще за нѣсколько мѣсяцевъ до его рожденія, когда его животная жизнь еще не началась и слѣдовательно еще не можетъ быть способности сравненія, лежащей въ основаніи всякаго улучшенія. И хотя, по мѣрѣ увеличенія объема человѣческаго тѣла, его растительные органы также увеличиваются, но нельзя предположить, чтобы ихъ отправленія существенно улучшались: при обыкновенныхъ условіяхъ, они выполняютъ свое назначеніе съ одинаковымъ совершенствомъ и одинаковою правильностью, какъ въ дѣтствѣ, такъ и въ зрѣлые годы.

Такимъ образомъ, хотя есть и другія причины, но можно сказать, что прогрессивность животной жизни зависитъ отъ ея перемежаемости, а непрогрессивность органической жизни— отъ ея непрерывности. Можно, кромѣ того, сказать, что перемежаемость первой происходитъ отъ симметріи въ органахъ, между тѣмъ какъ непрерывность второй зависитъ отъ ихъ неправильности. Противъ этого обширнаго и поразительнаго обобщенія можно сдѣлать много возраженій, изъ которыхъ нѣкоторыя повидимому неопровержимы, но что въ немъ заклю-

чаются зародыши великихъ истинъ, въ этомъ я не сомнѣваюсь; и во всякомъ случаѣ, то достовѣрно, что методъ его выше всякой похвалы: въ немъ соединено изученіе отправленій и строенія съ изученіемъ эмбріологіи, растительной физіологіи, теоріи сравненія и вліянія привычки. Вотъ обширное, величественное поле, которое былъ въ состояніи обнять геній Биша́, но на которое, послѣ него, ни физіологи, ни метафизики не посмѣли бросить даже общій взглядъ.

Это неподвижное состояніе, въ теченіе настоящаго столѣтія, предмета, возбуждающаго такой громадный интересъ, служитъ рѣшительнымъ доказательствомъ необыкновеннаго дарованія Биша̀; ибо не смотря на прибавленія сдѣланныя къ физіологіи и ко всѣмъ связаннымъ съ нею отраслямъ естествознанія, еще не было осуществлено ничего такого, что бы могло хоть сколько нибудь сравниться съ тою теоріею жизни, которую Биша̀ былъ въ состояніи построить съ гораздо меньшими средствами. Конечно, этотъ громадный трудъ былъ оставленъ имъ въ весьма несовершенномъ видѣ; но даже въ его несовершенствахъ мы видимъ печать великаго мастера, къ которому, въ его спеціальности, никто еще не могъ приблизиться. Его опытъ о жизни можетъ быть уподобленъ тѣмъ обломкамъ произведеній древняго искусства, которые, какъ бы они ни были несовершенны, всетаки носятъ на себѣ отпечатокъ вдохновенія, даровавшаго имъ жизнь, и являютъ, въ каждой отдѣльной части, то единство представленія, которое дѣлаетъ ихъ для насъ полнымъ и живымъ цѣлымъ.

Изъ предыдущаго обзора успѣховъ естествознанія, читатель можетъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о способности тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые явились во Франціи въ продолженіе послѣдней половины восемнадцатаго столѣтія. Для полноты представленной нами картины, остается только разсмотрѣть то, что было сдѣлано въ двухъ другихъ отрасляхъ естественной исторіи, а именно въ Ботаникѣ и въ Минералогіи, къ возведенію которыхъ на степень науки первыя вели-

кія попытки были сдѣланы Французами за нѣсколько лѣтъ до Революціи.

Въ Ботаникѣ, не смотря на быстрое увеличеніе, въ продолженіе послѣднихъ двухъ сотъ лѣтъ, нашего знанія, относительно частныхъ фактовъ, мы имѣемъ только два обобщенія достаточно обширныхъ, чтобы называться законами природы. Первое обобщеніе касается строенія растеній, второе—ихъ физіологіи. Обобщеніе, касающееся физіологіи растеній, заключается въ прекрасномъ морфологическомъ законѣ, по которому, различная наружность разныхъ органовъ происходитъ отъ задержаннаго развитія: тычинки, пестики, вѣнчикъ, чашечка и подцвѣточники суть только простыя видоизмѣненія или переходныя ступени листа. Этимъ однимъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ открытій, мы обязаны Германіи; оно было сдѣлано Гёте въ концѣ восемнадцатаго столѣтія. Важность этого открытія знаетъ всякій ботаникъ; а для историка человѣческаго ума оно особенно интересно, какъ подтвержденіе того великаго ученія о развитіи, къ которому теперь стремятся высшія отрасли знанія, и которое, въ настоящемъ столѣтіи, было введено въ одинъ изъ самыхъ трудныхъ отдѣловъ физіологіи животныхъ.

Но самая обширная истина, какая намъ извѣстна относительно растеній, есть та, которая объемлетъ во всей цѣлости ихъ общее строеніе; и ее мы узнали отъ тѣхъ великихъ Французовъ, которые, въ послѣдней половинѣ восемнадцатаго столѣтія, начали изучать внѣшній міръ. Первые шаги были сдѣланы, въ самомъ началѣ второй половины столѣтія, Адансономъ, Дюгамелемъ де Мансо и преимущественно Дефонтэномъ — тремя знаменитыми мыслителями, доказавшими практичность неслыханнаго до тѣхъ поръ естественнаго метода, о которомъ даже самъ Рей имѣлъ лишь темное понятіе. Этотъ методъ, ослабивъ вліяніе искусственной системы Линнея, проложилъ путь къ такому полному нововведенію, какого не было еще въ другихъ отрасляхъ знанія. Въ самый годъ

начала революціи, Жюсьё вывелъ цѣлый рядъ ботаническихъ обобщеній, изъ которыхъ наиболѣе важныя тѣсно связаны между собою, и остаются и до сихъ поръ самыми высокими обобщеніями, до какихъ доходила эта отрасль знанія. Изъ числа этихъ выводовъ, мнѣ достаточно будетъ упомянуть только о трехъ обширныхъ предложеніяхъ, которыя теперь признаны за основаніе анатоміи растеній. Первое заключается въ томъ, что растительное царство, во всемъ своемъ объемѣ, состоитъ изъ растеній или съ одною сѣмянною долею, или съ двумя сѣмянными долями, или наконецъ вовсе безъ сѣмянныхъ долей. Второе положеніе состоитъ въ томъ, что эта классификація есть далеко не искусственная, а напротивъ, строго естественная, такъ какъ по закону природы, растенія односѣмянодольныя суть внутрьростныя (Endogenae) и наростаютъ въ центрѣ ствола, а растенія двусѣмянодольныя суть внѣростныя (Exogenae) и наростаютъ не въ центрѣ ствола а при окружности его. Третье положеніе — что когда растенія наростаютъ въ центрѣ, то въ нихъ, расположеніе плода и листьевъ бываетъ тройное, а когда они наростаютъ при окружности, то почти всегда пятерное.

Вотъ что было сдѣлано Французами восемнадцатаго столѣтія для царства растительнаго. Если мы теперь обратимся къ царству ископаемому, то увидимъ, что и здѣсь заслуги ихъ не менѣе велики. Изученіе минераловъ есть самая несовершенная изъ трехъ отраслей естественной исторіи, потому что, не смотря на кажущуюся простоту этого изученія и безчисленное множество сдѣланныхъ опытовъ, въ немъ еще не открытъ истинный методъ изслѣдованія; еще подвержено сомнѣнію, должна ли минералогія подчиняться законамъ химіи, или законамъ кристаллографіи, или же должны быть принимаемы въ соображеніе оба рода законовъ вмѣстѣ. Во всякомъ случаѣ то достовѣрно, что до настоящаго времени, химія оказывалась несостоятельною въ подчиненіи себѣ минералогическихъ явленій, и что ни одинъ химикъ, обладаю-

щій достаточною способностью къ обобщеніямъ, не брался еще за это дѣло, исключая Берцеліуса; но большая часть выводовъ этого послѣдняго были опровергнуты дивнымъ открытіемъ изоморфизма, которымъ, какъ всѣмъ извѣстно, мы обязаны Мичерлиху, одному изъ множества великихъ мыслителей, которыхъ произвела Германія.

Хотя химическій отдѣлъ минералогіи еще находится въ необработанномъ состояніи, можно сказать въ состояніи анархіи, за то въ другомъ ея отдѣлѣ, именно въ кристаллографіи, замѣтны большіе успѣхи; и здѣсь, опять самые первые шаги были сдѣланы двумя Французами, жившими въ послѣдней половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Около 1760 года, Ромэ де Лиль подалъ первый примѣръ изученія кристалловъ по такому обширному плану, въ который входили бы всевозможныя первоначальныя формы ихъ и въ которомъ заключалось бы объясненіе ихъ неправильностей и кажущейся произвольности ихъ строенія Въ этомъ изслѣдованіи, онъ руководился сдѣланнымъ впередъ основнымъ предположеніемъ, что такъ называемая неправильность оказывается на самомъ дѣлѣ совершенною правильностью, и что дѣйствія природы неизмѣнны. Лишь только эта великая мысль была примѣнена къ почти безчисленнымъ формамъ, въ которыя кристаллизируются минералы, какъ принялся разработывать ее съ еще большими средствами, Гаю (Наüу) другой знаменитый Французскій ученый. Этотъ замѣчательный человѣкъ осуществилъ полное соединеніе минералогіи съ геометріею; и, примѣняя законы пространства къ частичному строенію матеріи, онъ нашелъ возможность проникнуть во внутреннее устройство кристалловъ.

Этимъ путемъ, ему удалось доказать, что вторичныя формы всѣхъ кристалловъ произошли отъ ихъ первичныхъ формъ, посредствомъ правильнаго процесса убавленія; и что когда какое нибудь вещество переходитъ изъ жидкаго состоянія въ твердое, то его частицы вынуждены соединяться въ такой

системѣ, которая предполагаетъ всевозможныя измѣненія, такъ какъ въ нее входятъ даже тѣ послѣдующіе слои, которые измѣняютъ обыкновенный типъ кристалла, разстроивая его естественную симметрію. Привести въ извѣстность, что подобныя нарушенія симметріи могутъ подлежать математическому вычисленію, значило уже сдѣлать огромное прибавленіе къ нашему знанію; но еще важнѣе, мнѣ кажется, замѣчаемое въ этомъ случаѣ приближеніе къ той дивной мысли, что все, что бы ни случалось, управляется закономъ, и что неустройство и безпорядокъ невозможны. Доказавъ, что даже самыя причудливыя и странныя формы минераловъ составляютъ естественные результаты ихъ предшествовавшихъ состояній, Гаюи положилъ основаніе тому, что можетъ быть названо патологіею неорганическаго міра. Какъ бы ни казалось парадоксальнымъ подобное понятіе, но то достовѣрно, что симметрія для кристалловъ, то же самое, что здоровье для животныхъ; такъ что неправильность формы въ первыхъ соотвѣтствуетъ появленію болѣзни у вторыхъ. Поэтому, когда умы людей хорошо ознакомились съ великою истиною, что въ ископаемомъ царствѣ нѣтъ, собственно говоря, ничего неправильнаго, имъ стало легче усвоить себѣ и еще болѣе возвышенную истину — что тотъ же самый принципъ имѣетъ силу и для царства животныхъ, хотя вслѣдствіе большей сложности происходящихъ въ немъ явленій, еще много пройдетъ времени, пока мы пріищемъ равносильное доказательство этому. Но, что подобное доказательство возможно, это такой принципъ, отъ котораго зависятъ будущіе успѣхи всякаго знанія, какъ органическаго, такъ и духовнаго міра. И весьма замѣчательно, что то же самое поколѣніе, которое доказало фактъ, что кажущіяся уклоненія отъ правильности минераловъ строго правильны, сдѣлало также первый шагъ и къ приведенію въ извѣстность факта гораздо высшаго разряда, а именно, что аберраціи человѣческаго ума подчиняются законамъ не менѣе непреложнымъ,

какъ и тѣ, которыми опредѣляется состояніе неподвижной матеріи. Подробное изслѣдованіе этого повело бы къ отступленію, чуждому моей настоящей цѣли; я могу только упомянуть, что въ концѣ XVIII столѣтія, во Франціи былъ написанъ Пинэлемъ знаменитый трактатъ о сумасшествіи, — сочиненіе замѣчательное во многихъ отношеніяхъ, но преимущественно въ томъ, что въ немъ всѣ старыя понятія относительно таинственнаго, непроницаемаго характера умственныхъ болѣзней совершенно устранены; самыя болѣзни разсматриваются въ немъ, какъ явленія неизбѣжныя при извѣстныхъ данныхъ условіяхъ, и такимъ образомъ положено основаніе новому звену въ длинной цѣпи доводовъ, которая, связывая вещественное съ невещественнымъ, соединяетъ матерію и духъ въ одинъ предметъ изученія,—чѣмъ пролагается путь къ нѣкоторымъ выводамъ, общимъ для ихъ обоихъ и могущимъ, слѣдовательно, служить центромъ, вокругъ котораго могутъ смѣло группироваться разбросанные клочки нашего знанія.

Вотъ какія воззрѣнія стали проглядывать, въ послѣдней половинѣ восемнадцатаго столѣтія, у французскихъ мыслителей. Съ какимъ необыкновеннымъ талантомъ и какъ успѣшно разработывали эти замѣчательные люди каждый свою науку, объ этомъ я распространился болѣе, чѣмъ былъ намѣренъ, но всетаки далеко не сказалъ всего, чего требуетъ важность этого предмета. Но и сказаннаго мною достаточно для того, чтобы читатель убѣдился въ истинѣ доказываемаго мною предложенія, а именно, что французскій умъ, въ продолженіе послѣдней половины восемнадцатаго столѣтія, устремился съ безпримѣрнымъ рвеніемъ на предметы внѣшняго міра, и тѣмъ способствовалъ тому обширному движенію, котораго сама революція была лишь однимъ изъ послѣдствій. Тѣсная связь между научнымъ прогрессомъ и соціальнымъ возстаніемъ очевидна изъ того факта, что оба были вызваны однимъ и тѣмъ же стремленіемъ къ улучшенію, однимъ и тѣмъ же пе-

довольствомъ старыми порядками, однимъ и тѣмъ же неугомоннымъ, пытливымъ, непокорнымъ и дерзкимъ духомъ. Но во Франціи эта общая аналогія была еще сильнѣе, благодаря упомянутымъ мною выше обстоятельствамъ, въ силу которыхъ дѣятельность страны, въ продолженіе первой половины столѣтія, была обращаема скорѣе противъ церкви, чѣмъ противъ государства; такъ что для окончательнаго подготовленія революціи, необходимо было, чтобы въ послѣдней половинѣ столѣтія, враждебныя дѣйствія перенеслись на другую почву. Это и произошло, дѣйствительно, вслѣдствіе удивительнаго толчка, сообщеннаго каждой отрасли естествознанія. Когда, такимъ образомъ, вниманіе людей было постоянно устремлено на внѣшній міръ, то внутренній впалъ въ пренебреженіе; и такъ какъ все внѣшнее соотвѣтствовало государству, а внутреннее — церкви, то было совершенно согласно съ этимъ умственнымъ движеніемъ, чтобы враги существующаго порядка вещей обратили противъ политическихъ злоупотребленій ту же энергію, которую предшествовавшее поколѣніе обращало противъ злоупотребленій религіозныхъ.

Такимъ образомъ, Французской Революціи, какъ и всякой другой обширной революціи, видѣнной до сихъ поръ на свѣтѣ, предшествовала совершенная перемѣна въ привычкахъ и понятіяхъ національнаго ума. Но независимо отъ этого, именно въ то самое время, происходило обширное соціальное движеніе, которое было тѣсно связано съ умственнымъ и составляло даже часть его въ томъ отношеніи, что сопровождалось одинаковыми послѣдствіями и было вызвано одинаковыми причинами. Характеръ этой соціальной раволюціи я здѣсь разсмотрю только вкратцѣ, такъ какъ въ слѣдующемъ томѣ мнѣ еще придется изложить во всей подробности ея исторію, объясняя менѣе важныя, но всетаки замѣчательныя перемѣны, происшедшія, въ тотъ же самый періодъ, въ англійскомъ обществѣ.

Во Франціи, передъ Революціею, народъ, хотя всегда очень общительный, выказывалъ также и большую исключи-

тельность. Высшіе классы, прикрываясь воображаемымъ превосходствомъ, съ презрѣніемъ смотрѣли на тѣхъ, которые не были равны имъ по рожденію и титулу. Классъ, стоявшій непосредственно подъ ними, слѣдовалъ ихъ примѣру, и въ свою очередь служилъ примѣромъ для другихъ, такъ что каждое сословіе старалось пріискать какое нибудь воображаемое отличіе, которое ограждало бы его отъ оскверненія стоять на ряду съ низшими. Единственные три истинные источника превосходства, — превосходство нравственное, превосходство ума и превосходство знанія,—были совершенно упущены изъ виду въ этой нелѣпой системѣ; и люди пріобрѣли привычку гордиться не какими нибудь существенными отличіями, но тѣми ничтожными вещами, которыя, за весьма немногими исключеніями, бываютъ дѣломъ случая, и потому никакъ не могутъ служить мѣриломъ достоинства.

Первый рѣшительный ударъ нанесенъ былъ этому порядку вещей тѣмъ безпримѣрнымъ рвеніемъ, съ какимъ стали разработывать естественныя науки. Дѣлались обширныя открытія, которыя не только подстрекали умы мыслящихъ людей, но и возбуждали любопытство болѣе легкомысленныхъ классовъ общества. На лекціяхъ химиковъ, геологовъ, минералоговъ и физіологовъ бывали и тѣ, которые приходили подивиться, и тѣ, которые искали серіознаго знанія. Въ Парижѣ, ученыя собранія бывали переполнены посетителями. Залы и амфитеатры, въ которыхъ излагалось великія истины природы, уже не могли болѣе вмѣщать всѣхъ слушателей, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывалось необходимымъ увеличить ихъ вмѣстимость. Засѣданія Академіи, вмѣсто того чтобы ограничиваться немногими исключительно учеными, были посѣщаемы всякимъ, кто по своему званію или вліянію могъ достать себѣ мѣсто. Даже женщины моднаго свѣта, забывая о своихъ легкомысленныхъ забавахъ, спѣшили послушать разсужденія о составѣ какого нибудь минерала, объ открытіи какой нибудь новой соли, о строеніи растеній, объ

организаціи животныхъ, о свойствахъ электрической жидкости. Всѣми классами общества повидимому внезапно овладѣла жажда знанія. Самыя обширныя и самыя трудныя изслѣдованія были благосклонно приняты тѣми, чьи отцы едвали слышали даже названія наукъ, къ которымъ относились эти изслѣдованія. Блестящее воображеніе Бюффона вдругъ доставило популярность геологіи; тоже самое сдѣлало для химіи краснорѣчіе Фуркруа̀, а для электричества краснорѣчіе Ноллѐ; между тѣмъ какъ удивительныя чтенія Лаланда заставили всѣхъ заниматься даже астрономіею. Однимъ словомъ, достаточно сказать, что въ продолженіе тридцати лѣтъ, предшествовавшихъ Революціи, распространеніе знанія естественныхъ наукъ было такъ быстро, что изъ-за нихъ пренебрегали изученіемъ классической древности; онѣ считались существеннымъ основаніемъ хорошаго воспитанія, и нѣкоторое знакомство съ ними признавалось необходимымъ для людей всѣхъ сословій, исключая тѣхъ, которые вынуждены были существовать ежедневнымъ трудомъ.

Результаты этой замѣчательной перемѣны чрезвычайно любопытны, и, по быстротѣ и силѣ, съ какою они обнаружились, имѣютъ весьма рѣшительное значеніе. Пока различные классы общества ограничивались занятіями, свойственными одной ихъ сферѣ, это поощряло ихъ къ сохраненію своихъ особыхъ обычаевъ, и подчиненность или какъ бы іерархія общества легко поддерживалась. Но когда члены различныхъ сословій стали встрѣчаться въ одномъ и томъ мѣстѣ и для одной и той же цѣли, то ихъ стала связывать новая симпатія. Самое высшее и самое простое изъ всѣхъ наслажденій,—наслажденіе, доставляемое познаніемъ новыхъ истинъ, сдѣлалось теперь великимъ звеномъ, звязавшимъ тѣ соціальные элементы, которые прежде держались затворенными въ своемъ гордомъ уединеніи. Кромѣ того, они получили не только новое занятіе, но и новое мѣрило достоинства. Въ амфитеатрѣ и аудиторіи, первое, что привлекаетъ вниманіе,

это профессоръ или лекторъ. Различіе оказывается только между тѣми, кто учитъ и тѣми, кто учится. Субординація по чинамъ уступаетъ мѣсто субординаціи по знаніямъ. Мелочныя, условныя различія великосвѣтской жизни смѣняются тѣми широкими, неподдѣльными различіями, которыя одни дѣйствительно отдѣляютъ одного человѣка отъ другаго. Съ успѣхами умственнаго развитія, является новый предметъ почитанія; старое поклоненіе званію рѣзко прекращается, и его суевѣрные приверженцы научаются преклонять колѣна предъ алтаремъ чуждаго имъ бога. Мѣсто, гдѣ проповѣдывается наука, есть храмъ демократіи. Тѣ, которые приходятъ учиться, сознаютъ свое невѣденіе, отрекаются, въ нѣкоторой степени, отъ своего превосходства, и начинаютъ понимать, что величіе людей не имѣетъ никакой связи съ ихъ блестящими титулами, ни съ знатностью ихъ происхожденія; что оно не имѣетъ ни какого отношенія ни къ дѣленіямъ щитовъ въ ихъ гербахъ, ни къ самымъ щитамъ, ни къ ихъ родословнымъ, ни къ правымъ, ни къ лѣвымъ сторонамъ верхняго поля щита, ни къ шеврону, ни къ діагональному сѣченію щита, ни къ голубымъ, ни къ краснымъ полямъ, ни къ другимъ какимъ либо глупостямъ ихъ геральдики,—но что оно зависитъ отъ величія ихъ души, отъ силы ихъ ума и полноты ихъ знанія.

Таковы взгляды, вліянію которыхъ, во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія, стали подчиняться классы, долгое время безспорно управлявшіе всѣмъ обществомъ. И доказательствомъ силы этого великаго движенія служитъ то, что оно сопровождалось и другими соціальными перемѣнами, которыя, хотя сами по себѣ кажутся ничтожными, но дѣлаются полны значенія, если ихъ разсматривать въ связи со всей исторіею того времени.

Въ то время, какъ громадные успѣхи естествознанія производили переворотъ въ обществѣ, внушая различнымъ классамъ его стремленіе къ одной общей цѣли, и устанавливая, та-

кимъ образомъ, новое мѣрило достоинства,—можно было замѣтить и другое, менѣе возвышенное, но одинаково демократическое направленіе, даже въ условныхъ формахъ общественной жизни. Описаніе всѣхъ этихъ перемѣнъ заняло бы слишкомъ много мѣста, сравнительно съ другими частями этого введенія; но достовѣрно, что пока эти перемѣны не будутъ тщательно изслѣдованы, до тѣхъ поръ никто не будетъ въ состояніи написать исторію Французской Революціи. Для поясненія моей мысли я опишу здѣсь, въ видѣ примѣра, два изъ такихъ нововведеній, которыя весьма замѣтны и притомъ особенно интересны, по своей аналогіи съ тѣмъ, что случилось въ англійскомъ обществѣ.

Первымъ изъ этихъ нововведеній было измѣненіе въ одеждѣ и замѣтное пренебреженіе къ тѣмъ внѣшностямъ, которыми прежде дорожили, какъ самыми важными изъ условій. Въ продолженіе царствованія Людовика XIV, и даже въ первой половинѣ царствованія Людовика XV, не только люди легкомысленные, но даже люди замѣчательные по своей учености, выказывали въ своемъ нарядѣ такую щегольскую точность, такое изящество и изысканность выбора, такое изобиліе золота, серебра и кружевъ, какихъ въ наше время нельзя нигдѣ увидѣть, развѣ только при дворахъ европейскихъ государей, гдѣ еще сохраняется извѣстный поразительный блескъ. Это доходило до того, что въ семнадцатомъ столѣтіи, званіе лица можно было тотчасъ же узнать по его наружному виду,—такъ какъ не допускалось и мысли, чтобы кто нибудь дерзнулъ надѣть одежду, носимую классомъ, стоящимъ непосредственно выше его. Но во время демократическаго движенія, предшествовавшаго Французской Революціи, умы людей слишкомъ ревностно, слишкомъ усиленно занялись болѣе возвышенными предметами, чтобы заботиться о тѣхъ безполезныхъ выдумкахъ, которыя поглощали вниманіе ихъ отцовъ. Презрительное пренебреженіе къ подобнымъ отличіямъ сдѣлалось всеобщимъ. Въ Парижѣ, нововведеніе это

было замѣтно даже въ тѣхъ веселыхъ собраніяхъ, где украшеніе себя до извѣстной степени считается и до сихъ поръ дѣломъ естественнымъ. По замѣчанію современныхъ наблюдателей, одежда, которую обыкновенно надѣвали на обѣды, ужины и балы, до такой степени упростилась, что даже можно было смѣшать званія, и наконецъ всякія этого рода отличія были вовсе оставлены какъ мущинами, такъ и женщинами; мущины стали являться на подобныя собранія въ обыкновенныхъ фракахъ, а женщины въ обыкновенныхъ утреннихъ платьяхъ. И это доходило до такой степени, что какъ увѣряетъ насъ Принцъ де Монбарэ, бывшій тогда въ Парижѣ, — не задолго до Революціи, даже люди, имѣвшіе звѣзды и ордена, старались скрывать ихъ, застегивая свои фраки такъ, чтобы нельзя было видѣть этихъ знаковъ отличія.

Другое нововведеніе, на которое я намекалъ, составляетъ также интересную характеристику духа того времени. Оно заключается въ томъ, что стремленіе къ сліянію различныхъ сословій общества выказалось въ учрежденіи клубовъ — замѣчательномъ учрежденіи, которое для насъ кажется вещью совершенно естественною, потому что мы привыкли къ клубамъ, но о которомъ можно смѣло сказать, что, до восемнадцатаго столѣтія, оно было невозможно. До этого времени, каждый классъ смотрѣлъ съ такою ревностью на своё превосходство надъ другими, стоящими ниже его, что бывать съ ними въ одномъ мѣстѣ, на равныхъ правахъ, считалось несбыточнымъ дѣломъ, и хотя извѣстная покровительственная короткость въ обращеніи съ низшими и могла быть допущена, но въ ней выражалось только признаніе того громаднаго промежутка, отдѣляющаго высшее лицо отъ низшаго, при которомъ первое не опасалось уже употребленія во зло его снисходительности. Въ тѣ блаженные старые годы, оказывалось должное уваженіе званію и рожденію; и тотъ, кто могъ насчитать до двадцати предковъ, пользовался такимъ

уваженіемъ, которое мы, въ нашъ выродившійся вѣкъ, съ трудомъ можемъ даже представить себѣ. Что же касается до чего либо въ родѣ соціальнаго равенства, то такая мысль была слишкомъ уже нелѣпа, чтобы могли усвоить ее; не болѣе было возможно и существованіе учрежденія, которое ставило бы самыхъ обыкновенныхъ смертныхъ на ряду съ тѣми знаменитыми личностями, въ жилахъ которыхъ текла чистѣйшая кровь и съ которыми никто не могъ состязаться въ дѣленіяхъ гербовыхъ щитовъ.

Но въ восемнадцатомъ столѣтіи, успѣхи знанія сдѣлались до такой степени замѣчательны, что новый принципъ умственнаго превосходства сталъ быстро усиливаться на счетъ стараго принципа превосходства аристократическаго. Какъ скоро этотъ перевѣсъ дошелъ до извѣстной степени, онъ вызвалъ и соотвѣтственное учрежденіе; и такимъ образомъ основались первые клубы, въ которыхъ могли собираться всѣ образованные классы, не взирая на различія въ другихъ отношеніяхъ, разъединявшія ихъ въ теченіе предшествовавшаго періода. Особенно замѣчательно въ этомъ случаѣ то, что единственно ради общественнаго увеселенія, люди, которые, по аристократическимъ понятіямъ, не имѣли между собою ничего общаго, теперь вошли въ сношенія и стали на ногѣ совершеннаго равенства, какъ члены одного и того же учрежденія, подчиняющіеся однимъ и тѣмъ же законамъ, и пользующіеся одними и тѣми же преимуществами. Требовалось однако, чтобы не смотря на различіе во многихъ другихъ отношеніяхъ, всѣ члены были до извѣстной степени образованы; и такимъ образомъ общество впервые явно признало классификацію, до того времени неслыханную: вмѣсто разграниченія благородныхъ отъ неблагородныхъ, явилось разграниченіе образованныхъ отъ необразованныхъ.

Возникновеніе и развитіе клубовъ составляетъ, слѣдовательно, для наблюдателя-философа предметъ огромной важности; и это одно изъ тѣхъ явленій, которыя, какъ я докажу да-

лѣе, играли большую роль въ исторіи Англіи, въ теченіе последней половины восемнадцатаго столѣтія. По отношенію къ нашему настоящему предмету, особенно замѣчательно то, что первые клубы, въ новѣйшемъ значеніи этого слова, какіе существовали въ Парижѣ, были основаны около 1782 года, почти за семь лѣтъ до Французской Революціи. Сначала это должны были быть просто общественныя собранія, но въ скоромъ, времени они получили демократическій характеръ, сообразный съ духомъ того времени. Первымъ результатомъ ихъ, какъ замѣчаетъ одинъ тонкій наблюдатель событій того времени, было упрощеніе манеръ высшихъ классовъ и ослабленіе привязанности къ формальностямъ и церемоніямъ, составлявшей отличительную черту ихъ прежнихъ нравовъ. Клубы привели также къ замѣчательному разъединенію половъ; и извѣстно, что послѣ ихъ учрежденія, женщины болѣе сходились между собою и чаще бывали встрѣчаемы въ публикѣ безъ мущинъ. Это имѣло послѣдствіемъ развитіе между мущинами республиканской грубости, которая вліяніемъ другаго пола могла бы быть нѣсколько смягчена. Всѣ эти обстоятельства, изгладивъ черты различія между сословіями, и сливъ всѣ классы въ одинъ, придали ихъ совокупной оппозиціи непреодолимую силу, которая быстро ниспровергла и церковь, и правительство. Нельзя конечно опредѣлить въ точности время, когда клубы получили политическій характеръ, но, какъ кажется, перемѣна произошла около 1785 года. Съ этого времени, все было кончено, и хотя правительство, въ 1787 году, отдало повелѣніе закрыть главный клубъ, въ которомъ всѣ классы обсуждали политическіе вопросы,—остановить потокъ было невозможно. Поэтому повелѣніе было отмѣнено, клубъ снова собрался, и за тѣмъ уже не возобновлялись болѣе попытки остановить тотъ ходъ дѣлъ, который былъ приготовленъ цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ событій.

Въ то время, какъ все уже клонилось къ ниспроверженію

старыхъ учрежденій, подоспѣло внезапно событіе, произведшее замѣчательное дѣйствіе на Францію, и составляющее само по себѣ рѣзкую характеристику духа восемнадцатаго столѣтія. По ту сторону Атлантическаго океана, великій народъ, выведенный изъ терпѣнія невыносимою несправедливостью англійскаго правительства, возсталъ, съ оружіемъ въ рукахъ, противъ своихъ притѣснителей, и, послѣ отчаянной и славной борьбы, завоевалъ себѣ независимость. Въ 1776 году, американцы показали Европѣ ту благородную Декларацію, которой слѣдовало бы висѣть въ дѣтской каждаго короля, и красоваться надъ портикомъ каждаго королевскаго дворца. Они провозгласили, въ выраженіяхъ, память о которыхъ никогда не умретъ, что цѣль учрежденія правительства заключается въ обезпеченіи правъ народа.

Если бы эта Декларація была сдѣлана хоть однимъ поколѣніемъ ранѣе, то вся Франція, за исключеніемъ немногихъ передовыхъ мыслителей, отвернулась бы отъ нея съ ужасомъ и презрѣніемъ. Но теперь, настроеніе общественнаго мнѣнія было таково, что содержащіяся въ ней теоріи не только были благосклонно приняты большинствомъ французской націи, но даже само правительство было не въ силахъ противостоять общему чувству. Въ 1776 году, Франклинъ прибылъ во Францію, въ качествѣ посланника отъ американскаго народа. Онъ встрѣтилъ самый горячій пріемъ со стороны всѣхъ классовъ, и успѣлъ склонить правительство къ подписанію договора, которымъ оно обязалось защищать права юной республики, пріобрѣтенныя такимъ славнымъ путемъ. Въ Парижѣ, энтузіазмъ былъ непомѣрный. Со всѣхъ сторонъ стекались цѣлыя толпы людей, вызывавшихся отправиться за океанъ сражаться за свободу Америки. Геройская помощь, оказанная этими вспомогательными войсками благородной борьбѣ американцевъ, составляетъ отрадную страницу въ исторіи того времени; но подробности этой борьбы не входятъ въ планъ настоящаго введенія, въ которомъ я намѣ-

ренъ только указать вліяніе ея на ускореніе Французской Революціи. Вліяніе это дѣйствительно достойно вниманія. Независимо отъ косвеннаго дѣйствія такого примѣра успѣшнаго возстанія, еще большимъ возбужденіемъ послужило для Французовъ сближеніе на самомъ дѣлѣ съ своими новыми союзниками. Французскіе офицеры и солдаты, служившіе въ Америкѣ, возвратились на родину съ тѣми демократическими понятіями, которыхъ они набрались въ юной республикѣ. Это сообщило новую силу уже и безъ того преобладавшимъ революціоннымъ стремленіямъ; и замѣчательно, что изъ этого же источника проистекало и одно изъ славнѣйшихъ дѣлъ Лафайетта. Онъ обнажилъ свой мечъ за американцевъ, а они, въ свою очередь, ознакомили его съ тѣмъ славнымъ ученіемъ о правахъ человѣка, которое, по его внушенію, было формально принято Національнымъ Собраніемъ. Можно даже сказать, что послѣдній ударъ, какой получило французское правительство, нанесенъ былъ рукою американца; ибо говорятъ, что именно по совѣту Джефферсона, народная партія Законодательнаго Корпуса провозгласила себя Національнымъ Собраріемъ, и тѣмъ стала въ явную оппозицію коронѣ.

Я пришелъ теперь къ концу моего изслѣдованія причинъ Франиузской Революціи; но прежде, чѣмъ заключитъ этотъ томъ, я полагаю не лишнимъ, въ виду разнообразія разсмотрѣнныхъ нами явленій, сдѣлать перечень ихъ главнѣйшихъ сторонъ, и изложить, по возможности короче, весь постепенный ходъ того длиннаго и сложнаго умозаключенія, путемъ котораго я пытался доказать, что Французская Революція была событіемъ, вытекавшимъ неизбѣжно изъ предшествовавшихъ обстоятельствъ. Подобный пересмотръ, возобновивъ въ памяти читателя всю сущность дѣла, устранитъ всякую сбивчивость, могущую произойти вслѣдствіе множества подробностей, и упроститъ изслѣдованіе, которое для многихъ можетъ показаться безъ нужды растянутымъ, но которое не-

возможно сократить, не ославивъ нѣкоторыхъ существенныхъ частей основанія, поддерживающаго проводимыя мною общія начала.

Разсматривая состояніе Франціи непосредственно послѣ смерти Людовика XIV, мы видѣли, что его политика, приведшая страну на край погибели и уничтожившая всякій слѣдъ свободнаго изслѣдованія, вызвала необходимость реакціи, но что матеріаловъ для реакціи нельзя было найти въ народѣ, который, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, подвергался дѣйствію разслабляющей системы управленія. Такой недостатокъ домашнихъ средствъ заставилъ самыхъ знаменитыхъ Французовъ обратить вниманіе на чужіе края, и это было причиною внезапнаго увлеченія англійскою литературою и тѣмъ складомъ мыслей, которымъ отличалась въ то время англійская нація. Такимъ образомъ, въ разслабленный организмъ французскаго общества вдохнули новую жизнь,— отчего зародился ревностный, пытливый духъ, такой, какого не замѣчали со временъ Декарта. Высшіе классы, оскорбленные этимъ неожиданнымъ движеніемъ, старались подавить его, и дѣлали страшныя усилія, чтобы уничтожить любовь къ изслѣдованію, которая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе распространялась. Для достиженія своей цѣли, они преслѣдовали литераторовъ съ такимъ ожесточеніемъ, что французскому уму очевидно оставалось только одно изъ двухъ: или снова впасть въ прежнее рабство, или смѣло перейти въ наступленіе. Въ интересахъ цивилизаціи, случилось послѣднее: въ 1750 году, или около того времени, началась смертельная борьба, въ которой начала свободы, позаимствованныя Франціею отъ Англіи, и прежде считавшіяся примѣнимыми только къ церкви, были впервые примѣнены къ государству. Одновременно съ этимъ движеніемъ, явились и другія обстоятельства, имѣвшія одинаковый съ нимъ характеръ и составлявшія даже часть его. Такъ, политико-экономистамъ удалось доказать, что вмѣшательство правительствующихъ классовъ дѣлало

большой вредъ даже матеріальнымъ интересамъ страны; и что своими покровительственными мѣрами, классы эти только портили то, чему они оказывали будто бы покровительство. Это замѣчательное открытіе, благопріятное для всеобщей свободы, вложило новое оружіе въ руки демократической партіи, которая нашла еще большую поддержку въ неподражаемомъ краснорѣчіи, съ какимъ нападалъ Руссо на существующій порядокъ вещей. Совершенно то же стремленіе выразилось и въ необыкновенномъ толчкѣ, сообщенномъ всѣмъ отраслямъ естественныхъ наукъ, успѣхи которыхъ, освоивъ людей съ идеями прогресса, поставили ихъ во враждебное отношеніе къ неподвижнымъ, консервативнымъ идеямъ, свойственнымъ правительству. Открытія, дѣлаемыя въ области внѣшняго міра, поддерживали умы въ тревожномъ, возбужденномъ состояніи, враждебномъ духу рутины, и слѣдовательно полномъ опасности для тѣхъ учрежденій, въ пользу которыхъ говорила одна ихъ древность. Это рвеніе къ изученію естественныхъ наукъ произвело также перемѣну въ воспитаніи; стали пренебрегать изученіемъ древнихъ языковъ и слѣдовательно убавилось еще одно звено, связывавшее настоящее съ прошедшимъ. Церковь, естественная покровительница старыхъ мнѣній, была не въ состояніи противодѣйствовать страсти къ новизнѣ; ее ослабляла измѣна въ ея собственномъ лагерѣ. Около этого времени, кальвинизмъ до такой степени распространился между французскимъ духовенствомъ, что оно раздѣлилось на двѣ враждебныя партіи, и не было никакой возможности, чтобы онѣ соединились противъ своего общаго врага. Распространеніе этой ереси было также важно и въ томъ отношеніи, что кальвинизмъ, какъ ученіе существенно демократическое, способствовалъ проявленію революціоннаго духа даже въ духовномъ сословіи, такъ что несогласія внутри самой церкви сопровождались другими несогласіями — между церковью и правительствомъ. Вотъ въ чемъ заключались главные признаки того движенія, крайнимъ выраженіемъ котораго была Французская

Революція. Во всемъ этомъ было видно такое анархическое состояніе, такое крайнее разстройство всего общества, которое дѣлало несомнѣнною близость какой нибудь сильной катастрофы. Наконецъ, когда все было готово для взрыва, извѣстіе объ американскомъ возстаніи упало искрою на эту удобовоспламѣняющуюся массу, и зажгло пламя, опустошительное дѣйствіе котораго не прекращалось до тѣхъ поръ, пока не уничтожило все, что было когда либо дорого Французамъ, оставивъ на поученіе человѣчеству страшный примѣръ тѣхъ преступленій, до которыхъ можетъ быть доведенъ великодушный и долготерпѣливый народъ постоянными притѣсненіями.

Вотъ бѣглый очеркъ того взгляда на причины Французской Революціи, который я вынесъ изъ моихъ занятій этимъ предметомъ. Чтобы я привелъ въ извѣстность всѣ до одной причины, этого нисколько не предполагаю, но, мнѣ кажется, всякій найдетъ, что я не пропустилъ ни одной важной причины. Правда, конечно, что въ матеріалахъ, изъ которыхъ сложены мои доводы, можетъ оказаться много недостатковъ, и что болѣе долгій трудъ былъ бы увѣнчанъ большимъ успѣхомъ. Всѣ эти неполноты я самъ глубоко чувствую и могу только пожалѣть, что необходимость перейти на еще болѣе обширное поле вынудила меня оставить столь многое на долю будущихъ изслѣдователей. Въ то же самое время, не должно забывать, что это первая, сдѣланная когда либо, попытка изучать обстоятельства предшествовавшія Французской Революціи, по такому обширному плану, который обнималъ бы и всѣ явленія умственной жизни націи. Вопреки здравой философіи, и, можно сказать, вопреки простому здравому смыслу, историки упорно продолжаютъ пренебрегать тѣми великими отраслями естествознанія, по которымъ, въ каждой цивилизованной странѣ, можно яснѣе всего судить о дѣятельности человѣческаго ума и слѣдовательно легче всего узнавать складъ мыслей каждаго народа. Въ результатѣ оказывается, что Фран-

цузская Революція безспорно самое важное, самое сложное и самое поучительное событіе во всей исторіи, оставлена была на произволъ писателей, изъ которыхъ многіе проявили значительный талантъ, но всѣ оказались неполучившими того предварительнаго научнаго образованія, безъ котораго невозможно понять духъ какого нибудь періода или окинуть широкимъ взглядомъ его различныя части. Приведемъ только одинъ примѣръ. Мы видѣли, что необыкновенный толчокъ, сообщенный изученію внѣшняго міра, имѣлъ тѣсную связь съ тѣмъ демократическимъ движеніемъ, которое ниспровергло учрежденія Франціи. Но эту связь историки не въ состояніи были прослѣдить, потому что имъ не были извѣстны успѣхи различныхъ отраслей естественной философіи и естественной исторіи. Вотъ почему они представили свой важный предметъ въ какомъ-то искаженномъ, обезображенномъ видѣ, лишенномъ тѣхъ размѣровъ, которые онъ долженъ былъ бы имѣть. Слѣдуя такому плану, историкъ нисходитъ до значенія лѣтописца; такъ, что вмѣсто того, чтобы разрѣшать задачу, онъ только рисуетъ картину. И такъ, не умаляя заслугъ тѣхъ трудолюбивыхъ людей, которые собрали матеріалы для исторіи Французской Революціи, мы можемъ съ достовѣрностью сказать, что самая исторія еще не была писана; ибо люди, принимавшіеся за это дѣло, не располагали такими средствами, которыя дали бы имъ возможность видѣть въ этомъ событіи не болѣе какъ одну изъ частей того гораздо обширнѣйшаго движенія, которое было замѣтно повсюду—въ наукѣ, въ философіи, въ религіи, въ политикѣ.

Сдѣлалъ ли я или нѣтъ что нибудь дѣйствительно важное, для исправленія такого недостатка, — составляетъ вопросъ, подлежащій разрѣшенію свѣдущихъ судей. Я увѣренъ по крайней мѣрѣ въ одномъ, что какія бы ни были замѣчены несовершенства въ моемъ трудѣ, причина ихъ заключается не въ принятомъ мною методѣ, а въ чрезвычайной трудности, для одного человѣка, выполнить въ совершенствѣ всѣ

части такого обширнаго плана. Съ этой стороны, и только съ этой одной, я нуждаюсь въ большомъ снисхожденіи; за самый же планъ я нисколько не опасаюсь; я глубоко убѣжденъ, что уже очень недалеко то время, когда исторія человѣка займетъ свойственное ей мѣсто, когда изученіе ея будетъ признано самымъ благороднымъ и самымъ труднымъ изъ всѣхъ занятій, и когда всѣ ясно увидятъ, что для успѣшной разработки этого предмета, необходимо обладать обширнымъ, многостороннимъ умомъ, щедро снабженнымъ свѣденіями по всѣмъ высшимъ отраслямъ человѣческаго знанія. Когда всѣ вполнѣ сознаютъ это, то исторію будутъ писать только тѣ, которымъ по силамъ подобная задача, и она будетъ исторгнута изъ рукъ біографовъ, генеалоговъ, собирателей анекдотовъ, лѣтописцевъ дворовъ, государей и вельможъ, — изъ рукъ этихъ пустыхъ болтуновъ, которые, засѣвъ на всѣхъ перекресткахъ, дѣлаютъ небезопасною эту общественную дорогу нашей національной литературы. Что такіе компиляторы выходятъ такъ далеко изъ свойственной имъ сферы. и думаютъ, что такимъ образомъ они могутъ пролить новый свѣтъ на дѣла человѣческія, это одно изъ доказательствъ того, въ какомъ отсталомъ состояніи находится до сихъ поръ наше знаніе, и какъ неясно еще обозначены его предѣлы. Если я сколько нибудь способствовалъ поколебанію довѣрія къ подобнымъ притязаніямъ, и если я заставилъ историковъ проникнуться сознаніемъ достоинства ихъ призванія, то я этимъ оказалъ уже кое-какую услугу, и буду очень доволенъ, хотя бы и сказали, что во многихъ случаяхъ, мнѣ не удалось выполнить то, что было первоначально предположено мною. И дѣйствительно, что въ этомъ томѣ найдется нѣсколько случаевъ такихъ неудачъ, я охотно соглашаюсь съ этимъ, и могу только привести въ свое оправданіе громадность самаго предмета, недостаточность, для изученія его, жизни одного человѣка, и несовершенство вообще всякаго одиночнаго труда. Вотъ почему я хочу, чтобы су-

дили о моемъ сочиненіи не по большей или меньшей оконченности отдѣльныхъ частей его, а по тому пути, который я избралъ для сліянія этихъ частей въ одно полное, стройное цѣлое. На это, — по самой уже новости и обширности предпринятаго мною дѣла, — я имѣю нѣкоторое право. Но я хочу еще прибавить, что если читатель встрѣтилъ у меня мнѣнія, несогласныя съ его мнѣніями, то онъ долженъ помнить, что быть можетъ и я когда нибудь имѣлъ также его взгляды, но оставилъ ихъ, когда убѣдился, путемъ болѣе обширнаго изученія, что такія воззрѣнія не подтверждаются основательными доводами, противны интересамъ человѣчества и гибельны для успѣховъ его знанія. Подвергать критикѣ понятія, въ которыхъ мы были воспитаны, и отлагать въ сторону тѣ изъ нихъ, которыя не выдерживаютъ этой критики, есть такое грустное дѣло, что тому, кто избѣгаетъ этого страданія, слѣдуетъ подумать прежде, чѣмъ осуждать того, кто подвергся ему. Высказанныя мною взгляды могутъ, безъ сомнѣнія, быть ошибочны, но они составляютъ, во всякомъ случаѣ, результатъ честнаго исканія истины, добросовѣстнаго труда, терпѣливаго, внимательнаго размышленія. Выводы, къ которымъ приходятъ такимъ путемъ, не ниспровергаются однимъ утвержденіемъ, что они опасны для какихъ нибудь другихъ выводовъ; ихъ не могутъ даже поколебать доводы противъ ихъ предполагаемаго направленія. Защищаемые мною принципы основаны на ясныхъ доказательствахъ и подкрѣплены вполнѣ изслѣдованными фактами. Поэтому остается только рѣшить, хороши ли доказательства и достовѣрны ли факты. Если оба эти условія выполнены, то этимъ неизбѣжно подтверждаются и самые принципы. Доказательства, приведенныя въ настоящемъ томѣ, по необходимости неполны, и читатель долженъ отложить свое окончательное сужденіе до конца этого введенія, когда предметъ будетъ представленъ ему со всѣхъ сторонъ. Остальная часть введенія будетъ содержать, какъ я уже упо-

миналъ, изслѣдованіе цивилизацій Германіи, Америки, Шотландіи и Испаніи, изъ которыхъ каждая представляетъ особый типъ умственнаго развитія и потому шла особымъ путемъ въ своей религіозной, научной, соціальной и политической исторіи. Причины этихъ различій я постараюсь привести въ извѣстность. Затѣмъ, мы обобщимъ самыя эти причины и, подведя ихъ подъ извѣстныя, общія всѣмъ имъ начала, получимъ такимъ образомъ то, что можно назвать основными законами европейской мысли, такъ какъ несходство между различными странами, зависитъ или отъ направленія, принимаемаго этими законами, или отъ сравнительной силы ихъ дѣйствія. Открыть эти основные законы будетъ задачею введенія; въ главной же части сочиненія, я буду прилагать эти законы къ исторіи Англіи и попытаюсь, съ помощью ихъ, выработать тѣ эпохи, чрезъ которыя мы послѣдовательно проходили, опредѣлить основанія нынѣшней цивилизаціи нашей, и указать, какой путь ей предстоитъ въ будущемъ.

Конецъ перваго тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ I ТОМА.

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

Стран.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

ГЛАВА XI.

ГЛАВА XII.

ГЛАВА XIII.

ГЛАВА XIV.

